

ПОТЕРЯННЫЙ РАЗУМ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей КАРА-МУРЗА

ЭКСМО

Сергей КАРА-МУРЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПОТЕРЯННЫЙ РАЗУМ

Россия в обвале.
Кризис сознания,
и прежде всего —
интеллигенции.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей КАРА-МУРЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПОТЕРЯННЫЙ РАЗУМ

МОСКВА

«АЛГОРИТМ»

---

2 0 0 5

Оформление художника *А. Новикова*

Кара-Мурза С. Г.
К 21 Потерянный разум. — М.: Изд-во Эксмо; Изд-во Алгоритм, 2005. — 736 с.

ISBN 5-699-09895-X

Тяжелый кризис в России выразился в глубоком поражении общественного сознания, в нарушении логики и способности «измерять» социальные явления. В ходе перестройки и реформы против населения применялись столь сильные технологии манипуляции сознанием, что произошел срыв и был запущен цепной процесс утраты навыков логических умозаключений. Отход от норм логического мышления стал одной из важнейших общенациональных проблем. Сильнее и нагляднее всего это проявляется в рассуждениях властной элиты и образованного строя страны. Людей с более низким уровнем образования пока что держит здравый смысл и традиции.

В новой книге известного политолога дается классификация дефектов мышления и их проявлений при трактовке главных проблем, стоящих перед обществом. В вопросе о путях преодоления этого кризиса автор придерживается взгляда, что «починка» сознания пойдет не через сдвиг к постмодернизму, а через восстановление методов и норм мышления, выработанных Просвещением — с их необходимой модернизацией, но без отрыва от главного ствола рациональности Нового времени.

**УДК 32
ББК 66.0**

Введение

В 1992 г., еще в дыму и грохоте разрушения, я написал книжку «Интеллигенция на пепелище России». О том, как начиная с 60-х годов вызревали главные идеи перестройки в умах честной и бескорыстной части нашей интеллектуальной элиты, — и что оказалось на поверку, когда этот ее проект начал воплощаться в жизнь. Пусть пока лишь в основных его чертах — но они проявились тогда уже вполне определенно. Потом эта книга переиздавалась, поменьше в ней стало эмоций, побольше размышлений, но главного изменять не пришлось. И в Курган-Тюбе, и в Грозном, и в Сухуми — везде лишь догорало то, что подожгли в 1990 — 1991 гг. Что же менять?

Сейчас уже задубели чувства — молодой предприниматель бесстрастно смотрит, как старик, его бывший учитель, копается в мусоре. А в 1993 г. это было еще в диковинку, и другой молодой предприниматель при этом же зрелище заплакал, а потом с ним была истерика. Был такой эпизод, и видно, что мы не стоим на месте, меняемся. Как говорится, реформа на марше.

Что будет еще через десять лет — посмотрим. Те, кто доживет. А сегодня надо воспользоваться тем редким моментом, что все мы зажали чувства в кулак и можем взглянуть в недавнее прошлое хладнокровно, как математики. Подвести дебет-кредит, пощелкать костяшками счетов. Пятнадцать лет! С чем подошли к юбилею эти наши интеллектуальные легионы антисоветской революции?

Как известно, революция — праздник угнетенных. В данном случае — каких же угнетенных праздник? Партийной номенклатуры вроде Е. Гайдара и А. Н. Яковлева, части художественной элиты и воров. Одних угнетала уравнилельная советская идеология, других цензура, запрещавшая показывать на сцене голый зад, третьих — Уголовный кодекс РСФСР. Все они радуются сегодня вполне здраво и разумно. Но за ними стоят миллионы тех, кто составлял нашу «трудовую интеллигенцию». Именно она подняла на своих плечах и посадила нам на шею Гайдара под ручку с Боннэр и Абрамовичем.

Когда я писал книгу «Интеллигенция на пепелище России», я как будто непрерывно разговаривал с множеством своих друзей и знакомых — честных и хороших людей, интеллигентов, которые с энтузиазмом поддерживали перестройку. Я предложил моему воображаемому собеседнику-интеллигенту вспомнить главные постулаты перестройки и реформы. То есть те главные благородные цели, которые вынашивала интеллигенция, поддерживавшая переворот. Я предложил *назвать* эти цели-постулаты, а потом честно оглянуться вокруг и сказать вслух, что же произошло с каждым постулатом в действительности. Ведь если произошло нечто противоположное, то, значит, ты или трагически ошибся — или тебя обманули самым ужасным образом. Ты должен предупреждать людей. Остановитесь, тут или ошибка, или обман!

В той книжке мне не приходилось изощряться — все идеи перестройки были еще у всех на языке, все они были заявлены открыто. Более того, они с самого начала 60-х годов буквально вынашивались в кухонных дебатах, у костра в экспедиции, за чаем в лаборатории. Тут спорить было не о чем, все знали, чего желала интеллигенция. А что получилось, у каждого было перед носом, не приходилось ни в статистике копать, ни данные социологов изучать. Так что проблема была только в том, чтобы взглянуть в лицо правде и сказать вслух и честно, что мы видим и как это соотносится с тем, к чему призывали народ. А потом уже делать личный выбор: или ты признаешь ошибку, совершенную по твоей глупости, и рвешь с программой «реформаторов» — или продолжаешь с ними идти. Обе позиции можно понять, а первую даже приветствовать. Но и вторая позиция — дело житейское, у многих своя рубашка ближе к телу.

Патологией является третий путь: и ужасную действительность видишь, и ее дикое расхождение с увлекшими тебя лозунгами видишь, и косточки тебе никакой не кинули — а ты все равно идешь за Хакамадой или Слисской и кричишь: «Я требую приватизации земли и жилищно-коммунальной реформы!» А ведь таких у нас много!

Эта новая книга — продолжение того разговора. Но не по всему кругу поднятых тогда вопросов, а по одной, более узкой теме, которая, однако, прямо касается всех интеллигентов, всех людей умственного труда. Речь идет о том, что произошло в ходе перестройки и реформы с той частью нашей духовной сферы, которую можно обозначить общим понятием *рациональное сознание*.

Разум и мышление человека — едва ли не главная проблема философии. В XX веке она стала актуальной в практическом и

конкретном плане, как проблема рациональности, ее границ, устойчивости и сбоев, отказов. Все виднейшие философы последнего столетия под разными углами зрения рассматривали эту проблему. Объясняется это тем, что индустриальная цивилизация, интеллектуальные основы которой были заложены Просвещением и Научной революцией, сформировалась именно как цивилизация рациональная, взявшая за матрицу познания, образования, мышления и общения научный метод. Будучи во все времена одним из «формообразующих принципов» жизни человека, в последние столетия рациональность вышла на первый план, оттеснив иные способы осмысления мира (например, религию, традицию или художественное чувство).

Однако в XX веке индустриальная цивилизация втягивается в глубокий кризис, одним из проявлений которого стали частые и массовые отказы и срывы рационального сознания, а также поразительная беззащитность массового сознания против манипуляции. Говорят даже, что одним из главных противоречий человеческого общества является столкновение иррационального с рациональным. История XX века показала это самым драматическим образом. Труднодостижимым случаем отказа рациональности стал соблазн фашизма, которому поддался очень разумный и рассудительный народ. Без таких чудовищных проявлений, но сходным по глубине спада рациональности случаем можно считать катастрофу СССР — России.

Об этом отказе и будет идти речь в данной книге. Сейчас, после 15 лет наблюдений, мы можем дать хотя бы описание этого странного кризиса в сознании нашего большого культурного народа. Описание еще не есть объяснение и тем более не предписание курса лечения. Но оно — необходимый шаг на этом пути. В описании уже есть ростки гипотез и первое упорядочение того потока больших и малых явлений в сфере сознания, который всех нас оmyвает.

Очертим контуры нашего объекта. О какой рациональности будет идти речь? Философы грызут эту тему с разных сторон — в книге 1986 г. дано 21 определение рациональности разных типов (обзор темы дает П. П. Гайденко¹). Нам весь этот спектр не нужен, мы будем говорить о той рациональности, которая по своему «размеру» соизмерима с самыми жгучими вопросами, что ставит перед нами наш нынешний кризис. Это «рациональность для нашей жизни».

Более того, мы будем говорить о той рациональности, кото-

---

¹ Гайденко П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // «Вопросы философии», 1991. № 6.

рая соответствует принципу «живи и давай жить другим». То есть о рациональности «для жизни народа». Это важная оговорка, потому что, как только заводишь речь о том, что важные утверждения, скажем, Горбачева или Ельцина неадекватны нормам рациональности, на это обычно следует ответ: а у них своя рациональность. А дальше следуют уточнения в зависимости от политической позиции. Патриот скажет, что Горбачев хотел развалить СССР и действовал рационально, либерал-западник скажет, что Горбачев хотел уничтожить империю зла и действовал рационально. Но мы не будем говорить о скрытых целях и «читать в сердцах», мы говорим о рассуждениях, которым поверили люди. А говорили нам об «ускорении», о свободе и социальной справедливости, о расцвете культуры и науки, о богатых советских фермерах на тракторах с кондиционированным воздухом — вот в этих интеллектуальных конструкциях концы с концами не вязались. А большинство этого не заметило и пошло за Горбачевым, а потом за Ельциным. Об этом и будет речь.

Кроме того, в той «рациональности для жизни», о которой будет идти речь, мы учитываем временной диапазон. Будем считать рациональными те рассуждения и решения, которые позволяют народу обеспечить себе *долгую* жизнь. Поэтому хитрость соблазнитель, диверсантов и расхитителей народной собственности, позволяющая им достигнуть своих целей, нас интересовать не будет. Да, ее можно признать рациональностью, но специфической рациональностью паразита — пусть ее изучают криминалисты, мы ее учтем, но говорить будем о главном массиве.

Возьму из обзора П. П. Гайдено то, что прямо относится к материалу книги. Кант в своем подходе к проблеме выделил три уровня познания и осмысления: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления».

Рассудок, в его схеме, организует опыт посредством правил, а разум организует добротный сырой материал, обработанный рассудком, — «сводит многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов». В этой книге мы не будем касаться чувств, а будем обсуждать работу рассудка и разума. Уровень рационального мышления, который нас интересует, это обработка исходного материала созерцания реальности рассудком и последующее действие разума, приводящее к принципиальным выводам. В этих операциях и происходит больше всего сбоев и отказов.

Кант различает два «среза» в применении разума — формальный (логический) и реальный (трансцендентальный). При логическом применении разума используется его способность произ-

водить *умозаключения*, делать конкретные выводы. Реальное применение использует способность разума производить понятия высокого уровня, рождать трансцендентальные идеи, высшие принципы.

Мы будем в этой книге говорить о более простой вещи — формальном, логическом применении разума. Конечно, трансцендентальные идеи можно высказывать и вопреки логике и ясным умозаключениям — так и поступают пророки. Но пророки не живут в своем отечестве, а нас сейчас интересует именно мышление нас самих и наших близких людей, граждан нашего отечества, с которыми мы все вместе переживаем трудные времена.

В реальной жизни, тем более в условиях кризиса, мы не имеем времени и сил для того, чтобы делать сложные многоступенчатые умозаключения по большинству вопросов, с которыми сталкиваемся и по которым должны определить свою позицию. Как же мы справляемся с этой задачей? С помощью *интуиции* и *здорового смысла*. И то и другое — инструменты рациональности. С интуицией, однако, многое неясно, да и в тех жизненных ситуациях, о которых идет речь в книге, вполне можно обходиться без неуловимых предчувствий и гениальных прозрений. Достаточно у нас для принятия разумных решений и информации, и опыта. Так что главное подспорье логическим рассуждениям и умозаключениям в нашей жизни сейчас — *здоровый смысл*. Проблема его применения или его отказа также составляет предмет данной книги.

Судя по многим обсуждениям, в среде высокообразованных людей здравый смысл ценится невысоко, они ставят его куда ниже, чем развитые в науке приемы теоретического знания. Возможно, в благополучные времена такое их отношение и может быть оправдано, но в условиях той неопределенности, которую порождает кризис, роль здравого смысла, на мой взгляд, резко возрастает. В условиях кризиса у нас мал запас прочности, очень слабые тылы, а значит, мы вынуждены в нашей стратегии ориентироваться не на максимизацию выгоды, а на минимизацию ущерба. Теоретическое научное знание может привести к блестящему, наилучшему решению, но чаще ведет к полному провалу — если из-за недостатка средств (информации, времени и пр.) человек привлек негодную для данного случая теорию. Здравый смысл не настроен на выработку блестящих, оригинальных решений, но он надежно предохраняет против *наихудших* решений. Вот этого нам сегодня очень не хватает.

Когда научное мышление стало теснить и принижать здравый смысл, на его защиту выступили философы разных направ-

лений (например, А. Бергсон и А. Грамши). Приведу несколько замечаний А. Бергсона, которые кажутся созвучными тому пониманию здравого смысла, из которого я исходил в этой книге.

Он говорит перед студентами, победителями университетского конкурса, в 1895 г.: «Повседневная жизнь требует от каждого из нас решений столь же ясных, сколь быстрых. Всякий значимый поступок завершает собою длинную цепочку доводов и условий, а затем раскрывается в своих следствиях, ставящих нас в такую же зависимость от него, в какой находился он от нас. Однако обычно он не признает ни колебаний, ни промедлений; нужно принять решение, поняв целое и не учитывая всех деталей. Тогда-то мы и вызываем к здравому смыслу, чтобы устранить сомнения и преодолеть преграду. Итак, возможно, что здравый смысл в практической жизни — то же, что гений в науках и искусстве...

Сближаясь с инстинктом быстротой решений и непосредственностью природы, здравый смысл противостоит ему разнообразием методов, гибкостью формы и тем ревнивым надзором, который он над нами устанавливает, оберегая нас от интеллектуального автоматизма. Он сходен с наукой своими поисками реального и упорством в стремлении не отступать от фактов, но отличен от нее родом истины, которой добивается, ибо он направлен не к универсальной истине как наука, но к истине сегодняшнего дня...

Я вижу в здравом смысле внутреннюю энергию интеллекта, который постоянно одолевает себя, устраняя уже готовые идеи и освобождая место новым, и с неослабевающим вниманием следует реальности. Я вижу в нем также интеллектуальный свет от морального горения, верность идей, сформированных чувством справедливости, наконец, выпрямленный характером дух... Посмотрите, как решает он великие философские проблемы, и вы увидите, что его решение социально полезно, оно проясняет формулировку сути вопроса и благоприятствует действию. Кажется, что в спекулятивной области здравый смысл вызывает к воле, а в практической — к разуму»¹.

Итак, вот главные блоки той рациональности, о которой будет идти речь: здравый смысл, рассудок и разум в его формальном, логическом применении. Таким образом, рациональность в нашем обсуждении будет выступать прежде всего как метод, «технология» мышления, а не как *содержание* идей, позиций и установок.

---

¹ Бергсон А. Здравый смысл и классическое образование // Вопросы философии, 1990. № 1.

В своем обзоре П. П. Гайденок излагает такую трактовку понятия рациональности, которую развивает в своих трудах К. Хьюбер. Он выделяет четыре составляющих рациональности: логическую, эмпирическую, оперативную и нормативную. Все они действуют независимо от содержания. Хьюбер пишет: «Рациональность выступает всегда в одинаковой форме, а именно: *семантически* — как тождественное фиксирование правил определенного смыслового содержания (в чем бы оно ни состояло); *эмпирически* — как применение всегда одинаковых правил объяснения (к чему бы они ни относились); *логически-оперативно* — как применение расчета (калькуляции) (как бы его ни истолковывать); *нормативно* — как сведение целей и норм к другим целям и нормам (какое бы содержание в них ни вкладывалось). Рациональность, следовательно, есть нечто *формальное*. Она относится только к уже положенному содержанию»¹. Примерно в этом смысле и применяется понятие рациональности в книге.

События, способ осмысления которых обсуждается в книге, разыгрываются как драма нашего народа. По отношению к этой драме наш народ в существенной мере оказался расколот. Сам я не принял и не принимаю того изменения всего нашего устройства, которое со скрипом и массовыми страданиями пытаются совершить в течение вот уже почти двадцати лет. В книге я делаю упреки, часто резкие, той части нашего общества, прежде всего высокообразованной части, которая поддержала это изменение (реформу). Но эти упреки совершенно не касаются *содержания* позиции этих людей, их ценностей или веры. Главная мысль книги заключается в том, что в своих рассуждениях, обобщениях и выводах эта часть нашей интеллигенции (назовем ее условно «либеральная интеллигенция») допустила целый ряд фундаментальных ошибок. В результате этих ошибок были сделаны ложные выводы и приняты неверные практические решения.

Причиной этих ошибок было нарушение важнейших норм рациональности. Однако вместо рефлексии, анализа этих ошибок и «починки» инструментов разумного мышления произошел срыв и возник порочный круг: эти ошибки побудили к дальнейшему и радикальному отходу от норм рациональности, в результате чего общество погрузилось в тяжелейший кризис. Если бы наша либеральная интеллигенция исходя из тех же постулатов (содержания своей веры и своих ценностей) вела свои рассуждения согласно правилам и нормам здравого смысла и логического мышления, сверяла бы каждый промежуточный вывод с реальностью, анализировала ошибки, допущенные на предыдущем

---

¹ Гайденок П. П. Проблема рациональности. С. 9.

шаге, то мы могли бы избежать фатальных ошибок и найти разумный компромисс между идеалами и интересами разных частей общества. Избежать нынешних страданий было возможно.

Конечно, отделение инструментальной, технологической части рациональности от содержательной — задача непростая. Когда речь идет о социальной драме, трудно остаться беспристрастным и не привнести в описание конкретных событий своих оценок, не затронуть содержания постулатов и выводов тех, кто, на мой взгляд, допустил ошибки в технике мышления. Но в принципе такой подход к рациональности правомерен, и если читателю предлагаемые в книге «учебные задачи» покажутся полезными, он сможет «отфильтровать» эмоции и идеалы.

Мы должны, наконец, определить временные координаты той рациональности, о которой ведем речь. Существовала ли она всегда как данное природой свойство человеческого разума — или возникла в конкретный исторический момент? Насколько мы знаем из истории психологии сознания, эта рациональность существовала не всегда. Она порождена Научной революцией, а затем большой программой Просвещения — в XVI — XVIII веках в Европе. Это особый тип рациональности — «рациональность Просвещения». До этого нормы рациональности задавались структурами мифологического и религиозного мирозерцания, а в ходе Просвещения господствовать в сознании образованной части общества стали нормы познания, мышления и объяснения, разработанные в лоне *науки*. Пралогический тип мышления, при котором люди видели в явлениях окружающей жизни мистическое действие потусторонних или земных сил, сменился (хотя и не полностью) мышлением логическим, с выявлением причинно-следственных связей и построением связанных *умозаключений*.

Логическое мышление — сравнительно недавний продукт культурной эволюции человека. Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, как предполагает Шопенгауэр, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим».

Навыки умозаключений люди приобретают частью стихийно — через чтение и общение друг с другом, но главное, этим навыкам стали учить в школе и университете как умениям любого другого мастерства.

Однако Просвещение было не просто усовершенствованием существовавших до него способов употребления разума. Это был большой проект, имевший идеальные цели и ставивший перед обществом и человеком большие задачи. Этот проект во многом

определил ход развития индустриальной цивилизации и судьбы мира.

Что касается *содержания* этого проекта, то не все идеи, положенные в его основание, оказались верными. Некоторые очень важные установки Просвещения оказались несовместимы с представлениями о мире и человеке, сложившимися в незападных культурах. Например, гуманизм Просвещения, представляющий человека свободным, изолированным индивидом («атомом»), несовместим с пониманием человека в русской культуре («соборная личность»). Здесь об этом нет смысла говорить, ибо наша тема — не содержание различных частей проекта и идеологии Просвещения, а выработанная им рациональность, «технология» применения разума.

Стоит только, пожалуй, заметить, что эта «технология», став частью идеологии, испытала на себе и негативное воздействие последней (как это произошло и с наукой). Поэтому, воспринимая рациональность Просвещения как метод, интеллигенция России должна была тщательно отфильтровывать идеологические компоненты *рационализма*. Они заключались в абсолютизации разума, в подавлении ряда важных средств познания — рациональных, но «неявных» (таких, как, например, традиция и здравый смысл), в устранении того контроля, которым для рационального сознания служат нравственные ценности. А главное, для нас была неприемлема абсолютизация того разума, который на деле отражал мировоззрение и интересы господствующего меньшинства (конкретно — *буржуазии*), скрывал социальные противоречия и конфликты интересов — и доводил их до революций и войн.

Это давление идеологии Просвещения уже на ранних стадиях развития западной цивилизации послужило источником тяжелых кризисов, а для незападных культур и народов — и причиной катастроф. Об одном таком кризисе рационализма пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Мы видели, каким образом подготавлившие революцию французские философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа.

И вот, когда Французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности, по

сравнению с предыдущим строем отнюдь не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории, а в конце концов под крылом наполеоновского деспотизма. Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн»¹.

Понятно, что абсолютизация разума как «единственного судьи» в сложной реальности общественной жизни в любом обществе ведет к тяжелым кризисам, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что прямая предпосылка к кризису создается из-за того, что эта абсолютизация, продукт идеологии, ведет к «порче» инструментов рациональности. А это и позволяет господствующему меньшинству навязывать решения, отвечающие его скрытым интересам и оплачиваемые кровью и страданиями большинства, потерявшего способность к рациональным умозаключениям.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20, с. 267.

Глава 1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ: ОТХОД ОТ НОРМ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

В истории бывали периоды *смут*, когда элита стран даже с высокой культурой вдруг впадала в состояние интеллектуальной патологии. В сознании как будто «портились» инструменты логических рассуждений, терялись навыки выявления причинно-следственных связей, проверки качества собственных умозаключений. Люди переставали различать главные категории, употребляемые в ходе принятия решений (например, категории цели, ограничений, средств и критериев). Они с трудом могли разумно применить *меру* — прикинуть в уме «вес» разных явлений, масштаб проблемы и наличных ресурсов для ее решения.

Советский период, в течение которого основанное на научном методе школьное образование охватило все общество, означал огромный шаг к тому, чтобы рациональное сознание и нормы Просвещения овладели массовым обыденным сознанием. Этот процесс был сорван перестройкой и реформой, а потом произошел быстрый откат, архаизация сознания.

Конечно, аналогичные процессы наблюдаются и на Западе. Там это уклончиво называют *постмодернизмом* — мягким и постепенным отходом от норм Просвещения, лежавших в основе рациональности индустриальной цивилизации. В России же альтернативный Западу проект, берущий начало в Просвещении, был в развитой форме представлен в советском строе, а он потерпел поражение в «холодной войне». Культурное ядро «побежденного» проекта разрушалось радикально, с огромным перебором, и его обломки не укладываются даже в структуры постмодерна — мы имеем просто *антимодерн*, регресс вплоть до мышления дологического, шаманского типа.

Есть и другой внешний фактор, углубляющий наш кризис. Во время стратегического противостояния с блоком США советское руководство, идеологическая система СССР, а за ними и общество в целом мыслили и рассуждали «по-своему». Им не приходилось подлаживаться к своему противнику и имитировать его — напротив, образ мыслей, слова и дела должны были быть *альтернативой*. Уже в годы перестройки началась «конвергенция», наша правящая элита и СМИ стали «учиться» у элиты и

СМИ США, подражать им. При этом мы «заразились» многими вещами, не имея того иммунитета или противоядий, которыми обладает элита США, культивирующая у себя эти болезни вполне сознательно как средство *манипуляции сознанием*.

Это прямо относится к рациональности. Во второй половине XX века манипуляция сознанием стала одним из важнейших средств господства США и внутри страны, и во внешней политике. Для нее выработаны изощренные, разработанные в лабораториях технологии. Часть этих технологий имеет в прямом смысле слова характер боевых средств, они применяются в психологической войне. Одним из таких средств является, как это ни парадоксально звучит, *сознательная иррациональность*. Этот инструмент политического постмодерна уже стал фактором роста напряженности в мире, в том числе в сфере сознания.

Н. Хомский обращает внимание на эти установки, предложенные в исследовании Стратегического командования США в 1995 г. и вошедшие в «Основные положения доктрины сдерживания после холодной войны»¹. Авторы исследования считают, что США должны использовать свой ядерный потенциал, чтобы «в случае, если их жизненно важные интересы поставлены под угрозу, выставить себя в роли иррациональной и мстительной страны». Как сказано, «это должно быть частью нашего образа как нации, который мы демонстрируем нашим противникам... Представлять себя абсолютно рациональным и хладнокровным — значит оскорблять себя... Тот факт, что некоторые элементы [американской государственной машины] могут казаться потенциально «неконтролируемыми», способен принести выгоду; ведь это только вселит страх и сомнения в умы тех, кто принимает решения на противоположной стороне баррикады».

Эта доктрина родилась не после «холодной войны». Н. Хомский пишет: «Этот доклад воскрешает никсоновскую «теорию сумасшедшего»: наши враги должны осознавать, что мы безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле»².

---

¹ Хомский Н. Государства-изгой. Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003. С. 29.

² Кстати, на этом фоне замечательно выглядят те дифирамбы, которые тогда пел А.Д.Сахаров разуму и ответственности США. В телеграмме Картеру в 1976 г. он пишет: «Я уверен, что исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей» (Сахаров А. Тревога и надежда. Нью-Йорк: Хроника, 1978). Правда, во второе издание этого сборника, вышедшее в 1991 г. в Москве (изд-во «Интер-Версо»), эта телеграмма не включена.

Правда, и советники Никсона неоригинальны. По словам Н. Хомского, эта концепция была принята уже в середине 50-х годов в Израиле правящей Партией труда, лидеры которой «проповедовали необходимость актов безумия», что отмечал в своем дневнике премьер-министр Моше Шаретт.

Самое опасное здесь в том, что, как отмечено во всех исследованиях манипуляции сознанием, со временем и сами манипуляторы подпадают под действие своих технологий, и их сознание действительно деформируется. Маска «сумасшедшего с бритвою в руке» все сильнее влияет на тип мышления. Еще сильнее это сказывается на тех, кто учится у этих манипуляторов. Маска становится их лицом.

Много было уже сказано о том, какие «инструменты мышления» были злонамеренно испорчены манипуляторами во время перестройки и реформы. Это прежде всего язык — язык слов и чисел. Наш ум заполнили ложными именами, словами, смысл которых менялся и искажался до неузнаваемости. Говорили «демократия» — и расстреливали парламент. Говорили «священная собственность» — и воровали сбережения целого народа, а потом и вообще все его достояние. Говорили «права человека» — и делали нас абсолютно беззащитными против подонков и хамов, захвативших деньги и власть. Когда важнейшие слова так испорчены, трудно тянуть мысль и трудно вести разговор.

Но испорчены были не только слова, но и фразы — словесные конструкции, передающие информацию и мысль. Речь ответственных людей в ответственный момент стала настолько невнятной и бессвязной, что за этим нетрудно было видеть отсутствие связной мысли. Эти люди или по каким-то причинам стремились речью замаскировать свои истинные мысли, или у них по каким-то причинам была утрачена способность вырабатывать связные мысли. Скорее всего, обе эти причины вошли в диалектическое взаимодействие и породили кооперативный эффект разрушения рациональности *мышления* и рациональности *сообщения*.

В связи с тем, как шло в Госдуме обсуждение одного из законопроектов, вызвавшего волнение в общества (замена льгот денежными компенсациями), В. Глазычев писал: «Так уж у нас повелось, начиная с и.о. премьера Гайдара, что власть выражает себя крайне невразумительно. Дело не столько в том, что Гайдар обладает не самой счастливой дикцией, сколько в его — и многих его коллег — убежденности, что птичий язык представляет собой высшую форму коммуникации. Черномырдин потратил все силы на вытеснение из речи ненормативной лексики, но, если не считать восхитительных афоризмов, внятностью говорения похвастаться не может. Кириенко говорил вроде бы понят-

но, но так быстро и так настойчиво, что уж только этим вызывал у слушателей подозрительность. Что бормотал про себя Примаков, понять было решительно невозможно — запомнилась лишь манера повторять окончания фраз по два раза, что убедительности речам не добавляет. Роскошный баритон Касьянова, напротив, порождал у слушателя столь сильное эстетическое переживание, что уловить смысл было трудно. Фрадков говорить на публику только учится. Слышит ли Миронов то, что сам же говорит, неясно. У Грызлова, Жукова, Грефа, Кудрина или Зурабова с дикцией порядок, но и только. Один лишь Фурсенко натурально, естественно внятен, но он погоды не делает. Один Чубайс способен говорить и жестко, и понятно, но он, отойдя от публичной политики, избрал молчание».

Он предложил, среди прочих, и такое материалистическое объяснение этому явлению: «Объективная противоречивость ситуации, помноженная на внутреннюю конфликтность целей и возведенная в квадрат за счет разногласии лоббистских устремлений множества групп, не позволяет добиться структурности содержания каких бы то ни было программ. Отсутствие структурной цельности по сути неминуемо проявляется в форме изложения, что, кстати, наглядно отразилось в недавнем Послании президента»¹.

Это объяснение отдает фатализмом: да, реформа создала хаос в реальности, с этим хаосом не справилось сознание, оно утратило способность вырабатывать связные мыслительные конструкции (умозаключения), чтобы эту реальность описать и осмыслить, и это выразилось в бессвязности изложения. Мы, мол, живем в таком сущем, которое неразумно, а потому и сами неразумны. Для публицистики это прием хороший, а на деле человеку для того и дан разум, чтобы овладевать хаосом реальности. И если в этом овладении мы сегодня несостоятельны, то именно потому, что в течение достаточно длительного времени наши инструменты мышления подвергались эрозии, порче.

Перестройка стала открытой фазой, этапом радикальной порчи, почти разрушения. О ней и будем говорить, имея в виду, что этой открытой фазе предшествовала довольно длительная предыстория. Парадокс в том, что перестройка шла под знаменем «интеллектуализации» общественной жизни, эпитеты *интеллигентный, компетентный, научный* стали тогда высшей похвалой — а на деле происходил странный и угрожающий процесс оглуления властной элиты. Быстро деградировала способность к рефлексии — умению проанализировать прежние решения, извлечь уроки из ошибок, сделать прогноз будущего.

¹ Глазьев В. Шумелки и молчалки // Русский журнал. 5 июля 2004 г.

Популярный тогда международный обозреватель А. Бовин в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) высокопарно изрек как комплимент перестройке распространенную в то время мысль: «Бесспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением».

Бовин не силен в методологии. Для мышления политика «тождественность с научным мышлением» звучит как страшное обвинение. Научное мышление автономно по отношению к этическим ценностям, равнодушно к проблеме добра и зла. Оно лишь ищет истину, ответ на вопрос «что есть в действительности?» и не способно ответить на вопрос «как должно быть?». Напротив, мышление политика должно быть неразрывно связано с проблемой выбора между добром и злом¹.

Но ведь Бовин был не одинок в своем невежестве. Философ М. Горшков, директор бывшего ИМЭЛа — Института по изучению Маркса, Энгельса и Ленина (!) утверждал в «Независимой газете» (19.03.1992): «Единственный ориентир, которым должен руководствоваться независимый гуманитарий, — это рационалистичность мышления, абсолютная научная объективность в анализе исследуемых им процессов и явлений».

Это уже нечто из ряда вон. Гуманитарий, в отличие от ученого-естественника, изучает *человека* и чисто *человеческие* проблемы. Это такой объект, к которому нельзя и невозможно подходить, отбросив этические ценности, понятия о добре и зле. Когда такие попытки делались и человек превращался для экспериментатора в вещь, этот экспериментатор как раз и утрачивал рациональность мышления. Такие случаи хорошо известны и из реальной истории науки, и из лабораторных психологических исследований². А в русской культуре эта проблема была поставлена уже в середине XIX века и решалась одинаково и левы-

---

¹ В начале XX века Макс Вебер сформулировал это так: «Эмпирическая наука неспособна научить человека, что следует делать, а только может указать, что он в состоянии сделать, и в некоторых условиях — что он в действительности желает сделать» (см.: *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990).

² Известный канадский психиатр З. Липовский, обсуждая эту проблему на материале своей области, писал: «Слова «наука» и «научный», которые все мы так почитаем и легко используем для украшения наших верований, вовсе не однозначны и временами использовались для оправдания бесчеловечного отношения человека к человеку. Чисто научный и технологический подход к человеку может быть опасен, если он не подчинен гуманистической системе ценностей» (*Lipovski Z. J. Psychiatry: Mindless or Brainless, Both or Neither* // *Current Contents*, 1990, № 1).

ми философами, и либералами-западниками (обзор этой темы дан в книге Н. Бердяева «Русская идея», написанной в 1946 г.).

Поразительно, но этот поворот к рационализму не напугал нашу интеллигенцию, не предостерег ее, не отвратил от Горбачева. Ведь утверждение, что политическое мышление новой власти *тождественно научному мышлению*, должно было послужить предупреждением. Так и получилось. Без всяких сомнений и душевных мук (и утратив рациональность мышления) устроили реформаторы губительный эксперимент над страной и равнодушно смотрели на страдания людей.

Для нас здесь важен тот факт, что уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе, но интеллигенция этого не видела, ее зрение было деформировано каким-то методологическим фильтром. Чем дальше люди от политики и идеологических схваток, тем легче им сохранить здравый смысл и логику, пусть и платя за это усилением тугодумия. Элита же составила главную «группу риска».

Предпосылки к этому известны — те категории истмата, в которые было надолго загнано мышление нашей интеллигенции, как и симметричные им категории либерализма, в которое наше мышление загоняют сегодня, представляли общество как арену борьбы *рациональных* интересов. Образованный слой мыслил в очень упрощенных понятиях, строил недопустимо упрощенную модель общественных процессов в стране. Но такое сознание беззащитно вне стерильных условий профессиональной деятельности, где интеллигент имеет дело с моделями реальности, наблюдаемыми в лабораторной колбе. В жестких условиях мобилизационного социализма все мы и сидели по таким лабораториям, а «Сталин думал за нас» — общественная жизнь в силу исторических обстоятельств была загнана в рамки азбучных истин. Начиная с 60-х годов эти рамки слабели, но шоры истмата не дали нам возможности подготовиться к встрече с действительными общественными противоречиями. Мы так и мыслили «половиной мозга» — упрощенными рациональными алгоритмами¹.

В этой вере в рациональное мы прятались, как страус, от того факта, что в XX веке на сцену вышло окрепшее и хорошо воору-

---

¹ На опасность такого односторонне рационального сознания обращали внимание многие мыслители. Об этом много писал К. Лоренц, но уже и Ницше точно подметил, что развитая культура «должна дать человеку двойной мозг, как бы две мозговые камеры: во-первых, чтобы воспринимать науку и, затем, чтобы воспринимать не-науку; они должны лежать рядом, быть отделимыми и замыкаемыми и исключать всякое смешение; это есть требование здоровья» («Человеческое, слишком человеческое». М.: Мысль, 1990. Т. I. С. 251).

женное *иррациональное*. Его напора не выдержал «однокамерный» мозг нашей интеллигенции, и сама эта камера рациональности стала рушиться. Тон стали задавать люди, и среди них много авторитетных интеллектуалов, которые и дом, и страну могли сжечь, чтобы, как говорится, поджарить себе яичницу. Если говорить не о кукловодах, а о честных куклах, то разумной мотивации множества их разрушительных действий не стало, и за ее отсутствием приходится придумывать абсурдные доводы. Уничтожили СССР, чтобы Горбачев перестал быть президентом... Убил, чтобы украсть тапочки... При таком типе мышления нет и предвидения последствий — даже о своих шкурных интересах люди не могут рассудить.

В июне 1993 г. по западной прессе прошла статья советника Ельцина, директора Центра этнополитических исследований Эмиля Паина «Ждет ли Россию судьба СССР?». Он пишет: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю»¹.

Что же это за коммунизм надо было ликвидировать, ради чего не жалко было пойти на такую жертву? Коммунизм Сталина? Мао Цзедуна? Нет — Горбачева и Яковлева. Но ведь это абсурд! Слова и дела этих правителей однозначно показывали, что они не тянут даже на звание социал-демократов (типа шведского премьера Улофа Пальме или канцлера ФРГ Вилли Брандта). Они ближе к неолибералам типа Тэтчер — к правому крылу буржуазных партий. От коммунизма у «политического режима» осталось пустое название, которое «реформаторы» и так бы через пару лет сменили. И вот ради этой идеологической шелухи либеральная интеллигенция обрекла десятки народов на страдания, которых только идиот мог не предвидеть.

Начиная с 1988 г. мы регулярно наблюдали странное явление — при возникновении общественной проблемы власти предпринимали действия, которые явно вели к *ухудшению* положения. После 1991 г. власти уже стали выбирать такие варианты, которые не просто ухудшали положение, но вели к слову *равновесия*. Тогда в обиход даже вошло уклончивое понятие «контролируемые катастрофы». Поскольку это стало своего рода *технологией* власти, можно предположить, что принятие таких решений было рациональным с точки зрения тех скрытых целей, которые преследовали реформаторы. Но поражало то, какое ма-

---

¹ Pain E. Sufriřa Rusia el destino de la URRS? // «El Pais», 25.06.1993.

гическое действие на сознание политически активной части общества оказывал на первый взгляд абсурдный аргумент, который раз за разом вытаскивали после очередной мини-катастрофы идеологии режима: «Ведь что-то надо было делать!»

Например, в 1991 г. были ликвидированы органы советской власти в Чечне и учрежден «созданный в лаборатории» режим Дудаева — постмодернистская смесь адата, шариата, архаичной клановой демократии и уголовной иерархии. Зачем-то нужен был режиму Ельцина такой анклав в РСФСР — с открытыми границами, без таможни и правового порядка. Нужен был и очаг войны, в котором можно было спрятать не только огромные деньги, но и вообще все, что угодно. Но это «рациональные теневые цели», мы не о них говорим, а об аргументах. И вот правительство совершает дикое по уровню беззакония дело — «фрахтует» танки и экипажи (без военной формы и знаков различия) и организует рейд в Грозный. Так началась война. И мы слышим этот стандартный аргумент: «Что-то надо же было делать!»

Этот аргумент как будто парализовал у людей способность критически мыслить. Это было удивительно, потому что невысказанный вопрос был всем известен: «Почему из всех возможных вариантов действия вы выбрали наихудший?» Ответ не соответствовал вопросу, но он принимался. Структурно точно такое же положение складывается и по проблеме расчленения РАО ЕЭС или железных дорог, реформы ЖКХ или «монетизации» льгот. В воздухе висит вопрос: «Зачем?!» — а в ответ мы слышим: «Что-то надо же делать!»

Это воспринималось как наш специфический отказ рациональности. Но оказалось, что речь идет о творческой находке психологов. Нашли они это общее слабое место в рациональности современного городского человека. Н. Хомский, который скрупулезно собирает подобные случаи отказа рациональности в США и заполняет ими свои поучительные книги (почти учебные пособия), пишет даже с некоторым удивлением о том, какое давалось объяснение бомбежкам Югославии в 1999 г.: «Расхожий тезис утверждает, что США нужно было что-то делать: они не могли просто оставаться безучастными наблюдателями в то время, как в Косове продолжались злодеяния. Этот аргумент настолько абсурден, что даже как-то странно его слышать. Предположим, что вы видите, как на улице совершается преступление, и понимаете, что не можете молча стоять в стороне, поэтому вы берете автоматическую винтовку и убиваете всех участников данного события: преступника, жертву, свидетелей. Должны ли

мы воспринимать это как разумную и морально оправданную реакцию?»¹

Те, кто творил хаос в мышлении ради своей «яичницы», не слушали предупреждений. А ведь специалисты исходя из теории хаоса указывали, что при этом самом «новом мышлении» будут приниматься наихудшие решения и выбираться наихудшие варианты. Ты разрушаешь советскую систему, мечтая о шведской модели и цивилизованном западном инвесторе, а созданный тобой хаос втягивается в гнусные лапы братвы, которая пинком выбрасывает тебя на помойку. И это разрушение здравого смысла проводилось под знаменем перехода к высоким интеллектуальным стандартам.

Как потешались над Брежневым за его примитивные рассуждения, а тезис о том, что «кухарка может управлять государством», вызывал просто хохот. На политической трибуне прочно утвердились академики — Сахарова сменял Велихов, Велихова Лихачев, и так бесконечной вереницей. Потом на помощь им пришли кандидаты наук типа Явлинского и Шахрая.

Эта бригада интеллектуалов выработала небывалый стиль рассуждений. Благодаря СМИ он был навязан обществу и стал инструментом для разрушения массового сознания, его *шизофренизации*. Рассуждения стали настолько бессвязными и внутренне противоречивыми, что многие поверили, будто жителей крупных городов кто-то облучал неведомыми «психотропными» лучами. Трудно представить, чтобы когда-либо еще в нашей истории был период такого массового оглушения, такого резкого падения уровня умственной работы.

Печально было видеть, что это отступление от рациональности, от норм Просвещения сопровождалось в среде интеллигенции наступлением *пошлости*, поразительного примитивизма в рассуждениях и оценках (теперь иногда с горечью говорят, что русская интеллигенция наконец-то добилась «права на пошлость»). Американская журналистка М. Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, пишет в журнале «Век XX и мир» (1991, № 6): «Побывавший в этой стране десять лет назад не узнает в первую очередь интеллектуалов — то, что казалось духовной глубиной, таящейся под тоталитарным прессом, вышло на поверхность и превратилось в сумму общих мест, позаимствованных, надо полагать, их кумирами из прилежного слушания нашей пропаганды (я и не подозревала, что деятельность мистера Уика во главе ЮСИА была столь эффективна)».

Важной вспомогательной программой для того, чтобы люди

---

¹ Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003. С. 62.

не видели сползания к глубокому кризису рациональности, было интенсивное внушение мысли, что в общем-то советское общество изначально было лишено культуры, ибо после 1917 г. элитарная интеллигенция была якобы «изгнана, репрессирована, уничтожена, унижена». А без нее никакой культуры быть не может — так, образованщина. Из этого следовало, что жалеть не о чем и всякая ломка сознания и культуры лишь во благо. С. С. Аверинцев производит селекцию образованного слоя: «Нельзя сказать, что среди этой новой получившейся среды, новосозданной среды научных работников и работников умственного труда совсем не оказалось людей с задатками интеллигентов. Мы знаем, что оказались. Но... единицы»¹.

Академик Д.С.Лихачев поддерживает этот стереотип: «В двадцатые годы, в годы «диктатуры пролетариата», роль и значение интеллигенции всячески принижались. В лучшем случае ее представители могли считаться попутчиками, в худшем — врагами... Год от года в стране падал уровень культуры. Самые маленькие ставки — у работников культуры»².

Умиляет сам диапазон обид — от клейма «враг народа» до низкой ставки оклада³. Шестидесятники начали разжигать в интеллигенции самую примитивную ревность — ей, мол, недоплачивают. Все привилегии и оклады забрала себе номенклатура! Допустим, что так, но ведь интеллигенция, поддержав рыночную реформу, лишь ухудшила свое материальное положение. Надо же признать, что последовательно изменять ситуацию к худшему — *глупо*. Нельзя в случаях такой оплошности уходить от того, чтобы извлечь урок. Вот обычная история, о которой рассказали на учительской конференции: «В советское время министр республики Дагестан имел оклад 280 руб., а доцент 320 руб. В 2002 г. зарплата доцента составляла 1500 руб., а министра 8500 руб.»⁴.

Но здесь для нас главное — в утверждении Д. С. Лихачева, будто при советском строе «год от года в стране падал уровень культуры». Что он под этим понимает, каковы его критерии

---

¹ Независимая газета. 1992.03.01.

² Лихачев Д. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 228.

³ Что касается «всяческого принижения роли интеллигенции», то тут у академика явное сужение сознания — отнюдь не только его друзья и родственники были интеллигентами, кое-что о «роли и значении» интеллигенции и другим людям известно. Кстати, сам академик, судя по его воспоминаниям, является именно врагом советского строя — вполне убежденным и сознательным. И ничего, получил и профессиональное признание, и статус, и далеко не самую низкую ставку жалования.

⁴ Известия Академии педагогических и социальных наук. 2002. № 6. С. 19.

оценки этого уровня в динамике (как векторной величины)? Превращение страны, в которой 75% населения было неграмотным, в самую читающую в мире страну — это падение или повышение уровня культуры? Для Д.С.Лихачева, судя по контексту его рассуждений, всеобщее образование несущественно, ибо оно означает изменение в жизни *массы*, а для него важна только жизнь *элиты*. Причем и в ее-то жизни упор у него делается на баланс «жалованья и унижений». Возможность для огромной массы людей приобщиться к творческой работе в качестве интеллигенции не считается у него культурной ценностью. Огромная масса людей? А-а, образованщина.

На фоне этой нелепой сословной элитарности «авангарда» удивительно неразумным, как-то по-детски наивным было само увлечение идеями перестройки со стороны людей, искренне тяготеющих к демократическим идеалам и даже впадающих в демократический фундаментализм (который выразился, например, в крайней нетерпимости к иерархии, к «номенклатуре»). Ведь перестройка очень быстро обнаружила свою суть именно как «*номенклатурной революции*». Именно номенклатура, имеющая все шансы сохранить и приумножить свои привилегии, обратившись в «новую буржуазию», и была мотором перемен, к которым скептически относилось большинство населения.

94% «элиты» по сравнению с 44% респондентов в массовых опросах 1993 — 1994 гг. были не согласны с мнением, что «было бы лучше, если бы в стране все оставалось, как было до 1985 г.». Но ведь эта элита в своем подавляющем большинстве и представляла собой старую номенклатуру и ее молодых приближенных¹. И разве сильно расходятся векторы «старой» и «новой» элит в представлениях по главным вопросам? Авторы исследования «Ценностные ориентации советских и постсоветских элит» дали сравнение установок двух контингентов элиты и массового сознания на большой «карте». В целом она показывает очень большое сходство взглядов обеих привилегированных групп — и их резкий разрыв со взглядами населения в целом.

---

¹ Исследование 1993 г. показало: «Лишь 13% советской правящей элиты конца 80-х годов оказались сегодня за пределами круга руководящих работников... Треть партийной номенклатуры сегодня находится на высшем уровне государственного управления, а еще треть занимает командные позиции в экономике. Если же опять чуть-чуть расширить границы элитарных должностей за счет «предэлитных» позиций или «второго эшелона элиты», то мы найдем в этом кругу более 80% партийной номенклатуры» (Ершова Н. С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?... Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С. 151 — 155).

Это не так уж удивительно. Для нас здесь важнее другое. Если привлечь результаты других исследований ВЦИОМ, то видно удивительное сходство по главным вопросам установок интеллигенции (конца 80-х годов) и элиты. А значит, мы имеем эмпирическое подтверждение резкого отрыва мировоззренческих установок интеллигенции от «тела народа», от массы носителей нашей культуры. Вот над этим надо задуматься.

Назову два пункта, важных в программе перестройки и реформы, в которых разрыв выражен в наибольшей степени. Первый — это отношение к экономическому либерализму и роли государства. Выражено это в ответах относительно утверждения «Государство должно устанавливать твердые цены на большинство товаров» (население — «за», а элита «не согласна»). Второе утверждение более фундаментально: «Переход к рыночной экономике необходим для выхода из кризиса и процветания России». С ним согласны оба контингента элиты, но к нему очень скептически относится население в целом.

Авторы исследования делают вывод: «Как показывают опросы, в массовом сознании сегодня отмечается некоторая тенденция к изменению соотношения сторонников и противников продолжения реформ в пользу последних. Это значит, что динамика сознания элитных групп и массового сознания по рассматриваемому кругу вопросов разнонаправленна. В этом смысле *ruling class* постсоветской России — маргинален»¹.

По большому счету, плевать нам на *ruling class*, этот прыщ можно сковырнуть. Беда в том, что стала маргинальной интеллигенция.

Перестройка в целом привела к тяжелому поражению рациональности. Сегодня наша культура в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило. Поток мракобесия, который лился и льется с телеэкрана, настолько густ, что многие до сих пор удивляются, где же он копился, в каком овраге. Да и не только о телеэкране или желтой прессе речь. Проводником мракобесия становится школа.

И. Смирнов в «Русском журнале» от 4 июля 2004 г. пишет о том, что уже даже в учебной и методической литературе ставятся под сомнение общепринятые научные взгляды на происхождение человека и предлагается на уроках «уравновешивать» Дарвина религией, «выделяя сильные и слабые стороны двух мировоззренческих подходов». Он цитирует «методолога образования»

---

¹ Головачев Б. В., Косова Л. Б. (ВЦИОМ). Ценностные ориентации советских и постсоветских элит // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 183 — 187.

М. Эдельштейна, который утверждает: «Преподавать и учить детей должны... скептики. Но скептики подлинные, то есть люди, способные усомниться в истине не только религиозной, но и научной, готовые объективно изложить все основные точки зрения, сознающие пределы разума, способные объяснить сущность эволюционизма и креационизма, не разъярясь при этом, что один о-го-го, а другой бяка-бяка. Более того, ученикам в школах и студентам в институтах не мешало бы рассказывать не только о физических законах и химических элементах, но и о Туринской плащанице, благодатном огне и мироточивых иконах»¹.

Достаточно хорошо известно, что именно смешение, переплетение разных форм сознания (например, научного с религиозным) ведет к мракобесию, к подрыву обоих способов видения мира — потому и говорил Ницше, что оба типа мышления «должны лежать рядом, быть отделимыми и исключать всякое смешение». Смешение школы и университета, ставших механизмом передачи именно рационального знания и навыков мышления, с религиозным собранием как раз и создает питательную среду для химерического сознания, мракобесия. И это мракобесие стало в нынешней элите очень агрессивным. «Невежество становится действенным» — это важное явление в культуре времен смуты подметил М. Пришвин.

В конце 1994 г. в докладе на международном симпозиуме историк из ИМЭМО РАН В. Г. Хорос сделал вывод «о недостаточной готовности интеллектуальной элиты в России к реформам. Может быть, даже более резко: о явно обозначившемся интеллектуальном и во многом моральном банкротстве нынешней генерации российских реформаторов»². Если бы это касалось только интеллектуальной элиты! Надо признать интеллектуальное банкротство интеллигенции в целом — как той социальной группы, которая стала главным проводником идей реформы в широкие слои общества.

Массовая утрата здравого смысла, способности критически оценивать утверждения, доверие к самым абсурдным обещаниям — все это стало нормой нашей общественной жизни. Люди грезили наяву, отвергали, иногда очень злобно, предупреждения, мешающие наслаждаться приятными образами близкого будущего, которые им рисовали идеологи. Не грузите меня! Полная

---

¹ Смирнов И. Либеральный факультет, отделение мракобесия — www.russ.ru/culture/education.

² Хорос В. Г. Интеллектуальная элита и реформы в России: некоторые обобщения // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 200 — 207.

свобода! Гласность не должна иметь пределов! Возвращение в цивилизацию! Общечеловеческие ценности! Постиндустриализм!

Политики считают, что если поток утверждений с шизофренической логикой пропитает все уровни общественного сознания, то граждане рано или поздно будут приведены в состояние, выражаемое старым принципом: «Верую, ибо абсурдно». Нас к этому уже почти привели. Вспомните, как перед выборами 2003 г. обочины шоссе покрылись плакатами со странными лозунгами. Одна партия так соблазняла избирателей: «Вместе мы — русские!» Наверное, немало ошарашенных водителей съехали в этих местах в кювет. В каком воспаленном мозгу родилась эта идея? Что она означает? Может быть, нам намекают, что если татарин, чукча и еврей вместе проголосуют за Народную партию, то на этот краткий миг станут русскими? А если русский не проголосует, то кем станет?

Другой плакат с агитацией за того же Райкова — вроде как примитивный детский рисунок большого зеленого танка — и надпись: «Нет насилию на телевидении!» Что хочет сказать Райков? Что его партия, пройдя в Госдуму, введет цензуру на телевидении? А что означает танк? Может, эта партия запретит фильм «Они сражались за Родину» или «Тихий Дон»? Эти фильмы — рекордсмены по показу насилия.

Чего же хочет этот Райков, зачем он так вульгаризирует проблему? Смысл известен — упрощение входит в привычку и ведет к отказу от скептического внутреннего вопроса, внутреннего диалога. Так и разрушаются инструменты логического мышления в сознании людей. Верую в Райкова, ибо абсурдно.

Прошли выборы, но изобретатели этих идиотских реклам-лозунгов не потеряли своей выгодной работы. Обочины больших шоссе покрылись новыми плакатами, которые заменяют отсутствующую рекламу реальных товаров. Бессмыслица, напыщенность и пошлость этих творений политического постмодерна ставят в тупик. Что это? Как это надо понимать? Как будто какой-то глумливый сатир малюет эти плакаты в подвалах администрации президента или другого большого начальника, издеваясь над здравым смыслом.

«Здоровье социальное — это уверенность в будущем» — и рядом сидит то ли кукла, то ли ребенок в кружевном платище. Что за чертовщина! Как можно *здоровье* определять через *уверенность в будущем*! Ведь это категории разного порядка. Здоровье — это оценка состояния, символ *добра*. Уверенность в будущем означает лишь наличие надежной информации — как о добре, так и о зле. Представьте: человеку сообщают, что у него лейкемия, рак крови, лечение невозможно и жить ему осталось

пару месяцев. У него появилась уверенность в будущем, но здоровьем это никак не назовешь. Наше общество уверено, что в скором будущем вздуют цены на газ, воду и электричество — прибавляет ему это здоровья социального?

Понятно, что этот официальный лозунг, в котором нет и намека на сарказм и издевательство над реформой, есть нездоровая отрывка советской «уверенности в завтрашнем дне». Но социальный контекст резко изменился, и то, что раньше было усеченным и однозначно понимаемым выражением («уверенность в благополучном завтрашнем дне»), сегодня выглядит как глупость или глумление. Более того, даже в позднее советское время эта «уверенность в завтрашнем дне» была именно признаком социального *нездоровья*, даже более того — *болезни*. Социум не предвидел назревающей катастрофы. Вместо того чтобы изучать идущие в обществе процессы и думать над ними, люди были «уверены». Это и есть утрата навыков рационального мышления. В нынешней обстановке этот лозунг говорит уже о глубокой деградации.

Проезжаешь еще сотню метров — новая загадка: «Здоровье экономическое — достойная зарплата». О чем здоровье гласит эта административная мудрость, о чьей зарплате речь — топ-менеджеров Гута-банка? И что это за новая политэкономическая категория — «достойная зарплата»? Какая часть общества должна получать эту зарплату, чтобы страна считалась экономически здоровой? Содрали идиотскую рекламу крема («Л'Ореаль! Ведь я этого достойна!»), и получилось еще глупее. Кто развесил эту ахинею и зачем?

Дальше в том же роде: «Здоровье экологическое — чистота отношений». Это что — реклама презервативов? Но тогда почему нарисована огромная бабочка на подсолнухах — по всей видимости, вредитель сельского хозяйства? Дальше — опять изречение, какого и Кафка с его больной психикой не смог бы придумать: «Здоровье физическое — это 100 спортивных площадок в год». Что сто площадок? Чье здоровье? «Здоровье демографическое — интересная юность». О чем это? Каким боком касается демографии? Если девушка очень интересно провела юность — у нее дети один за другим рождаются или, наоборот, совсем не рождаются? Что из этого считать здоровьем?

Еще через сто метров — самый крутой шедевр: «Здоровье духовное — вера в Россию». И красочная картина: церковь, ряд матрешек и огромный компьютер. Уже и Церковь приспособили для своих дешевых идеологических поделок. Какая бестактность! Нарисовали бы лучше самовар. Но главное, что за глупость, при чем здесь здоровье, вера, о какой России речь? Об РФ, что ли?

В каком смысле надо в нее верить? Но главное, в какой пещере вырубили эту идеологическую скрижаль? Пятнадцать лет нам промывали мозги моющим средством демократии и плюрализма — и вдруг на тебе, плакаты с самым тупым идеократическим требованием — *во что-то верить*, вновь суровое требование морально-политического единства. Причем единства не на основе разума, сотрудничества и солидарности — все это устранили рынок и конкуренция, — а на основе *веры*. Компьютер и матрешки в одном флаконе — и витающая над ними безумная глумливая улыбка Абрамовича.

Шутки шутками, а дело серьезное. Ясно, что этот плакат без выходных данных повесила администрация. На каком основании она требует от граждан какой-то общей веры? Что за теневая жреческая инстанция завелась в коридорах власти? Какого дьявола эти новоявленные малограмотные святоши с золотым тельцом вместо креста лезут ко мне в душу, берутся определять, здоров ли я духовно или нездоров? Чья бы корова мычала. Что за издевательство — требовать веры в «Россию Познера и Мавроди» с одновременным преследованием русского национализма, который трактуется как фашизм?

И ведь на все это выделены большие деньги, большие начальники все это глубокомысленно смотрели, читали, делали замечания — а потом утверждали. В какое дерьмо нас погрузили, господа-товарищи!

В какой мере идеологическая кампания перестройки повлияла на массовое сознание и вырвала у него из-под ног почву здравого смысла, видно из исследований, проведенных в 1989 г. Институтом социологии АН СССР. Их целью было «дать ответ о предпосылках и факторах, способствующих и мешающих утверждению нового политического мышления в сознании масс»¹. Авторы с удовлетворением констатируют, что «большинство опрошенных во всех выделенных категориях полностью или в основном разделяют и поддерживают основополагающие элементы нового политического мышления». При опросах социологи формулировали «суждение» и измеряли долю тех, кто с ним согласен и не согласен. Категории людей действительно между собой различались мало.

Вот позиция большой представительной группы — «естественно-научной интеллигенции». Ей дают суждение: «Сила (или угроза силой) не может быть инструментом внешней политики». И 94% интеллигентов от науки согласны с этим абсурдным суж-

---

¹ Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества. М.: Наука, 1991. С. 10.

дением! За год с небольшим до войны в Ираке они утверждают, что нет, такого не может быть, чтобы во внешней политике применялась сила или угроза силой. Ну вдумайтесь в формулировку, уважаемые доценты с кандидатами! Вас же не спрашивают, *хотите ли вы*, чтобы сила была инструментом внешней политики! Вы же воочию видите, что она *может быть* и *есть* инструмент внешней политики. А ведь за этим хитрым вопросом стояло нешуточное дело. Выманив у людей ответ, что сила во внешней политике не нужна, так как инструментом служить не может, клика Горбачева развязала себе руки для ликвидации армии, военно-воздушных сил и флота.

Вот другое суждение: «Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес». С ним согласились 81% «естественно-научной интеллигенции»! Ну как такое может быть? Как можно было вообще соглашаться оценивать суждение, в котором два понятия (прогресс и общечеловеческий интерес) неопределимы? И каково же должно было быть понимание сути этих понятий, чтобы согласиться с этим нелепым суждением?

А возьмите недавние похвалы А.Н.Яковлева в адрес Гайдара и Чубайса: «Мне ясно, что благодаря «шоковой терапии» Гайдара наши люди узнали, что такое деньги. Благодаря Чубайсу и его приватизации у нас узнали, что такое собственность. Это великое дело»¹.

Что за несообразные со здравым смыслом рассуждения! Благодаря Гайдару наши люди узнали, что такое *отсутствие* денег — особенно в тот момент, когда они проснулись и узнали, что у них украдены сбережения (ни много ни мало, а 400 миллиардов долларов). А приватизация Чубайса была именно *экспроприацией* — то есть *лишением* граждан их собственности и получаемых с нее доходов. Это вещь настолько очевидная и элементарная, что высказывание престарелого «архитектора перестройки» можно трактовать только как циничное постмодернистское комбинирование слов для создания фиктивного образа реальности. Если следовать логике А.Н.Яковлева, то человек только благодаря топору палача узнает, что такое жизнь, — после удара этого топора по его шее.

Попытки ввести этот поток «суждений» в нормы связных умозаключений с фиксацией причинно-следственных связей, в общем, отвергались во времена перестройки и отвергаются до сих пор. И главным социальным агентом, взявшим на себя осу-

---

¹ Яковлев А. О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003.2.12.

шествование этой программы по разрушению логического мышления огромного народа, стала интеллигенция. Тот факт, что сама она оказалась первой социальной жертвой этой программы, нисколько не снимает с нее исторической вины. Ведь именно на ней лежит обязанность охранять авторитет Разума.

Совершенно некритически, как будто потеряв способность к простейшим логическим операциям, стала интеллигенция заглатывать странные, абсурдные (и порой даже чудовищные) утверждения идеологов. Вот, в 1990 г. вождь литовских националистов Ландсбергис заявил, что Литва вовсе не выходит из СССР, ибо она *никогда в нем не состояла*, она просто продолжает свою государственность 1939 года. Я в это время был на Западе и наблюдал восприятие европейцев. В западных газетах были напечатаны карты Литвы 1939 г., никто не сомневался, что, согласно заявлению Ландсбергиса, Виленский край отходит к России, и гадали о том, что будет с Клайпедой и побережьем, которые в 1939 г. были под юрисдикцией Германии и которые выкупил СССР за большие деньги. И вдруг возникает Литва в границах Литовской ССР 1990-го, а вовсе не 1939 г., — и хоть бы у кого в нашей интеллигентной среде возникли малейшие сомнения. Никто неувязки как будто не заметил — ну не абсурд ли!

Причем бессвязность мышления и его отрыв от реальности одинаково проявлялись и у ораторов, и у их слушателей — если все настраивались на антисоветскую волну. Вот выступает писатель и депутат А.Адамович в 1989 г. в МГУ: «Запад благодарен Горбачеву еще и за то, что он «изнутри» остановил процесс разрушения демократии в странах «третьего мира».

И ни один профессор, доцент, студент или хотя бы уборщица нашего лучшего университета не крикнет ему: «Вы спятили, Адамович?» Вдумайтесь в его утверждение. Что Запад благодарен Горбачеву, это понятно. Но, оказывается, помимо всех его заслуг перед Западом он еще и *защитил демократию в «третьем мире»!* Были там у власти демократы — Мобуту и Сомоса, Стресснер и Сухарто, — но в 80-е годы стали левые силы эту демократию разрушать. То одного прогонят, то другого заменят на выборную власть. Но Горбачев «изнутри» этот процесс остановил. Вот, значит, кто из кресла Генерального секретаря КПСС помог Пиночету защитить демократию — и за это Запад благодарен Горбачеву.

Все выступление А. Адамовича в МГУ наполнено подобными нелепыми рассуждениями. Вот еще пример: «Один американский фермер как-то сказал Юрию Черниченко: «Мы и вас готовы прокормить, только не воюйте». Ведь мы и сами-то до конца не осознавали, как Запад опасается нашей военной мощи, не

сдержанной никакими демократическими институтами» (там же, с. 348).

Все элементы этого рассуждения противоречат здравому смыслу. Вот они по очереди: никого американские фермеры бесплатно не кормят, они рады продать свой товар, да нам и не нужна была бесплатная кормежка в обмен на независимость — мы покупали кое-что за свои деньги, как и все на рынке; РФ не воюет, но никакие американские фермеры нас кормить не собираются; Запад не опасался нашей военной мощи, у обеих сторон имелись средства сдерживания — это известно из документов военного ведомства США; «демократические институты» никогда не сдерживали агрессивности тех же США, а в СССР военная мощь была под надежным контролем. И эти явные несуразицы А. Адамовича благосклонно выслушивала огромная аудитория студентов и преподавателей МГУ.

Выступления идеологов, особенно из ученых, потрясали не просто каким-то абсолютным (как бы наивным) отрицанием накопленного человечеством и научного, и обыденного знания. В этих выступлениях обнаруживается чуть ли не мистическая тяга сказать нечто прямо противоположное знанию и опыту — причем сказать в связи с очень важным положением, на котором они и выстраивают всю свою идеологию.

Вот передача «Момент истины» с А. Карауловым. На экране видный деятель перестройки Святослав Федоров требует «полной свободы» предпринимателям и доказывает, что именно частная собственность породила человека. Более того, возможен, дескать, и обратный процесс — питекантроп превратился в человека в тот момент, когда получил собственность, а без нее человек превращается обратно в питекантропа. И при этом наш знаток «естественной истории» постоянно обращает внимание на то, что он — профессор. А надо бы профессору вспомнить, что при общинном строе люди (похожие на питекантропов не больше, чем самый цивилизованный предприниматель) жили в 2 тысячи раз дольше, чем при частной собственности. В русской общине или артели жили еще деды многих из нас.

Но кульминацией рассуждений был аргумент против вмешательства государства в хозяйственную деятельность. «Экономика, — говорит С. Федоров, — это организм. А в организм вмешиваться нельзя — он сам знает, что ему лучше. Мы вот с вами сидим, разговариваем, а печень себе работает как надо». От кого же мы слышим, что нельзя вмешиваться в дела организма, что он «сам знает, как лучше»? От профессора *медицины*! Да не просто врача, а хирурга! Он всю свою жизнь только и делает, что вмешивается в деятельность организма, да не с лекарствами

(хотя и это очень сильное вмешательство), а со скальпелем, и прямо в глаз. Каким же расщепленным должно быть сознание человека, чтобы выбрать именно ту аналогию, которая действует прямо против его собственного тезиса. И каков уровень логического мышления А. Караулова, да и большинства зрителей, которые никакой аномалии в аргументации Федорова не замечают.

Вот уже 15 лет СМИ обрушивают на людей потоки утверждений, которые на первый взгляд кажутся бессмысленной и бессистемной чередой несусветных глупостей. Но сейчас-то, слегка очухавшись от полученных оплеух и чуть-чуть отодвинувшись от телеэкрана, мы начинаем видеть в этом потоке именно *систему*. Более того, начинаем видеть даже систему *технологий*, предназначенных, как пишут в учебниках, для разрушения *культурного ядра* общества.

Технологии эти многообразны, среди них технология под названием «поток глупостей», видимо, направлена на разрушение именно рационального сознания и логического мышления. Недаром эмигрант Б. М. Парамонов зловеще сказал (в книге «Конец стиля») о нынешнем состоянии нашего общественного сознания: «Россия — постмодернистская страна».

Постмодернизм — лакомая тема для философских салонов. В общем, нам пока что не до нее, для нас эта штука сейчас важна как молоток, которым разбивают наши головы. Один из этих новых философов сказал: «Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели». Эту эпоху пусть оставят для себя, а мы из нее возьмем только то, что полезно для жизни. Сейчас для нас главное знать, что постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей, так что академик может нагло врать, и никто ему слова не скажет. Поскольку интеллигенция была этим спектаклем очарована, то и уважающие ее люди замерли в растерянности.

Став на время «постмодернистской страной», мы оказались беззащитными против клики интеллектуальных наперсточников, за спинами которых скрывались вполне тривиальные и рациональные (в меру возможностей их уголовного мышления) мародеры и продавцы краденого.

Так что обязаны мы покопаться в этом пока еще не окаменевшем дерьме и извлечь уроки.

Глава 2

СКЛОННОСТЬ К ГИПОСТАЗИРОВАНИЮ

Проявлений «порчи сознания» множество, ежедневно мы наблюдаем все новые и новые конкретные случаи, иногда столь красноречивые, что все написанное об этом раньше бледнеет. Значит, надо выбрать главные типы, чтобы можно было относить каждый новый случай к какому-то классу, находить в нем общие черты с совокупностью подобных сбоев в мышлении. Проблема классификации, однако, не проста, поскольку любое умозаключение представляет собой довольно сложную систему. В случае ее деформации обычно возникает сразу несколько ошибок, так что один и тот же заметный случай может быть отнесен к разным классам нарушений. Для наших целей нет нужды применять подробную изошренную классификацию, возьмем самые распространенные случаи нарушений, которые будем иллюстрировать известными примерами.

Прежде всего, существует хорошо нам знакомый вид деформации сознания, который обозначается малоизвестным словом *гипостазирование*. В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция) — присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле — возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

Во время перестройки и реформы склонность интеллигенции к гипостазированию проявилась в гипертрофированном виде. Когда пробегаешь в уме историю перестройки, поражает эта склонность изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже его считать реальностью и даже порой чем-то жизненно важным. Эти размытые образы становятся дороги человеку, их совокупность образует для него целый живой мир, в котором он легко и, главное, бездумно ориентируется. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными, такие слова как будто обладают большой объяснительной способностью.

В созревании антисоветского сознания важную роль сыграл, например, совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили, что собой представляет советский строй — мобилизационный социализм?

казарменный социализм? феодальный социализм? Сказал «*казарменный социализм*» — и вроде все понятно. Вот как трактует природу «реального социализма» профессор МГУ А. В. Бузгалин: «В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией «мутантного социализма» (под ним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы...)»¹.

Мы видим здесь претензию на создание целой теоретической категории, оправдывающей гибель советского строя. Но ведь взятая А. В. Бузгалиным из биологии ругательная метафора мутации бессодержательна и ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма под воздействием факторов внешней среды. Если это изменение наследуется и благоприятствует выживанию потомства, то такая мутация оказывается важным механизмом эволюции. Если, как это делает А. В. Бузгалин, уподоблять общественный строй биологическому виду, то социальное жизнеустройство *любой* страны оказывается «мутантным» и иным быть не может.

С другой стороны, метафора просто неверна, так как противоречит смыслу самого понятия. Мутация есть изменение чего-то, что уже было как основа («дикий вид»). Если бы в мире существовала устоявшаяся социально-экономическая формация, которую было принято считать *правильным социализмом*, а потом под воздействием Сталина возник советский казарменный социализм, исказивший этот исходный образец, то его еще можно было бы считать мутантом. Но в действительности никакого исходного социализма, от которого путем мутации произошел советский строй, не существовало. И эту глубокомысленную, но бесплодную и ошибочную метафору профессор МГУ таскает из публикации в публикацию уже пятнадцать лет. В его сознании расплывчатое понятие, никогда даже четко не изложенный образ «правильного социализма» превратились в реальную сущность. Тяжело видеть.

Вот другой пример гипостазирования в отношении понятий «казарменного социализма». Одним из активных «прорабов перестройки» был образованный человек, профессор А. С. Ципко. Он слышал, что при советском строе имели место трудовой энтузиазм, моральное стимулирование и т.д. Этот маленький элемент советской системы, который занимал в ней свое скромное место и нормально взаимодействовал с другими элементами, А. С. Ципко раздувает до масштабов всеобъемлющей, чуть ли не единственной сущности советской социально-экономической

---

¹ Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. М.: Олма-Пресс, 1996. С. 67.

системы. Он пишет, видимо, потеряв способность разумно оценить написанное: «Разве не абсурд пытаться свести все проблемы организации производства к воспитанию сознательности, к инъекированию экстаза, энтузиазма, строить всю экономику на нравственных порывах души?.. Долгие годы производство в нашей стране держалось на самых противоестественных формах организации труда и поддержания дисциплины — на практике «разгона», ругани, окрика, на страхе»¹.

По-моему, как раз в этом рассуждении А. Ципко есть признаки «инъекции экстаза». Он даже не замечает, что второе его ругательство отрицает первое. Но можно ли придумать для сталинской системы организации производства более глупое обвинение, чем назвать ее попыткой «строить всю экономику на нравственных порывах души»? Что за нелепый образ советского планового хозяйства создал в своем уме профессор из Института экономических проблем мировой социалистической системы АН СССР! Он изобретает нелепые сущности — и сам начинает в них верить. Какая уж тут рациональность.

Осознание образованными людьми этого дефекта их мышления затрудняется кажущимся парадоксом: именно крайне рационалистический тип мышления, давшего человеку главный метод науки, при выходе за стены лаборатории может послужить средством разрушения логики (рациональности). Крупный современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, — худший враг логического мышления».

В слово-заклинание превратилось и такое туманное понятие, как «рынок». Одни видят в нем доброго ангела, а другие — почти всесильное исчадие ада. А попробуй спроси, что каждый под этим понимает, ничего определенного не скажут. Но готовы воевать ради этого призрака или против него.

Эта деформация мышления изживается очень медленно, это видно и на удивительной судьбе живучего слова «тоталитаризм». 29 августа 2001 г. я участвовал в «круглом столе», собранном в редакции «Литературной газеты» и посвященном интригующей теме: куда девается природная рента (то есть доход от земли и ее недр) в нынешней РФ? Были видные специалисты и ведущие экономисты, включая академиков Д. С. Львова и В. В. Ивантера. Вел заседание А. С. Ципко. Спора по первому вопросу не было — рента, по закону принадлежащая государству, отдается,

---

¹ Ципко А. Можно ли изменить природу человека? // Освобождение духа. М.: Политиздат, 1991. С. 80.

вопреки закону, «крупному капиталу». В общем, все признали и тот факт, что эта рента изымается «олигархами» из хозяйства, оно хиреет и никак не позволит сносно жить большинству народа. Говорили, что надо нам учиться у Индонезии, где 15 семейств владеют 80% богатства, у Бразилии, где половина населения не имеет дохода — как-то уживаются, хотя и с пулеметами на крышах в приличных кварталах. Кто-то говорил о грядущей остановке добычи газа и нефти — не вкладывают олигархи денег в разведку и обустройство новых месторождений, о том, что за десять лет в стране не построено ни одного не то что завода, а цеха.

Все при этом также были согласны в том, что при советском строе рента обращалась в капиталовложения — как в хозяйство, так и в науку. Один экономист в качестве шутки сказал, что и сейчас можно было бы воссоздать Госплан для изъятия и использования природной ренты. Но, как добавил он, для этого необходим тоталитаризм. И почти все засмеялись — нет, они не хотят тоталитаризма, они хотят демократии. И продолжили — как лучше наладить взаимодействие правительства с олигархами по мелочам. У меня мелькнула мысль, что за одним столом сидят люди и людоеды — и обсуждают кухонную утварь. Так велика была магия слова *тоталитаризм*, что даже почтенные академики не решились сказать: господа, что за чушь вы говорите! Все эти идеологические бирюльки имеют ничтожное значение по сравнению с тем, что страна в этой системе экономики явно не может выжить — вот о чем должны думать экономисты.

Рассмотрим еще пару примеров гипостазирования, которые сохранились в памяти. У интеллигенции было очень сильно расплывчатое убеждение, что во всем «система виновата». Важнейшими причинами наших бед она считала «засилье бюрократов», «уравниловку», «некомпетентность начальства», «наследие сталинизма» — причины, для массового сознания не так уж существенные. И вот, опираясь на эти стереотипы, Г. Х. Попов запустил в обиход как нечто сущее туманный термин «*административно-командная система*». Если вдуматься, смысла в этом никакого, но словечко было подхвачено прессой, духовными авторитетами, даже получило аббревиатуру — АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет в советском строе. Как будто это нечто уникальное, созданное в СССР и предопределяющее жизнь именно советского человека.

На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и Церковь, и хор имени Свешникова — все имеет свою административно-командную ипостась наряду с другими. Анти-советские идеологи, глубокомысленно вещавшие: АКС, АКС... —

намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Но ведь это попросту глупо — любой банк, любая корпорация, не говоря уж о государственных ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем несравненно более жестким, чем был в СССР. Но так людей очаровали этой АКС, что даже историки, прекрасно знавшие, что системы управления и в государстве, и в хозяйстве складываются *исторически*, а не *логически*, не исходя из какой-то доктрины, стеснялись прямо сказать, что пресловутая АКС — плод самого примитивного гипотазирования.

В 1988 г. на «круглом столе» в АН СССР историк К. Ф. Шацилло осторожно объяснял: «Совершенно ясно, что в крупнейшей промышленности, на таких казенных заводах, как Обуховский, Балтийский, Адмиралтейский, Ижорский, заводах военного ведомства, горных заводах Урала капитализмом не пахло, не было абсолютно ни одного элемента, который свойствен политэкономии капитализма. Что такое цена, на заводах не знали; что такое прибыль — не знали, что такое себестоимость, амортизация и т.д. и т.п. — не знали. А что было? Был административно-командный метод: постройте четыре броненосца и скажите, сколько заплатить; желательно построить за три года, построили за шесть, ну что же подделаешь?..»¹

Слова «административная система» приобрели такую магическую силу, что достаточно было прилепить этот ярлык к какой-то стороне реальности, и о ней можно было говорить самые нелепые вещи. Вот Н. П. Шмелев утверждал в 1989 г.: «Фундаментальный принцип всей нашей административной системы — распределять! Эту систему мы должны решительно сломать»². Назвать распределение, одну из множества функций административных систем, *принципом* и даже фундаментальным — значит, исказить всю структуру функций, нарушить меру. Но даже если так преувеличивается значение функции распределения, почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Разве в обществе нет необходимости *распределять*? Ломать надо любую систему распределения или только «нашу административную»?

В данный момент плевки в сторону «администрации» прекратились. Административная система стала бесконтрольной вплоть

---

¹ Россия, 1917 год: выбор исторического пути. «Круглый стол» историков Октября, 22 — 23 октября 1988 г. М.: Наука, 1989.

² Известия. 1989 г. 30 октября.

до самодурства — и ничего. Тот факт, что В. В. Путин (как и партия власти «Единая Россия») не стал участвовать в предвыборных дебатах 2003 — 2004 гг., отвечать на прямые вопросы и излагать свою программу, есть признак ориентации власти на создание *харизматического* образа вместо укрепления рационального сознания массы и гражданского чувства. Умолчание и недоговоренности позволяют людям культивировать надежды и «домысливать» тайные планы В. В. Путина. Власть не желает (или не может) иметь дело с реалистично мыслящими гражданами.

Как цинично определяет тип отношений В. В. Путина с СПС ярый идеолог правых Е. Ясин, «Путин выстраивал отношения с правыми так, чтобы пользоваться их разработками, но при этом отмежевываться от них публично». Другими словами, власть проталкивает законопроекты, которые в тени готовят Чубайс и Гайдар, но на людях президент от этих одиозных типов дистанцируется. Такой тип господства нуждается в *дереационализации* массового сознания.

Симметричным гипостазированию нарушением рациональности мышления можно считать *размывание* понятий. Многие интеллигенты, выступая на идеологической арене, наловчились расширять приложение некоторых «горячих» понятий на очень далекие от обычного смысла, который люди придают этим понятиям. Затем внимание фиксируется на той категории, которая действительно подпадает под определение, — и вот вам «250 миллионов репрессированных». Вот как, например, академик Д. С. Лихачев соболезнует русской интеллигенции, ставшей жертвой большевиков: «Миллионы истинных интеллигентов, истинных патриотов своей Родины были изгнаны из России, репрессированы, уничтожены, унижены...»¹

Спорить с этим невозможно — наверняка когда-то и кем-то были унижены *все до одного* истинные интеллигенты. Но ведь это стоит в сцеплении с понятием «*уничтожены*». Сцепи ничтожную величину с огромной — и на нее распространится ощущение огромности. Выходит, миллионы были уничтожены...

Стоит вспомнить и ключевое слово перестройки — *дефицит*. Оно означает *нехватку* — и все его вроде бы так и понимают. И в то же время интеллигенция уверовала, что во времена Брежнева «мы задыхались от дефицита», а сегодня никакого дефицита нет, изобилие. Но пусть бы интеллектуал объяснил «тупому совку», как может образоваться изобилие при спаде производства. Много производили молока — это был дефицит; снизили производство вдвое — это изобилие. Ведь это мышление шизофреника.

---

¹ Лихачев Д. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 228.

Вот что означает понятие *дефицит* в его жестком, ограниченном значении: в 1985 г. в РСФСР в среднем на душу населения потреблено 23,2 кг рыбы и рыбопродуктов, а в 1997 г. в РФ — 9,3 кг. Дефицит рыбы как *продукта питания* — при ее изобилии на прилавках как *знака ложного изобилия*. Люди, которые приветствуют такое положение, впадают в глубокое гипостазирование.

Что мы получили через три года реформы хотя бы в питании, говорит «Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году»: «Существенное ухудшение качества питания в 1992 г. произошло в основном за счет снижения потребления продуктов животного происхождения. Отмечается *вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания*, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ» (выделено мной. — С. К-М.).

Это официальное признание в том, что реформа сломала сложившийся при советском укладе благополучный рацион питания и что возник, как сказано в докладе, «*всеобщий дефицит*» питания, ранее немыслимый.

Замечу, что даже в чисто «рыночном» смысле реформа привела именно к опасному дефициту, какого не знала советская торговля. Чтобы увидеть это, надо просто посмотреть статистические справочники. Вот данные Госкомстата СССР, а потом Госкомстата РФ. Обеспеченность розничного товарооборота товарными запасами в розничной торговле (в днях товарооборота) составляла в СССР на 1 января соответствующего года: 1970 — 88 дней, 1985 — 92, 1986 — 84, 1988 — 69, 1990 — 47 дней. В РФ она составила в 1995 г. 33 дня, а, например, на 1 октября 1998 г. на складах Санкт-Петербурга имелось продуктов и товаров всего на 14 дней торговли. Положение регулируют посредством очень низкой зарплаты, а то и невыплатами зарплаты и пенсий. Вот тебе и *изобилие*.

Профессор из Петербурга, д.э.н. С. А. Дятлов, рассматривая состояние инвестиционной сферы России, пишет в 1997 г.: «Долги по невыплаченной зарплате и пенсиям в два с лишним раза превышают товарные запасы. Оборотные фонды предприятий на 80 — 90% обеспечиваются кредитами коммерческих банков. Можно говорить о том, что экономика России в ее нынешнем виде — это не только долговая экономика, но и экономика хро-

нического дефицита, скрытого высоким уровнем цен и искусственным сжатием платежеспособного спроса»¹.

А вспомним, с какой страстью масса здравомыслящих людей уповала, как на манну небесную, на *инвестиции* в нашу экономику. Слова «инвестиции» и «инвестор» были наполнены магическим, спасительным смыслом. Вот придет инвестор! Что это за зверь, почему он должен прийти, что он сможет унести за эти свои инвестиции? Об этом никто не думал и не говорил. Эти надежды на инвестиции культивировались даже в отношении таких сфер, куда их не было никакой надежды заманить. После того как правительство «акционировало» предприятия ЖКХ, оставив их без причитающихся им амортизационных отчислений, главные надежды реформаторы возлагали на «частных инвесторов» — звон об этом стоит уже более десяти лет.

Это именно звон, ибо все прекрасно знают, каких инвестиций требует отрасль только для того, чтобы остановить сползание к катастрофе (4 — 5 триллионов руб.). Всем также известно, что население не имеет финансовых возможностей заплатить за услуги ЖКХ такую цену, чтобы обеспечить инвесторам приемлемую для них прибыль. Председатель Госстроя Шамузафаров в своем последнем интервью в 2002 г. подчеркнул, что «слабым звеном в осуществлении жилищной реформы остается полное отсутствие конкуренции в ЖКХ, в которое *никто не хочет вкладывать средства* по причине ее постоянного недофинансирования». Кстати, вдумайтесь в логику — если бы было полное финансирование, то и чужих средств не потребовалось бы. Никто не хочет вкладывать средства потому, что с них не получить дохода!

Председатель комитета по промышленной политике Свердловской областной думы Н. Шаймарданов сказал в интервью: «В сети Свердловской области нужно вложить 60 млрд. рублей. Таких денег нет ни у кого. Потому реформу и спихнули на регионы, до сути, заморозили. Но при износе инфраструктуры жилищного хозяйства от 80 до 100% привлечение сюда инвестиций — дело нереальное. В этих условиях бизнес в ЖКХ только кажется лакомым куском»².

Важным объектом гипостазирования стало и понятие «частной инициативы». Как будто в ней кроется какая-то магическая сила, как у «невидимой руки рынка». В. В. Путин делает такое утверждение: «Очевидно, что мотором экономического роста является частная инициатива — как российского, так и зарубежного бизнеса, работающего на российской территории».

---

¹ Дятлов С. А. Концепция инвестиционного развития России // Альманах Центра общественных наук МГУ. М., 1997.

² Урал. 2003. № 20. 2.06.

Почему же это «очевидно»? Как раз наоборот. Это не очевидность, а постулат либеральной доктрины времен Адама Смита, который давно уже опровергнут историческим опытом. Мотором экономического роста, начиная с цивилизаций Тигра и Евфрата с их каналами и дамбами, являются большие организации людей, способные разрешать противоречия интересов, координировать усилия и мобилизовать ресурсы в масштабах, недоступных для частной инициативы. Наиболее высокие темпы и качество экономического роста были достигнуты в СССР в 30-е годы, во время Отечественной войны и в ходе восстановительной программы. Это общепризнанный в мировой экономической науке факт.

Возьмем реальность наших дней — экономику США, светоча и маяка наших либеральных реформаторов. Из большого кризиса 30-х годов эта экономика вылезла благодаря вмешательству государства («Новый курс»), а главное, благодаря введению принципов административно-командной экономики времен войны. После окончания войны все были уверены, что США снова сползут в депрессию, если вернуться к примату частной инициативы. Н. Хомский пишет: «Деловая пресса была откровенна на этот счет. Журналы «Fortune» и «Business Week» писали, что наукоемкая промышленность не может выжить «в условиях неограниченной, конкурентной, несубсидируемой экономики свободного предпринимательства» и что «правительство является единственным возможным ее спасителем».

Н. Хомский подробно разбирает одну большую государственную программу США — создания новых технологий и их передачи в частный сектор. «Масштабы программы, — пишет Н. Хомский — быстро расширялись в период правления администрации Рейгана, которая вышла за все мыслимые рамки, нарушая принципы рынка... При Рейгане главная исследовательская структура Пентагона, ДАРПА, активно занималась внедрением в различных областях новых технологий... Это Управление занималось также учреждением внедренческих компаний. Журнал «Science» поместил статью, в которой отмечается, что при Рейгане и Буше «ДАРПА стало основной рыночной силой в передаче новых технологий нарождающимся отраслям промышленности». Администрация Рейгана, кроме того, в два раза увеличила защитные барьеры; она побила все послевоенные рекорды в области протекционизма»¹.

---

¹ Речь идет не только о таможенной защите американских фирм от конкуренции японских наукоемких товаров. Огромны и прямые субсидии промышленным корпорациям. Как пишет Н. Хомский, «ежегодно каждый американский гражданин платит 200 долларов из своих налогов в пользу «Lockheed-Martin».

Но все это в политкорректных выражениях представляется как действие «невидимой руки рынка». Н. Хомский пишет о недавнем курьезном случае — о том, как глава Федеральной резервной системы (Центробанка США) А. Гринспен в 1998 г. выступал перед редакторами американских газет: «Он страстно говорил о чудодейственных свойствах рынка, об удивительных вещах, которые стали возможны благодаря тому, что потребитель проголосовал за них своим кошельком и т.д. Он привел несколько примеров: Интернет, компьютеры, информационные технологии, лазеры, спутники, транзисторы. Любопытный список: в нем приведены классические примеры творческого потенциала и производственных возможностей государственного сектора экономики.

Что касается Интернета, эта система в течение 30 лет разрабатывалась, развивалась и финансировалась главным образом в рамках госсектора, в основном Пентагоном, затем Национальным научным фондом: это относится к большей части аппаратных средств, программного обеспечения, новаторских идей, технологий и т.д. Только в последние два года она была передана таким людям, как Билл Гейтс, который заслуживает восхищения, по крайней мере, за свою честность: он объясняет достигнутый им успех способностью «присваивать и развивать» идеи других, а эти «другие», как правило, работают в госсекторе. В случае с Интернетом предпочтения потребителя не играли почти никакой роли; и то же самое можно сказать применительно к ключевым этапам разработки компьютеров, информационных технологий и всего остального — если под словом «потребитель» не подразумевается американское правительство, то есть государственные субсидии»¹.

Другие примеры — экономический рост Японии, стран Юго-Восточной Азии, сегодня Китая. В этих случаях мотором была не «частная» инициатива, а большие государственные программы развития, в которых с высокой степенью координации соединялись предприятия разных типов и даже разные уклады. Недавно в Японии опубликован многотомный обзор японской программы экономического развития начиная со Второй мировой войны. В нем говорится, что «Япония отклонила неолиберальные доктрины своих американских советников, избрав вместо этого форму индустриальной политики, отводившую преобладающую роль государству». Примерно то же самое пишет председатель Совета экономических советников при Клинтоне лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц об «уроках восточноази-

---

¹ Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003. С. 239, 245.

атского чуда», где «правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста», отбросив «религию» рынка¹.

Да и мы сами видим, что если бы в РФ все отдали в руки частной инициативы да еще предоставили ей экономическую свободу, то всех нас уже до нитки бы раздели и за рубеж наше рваньё отправили.

Глава 3

УЧЕБНЫЕ ПРИМЕРЫ ГИПОСТАЗИРОВАНИЯ: СВОБОДА, ДЕМОКРАТИЯ, ГЛАСНОСТЬ

Глубокая деформация сознания произошла в связи с интенсивным использованием идеологами понятий *свобода* и *демократия*. Этим абстрактным и многозначным понятиям придавали значение каких-то реальных сущностей — и ради них ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения.

Перестройка началась с того, что были разрушены всякие разумные очертания самого понятия *демократии*. Из истории мы знали, что такое античная демократия — у нее были вполне конкретные признаки. Затем, на протяжении веков, в разных странах и культурах существовало множество политических режимов и общественных институтов, которые обладали теми или иными признаками демократических отношений (например, казачий круг, сход сельской общины, вече Новгорода). Знали мы и о буржуазной демократии западного общества — специфической политической системе со своими специфическими институтами. И вдруг в сознание стали накачивать образ некой *абсолютной* демократии вне времени и пространства, которую мы должны немедленно внедрить у себя в стране, ломая прежнее жизнеустройство.

Этот образ стал такой всемогущей сущностью, что нельзя было не только сказать что-то против него, но даже усомниться, задать вопрос. Политики использовали его как дубинку — при том, что это понятие стало наполняться не только разнородными, но прямо взаимоисключающими элементами. Идеологи избегали давать этому понятию связное определение, а люди и не спрашивали — хотя никакого молчаливого согласия относительно смысла этого слова в нашем обществе не было, а значит, его

---

¹ Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис. 2002. С. 46.

употребление как общеизвестного и однозначно понимаемого термина нарушало нормы рациональности.

В специальной малотиражной литературе указывалось на неправомерность, а часто и на абсурдность использования слова «демократия» в разных контекстах перестройки. Политики не обращали на эти предупреждения никакого внимания. Например, Г. Х. Попов считал, что демократическому движению присущи экстремизм и национализм, что совершенно несовместимо с главными родовыми признаками демократии. Обычным выражением стало тогда «радикальные демократы» — нелепое сочетание двух несовместимых качеств¹.

Выступая в 1990 г. в МГУ, А. Н. Яковлев поучал: «До сих пор во многих сидит или раб, или маленький городской, полицмейстер, этакий маленький сталин. Я не знаю, вот вы, молодые ребята, не ловите себя на мысли: думаешь вроде бы демократически, радикально, но вдруг конкретный вопрос — и начинаются внутренние распри. Сразу вторгаются какие-то сторонние морально-психологические факторы, возникают какие-то неуловимые помехи»².

Это заявление по смыслу чудовищное — в сознании, дескать, не должно быть никаких тормозов, никаких «полицмейстеров», на него не должны влиять никакие «морально-психологические факторы». Это утопия освобождения разума от совести, превращения *разума* в *интеллект*, утопия создания из разумного человека искусственного гомункула. Устранение из сознания запретов нравственности ради того, чтобы «думать демократически, радикально», как раз и ведет к разрушению *рациональности*, ибо при устранении постулатов этики повисает в пустоте и логика, эта «полиция нравов интеллигенции».

Вот в 1990 г. на «круглом столе» по проблеме свободы, организованном журналом «Вопросы философии», выступил целый ряд видных интеллектуалов. Читаешь, и не верится, что они говорили всерьез, — так это не вязалось с очевидной реальностью и логикой. Какие идолы бродили в их сознании?!

Выступает доктор юридических наук из Института государства и права АН СССР Л. С. Мамут. Он дает такую трактовку кате-

---

¹ Пожалуй, верхом абсурда было введение в оборот термина *демоисламисты* — им обозначалось движение антисоветской интеллигенции в Таджикистане, — которые, разжигая гражданскую войну, использовали лозунги ислама. В ходе реформы «маятник» качнулся в другую сторону, и слово «демократ» наполнилось отрицательным смыслом, что также выводит его за рамки рациональности.

² Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости, 1991. С. 79.

гории свободы: «Свободу уместно рассматривать как такое социальное пространство для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение... Свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека. Она неделима. Всякий раз, когда ставится под вопрос та или иная свобода (не о преступниках, естественно, разговор), тем самым ставится под вопрос свобода вообще. Эта истина известна уже давно»¹.

Допустим, что рассуждение Л. С. Мамута не продиктовано скрытым интересом об ослаблении всех форм «внеэкономического принуждения» на время грядущей приватизации и возникновения необъяснимых финансовых состояний. В таком случае перед нами пример поражения рационального сознания. Уже первая фраза лишает данное понятие свободы всякого смысла, ибо не существует и не может существовать «социального пространства для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение». Перефразируя Аристотеля, можно сказать, что в таком пространстве могут жить только боги и звери, но, видимо, все же не о них идет речь (во всяком случае, как показали наши «субъекты», речь идет не о богах). Человек возник как существо социальное, обладающее *культурой*, а культура и есть прежде всего *ограничение* свобод животного. Эта истина известна уже давно. Экономика (имеется в виду рыночная, а не «натуральное хозяйство») — вообще недавно возникший способ ведения хозяйства, и до него все виды принуждения были внеэкономическими. Может быть, и свобода возникла вместе с рыночной экономикой? До какой глупости договаривались возбужденные перестройкой интеллектуалы!

Примечательна оговорка, которую вводит правовед, требуя «социального пространства, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение», — «не о преступниках, естественно, разговор». Эта оговорка лишает смысла все рассуждение, ибо преступники возникают именно потому, что в пространстве присутствует внеэкономическое принуждение в виде запретов (законов). Человек становится преступником не потому, что совершил *невыгодное* действие (нарушил норму экономического принуждения). Он преступил закон, за которым стоит неподкупная сила.

Мысль, будто «свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека», банальна до пошлости и очевидно неразумна, тем более в устах юриста. Мало того, что человечество пережило тысячелетние периоды прямых несвобод типа

---

¹ Вопросы философии. 1990. № 6.

рабства и эти несвободы были общепризнанной нормой и образом жизни. И в новейшее время массы людей шли и идут в тюрьму и на каторгу, то есть жертвуют свободой, ради иных ценностей — и благородных, и низменных. Кстати, в те же годы, когда проходили подобные «круглые столы», единомышленники Л. С. Мамута любили повторять, что «Россия — тысячелетняя раба», что «в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба» и пр. Выходит, в России изначально поселился особый биологический вид *нелюдей*, внешне напоминающих человека?

Наконец, тезис о том, что «свобода неделима», просто нелеп. Все рассуждение теряет смысл. В любом обществе в любой исторический момент существует конкретная система неразрывно связанных «свобод и запретов», и система эта очень подвижна. Более того, в истории XX века мы в разных обличьях видели общую закономерность: освобождение неминуемо сопряжено с каким-то новым угнетением. Как сказал Блок,

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи...

М. Фуко высказал очевидную вещь, которая начиная с Канта на все лады обсуждалась множеством философов: «Антиномия права и порядка лежит в основе современной политической рациональности». Свобода (право) и порядок (принуждение) находятся в неразрывной диалектической связи. Иными словами, свобода — очень широкая категория, которая в реальности представлена динамической системой множества «делимых» свобод, которые в то же время выворачиваются в «несвободы» как само условие существования свобод. И в ходе развития общества как раз то одна, то иная свобода ставятся под вопрос, а затем и подавляются, давая место новым свободам. Сам же Кант, стараясь кратко объяснить суть Просвещения как обретения человечеством совершеннолетия и свободы разума, дал такую формулу: «Повинуйтесь, и вы сможете рассуждать сколько угодно»¹. В сознании наших интеллектуалов, похоже, произошел откат к безответственному отрочеству в обеих частях формулы — они отвергают повиновение и одновременно отказываются рассуждать.

Другой оратор, философ Э. Я. Баталов, на том «круглом столе» тоже подтверждает неделимость и абсолютный характер свободы: «Нет свободы американской, китайской, русской или французской. Свобода едина по природе и сути, хотя продвигаться по пути свободы то или иное общество или индивид

---

¹ Фуко М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть. М.: Практис. 2002.

могут на неодинаковую глубину... Или она есть как сущность, или же ее нет совсем».

Ну разве можно считать это тоталитарное, манихейское суждение разумным! Ведь оно ликвидирует всякую основу для рационального представления проблемы и рационального поведения. Если следовать этой логике, то или свобода есть и она есть *вся целиком*, так что и говорить не о чем, «или же ее нет совсем», так что тоже говорить не о чем.

Явно несуразно и утверждение, будто «свобода едина по природе и сути», независимо от места и времени. Даже непонятно, как такое могло прийти в голову образованному человеку¹. Ведь это противоречит очевидности! Представление о свободе, а значит, и ее облик есть продукт культуры, «по природе и сути» этот продукт изменяется со временем, иногда очень быстро, даже в лоне одной культуры, не говоря уж о разных обществах и цивилизациях. Индейцы не могли приспособиться к ограничениям их свободы передвижения и потому не годились для работы на плантациях, просто умирали. А африканцы с их навыками жизни в деревенской общине и пластичной психикой смогли жить, иметь потомство и интенсивно работать в тяжелых условиях рабства, и миллионы их были насильно завезены в США.

Возьмите любой класс свобод, и сразу видны различия в их толковании в разных культурах. Вот, например, *свобода слова*. Гоголь говорит: «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку... Опасно шутить писателю со словом. Слов гнило да не исходит из уста ваших!»² Здесь свобода слова определена ответственностью — «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». А вот формула культуры общества свободных индивидов, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Ренаном): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последст-

¹ Идея, будто существует какое-то единственно правильное представление о свободе, — примитивное идеологическое клише, часть технологии манипуляции сознанием. Американский исследователь СМИ Г. Шиллер пишет: «Самым крупным успехом манипуляции, наиболее очевидным на примере Соединенных Штатов, является удачное использование особых условий западного развития для увекочения как единственно верного определения свободы языком философии индивидуализма... На этом фундаменте и зиждется вся конструкция манипуляции» (*Шиллер Г. Манипуляторы сознанием*. М.: Прогресс, 1980. С. 29).

² Это обращение апостола Павла Гоголь повторяет в своих записках неоднократно. Он напоминает: «Все великие воспитатели людей налагали долгое молчание именно на тех, которые владели даром слова, именно в те поры и в то время, когда больше всего хотелось им пошегать словом и рвалась душа сказать даже много полезного людям».

вий». Можно ли сказать, что «нет свободы русской или французской»? Нет, это было бы глупо.

Это же касается и других классов свободы. Неужели не читали наши философы одного из последних стихотворений Пушкина — «Недорого ценю я громкие права, от коих не одна кружится голова»? Ведь это почти философский трактат. Н. Бердяев, этот «философ свободы», уделяет много места тому представлению о свободе, которое сложилось в русской культуре. Он подчеркивает, что эту свободу русский народ «никогда не уступит ни за какие блага мира», не предпочтет «внутренней несвободе западных народов, их поработности внешним» и что речь идет именно о *свободе*, а не о «дикости», «анархии» и «воле», о которых так любили говорить во времена перестройки¹.

О какой же свободе речь? Бердяев пишет: «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства... Россия — страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мешанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей»².

А как обстояло дело с «бытовой свободой» на Западе в историческом разрезе? Вот, например, под каким надзором жили французы. После 1680 г. каждый человек старше семи лет мог потратить в год 7 фунтов соли — но только для варки пищи. На другие цели использовать соль запрещалось — для этого на особом складе надо было покупать другую соль, получать на нее справку и при первом требовании предъявлять ее соляным инспекторам. Если приставы находили, что какой-то крестьянин засолит на зиму сало или свинину солью из положенных 7 фунтов, мясо конфисковывалось, а на хозяина налагался огромный штраф в 300 ливров. И эти приставы постоянно шныряли по

---

¹ В своем предисловии к «Черной книге коммунизма» А. Н. Яковлев дает совет демократам провести «деанархизацию», которой якобы отличался советский строй. Это входит в его гениальную формулу *Семь «Д»*. Под это он подводит историософскую и антропологическую базу — русские, мол, до свободы не досрели. Он пишет: «Следует обратить внимание на одно чисто российское явление. В сущности, вся освободительная борьба в прошлом шла под лозунгом «воли», а не «свободы». «Воля» — это свобода для меня, а потом для другого. «Свобода» — это свобода прежде всего для другого, что и дает свободу всем». Это рациональность интеллектуального наперсточника, манипулирующего понятиями. Но масса образованных людей ему внимала с уважением.

² Бердяев Н. Душа России. М.: 1990. С. 12.

домам, открывали бочонки с солониной и измеряли крепость рассола, пробовали соль в солонке и арестовывали хозяев¹. Надо думать, отвязаться от них без мзды было непросто.

Таким образом, свобода как одна из «исторически своеобразных форм нашего отношения к вещам, к другим людям и к самим себе» обладает большим разнообразием и по-разному воплощается в разное время в разных культурах. Более того, разные воплощения свободы в одном месте и в один и тот же момент могут находиться в противоречии, причем нередко неразрешимом, трагическом. Даже не верится, что целый синклит ведущих философов Москвы, который собрался за этим столом, мог не видеть такой элементарной вещи — но ведь он благосклонно поддакивал Л. С. Мамуту и другим корифеям, которые несли аналогичную чушь².

Дело в том, что интеллигенция мечтала о свободе червяка, не ограниченного никаким скелетом. Она отошла от рациональности Просвещения, которая, по выражению М. Фуко, есть «терпеливый труд, оформляющий нетерпение свободы». В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, *в известной мере пожертвовать свободой*. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги, а червяк не может»³.

¹ Длугач Т.Б. Дидро. М.: Мысль. 1986.

² Заметим, что на этапе перестройки наши рыночники любили опереться на Маркса. Да, у него деньги — чистый всеобщий эквивалент меновых стоимостей. Чистые отношения купли-продажи и есть «свобода» в западном понимании — никакой соборности, полная атомизация. Л. С. Мамут так цитирует Маркса: «Если экономическая форма, обмен, полагает всестороннее равенство субъектов, то содержание, субстанция, как индивидуальная, так и вещественная, которая побуждает к обмену, полагает свободу. Таким образом, в обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис всякого равенства и всякой свободы. Как чистые идеи, равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями: будучи развиты в юридических, политических, социальных отношениях, они представляют собой все тот же базис, но в некоторой другой степени» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 192). При этом всем было прекрасно известно, что в действительности «экономическая форма, обмен» вовсе не «полагает всестороннее равенство субъектов», что сам же Маркс и доказывал на примере купли-продажи рабочей силы.

³ Lorenz K. La acciyn de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid: Alianza. 1988.

Скептицизм людей в отношении всей этой «свободы без берегов» вызывал у архитекторов перестройки очень болезненную реакцию. Они клеймили консерватизм рассудительной части общества, выходя при этом за рамки разумного. М. С. Горбачев применил такую логику: «Когда ты десятилетия живешь в таком обществе, то возникают определенные стереотипы, привычки, создается своя особая культура (если это можно назвать культурой — может быть, это антикультура), свои правила и даже традиции. Участью общества была боязнь перемен. Для многих стала характерной неприязнь к новым формам жизни, к свободе»¹.

Все это — глупость с примесью фанатизма. М. С. Горбачев просто обругивает культуру своей страны, а читатели должны сам факт порицания принимать за доказательство обвинения! А если вдуматься — что же плохого в том, что в «этом обществе» возникают стереотипы, привычки, своя особая культура, свои правила и даже традиции? Разве существует где-нибудь общество без всего этого? Наоборот, все это — необходимые атрибуты любого устойчивого общества. И разве «боязнь перемен» — какой-то небывалый дефект именно советского общества? Да это элементарное условие существования общества, любой сложной системы!

И не должны мы прятаться от того факта, что менее образованные люди оказались более разумными — они гораздо более осторожно и скептически относились к лозунгу безграничной свободы. Какую это вызывало злобу и, главное, непонимание! А. Н. Яковлев пишет: «Да, в 1985 г. я, например, не предполагал, что у нас такой огромный запас консерватизма в обществе. Мне казалось, что стоит только провозгласить — свобода, гласность, демократия! И такое забурилит! Только б удержаться энтузиазм! Но все оказалось намного сложнее, труднее. Вы видите; борются даже против демократии, а часть людей раздражена гласностью, считает, что это дело вредное»².

Нелогичным было и то представление о контексте свободы, которое накачивали в сознание идеологи перестройки и их интеллектуальные соратники. Это представление было увязано с демократией (причем определенно имелась в виду именно западная демократия). Понятия свободы и демократии считались почти синонимами. Профессор права Б. Пугачев («известный политолог») даже опубликовал в «Российской газете» (17.03.1992) статью с замечательным названием: «Демократия равна свободе. Свобода самоценна». Возражений не последовало, наша интел-

¹ Горбачев М. Декабрь-91. Моя позиция. М.: Новости, 1992.

² Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. С. 69.

лектуальная элита даже не поинтересовалась, откуда взялась такая странная концепция. Ведь, что ни говори, а демократия, какая бы она ни была, есть *власть*. А любая власть есть принуждение, ограничение свободы.

Уж если следовать за мыслью философов гражданского общества, то движение к цивилизации и возникновению общества и демократии они понимали именно как последовательное ограничение свобод «естественного» человека. Гоббс пишет: «Природа дала каждому право на все. Это значит, что в чисто естественном состоянии или до того, как люди связали друг друга какими-либо договорами, каждому было позволено делать все, что ему угодно и против кого угодно, а также владеть и пользоваться всем, что он хотел и мог обрести...» (см.¹).

Представление Гоббса ошибочно, его образ «человека естественного» — чистая идеология. Но здесь это не важно, а важно то, что даже родоначальники либерализма не могли помыслить того, что вдруг начали вешать наши проваренные в историческом материализме обществоведы.

А ведь во время перестройки на щит подняли Н. Бердяева! Выходит, на щит подняли, но почитать его никто не удосужился. Он писал: «Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, — она должна была принести великие блага, должна освободить личность. Во имя некоторой бесспорной правды демократии мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия... Инстинкты и навыки абсолютизма перешли в демократию, они господствуют во всех самых демократических революциях».

Что же касается западной демократии, то она в ходе своего исторического развития как раз и породила государство-Левиафан, которое предсказал Гоббс. А Тойнби в своем главном труде «Постижение истории» пишет об утверждении на Западе культа Левиафана начиная с Рима первых веков нашей эры: «В западном мире в конце концов последовало появление тоталитарного

---

¹ Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII — XVIII вв.). М.: Наука, 1987. С. 17.

типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов... В секуляризованном западном мире XX века симптомы духовного отставания очевидны. Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту».

Более того, и в самой современной версии либерализма (неолиберализме) признается наличие противоречия между демократией и свободой. Давая философское обоснование неолиберализма, Г. Радницки подчеркивает это различие: «Идея свободного порядка легко может войти в конфликт с определенными типичными применениями демократического метода... Чем больше областей подвергается «демократизации», тем уже круг решений, которые остаются во власти индивидуума, и тем в большей степени разрушается индивидуальная свобода»¹.

Но эта историческая и современная реальность была неинтересна нашей прогрессивной интеллигенции. Она построила себе утопический примитивный образ и поверила в него как в сущность. И в него призывала втиснуть нашу реальную жизнь.

Второй провал рациональности в связи с представлением о демократии вызван тем, что оно было изначально увязано с частной собственностью и рынком. Упомянутый выше Э. Я. Баталов говорил на «круглом столе» в «Вопросах философии»: «Не буду заниматься тщетными поисками определения демократии. Скажу только, что суть ее вижу в существовании между гражданами отношений рыночного типа — неважно, идет ли речь о демократии в политике, экономике и культуре... Словом, есть рынок — есть демократия, нет рынка — нет демократии. Третьего не дано, точнее, третье — казарма».

Ему вторит известный философ В. М. Межуев: «Какое же общество действительно нуждается в правовой демократии и способно ее защитить и сохранить? Я думаю, только то, которое состоит из собственников, независимо от того, чем они владеют — средствами производства, денежным капиталом или только своей рабочей силой... Иными словами, это общество частных интересов и дел, где каждому что-то принадлежит и каждый имеет право на собственное дело. По существу, это и есть гражданское общество, в котором люди связаны между собой как не-

---

¹ Radnitzky G. La tesis de que la ciencia es una empresa libre de valores: ciencia, etica y politica // Estructura y desarrollo de la ciencia. Madrid, 1984.

зависимые друг от друга индивиды — самостоятельные собственники и хозяева своего частного дела»¹.

Впечатление такое, будто сознанием наших интеллектуалов на время и впрямь овладели идола, образы ложных сущностей. Их рассуждения о связи собственности с демократией обнаруживают такой регресс относительно исторического знания, что их и рациональными назвать уже нельзя. Даже кадеты начала XX века, оказавшись несостоятельными в российской политике, все же были гораздо ближе к реальности и логике. М.Вебер, объясняя коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе, приводит важный довод: к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей *буржуазии* в либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований российских либералов. Как пишет исследователь трудов Вебера историк-эмигрант А.Кустарев, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции»².

Вся идеологическая кампания, направленная на то, чтобы убедить граждан, будто частная собственность и основанный на ней капитализм «создают» права и свободы человека, противоречит давно установленным выводам социологии и философии. Тезис о связи капитализма с демократией отвергнут не только марксизмом, но и либеральными мыслителями. Вот что писал

---

¹ При этом В. М. Межуев не замечает, что он восхваляет как раз не демократию, а *технократию*, то, что либералы называют «*государством принятия решений*», в котором эксперты и бюрократы оттеснили от политики не только массы граждан, но даже и их *представителей*. В. М. Межуев говорит: «Другой стороной той же правовой демократии является профессионализация политической деятельности. Все формы бюрократической и тоталитарной власти преодолеваются не отрицанием власти и не ее превращением во всеобщее дело всех, а *культурой* власти, которая, как и любое культурное дело, может осуществляться только профессионалами». Это и есть доктрина ликвидации представительной демократии с передачей всей власти профессионалам-администраторам. Такие вещи на Западе стесняются говорить самые реакционные противники демократии.

² В сравнении с русскими буржуазными либералами начала XX века наши раскаявшиеся марксисты выглядят нелепо. Вспомним, как В.Селюнин излагал их символ веры: «Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность». Ну, В.Селюнин — газетчик. Но ведь в том же духе высказывались и А.Н.Яковлев, и куча других академиков и профессоров.

М. Вебер в 1906 г.: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, — этой неизбежности нашего хозяйственного развития — избирательное сродство с «демократией» или вовсе со «свободой» (в каком бы то ни было смысле слова)». В высшей степени смешным!

Наши элитарные гуманитарии не слушали ни Вебера, ни Тойнби, ни Бердяева — не соглашались с ними и не спорили, просто игнорировали. Они поступали не как интеллектуальное сообщество, а как секта, отвергающая нормы рациональности. Допустим, они для себя оправдывали такое поведение тем, что за последние полвека положение сильно изменилось, Вебер и Бердяев устарели, так зачем усложнять дело обсуждением их неактуальных рассуждений. Однако точно так же они поступили с предупреждениями современных философов, изучающих взаимоотношения между свободой, демократией и рынком в наши дни, особенно в странах небогатых и бедных. Их рассуждения не довели до сведения нашей интеллигенции и на них не ответили.

Сейчас, просматривая литературу 90-х годов, видишь, что единичные публикации были — когда неприлично было уважаемому автору отказать. Но они были встречены полным молчанием. Ни одного комментария! Это поразительно. Вот в «Вопросах философии» в 1993 г. (№ 6) прошла статья Генерального секретаря Всемирной федерации философских обществ, профессора университета Анкары (Турция) И.Кучуради под актуальным для нас названием: «Экономическое неравенство, права человека, демократия и свободный рынок».

Автор пишет, очень осторожно, с реверансами: «За связыванием воедино прав человека, демократии и свободного рынка, ставшим в последнее время очень популярным, стоит скорее ценностное суждение, нежели концептуальное или эмпирическое отношение. Если считать, что права человека, демократия и свободный рынок сущностно взаимосвязаны, то это мнение наряду с другими факторами может усилить и без того острое экономическое неравенство как внутри отдельной страны, так и между странами, может создать новые формы неравенства и породить новые разочарования в странах, вставших, как говорится, «на путь освобождения от марксизма»...

Полностью «свободный рынок» в небогатых странах означал бы... отказ от возможности сделать основные права человека определяющим фактором в установлении и изменении любых экономических отношений... Поэтому концепция полностью «свободного рынка» и то, что несет с собою идея прав человека,

представляются несовместимыми, по крайней мере для бедных и небогатых стран».

В этой статье автор ссылается на подведенный в середине 80-х годов итог исследований взаимодействия рынка и демократии в небогатых и бедных странах в течение предыдущих 30 лет. В ней высказано много важных, а для нас очевидно актуальных суждений. Ни на этот итог, ни на суждения на бесчисленных «круглых столах» в российском философском сообществе не было ни ссылки, ни критического комментария, ни какой-либо другой реакции. наших гуманитариев как организованное сообщество реформа как будто смыла с лица земли, они забились по щелям и не сказали обществу ничего связного ни по одному существенному вопросу. Нет у них прочного мыслительного каркаса, все расплывается, как гнилая тряпка.

Говорить о причинно-следственной связи между рынком, демократией и правами человека стало просто неприлично после того, как мир пережил опыт фашизма. Ведь фашизм — порождение именно капитализма и присущего ему общества, в ином обществе он и появиться не мог. Вот что пишет философ Г. Маркузе: «Превращение либерального государства в авторитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм «вынул» из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития». Так что утверждение, будто частная собственность и рынок порождают демократию и только демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований. Поразительно, как оно могло быть принято интеллигенцией, когда перед глазами был пример Пиночета, который провел в Чили примерно ту же реформу, что и Чубайс в России.

С понятием демократии тесно связано и понятие *права*. То, как трактовали это понятие представители нашей гуманитарной элиты, поражает своей несовместимостью с логикой и общеизвестной реальностью. Философы перестройки утверждали «самозаконность человеческого поведения»! Подумать только — отрицали саму возможность общества и государства ограничивать поведение индивида общими правовыми нормами. *Самозаконность!*

Ясно, что они при этом верили в то, что советский строй был неправовым, и, навязывая нам эту «самозаконность», по выражению Тойнби, самодовлеющего индивида, немало сделали для того, чтобы погрузить наше общество в правовой беспредел 90-х годов. Страшно то, что, служа идеологическим прикрытием для самой подлой и примитивной преступности, наши утонченные

философы, похоже, действительно не понимали, что творят. Да вряд ли поняли и сегодня — никаких явных признаков понимания не видно.

На том «круглом столе» 1990 г. в «Вопросах философии» Э. Ю. Соловьев, ссылаясь на Канта, с большим апломбом утверждал: «О наличии в обществе права можно говорить лишь в том случае, если член этого общества признан государством в качестве разумного существа, способного самостоятельно решать, что для них хорошо... Цели людей не подлежат властно-законодательному определению».

В такой трактовке само понятие правового общества теряет смысл, поскольку такого общества и такого государства не может существовать в принципе. И уж тем более неправовым при такой трактовке оказывается буржуазное государство, которому весь этот синклит философов пел дифирамбы. В своей «Энциклопедии социальных наук» основоположник современной западной доктрины пропаганды Г. Лассуэлл заметил: «Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах».

Но еще более нелепа эта трактовка права, если подойти к ней «снизу», от жизненной реальности. Надо вдуматься в картину того «правового» общества, которое последовало бы императивам, сформулированным Э. Ю. Соловьевым! Значит, и Чикатило, и Шамиль Басаев имеют право «самостоятельно решать, что для них хорошо». Более того, они имеют право превратить свои решения в цели, а затем и реализовать эти цели в виде деятельности — ведь их поведение обладает *самозаконностью*. Ни общество, ни государство в это их целеполагание и поведение не должны вмешиваться — в противном случае философ признает это общество и это государство неправовыми. Это нормально?

И ведь философу Э. Ю. Соловьеву вторит юрист В. Д. Зорькин: «Человек обладает разумом и волей и имеет свободу выбора поведения на основе внутреннего самоопределения». Можно ли поверить, что полковник юстиции говорит это искренне? Как это «свобода выбора поведения на основе внутреннего самоопределения»? Зачем же тогда законы, полиция, полковники юстиции? Мы что, отказываемся от цивилизации и узакониваем мрачную утопию Гоббса, согласно которой «естественный» человек якобы имеет право на все и ведет «войну всех против всех» согласно праву на «свободу выбора поведения»? Да ведь и Гоббс, даже приняв эту совершенно ошибочную антропологическую модель, считал, что, став цивилизованным, человек от этой свободы отказывается, передавая ее государству.

А законодатель в сфере исторического материализма М. Я. Ко-

вальзон и к понятию правового государства ухитрился пристегнуть требование узаконить частную собственность. Уже в 1990 г. он раскаялся в своих марксистских заблуждениях и влился в общий хор рыночных гуманитариев. Разумеется, на антисоветской ноте: «Как и почему у нас сложилось неправоное государство? Что нужно сделать, чтобы у нас утвердились право, свобода, демократия?.. Право по сути есть юридическое выражение отношений собственности, возникающее там, тогда и постольку, где существуют и соотносятся не просто различные, а именно частные собственники... Только в обществах, основанных на частной собственности, с необходимостью порождаящей социальное неравенство, появляется такая система норм общественного поведения, которая может сохранять свою действенность лишь при наличии силы государства».

Итак, наши философы-марксисты уже и социальное неравенство считают за благо и гарант правового общества. Какой маразм! И эти люди писали и пишут учебники для наших университетов.

Всякие рациональные очертания потеряло в годы перестройки и понятие «гласность». Казавшиеся вполне разумными люди призывали к полному устранению цензуры, к сбрасыванию абсолютно всех покровов с отношений между людьми. Видимо, большинство образованных людей клюнули тогда на примитивную приманку «свободных мнений» — прежде всего очерняющих собственную страну и ее историческое прошлое. Трудно было удержаться в стороне от этого общего порыва. Поразительно другое — сколь большая часть интеллигенции задержалась в этом потоке, когда пора было увидеть, что вся эта «гласность» была приступом иррациональности, довольно-таки постыдным для образованного слоя. Многие плывут в этом потоке и до сих пор (но в искренность этих людей поверить уже невозможно — тут или политический интерес, или невозможность найти путь назад, все мосты сожжены).

Как тяжело было смотреть, после того как прошло возбуждение первой волны перестройки, как умные и честные люди продолжают заглатывать пустые, дешевые идеи, требуют их все больше и больше, хватаются за газеты, не могут оторваться от телевизора — без всякого чувства меры. Им просто нет времени задуматься, сделать собственное умозаключение. Ницше писал о таком состоянии: «Легкое усвоение свободных мнений создает раздражение, подобное зуду; если отдаешься ему еще больше, то начинаешь тереть зудящие места, пока наконец не возникает открытая болящая рана»¹. Это и случилось с нами во время пере-

---

¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. М.: 1990. Т. 1. С. 605.

стройки — и этому мы не сумели противопоставить рассудительность.

Идеологи делали тогда заявления тоталитарные, лишённые всякого разумного смысла. Вот высказывание А. Н. Яковлева: «Иногда и у нас говорят о том, что не вредно, дескать, было бы установить какие-то пределы гласности. Ясно, что когда заводят речь о таких пределах, значит, гласность кому-то мешает»¹. И почему же это надо принимать за довод в пользу беспредельной гласности? Ведь это просто глупость! Разве следует делать именно то, что людям мешает? Почему же не уважить людей, которые просят не мешать им жить?

А вот высказывание самого М. С. Горбачева: «Когда я об этом говорю, то одновременно вновь и вновь подчеркиваю: мы за гласность без всяких оговорок, без ограничений... и на вопрос, есть ли у гласности, критики, демократии пределы, мы отвечаем твердо: если гласность, критика, демократия в интересах социализма, в интересах народа — они беспредельны!»² Правда, Горбачев хотя бы сделал оговорку, по сути отрицающую весь тезис (гласность у нас беспредельна, но только в пределах интересов социализма, а интересы социализма определяет номенклатура КПСС).

Но ведь сам этот продукт гипостазирования — придание расплывчатому понятию *гласность* статуса абсолютного приоритета в нашей жизни — засел в сознании множества людей и до сих пор там сидит. Вспомним первые выборы народных депутатов СССР в 1989 г.! Однажды целой группе конкурентов во время дебатов на телевидении был задан один вопрос: «Считаете ли вы, что гласность должна иметь какие-то пределы?» И с телеэкрана все они *до одного* (а это были весьма почтенные интеллигентные люди) заявили совершенно безумную вещь: гласность должна быть *абсолютной*, никаких ее ограничений они, будучи депутатами, не допустят. И это — вопреки здравому смыслу. О каких правах человека может идти речь при «неограниченной гласности», когда не может укрыться ни одно твоё движение, ни одна мысль? Заметим, что эта болезнь интеллигенции — расщепление логики — вызревала довольно давно.

Из всей истории с гласностью мы обязаны извлечь урок. Он важен не только в академическом, но и в сугубо практическом плане. Ведь эта история не кончилась с крушением советской

¹ Яковлев А. Н. Перестройка и нравственность // Советская культура. 1987. 21 июля.

² Горбачев М. С. Демократизация — суть перестройки, суть социализма // Правда. 1988. 13 января.

государственности, ради которого эта гласность была затеяна. Она, получив мощную поддержку образованного сословия и одновременно власти, стала жить собственной жизнью, став, в новых формах, фактором разрушения и даже криминализации общества и государства. Постулаты гласности узаконили скандал и шантаж в качестве признанного инструмента власти. Чем была история устранения Генерального прокурора РФ Скуратова с помощью скандальной (точнее, преступной) видеозаписи? Сильным ударом и по праву, и по нравственности. Ведь М. Швыдкой, пустивший эту видеозапись в эфир, стал министром культуры, а В. В. Путин, выполнивший указание Кремля об устранении Скуратова, стал президентом. Никакой последующей оценки этого применения принципов гласности не последовало.

Так что вспомним сами эти принципы и попытаемся реконструировать ход мысли интеллигенции, которая эти принципы поддержала в середине 80-х годов. Вся доктрина гласности — лабораторная разработка гуманитариев из окружения Горбачева. Ее прототип — развитая Руссо концепция государства, где власть осуществляется посредством *общественного мнения*. Для его формирования и требуется *гласность*. Само это понятие в западных языках обозначается словом «прозрачность» (*transparency*).

М. Фуко говорит об этой концепции Руссо: «Мечта о прозрачном обществе, одновременно видимом и читаемом в каждой из его частей; мечта о том, чтобы больше не оставалось каких-либо темных зон, зон, устроенных благодаря привилегиям королевской власти либо исключительными преимуществами того или иного сословия, либо, пока еще, беспорядком; чтобы каждый с занимаемой им точки мог оглядеть все общество целиком; чтобы одни сердца сообщались с другими; чтобы взгляды больше не натывались на препятствия; чтобы царило мнение, мнение каждого о каждом»¹.

Да, была такая утопия во Франции в XVIII веке. Вопрос в том, как она могла найти отклик в душе русских интеллигентов конца XX века! Ведь для этого надо было отключить и рассудок, и память. Ибо уже в том же XVIII веке обнаружилось, что эта утопия самым естественным образом порождает технократическую практику тоталитаризма, что и было затем отражено в множестве и философских, и художественных произведений, в том числе тех, которые были прославлены во время перестройки

---

¹ Фуко М. Око власти // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002. С. 228.

(«1984» Оруэлла, «Мы» Замятина, «Защита Лужина» Набокова). Не видеть этой связи просто невозможно!

Приняв идею гласности, каждый соглашался с тем, чтобы в его спальне была установлена скрытая камера и любой большой или маленький швыдкой мог пустить видеозапись в большой или маленький эфир. Прозрачность так прозрачность! Образованный и способный к логическим рассуждениям человек не мог этого не видеть. Если не увидел, значит, его интеллектуальные инструменты были сильно испорчены и он должен этот вопрос для себя прояснить.

Мало кто задумывается над смыслом неприятного слова *«паноптикум»*. А ведь оно обозначает вполне конкретный технократический проект, порожденный концепцией прозрачности (гласности). Это власть, основанная на возможности *увидеть все* — *пан-оптикум*. Широкая публика вряд ли знает, но советники Горбачева были большие эрудиты и наверняка слышали о знаменитом английском юристе Иеремии Бентаме, авторе труда «Паноптикум», изданного в конце XVIII века. Бентам изобрел тюрьму нового типа, вывернув наизнанку принцип темницы — все камеры кольцеобразной тюрьмы были освещены так, что просматривались из центральной башни. Тьма укрывает, для тоталитарной власти нужна прозрачность! Фуко назвал Бентама «Фурье полицейского государства». Его паноптикум стал утопией тоталитаризма, он выражается в самых разных формах. И это с пеной у рта приветствовали наши интеллигенты-демократы.

Они, конечно, скажут, что они хотели не этого, они хотели только Руссо. Но разве можно признать такую наивность свойством рационального мышления? Фуко отметил очевидную вещь: «Эти двое прекрасно дополняют друг друга, и все работает: и лирическая восторженность Руссо, и одержимость Бентама» (с. 229). Эта неспособность видеть обратную сторону светлой утопии (*аутизм*) — важный признак поражения рациональности, и наша интеллигенция проявляла и проявляет этот признак очень красноречиво.

Бентам и Руссо не просто дополняют друг друга, они связаны друг с другом, являются частями одной большой идеи. Фуко поясняет эту связь даже без привязки к проекту паноптикума: «Власть, главной движущей силой которой станет общественное мнение, не сможет терпеть ни одной затененной области. И если замысел Бентама привлек к себе внимание, то это произошло потому, что он давал применимую к большому числу различных областей формулу, так сказать, «власти через прозрачность», покорения посредством «выведения на свет» (с. 231).

Кстати, и в самом простом отношении интеллигенция, поддержав разрушение советского строя ради «гласности», фундаментально ошиблась. Даже непонятно, почему она решила, что демонтаж всех выработанных в СССР механизмов участия общества во власти (массовая партия, массовое и представительное участие в Советах, общие собрания трудовых коллективов с обязательными отчетами руководителей, органы народного контроля и, наконец, идеологические нормы) приведет к повышению ее «прозрачности». Это предположение противоречило всякой логике, и тенденцию к полному отрыву власти от общества мы увидели уже при Горбачеве. А уж потом...

И давайте признаем откровенно, что с концепцией свободы, которую навязывали и навязывают идеологи перестройки, а затем реформы, жестко сцеплена самая пошлая и примитивная *русофобия*! Поразительно, как легко была внедрена в сознание нашей интеллигенции плоская трактовка западной свободы. Историк-эмигрант Н. И. Ульянов пишет о западниках: «У нас всегда полагали, что на Западе и цари либеральнее, и полиция добрее, и реакция — не реакция... С давних пор отшлифовался взгляд на сомнительность русского христианства, на варварство и богопротивность его обрядов, на отступничество русских, подлость их натуры, их раболепие и деспотизм, татарщину, азиатщину и на последнее место, которое занимает в человеческом роде презренный народ московитов. На начало 30-х годов XIX в. падает небывалый взрыв русофобии в Европе, растущий с тех пор крещендо до самой эпохи франко-русского союза»¹.

А в Москве эта русофобия вспыхнула, как только номенклатуре удалось высвободиться из-под гнета советской идеологии. Вот советник Ельцина по науке философ А. И. Ракитов в академическом журнале «Вопросы философии» излагает «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации». Здесь весь набор отрицательных «имперских» качеств, в качестве итога их дается такое суждение: «Ложь, клевета, преступление и т.д. оправданны и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т.е. укреплению военного могущества и расширению территории». Как обычно, поминаются Иван Грозный с другими тиранами и подчеркивается, что их патологическая жестокость была не аномалией, а имманентно присущим России качеством: «На этих [имперских] фундаментальных принципах нашей цивилизации было построено все довольно детально разработанное и изощренное законодательство... Поэтому надо го-

¹ Ульянов Н. И. Басманный философ // Вопросы философии. 1990. № 8.

ворить не об отсутствии цивилизации, не о бесправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях»¹.

Могли ли мы предполагать, что этот примитивный, неразумный вариант западничества снова расцветет в нашей интеллигенции в конце XX века!

Сейчас все уже подзабыли, как в конце 80-х и начале 90-х годов прошла удивительная по своей тупости кампания на тему «Россия — тысячелетняя раба». Кампания прошла, но идеологи остались, просто они капают свой яд в иной дозировке и в иных художественных оболочках. Но разве позволительно интеллигенции пропустить это мимо ушей и не задуматься о корнях этой программы и о собственной утрате критического чувства? Ведь все эти пропагандисты несколько не утратили своего авторитета в образованном слое России.

Вот, например, недавнее рассуждение Б. Сарнова: «Ведь мы живем в стране с тяжелой наследственностью, и это не только советская наследственность, она ведет свою историю еще от Ивана Грозного, царствования Николая I. Недавно я как раз в связи с нашей темой, о возможности соотношения жесткой власти и свободного рынка, читал интервью с Андроном Кончаловским, который высказал четко обозначенную позицию: русскому народу свобода не нужна»². Это говорится в 2004 г. — ничего не изменилось!

Понимание свободы, которая якобы не нужна русскому народу, у Сарнова с Кончаловским удивительно примитивное. Даже не верится, что такое может быть, — но ведь они и им подобные эту куцую мысль бубнят уже двадцать лет! Ни за какие деньги не станет человек, тем более обеспеченный, так долго повторять такую чушь, если в нее не верит. Ну вспомнили хотя бы культурологов. Ведь культура — это *запреты*, это именно ограничение свободы. Великие умы об этом писали, да это и здравый смысл подскажет. А вот мысль либерального философа: «Ядро любой культуры стоит на ее «запретах» («глубоко впечатавшихся вето, выгравленных в превосходных и правдивых символах»). Вот почему имеет смысл описывать нынешние Соединенные

---

¹ Ракитов А. И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5.

² Известия. 2004. 5 марта.

Штаты как «общество без культуры». Это общество, в котором нет ничего святого и, стало быть, нет ничего недозволенного»¹.

С понятием «демократия» вообще произошла странная вещь — люди совершенно перестали замечать принципиально *антидемократические* утверждения политиков. А ведь у наших «рыночников» экономическая свобода жестко отделена от политического либерализма. Такой правый либерализм популярен у российских «новых собственников» именно потому, что очень тонка их социальная база и им не удалось получить печать легитимности на их собственность. Их главная надежда — на авторитарное государство, а их либеральный кумир — Пиночет. Декларации наших правых либералов (например, Е. Ясина) в этом плане очень откровенны.

Как, впрочем, и высказывания господ из элитарной художественной интеллигенции. Фазиль Искандер в день своего юбилея разглагольствует: «Мне кажется, что демократия может закрепиться в стране, где у народа есть традиция добровольного самоограничения. У нас же была традиция насильственного самоограничения. И вот после страшного насильственного самоограничения, возьмем хотя бы советскую эпоху, вдруг выпала полная свобода, и огромное количество людей просто превратились в жуликов, воров, даже убийц. Мне кажется, что подобно тому, как голодающего человека нельзя сажать за пиршественный стол, так и у народа должно было быть время, когда человек свои низменные инстинкты не из высших соображений каким-то образом затапывал, а просто из страха перед возможностью суда, тюрьмы. А так все почувствовали, что все дозволено»².

«Насильственное самоограничение» — какая глупость! И какая подлость! Этот интеллектуал принимал активное участие в разрушении государственности и всех экономических и культурных устоев людей — тех устоев, с опорой на которые людям не было причин становиться жуликами, убийцами и самоубийцами. А теперь, когда вполне предсказуемый результат его действий налицо, он отходит в сторону, взваливает вину на жертвы своего разрушительного проекта и зовет городского. Крах рациональности тесно связан и с крахом нравственности.

Ф. Искандер берет простой случай — ведь никто не оправдывает воров и убийц, даже если они стали жертвами доктринеров и были выброшены из общества помимо своей воли. Но теперь принято проклинать и политическую демократию, тот самый

¹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс, 2002. С. 175.

² Там же.

инструмент, с помощью которого пришла к власти нынешняя верхушка. В. В. Путин говорит, например: «Нельзя позволить всяким проходимцам злоупотреблять терминологией из демократического словаря, решая свои клановые интересы».

Это типично антидемократический тезис. Суть гражданского общества в том и заключается, что граждане группируются согласно своим «клановым интересам» и делегируют в партии, прессу, парламент своих представителей, которые эти интересы отстаивают, «злоупотребляя» той терминологией, которая им кажется наиболее удобной (это и называется *свободой слова*). При этом администрация, включая президента, не имеет права не только запрещать применение той или иной терминологии, но даже и обзывать этих неприятных власти представителей «всякими проходимцами». Для определения границы между употреблением и злоупотреблением, а также между гражданином и проходимцем существует суд, а не исполнительная власть.

В. В. Путин сделал это заявление в обезличенной форме — сегодня оно может быть применено к одному «проходимцу», завтра к совсем другому. Важно, что в рамках «демократического словаря» все это рассуждение есть нонсенс.

Именно та часть интеллигенции, которая выступала под знаменем демократии и многопартийности, активнее всех поддержала явно антидемократическую кампанию против Верховного Совета РСФСР, а потом и против Государственной думы — представительных органов парламентского типа. В этом уже было что-то шизофреническое — в конфликте парламента с авторитарной кликой Ельцина, с ее явным антиинтеллектуальным и даже криминальным душком, поддержать эту авторитарную клику и при этом искренне называть себя «демократами»!

Историк-академик П. В. Волобуев сказал незадолго до своей смерти: «В стране уже несколько лет идет трудный и мучительный процесс становления парламентаризма. И если в дореволюционной России либерально-демократическая интеллигенция всячески поддерживала Государственную думу, то наши «демократы»-интеллигенты через СМИ сделали максимум возможного для дискредитации Верховного Совета сначала Союза, а затем Российской Федерации, создавая в народе представление о нем как о балагане, говорильне, бастионе консерватизма и т.п. Да будет им известно, что они попросту приняли эстафету от черносотенцев — ненавистников парламентаризма. Но мне не приходится, чтобы черносотенцы требовали «Раздавить гадину!», чем навеки прославили себя нынешние «демократы»... Такой подход вполне отвечает интересам режима, но свидетельствует о социальной забывчивости и политической беспринципности

нашей «демократической» интеллигенции. Лично я давно перестал связывать перспективы демократии в России с нашими «демократами» и «либералами». Они, скорее, похожи на ее могильщиков»¹.

Почти за двадцать лет, с начала перестройки, положение несколько не улучшилось. Наоборот, гипостазирование вошло в привычку, стало новой нормой мышления. Эта норма воспринята политиками вплоть до верховной власти. Конечно, над выступлениями политиков такого уровня трудится целая рать советников и экспертов, но нас интересует само явление, а не авторство этих умозаключений.

Вот В. В. Путин во многих своих заявлениях отстаивает ценность *экономической свободы*. Понятие это туманное, философское, но в речах президента им обозначается чуть ли не главная наша цель. Вот что сказано в Послании Федеральному собранию 2003 г.: «Необходимо извлечь уроки из нашего опыта и признать, что ключевая роль государства в экономике — это, без всяких сомнений, защита экономической свободы».

Почему же такая странная роль государства утверждается «без всяких сомнений»? Тезис именно *сомнительный*. Что это за священный идол — экономическая свобода? Спросите любого человека на улице: в чем «ключевая роль государства в экономике»? Почти каждый скажет как раз противоположное — установление порядка и контроль за ним. Даже либералы любят повторять свой афоризм: «Государство — ночной сторож». Да разве дело сторожа «защита свободы»? Совсем наоборот — защита порядка, ограждение свободы жуликов.

А если шире, то ключевая роль государства в экономике — так организовать производство и распределение материальных благ, чтобы была обеспечена безопасность страны, народа и личности, а также воспроизводство физически и духовно здорового населения. Ради этого государство обязано ограничивать «экономическую свободу» рамками общественного договора, выраженного в законах. Причем в законах, опирающихся на господствующие в данной культуре нравственные нормы, а не противоречащих им.

Придавая экономической свободе статус одной из главных сущностей, В. В. Путин исходит из абстрактного постулата: «Сегодня, в современном мире, государство в первую очередь долж-

---

¹ *Волбуев П. В.* Четвертооктябрьский политический режим: социальная сущность и перспективы // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 287 — 300.

но обеспечить права и свободы своих граждан, без этого вообще ничего невозможно сделать».

Это типичный либеральный штамп, пустые слова надуваются, как воздушный шарик. В них нет никакой сущности. Она не здесь, а в жестком определении, *какие* права и свободы имеются в виду, *для кого* эти права и свободы. Если следовать здравому смыслу, то надо уточнить, что базовым правом человека является *право на жизнь*. А ведь оно реализуется через право на труд и уравнилельное распределение минимума жизненно важных благ (что возможно лишь при сильном общественном секторе хозяйства). На худой конец, как чрезвычайная мера, право на жизнь осуществляется через социальную помощь «слабым» посредством перераспределения богатства с помощью налогов.

Но в любом случае «экономическая свобода» несовместима с правом на жизнь «для всех», она означает лишь право сильного на жизнь — право того, кто победил в конкуренции. Ведь рынок с его «свободой контракта» отрицает право на труд и на удовлетворение потребности человека в хлебе и тепле. Он удовлетворяет только *платежеспособный* спрос. Милостыня бедным — вне экономики, это благотворительность, права на нее не существует, ее можно лишь просить как милость.

Гипостазирование в связи с понятием экономической свободы имеет и важное международное измерение. В декабре 2003 г. В. В. Путин сделал важные утверждения по проблеме «границ» России, ее «открытости» миру. Тут идея экономической свободы выступает в ее исходном значении — *свободной торговли*. Об этом говорит радость по поводу вывоза тех продуктов, которых остро не хватает в самой России. В. В. Путин сказал: «Впервые за полвека Россия превратилась из импортера зерна в его экспортера. С 1999 года продажи наших продовольственных товаров на зарубежных рынках выросли в три раза. Экспорт нефти, нефтепродуктов и газа увеличился на 18%, и сегодня Россия является крупнейшим экспортером топливно-энергетических ресурсов в мире».

Но ведь сбор зерна в РФ опустился ниже порога безопасности, скот режут из-за дороговизны комбикорма, а зерно, как в начале XX века, вывозят за рубеж. То же с экспортом нефти. Промышленность парализована, города в полузамерзшем состоянии, а нефти для внутреннего потребления в РФ остается в три раза меньше, чем в советское время. Разве это хороший признак?

Как пишут историки, доктрина «свободной торговли» существовала в двух видах. Первый вид — чистая идеология, навязанная Западом элите зависимых стран. Второй вид — реальная политика насильного раскрытия рынков зависимых стран для мет-

рополии. Колонизация Индии Англией разрушила ее хозяйство. Затем Англия силой заставила Китай открыть свой рынок для английского опиума, который выращивался на английских плантациях в Индии (опиумные войны). В нынешней РФ доктрина свободной торговли внедряется в обоих ее видах — и как идеология, и как реальная практика.

То, что из России вывозится нефть и зерно, полбеда. В огромных количествах вывозится самый дорогой и компактный товар — *деньги*. Уже 12 лет правительство шаг за шагом упрощает этот вывоз, так что сегодня один самолет, вылетевший из Шереметьева, может без всякого оформления вывезти миллион долларов. Иными словами, государство отказывается контролировать вывоз капитала административными средствами. Каков же довод в обоснование такого отказа от одной из обязанностей государства?

В. В. Путин говорит: «Для того чтобы предотвратить легальный или даже часть криминального оттока капитала, нужно просто создавать более благоприятные условия для инвестирования в собственную экономику».

Просто создавать более благоприятные условия! А если по каким-то причинам таких условий создать невозможно? Например, если из-за холодного климата и высоких издержек на отопление условия для инвестирования в РФ все равно будут менее прибыльными, нежели в экономику Малайзии? Значит, мы обязаны безропотно погибнуть, глядя, как «предприниматели» вывозят достояние страны? К тому же «создать благоприятные условия» — это длительный процесс, а вывоз капитала — процесс моментальный. «Раскрыв» Россию, правительство ставит крест на всякой возможности ее развития. Ради чего? Ради того, чтобы где-то в Давосе наших министров похлопали по плечу (если мы исходим из предположения, что министры не вступили в долю с теми, кто вывозит достояние страны).

Сегодня доктрина свободной торговли, с помощью которой «клуб развитых стран» тормозит развитие стран зависимых, воплощается в ВТО. Правила ВТО сформулированы сильными мира сего, они и получают главную выгоду от «раскрытия» рынков слабых стран. За это слабым странам дают льготы для продажи их дешевых товаров низкого технического уровня — при условии, что они не будут вести научно-техническую деятельность, предоставив это метрополиям. При этом сильнее всего пострадает именно Россия — она в кризисе, и ее наукоемкие производства будут уничтожены конкуренцией. А в то же время само преодоление ее кризиса возможно только через восстановление наукоемкого производства.

С какой же целью наши правые политики, включая В. В. Путаина, настойчиво стремятся форсировать вступление РФ в ВТО? Ведь они категорически отказываются связно и понятно ответить на самый простой вопрос: *зачем* нам вступать в ВТО? Что мы в ближайшие десять лет собираемся продавать на западных рынках? Для продажи нефти и газа никакой ВТО не надо, их и так возьмут и еще потребуют. ВТО нужна лишь для того, чтобы задавить штрафами и санкциями остатки нашего машиностроения.

Глава 4

УЧЕБНЫЕ ПРИМЕРЫ ГИПОСТАЗИРОВАНИЯ: ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

В создании и поддержании идейного хаоса с середины 80-х годов большую роль сыграла догма *«общечеловеческих ценностей»*. В основе ее лежит убеждение, будто существует некий единый тип «естественного человека», суть которого лишь слегка маскируется культурными различиями и этнической принадлежностью. Главные ценности (потребности, идеалы, интересы) людей якобы определяются этой единой для всех сутью и являются *общечеловеческими*. Раз так, значит, развитие разных человеческих общностей (народов, культур) приведет к одной и той же разумно отобранной из разных вариантов модели жизнеустройства.

Представление о человеке естественном, которому якобы присущ некоторый набор природных ценностей, противоречит данным современной антропологии и является рецидивом *биологизаторства* — уподобления человеческого общества миру дикой природы, где разные виды ведут борьбу за существование и побеждает наиболее приспособленный вид. Такое представление (социал-дарвинизм) господствовало в общественном сознании англосаксонской части Запада в конце XIX века, а сейчас мы снова наблюдаем его оживление. С тем различием, что этот социал-дарвинизм во время перестройки был поднят на щит и в России, культура которой раньше всегда его отвергала.

Н. Бердяев писал в 1946 г.: «Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, сво-

бода, равенство и братство... Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л.Толстым и Ницше»¹.

Либералы считают, что наилучшее жизнеустройство — рыночная экономика и демократия западного типа, и эта модель уже достигнута на Западе, а другие народы просто запоздали. Сопротивляться принятию этой модели для России нельзя, какими бы бедами нам это ни грозило — это все равно что идти против рода человеческого. Возникла даже целая теоретическая концепция о «человеке советском» (*homo sovieticus*) как об аномальном существе, выпавшем из эволюции человеческого рода и не вполне к нему принадлежащем.

Видный социолог В. Шубкин, очень активный во время перестройки, дает такие определения: Человек биологический — «существо, озабоченное удовлетворением своих потребностей... речь идет о еде, одежде, жилище, воспроизводстве своего рода». Человек социальный — «в социологии его нередко определяют как «внешне ориентированную» личность в отличие от личности «внутренне ориентированной»... он «непрерывно, словно четки, перебирает варианты: это выгодно, это невыгодно... Если такой тип не нарушает какие-то нормы, то лишь потому, что боится наказания. Он как бы в вечном жестоком противоборстве с обществом, с теми или иными социальными институтами», у него «как видно, нет внутренних ограничений, можно сказать, что он лишен совести». Человек духовный — «это, если говорить кратко, по-старому, человек с совестью. Иначе говоря, со способностью различать добро и зло».

Каково же, по выражению В. Шубкина, «качество населяющей нашу страну популяции»? Это качество удручающе низко в результате организованной в стране «генетической катастрофы»: «По существу, был ликвидирован человек социальный, поскольку любая самостоятельная общественная жизнь была запрещена... Человек перестал быть даже «общественным животным». Большинство людей было обречено на чисто биологическое существование... Человек биологический стал главным героем этого времени»². Какой регресс, какая утрата связи с научным знанием!

Хорошо видна роль концепции общечеловеческих ценностей в установках наших реформаторов. По времени совпало так, что правящая верхушка СССР, а затем и РФ сдавала страну, когда на Западе социал-демократия с ее умеренными кейнсианскими взглядами была оттеснена от власти неолиберальным крылом

¹ Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 137.

² Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 174 — 175.

элиты. Так что наши реформаторы именно от неолибералов получили не только «задание» в виде программы МВФ, но и ее идеологическую основу — список «общечеловеческих ценностей». Он содержит специфические, даже уникальные требования к человеку и представления о «правильной жизни», характерные не вообще для капитализма и даже не для всего западного капитализма, а именно для его англо-американской составляющей, причем выраженной в очень жесткой форме.

Неолиберализм — жесткая, даже фундаменталистская версия универсалистской доктрины о существовании единой для всего человечества лучшей модели жизнеустройства. На волне неолиберализма Запад победил СССР в «холодной войне», что на время послужило аргументом в пользу верности этой доктрины. В США даже возродился мессианский имперский дух, и они стали загонять непослушные народы на «столбовую дорогу» огнем и мечом.

Практический результат неолиберального догматизма наших реформаторов выражается в том, что они требуют от народов России принять этот перечень ценностей как обязательный «кодекс строителей капитализма». Это означало бы сломать, причем сразу, всю систему культурных устоев наших народов, что невозможно. Если бы у реформаторов хватило сил для проведения такой операции, это вызвало бы катастрофу, повлекшую моментальную гибель большей части населения. Для этого сил у них не хватает, дело ограничивается общим кризисом и вымиранием населения, хотя и довольно быстрым.

Однако здесь для нас важен тот факт, что никакое общество не может принять жизнеустройства, основные принципы которого противоречили бы наиболее глубоко укорененным, даже неосознаваемым ценностям («архетипам коллективного бессознательного»). Попытка навязать такую «реформу» политическими средствами ведет к провалу, а в крайнем случае и к физической гибели населения, как это произошло, например, с североамериканскими индейцами.

Опыт подобных реформ в разных частях мира, как успешных, так и катастрофических, описан настолько подробно, что надо поражаться упорству российской либеральной интеллигенции, которая не желает знать (или делает вид, что не знает) этого опыта. Вот уже 15 лет, как мы уперлись в катастрофический для нас вариант, и за него цепко держится не только шкурно заинтересованная в нем правящая верхушка, но и значительная часть образованного слоя — интеллигенции. В этих условиях катастрофа становится все более и более вероятной.

Но это — политика, вернемся к тому, как философское поня-

тие воздействует на логику рассуждений. Слово «общечеловеческий» является жестким понятием. Оно обозначает не нечто «часто встречающееся» среди людей, а именно присущее *всем* людям — их родовую черту. Иными словами, всякое существо, не располагающее этой чертой, является выродком, оно не вполне принадлежит к человеческому роду. Эту важную установку подметил де Токвиль в США. Индейцев, которые не разделяли многие ценности англосаксов, последние уничтожали, нисколько не отступая от своих гуманистических принципов, ибо на индейцев не распространялось понятие прав человека.

Когда речь заводят об общечеловеческих ценностях, имеют в виду именно те ценности, которые занимают высшие места в иерархии ценностей и определяют профиль культурного ядра общества. Речь идет о ценностях, которые в конфликте «разных Я» берут верх или отступление от которых считается грехом и мучает совесть человека.

Адепты концепции общечеловеческих ценностей вовсе не отвергают ценностных различий разных культур и этносов, это было бы очевидно глупо. Просто они считают, что эти различия несущественны по сравнению с общим «общечеловеческим» ядром. Однако эта их утопическая уверенность, идущая от Просвещения, потерпела крах, весь XX век полон такими экспериментами. Способность отказаться от прежних утопических воззрений под давлением нового знания и опыта — важное качество рационального сознания. Превращение же в догму лишенных реальной сущности старых понятий — следствие гипостазирования.

Согласно современным представлениям, *естественного человека* не существует. Есть, конечно, человек как биологический вид, хорошо изучены анатомия и физиология человека, но как разумная и обладающая нравственностью личность человек формируется в конкретном культурном поле, в том обществе, в котором ему довелось родиться и жить. Обладая разумом, языком и воображением, человек оказался настолько пластичным и творческим, что человеческие коллективы (племена, народы, нации) стали создавать и развивать самобытные и непохожие друг на друга культуры и большие системы культур — цивилизации.

Сравнительное изучение разных культур (или одной культуры в разные эпохи) показывает, что никаких общечеловеческих ценностей нет и быть не может, что ценности не «записаны» в биологических структурах и не передаются по наследству («генетически»), а передаются из поколения в поколение через обучение самыми разными способами. При этом отдельные ценности обладают изменчивостью и могут существенно видоизмениться в течение жизни одного поколения, но их совокупность, «куль-

турное ядро», обладает большой устойчивостью. Благодаря этой устойчивости народы, культуры и цивилизации существуют веками и даже тысячелетиями, сохраняя свою культурную самобытность.

Очень часто даже в рамках одной культуры несоизмеримость ценностей двух субкультур (социальных групп) принимает характер антагонизма, так что нет возможности договориться и прийти к согласию. Происходят гражданские войны на уничтожение носителей иных ценностей. Очевидно, что исключаящие друг друга ценности, определяющие отношение людей к одному и тому же объекту, не могут одновременно принадлежать к разряду «общечеловеческих». Если обе части расколотого общества верят в существование общечеловеческих ценностей, они в таком случае вынуждены считать противостоящую им сторону выродками, нелюдями.

Признавая исторически данный, преходящий характер ценностей и в то же время считая возможным называть их «общечеловеческими», наша демократическая интеллигенция впала в неразрешимое противоречие. Ведь при этом неизбежно приходилось принять, что в каждый момент времени в мире должна существовать авторитетная инстанция, которая определяла бы, какие ценности в данный момент мы обязаны считать общечеловеческими. Причем продолжительность момента может быть произвольно малой. В 1943 г. немцы, которые уверовали в ценности фашизма, не были людьми, в 1945 г. они стали людьми, а русские, наоборот, после речи в Фултоне были вычеркнуты из числа людей, стали подданными «алчной, грязной, хищной азиатской деспотии» («империи зла»).

Кому же доверяют быть такой инстанцией, которая целые народы то включает в число людей, то называет изгоями? Заметьте, что общечеловеческими у нас называются ценности именно либеральные (гуманизм, демократия и пр.). Почему? Это даже не то, что «часто встречается». Либеральный образ мысли — редкий и неповторимый продукт культуры. Даже на Западе он не слишком распространен и прямо отвергается большинством человечества. Повторять список, составленный культурой небольшого меньшинства, и придавать ему статус «общечеловеческого» — неразумно.

Из этого и вытекает фанатизм и идея «войны цивилизаций». Одно дело — признавать право людей на различные и несоизмеримые системы ценностей и договариваться о приемлемом для всех поведении, как это было в России и СССР, а другое дело — верить в то, что ты обладаешь «общечеловеческими» ценностями, а иные — не вполне люди (как это было в отношении индейцев).

Но принципиального сдвига в сознании со времен уничтожения индейцев не произошло. Посмотрите, как трактуют правящие круги США войну в Югославии и отделение Косова от Сербии. Н. Хомский приводит заголовок обзорной статьи в «New York Times» (4 апреля 1999 г.): «Новое столкновение Востока и Запада». Далее в этой программной статье сказано: «Демократический Запад, его гуманистические инстинкты коробит варварская жестокость православных сербов»¹. Опять то же самое биологизаторство — гуманизм и демократичность суть *инстинкты*, природное качество западного человека, который и является «правильным» естественным человеком, носителем общечеловеческих ценностей. Православные сербы, напротив, этими инстинктами не обладают, их инстинктом является «варварская жестокость».

То, до чего договорились философы, это всего лишь выделить некоторый набор чаще всего присущих людям ценностей — *универсальный минимум*. И тут возникла заминка, поскольку обнаружилось, что этот минимум лучше удовлетворяется в нелиберальных государствах («традиционных обществах») — жизнь в них надежнее, безопаснее и духовно богаче. Ценности Запада являются в гораздо меньшей степени «общечеловеческими», чем ценности китайца, индуса или «совка». Существование какой-то устойчивой шкалы ценностей для всех времен и народов — идея не только ложная, но даже неправдоподобная.

Более того, господствующие в разных культурах ценности могут становиться в ходе развития, особенно под воздействием кризисов, не просто несовместимыми, но антагонистическими. На наших глазах либеральные США стали для Ирана «шайтаном», а американские ученые-либералы развивают идею «войны цивилизаций». Это реальность, как и реальностью стали девушки-террористки с «поясами шахидов».

А разве не реальностью были совсем недавно десятки миллионов разумных и образованных немцев, которые искренне уверовали в антигуманные и казавшиеся нам безумными ценности фашизма? И ведь речь идет о ценностях высшего ранга, за которые люди были готовы идти на смерть. Что в них можно усмотреть общечеловеческого? Даже те отношения, в которых большую роль играют биологические инстинкты (например, любовь к детям), различаются до неузнаваемости в разных культурах.

Приведу цитату одного из знатоков этой дискуссии, Дж. Грея. Сам он приверженец либерального образа жизни, даже

---

¹ Хомский Н. Государства-изгой. Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003. С. 63.

консерватор, однако считает, что неолиберализм наносит либерализму смертельный удар и сохраниться либеральный тип жизни может, только отказавшись от претензии быть носителем мифических общечеловеческих ценностей. Он пишет: «Среди многих режимов или форм жизни, удовлетворяющих универсальному минимуму нравственных принципов, конфликты между несоизмеримыми принципами в рамках универсального минимума будут разрешаться различными способами исходя из различных культурных традиций, и поскольку универсальный минимум ни в одном из своих вариантов не предопределяет какую-либо из либеральных форм жизни, многие режимы, удовлетворяющие критериям универсального минимума — возможно, подавляющее большинство режимов в истории человечества, — не будут либеральными режимами. Эту истину отрицает классический либерализм, все разновидности которого утверждают, что требования справедливости в их либеральном понимании входят в рамки универсального минимума»¹.

Нас, конечно, прежде всего волнует вопрос о том, как попытка навязать нам ценности иной цивилизации повлияла на кризис сознания в России. Но ведь и Запад, где либеральные ценности официально признаны как «общечеловеческие», испытывает из-за этого углубляющийся кризис. Нам надо в него взглянуть, как в волшебное зеркальце.

Хуже всего дело обстоит, похоже, в США. Они пытались реализовать большой проект «сплавления» иммигрантов из множества народов в новую, созданную «инженерным» способом американскую нацию (это даже получило название «этнический плавающий тигель»). За идеологическую основу этой нации были приняты англосаксонские культурные ценности. Сейчас признается, что эта попытка потерпела неудачу — индейцы вымерли, африканцы и латиноамериканцы сплавляться не желают и сохраняют защищающие их от сплавления культурные барьеры. Более того, при этой попытке сплавления в обществе возникло огромное число «мельчайших народов» — субкультур, сект, движений, коммун. Они разными способами подчеркивают свои отличия от других, культивируют свои «племенные» особенности.

Судя по многим сообщениям, основная культура пытается ответить на угрозу этого плюрализма путем релятивизации ценностей. Мол, все в каком-то смысле правы, и главное — терпимость (толерантность). К чему свелась эта толерантность? К тому, что особенностям меньшинств стали придавать статус *прав*. Это совсем другое дело, нежели *соглашение*. Соглашение видоизме-

---

¹ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Практикс. С. 163.

няется по мере изменения жизни, а право, как ценность неотъемлемая, само формирует жизнь.

В качестве примера приводят гомосексуализм. Любовь к лицам того же пола для какой-то части общества есть жизненно важная ценность. Это реальность, и преследовать за это — «пережиток тоталитаризма в сознании людей». Но допущение гомосексуализма в обществе, где большинство не одобряет такой сексуальной ориентации, разумно делать предметом соглашения. Это, мол, уважаемые гомосексуалисты, ваше личное дело, но ведите себя согласно правилам приличия, принятым в нашем обществе, не раздражайте людей.

Другое дело, когда гомосексуализм возводится в ранг *прав человека*. Сразу же особенности этого меньшинства приобретают демонстративный и даже политический характер. Возникают организации, начинается пропаганда гомосексуализма в СМИ, в искусстве, даже в системе образования. В церкви начинают венчать пары гомосексуалистов, что наносит травму множеству верующих. Это мы видим в США, а теперь пробные шары запускаются и в РФ. В результате возведение ценностей специфического меньшинства в ранг прав (а значит, общечеловеческих ценностей) вместо соединения общества создает в нем новый очаг конфликта.

Кроме того, на этом пути невозможно остановиться, приходится откупаться от множества потенциально враждебных меньшинств непрерывно растущими льготами и фарисейскими уступками. Назревает крах всего цивилизационного устройства США. Признаки этого краха — бессмысленные во многих отношениях войны во Вьетнаме, Югославии и Ираке, не считая множества мелких войн и постоянного военного присутствия по всему миру. Признак краха — сама концепция «войны цивилизаций», кошмар терроризма, дети-убийцы и ощущение надвигающейся «молекулярной гражданской войны». Все это пока что компенсируется, и то с большим трудом, огромными финансовыми ресурсами, с помощью которых удастся смягчать обстановку, но вовсе не разрешать противоречия. А доведись им впасть сегодня в экономический кризис, подобный нашему, — какое зрелище мы бы увидели?

Это типичный результат ценностного релятивизма как негодного средства примирить доктрину общечеловеческих ценностей с реальностью. Примирить их невозможно, ибо, как мы уже говорили, сосуществование несовместимых ценностей — неотъемлемая часть реальности. Если мы этого не можем признать и научиться справляться с этой сложной проблемой, общество неизбежно рано или поздно терпит крах, а перед крахом теряет

творческий порыв. Нам, с нашим опытом Гражданской войны и краха советского строя, уже непростительно следовать за отжившими механистическими представлениями.

Надо сказать, что в скрытой форме утопия «естественного человека» и присущих ему ценностей присутствовала и в сознании советского общества. Эта утопия была отлична от либеральной, но так же подрывала рациональность и сыграла роль парализующего гипноза. Иллюзия единства, всеобщей приверженности одним и тем же «естественным» ценностям демобилизовала сторонников советского строя. Они не могли признать и даже просто увидеть назревший в обществе конфликт ценностей как разновидность социального конфликта. В песне, которая была чуть ли не гимном перестройки, говорится: «Вам не дано понять, что вдруг со мною стало». Так оно и было. Реальное и глубокое противоречие в обществе, которое требовало осмысления и разрешения, воспринималось как капризы избалованной молодежи, как «пережитки прошлого» или результат западной пропаганды.

В советской версии догмы общечеловеческих ценностей «естественный человек» представал как существо коллективистское, проникнутое любовью к ближнему и к своей Родине, понимающее справедливость так же, как и старшее поколение с его общинным крестьянским мироощущением. При таком мышлении не было места ни диалогу, ни конструктивному и справедливому изменению жизнеустройства согласно новой структуре потребностей, ни поиску компромисса, ни даже эффективной борьбе посредством выявления и обнародования реальных притязаний либерального меньшинства. Догма «общечеловеческого характера советских ценностей» парализовала способность советской системы к познанию реальности и к адекватному ответу на вызовы — при объективном и вполне реальном перевесе ее сил над непримиримым антисоветским меньшинством.

Надо еще подчеркнуть тот факт, что вплоть до конца 80-х годов подавляющее большинство «инакомыслящих» в СССР вовсе не отрицали основополагающих принципов советского строя и желали лишь его «улучшения», «оздоровления», «укрепления» и пр. Плохо понимая природу советского строя, они, конечно, мечтали в том числе и об «улучшениях», несовместимых с его существованием. Но именно невозможность диалога привела к тому, что потенциально плодотворный конфликт ценностей был подавлен и, не давая выхода назревшим противоречиям, толкал инакомыслящих в ряды убежденных противников советского строя. Догматизм советского общественного сознания почти искусственно сформировал армию врагов советского

стройка при том, что их недовольство этим строем не было фундаментальным.

Еще более актуален вопрос о том, как догма общечеловеческих ценностей действует на сознание левопатриотической оппозиции сегодня. Если говорить в общем, то примерно так же, как действовала на сознание сторонников советского строя до 1991 г. Значительная часть «красной» оппозиции представляет себе дело так, что вследствие предательства верхушки КПСС, вступившей в союз с Западом, к власти пришел оккупационный режим. Но народ «проснется», откуда-то придут Минин, Пожарский и товарищ Сталин, олигархи с чемоданами умчатся в аэропорт Шереметьево, а народ, засучив рукава, начнет восстановительные работы, как после Великой Отечественной войны. Неявно предполагается, что в обществе снова возникнет «морально-политическое единство» на основе все той же советской шкалы ценностей, ибо она *естественна*.

Это утопия, абсолютно нежизненная, из которой не может вырваться никакого политического проекта. Она ограниченно полезна только как источник слов и знаков, отрицающих ту разрушительную «реформу», что ведется под маской либерализма. Но реальной угрозы для реформаторов это отрицание не создает. Дееспособная оппозиция, объединившая критическую массу граждан, может возникнуть лишь на основе проекта, в котором люди увидят конструктивное разрешение тех противоречий, которые привели к кризису и падению советского строя. Но такого проекта не возникнет, пока части расколотого общества исповедуют ложную веру в общечеловеческие ценности — каждая часть в свои, «правильные» ценности.

Пока что признаков диалога, «застоя» раскола, возникшего в отношении ценностей, не видно. В политической сфере, напротив, начиная с 1991 г. раскол углубился и оформился. Искусственная радикализация конфликта «реформаторами» привела к тому, что оппозиция оттолкнула от себя большую часть «демократов», которые вовсе не были противниками советского строя в фундаментальных вопросах и не являются сторонниками «партии Чубайса» сегодня. Это именно те люди, которые ожидали от перестройки строительства «обновленного социализма», но логика развития конфликта толкнула их к идеологам типа Явлинского или во «внутреннюю эмиграцию». Без восстановления союза с такими людьми и выработки общего с ними проекта выход из кризиса невозможен, но и эта совместная работа невозможна без перехода на новый уровень понимания нашего кризиса последних четырех десятилетий.

Иногда говорят, что возникла идеологическая терпимость,

сотрудничество между коммунистами и православными — мол, закрываются многие старые трещины. Но это другая проблема. Кстати, шаги к идеологической терпимости наблюдаются только со стороны коммунистов. И это, похоже, пока что не плодотворное сотрудничество общностей с разными ценностями, а соблазн ценностного релятивизма, то есть размывания ценностей. Оно неизбежно ведет и к размыванию общности (например, коммунистов). Напротив, союз и сотрудничество разных общностей как раз требуют ценностной определенности, даже жесткости («чтобы объединиться, надо размежеваться»). Во время войны большевики и Церковь тесно сотрудничали, но и речи не было о том, чтобы заигрывать с иными ценностями и говорить, что «коммунизм — это почти то же самое, что и христианство». Ценностный релятивизм — это продукт кризиса, признак и одновременно источник слабости.

Утверждения, будто сотрудничество невозможно без некоторого «размывания» ценностей, без признания относительной правоты другого, принять нельзя, они не имеют ни исторических, ни логических оснований. Зачем признавать «правоту другого»? Прекрасный пример такого релятивизма дал Горбачев: «С одной стороны... с другой стороны...» Ведь чтобы признать правоту, требуются разумные доводы, но ценности тем и отличаются от цены, что их нельзя посчитать и нельзя логически обосновать. Мусульманин считает многоженство добром — должен ли христианин признать его правоту? Нет, конечно. Он просто должен признать существование мусульманства с его ценностями как часть реальности — и искать способ ужиться с мусульманами. Ужиться через поиск таких норм общежития, которые были бы приемлемы для обеих сторон. Как мы знаем, и в Российской империи, и в СССР такие нормы были найдены, хотя не все они были писаны на бумаге.

Чем раньше мы преодолеем соблазн гипостазирования и вернемся к простым и жестким понятиям, тем легче нам будет договориться друг с другом. Накопление ошибок и внутренних противоречий в потоке утверждений, льющемся на головы людей, перешло критический порог, и произошел «отказ рациональности». Нормы логики и здравого смысла перестали защищать людей от злонамеренной манипуляции их сознанием со стороны политических клик, использующих кризис в конъюнктурных целях. Обязанность интеллигенции — произвести честную и ответственную ревизию оснований и инструментов нашей привычной рациональности, привести их в соответствие с современным научным знанием и эмпирическим опытом XX века.

Глава 5

НЕКОГЕРЕНТНОСТЬ РАССУЖДЕНИЙ И УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ

Глубокий кризис — тяжелое состояние общества, болезнь всех его систем. Тот кризис, в который впала Россия в конце 80-х годов, не имеет аналогов в истории по своей глубине и продолжительности. И признаком, и важной причиной такого кризиса является странное оглушение элиты общества, его правящего слоя и приказчиков этого правящего слоя — всяких дьяков, министров, газетчиков и пр. Они вдруг как будто потеряли способность к здоровым рассуждениям и разумным умозаключениям.

Многие даже подозревают, что на самом деле они симулянты и просто прикидываются, чтобы сбить с толку людей. Такое подозрение имеет под собой почву, потому что как раз в обстановке смуты вся эта публика ухитряется сколотить большие и необъяснимые состояния, а какой-нибудь телеведущий получает оклад в 300 раз больший, чем профессор МГУ, только за то, что каждый вечер несет полную ахинею. Как тут не быть кризису, ведь в нынешнем городском обществе подобных насекомых хоть пруд пруди, и они с такими окладами и гонорами в конвертах просто высасывают все соки из хозяйства.

Но все же главный вред они наносят не тем, что высасывают соки, а тем, какой яд они впрыскивают, когда присасываются к нашему сознанию. Они заражают нас этой рваной логикой, смешением понятий и бессмыслицей. Наш ум увязает во всем этом, как лошадь в болоте, которую тут же облепляет гнус. Пока мы это не преодолеем, ни о каком выходе из кризиса не может быть речи. Первое условие — здоровый смысл и трезвый ум. У нас же происходит то, что историк А. Тойнби считал одним из худших заболеваний цивилизации — когда правящая элита, стремясь оглушить массы, сама отравляется своим ядом и даже начинает верить в мифы, с помощью которых она дурачила людей. Тогда, как писал Тойнби, наступает «ад крошечный». У нас до этого пока не дошло, потому что разум масс оказался устойчивее, чем предполагалось.

Одним из главных признаков рационального мышления является *связность*, внутренняя *непротиворечивость* умозаключений. Речь идет не о том, чтобы рассуждения не включали в себя диалектических противоречий, а о необходимости выстраивать такую цепочку логических шагов, чтобы одно звено умозаключения было *соизмеримо* с другими, могло взаимодействовать с ними, образуя систему. Это обеспечивается совместимостью и соизме-

римостью использованных понятий и отсутствием разрывов в логике.

Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, не связываются в непротиворечивые умозаключения. Они *некогерентны* (*incoherent*). Я ввел это латинское слово потому, что самым точным русским аналогом было бы длинное выражение, примерно такое: рассуждения, в которых концы с концами не вяжутся. Эта некогерентность проявляется на всех уровнях нашей политической элиты — и дальше вниз, в массы.

Иногда несвязность рассуждения вызвана нарушением какой-то одной логической нормы, подменой понятия или резким искажением меры. Но во многих случаях нарушается целый комплекс принципов рационального рассуждения. Во введении приведены четыре составляющих рациональности, которые предлагает различать Г. Хюбнер: логическая, эмпирическая, оперативная и нормативная. Они должны действовать независимо от содержания высказывания. В множестве рассуждений политиков и идеологов перестройки отсутствовали все эти составляющие.

Поясню примером. А. С. Ципко ненавидел советский строй и колхозную систему. На здоровье! Такова была его вера (точнее, верования, ибо в них было много внутренних противоречий). Это общее содержание его речей. Саму эту веру можно было бы даже уважать — верят же какие-то племена в Австралии в зеленых муравьев, которые управляют жизнью людей, и это позволяет им как-то упорядочить представление о мире при недостатке знания. Пусть верят, тем более что они не лезут перестраивать наше жизнеустройство согласно их вере — разгонять колхозы, расчленять энергетическую систему и т.д. Вера А. С. Ципко, на беду, была сопряжена с силой, и он стал воплощать свою веру в политическое действие, оправдывая «железную руку», которой нас схватили за шиворот и повели к тому счастью, в которое веровал этот «прораб».

Но здесь мы говорим не о силе, не о вере, а о рациональности. Выражаясь словами Хюбнера, содержание А. С. Ципко было уже «положено», и речь идет о том, как он управился с ним с помощью инструментов рациональности. Если бы он свои верования излагал только на моленных кухнях своей интеллигентской секты, то и пусть. Но он вышел к людям и стал их убеждать, как профессор, — обращаясь к разуму и строя умозаключения. Как же он их строил?

В большой академической книге «Постижение духа» (тираж 75 тыс. экземпляров) он пишет, например: «Мы буквально наводнили страну тракторами и комбайнами, а относительное от-

ставание ее аграрного сектора от традиционного фермерского хозяйства стран Западной Европы не только не уменьшилось, а увеличилось. И немудрено. В некоторых областях сегодня на круг меньше собирают зерна, чем до революции¹.

Содержание понятно, а нормы рациональности грубо нарушены во всех ее четырех ипостасях. Первый тезис («наводнили страну тракторами») обязывает применить расчет (калькуляцию). «Наводнили» — это сколько? Во сколько раз больше, чем в Западной Европе, где рачительные фермеры, видимо, не наводнили? Никакой меры А. С. Ципко не вводит, а если бы ввел, то вся его конструкция рухнула бы. Она просто абсурдно противоречит реальности. Столь же абсурдно утверждение, будто в «некоторых областях» урожай меньше, чем до революции. Что это за области? Какие там урожай? Данные по всем областям доступны, что же скрывать.

Во втором тезисе («из-за колхозов увеличилось отставание от западных фермеров») нарушена норма гласного фиксирования правил определенного смыслового содержания. Если ты сравниваешь динамику двух разных систем, то сообщи читателю правила такого сравнения. Ведь прежде всего надо дать сведения об этой динамике, временной ряд показателей, но тогда тезис А. С. Ципко выглядел бы просто нелепо. Отставание от Западной Европы именно прекратилось в советское время, когда наконец-то наше сельское хозяйство смогло вырваться из заколдованного круга аграрного перенаселения и перейти от трехполья к многопольному севообороту.

Здесь же нарушена норма — применять установленные правила *объяснения*. Допустим, действительно «увеличилось отставание». Даже если бы это было фактом, то сам по себе он не объясняет своих причин. А. С. Ципко верит, что все дело в собственности на землю — тут колхозы, там фермы. Вера — дело свободы совести. Хочешь ее подтвердить разумом — изволь выполнять правила. Назови главные возможные причины явления и дай обоснование той причины, которая названа тобой в качестве гипотезы. Может, дело не в фермерах, а в колоссальных государственных субсидиях, которые стали давать фермерам в Западной Европе?

В данном случае грубо нарушено и другое элементарное требование: если сравниваются две разные системы, то прежде всего надо показать (или хотя бы сказать, взяв на себя ответственность), что эти системы выполняют *критерии подобия*. Ведь

---

¹ Ципко А. С. Можно ли изменить природу человека? // Постигание духа. М.: Политиздат, 1991. С. 74.

очевидно, что в Западной Европе почему-то со времен Средневековья сложилось «традиционное фермерское хозяйство», а в России, наоборот, сохранилось общинное крестьянское, а потом колхозное. И как ни бился Столыпин, превратить крестьян в фермеров не смог. В чем-то, значит, несоизмеримы две системы — так назови причины несоизмеримости, согласуй с ними возможности сравнения.

Наконец, нарушены нормы рациональности четвертого типа — сведение целей к другим целям. Ясно, что цель рассуждения А. С. Ципко — убедить читателя сделать еще шаг к тому, чтобы согласиться с ликвидацией колхозно-совхозной системы сельского хозяйства. Будут, мол, у нас фермеры, как в Западной Европе, — нажремся колбасы. Но что стоит за этой частной целью? Ни из этого маленького пассажа с «наводнением страны тракторами», ни из всей статьи (по смыслу радикально социалдарвинистской) читатель не может понять, каковы фундаментальные постулаты автора, каковы его высшие цели и нормативные представления о благой жизни, из которых выводится цель статьи. К чему вы клоните, профессор?

Во время перестройки майку чемпиона по внутренней противоречивости заявлений попеременно носили то М. С. Горбачев, то А. Н. Яковлев. Возьмем важнейшее утверждение, которое они оба высказали в обоснование перестройки. Горбачев сказал, перефразируя Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем» — и объявил о радикальной (революционной) перестройке этого общества. Это не просто некогерентность, а признак шизофренического сознания. Если ты не знаешь системы, ты просто не имеешь права ее «перестраивать», ибо это неминуемо кончится катастрофой. Разумным следствием первого утверждения Горбачева мог бы быть только призыв к срочному изучению нашего общества.

А. Н. Яковлев сказал в интервью, опубликованном в мае 1991 г.: «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма — точнее, периода 60-х — середины 80-х годов — еще впереди, его даже не начинали»¹. Если так, то какое же право имел академик Яковлев давать категорические оценки советскому обществу за целый исторический период и даже требовать его уничтожения! Здесь есть острая некогерентность, которой образованные люди не заметили. А главное, очень многие рассуждали так же, как Яковлев.

Но Горбачев хотя бы работал «под простого», из комбайне-

---

¹ Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости, 1991. С. 24.

ров, говорил неправильно, а Яковлев — академик, посол, чуть ли не в Принстоне учился. То ли у него некогерентность высказываний — профессиональный приём номенклатуры, то ли, наоборот, на высшие должности для перестройки подбирали таких самородков? Ведь у него это свойство несколько не убавилось за 15 лет реформ.

Недавно его спрашивают как «архитектора перестройки» о ее программе (видимо, в связи с тем, что на вооружение этими деятелями взят совершенно нелепый тезис о том, что никакой программы не было, все как-то само собой покатилося, покатилося — и вот мы в яме). А. Н. Яковлев отвечает: «Интересно, как вы себе представляете «план перестройки»? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на Политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке»¹.

А. Н. Яковлев не отвечает на простой вопрос, «ваньку валяет» — пытается превратить нормальный вопрос в глупость. Но сам не видит несвязности своей иронии. Почему же, если бы Горбачев предложил «перечень мероприятий, утвержденный на Политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ», то его «тут же поставили бы к стенке»? Кто бы его поставил к стенке, если КГБ и прочие ведомства этот перечень изучили и завизировали? С другой стороны, косвенно «архитектор» признает, что план был, причем ему хорошо известно главное содержание этого плана — оно таково, что если бы этот план стал достоянием гласности, то авторов его *тут же следовало бы поставить к стенке*, это кажется самому А. Н. Яковлеву естественным и правильным с точки зрения государства.

Не видеть несвязности в утверждениях стало нормой. Вот два примера из сообщений СМИ одного дня, 24 октября 2003 г. Первый — инцидент со строительством дамбы в Керченском проливе. Неизвестно, что на самом деле стоит за этой историей и почему российским и украинским властям понадобилось устроить и раздуть эту провокацию и подогреть страсти с обеих сторон. К тому моменту уже прошло полтора месяца с начала строительства, построили 4 км дамбы — и вдруг такой сыр-бор, вооруженные пограничники и т.д. Мы здесь не о тайных пружинах говорим, мы их и не узнаем, мы — о представлении и объяснении этого спектакля нашей публике.

Итак, встретились премьер-министры с обеих сторон, радио

---

¹ Яковлев А. О перестройке, демократии и «стабильности». // Независимая газета. 2003.2.12.

дает кусочки из их выступлений и комментарии. Главная мысль М. Касьянова сводится к тому, что границы между РФ и Украиной в Керченском проливе не существует, поэтому на чьей стороне строится дамба, неизвестно, а значит, нечего Украине беспокоиться и присылать пограничников.

Не сочтите это за отсутствие патриотических чувств к РФ, но эти рассуждения мне кажутся абсурдными. Если границы нет (а Украина, кстати, считает, что такая граница есть и строители ее нарушают), то возникает неопределенность, заведомый источник конфликтов. Зачем же в этих условиях начинать строить эту дамбу, не договорившись сначала с соседями и даже не поставив их в известность? Ведь это значит специально нарываться на скандал и портить с ними отношения.

Дальше. Результат переговоров М. Касьянова нам представляют как победу российской дипломатии. Мол, Украина согласилась убрать пограничников, наша взяла! Ну и логика. Пограничников там и раньше не было, их прислали, чтобы добиться прекращения строительства дамбы. Касьянов обещал строительство остановить, и пограничников убрали. Кто же добился своего, чья взяла? В данном случае своего добился украинский премьер, а вовсе не Касьянов (хотя, повторяю, мы не знаем, что у этого премьера «свое» — мы говорим о логике спектакля).

Итак, строительство дамбы прекратили (строители ее «только укрепляют»), премьеры остались каждый при своем: Касьянов считает, что границы нет и место строительства неизвестно чье, а украинский премьер считает, что граница есть и проблема строительства носит характер пограничного инцидента. Казалось бы, исходя из позиций обоих премьеров вопрос о дальнейшем строительстве дамбы должен решаться в ходе переговоров, устраняющих неопределенность именно в отношении границы, все остальное в таком деле несущественно. Но что же мы слышим дальше? Что решение о строительстве будет принято на совместном совещании российских и украинских... экологов. Но это же, господа-товарищи, просто бред. При чем здесь экология и кто такие вообще эти «экологи»? То устраивают пограничный конфликт и говорят чуть ли не о войне, то приглашают для его разрешения шарлатанов из «Гринписа»? С какой целью нам так дурят голову? Это плохой симптом.

Другой сюжет — из спектакля под названием «ЖКХ». В 2002 г. в Карелии было заморожено несколько населенных пунктов, и люди до весны просидели без отопления. Было найдено небольшое стадо козлов отпущения в виде кочегаров и слесарей, и два десятка уголовных дел тянутся целый год — не могут найти виновных в таких сложных преступлениях.

Теперь в Карелии опять один город остался без отопления, хотя там уже зима. Произошел взрыв в котельной. Это бывает, но мы говорим не о взрыве, а об объяснении властей, а за ними радио и телевидения. Да, говорят, произошел взрыв в котельной, но котельная эта находилась в реконструкции и в эксплуатацию еще не была введена. Взрыв произошел при испытании оборудования. Мол, причин для беспокойства нет, взрыв при испытаниях — обычное дело.

Это несуразица, но ее как будто не замечают власти, редакторы радио, дикторы — и слушатели! Ведь если бы замечали и возмущались, то не могли бы власти говорить эти несуразицы. Посудите сами: если котельная еще не была введена в эксплуатацию, то почему из-за ее аварии прекращено теплоснабжение города? Город именно обогревался от этой котельной, другой нет. Потому-то, как сказано, в больницах и школах теперь включены электронагреватели.

С другой стороны, отопительный сезон давно начался. Почему же, если верить власти, котельная находилась в состоянии реконструкции, так что ее испытание, закончившееся взрывом, пришлось проводить практически зимой? Ведь осенью мы слышали бодрые рапорты о готовности теплоснабжения к зиме. Почему власти в случае явных неполадок и аварий не придумывают версии попроще, чтобы в них вязались концы с концами? Почему некогерентность умозаключений стала едва ли не нормой в мышлении политической элиты? Вот это хотелось бы понять, это важный вопрос.

Положение у нас тяжелое — даже в среде специалистов из-за некогерентности рассуждений не возникает диалога, чтобы договориться хотя бы по немногим главным вопросам. Как же мы осознаем, чего мы хотим и что возможно? Вот советник Путина по экономическим вопросам А. Илларионов говорит в интервью (в апреле 1999 г.): «Выбор, сделанный весной 1992 года, оказался выбором в пользу социализма... — социализма в общепринятом международном понимании этого слова. В эти годы были колебания в экономической политике, она сдвигалась то «вправо», то «влево». Но суть ее оставалась прежней — социалистической».

Почти очевидно, что это абсурд, если только не сознательное издевательство над публикой. Политика Гайдара и Чубайса — это социализм! Причем «в общепринятом международном понимании этого слова».

Выдвинул Ю. М. Лужков лозунг: «Работать по-капиталистически, а распределять по-социалистически». Конечно, тут есть примитивная популистская демагогия. Но даже она не требует такой некогерентности. Ведь производство и распределение со-

ставляют две стороны медали одного экономического уклада, это вещи неразрывно связанные. Не может самый добрый капиталист позволить «распределять по-социалистически». Ведь он в этом случае сразу перестанет быть капиталистом (а значит, не сможет никого заставить «работать по-капиталистически»).

Замечательно, что наши антисоветские марксисты под воздействием магической силы слов настолько уверовали в рынок и капитализм, что с удивительной легкостью перешли в лагерь крайне правых буржуазных идеологов, проскочив даже социал-демократию. А. Ципко пишет: «Все прогнозы о грядущей социал-демократизации Восточной Европы не оправдали себя. Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов»¹.

Тут профессор наворотил бессмыслицы. Что значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сначала, а то и с нуля»? И почему неолиберализм, возникший в конце 60-х годов XX века, «проверен веками»? Уж если ты желаешь чего-нибудь старинного, то надо было бы брать за образец первобытно-общинный строй, он проверен двумястами веков. Или уж на худой конец рабство — тоже веков десять его проверяли. Читаешь и думаешь — да учился ли А. Ципко в средней школе? Ведь уже из ее программы известно, что капиталистическая частная собственность и частное предпринимательство — очень недавние и специфические явления.

Подобные гротескные утверждения могли бы быть полезны как тест на чувствительность читателя к несурaziцам. Но получилось так, что читатель, которого с утра до вечера бомбардировали подобными несурaziцами, потерял к ним иммунитет, сам «заразился» этой шизофренической логикой. И сейчас положение не улучшается. За короткий срок политики могут одной и той же причиной оправдать два противоположно направленных процесса — и не краснеют. Нет им необходимости краснеть, так как «приличные люди» это спокойно проглатывают. Возьмите цены на бензин в РФ. Упали мировые цены на нефть — нам говорят, что олигархи повышают цену на бензин в РФ потому, что ведь надо же им компенсировать потери. Подскачили мировые цены на нефть — нам говорят, что олигархи вынуждены повысить цену на бензин в РФ, ведь иначе им невыгодно продавать бензин на внутреннем рынке.

---

¹ Московские новости. 1990. № 24.

Академик Т. И. Заславская в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» делает главный, программный доклад. Читаешь, и охватывает тягостное чувство. Опять, конечно, поминается дефицит. Он якобы преодолен благодаря повышению цен. Вот какая дается трактовка: «Это крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально»¹.

На мой взгляд, перед нами острое расщепление сознания. Людей сбросили в бедность, они не могут покупать продукты и, таким образом, выброшены с рынка — и социолог называет это «крупным социальным достижением»!

И ведь все эти «назначенные в элиту» обществоведы замахивались ни много ни мало на радикальную смену социальной системы, то есть на переделку сложившегося за века жизнеустройства огромной массы людей. Послушайте рассуждения Л. И. Пияшевой в установочной книге на завершающей стадии перестройки. Вот ее доводы за то, чтобы сломать все привычные социальные структуры, которые вполне сносно работали при очень скромных ресурсах: «Инженер, проработавший много лет, не имеет сбережений, для того чтобы оплачивать учебу своих детей в одном из университетов мира, чтобы безбедно жить в старости, не пользуясь государственной системой пенсионного обеспечения... Да и самих возможностей дать «заграничное» образование детям, получить непредоставляемые медицинские услуги у нас нет»².

Не знаю, как на взгляд читателя, а по мне, так это просто бред. Почему ради ничтожной кучки людей, желающих «дать заграничное образование детям», нужно ломать систему образования в своей стране? Зачем инженеру копить деньги, «чтобы оплачивать учебу своих детей в одном из университетов мира», если он может бесплатно послать своих детей учиться в прекрасных вузах? Где она откопала таких инженеров, как их фамилии? И зачем человеку мечтать «безбедно жить в старости, не пользуясь государственной системой пенсионного обеспечения», если эта самая государственная система тебе без всяких проблем вполне безбедную старость обеспечивает? А если ты что-то хо-

¹ Заславская Т. И. Россия в поисках будущего. СОЦИС, 1996. № 3.

² Пияшева Л. И. Контуры радикальной социальной реформы // Положение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 264 — 278.

чешь на старость прикопать — так на здоровье! Зачем же ломать при этом государственную, вполне приличную систему? И что это за система здравоохранения, которая предоставляет «непредоставляемые медицинские услуги»? Где она такую видала?

И нечего тут ломать голову, искать какой-то смысл, какой-то либерализм. Это просто словесный понос, набор глупостей, который идеологическая машина Горбачева тиражировала в массовом масштабе, чтобы ошарашить людей, устроить в их сознании «апофеоз беспочвенности», то есть полной утраты системы координат для разумных умозаключений.

Вчитайтесь в еще один пассаж из той же статьи Л. И. Пияшевой: «Система, делающая всех постоянно нуждающимися и зависимыми от «государственного», прикрепленного к нему участкового врача, от парикмахера, учителя, продавца... должна и может быть заменена системой, в которой человек сам способен решать большинство социальных проблем... Быть может, тогда медицинский персонал не будет столь груб, попасть в больницу тяжелобольному или пожилому человеку станет значительно проще, может быть, и уровень образования в школах резко поднимется, если родители будут иметь возможность выбрать и школу, и врача, и няню своим детям?» (там же).

Не буду подробно разбирать эти бессвязные фантазии. Все мы знаем, насколько проще теперь стало «попасть в больницу тяжелобольному человеку» или «выбрать и школу, и врача, и няню своим детям». Отмечу только одно слегка запрятанное утверждение, подрывающее структуры рациональности: нам обещают установить такую систему жизнеустройства, «в которой человек сам способен решать большинство социальных проблем». Что такое «сам» и что такое «социальный»? Что это за система, где человек «сам» (то есть без помощи общественных институтов) решает не личные, а именно общественные проблемы? Ведь тут за вроде бы очевидной глупостью проглядывает концептуальный смысл, слышна дудочка крысолова. Пойдемте туда, где не будет взрослых! Где каждый сам в силах решить проблемы всех! Где не будет ни государства, ни корпораций, где «персонал не будет столь груб». И ведь масса людей за этой дудочкой побрела — и тонут, тонут...

Тонким интеллектуалом считается в среде нашей демократической интеллигенции писатель Фазиль Искандер. Его подпись непременно присутствует в громких письмах, в которых демократы учат народ жить, а власть править народом. Недавно страна праздновала его день рождения, и 5 марта 2004 г. «Известия» напечатали интервью с таким предисловием: «Фазилю Искандеру исполняется 75 лет. В канун юбилея он встретился с извест-

ным литературоведом Бенедиктом Сарновым, беседу двух литераторов «Известия» предлагают вниманию читателей».

Фазиль Искандер говорит: «Судя по прессе, в дальних районах страны, на Дальнем Востоке, на Севере, людям как будто совсем плохо. И это не прибавляет оптимизма. Меня удивляет, что, когда Ленин вводил нэп, страна, безусловно, была в более тяжелом положении с точки зрения внешней разрушенности. Наверное, тогда были люди, которые тоньше поняли момент и лучше его использовали. За два-три года холодную, голодную страну они накормили и создали нормальные условия жизни. Почему сейчас это не получилось, я не совсем понимаю... Сочетание экономической свободы с общей диктатурой на несколько лет, возможно, было бы полезней.

С другой стороны, в годы советской власти мы закупали хлеб, а сейчас продаем его за границу, значит, мы не совсем точно знаем, что делается в селе. Значит, где-то нормально и производительно работают крестьяне».

Когда слышишь такие вещи от взрослого человека, всегда недоумеваешь: он притворяется наивным или действительно не понимает, что лепечет? При чем здесь Дальний Восток, Север, если «людям как будто совсем плохо» по всей стране? И неужели он это только из прессы узнал? Он что, не видит нищих в метро? Он не видит, как люди копаются в мусорном баке у подъезда его дома? В это просто невозможно поверить — чтобы их не видеть, надо иметь уникальное зрение. А ведь это писатель, в среде наших демократов он один из кандидатов на звание «совесть нации» 3-й степени.

И что значит, что во времена нэпа «страна была в более тяжелом положении с точки зрения внешней разрушенности»? Ну и слог у этого литератора (о смысле вообще помолчим). И можно ли поверить, что он не знает, в чем суть рыночной реформы, которую он так прославлял? Какое может быть сравнение с нэпом, если нынешняя реформа представляет из себя нечто абсолютно противоположное нэпу? Тогда крестьянам дали землю, а теперь отобрали — можно ли в 75 лет не понимать разницы? И какой «общей диктатуры на несколько лет» требуется этому демократу, как она помогла бы «голодную страну накормить и создать нормальные условия жизни»? Разве недостаток диктатуры помешал Чубайсу провести приватизацию, а Гайдару украсть сбережения населения размером 400 млрд. долларов? Как этот Искандер представляет себе благотворное влияние диктатуры на доходы бедняков? Диктатуру вводят, когда надо у людей что-то отнять, а они упираются.

Наконец, обратите внимание на логику последнего абзаца.

Раз мы «продаем хлеб за границу, значит, мы не совсем точно знаем, что делается в селе»! Что это такое? Что за обрывки мыслей бродят в голове этого интеллектуала? Какая связь между продажей хлеба и выводом, что «где-то нормально и производительно работают крестьяне»? Говорят, когда-то существовало так называемое пралогическое мышление — человек не обладал навыками выявлять причинно-следственные связи. Но как-то не ожидаешь встретить сегодня людей, сумевших полностью утратить навыки логики и откатиться на несколько тысяч лет назад.

И этот бред «Известия» печатают с важным видом — «беседа двух литераторов»!

Невозможность увязать концы с концами часто видна и в попытках объяснить порожденные реформой общественные проблемы «наследием проклятого прошлого». Поскольку читатель или телезритель не имеет возможности анализировать каждое некогерентное рассуждение, а поток их нескончаем, он и сам начинает мыслить по этому шаблону и выпадает из рациональности.

Вот видный социолог В. Н. Шубкин рассуждает о проблемах молодежи в условиях кризиса: «Все более усиливается беспросветность в оценках молодежи. Этому в немалой степени способствует и дифференциация в системе образования, ибо плюрализм образования ведет к тому, что в наших условиях лишь богатые получают право на качественное образование. Бедные сегодня уже такого права не имеют...

В целом, если экстраполировать современные тенденции в существенные черты будущего, учитывая, что молодежь через некоторое время будет главным действующим лицом на исторической арене, то можно отметить такие перемены: общий рост безнадежности, неверие в возможность решения социально-экономических вопросов, отчуждение от труда, разочарование в демократии, популярность «крутых» методов решения социально-политических вопросов...

Судя по результатам указанных мною исследований, молодежь расходится с основной массой граждан почти по всем существенным пунктам. Этот разрыв как бы характеризует тот социальный и моральный климат, с которым придется иметь дело нашей стране, когда нынешние студенты станут элитой общества. Общество будет более прагматичным, более жестоким и циничным, более лживым и беспощадным к слабым».

В. Н. Шубкин делает важный вывод о молодежи, выросшей в годы перестройки и реформы: «Все большую популярность приобретает насилие». А потом дает нелепое объяснение со своим обычным антисоветским припевом: «К нему [насилию] молодежь толкают не только особенности подросткового сознания,

но и традиции большевизма, радикализма, милитаризации и гулагизации сознания»¹.

Вот вам логика академического социолога. Почему же «особенности подросткового сознания», которые он считает все же главным фактором в росте насилия, не проявлялись в советское время? Не было в СССР подростков — или социальные и культурные условия компенсировали эти «особенности»? И почему «традиции большевизма и гулагизации» не проявлялись именно при большевизме и ГУЛАГе и вдруг вспыхнули через 60 лет? К чему это нагромождение сложных домыслов, когда он сам же только что говорил о главном факторе — сломе трудовых отношений и системы образования, безнадежности положения молодежи? Бессмысленно лягул ушедшую в историю эпоху — но зато нанес удар по способности людей выстраивать в сознании причинно-следственные связи.

Во многих случаях некогерентность рассуждений вызвана гротескным, грубым преувеличением исходных тезисов, которое нарушает рациональность последующих шагов. «Иного не дано», «Так жить нельзя», «Конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой»! Вдумались бы в смысл этих тоталитарных утверждений! Ведь они определили сам тип мыслительного аппарата последних пятнадцати лет. Но они же иррациональны. Как это *любой ценой*? Как это *иного не дано*?

Конечно, это сильно действовало на массовое сознание — ведь всех этих людей нам представляли как цвет интеллектуальной элиты. Вот известный автор А. С. Ципко заявляет: «Не было в истории человечества более патологической ситуации для человека, занимающегося умственным трудом, чем у советской интеллигенции. Судите сами. Заниматься умственным трудом и не обладать ни одним условием, необходимым для постижения истины»². Представляете, в СССР люди не обладали ни одним условием для постижения истины. *Ни одним*! Не имели ни глаз, ни слуха, ни языка, ни безмена. Как же они вообще могли жить, не говоря уж о том, чтобы в космос Гагарина снарядить? Ну разве это умозаключение человека с нормальной логикой и здравым смыслом?

А вот рассуждение будущего министра Б. Федорова, тонко подводящего читателя к мысли отказаться от планового хозяйст-

---

¹ Шубкин В. Н. Молодое поколение в кризисном обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 56 — 59.

² См.: А. Ципко в кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат, 1991. С. 345.

ва («Известия», 18 сент. 1989 г.): «Очевидно, что эффективным может быть только подлинно независимое предприятие, не связанное идущими сверху нормативами распределения прибыли и планами-госзаказами». Что за чертовщина, как может быть очевидным умозаключение, в котором не просто неочевидны, а даже бессмысленны главные понятия — «эффективность» и «подлинная независимость»? Где существуют «подлинно независимые предприятия»? Был ли неэффективным Челябинский завод, где благодаря автоматической сварке брони производительность в поточном производстве танков была в 5 раз выше, чем в Германии? При чем здесь прибыль, госзаказ? У любого предприятия, включенного в крупную капиталистическую корпорацию, «идущие сверху» нормативы являются гораздо более жесткими, чем в советских министерствах, — они тоже неэффективны с точки зрения крутого рыночника Б. Федорова?

А вот столь же бредовое утверждение Г. Лисичкина, экономиста и, кажется, будущего народного депутата: «Подходящий налог с зарплаты — это ведь очевидно — не только лишен смысла, но он... вреден и опасен»¹. Все у этих постмодернистов «очевидно»! Вот уж действительно стиль, в котором «все дозволено». Почему же подходящий налог с *дохода* лишен смысла? И что здесь очевидного? Ведь сам себе экономист противоречит — не может быть лишено смысла то, что «вредно и опасно». Разве вред и опасность лишены смысла? И чем же, интересно, опасен подходящий налог?

А вот его же рассуждение, в котором он буквально призывает ликвидировать общество и государство: «Неосталинисты заинтересованы в сохранении граждан в бедности, терпеливо, послушно стоящих в очередях перед их кабинетами в ожидании благодеяний в виде полубесплатных квартир, путевок в санатории, места для ребенка в детсаде и т.д. Таким гражданином легко управлять, поскольку он со своей семьей находится в кабальной зависимости от властей... Тот же, кто понял, что все бесплатные блага, которыми бережно осыпают его власти, на самом деле лишь часть неоплаченного его же труда, требует вернуть эти средства, хочет распоряжаться ими по собственному разумению как свободный гражданин» (там же). Забирай, мужики, все себе! Зачем вам квартиры, санатории, детсады — не давайте на них ни копейки, пусть «коммуняки» попрыгают! Надо было мужикам на момент стать полными идиотами, чтобы на такую дешевку клюнуть.

Заглянем, чтобы расширить набор примеров, на самый верх.

---

¹ Лисичкин Г. Зажиточный работник — процветающее государство // Известия. 1989. 8 авг.

Вспомним начало войны в Ираке весной 2003 г. Понятно, что риторика США вынужденно была *антирациональной*. Как выразился один политолог, «говорить, что нужно бомбить иракских женщин и детей, протестуя против нарушения их же прав человека, есть полнейшая бессмыслица». Не лучше выглядели и наши демократы, плывущие в фарватере США, которые были вынуждены выступить в их поддержку. Белла Ахмадулина в интервью «Независимой газете» заявила, что решение Буша является «роковым», а война «ужасна» и «омерзительна», но... она надеется, что Буш имел основания для такого решения, а протесты европейской общественности уж слишком экзальтированы.

Но по каким-то причинам отступить от рациональности пришлось и официальным лицам РФ. 3 апреля 2003 г. газеты в РФ и на Западе пестрели заголовками: «Путин не желает поражения США»¹. Прежде всего, зачем вообще было делать такое заявление президенту страны, которая официально заявила о своем несогласии с войной, что разожгли США в Ираке, а в самом военном конфликте заняла позицию нейтралитета? Ведь президент нейтральной страны должен воздерживаться от того, чтобы выражать свои пожелания об исходе войны. Подобных заявлений не делали Китай, Индия, другие державы, занявшие позицию нейтралитета.

Возьмем формальную сторону дела. Если принять, что РФ — это государство «всех нас, россиян», то президент — высшее должностное лицо этого государства. Он не может делать личных заявлений, он представляет систему. Понятно, что это заявление далось В. В. Путину трудно. Ему пришлось противопоставить себя практически всему населению РФ — он ведь знал, что 80% (иногда говорили, что 85 — 90%) именно желали Америке поражения в той войне. Не имело смысла и сделанное В. В. Путиным добавление о том, что РФ «заинтересована в переносе решения иракской проблемы на площадку ООН» — ведь это как раз и было бы поражением США.

Но не будем обсуждать политический смысл этого заявления, здесь для нас важна некогерентность *совокупности* заявлений о войне, сделанных почти одновременно руководством РФ — при том, что не могли они сделать это без согласования. Глава МИДа РФ И. Иванов в докладе Совету Федерации сказал: «Никаких правовых оснований для осуществления военной операции в отношении Ирака у США и Великобритании нет». В переводе на

---

¹ Выступая 2 апреля в Тамбове перед журналистами, В. В. Путин заявил, что «по политическим и экономическим соображениям Россия не заинтересована в поражении США».

обычный язык это значит, что США совершили преступное нападение на суверенную страну. Верхняя палата представительной власти страны, Совет Федерации Федерального собрания РФ, 26 марта приняла Заявление, первая фраза которого гласит: «Соединенные Штаты Америки с 20 марта 2003 года осуществляют агрессию против Республики Ирак».

Агрессию! Это слово сразу наложило определенные рамки на последующие заявления должностных лиц, включая президента. Не может же он говорить, что мы «не заинтересованы в поражении агрессора», это означало бы символический отказ от принципов международного права. Как можно не быть заинтересованными в поражении агрессора! Не желать его поражения — значит потакать ему. Верховная власть государства, разные ветви которой делают столь разноречивые заявления, отступает от рациональности.

Что значит «поражение США в этой войне»? Наверняка В. В. Путин не полагал, что поражением США стала бы их оккупация иракской армией, суд над Бушем и водружение иракского флага над Капитолием! Что это за война, ради чего они ее начали? Всем было ясно, что это война грабительская, война за контроль над крупным нефтеносным районом. Видный западный политолог и писатель Джон Ле Карре сказал: «Если бы у Хусейна не было нефти, он мог бы истязать своих граждан в свое удовольствие». Не желать агрессору поражения в такой войне — значит поддержать попытку «золотого миллиарда» ликвидировать суверенитет народов над природными ресурсами их стран. Вопрос для России весьма актуальный. США вели эту войну для того, чтобы окончательно сломать всю систему международного права и утвердить право сильного. Впервые после Гитлера открыто заявлено — интересы США превыше всего и плевать они хотели на международное право. Разве можно не желать им поражения в такой войне?

Нет, это противоречит не только совести, но и разуму. Разум говорит, что в интересах всего мира, в том числе в интересах американской нации, чтобы авантюра правительства США и Великобритании потерпела неудачу.

Некогерентность умозаключений была и остается общим дефектом мышления наших интеллектуалов — как во властной верхушке и близкой к ней «демократической» интеллигенции, так и у их оппонентов. Иногда она бывала слегка скрыта обильными словами, иногда бывала «чеканной».

В Послании Президента РФ Федеральному собранию 2004 г. В. В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан

с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения «старого здания»... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала. За четыре последних года мы смогли компенсировать около 40% падения».

Это важное утверждение. Ведь реформа 90-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики, а теперь оказывается, что это был просто ее *демонтаж*, причем исключительно грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это нашего согласия не спрашивали, и никто бы его никогда не дал. Речь идет о колоссальном обмане общества господствующим меньшинством. Интеллигенция, которая в этом обмане взяла на себя роль «пропагандиста в массах», сама оказалась обманутой, что и говорит о том, что ее интеллектуальные инструменты были испорчены.

Делая такое признание, В. В. Путин вынужден прибегнуть к искажению логики, его утверждение некогерентно. Разрушение никак нельзя назвать *развитием*. Какое же это развитие, если за 15 лет реформ «нам пока не удалось «догнать самих себя» образца 89-го года», как выражается сам В. В. Путин! Это явный *регресс*. Однако самая грубая нестыковка состоит в том, что во второй части утверждения подменяется категория, о которой речь шла в предыдущей фразе. Сказано: «Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала». Далее: «Мы смогли компенсировать около 40% падения». *Падения чего?*

В первой части речь идет об экономическом *потенциале* страны. Это величина фундаментальная, «мощность» хозяйства. Она не выражается в показателях реализации этой мощности в данный момент (например, в ВВП), как мощность двигателя автомобиля не определяется скоростью его движения — автомобиль может даже стоять на месте, а потенциал его остается тем же. Экономический потенциал — это производственные мощности, система управления хозяйством, квалификация и система подготовки кадров, здоровье и даже настроение населения. Какую часть этого потенциала потеряла РФ за годы реформы, сказать трудно. Обычно имеют в виду лишь производственные мощности, они действительно утрачены примерно наполовину (с остальными составляющими положение хуже).

Но разве «мы смогли компенсировать около 40% падения» именно потенциала? Ни в коей мере! Мы частично компенсировали лишь снижение «отдачи» хозяйства. Да, наш «автомобиль», почти остановленный Ельциным, при В. В. Путине затарахтел и покатился быстрее, но он до предела изношен, и восполнения

этому износу нет. К тому же о росте отдачи хозяйства теперь судят по показателю, который не стыкуется с показателем 1989 г. В нынешнем ВВП очень велика спекулятивная составляющая, которой не было в 1989 г., когда он выражал то, что теперь называют «реальной экономикой». Теперь поднялась цена на нефть в США — подскочил ВВП РФ, затратил Абрамович на покупку футбольных клубов, вилл и яхт на Западе почти миллиард долларов за полгода — на столько же вырос наш ВВП. Падение же нашего *потенциала* продолжается почти в том же темпе, как и в 90-е годы, а в ряде важных подсистем (например, в подготовке трудовых ресурсов, в научно-технической сфере, в ЖКХ) оно даже усложилось.

И ведь эта подмена категории *потенциал* (база, мощность) категорией *отдачи* (поток, использование мощности) — вещь устойчивая, принципиальная. Эта подмена постоянно наблюдается и у экономистов-реформаторов, и у самого В. В. Путина. В своем Послании он далее говорит: «И мы вполне способны за десять лет увеличить наш экономический потенциал в два раза... Способны, если удержим среднегодовые темпы роста хотя бы на уровне первого квартала текущего года. Более того, при сохранении таких темпов мы смогли бы удвоить ВВП на душу населения не за десять лет, а уже к 2010 году».

Примерно в том же логическом ключе В. В. Путин говорит об образовании (в Послании Президента РФ Федеральному собранию 2004 г.): «Условия глобальной конкуренции требуют от нас усиления практической направленности образования. Сегодня профессиональное образование не имеет устойчивой связи с рынком труда. Более половины выпускников вузов не находят работу по специальности... При этом по сравнению с советским периодом почти утроился прием в вузы и число поступающих в них фактически сравнялось с числом выпускников средних школ. Ну кому это надо?... Следует стремиться к тому, чтобы большинство выпускников учебных заведений работали по специальности. Речь, разумеется, не о возврате к директивному распределению, а о прогнозировании потребностей государства в необходимых ему специалистах».

В этом большом рассуждении высказано несколько важных установок, но между собой они совершенно не согласуются. В целом оно *некогерентно*.

Во-первых, «условия глобальной конкуренции» требуют от любой страны вовсе не какой-то одной *направленности* образования, а максимального использования конкурентных преимуществ сложившейся в данной стране национальной системы образования. Были такие преимущества у советской (и ранее у рос-

сийской) системы? Несомненно, были — потому-то западные фирмы и университеты не просто охотно брали наших специалистов, но даже и сманивали их. Несколько вульгаризируя, можно сказать, что наши преимущества вытекали из определенных мировоззренческих установок русской культуры и заключались в фундаментальности и широте взгляда. Это и ценилось на «мировом рынке труда». Зачем же эти преимущества ликвидировать и усиливать так называемую «практическую направленность»? Ведь под этим уклончивым понятием явно подразумевается именно снижение уровня фундаментальности.

Но этот первый тезис можно считать философской установкой реформаторов, о которой нет смысла спорить. Здесь для нас важнее, что этой установке противоречат остальные части рассуждения. В. В. Путин говорит о разрыве между образованием и рынком труда. Предлагается этот разрыв ликвидировать, волевым путем изменив систему образования. Позвольте, но ведь образование теперь — это тоже рынок! Если люди идут в вузы, причем более половины платят за обучение, значит, эти «рыночные услуги» потребителям зачем-то нужны. Разве не странно в устах приверженца либеральных ценностей услышать о тяге молодежи к получению высшего образования «Ну кому это надо!»? Этим молодым людям и их семьям надо — или за них должна решать администрация президента?

Люди вкладывают деньги, время и силы в получение диплома, чтобы иметь дополнительный шанс устроиться в условиях очень большой неопределенности. Это вполне разумная стратегия. При выборе специальности каждый ищет оптимальное соотношение между затратами и теми шансами, которые дает данный диплом, этим и определяется выбор вузов и специальностей («услуг»). Почему же администрация намеревается ассортимент этих услуг изменить исходя из своих умозрительных представлений о том, что людям нужно? Может быть, следовало бы сначала хотя бы высказать предположения о причинах разрыва с рынком труда?

Не будем здесь углубляться в этот вопрос, отмечу только, что при самом поверхностном взгляде видно, что нынешний рынок труда в РФ переживает состояние временное и даже аномальное (говорят же — «переходный период»). А высшее образование человек получает исходя из среднесрочных прогнозов с временным диапазоном 30 — 40 лет. Какой же смысл людям исходить в своем выборе из нынешнего состояния рынка труда? Это было бы просто глупо. Причина разрыва в том, что ни молодежь, ни сами реформаторы не могут себе представить, в какое состояние придут наше хозяйство и общество через 20 — 30 лет, а значит, какова

будет потребность в специалистах разного профиля. А В. В. Путин эту проблему обходит и склоняется к тому, чтобы привязать вузы к нынешнему рынку.

Последний тезис — о том, что структуру специальностей, которым обучает высшее образование РФ, надо привязывать к «прогнозу потребностей государства в необходимых ему специалистах» — просто отменяет предыдущие рассуждения о рынке труда. Разве государство у нас главный «работодатель»? Нет, 80% хозяйства уже частное, и процесс приватизации еще резко ускорился. В частные руки собираются передать большую долю образования и здравоохранения, ЖКХ и даже многие контрольные функции. Почему же система высшего образования должна исходить не из общественных потребностей в специалистах, а из потребностей государства?

Я думаю, что эта внутренняя противоречивость рассуждений, расщепление их логики вызваны тем, что даже политики высшего уровня никак не могут поверить в реальность той программы, которую они сами творят в России. Как и большинству наших граждан, им подспудно верится, что все это сон, что когда-то они изловчатся ущипнуть себя за руку и наваждение схлынет, что государству снова станут нужны *все* специалисты, *все* граждане. Лучше было бы им перевести эти спасительные мысли в сферу сознания и преодолеть расщепление логики.

Бывает так, что некогерентность утверждений выявляется при их логическом развитии, при их встраивании в контекст той реальности, которая и является предметом утверждения. Вот, выступая 17 февраля 2001 г. в Омске в связи с авариями в теплоснабжении, В. В. Путин сказал: «Правительство делает все в полном объеме в рамках своей компетенции, и даже больше — это факт. Старается региональная власть. Все от них зависящее делают муниципальные руководители, а в домах тысяч наших граждан холодно и темно. Совершенно очевидно, что это системный кризис жилищно-коммунального хозяйства в стране».

Это очень сильное заявление. Если встроить его в реальный контекст, то ситуация выглядит абсурдной. Ведь В. В. Путин, сам того, вероятно, не подозревая, прямо ставит под сомнение легитимность нынешнего политического строя. «Правительство делает все в полном объеме в рамках своей компетенции и даже больше» — но обеспечить тепло в домах не может. А значит, власть не в состоянии в мирное время, при благоприятной экономической конъюнктуре, при профиците государственного бюджета гарантировать физическое выживание правопорядочных граждан. Раз не в состоянии, значит, эта власть несостоя-

тельна. Согласно классическим представлениям о государстве (М. Вебер), такое правительство *нелегитимно*.

Казалось бы, сделав такое заявление, президент должен был сказать, каких же полномочий не хватает правительству и местным властям, чтобы справиться с чрезвычайной ситуацией? Какие меры примет власть? Как мы знаем, никаких — власть решила просто отказаться от ответственности за ЖКХ, проводя через Госдуму соответствующие законы.

Примечательно заявление и тем, что в качестве объяснения чрезвычайной ситуации использовано лишенное содержания, не обладающее никакой объяснительной силой выражение «*системный кризис*». Это типичное заклинание, призванное заменить рациональное изложение проблемы. При рациональном подходе за констатацией кризиса и чрезвычайного положения прежде всего следует перечисление главных причин кризиса. Ведь проблема эта возникла не в результате стихийного бедствия, она рукотворна.

Кризис в теплоснабжении — результат вполне осознанных решений, которые принимались именно этим «правительством реформаторов» начиная с 1991 г. Все эти решения оформлены документально, с датой и подписью. Под эти решения была подведена идеологическая и даже философская база. По своей социальной значимости это решения первого ранга, они выражают вектор всей политики реформ. В крупнейшей отрасли жизнеобеспечения возник «системный кризис», а принятая в том же 2001 г. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу («программа Грефа») оценивает главные результаты политики реформаторов в сфере ЖКХ после 1991 г. очень положительно. Значит, никаких ошибок допущено не было и правительство будет следовать тем же путем?

Между тем причины кризиса прекрасно известны. Централизованное теплоснабжение сложилось в СССР за 70 лет как государственная, принципиально нерыночная система (кстати, экономически очень эффективная). Приступая к ее реформированию, ни один политик и тем более ни один специалист никогда не заявлял, что эта система, будучи переведенной на рыночные основания, *может быть сохранена* в дееспособном состоянии. Если бы сам этот вопрос был гласно поставлен в начале 90-х годов, то с очевидностью был бы сразу же получен отрицательный ответ. Нет, рынок разрушит эту систему!

Для утверждения, что перевод теплоснабжения на рыночные отношения разрушит систему, имеются фундаментальные, а не идеологические причины. И они настолько ясно видны, что

единственным разумным мотивом для разгосударствления и реформирования унаследованной от СССР системы теплоснабжения могло быть только намерение расхитить ликвидную (особенно экспортируемую) часть продукции этой системы и те ее производственные мощности, которые могут быть рентабельными после приватизации.

Мы не раз наблюдали, что одни и те же люди в короткий промежуток времени поддерживают взаимоисключающие установки, и это ни у кого не вызывает удивления и вопросов. Это теперь почти в порядке вещей. Вспомним: в 2002 г., то вспыхивая, то притихая, в прессе и на телевидении прокатилась кампания за восстановление в РФ смертной казни за убийство. Когда такие спектакли ставит старый и опытный «патриот России» Савик Шустер — держи ухо востро.

Известно, что в нашей культуре укоренено глубокое отвращение к убийству и ненависть к убийце. Поход против смертной казни во время перестройки был частью большой кампании по разрушению культурного ядра общества. Тут даже шли на большую ложь. Видный юрист-социолог писал тогда в академическом журнале: «Мы полагаем, что государство не может считаться правовым и цивилизованным, пока в нем сохраняется узаконенное убийство... В настоящее время в большинстве цивилизованных стран смертная казнь отменена *de jure* или не применяется *de facto*»¹.

Как будто забыл юрист о главном «правовом и цивилизованном государстве» — США. Там дискуссия о смертной казни велась с 1972 г., причем шаг за шагом ужесточаясь. 11 июля 1990 г. сенат США 94 голосами против 6 одобрил, как сказано, «самый жесткий и самый всеобъемлющий в истории США» закон о борьбе с преступностью, расширяющий применимость смертной казни за 33 вида преступлений.

В РФ, как известно, наложили запрет на исполнение приговоров к смертной казни — и вот очередная кампания, теперь против запрета казни. За ней — схватка политических клик. СМИ, близкие Березовскому, в той кампании 2002 г. пытались прижать В. В. Путина к стенке: он, мол, сохраняя запрет на смертную казнь, идет против воли народа и выступает как лакей Запада. Отец убитой девушки так и пишет в «Открытом письме президенту»: «В угоду политической конъюнктуре и Западу в нашей стране введен мораторий...» Но те же люди, что раздували этот вопрос, сделали все, чтобы втянуть РФ в Совет Европы и

---

¹ Гилинский Я. И. Кризис системы уголовных наказаний // СОЦИС. 1993. № 8.

принять его уставы. Одно из важных условий — отказ от смертной казни. Теперь В. В. Путина толкали к конфликту с Западом, но если бы он сделал хоть шаг в этом направлении, они же подняли бы вой.

Вообще, СМИ прилагали и прилагают большие усилия, чтобы выставить нас вздорным, капризным народом с непредсказуемым поведением. То мы рвемся в Европу, то поднимаем бучу из-за того, что не позволяют казнить пару «отморозков». То наши чемпионы лезут на пьедестал целоваться с канадцами, которым незаконно дали вторые золотые медали в фигурном катании, то назавтра грозим разрывом со всем олимпийским движением из-за того, что у нашей спортсменки взяли кровь на анализ — по правилам, которые мы сами же подписали. Давайте все же определимся, чего мы хотим.

Был советский строй, при котором никто не мог нам указывать, как нам поступать с убийцами в своей стране, и никто не мог хамить нашим спортсменам. Прежде всего потому, что мы не кланчили у Запада в долг, а спортсмены наши играли в ЦСКА, а не в НХЛ. Но мы от этого строя отказались, продали спортсменов и тренеров, набрали долгов и накопили подержанных «Тойот». Что ж, за них надо платить, и цена была объявлена честно — *независимость*. Мы не возразили. Что же теперь носом крутить. Готовы мы поставить вопрос о пересмотре того решения? Давайте этот вопрос и обсуждать.

Я лично — за независимость, а значит, за восстановление такого общественного строя, при котором она возможна. Но я не принадлежу к господствующему меньшинству и не имею силы настоять на своем. Я лишь предлагаю рассуждать и делать сознательный выбор, а не толкать нас в яму.

Сегодня те же идеологи в один голос кричат, что власть у нас коррумпирована и криминализована. Послушайте только С. Говорухина. Вспомните, как он показал власть в фильме «Ворошиловский стрелок». Власть — в сговоре с бандитами, честный человек должен купить винтовку и мстить злодеям по языческому принципу «око за око». И тут же он на НТВ у Савика Шустера требует, чтобы именно этой криминализованной власти дали право *расстреливать* осужденных. Это установки шизофреника или провокатора — ведь они друг с другом несовместимы.

Кто же будет посылать на расстрел, свободы которого добивается Говорухин? Именно тот полковник МВД, тот следователь и прокурор, которых сам Говорухин показал как сообщников бандитов. Когда сегодня люди требуют развязать государству руки для казни, они это делают по инерции мышления. Советская судебная система, при всех ее недостатках, в целом не была

ни подкуплена, ни запугана преступниками. Если судья и послал убийцу на расстрел, то это он делал не за деньги и не из страха. Потому риск ошибки был очень невелик, хотя он и тогда был. Другое дело, когда в стране Смута, когда бандиты правят бал, когда судье не на кого положиться. В этих условиях, *как правило*, будут ставить к стенке именно невинных — козлов отпущения, пусть и из той же преступной среды. И те, кто сегодня требует властям еще и этой свободы, поступает неразумно. Это урок векового опыта: когда власть в своей существенной части впадает в мздоимство и породнилась с ворами, в интересах честного человека — ограничить законом право такой власти казнить.

Иногда СМИ, похоже, производят проверку способности людей здраво рассуждать. Вдруг по всем каналам телевидения и газетам проходит с большим шумом какое-нибудь нелепое сообщение. Если все его принимают без удивления, а то и с радостью, не задавая вопросов, значит, бессвязность мышления находится на должном уровне. Вот в ноябре 2000 г. по телевидению и по радио взалхлеб передавалось «патриотическое» известие, которое должно было наполнить гордостью сердца россиян. Российские истребители над Тихим океаном «взломали» ПВО американского авианосного соединения и облетели авианосец «Энтерпрайз». Говорилось даже, что наши самолеты сфотографировали корабль, а это «равнозначно уничтожению авианосца». Газета «Завтра» высказывается скромнее: «Эту проверку американцы не выдержали. В боевой обстановке такая беспечность обернулась бы для них как минимум тяжелыми повреждениями основных ударных единиц».

Читаешь, слушаешь — и заходит ум за разум. Ведь тут же говорится, что такие облеты не противоречат международному праву и что раньше «подобная практика была достаточно регулярной». Если так, то чего ожидали российское телевидение и газета «Завтра» от американских кораблей? Чтобы они сбили наши самолеты — вопреки международному праву и регулярной практике таких облетов? У них, разумеется, и в мыслях такого не могло быть. А как иначе они могли не допустить облета?

Может быть, они тоже «сфотографировали» наши самолеты — следует ли из этого, что эти самолеты «уничтожены»? Откуда видно, что «в боевой обстановке» российские самолеты смогли бы облететь авианосец? И зачем его вообще облетать, если ракеты против кораблей запускаются самолетами за десятки километров, из-за горизонта? За такими надрывными патриотическими всплесками, в которых объединяются «Завтра» и НТВ, люди как-то не заметили сказанной вскользь фразы В. В. Пути-

на, что из 1500 летчиков ВВС РФ, вошедших в строй с 1995 г., треть *ни разу* не летала. А ведь это поважнее облета авианосца.

Несвязность утверждений — вещь как будто заразная. Оппозиция тоже не смогла вырваться из-под ее воздействия. Вот программная статья в «Советской России» о последней стадии режима Ельцина в рубрике «Бьют часы истории» (№ 1 за 1998 г.). Автор проф. Ю. Качановский. Читаем: «Правительство, будучи политическим импотентом, не способно организовать народ и отечественный капитал, не способно вести борьбу за спасение России». Но если правительство Ельцина называется «антинародным режимом», то как же можно от него ожидать, чтобы оно «организовало народ на спасение России»?

Режим Ельцина назван *политическим импотентом*. Как же так? Этот режим поставил своей задачей уничтожить СССР и советский строй. Задачу выполнил. Далее, за короткий срок он разоружил сильнейшую в мире армию, уничтожил вторую в мире систему науки и образования, почти завершил ликвидацию мощной промышленности. Это огромные, глобального масштаба политические задачи. Он их решал, не прибегая к насилию, сумев подавить всякую способность общества к сопротивлению. По эффективности примененных им политических технологий этот режим намного превзошел фашизм и западные демократии. Какие у оппозиции основания называть его «политическим импотентом»? Это вопрос принципиальный. Одно дело — перед нами недотепа, который «хочет организовать», да не умеет. А другое дело — умный и умелый противник, цели которого несовместимы с целями оппозиции. Нельзя же так! То нам говорят о «третьей отечественной войне», то об «импотенте». Определись, товарищи!

Далее автор статьи утверждает, что вот-вот 23 (!) процента россиян «прибегнут к вооруженным выступлениям», придут «в роскошные офисы и коттеджи». Что это, о чем речь? О революции? О бунте? О грабеже? Допустим, шахтеры Кузбасса раздобыли автомат и пришли в роскошные офисы. В кого они будут стрелять — в директора банка? В начальника ГАИ? В Тулева?

Автор предупреждает: «Олигархия сверхбогачей! Господа! Вам грозит опасность». Он уже чувствует себя победителем: «Представителей верхов, которые, как Гайдар, нервничают и угрожают, надо предупредить: не провоцируйте, иначе вы немедленно будете взяты под стражу и ответите по всей строгости закона». Под стражу! Немедленно! Это когда же? Ведь для этого надо сначала, чтобы они перестали быть «представителями верхов». И по какому закону они ответят? Разве закон запрещает

нервничать? А угрожать и провоцировать — так и сам автор статьи тут не безгрешен.

Он предупреждает тех, кто надеется скрыться с капиталами: «Напоминаю судьбу Троцкого!» При чем здесь Троцкий? Разве он скрылся с капиталами? Тех, кто скрылся с капиталами, никто не трогал — себе дороже. Но дело в самой этой странной угрозе. Сначала о технической стороне. Сегодня Россию разворовывают тысячи и тысячи «сверхбогачей». Чтобы где-нибудь в Париже или на Багамских островах найти и уничтожить одного такого «троцкого», должна долго работать бригада специалистов высшего класса. Кого пошлет оппозиция на это мокрое дело? Где взять нового Рамона Меркадера? Но техника — не главное. Откуда вообще взялась эта бредовая доктрина «неуловимых мстителей»?

После напоминания о судьбе Троцкого Ю. Качановский без перехода начинает давать олигархам добрые советы и задания по спасению России: «Березовский, Гусинский, Авен и т.д., сформируйте совет российского национально ориентированного капитала!» Прямо хочется крикнуть: «Вся власть совету!» Думаю, у читателя «Советской России» при мысли о такой советской власти должны глаза на лоб полезть. Автор поясняет: «Свои состояния и собственность вы должны поставить на службу делу спасения России. Совет крупного российского капитала должен разработать программу своего вклада в дело подъема экономики».

Когда это Березовский и Авен просили совета у «Советской России»? Но предположим даже, что банкиры, купив в метро «Советскую Россию», прочитали, прослезилась и образовали советы в центре и на местах. И даже «разработали программу своего вклада». Что они должны сделать, чтобы спасти Россию? Ведь экономика разрушена именно потому, что существуют они, «олигархи» — не как личности, а как социально-экономическое явление. Чего конкретно от них требует автор «Советской России»? Чтобы они, оставаясь банкирами, спасали экономику России? Но это же невозможно, они немедленно разорятся. Они олигархи и банкиры именно потому, что поедают экономику России. Вот такие некогерентные рассуждения предлагались, чтобы консолидировать оппозицию.

Некогерентность рассуждений наблюдается даже в серьезных трудах видных ученых-гуманитариев. Вот книга доктора юридических наук Б. В. Курашвили «Историческая логика сталинизма» (М.: Былина, 1996), одно из лучших, на мой взгляд, произведений левой печати, написанное человеком, который глубоко переживал поражение советского строя. Однако и здесь бросает-

ся в глаза некогерентность важных утверждений. Вот некоторые места.

Военный коммунизм, согласно Б. Курашвили, это «авторитарно-утопический социализм. В целом, увы, несостоятельный». Как же так? Ведь военный коммунизм — это изъятие части хлеба у крестьян и его уравнильное, вне рыночное распределение среди горожан для спасения их от голодной смерти, поскольку рыночное распределение разрушено войной¹.

Что же здесь утопического? Это мера, которая применяется под давлением крайних обстоятельств, в условиях бедствия. И что здесь «социалистического»? Военный коммунизм вводили и буржуазные либералы (якобинцы и жирондисты) во Франции в XVIII веке, и буржуазные милитаристы в Германии в XX веке. И почему же он «увы, несостоятельный»? На каких весах взвешен смысл спасения миллионов горожан и похлебки для Красной армии? А в Отечественную войну карточная система — тоже «увы, несостоятельна»?

Диктатура пролетариата 1917 — 1920 гг. всем была бы хороша, но, как пишет Б. В. Курашвили, «увы, пренебрегала демократическими процедурами, правами человека». Как это «увы», если в этом — суть любой диктатуры? Нельзя же «губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича», как мечтала одна невеста. Сам автор здесь же признает: «Тогда иное было практически невозможно». Но если так, то именно о наивных попытках соблюсти в тех условиях права человека, то есть пытаться сделать нечто невозможное, следовало бы сказать «увы».

На втором этапе построения советской системы, по мнению Б. В. Курашвили, ущерб от нарушения законов марксизма (революция в крестьянской стране была Марксом не предусмотрена) был как-то преодолен, но затем «в закономерное течение революционного процесса мощно вмешался внешний фактор. Общество было искусственно возвращено в подобие первой фазы революции, ибо других способов форсированного развития не было видно... Сложилась теоретически anomальная, противостественная, но исторически оказавшаяся неизбежной модель нового общественного строя — авторитарно-мобилизационный социализм с тоталитарными извращениями».

---

¹Продразверстка была мягкой, максимум хлеба был собран в 1919 — 1920 гг. (260 млн. пудов). Это менее половины довоенного экспорта зерна. Если учесть, что в те годы на экспорт хлеб не отправлялся, а на внутренний рынок поставлялся в малом количестве вследствие паралича транспорта, сама по себе продразверстка для села была не слишком обременительной. Важнее были связанные с ней неизбежные эксцессы.

Как может быть противоестественным то, что «исторически оказалось неизбежным»? Почему внешний фактор, тем более мощный (грядущая мировая война), представлен досадной помехой «закономерному течению»? Выходит, «правильный закон» не учитывает факторы такого масштаба? Но тогда цена ему грош. Почему выбор пути индустриализации, который *единственный* давал возможность спасения (по словам Б. Курашвили, «других способов не было видно»), назван «искусственным»? Любое решение, как плод переработки информации и выбора, есть нечто искусственное, а не природное, но здесь этот термин носит явно осуждающий характер. В целом, в этом рассуждении одно определение явно опровергает другое — это и есть некогерентность.

У нас нет сейчас возможности глубоко копаться в методологических основаниях глубокой деформации рационального мышления. В первом приближении можно сказать, что были одновременно нарушены два взаимодополняющих блока интеллектуальных навыков — диалектический взгляд на реальность и материалистическое сознание, опирающееся на жесткие, «земные» понятия (хотя бы на уровне здравого смысла). Большую роль в нарушении работы этих двух инструментов сыграло советское обществоведение (подробнее см.¹).

Тон в генерировании некогерентных рассуждений задали именно обществоведы. Это неудивительно, так как в массе своей преподаватели идеологических дисциплин не знали и не чувствовали научного метода, да и вообще имели очень туманное представление о науке как особом способе познания. Удивительно другое — как безропотно последовали за ними в своем мышлении миллионы советских инженеров и ученых, которые почему-то восприняли схоластику этой профессуры, а не потрудились приложить к познанию общества те методы рассуждений, которыми так успешно владели в своей профессии.

Например, во время перестройки часто приходилось слышать, что советский социализм оказался негодным как формация, что его базис не давал простора для развития производительных сил и т.п. Но ведь категории истмата «формация» и «базис» есть абстракции высокого уровня. Реальное общество всегда сложно и не может быть сведено к какой-либо чистой модели. Это очевидно любому инженеру и человеку с естественно-научным образованием, но В. Келле и М. Ковальзон, авторы официального учебника «Исторический материализм», напускают туману. Например, по их мнению, период строительства со-

---

¹ Кара-Мурза С. Г. Истмат и проблема Восток — Запад. М.: Алгоритм, 2002.

циализма в СССР был переходным периодом, а потому базиса в нашем обществе как бы вообще не было. Они пишут: «Если считать, что «базисом переходного периода» является совокупность экономических укладов, то пришлось бы капиталистический и социалистический уклады отнести к одному базису, что нелепо».

Почему же нелепо, если оба уклада *реально сосуществуют*? Но диалектики законодатели советского обществоведения не признавали и не признают, от эмпирического опыта отворачиваются и вводят в норму именно иррациональные, с разорванной логикой, конструкции. И потому-то основная масса профессиональных обществоведов сегодня совершенно искренне находится в одном стане с ренегатами типа Горбачева и Бурбулиса — такого явления не бывало и не может быть в науке, поскольку наука построена на рациональном мышлении. Замечательно подводят итоги своим делам сами Келле и Ковальзон в 1990 г. в большой статье в журнале «Вопросы философии».

Они, конечно, отказываются от советского строя: «Строй, который преподносился официальной идеологией как воплощение идеалов социализма, на поверку оказался отчужденной от народа и подавляющей личность авторитарно-бюрократической системой... Идейным основанием этой системы был догматизированный марксизм-ленинизм».

Эти два высокопоставленных деятеля «официальной идеологии» и едва ли не самые активные производители «догматизированного марксизма» вдруг обнаружили (по указанию начальства), что «на поверку» (!) советский строй оказался тем-то и тем-то. А раньше, до указания начальства, они этого не замечали? Это значит, что их «наука» не располагала средствами для познания реальных общественных процессов. Потому-то их статья, полная самой примитивной ругани в адрес «авторитарно-бюрократической системы», не содержит ни одной мало-мальски определенной мысли. Поражают убожество и полное интеллектуальное бесплодие этих законодателей «общественной мысли».

Они сами, похоже, чувствуют это и, как водится, сваливают вину на внешние обстоятельства: «Скованность мысли, догматизм, внутренняя цензура снижали творческий потенциал талантливых ученых и были одновременно питательной средой для выдвижения серости и посредственности».

Под талантливыми учеными они явно подразумевают себя и себе подобных. Но дело не в личностях, а именно в непродуктивной структуре рассуждений, построение которой лишь завершили Келле, Ковальзон и компания. Ибо вне этой структуры великолепные обществоведческие труды создавали даже в концлагере философ А. Ф. Лосев и этнолог Л. Н. Гумилев, а в ссылке

культуролог М. М. Бахтин. «Скованность мысли» Брежнев предписать никому не мог, он мог лишь дать дорогу наверх таким, как Ковальзон.

Какие же новые установки дают Келле и Ковальзон в 1990 г., когда наступила долгожданная свобода от догматизма? Это очень показательно. Они, как и раньше, служат «системе», теперь уже антисоветской. А система эта, готовясь к приватизации и присвоению народного достояния, нуждается в отключении у граждан *здорового смысла*. Ибо здравый смысл, при отсутствии плодотворной теории и при массовом переходе интеллигенции на сторону антисоветской номенклатуры, является единственной интеллектуальной основой для того, чтобы массы трудящихся могли выработать свою позицию в быстро меняющейся обстановке.

Конечно, здравый смысл консервативен и не позволяет выйти на уровень наилучших решений. Но здравый смысл — последняя опора людей, ибо он предостерегает от принятия *наихудших* решений. А именно согласия на поддержку решений, наихудших с точки зрения интересов трудящихся, требовалось добиться реформаторам. Тонко чуя потребности власть имущих, в своей установочной статье бывшие смотрители истмата прямо и бесхитростно атакуют здравый смысл как форму мышления.

Они пишут: «Поверхностные, основанные на здравом смысле высказывания обладают немалой притягательной силой, ибо создают видимость соответствия непосредственной действительности реальным интересам сегодняшней практики. Научные же истины всегда парадоксальны, если к ним подходить с меркой повседневного опыта. Особенно опасны так называемые «рациональные доводы», исходящие из такого опыта, скажем, попытки обосновать хозяйственное использование Байкала, поворот на юг северных рек, строительство огромных ирригационных систем и т.п.».

Итак, отключив сначала у людей здравый смысл в массовой, тоталитарной кампании против строительства крупных систем орошения, бывшие «марксисты», опираясь на созданные идеологической машиной иррациональные стереотипы, начинают в принципе отвергать рациональные доводы, исходящие из повседневного опыта. Вдумайтесь только в эти слова! Плевать нам, конечно, на интеллектуальную низость таких выкрутасов. Главное в том, что эти и им подобные люди продолжают обучать студентов и контролировать главные научные журналы.

Вспоминая сегодня все то, что пришлось слышать и читать за последние пятнадцать лет у наших новых идеологов, я утверждаю, что они сознательно и злонамеренно подорвали существо-

вавшую в России и СССР культуру рассуждений, грубо нарушали интеллектуальные нормы политических дебатов и привели к тяжелой деградации общественной мысли. Главной жертвой этой культурной диверсии стала интеллигенция, которая вправе предъявить режиму соответствующий счет. Но и сама она, будучи проводником навязанных ей интеллектуально ущербных утверждений в общественное сознание, несет перед обществом свою долю вины.

И дело серьезнее, чем кажется. «Подумаешь, логика рассуждений, некогерентность, — скажет иной читатель. — Важно хорошо делать свое дело!» А ведь логика — симптом. Это все равно что сказать: «Этот человек — прекрасный оператор АЭС. Что из того, что логика его расщеплена и он, видимо, помешался. Ему же не лекции читать». Но сегодня все мы — операторы социального реактора, и наши пальцы на кнопках. Мы обязаны сделать усилие и стряхнуть наваждение.

Глава 6

УЧЕБНЫЙ ПРИМЕР: НЕКОГЕРЕНТНОСТЬ РАССУЖДЕНИЙ ТРУДЯЩИХСЯ

Выше были приведены примеры некогерентности в рассуждениях должностных лиц или представителей интеллигенции. Если же говорить о трудящихся массах, то есть говорить на языке марксизма, во время перестройки мы наблюдали явление регресса — превращение «класса для себя» в «класс в себе». Иными словами, трудящиеся России, имевшие в первой четверти XX века исключительно развитое классовое самосознание, к концу века его утратили настолько полно, что стали легкой добычей самых примитивных манипуляторов и соблазнились столь нелепыми и дешевыми посулами, что можно говорить не только об утрате социального сознания, но и об отключении здравого смысла. Здравый смысл использует инструменты мышления гораздо более низкого уровня, нежели классовое сознание, но и эти инструменты уже оказались недоступны среднему гражданину. Обыденное сознание стало инфантильным.

Более того, можно предположить, что у большей части городского населения отключились даже некоторые врожденные, данные человеку природой «механизмы навигации», управляющие поведением человека так, чтобы обеспечить его выживаемость. Реформаторы заманили массу советских людей в такой коридор,

движение по которому с очевидностью ведет к вымиранию если и не всего русского народа, то значительной его части (а значит, с неизбежным оттеснением оставшихся русских от жизненно важных ресурсов и с изменением самого типа народа). Но этот факт, который уже практически не вызывает сомнений, воспринимается и массой обывателей, и их «культурным слоем» (интеллигенцией) совершенно равнодушно. Не действуют «инстинкты».

Не должен вызывать сомнения тезис о том, что классовое сознание трудящихся России было высоко развито, хотя другие признаки «классовости» сильно отстали. Вульгарное советское обществоведение прошло мимо этого важного факта, но сейчас важно его вспомнить. Антонио Грамши писал в 1917 г. (сходную мысль по-иному выразили и другие мыслители), что русские рабочие как бы собрали и впитали в себя классовое сознание, накопленное рабочими всего мира за триста лет. Они стали пророком, несущим в себе «угль, пылающий огнем», мысль и язык трудящихся всех времен и народов.

Надолго такое горение не дается, и дело послевоенных поколений было ввести прежнее горение в спокойный режим, но этого не сумели сделать. Вместо этого элита загнала трудящуюся массу сначала в мыслительные структуры мещанства («среднего класса»), а потом и соблазнила буржуазной утопией. Нас толкнули на ту ветвь «социальной эволюции», которая именно для России является тупиковой и на которой мы как особая культура вымрем. Хотя именно тот взрыв сознания и духа, что произошел в России в начале XX века, открыл для нас узкий проход на простор гармоничного развития. Не успели мы это ущелье пройти, оказались не на высоте.

Пример поразительной неспособности составить в уме простую цепочку причинно-следственных связей даже в отношении собственных шкурных интересов дает история шахтерских забастовок 1989 — 1991 гг. в СССР. Тогда шахтеры были использованы как таран против центральной власти и советской системы — политиками из Москвы и директорами шахт, которые надеялись поживиться в ходе приватизации.

Парадоксально в действиях шахтеров, которые поддались на посулы Ельцина с его «демократами», то, что именно этот отряд рабочего класса должен был сильнее всех остальных пострадать при переходе от советской системы к «рыночной». Во-первых, потому, что почти вся угольная промышленность в России была нерентабельной и процветала лишь как часть целостного советского хозяйства на плановой основе. Большие издержки при добыче угля были обусловлены уже геологическими характеристиками пластов. Например, как уже говорилось, в США вообще не

добывают уголь с глубины более 150 м, а 95% добычи угля США сосредоточено в Аппалачском бассейне с глубиной залегания пластов 63 м. В СССР средняя глубина залегания пластов была в Донецком и Печорском бассейнах 395 — 420 м, в Карагандинском 300 м и в Кузнецком 200 м¹. В 80-е годы добывали уголь уже с глубины более 700 м.

Во-вторых, исторически шахтеры были в советское время выделены как привилегированная часть рабочих. Вот средняя месячная зарплата в 1990 г. рабочих одинакового уровня квалификации — 5-го разряда (без надбавок). Аппаратчики в химической и нефтехимической промышленности — 307 руб., слесари-инструментальщики в машиностроении — 326 руб., сталевары — 451 руб., проходчики в угольной промышленности — 611 руб. По всем отраслям промышленности шахтеры имели самую высокую зарплату в сравнении с рабочими того же разряда. Средняя зарплата рабочих по всем отраслям промышленности составляла в 1990 г. 285,6 руб.².

Недавно Теймураз Авалиани (народный депутат СССР, депутат Госдумы 1996 — 2000 гг.), который был председателем забастовочного комитета Кузбасса с 17.07.1989 г. по 27.01.1990 г., написал воспоминания о первой забастовке, в ходе которой он и был избран руководителем стачкома³. Мимоходом он сообщает бытовые подробности о жизни шахтеров, из которых определенно видно их привилегированное положение и даже самоуверенность. Он пишет, в частности, о строительстве жилья через ЖСК: «Что интересно. В 1985 — 1989 гг. я агитировал шахтеров брать ссуду на 20 лет под 3% годовых с условием, что 50% за них будут гасить шахты. Желающих было мало. Такова психология человека!» И это при том, что зарплата шахтеров доходила до 1 тыс. руб. в месяц, а квартира площадью 65 кв. м. стоила в ЖСК 7 тыс. руб. Вот эту социальную систему и стали ломать шахтеры.

Известно, что забастовки шахтеров были спровоцированы необъяснимым ухудшением снабжения и одновременно созданием психоза посредством интенсивной идеологической кампании. Т. Авалиани пишет: «Начались перебои с мясом и продуктами из мяса, молочной, кондитерской продукцией и многим другим. К давно исчезнувшим с прилавков магазинов красной

¹ Зусман Л. Л. Металлический фонд народного хозяйства СССР. М.: Металлургия, 1975. С. 382.

² Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М.: Госкомстат СССР, 1991. С. 40 — 41.

³ Авалиани Т. Из истории рабочего движения Кузбасса (к 15-летию шахтерской забастовки 1989 года) // <http://vorkuta-rkrp.narod.ru/avaliani>

рыбе, икре, копченым колбасам, винам, консервам дополнительно стали исчезать кондитерские изделия и мясо. Потом дошло до постельного белья, носков, лезвий, сигарет, водки. Но когда шахтеры ехали отдыхать летом в Крым или на Кавказ — там все это было. Все это люди видели и обсуждали между собой, приехав, домой. Невольно в груди закипала ненависть. Она тлела и разгоралась...»

Сам он подозревает злой умысел: «Обстановка накалялась. Ситуация выходила из-под контроля властей. Власти не могли не знать о настроениях в рабочих коллективах. Для того и существовали органы КГБ. Однако сами подливали масла в огонь. С прилавков магазинов исчезло все мыло — и туалетное, и хозяйственное. Исчез стиральный порошок. Исчез чай...

Что стоило в октябре 1988 года перебросить в Кузбасс два-три эшелона мыла? Пару пустяков... Будучи ген. директором объединения с 1973 по 1984 год, я прекрасно знал, что при желании властей можно в течение одного месяца перебросить из Латинской Америки, Океании, Азии в Кузбасс все, что требуется. Но можно было в течение недели взять из госрезерва то же мыло, мясо, стиральный порошок, консервы с последующим восполнением. Раз это не сделано в течение полугода, значит, кому-то из верховного руководства это надо. При этом я видел, как легко поддаются шахтеры манипулированию ими проходимцев... Мне и тогда, и сегодня кажется, что вопрос не решали специально. Исподволь готовили взрыв. И взрыв не заставил себя ждать».

Но гипотеза о заговоре не обязательна. Пусть даже начались перебои со снабжением из-за того общего хаоса, который был создан в ходе перестройки. Разве разумно поехать из Сибири «отдыхать летом в Крым или на Кавказ», увидеть там изобилие носков и лезвий, и чтобы из-за этого «невольнo в груди закипела ненависть»? Ведь для того человеку и дан разум, чтобы ненависть у него не закипала *невольнo*. Даже более того, если у образованного человека, инженера, крупного руководителя, каким был Т. Авалиани, возникло подозрение, что какие-то враждебные силы «исподволь готовят взрыв», то тем более его долг был собрать коллег-интеллигентов и призвать их вести с шахтерами разговор в рациональном, рассудительном ключе. Такого разговора как *социального явления* не было. В целом интеллигенция — как московская, так и местная — сыграла поджигательскую роль.

Т. Авалиани вспоминает: «Общественное мнение ежедневно подогревалось информацией о неудовлетворительном состоянии дел в Кузбассе и в стране. Почти во всех СМИ появлялись рубрики, передачи, такие, как на Центральном телевидении передача «Прожектор перестройки». Масла в огонь подлили XIX парт-

конференция и XXVII съезд КПСС. ЦК КПСС организовал, по сути дела, травлю партийных и хозяйственных кадров, обвинив во всем местные власти. Апофеозом травли и распространения анархии стали выступления Горбачева в Красноярске, Донбассе, Москве с призывами к рабочим: «Вы их давите снизу, а мы будем давить сверху».

Руководила шахтерами местная отраслевая номенклатура. Социолог В. И. Ильин, излагающий ту историю, пишет: «Менеджмент подставил под шахтерский удар руководство КПСС и правительство СССР... Региональные угольные объединения приняли активное участие в разработке квалифицированных требований бастующих»¹.

Какие же «требования рабочего класса» подсунили шахтерам в конторах? В. И. Ильин продолжает: «На начальных этапах рабочего движения очень громко звучал призыв к ликвидации объединений как паразитических структур, выдвигались требования предоставления шахтам полной экономической самостоятельности... Б. Ельцин, став в 1990 г. Председателем Верховного Совета РСФСР, смог использовать [шахтерское движение] в борьбе против союзного Центра... Утвердившись у руля власти, Б. Ельцин в 1992 г. пошел на резкое повышение зарплаты шахтерам, что, ясно, было платой за их политическую поддержку».

Примечательно, что на митингах самих шахтеров был умело создан «синдром толпы» — иррационального безответственного поведения с бессмысленными требованиями и переменчивостью настроения. Т. Авалиани пишет: «15 июля 1989 года. К бастующим присоединились шахтеры городов Мыски и Анжеро-Судженска. Уже бастуют 125 предприятий и более 110 тысяч человек. Во всех городах идут митинги круглосуточно. В скверах на газонах появились палатки, горят костры. С шахт работники столовых привозят горячее питание. Из города в город перемещаются первый секретарь обкома КПСС А. Г. Мельников, председатель облисполкома А. Ф. Лютенко и министр М. И. Шадов. Везде эмоции захлестывают здравый смысл. Руководителей где слушают, где свистят. А по сути, никто никого не слушает...

В городе Киселевске рядом с трибуной был установлен свободный микрофон, которым мог воспользоваться каждый, кто хотел. Подходит женщина и эмоционально высказывает наболевшее, что три дня не может купить мужу колбасы на забутовку (забутовка — бутерброд, который берут шахтеры в шахту перекусить). Что начальство обжирается колбасой, а шахтеры голод-

---

¹ Ильин В. И. Российские профсоюзы и аппарат управления: тенденции взаимоотношений // СОЦИС, 1995. № 10.

ные. Предлагает ввести талоны на продажу колбасы. Ведущий ставит вопрос на голосование. Тысяч пять собравшихся граждан голосуют за введение талонов на колбасу. Сотни три против талонов.

Через полчаса к микрофону прорывается другая женщина. Кричит, что купить колбасу можно любому человеку, что она вчера купила целый батон (3 кг) «докторской» свободно. «Теперь же всю жизнь будем есть колбасу по талонам. Я требую отменить талоны на колбасу и проголосовать за это». Ведущий митинга ставит требование на голосование. Тысяч пять голосуют за отмену талонов на колбасу. Сотни три голосуют против отмены».

А вот в актовом зале, где преобладали ИТР, обстановка совсем другая. Здесь в резолюции забастовщиков проталкивались важные требования. Т. Авалиани, уже избранный председателем стачечного комитета, пишет о таком собрании: «Похоже, собрались представители всех бастующих городов: Анжеро-Судженска, Березовского, Кемерово, Белова, Ленинск-Кузнецкого, Киселевска, Прокопьевска, Новокузнецка, Мысков, Осинников, Междуреченска. Про себя отмечаю — самым забастовочным комитетам, причем разрозненным, такая организация непосильна. Помогали обком и угольные генералы... Опять говорили о снабжении шахтеров, о снабжении шахт, о мыле и колбасе, о едином выходном дне. Более серьезные вопросы были затронуты электрослесарем с шахты «Первомайская» из города Березовского Голиковым В. М. о региональном хозрасчете и самостоятельности шахт. Но это были мысли не его, а ученых-теоретиков, выступавших уже 2 года в областных газетах. Мысли путанные, рассчитанные на то, что все нам, а государству — фиг. В зале даже развернулась дискуссия. Кто-то предлагал отчислять государству 10% прибыли, кто-то 40%, кто-то 20% — местным Советам, а кто — никому не отчислять ничего. Дискуссия зашла в тупик».

Насколько можно судить по документам, присланная в Кузбасс для переговоров комиссия Верховного Совета СССР не сумела разумно объяснить (и, вероятно, понять), что многие требования шахтеров означают подрыв хозяйственной и социальной системы СССР. Она пошла на поводу у забастовщиков и подписала соглашение, означающее гибель советского строя. Чего стоит хотя бы такой пункт: «Всем предприятиям Кузбасса предоставить право с 1 июля 1989 г. продавать сверхплановую продукцию по договорным ценам, как внутри страны, так и за рубеж. С 01.01.90 разрешить продавать в этом же порядке 30% фактически выпускаемой продукции, без каких-либо ограничений. Все инвалютные поступления в 1989 — 1990 годах оставлять

в распоряжении предприятий региона». Или такой: «Прерогативу составления норм и расценок передать предприятиям с 01.07.89 с учетом требований техники безопасности».

Кроме того, в соглашение были включены «вопросы, требующие глубокой экономической проработки, рассмотрения и утверждения на сессии Верховного Совета СССР», из них некоторые стоит привести полностью:

«1. Перевести Кузбасс на социальный хозрасчет, взяв за основу мировые социальные нормативы.

2. Госкомитету цен при Совете Министров СССР повысить цены на уголь в соответствии с фактическими затратами на добычу... с предоставлением экономическим службам предприятий (объединений) права гибко производить корректировку основных экономических показателей (объем угледобычи, производительность труда, себестоимость, нормы выработки).

...4. Предоставить полную экономическую и юридическую самостоятельность предприятиям:

а) предоставление права трудовым коллективам самостоятельно определять формы собственности: государственная, кооперативная, арендная и т.д. в пределах социалистической системы;

б) ввести единую (фиксированную сумму налога) вместо изъятия прибыли: в госбюджет — 10%, в региональный бюджет — 20%;

в) отчисления предприятию не менее 40% валютных средств от экспортных операций;

г) предоставить право предприятиям самостоятельно заключать прямые хоздоговоры без вмешательства посреднических организаций (углесбыта, объединения, министерства).

...7. Помощь развивающимся странам осуществлять с учетом реально складывающейся внутренней экономической ситуации.

...10. Лишить первых руководителей всех рангов всех привилегий в обеспечении товарами народного потребления, обеспечении жильем, медицинским обеспечением и т.д.

Председатель регионального
забастовочного комитета Кузбасса

Т. Г. Авалиани

Заместитель председателя регионального
забастовочного комитета Кузбасса

Ю. Л. Рудольф

Заместитель председателя регионального
забастовочного комитета Кузбасса

Ю.А.Герольд».

Затем в Кузбасс приехала комиссия более высокого ранга, которая и подписала протокол, выводящий Кузбасс за рамки плановой хозяйственной системы. Вот главные пункты этого документа:

«Протокол «О согласованных мерах
между региональным забастовочным комитетом Кузбасса
и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС»
17 — 18 июля 1989 г., г. Прокопьевск Кемеровской области

...2. Предоставить полную экономическую и юридическую самостоятельность предприятиям Кузбасса, шахтам, разрезам в соответствии с Законом о государственном предприятии (объединении). Минуглепрому СССР осуществлять реорганизацию существующих объединений в различного рода ассоциации, другие добровольные формы организации управления. Провести эту работу до 1.01.90 г. Широко использовать различные формы собственности на средства производства — кооперативную, арендную, акционерную и другие.

...4. Предоставить право промышленным предприятиям Кузбасса с 1 августа 1989 года продавать продукцию, произведенную сверх заключенных договоров, по договорным ценам как внутри страны, так и в другие страны (за исключением продукции, продажа которой за рубеж производится только с разрешения Правительства СССР).

...8. Установить, что с 1 августа 1989 года предприятия угольной промышленности самостоятельно устанавливают нормы выработки, расценки и нормы обслуживания».

Но даже после подписания этого протокола, полностью удовлетворившего требования шахтеров, экономисты и увлеченные ими инженеры продолжали мутить воду. Т. Авалиани пишет: «Вдруг кто-то подкинул предложение записать в протокол «предоставить экономическую свободу всем цехам и участкам заводов и шахт». И опять пошла буза. Помню разговор со скреперистом ЗЖБК М. П. Анохиным. Разумный мужик, но вдруг заиклило. Спрашиваю его, как он себе представляет — разделить ЗЖБК на отдельные предприятия? Котельная отдельно, ЖБ-узел отдельно, формовка отдельно и т.д.? Да, говорит, отдельно! Ну и что, ЗЖБК после этого будет работать? Молчит. Таких казусов было много. По сути, часть товарищей не понимала этого и своими требованиями пыталась разрушить единый промышленно-экономический организм государства». Замечу,

что и сам Т. Авалиани, который подписывал эти соглашения и протоколы, похоже, не вполне понимал, что он подписывает.

Кстати, тысячи инженеров-горняков и ученых-экономистов, принявших участие в забастовке, не могли не видеть ее «международного измерения». Как можно было не понять, что они становятся союзниками врага своей страны пусть в холодной, но войне! Т. Авалиани пишет: «Необходимо отметить, что уже 17 июля в область налетели более ста иностранных корреспондентов телевидения и газет. Они оперативно и с глубоким анализом освещали забастовку, даже предсказывали ее развитие. Еще не утихли волнения, а американская газета «Вашингтон пост» уже писала: «Правительство Горбачева, похоже, действительно поддерживает требования шахтеров об улучшении условий жизни и предоставлении им более широких прав по управлению своими шахтами. Оно без промедления предложило им новый комплекс мер по повышению заработной платы, льготы и улучшение снабжения потребительскими товарами, а также, по всей видимости, пытается использовать вес шахтеров в борьбе с бюрократами и консерваторами, сопротивляющимися экономическим реформам...»

Многие из иностранных журналистов не только писали, снимали, но и подбирали из числа актива забастковцев «студентов» для своих курсов. Буквально начиная с августа подобранных ими членов забасткомов различные профсоюзные, неправительственные организации Греции, Англии, Франции, США стали приглашать к себе на различные семинары, курсы, просто ознакомительные поездки за счет приглашающей стороны. Цель приглашающих сторон была одна — пропаганда своего образа жизни и агитация за создание независимого профсоюза горняков. Когда наши группы возвращались из этих поездок, следом контейнерами, автотранспортом шла гуманитарная помощь: сигареты, макароны, мыло, мочалки, компьютеры, ксероксы, бумага, лекарства и т.д. Помощь раздавалась тем, кто переходил из углепрофсоюза в НППГ. Так создавался НППГ при полном непротивлении действовавшего профсоюза и при активнейшей поддержке сначала межрегионалов, а затем ВС РСФСР во главе с Ельциным».

После того как маховик забастовок был запущен, шахтеры были оттерты от выработки требований, из-за их спин вышли действительные «движущие силы». Т. Авалиани пишет: «В октябре развернулась подготовка к IV конференции рабочих комитетов Кузбасса. И тут на политическую авансцену повыскакивали «демократы» из числа кузбасской интеллигенции, нахраписто предлагая свою помощь, свои разработки. Они сумели, как цыганки, загипнотизировать шахтеров своими прожектами свобод-

ных экономических зон, экономической самостоятельностью, блефом свободы и т.д. У них уже были свои структуры во главе с Гайдаром, Бурбулисом, Шумейко и другими... Рабочими комитетами овладели люди мерзкие. Такие же, как пришедшие к власти в Москве в августе 1991 года. Наивное, подавляющее большинство рабочих не могло поверить, что ради личной наживы вчерашние соратники не только тебя, не только народ, но и родную мать продадут. Уверен, что сегодня почти все осознали это, но поздно.

В декабре 1989 года, без меня, был принят любопытный документ. Привожу его текст:

«Обращение Совместного совещания
представителей рабочих комитетов, обкома КПСС,
облисполкома, облсовпрофа к Правительству СССР
и трудящимся Кузбасса

...Кузбассовцы связывали надежды по выходу края из колониального состояния с утверждением Верховным Советом СССР постановления «О переходе Кемеровской области на самоокупание и самофинансирование», как это предусмотрено протоколом.

Если для страны выход из тупика один — в проведении радикальной экономической реформы, то для Кузбасса — в скорейшем внедрении принципов самоуправления, самофинансирования и самостоятельности...

Ю. Рудольф, и.о. председателя совета рабочих комитетов Кузбасса;

А. Мельников, секретарь обкома КПСС;

А. Лютенко, председатель облисполкома;

В. Романов, председатель облсовпрофа».

Проект протокола о согласованных мерах уже готовили не рабочие, а интеллигенция (демократы): Геков А. Н. — экономист облисполкома, Матвиенко И. И. — госарбитр, Лопатин Л. Н., Фридман Ю. А., Чуньков Ю. И. — доктора экономических наук. Были приглашены и ожидался приезд народных депутатов СССР: Травкина Н., Собчака А., Афанасьева Ю., Бунича П. Сколько раз я ловил себя на мысли, как мало надо, чтобы обдурить рабочего человека! Объявляет М. Б. Кислюк или А. В. Асланиди с придыханием: «Слово предоставляется доктору экономических наук Фридману», и шахтеры все благоговейно внемлют каждому слову вранья доктора наук».

Можно не доверять политическим или моральным оценкам Т. Авалиани, не о политике здесь речь. Неразумны (можно даже

сказать, безумны) фантазии интеллектуальных вожakov забастовки и примкнувших к ним секретарей обкома КПСС, председателей облисполкома и пр. Ну, назвали они Кузбасс колонией СССР — а дальше что? Как они понимают «освобождение»? Что значит «самоокупание и самофинансирование» для региона, практически все производство которого является нерентабельным и имеет смысл только в плановой экономике? В «нормальной» экономике США с такой глубины, как в Кузбассе, уголь вообще не добывают — не знал этого доктор экономических наук Ю. А. Фридман? Или знал, но уводил разговор от этой темы?

Давайте вчитаемся в тезисы доклада М. Б. Кислюка, ведь это бессвязные, поджигательские заклинания провокатора:

«О программе действий рабочих комитетов,
направленных на ускорение экономической реформы.
Содоклад члена регионального совета рабочих комитетов
М. Б. Кислюка

Для победы революции (а реформа — революция) необходима способность рабочего движения к смелым, решительным действиям. Совет рабочих комитетов считает необходимым:

1. Производственным объединениям по добыче угля перевести до 1 января 1990 года все шахты и разрезы на полную экономическую самостоятельность в соответствии с Законом о государственном предприятии (объединении)...

2. Кемеровскому облисполкому совместно с заинтересованными предприятиями и организациями начать разработку технико-экономического обоснования превращения Кемеровской области в свободную экономическую зону...

4. Средствам массовой информации, ученым, прогрессивным ИТР, рабочим комитетам, общественным организациям Кузбасса необходимо провести энергичную разъяснительную работу в трудовых коллективах с целью добровольного и сознательного перехода коллективов на полную самостоятельность.

Совет рабочих комитетов считает, что самостоятельность предприятий — не самоцель, а средство проведения политической и экономической реформы нашего общества. Активная торговля предприятий, в том числе с другими странами, заполнит товарами пустующие полки магазинов, избавит кузбассовцев от унижительных очередей».

Как могло этим тезисам аплодировать множество образованных людей, а вскоре после этого выбрать М. Б. Кислюка губернатором Кемеровской области! Какая может быть полная самостоятельность дотационных шахт, какая активная торговля с другими странами! Кажется невероятным, что этому бреду люди

могли всерьез верить. Ну хоть бы сейчас изложили, для урока молодежи, тогдашнюю логику своих рассуждений.

И ведь те, кто раскручивал спираль забастовок, поживились сравнительно умеренно — подожгли дом, чтобы всего-навсего изжарить себе яичницу. Цитированный выше социолог В. И. Ильин пишет: «Директора многих шахт действительно воспользовались ликвидацией административного контроля со стороны объединения для продуманной политики собственного обогащения... К 1994 г. оказалось много очевидных фактов, свидетельствующих о том, что часть директоров распоряжалась шахтами как собственными предприятиями, с которыми скоро придется расстаться. При этом кое-что перепало и рабочим в форме необоснованного повышения зарплаты, бартера по «смешным» ценам и пр. Когда же некоторые шахты оказались в безвыходном экономическом положении из-за долгов, их директора где добровольно, а где под давлением стали увольняться, оставляя трудовым коллективам разваленные производства, а себе — накопленные сбережения; поскольку же они были самостоятельны в своих действиях, то придаться к ним и доказать в их поведении корыстный умысел почти невозможно».

Как писал Александр Блок, *«и в желтых окнах засмеялись, что этих нищих провели»*. А ведь на шахтах велика прослойка инженеров, людей с высшим образованием. Они находились в постоянном диалоге с рабочими, советовали им. Каков был ход их мысли, когда они требовали «предоставления шахтам полной экономической самостоятельности»? Ведь она означала прежде всего отмену государственных дотаций шахтам — при том, что по рыночной цене уголь большинства шахт никто не купил бы (поразительно, что точно такая попытка была сделана при введении нэпа на шахтах Донбасса в 1921 г., и пока власти успели восстановить «зависимость» шахт от государства и обеспечения их продовольствием, значительная часть шахтеров умерла с голоду, но этого они не запомнили и способностью к рефлексии не обладали).

За три волны шахтерских забастовок ими был сформулирован и предъявлен большой массив требований (1760 документов только в 1989 г.). Их анализ показал, что примерно половина требований носила политический характер, не связанный с профессиональными и социальными проблемами шахтеров. В основном требования были направлены против центральных органов государства: «руки прочь от Литвы», «департизация органов МВД, КГБ, армии, народного образования», «устранение цензуры в средствах массовой информации», «отставка председателя Гостелерадио Л. Кравченко», «передача II канала ЦТ и I канала радио в ведение РСФСР» и пр.

Зачем они выдвигали эти требования, чего хотели? В них не было логики, они часто были взаимоисключающими у разных коллективов. Например, шахтеры одновременно требовали «сохранить Союз» и «создать Совет Конфедерации суверенных государств с полномочиями координирующего органа». К 1991 г. полностью исчезли «конструктивные» требования — технико-технологические, организационные и экологические. В документах уже выражена «твердая убежденность в необходимости смены государственного руководства (а может быть, и всей общественно-политической системы)»¹.

В октябре 1990 г. II съезд шахтеров утвердил текст Генерального типового тарифного соглашения. Его главный пункт — «обеспечение справедливой оплаты труда в соответствии с рыночной стоимостью горняцкой рабочей силы». Какое убожество мысли! При чем здесь эти туманные политэкономические категории! Взрослые люди, разрушая источник пищи для своих детей, требовали бессмысленной виртуальной сущности — «рыночной стоимости горняцкой рабочей силы»! Что это за фантом, кто его видел, кто его мог подсчитать? Что такое «рабочая сила»? Ведь это абстракция высшего уровня, не найдется двух человек, которые смогли бы высказать о ней два одинаковых суждения, не сверяясь на каждой фразе с «Капиталом» Маркса. И как можно было требовать в 1990 г. рыночной стоимости, когда рынка и в помине не было? Но уже и тогда каждый, почесав в затылке, мог бы догадаться, что на нерентабельных шахтах рыночная стоимость горняцкой рабочей силы равна нулю. Именно этого они и хотели?

Шахтеры требовали *отказа от советской системы*, в которой занимали привилегированное положение, и желали ориентации на «опыт практики экономически и социально развитых стран». Допустим, они посчитали, что СССР не является развитой страной, так с какой стати он должен брать за ориентир страны иной «весовой категории»? Ведь это требование неразумно с очевидностью, а его принимали на съезде, обсуждали, голосовали.

Результат известен. Шахтеры нанесли удар, который добил советскую систему, и были отброшены режимом Ельцина в сторону. Среди них началась массовая безработица, зарплата снизилась в несколько раз. Ясно, что они совершили ошибку фундаментального характера — и никаких признаков разумного анализа, извлечения уроков.

---

¹ Киселева И. П. Чего же все-таки хотят шахтеры? // СОЦИС, 1992. № 3.

Глава 7

УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ КЛИКУШЕСТВО ЭЛИТЫ

Когда разрушение логики сочетается с невежеством и воспаленным идеологизированным воображением, возникают социально опасные состояния целых социальных групп. В моменты кризисов такие группы, превращенные в возбужденную толпу, могут послужить взрывным устройством, сокрушающим целые страны. Во время перестройки такой толпой стала часть интеллигенции, возбужденная экологической проблемой. Политическая роль экологических движений была отмечена и в других странах социалистического лагеря. В российском обзоре материалов экологического конгресса 1992 г. сказано: «Злободневна для нас тема доклада Дж. Энеди и В. Ширман (Венгрия) «Социально-инвайронментальные движения и гражданское общество». В условиях относительной стабильности государственного социализма 70-х годов эти движения косвенно способствовали поддержанию стабильности. Когда наступил кризис второй половины 80-х, они превратились в социальную силу, оппозиционную режиму как таковому, а функция охраны среды отошла на второй план»¹. Та роль, которую сыграли экологи в политической программе перестройки, отражена в социологической и обзорной литературе (см.²). Здесь рассмотрим влияние их деятельности на общественное сознание.

Начиная с середины XX века промышленная цивилизация в целом натолкнулась на естественные ограничения для непрерывного роста производства и потребления. Возник тяжелый, но пока еще подспудный культурный кризис («экологический кризис») — под сомнение были поставлены главные идеи, на которых стоит индустриальная цивилизация. На этом кризисе сразу стали паразитировать идеологи. Экологический страх стал мощным средством манипуляции сознанием.

Например, знаменитый психоз в связи с «озоновой дырой» нанес ощутимый удар по экономике целых регионов мира. Добившись международного запрещения использовать фреоны, промышленно развитые страны Запада не позволили другим странам получить экономические выгоды от применения этой

¹ Халий И. А. Инвайронментальная социология: потрясение основ (аналитический обзор) // СОЦИС, 1992. № 12. С. 38.

² Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2001.

технологии, которую те только что освоили. Никаких разумных оснований для этого не было. К моменту, когда были под давлением экологов подписаны Монреальские соглашения, ни одно исследование атмосферы не обнаружило корреляции между содержанием фреонов в воздухе и уменьшением содержания озона. Озоновая дыра находилась над Антарктидой, а 99% фреонов промышленного происхождения вырабатывались и потреблялись в Северном полушарии. Ни эксперименты, ни теоретические расчеты не предлагали механизма переноса загрязнений через экватор. Последующие атмосферные исследования также не дали никаких объяснений.

Экологическая риторика приобрела чисто идеологический, зачастую совершенно иррациональный характер. Во время перестройки она была использована в полной мере и в СССР. Замечательно, что после ликвидации СССР экологическое движение было сразу свернуто. Начальство нажало на кнопку — и все «экологи» исчезли. Так, в Литве моментально прекратились всякие протесты против Игналинской АЭС, а в Армении спустя какое-то время были начаты работы по продолжению строительства Армянской АЭС.

Те политики, которые использовали экологическую риторику как инструмент для сокрушения СССР, действовали вполне рационально — в том числе и подрывая рациональное мышление политизированной части общества. Не о них речь. Речь о той части интеллигенции, которая вовсе не желала гибели СССР и даже не думала об этом, но дала себя увлечь риторикой, противоречащей знанию, логике и здравому смыслу, — и стала пушечным мясом перестройки и реформы.

В представлении экологических проблем СССР была резко нарушена мера, вопрос был вырван из той системы координат, в которой он мог быть осмыслен рационально. Каждая очередная кампания принимала характер *психоза*, а «экологически возбужденная» часть общества превращалась в *толпу*, принципиально отвергающую и диалог, и рассудительный тип выступлений, и суждения специалистов. При соучастии образованного слоя в массовом сознании был создан злонамеренно деформированный образ, подкрепляющий общее разрушительное кредо «Так жить нельзя!».

Само представление СССР как огромной зоны экологического бедствия было ложным. Это знали и наши специалисты, и западные журналисты, которые постарались внушить эту мысль западному «среднему классу», мнение которого, в свою очередь, оказывало большое влияние на нашу интеллигенцию. Со мной был такой случай. В 1994 г. было устроено двухнедельное путе-

шествие на теплоходе группы наших и иностранных ученых и политиков по рекам и озерам от Москвы до Петербурга — плавучая конференция. Кроме нас, была большая группа туристов из Испании. Увидев начиная с самой Москвы на берегах рек купающихся людей, они пришли в большое волнение. На середине пути они и сами осмелились искупаться — теплоход специально остановился в красивом месте. После того, что они наслушались о России, вид огромной речной системы, на всем протяжении которой люди могли купаться, их потряс.

В самой Европе о купании давно забыли, и рассказы стариков слушают с недоверием, но при этом вовсе не считают свою экологическую обстановку катастрофической. Особенно сильное впечатление произвело на испанцев зрелище Череповецкого металлургического комбината, вблизи которого тоже купались люди и вода в реке была прозрачной; по сравнению с ним домы Бильбао являют собой образ ада¹.

СССР, проводя форсированную индустриализацию при нехватке средств, был вынужден компенсировать эту нехватку перерасходом экологических ресурсов, однако обширность территории позволяла биосфере справляться с нагрузками. Но в любом случае требовать под экологическими лозунгами смены общественного строя и перехода к рыночной экономике было глупо. Ведь рыночное общество имеет в качестве своего духовного основания, как выражался А. Тойнби, «идолаторию самодовлеющего человеческого индивидуума». Но это принципиально антиэкологическое мироощущение, в котором индивид противопоставлен природе и всем другим индивидам. Об этом написана уйма литературы, и наша интеллигенция никак не могла этого не знать.

Даже на бытовом уровне мы уже с первых шагов реформы могли видеть, насколько агрессивным стало вторжение «сильных» индивидов (каждого по-своему) в окружающую среду человека. Например, отброшены культурные нормы, оберегающие среду от шумового загрязнения (кстати, одного из важных видов загрязнений). О правовых нормах и говорить нечего. Подростки на мотоциклах, даже без глушителей, могут ночь напролет демонстративно развезать по микрорайону. В метро раньше подъем на эскалаторе давал человеку пятиминутный отдых — те-

---

¹ Кстати, во время перестройки зоной экологического бедствия была представлена также и ГДР. Но в Европе хотя бы были опубликованы выводы доклада комиссии ЕЭС, которая после объединения Германии изучала экологическую обстановку в восточных землях и удостоверила, что созданная в СМИ картина была ложной, но это оправдывалось благородной политической целью.

перь в ухо ему орет хрипая реклама египетских курортов. А в вагоне некуда уткнуться усталые глаза. Посмотришь в одну сторону — мерзкая картинка с кричащей надписью: «Снимаем жир с живота и бедер!» Повернешься к другой стенке, там «Лечение прыщей и угрей!». Мелочь, но красноречивое проявление «самодовлеющего человеческого индивидуума».

Как могло образованным людям прийти в голову, что господство частной инициативы и частного интереса будет более бережно относиться к природе, чем огосударствленное хозяйство? Для такого убеждения не было никаких исторических оснований — на втором витке индустриализации в середине XX века разрушение природной среды в США и Западной Европе стало одной из очень широко обсуждаемых тем. Положение на Западе было улучшено двумя способами. Во-первых, именно вследствие «сдвига к социализму» — резкого усиления роли государства в регулировании экономики. Во-вторых, вследствие массового вывоза экологически вредных производств в страны «третьего мира». Этому процессу посвящена обширная литература, он широко освещался в СМИ и заведомо был известен нашей интеллигенции.

Принципы рынка неумолимы и по своей силе несравнимы с экологическими сантиментами западного общества. Достаточно взглянуть на просочившийся в печать конфиденциальный меморандум главного экономиста Всемирного банка Лоуренса Саммерса (впоследствии главного казначея США), который он разослал своим ближайшим сотрудникам 12 декабря 1992 г.: «Строго между нами. Как ты считаешь, не следует ли Всемирному банку усилить поощрение вывоза грязных производств в наиболее бедные страны? Я считаю, что экономическая логика, побуждающая выбрасывать токсичный мусор в страны с низкими доходами, безупречна, так что мы должны ей следовать»¹.

Л. Саммерс совершенно правильно и честно сформулировал проблему: поведение хозяйственных агентов диктуется определенной экономической логикой. Поиски злого умысла, моральные обвинения, к которым прибегают «зеленые», просто неуместны, если эта логика принимается в принципе. Но эта логика несовместима с экологическими критериями.

Вера в «экологичность» рыночной экономики противоречила и логике фактов, которые также были доступны и должны были быть приняты во внимание рационально мыслящими людьми.

---

¹ *Sanahuja J. A. Cambio de rumbo: Propuestas para la transformacion del Banco Mundial y el FMI // Informes del Centro de Investigacion para la Paz (Madrid). 1994, No. 9, p. 63.*

Например, большой проблемой юга Европы являются *поджоги лесов*. В Испании этим занимаются целые подпольные фирмы, располагающие авиацией. Зажигательные средства замедленного действия сбрасываются на миниатюрных парашютах. Заказчики — лесоторговые фирмы, которые после пожаров скупают на корню обгорелый лес по очень дешевой цене. Сталкивались ли наши советские экологи с таким систематическим бизнесом в плановой экономике? Нет — на такие услуги спроса не было. Другая проблема Испании — после отмены границ туда повалились автоцистерны с отходами химического производства из ФРГ, которые в малонаселенных районах на местных шоссе сливали свое содержимое в кюветы прямо на ходу. Конечно, все это эксцессы, но за ними стоят мощные мотивы и та самая экономическая логика, о которой писал Л. Саммерс. Если же страна обеднела и в ней расцвела коррупция, эти эксцессы неизбежно превращаются в систему. Как можно было этого не понимать?

В 2001 г. я возвращался на поезде из Польши. Вот случай — в купе нас оказалось трое химиков примерно одного возраста. Нашлись общие знакомые, разговор вышел оживленным. Один из попутчиков всю жизнь работал над проблемой очистки отходящих газов и дыма от окислов азота, теперь служил в экологической инспекции. В Польше он был на совещании — на тех заводах, где он в 70-е годы устанавливал новые очистные сооружения советского производства. Сейчас, увидев дым от установок, перерабатывающих польскую серу, он был потрясен — количество окислов серы возросло в тысячи раз (впрочем, за точность этой величины не ручаюсь, пишу по памяти). Сам-то специалист опытным глазом определил это количество с высокой точностью, а друзья-поляки подтвердили его визуальную оценку.

Дело в том, что эти заводы в середине 90-х годов купила американская фирма — и ликвидировала очистные сооружения. Кстати, они были даже рентабельными, так как улавливаемые окислы серы доокислялись до серного ангидрида, так что добавочная серная кислота окупала расходы на очистку. Но фирму это не интересовало, главную прибыль она получала не от серной кислоты, а от извлекаемого из серы серебра. И фирма, ставшая «инвестором в бедной стране», превратила чистое производство в грязное.

Наконец, мы видим полное отсутствие рефлексии в той части интеллигенции, которая приняла активное участие в экологическом движении в годы перестройки. Они добились своего — и получили резкое ухудшение положения. Нельзя же оставить такой факт без анализа, это противоестественно для специалистов научного и технического профиля! Возьмем одну из главных

проблем экологии — использование природных ресурсов. Да, СССР, проводя форсированную индустриализацию, допускал «перерасход» природных ресурсов, например, отставал в степени извлечения нефти из месторождений. Но ведь после слома советской системы мы наблюдаем просто хищническое отношение частных фирм к недрам РФ — при одновременной грабительской деиндустриализации. Где же протесты интеллигенции?

Как сообщает газета «Коммерсантъ», средняя проектная величина коэффициента извлечения нефти (КИН) в РФ снижается и сейчас составляет около 35%, т.е. после окончания разработки месторождений в земле останется 65% нефти. Зам. гендиректора ВНИИнефть С. Жданов говорит: «В последнее время деятельность нефтяных компаний направлена на интенсивный отбор нефти с минимальными затратами. Вместе с тем в нарушение лицензионных соглашений некоторые природопользователи преждевременно закрывают обводненные или низкодебитные скважины. Выборочное извлечение наиболее продуктивных запасов ведет к уменьшению КИН и безвозвратной потере части запасов нефти»¹.

Несмотря на глубокий спад производства, экологическая обстановка в РФ ухудшается. Так, динамика образования токсичных отходов выражается такими числами (млн. т): в 1994 г. — 75,1, в 1995 г. — 83,3, в 2000 г. — 127,5 и в 2001 г. — 139,2. При этом капиталовложения в природоохранные мероприятия снижаются. Ввод в действие мощности станций для очистки сточных вод составил в 1985 г. 2,5 млн. куб. м в сутки, в 1998 г. — 0,6, в 2000 г. — 0,2 и в 2002 г. — 0,4. Системы оборотного водоснабжения, введенные в действие в 1985 г., имели мощность 20,8 млн. куб. м в сутки, в 2000 г. — 0,1 и в 2002 г. — 1,1. Ввод в действие установок для улавливания и обезвреживания вредных веществ из отходящих газов сократился с 19,6 млн. куб. м в час в 1985 г. до 1,2 в 1998 г. и чуть подрос до 4,5 в 2002 г. Резко ухудшилась защита лесов от пожаров, что привело к росту и площади сгоревших лесов, и количества поврежденной древесины.

Но во время перестройки пытаться что-то возразить доводам «от экологии» или хотя бы поставить их под сомнение было политически опасно. Изменение сознания достигалось с помощью и больших компаний, и множества «небольших» идей, разрушающих логику и здравый смысл. Вот мелкая и уже совсем забытая, но принципиально важная акция — очернение образа И. В. Мичурина.

---

¹ Симоненко Р. Недостоверные разведанные // Коммерсантъ. 2004.17.06.

Впечатляет сам факт, что в массовом сознании удалось осмеять и опорочить образ труженика, который всю долгую жизнь занимался выведением морозоустойчивых яблонь и продвижением садов в холодные области России — над чем же тут можно было смеяться? К тому же ни натурфилософия Мичурина, ни его труд не содержали ни капли антиприродного, разрушительного импульса. Напротив, А. Д. Сахаров, когда над Антарктидой возникла «озоновая дыра», предлагал заделать ее с помощью ядерных взрывов в верхних слоях атмосферы — при взрыве водородных бомб, мол, выделяется много озона¹. И на фоне этого врагом природы поклонники Сахарова выставили садовода-селекционера!

Поражение сознания видно в том, что объектом издевательств была сделана разумная фраза Мичурина: *«Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача»*. Ну к чему в этой фразе можно придаться? Попробуйте переделать издевательство над нею в положительные утверждения. Таковых можно сделать только два, и оба они нелепы: 1) *мы можем* ждать милостей от природы, брать у нее ничего не надо, она сама даст; 2) нам не нужны никакие блага от природы, мы и без них проживем.

Здесь экологическая риторика доходила до предела глупости — до отрицания любого акта труда. Ибо труд и есть деятельность по «взятию милостей у природы» — целенаправленная деятельность по преобразованию природы в целях удовлетворения потребностей человека.

По проблемам экологии идеологи перестройки высказывались совершенно категорически, и никакой увязки их тезисов с реальностью и здравым смыслом не требовалось. А. Д. Сахаров в «Предвыборной платформе» (1989 г.) выдвигал такие требования: «Немедленное прекращение финансирования Министерства водного хозяйства и его ликвидация или перевод на полный хозрасчет... Закрытие экологически вредных производств»². И это говорит человек, бывший безусловным авторитетом в среде научно-технической интеллигенции! Ведь если бы она скептически принимала подобные тоталитарные, на грани безумия, политические декларации, никто бы их и не высказывал.

Вот Н. П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в важной книге: «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель... Озабоченные планированием типоразмеров

---

¹ Сахаров А. Д. Жить на земле, и жить долго // Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1991. С. 327.

² Сахаров А. Д. Предвыборная платформа // Тревога и надежда. С. 258.

и сортаментов, плановики «не заметили», как началось высыхание не речки и не озера, а целого моря — Аральского, где сегодня воды уже вдвое меньше, чем 20 лет назад...»¹

Довод Шмелева несоизмерим с реальностью. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн. га пашни из имевшихся 227 млн. га — 0,35% всей пашни. Водохранилища отнюдь не «поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель», зато позволили оросить 7 млн. га засушливых земель. А если ввести меру потерь, то надо вспомнить, что, например, в РФ нынешняя рыночная реформа «поглотила» 45 млн. га посевных площадей — они выведены из оборота и зарастают кустарником.

Во время перестройки множество академиков, писателей и народных трибунов доказывали, что строительство «рукотворных морей» и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. О тех, кто выполнял политический заказ, говорить нечего, но как в эту глупость могли поверить массы образованных людей!

Об этой странной установке я писал ранее². Возьму из той книги один эпизод. Помню, году в 1965-м послали меня на семинар комсомольских секретарей московских НИИ на какой-то турбазе. Я был всего-то член бюро, но ехать на неделю никто не хотел, и послали меня. Много было интересного — водка, откровенные споры по ночам, я впервые попал в молодую «политическую элиту» и слушал все с удивлением. Меня поразило именно это — непонятная и уже довольно развитая, зрелая злоба по отношению к большим советским программам, включая космическую. Рассказы о неудачах и авариях, о которых не сообщалось в газетах, — с каким-то странным злорадством. Чувствовалось, что в нашей большой компании возник невысказанный раскол. Большинство как-то замкнулось и слушало такие разговоры с каменными лицами.

Особенно запомнился один разговор, который мне помог укрепиться в способе рассуждений. Группа ребят из АН СССР завела разговор о глупости Хрущева, который якобы принял нелепое решение о строительстве Братской ГЭС, совершенно ненужной в глухой тайге, да еще велел тянуть от нее ЛЭП какого-то сверхвысокого напряжения. Говорили они веско, с большим апломбом, да и ругать Хрущева было тогда в кругах интеллигенции

---

¹ Шмелев Н., Попов В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. С. 140 — 143.

² Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От великой Победы до наших дней. Гл. 8. От кампании против «поворота рек» — к расчленению СССР. М.: Алгоритм, 2002.

признаком хорошего тона. И вдруг какой-то парень, долго молча слушавший, сел на койке и сказал: «Вы говорите как знатоки, а ведь не знаете элементарных вещей. А может, не понимаете. Братская ГЭС дала большое количество энергии с очень дешевой себестоимостью [он назвал ее]. Без нее мы бы не смогли обеспечить себя алюминием. Построив ЛЭП от Братска, мы получили единую энергосистему. В стране, растянутой по долготе, это дает огромную выгоду. Братская ГЭС распределяет энергию по часовым поясам, снимая пиковые нагрузки по всей стране, особенно в Центре. Над проектом ГЭС и всей системы работала сотня НИИ, так что Хрушев здесь ни при чем». Он сказал это коротко, спокойно, с цифрами — и снова лег. И всех поразило, что группа уверенных в себе критиков Братской ГЭС не ответила на это ни слова. Замолчали, и видно было, что им нечего сказать. Вот это многих проняло, на лицах было написано. Как же так! Почему вы не спорите? Выходит, вы публично выносите приговор огромной, общенародного масштаба программе — и не задумались о простых вещах? А мы вас слушаем, хлопаем ушами.

Тот парень был энергетик, из отраслевого НИИ. Но дело не в этом, а в том, что он не постеснялся выступить против господствующего мнения. Видно было, что ему плевать на это мнение. Как не хватало таких людей в годы перестройки.

Казалось бы, уж сейчас-то значение ГЭС должно быть для каждого очевидно — за их счет существенно снижается цена электроэнергии в РФ. Красноречив конфликт между новыми собственниками, получившими большие алюминиевые заводы, и РАО ЕЭС. «Алюминиевые короли» хотят при реформе РАО ЕЭС приватизировать сибирские ГЭС, но правительство пока не соглашается. Специалист по экономической географии России из МГУ В. Горлов говорит: «Сибирские реки, обеспечивавшие экономику СССР супердешевой электроэнергией, перекрывали невыгодное экономико-географическое положение алюминиевых производств, построенных рядом с ними. Если наши алюминщики не будут гарантированно получать электроэнергию по низкому тарифу, то их перспективы на мировом рынке будут весьма призрачными»¹. Вот она, польза от этих ГЭС, которые работают уже почти полвека — *супердешевая* электроэнергия. Из нее составлены миллиарды Абрамовича, молиться он должен на «рукотворные моря». Другой эксперт прямо говорит, что если ГЭС приватизировать не удастся и их энергия будет идти в общий котел, то «высокие цены на электроэнергию ГЭС в мгновение

---

¹ Виньков А., Рубченко М. Реформа в ступоре // Эксперт. 2004. № 23.

ока уничтожат все конкурентные преимущества алюминиевых компаний как игроков на мировом рынке».

Теперь о второй мысли Н. Шмелева. Сказать, что плановики «не заметили высыхания Аральского моря», можно, лишь полностью утратив представление о том, что такое Аральское море и кто такие плановики. Проблема Аральского моря была объектом интенсивных дискуссий в среде российских ученых начиная с 1868 года, когда и был предложен проект переброски в этот бассейн части стока Оби. Как могли плановики «не заметить» проблемы, ради разрешения которой *в течение ста лет* разрабатывалась крупная техническая и социальная программа, о которой депутат Верховного Совета и работник ЦК КПСС был обязан знать хотя бы по долгу службы? Разумеется, плановики проблему знали и над ней работали, а вот Н. Шмелев не знал, а только мешал знающим людям. Причем, к нашему несчастью, имел возможность мешать очень эффективно. И к тому же заражал сознание людей своей рваной логикой.

Говоря об экологической тематике, влиятельные идеологи отходили от норм рациональности дерзко и радикально — сами, скорее всего, этого уже не сознавая. Вот о строительстве дамбы в Ленинграде высказывается академик Д.С.Лихачев: «Для меня несомненно, что строительство дамбы было ошибкой и даже преступлением». Разве это рациональное утверждение? *Несомненно, что это преступление!* Без суда, без следствия, без специальных знаний.

При этом рассуждения в целом оказываются удивительно нелогичными. Вот какое противопоставление предлагает академик Д. С. Лихачев: «Нас долгие годы обманывали: дамба строится во имя Ленинграда, предохранения его от стихии, но сейчас становится все очевиднее: дамба ухудшает экологическую обстановку».

Откуда следует, что «нас обманывали»? Ведь чтобы как-то обосновать тезис, надо было бы сказать, для чего в действительности строили дамбу обманщики-инженеры. Две части утверждения находятся в разных плоскостях и не могут быть связаны понятием *обман* и частицей *но*. Логичным могло бы быть утверждение такого типа: *нам говорили, что дамбу строят как защиту от наводнений; а на самом деле целью строительства было ухудшение экологической обстановки*. Кстати, сейчас строительство дамбы возобновляется (при участии международных финансовых организаций), но поклонники академика Д. С. Лихачева что-то по-малкивают. У них память как у Буратино — коротенькая.

Иррациональность усиливается привлечением нравственных обвинений, в принципе не поддающихся логике. Д. С. Лихачев пишет: «Рассказывают, что когда идет лед, то суда не могут вой-

ти в порт. В эти дни, по существу, закрывается «окно» в Европу. Понимаете, кроме экономического ущерба, я все больше задумываюсь над нравственным ущербом. Сейчас никто не знает, что с дамбой делать. Не знаю, право, и я. Есть предложение дамбу разобрать, но не повлечет ли это ухудшение экологической обстановки? Ведь грязь распространится по всему Финскому заливу, засорит Балтийское море»¹.

Какой маразм! Окно в Европу, нравственный ущерб... Одна тут разумная мысль — сам Д. С. Лихачев *не знает* проблемы. Разобрать дамбу? Как бы не напустить русской грязи в Балтийское море, не огорчить немцев... «я, право, не знаю». Знать не знает, но судить берется.

В рассуждениях на экологические темы становятся как будто необязательными элементарные знания. Вот, например, статья в академическом журнале «руководителя сектора Центра демографии Института социально-политических исследований РАН». Здесь можно прочесть такое утверждение: «С какими же заболеваниями связано присутствие в воде различных химических элементов? Если в воде имеется какая-либо концентрация солей, она представляет собой полимер. Незримая опасность такой воды заключается в том, что она обладает способностью полимеризовать в организме человека все другие компоненты биологических жидкостей. И тогда получается не просто полимерная, а многополимерная вода... В целом вода содержит 13 тыс. потенциальных токсичных химикатов». Что за бред! Что за невежество гнездится в Российской Академии наук!

И откуда берут эти академические социологи данные для своих бредовых и исключительно агрессивных выступлений в солидных журналах? Из «желтой прессы», которая ни за что не отвечает! А у самих этих социологов и редакторов журналов нет мыслительных инструментов, чтобы оценить разумность и правдоподобность бредовых утверждений «Московского комсомольца».

Большой удар по рациональности нанесли экологи в связи с катастрофой на Чернобыльской АЭС. Хотя после 1986 г. в стране непрерывно работала большая международная бригада, изучавшая последствия трагедии, ставшей большим экспериментом над людьми, и эта бригада регулярно издавала официальный бюллетень, свои фантастические сведения либеральная интеллигенция черпала из того же «Московского комсомольца». В цитированной статье из СОЦИС говорится со ссылкой на ту же газету: «В обычных условиях рак щитовидной железы у детей бывает крайне редко. Однако в областях, наиболее пострадавших после

---

¹ Лихачев Д. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 196 — 197.

Чернобыля, число детей с этим заболеванием возросло: на Украине — в 50 раз, в Белоруссии, особенно в Гомельской области, — в 40 раз...»¹

Замечательно, что достоверные сводки о мониторинге состояния здоровья населения после чернобыльской катастрофы печатаются в том же журнале РАН авторами из того же Института социологии РАН! В одной из статей, в частности, говорится об «оценке состояния здоровья населения, проживающего в зоне бедствия, данной международной группой экспертов в 1990 г. В группу входили 200 экспертов из 25 стран и семи международных организаций. Участники тесно сотрудничали с государственными, научными и другими организациями бывшего Союза... Особое внимание было уделено выявлению возможных патологических изменений щитовидной железы в результате воздействия радиоактивного йода. По результатам обследований, как отмечается в опубликованном докладе, не обнаружено статистически значимых различий в щитовидной железе детей 2 — 10 лет в загрязненных и контрольных населенных пунктах»².

И в западной, и в российской прессе до сих пор проходят сообщения, согласно которым в результате воздействия радиации после катастрофы погибли 300 тыс. человек. Обычно при этом умалчивается тот факт, что это расчеты, сделанные исходя из «линейной» модели воздействия радиации. Действительность совсем иная, реальные данные постоянно публикуются в специальной литературе, но иррациональная вера мешает образованным людям в них внимать. В «Независимой газете» эти данные были приведены. Вот они:

«В 2000 году в Вене состоялась 49-я сессия Научного комитета по действию атомной радиации ООН (НКДАР ООН). Созданный в 1955 году, НКДАР ООН анализирует состояние наиболее актуальных проблем медицинской радиологии и радиационной защиты. Среди них — генетические эффекты, радиационный канцерогенез, влияние малых доз ионизирующих излучений, радиационная эпидемиология, радиационное поражение ДНК, радиационный мутагенез и другие. Одним из наиболее значимых документов, подготовленных к 49-й сессии НКДАР ООН, стал отчет «Уровни облучения и последствия чернобыльской аварии». Сегодня, в день 15-летней годовщины чернобыльской ава-

---

¹ Замечательно само это обращение с мерой: «В Белоруссии, особенно в Гомельской области, — в 40 раз». Часть и целое не могут характеризоваться одной и той же величиной, если эта часть в отношении данной величины *особенная*.

² Рыбаковский Л. Л. Демографические последствия аварии на Чернобыльской АЭС // СОЦИС, 1992. № 9.

рии, прокомментировать этот документ, а также ответить на несколько вопросов об основных уроках Чернобыля корреспондент «НГ» попросил руководителя российской делегации на сессии НКДАР ООН, члена Главного комитета Международной комиссии по радиационной защите (МКРЗ), директора государственного научного центра «Институт биофизики», академика РАМН Леонида Ильина.

— Леонид Андреевич, какие же основные выводы содержатся в отчете НКДАР ООН?

— В нем сделаны два основополагающих вывода. Первый вывод гласит, что ни одного случая острой лучевой болезни среди ликвидаторов, то есть тех людей, которые участвовали в ликвидации последствий аварии, в течение первых двух лет (1986 — 1987 годов), и населения, проживающего в так называемой чернобыльской зоне, зафиксировано не было. По оценкам специалистов Института биофизики, общее число задействованных в тот период на Чернобыльской АЭС людей составляло около 227 тысяч человек, из них примерно половина — военно-служащие...

Повторяю, что среди этих людей, по всем официальным и научным данным, ни одного случая острой лучевой болезни и хронической лучевой болезни зафиксировано не было. Это принципиально важный результат, полученный на основании крупномасштабных исследований здоровья чернобыльцев в России, на Украине и в Белоруссии... Эти данные получены путем тщательного изучения всех случаев заболевания и смертности.

Таким образом, можно утверждать, что до настоящего времени не зафиксировано увеличения общей заболеваемости злокачественными опухолями или смертности, которые можно было бы отнести за счет действия радиационного облучения. Среди ликвидаторов и детей не наблюдалось значительного роста риска заболевания лейкемией — одного из наиболее чувствительных показателей облучения¹.

Утверждения экологов бывают настолько тоталитарны, что иной раз почти все общественные институты и устройства причисляются ими к числу факторов, несовместимых с жизнью человека. Вот из той же статьи: «Сельское хозяйство — еще один опосредованный фактор, несущий угрозу здоровью... Химизация в сельском хозяйстве по своим масштабам и негативным последствиям не только сравнима с ядерными катастрофами, но может превзойти их, поскольку сказывается повсеместно... В группу

---

¹ Кузнецов А. Еще одна загадка Чернобыля // Независимая газета. 2001.26.04.

косвенных факторов целесообразно включить политику, экономику, здравоохранение, поскольку, пересекаясь с экологией, последние наносят ей, а через нее здоровью человека чрезвычайный большой вред»¹.

В Институте философии РАН обсуждалась книга американских авторов, профессора Джорджтаунского университета М. Фешбаха и журналиста А. Френдли-младшего «Экоцид в СССР» (М., 1992, тираж 20 000 экз.). Опять *экоцид* — не больше и не меньше! Как сказано во введении, «книга стала шоком для тех, кто прочел ее».

В целом, профессора для этого обсуждения были подобраны так, что вышел очередной шабаш такого пошиба, что сегодня, думаю, многие из них с удовольствием вымарали бы свои фамилии. И все-таки был там один, врач-гигиенист питания Л. М. Прихожан, который не постеснялся произнести: «Я должен сказать, что, к сожалению, книга мне не понравилась. Вы, уважаемые коллеги, представляете науку, я же санитарный врач и всю жизнь занимаюсь практическими вопросами гигиены питания. Увы, большая часть того, что написано авторами о питании, — это чушь. Прежде всего — нитраты, которым уделено 90% текста. Как вы знаете, нитраты — естественный продукт жизнедеятельности азотобразующих микробов в почве. Они есть всегда и везде. Действительно, установлено, что в каких-то определенных ситуациях нитраты могут превращаться в нитриты, а те, в свою очередь, в нитрозамины — потенциальные канцерогены. Причем тоже только в определенных условиях... Почему же возник такой «нитратный» бум? В конце концов, с вареной колбасой и сосисками вы получаете нитриты в чистом виде, и ни у кого это не вызывает отрицательных эмоций»².

Но в целом появление на собраниях элитарной интеллигенции такого человека, который не побоялся бы воззвать к здравому смыслу, особенно в присутствии «американских коллег», — явление исключительное. Отказ от норм рациональности стал именно нормой, а следование им — оригинальным, экстравагантным явлением. Он если и допускается, то только в качестве изюминки, «как добавляют щепотку соли в пирожное, чтобы оно казалось слаще» (Ж.-П. Сартр).

Полезно было бы сегодня в учебных целях поднять материалы хотя бы по двум большим психозам, созданным в общественном сознании в конце 80-х годов, — *нитратному* и *сероводородному*.

¹ Морозова Г. Ф. Здоровье человека в свете экологии // СОЦИС, 1994. № 11.

² Человек. 1993. № 4.

Тогда центральные газеты, многие видные «деятели науки и культуры», а также политики, включая М. С. Горбачева, сделали кучу нелепых, противоречащих и знанию, и логике, и здравому смыслу заявлений. Это важный феномен нашей новейшей истории, нельзя его обходить вниманием.

Прозорливо завершает группа океанологов (Т. А. Айзатулин, Д. Я. Фашук и А. В. Леонов) обзор «сероводородной проблемы» в «Журнале Всесоюзного химического общества» (№ 4, 1990): «Работая во взаимодействии с выдающимися зарубежными исследователями, восемь поколений отечественных ученых накопили огромные знания о сероводородной зоне Черного моря. И все эти знания, накопленные за столетие, оказались невостребованными, ненужными. В самое ответственное время они были подменены мифотворчеством.

Эта подмена — не просто очередное свидетельство кризиса в социальной сфере, к которой принадлежит наука. В силу ряда особенностей это, по нашему мнению, является ярким индикатором социальной катастрофы. Особенности заключаются в том, что на всех уровнях надежное количественное знание об очень конкретном, однозначно измеренном объекте, относительно которого в мировом научном сообществе нет разногласия по существу, подменено опасным по своим последствиям мифом. Это знание легко контролируется с помощью таких общедоступных измерительных средств, как канат и боцманский нос. Информацию о нем легко получить в течение десятка минут обычными информационными каналами или телефонным звонком в любой институт океанологического профиля АН СССР, Гидрометеослужбы или Министерства рыбного хозяйства. И если в отношении такого вполне определенного знания оказалась возможной подмена мифами, то мы должны ожидать ее обязательно в таких областях противоречивого и неоднозначного знания, как экономика и политика.

Множество кризисов, в которые погружается наше общество, представляет собой болото искусственного происхождения. Утонуть в нем можно, только лежа. Дать топографию болота кризиса на нашем участке, показать наличие горизонта, подняв человека с брюха на ноги, — цель настоящего обзора¹.

Как известно, поднять советского человека «с брюха на ноги» в созданном искусственно болоте не удалось — не позволили. Сейчас мы изучаем этот случай уже как патологоанатомы — делаем вскрытие ради того, чтобы извлечь урок на будущее.

---

¹ См.: Айзатулин Т. А., Фашук Д. Я., Леонов А. В. в «Журнале Всесоюзного химического общества», 1990, № 4.

И главный урок состоит в том, что значительная часть интеллигенции, из чисто конъюнктурных соображений поддерживая антигосударственные антисоветские движения (в частности, экологическое), пошла на то, чтобы «ради идеи» пожертвовать рациональностью. Она удивительно легко отказалась от ценностей, данных ей образованием и историческим опытом, — способностью выстроить причинно-следственные связи, «взвесить» явления и интересы, оценить достоверность утверждений, выслушать иную точку зрения и сделать ответственные логические умозаключения.

Когда в конце 80-х годов с помощью экологических демонстраций и психозов подрывали советский строй, уже было нетрудно видеть, что на смену ему, со всеми его дефектами, может прийти только строй, производящий *экологическое бедствие*. Ибо осколки СССР, за исключением привилегированного союзника Запада по «холодной войне» — Прибалтики, имеют шанс попасть только в зону периферийного капитализма с неминуемой *архаизацией* хозяйства и быта большинства населения. А один из способов пропитания у населения таких зон — продажа или сдача в аренду богатым странам своих экологических ресурсов (в виде территории для захоронения отходов или размещения грязных производств). Не видеть этой перспективы образованные люди просто не могли. И им пришлось забыть все то, чему их учили, в том числе навыки мышления.

В обзоре упомянутого в начале раздела экологического конгресса сказано: «Если задуматься над нашей российской ситуацией, то особый интерес представляет гипотеза П. Леруа (Нидерланды) и А. Блоуэrsa (Великобритания). Экологическое неравенство человеческих сообществ и территорий, говорят они, проявляется в феномене «периферизации». Общества пространственно и социально все более дифференцируются на экологически привлекательные (здоровые) и опасные («нежелательные»). В последних концентрируются атомные электростанции, химические производства, свалки, отстойники и могильники радиоактивных отходов и другие экологически вредные формы деятельности.

Эти устойчивые «периферийные» зоны не только малопригодны для жизни, но и экономически отстали и политически безгласны. Культивируемые в них формы деятельности в основном регулируются извне (государством, транснациональными корпорациями), а местные власти или слабы, или коррумпированы, чтобы противостоять этому процессу. Такая ситуация «внутренней провинции» (которая пространственно может возникнуть совсем рядом с крупнейшими городами) стимулирует

социальный протест местного населения, активизирующий традиционные структуры социальной интеграции (родство, соседство). Последние, казалось бы, давно аннигилированы процессом модернизации. Вместе с тем рост безработицы и политической безгласности вынуждает местное население соглашаться на любой труд и закрывать при этом глаза на сопряженный с ним риск для здоровья и жизни»¹.

Глава 8

СДВИГ ОТ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ К АУТИСТИЧЕСКОМУ

Большое место в сознании занимает *воображение*, особенно создание фантастических образов, способных увлечь массы людей и приглушить в них чувство ответственности. В этом состоянии они обретают особый тип мышления — *аутистическое*². Именно этого сумела достичь в годы перестройки идеологическая машина.

Цель реалистического мышления — создать *правильные* представления о действительности, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием (крайний случай — грезы наяву). Двум типам мышления соответствуют два типа удовлетворения потребностей. Реалистическое — через действие и разумный выбор лучшего варианта, с учетом всех доступных познанию «за» и «против». Тот, кто находится во власти аутистического мышления, избегает действия и не желает слышать трезвых рассуждений. Он готов даже голодать, пережевывая свои приятные фантазии.

Аутистическое мышление — не «бредовый хаос», не случайное нагромождение фантазий. Оно *тенденциозно*, в нем всегда доминирует тот или иной образ, а все, что ему противоречит, подавляется. Два типа мышления не только взаимодействуют (в норме), но и находятся в конфликте. И если каким-то способом удастся отключить или подавить реалистическое мышление, то аутистическое мышление доделывает за него работу, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес. Это в мягкой

¹ Халий И. А. Инвайронментальная социология: потрясение основ (аналитический обзор) // СОЦИС, 1992. № 12. С. 39.

² См.: Блейлер Э. Аутистическое мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М.: Изд. Московского университета, 1981. С. 113 — 123.

форме отражено в солдатской песне: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Главное в аутистическом мышлении то, что оно, обостряя до предела какое-либо стремление, нисколько не считается с действительностью. Вот простой, уже не раз приведенный в других публикациях пример того, как в массовое сознание накачивался аутизм. Летом 1991 г. несколько научных групп провели расчет последствий «либерализации цен», которую позже, в январе 1992 г., осуществил Ельцин. Расчет проводился по нескольким вариантам, но общий вывод дал надежное предсказание, оно полностью сбылось в январе. Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, доклад этот в печать допущен не был, специалисты были с ним ознакомлены «для служебного пользования». Одновременно с ознакомлением специалистов с этим докладом в массовую печать дали заключения «ведущих экономистов», которые успокаивали людей. Так, популярный «Огонек» дал такой прогноз корифея рыночной экономики Л. Пияшевой: «Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить, я полагаю, 4 — 5 руб. за кг, но появиться на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей 5, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику» — и так далее по всему спектру товаров.

Казалось бы, ни один здравомыслящий человек не должен был поверить этому «прогнозу». Но сознание людей было уже настолько подготовлено к тому, чтобы верить в самые нелепые приятные фантастические образы, что читатели «Огонька» действительно верили Л. Пияшевой. И даже сама жестокая реальность либерализации цен, при которой мясо быстро поднялось в цене до 20 тысяч (!) рублей, эту веру не поколебала. Л. Пияшева уже после 1992 г. стала доктором экономических наук и признанным «экспертом» в области российской экономики¹.

Допустим, высказывания Пияшевой можно считать курьезом. Но вспомним один из фундаментальных лозунгов перестройки, который противоречит и здравому смыслу, и элементарной логике, но был с восторгом воспринят интеллигенцией. Он уже обсуждался в литературе, но достоин того, чтобы вспомнить о нем еще раз. А. Н. Яковлев выкинул его в августе 1988 г.:

---

¹ Большинство известных рассуждений Л. Пияшевой было отмечено печатью откровенной глупости. Молоко парное (!) в течение всего дня в московском магазине. Но это не главное. Главное в том, что они были *неразумны* — вот чего не замечали читатели и слушатели. Множество людей не блещут умом, но они разумны. Опираясь на здравый смысл, опыт и советы других разумных людей, они выбирают верное направление и приходят к верному — в главном — выводу.

«Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления. Решение этой проблемы может быть только парадоксальным: провести масштабную переориентацию экономики в пользу потребителя... Мы можем это сделать, наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень».

Этому лозунгу аплодировали, а ведь простейшие выкладки показали бы его неразумный характер. Человек со здравым сознанием спросил бы себя: каково назначение экономики? И ответил бы: создать надежное производство *основных условий жизнеобеспечения*, а затем уже наращивать производство «приятных» вещей. Что касается жизнеобеспечения, то, например, в производстве стройматериалов (для жилищ) или энергии (для тепла) у нас не только не было избыточных мощностей, но надвигался острейший голод. Да и вся теплосеть страны была уже сильно изношена, а это — металл.

Этот лозунг, который прямо вызвал к аутистическому мышлению, обосновывал начавшееся разрушение хозяйства (советский строй подрывался прежде всего с этого края). Лозунг А. Н. Яковлева сразу претворился в резкое сокращение капиталовложений. Была остановлена наполовину выполненная Энергетическая программа, которая надежно выводила СССР на уровень самых развитых стран по энергообеспеченности (сегодня Россия по обеспеченности этим необходимым для любого хозяйства ресурсом быстро опускается ниже стран «третьего мира»).

Начиная с конца 2000 г. в РФ стала нарастать волна аварий и отказов в теплоснабжении. Это привело в замешательство и верховную власть, и министров — как будто они не знали, что Россия — холодная страна. Вице-губернатор Санкт-Петербурга А. Смирнов высказался откровенно: «Если говорить в общем, то в последний год проблему ЖКХ только научились правильно понимать. Но этой проблемой по-настоящему пока ни граждане, ни власти еще не начали заниматься»¹.

Но ведь это чудовищное признание. Чего можно было *не понять* в «проблеме ЖКХ»? Все в этой проблеме было досконально известно, при правительстве работает большая группа вполне компетентных экспертов, они пишут четкие доклады и концепции, в стране есть целый ряд НИИ, КБ, фирм, вузов. Довольно точные прогнозы делались начиная с первого года реформы. Что же это за власть, которая только «в последний год проблему ЖКХ научилась правильно понимать», а заниматься этой проблемой и до сих пор не начала?

Аутизм нашей интеллигенции достиг в перестройке небыва-

---

¹ СПб. ведомости. 2003.29.03.

лого уровня. Ведь действительно она всерьез поверила в фантазию «возвращения в цивилизацию», в «наш общий европейский дом». Думаю, сам Горбачев не мог ожидать такого эффекта от совершенно нелепого обещания. Ведь на Западе никто и никогда ни словом не обмолвился, не дал оснований считать, будто русских или чувашей в этот «дом» приглашают. Эта фантазия «братания с Западом» не согласовывалась ни с какими реальными признаками, сейчас даже трудно представить себе, что в 1989 — 1990 гг. множество умных и образованных людей в нее верили (говорят, что многие украинцы и до сих пор верят, и мы можем только порадоваться такому оптимизму).

Моя знакомая испанская журналистка, хорошо знающая русский язык, получила работу в одном международном информационном агентстве и объехала много областей России и страны СНГ, беря интервью у губернаторов и президентов. Когда она уезжала, я спросил ее о впечатлениях. Больше всего ее поразила одна вещь: буквально все до одного «региональные и национальные лидеры» спрашивали ее с обидой: «Почему Запад нам не помогает? Когда хлынут западные инвестиции?» Она не могла понять, откуда взялась сама эта иллюзия, и спрашивала меня: «Сергей, ты ведь помнишь, что никто на Западе никогда не обещал никакой помощи?» Да, никто и никогда. Более того, были ясные предупреждения, что никаких надежд мы питать не должны: *Рим предателям не платит!* В 1990 г. я не раз слышал эту фразу со всяких «круглых столов» высокого ранга на Западе.

Как мыслилось и до сих пор еще кое-кем мыслится наше «возвращение в цивилизацию»? Какой-то образ будущего, пусть туманный, ведь должен же был витать в воображении наших интеллектуалов, когда они призывали людей ломать наше «неправильное» народное хозяйство? Как они представляли себе то «место», куда мы должны были плюхнуться на ковре-самолете реформ?

Все это, конечно, неприятные вопросы, жестоко их задавать нашим бедным честным демократам. Потому что они *не думали*. Они грезили наяву, их сознание было сдвинуто в розовый туман аутизма. А в таком состоянии у людей возникает сладкое чувство *безответственности*. А. С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании в терминах психоанализа — как «*бунт юноши Эдипа*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Структуру этого явления он разбирает на примере *антисталинизма*¹.

В главе I приведено рассуждение историка В. Г. Хороса «об интеллектуальном и во многом моральном банкротстве нынеш-

---

¹ Панарин А. С. О Державнике-Отце и либеральных носителях эдипова комплекса // Философия хозяйства. 2003. № 1.

ней генерации российских реформаторов». Сказав об этом банкротстве, он продолжает: «Сказанное — не столько критика, сколько горестная констатация. И в какой-то мере — самокритика. Я принадлежу к поколению «шестидесятников», которые немало способствовали процессу изменений после 1985 г., и разделяю ответственность за то, что результаты этих изменений далеко разошлись с первоначальными замыслами. Неудача как моих сверстников, так и следующих за ними по возрасту деятелей не доставляет мне никакой радости».

Какое благородство — неудача его собственного дела не доставляет ему радости. Историк полагает, что жертв этой «неудачи» должно растрогать его кокетство. А между тем если бы этих реформаторов постигла полная удача, то мы бы вообще уже ноги протянули. Такая удача его порадовала бы?

В чем же заключается та «ответственность», которую В. Г. Хорос разделяет с «реформаторами»? Какую кару они приняли на свою голову? Банкротам полагается выпрыгивать из окон небоскребов, а на лицах наших реформаторов сияют довольные улыбки. Да и вообще, кто из них считает содеянное «неудачей»? Гайдар? Бурбулис? Кох? Не приходилось таких признаний слышать. Они все сделали в точном соответствии с теми замыслами, которые варились на кухнях «шестидесятников», ни в чем результаты с этими замыслами не разошлись. К чему пытаться их приукрасить для истории, «рукописи не горят».

И что делает В. Г. Хорос, чтобы сегодня хоть чуть-чуть поправить дело, кроме «горестных констатаций»? А ведь именно он мог бы многое сказать поучительного о философских основаниях всего антисоветского проекта «шестидесятников». Хотя психологический портрет этих интеллектуальных вожачков историк описывает правдиво:

«Это отсутствие политической ответственности и того, что можно назвать психологией государственного человека, сочетается у постсоциалистических реформаторов с поразительным, доходящим порой до наивности (или цинизма) нарциссизмом. Они охотно дают интервью, позируют фотографам. Они рекламируют свои идеи как последнее слово экономической науки и презрительно третируют любого, кто заикнется о каком-то государственном регулировании, как реставратора командно-административной системы. Они упиваются своей властью, которой на деле не существует. Это типичное поведение бывших аутсайдеров, наконец-то прорвавшихся наверх»¹.

¹ Хорос В. Г. Интеллектуальная элита и реформы в России: некоторые обобщения // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 200 — 207.

Что же касается характерного в последнее время для интеллигенции чувства безответственности, то его усилил заложенный в наше высшее образование *евроцентризм*, от вируса которого мы не сумели защитить сознание образованных людей. Точнее, не успела дозреть до создания такой защиты наша массовая культура, а традиционными барьерами, как, например, китайцы, мы не были защищены. Евроцентризму присуще механистичное мышление, не позволяющее увидеть хрупкости многих человеческих отношений и общественных институтов. Сколько страшных маховиков раскрутили «шестидесятники» за время выполнения своего проекта, сколько джиннов выпустили из бутылок! Достаточно сказать об этническом насилии и терроризме — джиннах, которые буквально были загнаны в бутылку в советской системе.

Арабский философ Самир Амин пишет, основываясь на богатом опыте «третьего мира»: «Современная господствующая культура выражает претензии на то, что основой ее является гуманистический универсализм. Но евроцентризм несет в самом себе разрушение народов и цивилизаций, сопротивляющихся экспансии западной модели. В этом смысле нацизм, будучи далеко не частной аберрацией, всегда присутствует в латентной форме. Ибо он — лишь крайнее выражение евроцентристских тезисов. Если и существует тупик, то это тот, в который загоняет современное человечество евроцентризм»¹.

Замечу, что мы здесь говорим именно о евроцентризме как философской установке, а вовсе не о примитивном корыстном конформизме тех, по словам Пушкина, «для коих все равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить все русское — были бы только сыты». Таких у нас хватает, но не о них речь.

Из всех опросов было ясно, что наша либеральная интеллигенция уверена, что реформы приведут Россию в «рыночную экономику» (или иначе *капитализм*). Но что это такое? И в Швеции капитализм, и в Бангладеш капитализм. Куда же мы собрались? От этого вопроса интеллигентный человек обычно с возмущением уходит, как будто это вопрос глупый, даже недостойный. А все же?

Нетрудно видеть, что принятие для России правил «рыночной экономики» означает включение либо в *ядро* мировой капиталистической системы (метрополию), либо в *периферию*, в число «придатков». Хороший и даже завидный пример такого придатка — Бразилия. Никакой «независимой капиталистичес-

---

¹ Amin S. El eurocentrismo: Critica de una ideologia. Mexico: Siglo XXI Eds. 1989. P. 109.

кой России», не входящей ни в одну из этих подсистем, в природе быть не может, это стало очевидно уже в начале XX века, когда была достаточно хорошо изучена система империализма (система мирового капитализма, построенного как неразрывно связанные «центр — периферия»). Сравнительно недавно один из ведущих исследователей глобальной экономики, И. Валлерстайн, писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии»¹.

Стоит напомнить, что в элитарных кругах советских экономистов и философов с середины 80-х годов проблематика «центр — периферия» была очень популярна. Она обсуждалась на многих семинарах и конференциях, на слуху были доклады Римскому клубу, ряд наших видных интеллектуалов даже стал его членами. Таким образом, наша «прогрессивная интеллигенция» не может сказать, что «она не знала» о периферийном капитализме как специфическом мировом укладе.

К 1990 г. в тех же элитарных научных кругах прекратились разговоры о вхождении в «наш общий европейский дом», прошла серия «круглых столов», где прямо говорилось о будущем статусе России как периферийной зоне, отчеты об этих «столах» печатались в журналах. В преддверии реформы возникло мощное интеллектуальное лобби, доказывающее, подобно «Независимой газете», что «следовало бы перестать пугать себя образом России как сырьевого придатка чужеземцев», что надо «не чураться той роли, которая нам достанется по справедливости»².

Видные интеллектуалы даже стали пропагандировать Бразилию как образец жизнеустройства, на который должна ориентироваться Россия. Но наша «трудовая интеллигенция», инженеры да врачи, ничего этого слышать не хотели, их так и тянули сияющие вершины капитализма.

Вечером 31 октября 1993 г. по ТВ шла программа для интеллектуалов под красноречивым названием «Матадор». Матадор дословно значит «убийца», а конкретно — не всякий убийца, а тот, кто на публике наносит смертельный удар уже израненному, истекающему кровью и загнанному быку. Вот такое название выбрали тогда для «интеллектуальной» программы телевидения, хотя Россия до такого загнанного состояния еще не была доведена.

Выступали в той программе «Матадор» звезды художествен-

---

¹ Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика, 1500 — 2010 // Свободная мысль. 1996. № 5.

² См.: Виктор К. в «Независимой газете», 5.06.1992.

ной интеллигенции — братья Никита Михалков и Андрон Кончаловский. О Никите особо говорить уже нечего. Зато очень важную вещь сказал Кончаловский, обитавший тогда в США. Он, якобы знающий мир и тонко чувствующий Россию, изложил желаемое для него и, по его мнению, логично вытекающее из программы реформ будущее России. Вот почти дословно его рассуждения.

Россия невероятно богата ресурсами, у нее молодой, энергичный и образованный народ. Благодаря Горбачеву она встала наконец на нормальный путь развития и построит нормальный для нее тип общества. Каким он будет? Он не будет напоминать шведский и вообще европейский тип. Здесь подавляющее большинство людей будут очень бедны, а очень небольшая часть будет невероятно богата. Среднего класса практически не будет. Разумеется, о демократии в таких условиях не может быть и речи — ее без среднего класса не существует. Это будет тип общества, характерный для Латинской Америки.

При этом мэтр сказал даже, что якобы такой тип общества был характерен и для России, но это мысль несуразная и говорить о ней не стоит. В Бразилии — общество, выросшее из колоний, геноцида индейцев и работорговли. Общество и сегодня «двойное» — в нем масса коренного населения и метисов является для белых просто иной, чуждой нацией. Сравнение с царской Россией нелепо. Другое дело, что нас к такому обществу ведут — в этом суть всего проекта, который вдохновляет Кончаловского.

Что же наш режиссер считает *нормальным для России*? К чему он нас подталкивает, используя свой авторитет в среде интеллигенции? Он дает нам стандарт для подражания — Бразилию.

Насчет распределения богатства Кончаловский прав: 70 — 90% крестьян Бразилии безземельны, земля — у латифундистов и иностранных фирм. Богатейшие природные и трудовые ресурсы полностью открыты для иностранного капитала. Внизу — нищета невероятная, почти половина населения вообще не имеет постоянных доходов. Люди, как волки, рышут с утра до ночи. Огромные фавелы — скопище хижин из жести и картона — начинаются в сотне метров от роскошных отелей и ползут по склонам. Оттуда в город стекают потоки мочи, а в дождь — жижа экскрементов. Бразилия, в отличие от Запада («общества двух третей»), является обществом «двух половин». В 1980 — 1990 гг. здесь 47% населения относились к категории «нищих», в 1992 г. их число составило 72,4 миллиона (из «Отчета по человеческому развитию. 1994». ООН, Оксфорд Университи Пресс).

Во всей Латинской Америке, от Рио-Гранде до Огненной Земли, не найдется ни одного интеллигента, который осмелился

бы заявить, что считает этот порядок нормальным для народа своей страны. Все, включая горилл-генералов, утверждают, что это порядок ненормальный, что он должен быть изменен. А в России по первому каналу телевидения выступает интеллигент с умными глазами и говорит, что для народа его любимой Родины именно такой порядок и есть норма и спасибо тем политикам, которые к нему ведут.

Теперь о втором тезисе Кончаловского. При «нормальном» для Кончаловского распределении богатства быть демократии в России не может, тут режиссер прав. Этот порядок придется охранять теми же методами, что в Латинской Америке. Общество «двух половин» приходится контролировать террором, и в трущобах (фавелах) регулярно устраивают акции устрашения, пускают кровь в больших количествах. Вспомним эти методы и примерим на себя.

Во-первых, все пятьсот лет там приходится уничтожать «туземцев». Не далее как летом 1993 г. были полностью расстреляны два племени — одно в Бразилии, другое в Перу. Цеплялись, проклятые, за право общинной собственности на их землю, а она так нужна для развития рыночной экономики. Полезно было бы «демократке» Гаер из народа удэге перевести на язык своего малого народа репортажи бразильских газет об очистке территорий от индейцев. О том, как они, чудачки, прячутся от бразильского спецназа на деревьях («как макаки») и при обстреле падают оттуда, «как груши». Сейчас, правда, таким отстрелом занимаются уже не правительственные войска, а неформалы (те же люди, но в нерабочее время).

Во-вторых, для города режимы Латинской Америки отработали с помощью экспертов США изощренную систему террора и устрашения. Батиста и Сомоса, залившие кровью Кубу и Никарагуа, выделялись лишь в количественном отношении. А так похищения, пытки и убийства большого числа людей — стабильный механизм поддержания аномального социального порядка «двойного» общества. Бывают там временные перемирия. «Эскадроны смерти» обязуются, демократии ради, не трогать профессоров и профсоюзных лидеров, но, чтобы не простаивать, занимаются «социальной чисткой» — регулярными и хладнокровными расстрелами уличных мальчишек. Их много ночует на улицах. Незадолго до передачи «Матадор» около 30 таких спящих мальчишек расстреляли прямо на ступенях центральной церкви в Рио-де-Жанейро.

Знал об этом Кончаловский? Скорее всего, знал — фотографии этого расстрела смаковались в западных газетах. Значит, он, призывая поддержать установление в России такого «нормаль-

ного» социального строя, вполне сознательно умолчал о «неприятных» способах его охраны. А наша интеллигенция видела, как Остап Бендер, только белые штаны и прекрасные отели Рио-де-Жанейро — и в упор не видела трущоб и социальных чисток.

Мечтая попасть в капитализм, наша образованная публика даже не обратила внимания на тот замечательный факт, что разрыв между ядром капитализма и его придатками не сокращается, а растет. Уже одно это должно было бы заставить задуматься — почему бы это? Почему еще в XVIII веке Китай был первой экономической державой и в 1750 г. производил 32,8% мировой промышленной продукции, а к концу XIX века оказался высосанным, как лимон? Почему Индия «в конце XVIII века производила столько же стали, сколько вся Европа, и британские инженеры в 1820 г. изучали более передовые методы индийских сталелитейных заводов»¹, а уже к середине XIX века тяжелая промышленность Индии была ликвидирована?

В 1750 г. Индия производила 25% мировой промышленной продукции — больше, чем вся Европа (доля Англии составляла 1,9%). А к 1900 г. доля Индии уменьшилась до 1,7%. И дело не в том, что резко выросло производство на Западе. В самой Индии за это время производство промышленной продукции на душу населения сократилось в 7 раз — вот в чем дело! Колонизация и насильственное раскрытие индийского рынка привели к быстрой деиндустриализации Индии. Абсолютное сокращение промышленного производства в Индии произошло скачкообразно — в 2 раза с 1830 по 1860 г.²

Причина известна, но человек, грезящий о ковре-самолете, который перенесет его в ядро мирового капитализма, этой причины знать не хочет. Он забыл даже то, что наверняка читал в газетах — «метрополия» через неэквивалентный обмен разного рода извлекает из «периферии» огромный объем ресурсов. В результате она непрерывно богатеет, а периферия «худеет». Это факт, и его надо принять как таковой, а в причины такого положения здесь можно не вдаваться.

Из этого факта следует, причем с железной необходимостью, что влезть в эту метрополию и там удобно устроиться отнюдь не просто. Место занято! Делиться с балбесами-русскими теми ресурсами периферии, право на которые Запад завоевал «потом и кровью», никто не собирается. Кроме того, целый ряд стран полупериферии ждет своей очереди, и нет у РФ крепких локтей,

---

¹ Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002. С. 52.

² Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L.: Unwin. 1988. P. 148 — 149.

чтобы их растолкать. Сегодня надо совсем уж впасть в интеллектуальный маразм, чтобы всего этого не видеть. Прогнозы вымирания населения России «на магистральном пути» хорошо известны, динамика всех показателей за последние десять лет эти прогнозы подтверждает. Так что политики, замалчивающие суть выбора, не могут не знать о его последствиях. Не видать нам теплого местечка в «ядре капитализма» как своих ушей.

Так что же, значит, на периферию, со всеми своими 150 миллионами граждан и их бедными пожитками? На задворки, в мировую трушобу, в зловонный загон?

А кто сказал, что нас туда пустят? Встроиться в «рыночную экономику» даже в виде придатка можно лишь в том случае, если хозяйство данной страны обеспечивает приемлемую *норму прибыли* для метрополии. Вот, например, маленькая страна Чили. Чем она так дорога США? Почему ради ее сохранения в составе своей периферии они готовы посылать своих демократических агентов ЦРУ свергать демократического же Альенде и сажать в кресло диктатора неприятного Пиночета? Только потому, что за 1950 — 1967 гг. прямые иностранные инвестиции в Чили составили, за вычетом амортизации капиталовложений, 257 млн. долл. За этот же период вывоз из Чили прибылей и дивидендов на инвестиции равнялся 1056 млн. долл., т.е. в 4 раза больше¹.

В книге, из которой взяты эти данные, дается такой общий вывод: «Нынешние потоки прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны требуют минимального движения капитала из страны-вкладчика, поскольку значительная часть инвестиций покрывается путем мобилизации местных ресурсов в стране помещения капитала. Следовательно, и прирост прибылей осуществляется главным образом за счет местных ресурсов, вовлеченных в оборот филиалами и дочерними предприятиями ТНК в самих развивающихся странах. Объем вывозимых ТНК прибылей превышает приток капитала, т. е., по существу, происходит прямое выкачивание средств из молодых государств. По расчетам экспертов ООН, ТНК вкладывают в экономику развивающихся стран ежегодно в 1,5 раза меньше средств, чем вывозят в виде прибылей...» (там же, с. 17).

Итак, в качестве своих придатков Запад берет только те страны, в которых инвестиции обеспечивают высокий уровень прибыли и могут мобилизовать большие внутренние ресурсы, чтобы превратиться в самовоспроизводящуюся систему — где «деньги плодоносны». Там, где этот уровень не достигается, население

---

¹ Развивающиеся страны: в сетях финансовой зависимости / Ред. Г. П. Солюс, А. И. Кузнецов. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 73.

называют «общность, которую не имеет смысла эксплуатировать». В такую категорию попали, например, многие регионы Африки. Сюда не делают инвестиций — они невыгодны. Жители этих регионов могут жить, но только в своем, натуральном хозяйстве — не слишком загрязняя воздух.

Здесь надо сделать оговорку — «общностям, которые не имеет смысла эксплуатировать», позволяют жить их натуральным хозяйством только в том случае, если их земля не содержит ценных минеральных ресурсов. Если же, на их беду, на их землях расположены богатые месторождения нефти или газа, то такую территорию очищают от ненужных аборигенов и завозят туда ту рабочую силу, «которую имеет смысл эксплуатировать».

Россия в ее нынешнем виде (150 млн. человек) явно попадает в список общностей, которые невыгодно эксплуатировать. Сейчас она хоть и сократила в три раза количество нефти для внутреннего потребления, все же это слишком накладно для метрополии. А прибавочного продукта, то есть прибыли, с нас много не возьмешь.

В XIX веке крестьянское хозяйство у нас вообще было нерентабельным (средний доход с десятины составлял 163 коп., а только платежи и налоги крестьян с этой десятины — 164,1 коп.). Однако это хозяйство позволяло *жить* 90% населения России. Почему же позволяли русским жить цивилизованные нации? Только потому, что защищал Россию царь с солдатушками-ребятушками. А когда царь выдохся, эту роль выполняли Советы с Красной армией, КГБ и ракетами «Сатана». А теперь вот пришли интеллигенты, приверженные либеральным ценностям, — армию разогнали, ракеты порезали. Под наши вялые аплодисменты.

Сегодня в странах с теплым климатом есть избыток рабочей силы. Она имеет перед русскими большие преимущества. В России на отопление одной квартиры уходит такое количество топлива, которое, будь у нас действительно свободный рынок, стоило бы порядка 2 тыс. долларов. Эти расходы прямо или косвенно входят в стоимость рабочей силы. На Филиппинах этих расходов нет, и разумный капиталист не станет эксплуатировать русского работника, пока на рынке труда есть филиппинец. Почему же при переходе России на «магистральный путь» русские не оказывают «общностью, которую не имеет смысла эксплуатировать»?

Нет, граждане, не надо критиковать реформаторов за то, что они, мол, «обещали привести нас в Швецию, а ведут в Бангладеш». Из чего видно, что нас «ведут в Бангладеш»? Разве там вымирает население? Разве там замерзает отопление? Не надо грезить наяву. На том «пути в цивилизацию», по которому нас по-

манили виртуальным пряником, нас уже через полвека сократят до 40 миллионов — обслуживать скважины и Трубу. Да к тому времени мы уже и забудем, кто мы такие.

Если не вернемся к реалистическому сознанию.

Господство аутистического мышления при глубоком расщеплении логики («шизофренизация сознания») породило небывалый в истории проект разрушения народного хозяйства своей собственной страны под условным названием *реформа*. Этот проект был бы невозможен, если бы его не поддержал с энтузиазмом чуть не весь культурный слой, на время увлекший за собой большинство городских жителей.

Перестройка средствами идеологического воздействия внушила массам идею ликвидировать советский тип хозяйства и пообещала взамен обеспечить народу благоденствие. Интеллигенция приложила огромные усилия, чтобы эта идея «овладела массами», и она добилась своего. И при этом сразу же проявилась родовая болезнь русской интеллигенции — в своих философско-экономических воззрениях она придает гипертрофированное значение распределению в ущерб производству.

Это и есть крайний аутизм в хозяйственной сфере: распределять (а тем более прихватывая себе побольше) легко и приятно, производить — трудно и хлопотно. И стали фантазировать о *распределении*, подавляя всякое *производство*. Можно даже сказать, что здесь речь идет уже даже не о мышлении, а целом аутистическом мироощущении.

Вспомним: первый тяжелейший удар по хозяйству реформа нанесла в 1991 — 1994 гг., когда промышленное производство рухнуло, сократившись в 2,5 раза, а превышение смертности над рождаемостью достигло максимального за все годы реформ значения. Около 12 миллионов человек были тогда выброшены с производства в торговлю — пошли в «челноки», расползлись по ларькам, рынкам, торговали носками около метро. В этот момент соратник Гайдара, член Президентского Совета, руководитель Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике П. С. Филиппов дает большое интервью.

Его спрашивают, какова же причина этого кризиса. Он отвечает: «В нашей экономике узкое место — это торговля: у нас в три раза меньше торговых площадей, чем, например, в Японии. Нам здесь еще работать и работать. Хотите хорошо жить — займитесь торговлей. Это общественно полезная деятельность. И так будет до тех пор, пока будет существовать дефицит торговых площадей, а еще вернее, мы испытываем дефицит коммер-

сантов»¹. Не поверишь, пока своими глазами не прочтешь такое, а ведь образованный человек, инженер-радиотехник.

Парадоксальность аутистического мышления в том, что оно делает возможным веру в противоположные, несовместимые и взаимоисключающие фантазии. Перестройка дала тому чистые, прямо для учебника, примеры. Желание устроить в СССР капитализм удивительным образом совмещалось с мечтой о «лишении привилегий», полной социальной справедливости и даже уравнительстве. Иногда отрицающие друг друга тезисы следовали друг за другом буквально в одном абзаце. Бывало, что в статье на экологические темы автор возмущался тем, что высыхает Аральское море, и одновременно проклинал проект переброски в Среднюю Азию части стока северных рек.

Создатель учения об аутизме Э. Блейлер пишет: «Нас не должно удивлять, что аутизм пользуется первым попавшимся материалом мыслей, даже ошибочным, что он постоянно оперирует с недостаточно продуманными понятиями и ставит на место одного понятия другое, имеющее при объективном рассмотрении лишь второстепенные общие компоненты с первым, так что идеи выражаются в самых рискованных символах».

Взять такие «рискованные символы», как *рынок* и *демократия*. У массы людей идеологи создали самые превратные, внутренне противоречивые представления об этих понятиях, совершенно несовместимые ни с реальностью тех обществ, откуда они были взяты, ни с нашей реальностью. Почему же они привились на нашей почве, разрушив всякую связную общественную мысль? Потому, что сначала людей смогли загнать в такой мыслительный коридор, в котором структуры аутистического мышления господствуют над здравым смыслом. И люди строят в своем воображении фантастические образы и рынка, и демократии.

Э. Блейлер продолжает: «Поразительно также, насколько аутизм может игнорировать временные соотношения. Он перемещивает бесцеремонно настоящее, прошедшее и будущее. В нем живут еще стремления, ликвидированные для сознания десятки лет тому назад; воспоминания, которые давно уже стали недоступны реалистическому мышлению, используются им как недавние, может быть, им даже отдается предпочтение, так как они меньше наталкиваются на противоречие с актуальностью... Само собой разумеется, что аутизм, который изображает наши желания осуществленными, должен приводить к конфликтам с окружающей средой».

Одной из самых нелепых фантазий такого рода было бурное и

---

¹ ИСИ РАН, 4 января 1994 г. Интервьюер — Лапина Г. П.

утопическое возрождение сословных притязаний. Прорабы перестройки первым делом старались растравить сословное чувство в самой интеллигенции — «возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!». Выражением осознанного отделения от «массы» и странного рецидива этого сословного сознания в среде «рабоче-крестьянской интеллигенции» стал поток пошлых похвал в ее адрес, который заполнил страницы и эфир во время перестройки. Академик Д. С. Лихачев, получив титул «совести нации 3-го ранга», льстит интеллектуалам: «Естественно, их роль в обществе можно определить как ведущую. Это соответствует месту интеллигенции, которое она должна по праву занимать. Испокон веков на Руси интеллигенция была эталоном нравственности, духовности, культуры»¹.

Что это за чушь! Какие «испокон веков», какая Русь? Интеллигенция как культурный тип появилась в XIX веке как продукт разложения сословного общества. И никогда она не была «эталом нравственности», ибо ее главной отличительной чертой была *больная совесть* и нравственные *метания*. Разве могут метания и непрерывная «смена вех» быть эталоном? Чему может научиться юноша у Родиона Раскольникова или чеховского Ивана?

Но сословные притязания возродились не только у «аристократии духа», они приобрели и буквальную, комическую и одновременно пошлую форму. Откуда ни возьмись, Москва наполнилась дворянами, а то и потомками графов и князей. Возникли конкурирующие дворянские собрания, поиски родословных, певцы загнусабили о каких-то поручиках Голицыных — все это под флагом демократии (!) и под стенания о том, что большевики поголовно уничтожили дворян, а остатки их («два миллиона!») уехали за границу. И даже как-то стесняешься напомнить этим большим детям, что в начале 1917 г. всех дворян, включая обитателей ночлежек, в России было 1,4 миллиона человек. И что большинство из тех, кто уцелел, — нормальные люди, и им в голову не приходит тащить в наше время эти оставшиеся в прошлом сословные атрибуты².

Наблюдая, что происходило последние десять лет в сфере общественного сознания, иногда приходишь к дикой мысли, что являешься свидетелем огромной злонамеренной государствен-

¹ Лихачев Д. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 228.

² Но это движение «новых дворян», хоть и выглядит гротеском, все же безобидно. Вряд ли они всерьез будут требовать восстановления крепостного права (хотя бы потому, что тогда, глядишь, таким антикоммунистам, как А. Н. Яковлев или Михаил Ульянов, придется идти в псы к коммунисту родом из аристократии Севенарду).

ной кампании, направленной на помрачение разума большой части граждан. Людей убедили, что для преодоления накатывающей катастрофы нужны были не усилия ума, души и тела, а несколько магических слов, которые бы вызвали из исторического небытия мистические силы, разом дающие большие блага для настоящего и будущего. Причем блага, просто отнятые у других современников.

Массовый сдвиг от реалистического мышления к аутистическому заметить было непросто даже тем, кто этим сдвигом не был затронут. В отличие от шизофрении, которая оперирует явно оторванными от реальности образами и обнаруживает отсутствие логики, аутизм, как отмечает Э. Блейлер, «отнюдь не пренебрегает понятиями и связями, которые даны опытом, но он пользуется ими лишь постольку, поскольку они не противоречат его цели, т.е. изображению неосуществленных желаний как осуществленных; то, что ему не подходит, он игнорирует или отбрасывает». Иными словами, аутизм заменяет реальность моделью, но эта модель по-своему логична и даже респектабельна. Она напоминает построения ученого, и для интеллигенции она привлекательнее, чем реалистичное, охватывающее неприятные стороны действительности мышление «кухарки». Кстати, типично аутистическим мышлением были проникнуты выступления в Верховном Совете СССР академика А. Д. Сахарова.

Для широких кругов интеллигенции А. Д. Сахаров стал не просто кумиром, но и в существенной мере законодателем в постановке вопросов и способе рассуждений. Но прочитайте сегодня его главные манифесты, они — плод аутистического мышления. Вот его меморандум 1968 г., с которым он обратился в Политбюро ЦК КПСС (как пророчески сказано в предисловии, это «веха нашего самосознания»). Это ни много ни мало, как текст на тему «Как нам обустроить весь мир». Советы даются не только Брежневу с Косыгиным, но и всем президентам и монархам. Вот небольшие кусочки.

«Сейчас «белые» граждане США не проявляют желания пойти на минимальные жертвы для ликвидации неравноправного экономического и культурного положения «черных» граждан США, составляющих немногим более 10% населения. Но необходимо так изменить психологию граждан США, чтобы они добровольно и бескорыстно, во имя одних только высших и отдаленных целей, во имя сохранения цивилизации и гуманности на нашей планете поддержали свое правительство и общемировые усилия в изменении экономики, техники и уровня жизни миллионов людей (что, конечно, потребует серьезного снижения темпов экономического развития в США).

По мнению автора, необходим своеобразный налог на развитие страны в сумме порядка 20% их национального дохода на протяжении примерно пятнадцати лет».

Можно себе представить, как хохотало правительство США, читая этот текст и выделяя деньги на «раскручивание» А. Д. Сахарова силами своих «голосов» и самиздата.

А вот плановое задание А. Д. Сахарова для СССР и США на три с лишним пятилетки (кстати, как раз на время перестройки): «СССР и США, преодолев разобщенность, решают проблему спасения более «бедной» половины земного шара. Осуществляется упомянутый выше 20%-ный налог на национальный доход развитых стран. Строятся гигантские фабрики минеральных удобрений и системы орошения, работающие на атомной энергии, колоссально возрастает использование моря, обучаются национальные кадры, проводится индустриализация. Строятся гигантские предприятия по производству синтетических аминокислот и микробиологическому синтезу белков, жиров и углеводов. Одновременно происходит разоружение (1972 — 1990 годы)»¹.

Интересно, что наши экологи, борцы с «гигантскими предприятиями», ухитрились одновременно боготворить А. Д. Сахарова, который велел строить «гигантские системы орошения, работающие на атомной энергии».

Сдвигу к аутистическому мышлению способствовал, конечно, и общий кризис, всегда пробуждающий желание спрятаться от страшной действительности. Психологи довольно хорошо изучили этапы становления начиная с раннего детства двух ветвей мышления и обнаружили, что реалистическое мышление с некоторого возраста становится более развитой, более сложной структурой. При общем нарушении психики под воздействием кризисов и социальных катастроф реалистическая функция поражается, как правило, сильнее.

Другой важный контрольный механизм за реалистичностью и связностью умозаключений, который был отключен во время перестройки, — *диалогичность* рассуждений. Мышление — процесс общественный, коллективный. Высказывая какое-то суждение, идею, мы запускаем мыслительный процесс в тех, кто получил наше сообщение, и возникает кооперативная система, умножающая потенциал нашего сознания. Элементарный акт мышления всегда связан с диалогом, с оппозицией утверждений. Когда логическая цепь развивается в ходе диалога, хотя бы внут-

---

¹ Сахаров А. Д.: Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Вопросы философии. 1990. № 2.

ренного, несоизмеримость понятий и несвязность рассуждения быстро выявляются и участниками процесса совместно производится «починка» логики.

В результате потрясений перестройки, по неизвестным нам механизмам, сознание интеллигенции утратило диалогичность. Мы наблюдали регулярный отказ демократической интеллигенции давать ответ оппонентам на их вопросы. Это делалось с помощью молчания или идеологических штампов (вроде «мы это уже проходили»). Все помнят, как писатель Юрий Бондарев задал Горбачеву вопрос: «Вы подняли в воздух самолет, а куда садиться-то будете?» Вполне естественный вопрос разумного человека. Об ответе и речи не было, но какую же ненависть вызвал Ю. Бондарев у всей либеральной интеллигенции! И ведь эта ненависть нисколько не утихла и потом, когда все убедились, насколько прозорлив был вопрошающий.

Поражала глупость важнейших метафор перестройки. Вспомним, как сторонники радикального перехода к «рынку» зывали: «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» — и все аплодируют этому идиотскому сравнению. При этом все были уверены, что в один прыжок эту пропасть перепрыгнуть не удастся. Никто из имевших доступ к трибуне не спросил, а зачем вообще нам прыгать в пропасть. Разве где-нибудь кто-то так делает, кроме самоубийц? А нас пальцем поманили — и мы дружно стали прыгать. Предложения «консерваторов» — не прыгать вообще, а построить мост — отвергались с возмущением.

С другой высокой трибуны кричат: «Нельзя быть немножко беременной!» Мол, надо сломать свое народное хозяйство и перейти к какому-то «рынку». И опять аплодисменты. Что за бред сивой кобылы, при чем здесь беременность? Кто у нас забеременел и от кого? Никакой связи, никакого сходства с экономикой беременность не имеет, проблему выбора, перед которой мы стояли, никоим образом не разъясняет — зачем непрерывно твердили эту глупость?

«Коней на переправе не меняют!» — и никто не смеет возразить. Какие, к черту, кони, какая переправа, это козлы, которые орудут в нашем огороде. Почему мы стали так падки на глупейшие, бессмысленные метафоры? А вспомните, как извинялись совестливые или боязливые антисоветчики. Ах, мы целили в коммунизм, а попали в Россию. Как мило! Я, мол, целился в пуговицу на пиджаке, а человека убил нечаянно.

Внешне отход от диалогичности выражается в том, что из печати исчез жанр совместных рассуждений. Никто не развивает и не опровергает высказанной другим человеком мысли — за ис-

ключением тех случаев, когда требуется «разоблачить противника». Самое тяжелое в том, что, как мне кажется, диалогичность утрачена и в процессе личного, внутреннего хода мысли. Наш даже неконтролируемый поток сознания приобрел характер высказывания истин, которые мы как бы черпаем из пространства, по наитию. Наши внутренние рассуждения перестали носить обычный ранее характер: *вопрос — мысленный сбор сведений о реальности — построение цепочки доводов — умозаключение (ответ)*. Рассуждения у нас заменены высказываниями, носящими оттенок фанатизма.

Это, конечно, мои гипотезы, но я стараюсь их проверить наблюдениями и даже экспериментами. И пока что, к сожалению, эти гипотезы скорее подтверждаются. Мы на какое-то время утратили навык умозаключений. Нас держат пока еще традиции, записанные в пословицах и житейской мудрости, и догмы, «принципы» — у кого какие есть. Поскольку за пятнадцать лет промывания мозгов догмы внедрили разные, то люди, утратившие способность делать умозаключения по общим для всех правилам, не могут договориться даже по самым важным и простым вопросам. Всякая попытка каким-то образом заставить людей вникнуть в суть вопроса, обсудить его и прийти к выводу, воспринимается очень болезненно — людям тягостна эта работа, она их пугает. Их мысль и чувство ищут любую лазейку, чтобы при первой же заминке вырваться из коридора, который ведет к ответственному умозаключению. «Сборка» общества начнется лишь тогда, когда удастся преодолеть борьбу множества несовместимых «чаяний», которые нам успели насовать в головы.

Таким образом, общественное сознание под ударами кризиса страдает, переживает болезнь. Те политики и идеологи, которые в своих целях усугубляют болезнь, используют ее для обмана, берут на себя большой грех. Но общество катится к катастрофе именно тогда, когда аутистическое мышление начинает доминировать в среде интеллигенции, которой доверяет народ.

Рассмотрим пару примеров того, как аутистическое мышление порождает целые программы экономического поведения.

Аутистическое сознание и проект «Народный счетчик». Зимой 2002/03 г. стало очевидно, что мы вошли в тяжелейший кризис теплоснабжения — до предела изношены котельные и теплосети. Однако власти в голову не приходит и сама мысль, что для стабилизации дел в теплоснабжении необходимы действия в *материально-технической сфере*. Нет, власти уповают на магические действия в сфере *обращения*. 22 мая 2003 г. в Минэнерго РФ

начало работу Общероссийское совещание по проблемам совершенствования систем теплоснабжения в России. Как сказано в прессе, «выступивший на совещании заместитель министра энергетики России И. Леонов подчеркнул, что для решения накопившихся проблем в теплоснабжении... необходимы в первую очередь совершенствование организационной, нормативной и правовой базы, разработка новых подходов к тарифному регулированию, управлению спросом и развитию рыночных отношений, осуществление технического перевооружения отрасли».

В. В. Путин и его министры впали в иллюзию, будто трудные и дорогие усилия по замене изношенных теплотрасс можно заменить какими-то чудодейственными решениями в сфере надстройки — правовой, административной, даже идеологической. Это крайняя степень аутистического сознания и гипостазирования. Воздействие на реальные сущности пытаются заменить манипуляциями со словами и понятиями.

Это выверт истории, болезнь нашей культуры. Цепь исторических обстоятельств привела к тому, что на рубеже веков в России к власти пришла часть элиты с мышлением шамана. Произошел чудовищный откат от рационального сознания и расчетливости к мышлению, которое называется *пралогическим*. Люди с таким мышлением, хотя и бывают очень хитрыми и ловкими, не могут составить в уме цепочки причинно-следственных связей и произвести простейшие расчеты — они не могут ориентироваться в реальном пространстве.

Как одно из главных направлений в преодолении кризиса теплоснабжения власти рассматривают установку в квартирах *счетчиков тепла*. Мол, все беды происходят оттого, что люди платят за тепло на уравнительной основе. 23.01.2003 г. аналитический отдел РИА «РосБизнесКонсалтинг» сообщил о заседании правительства, на котором М. Касьянов указал на «необходимость активнее внедрять счетчики расхода тепла и воды. Как считает премьер, последний шаг способствовал бы большей точности расчетов за соответствующие услуги ЖКХ. В течение двух месяцев соответствующие ведомства должны представить свои предложения по поручению премьера».

При этом власть и «либеральная оппозиция» объясняют это решение нелепыми аргументами — установка счетчиков якобы сократит потери энергии и денег. Вот, например, сообщение из Томской области: «Губернатор В. Кресс в традиционном ежегодном послании Государственной думе Томской области [2002 г.] объявил о начале крупномасштабной программы «Народный счетчик» — установке счетчиков потребления тепла во все жилые дома Томска.

«Поставьте в своих квартирах счетчики, — сказал В. Кресс. — Я на собственном опыте убедился, что за тепло мне выставляю счет в 2 раза больше, чем я его потребил на самом деле. Фактическое потребление горячей и холодной воды по счетчику получается в 1,5 — 2 раза ниже, чем по нормативу».

Не будем говорить здесь о том, что ни технически, ни экономически установить во всех квартирах счетчики тепла невозможно. Не может быть речи даже о том, чтобы снабдить такими счетчиками многоквартирные жилые дома, а не то что отдельные квартиры¹. Допустим, люди этих технических деталей не знают. Мы говорим не об этом, а о мышлении губернатора и правительства.

Даже если признать, что счетчик полезен и доступен, его установка означает улучшение в сфере *распределения*, она никак не влияет на сферу *производства и транспорта* тепла. Счетчик, установленный в квартире, никоим образом не укрепляет изношенную трубу или насос в котельной. Речь ведь идет о том, что горячая вода вытекает из прохудившихся труб где-то вне дома, и при нынешней уравнилельной системе оплаты ущерб от этих потерь раскладывается на всех граждан поровну (хотя и собранных таким образом денег не хватает для ремонта труб).

При помощи счетчика губернатор В. Кресс убедился, что он якобы имеет право не платить городу половину от того, что платит сегодня. Оказывается, не вся горячая вода, за которую он платил, доходила до его квартиры! Он призывает и других граждан в этом убедиться — и не платить за тепло даже ту плату, что с них требует «Томскэнерго». Да здравствуют права покупателя! Каков будет результат, если граждане последуют не здравому смыслу, а призывам губернатора?

Результат очевиден заранее. Ясно, что центр тяжести кризиса лежит в сфере производства и транспорта тепла, и здесь всем ясно, что надо делать — надо заменять трубы. Что произойдет, если внимание власти будет переключено на установку счетчиков, то есть на сферу распределения, на «рыночную» часть системы? Люди потратятся на счетчики, а потом, тыкая в них пальцем, откажутся платить за вытекшую из худых труб воду.

---

¹ Губернатор к тому же явно путает счетчик горячей воды со счетчиком тепла. Одно дело — измерить объем вылитой из трубы воды и совсем другое — измерить количество тепла, излученного батареями отопления. Технически эта задача еще не решена, приборы очень несовершенны и дороги. В рекламном проспекте фирмы, устанавливающей счетчики тепла на жилые здания, сказано, что «стоимость комплекса работ составляет от 50 до 70 тысяч рублей» (на жилой дом). В принципе, большой разницы между домом и квартирой в измерении потребленного тепла нет.

Предприятие «Томскэнерго», которое и сегодня не может справиться с ситуацией и не имеет денег на ремонт теплосетей, получив по счетчикам только половину нынешней суммы, будет объявлено банкротом и ликвидировано. Будут уволены и те ремонтники, что сегодня устраняют аварии, и катастрофа резко приблизится.

И В. Кресс с его сэкономленными 50 рублями останется зимой в нетопленной квартире. Он не хочет оплачивать работу изношенной системы, которая по пути к его квартире теряет часть горячей воды, — а другой, неизношенной, системы нынешняя власть создать не в состоянии. Не тот тип хозяйства! И на месте предприятия «Томскэнерго», которое уничтожат губернатор и его последователи своими счетчиками, никакого другого предприятия с новенькими трубами не появится!

И это установка правительства! На коллегии Госстроя его глава Н. Кошман заявил: «Жители должны платить только за то, что получают, а если теплосеть должна нести тепло, то это ее ответственность» (РИА «Новости», 3 апреля 2003 г.). Витиевато, но понятно. Государство отказывается приводить в порядок теплоснабжение как *целое*, как систему, но и жителям предлагается не поддерживать это целое, а платить только за полученный продукт, для чего и будут установлены счетчики (стоимость которых, кстати, сравнима со стоимостью ремонта труб — всего на порядок меньше). Съез желуди, не думай о дубе!

Чтобы не видеть этих простых вещей, надо иметь особое мышление. В том-то и трагедия, что это мышление овладело довольно широкой прослойкой нашей либеральной интеллигенции. Вот срочная программа, которую 15 января 2003 г. обнаружил Г. Явлинский: «Единственный выход из положения — немедленное начало реальных структурных реформ в ЖКХ. Ключевыми мероприятиями реформ должны стать: освобождение от налогов частных предприятий, занимающихся эксплуатацией и ремонтом жилого фонда и инженерных коммуникаций; снижение на 50% тарифов на коммунальные услуги для товариществ собственников жилья и других форм коллективного домовладения; снижение на 3 года на 75% тарифов на коммунальные услуги для граждан, установивших счетчики».

Какой отход от здравого смысла! Налоги, тарифы, кондоминиумы... Как будто, если снизить тарифы тем, кто установит счетчики, свиньи в теплотрассах зарастут сами собой.

И вот, как результат «мотивации и экономического стимулирования» со стороны правительства, техническая мысль и производственные планы российской промышленности направлены не на улучшение труб, котлов и насосов, а на конструирование и

производство счетчиков. В официальной «*Концепции развития теплоснабжения в России*» (Минэнерго) сказано: «В последние 5 — 6 лет в России наблюдается большой интерес к разработке, производству и установке приборов учета. За этот период внесено в Госреестр средств измерений свыше 200 наименований теплосчетчиков и счетчиков горячей воды и пара для систем теплоснабжения и налажен их выпуск».

Свыше 200 наименований счетчиков! Наконец-то удалось хоть где-то создать конкурентную среду. Кстати, как раз выпуск технических средств для *производства и транспорта* тепла, в отличие от выпуска технических средств для сферы распределения, в ходе реформы парализован.

Приятная жизнь взаймы. Вот случай более фундаментальный — поворот России к «жизни в долг», к большим внешним заимствованиям. С точки зрения здравого смысла, этот поворот был ничем не оправдан и отдает не просто аутизмом, а и безумием. Придя к власти, реформаторы и без того высосали из всех пор народного хозяйства и из карманов населения колоссальные денежные средства. Была прекращена война в Афганистане и прекращена гонка вооружений, которые, как тогда говорилось, стоили нашей экономике чуть ли не 80% ресурсов. В 1989 г. были прекращены капиталовложения в долгосрочные программы (например, энергетическую), а затем и вообще инвестиции в промышленность, транспорт и сельское хозяйство. В 1992 г. были конфискованы сбережения населения, хранящиеся в Сбербанке, размером почти 400 млрд. долларов. Были резко снижены реальная зарплата и пенсии. Был продан золотой запас страны.

Казалось бы, получив такие деньги, правительство не только не нуждалось в займах, но и само могло кредитовать какую угодно страну. Нет, жизнь в долг была именно голубой мечтой. Видный «прораб перестройки», экономист Н. П. Шмелев уже в 1988 г. стал настойчиво пропагандировать жизнь в кредит — он предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Все равно, мол, она ничья.

Он писал: «По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов и при этом остаться платежеспособными... Эти долгосрочные кредиты могли бы быть также (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий»¹.

---

¹ Шмелев Н. Новые тревоги и надежды // Новый мир. 1988. № 4.

Через год, когда остальные «прорабы перестройки» уже втянули страну в кризис, «Известия» (30.10.1989) берут интервью у Н. Шмелева. Корреспондент спрашивает: «Николай Петрович, с вашим именем связывают также предложение по получению многомиллиардных кредитов на Западе, которые можно покрывать за счет... новых кредитов».

Тот отвечает: «После мощной волны шахтерских забастовок ситуация переменялась. Не исключено, что частный банковский мир переведет нас в категорию политически ненадежных заемщиков, так что на солидные займы рассчитывать нам не придется... [Можно взять] под залог нашего золотого запаса, основательно, кстати, пошипанного. Зачем мы его храним? На случай войны? Но если разразится ядерная война, нам уже ничего не нужно будет».

Как вам нравится эта логика? Зачем, в натуре, мы что-то храним? А если война? Давайте уж лучше сегодня пропьем! Любое появление Н. Шмелева на трибуне интеллигенция встречала аплодисментами, он и депутатом стал, и до академика дорос.

Вспомним те годы — никто не желал знать условий, на каких брались займы, никого нельзя было уговорить подсчитать в уме скорость нарастания процентов и прикинуть, какими «облигациями» мы сможем расплатиться за эту колоссальную финансовую аферу мирового масштаба. Между тем долги, которые стала делать команда Горбачева, а затем и Ельцина, уже в 1991 г. превратились в типичные долги «зависимого» типа. Это видно по всем параметрам и условиям этих займов.

И ведь надо признать, что прошло 14 лет, но и следов рефлексии интеллигенции в отношении ее позиции по этому вопросу не видно. Да и не только рефлексии нет, но и нынешним положением с внешним долгом никто не интересуется — верят любой ахинее, которую несет телевидение.

Это умение не предвидеть неприятных последствий своих действий и установок подпитывается *механицизмом* сознания. Он внес в мышление образованного человека веру в обратимость процессов. Из этого возникло ложное ощущение, что даже рискованное решение не слишком важно — все можно поправить, если объективные законы не против. Напротив, люди с мышлением диалектическим знают, что в реальной жизни большинство процессов необратимо. Часто важно в критический момент лишь подтолкнуть ход событий в нужный тебе коридор — и процесс пойдет вопреки всяким «предпосылкам».

Д.э.н., начальник аналитической службы Московской межбанковской валютной биржи В. В. Симонов описывает процесс сползания правительства в долговую яму: «В 1971 г. задолжен-

ность СССР составляла 1 млрд. долл., к 1987 г. она выросла до 40,3 млрд. долл. Соответствие суммы долга экспортным возможностям и ресурсам страны, строгое соблюдение платежной дисциплины обеспечили стране репутацию первоклассного заемщика, ее кредитный рейтинг был высок и стабилен.

Ситуация резко изменилась начиная с 1988 — 1989 гг. С одной стороны, это было вызвано давлением дефицита, подкрепленным авторитетными мнениями отечественных политических деятелей относительно того, что жить «в долг» гораздо приятнее, чем иметь пустые прилавки. С другой стороны, многие западные государства выразили желание давать СССР кредиты «под Горбачева», преследуя при этом и собственные экономические и политические цели»¹.

С 1990 г. РФ втянулась в качественно новый этап. Она, в отличие от СССР, стала уже брать займы «зависимого типа». В 1993 г. внешний долг РФ составил 81,5 млрд. долл. В. В. Симонов приводит таблицу, из которой видны динамика нарастания долга, размеры его обслуживания, условия выплат и т.д. Он пишет: «Наметившаяся тенденция к удлинению сроков кредитования свидетельствовала о том, что руководство страны стало склоняться к попыткам переноса центра тяжести решения долгосрочных проблем экономики на внешние источники финансирования.

При этом внешние заемные средства предоставлялись стране на обычных коммерческих условиях международного рынка ссудных капиталов, и попытки представить эти кредиты как помощь развитию выглядели весьма наивно и в советское, и в ближайшее постсоветское время. Более того, страна получала внешние займы и кредиты на условиях, гораздо более жестких, чем страны с аналогичным уровнем обремененности внешним долгом.

Указанный рост заимствований не сопровождался разработкой сколько-нибудь реальных долгосрочных стратегий использования и погашения задолженности... Гораздо интереснее было читать в «Новом мире» и «Политическом образовании» соображения, скажем, Н. П. Шмелева о благодетельности внешних заимствований для развития хозяйственных процессов».

Действительно, условия займов западные банкиры сильно ужесточили. Льготный период кредитов для СССР в 1986 — 1990 гг. составлял 4,22 года, а для РФ в 1992 г. всего полгода. Агрегированный показатель льготности (так называемый *грант-элемент*) для СССР в 1986 — 1990 гг. был равен 9,8%, а для РФ в 1992 г.

¹ Симонов В. В. Зависимый тип хозяйства при переходе к капитализму: российский опыт (на материалах государственного долга в 80 — 90-е гг.) // Альманах Центра общественных наук (МГУ). 1997. № 2.

4,8%. И все равно, даже на таких условиях ухитрились сделать большие долги.

Правительство РФ повело себя как балбес, промотавший наследство отца, а потом, пользуясь его репутацией, к тому же набравший долгов. Поначалу нашим реформаторам легко давали в долг, так как, по выражению В. В. Симонова, «психологически Россия считается на Западе прямым потомком СССР, унаследовавшим все особенности его поведения на мировых рынках».

В середине 90-х годов положение было таково: «Как государство с явно невысокой платежеспособностью, которое не в состоянии выполнять обязательства по обслуживанию задолженности, Россия столкнулась со всеми последствиями кризиса долга: с отсрочками платежей, реструктуризацией задолженности в рамках Парижского и Лондонского клубов и, наконец, со стабилизационными программами МВФ».

Высокие цены на нефть были для нас подарком судьбы — часть долгов сумели отдать, критический момент пока что пройден. Но разве в сознании людей что-нибудь изменилось? Разве интересуется сегодня население величиной внешнего и внутреннего долга РФ и условиями погашения этих долгов? Нет, все ради новеньких иномарок, которые день и ночь везут нам трейлеры по Минскому шоссе. Россия богатеет! И при том, что за границей хранится большой «стабилизационный фонд» (лежит в банках под 0% годовых), правительство и местные власти продолжают брать внешние займы, часто под 20,5% годовых (например, на ремонт водопровода).

А больше всего берут займов для того, чтобы уплатить «иностранцам экспертам». Так, в июле 2004 г. даже разгорелся спор между министерствами. Газеты пишут: «Сегодня правительство на заседании обсудит программу государственных заимствований на 2005 год... Ведомство А. Кудрина программы доработало, однако, несмотря на это, министерство Г. Грефа по-прежнему осталось при своем мнении и свои возражения снять отказалось. А возражают в Минэкономразвития против того, чтобы решительно отказаться от заимствований у Всемирного банка. Первоначально речь шла о трех займах: обсуждался второй заем на реформирование системы государственной статистики (на эти цели предполагалось привлечь 120 млн. долл.), второй заем на развитие бюджетного федерализма и реформу региональных финансов (на эти цели у банка предполагалось одолжить 100 млн. долл.), а также заем на реформу ЖКХ (этот заем должен был стать самым большим по объему — до 400 млн. долл.). При этом объем последнего займа зависел не столько от масштаба запущенности российского ЖКХ (деньги предполагалось вкладывать

не в канализационные трубы, а в выстраивание новой системы взаимоотношений между потребителями коммунальных услуг и предприятиями ЖКХ, в реформу тарифной политики в области ЖКХ и т. д.), сколько от трудности поставленной задачи»¹.

Виртуальное зрелище — «битва призраков». Навыки аутистического мышления проникли и в толщу массового сознания. Одно из проявлений этого — легкое отвлечение людей от сферы их интересов, переключение внимания на абстрактные сущности и современности, и весьма уже далекой истории. А ведь с выборами В. В. Путина президентом на второй срок для нас кончилось то состояние, которое можно назвать «сон золотой». Образно говоря, «трубы отопления» окончательно прогнили и *что-то надо делать*.

Нас долго готовили к этому сну, а когда мы стали к нему готовы, пришла целая команда гипнотизеров — и нас отправили витать в облаках. На каждый тип людей был свой Кашпировский. Одни поддались песням дуэта Горбачев—Сахаров, другие Ельцина, который мочился на шасси американских самолетов. Когда гипноз стал слабеть и мы вот-вот могли брякнуться на грешную землю рядом с нашим разбитым корытом, вышел В. В. Путин, двинутый на нас слабым мановением руки Ельцина. Он вместо шасси пообещал замочить террористов — и мы на время снова взмыли в невесомость. И воі теперь — пикируем.

Обитая почти 20 лет в мире грез, мы, конечно, видели, что какие-то ловкие люди на земле шарят по нашему дому, увязывают в узлы наши вещи, куда-то их тащат, с опаской поглядывая на облака, в которых мы обитали. Но опасения их были напрасны, мы смотрели на опустошение нашего дома равнодушно. В облаках нам открылись новые истины — и светлые, и черные. О них мы и заспорили. Белая идея, кости царя-мученика, Мавзоль Ленина, купля-продажа матери-земли... Что по сравнению с этим наш бедный скарб или трубы теплосетей! Как можно рассуждать о молоке для нынешнего ребенка, если мы не выяснили, кто виноват в слезинке ребенка столетней давности!

Переходя на суконный язык, можно сказать, что правители сумели вынуть из нашего разума какой-то «чип», ответственный за реалистичное сознание. На поразительно долгий срок у нас была подавлена способность мыслить в категориях *интереса*, способность прикидывать в уме, что нам выгодно, а что невыгодно. Взамен этого в нас взыграло воспаленное *моральное* чувст-

¹ Коммерсантъ. 2004.15.07.

во. На нем и основали те хваткие люди, что таскали узлы с нашим добром, небывалую политическую постройку, в которой перед нами был разыгран спектакль под названием «*Битва ценностей*».

Постройка это была временная, но хватким этого времени хватило. Тут как никогда уместна метафора В. В. Розанова: «Со скрежетом опустился занавес. Спектакль кончился, пора надевать шубы и идти домой. Оглянулись, а ни шуб, ни домов не оказалось». В нашем случае дело не так плохо. Шуб, правда, не оказалось, дом опустел и покосился, но ногами мы уже почувствовали землю. Теперь от нас зависит, сможем ли мы опрокинуть политический балаган, который очаровал нас схваткой «призрака коммунизма с призраком капитализма». Если вернемся к здравому смыслу и вновь начнем говорить на языке интересов, то и друг друга поймем, и ценности вновь обретут жизнь.

Важно разобраться, как мы пришли в состояние такой податливости гипнозу. Тут бы сказать свое слово обществоведам, да они, на нашу беду, в массе своей пошли в услужение к гипнотизерам. Много полезного, однако, можно почерпнуть из исследований социологов «стран СЭВ». Ведь процессы во многом сходные, и даже, судя по ряду признаков, «бархатная революция» ударила их по мозгам сильнее, чем нас. Вот некоторые поучительные для нас выводы их обществоведов, приведенные в ценной книге Н. В. Коровицыной «С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития» (М.: Алгоритм, 2003).

Автор пишет: «Пережив череду глубоких перемен, общество оказалось фактически дезориентированным, в сильной мере вообще лишившись способности к рациональному стилю мышления и поведения... Изменения, произошедшие в странах региона, были столь значительны, что у восточноевропейского человека естественно возникал вопрос: «А есть ли жизнь после перехода?»

Как же люди поддерживали такие действия политической элиты, что их теперь гложут сомнения в самой возможности жизни? О чем они думали, когда аплодировали своим горбачевым? Они ведь наверняка «хотели как лучше». Именно так, но только это «лучше-хуже» они не мыслили в разумных земных понятиях и измерениях.

Давайте еще прочитаем грустные выводы их ученых: «Оппозицию коммунистическому режиму в Польше, как впоследствии и в других странах региона, составляли не конкретные социальные силы и не интересы отдельных групп общества, а эмоционально окрашенные идеалы и ценности... Вся общественная жизнь была пронизана мифологизмами, а массовые протесты имели характер преимущественно символический... Преобладало мнение,

что рано или поздно ситуация исправится автоматически как «естественное вознаграждение за принесенные народом жертвы». Сам протест выражался языком «морального сюрреализма»... Марксизм-ленинизм и построенный на его основе социализм превратились в социалистический гуманизм и базирующийся на нем «социдеализм»... Причем жители крупных польских городов, «передовая» часть общества, обладали наиболее нематериалистическим складом мировоззрения... Господствовало ощущение преддверия новых грандиозных перемен, «атмосфера нарастающего праздника».

Разве мы не узнаем самих себя в этих описаниях? Ведь и мы пошли за дудочкой Горбачева из самых добрых побуждений. Польский социолог пишет: «Коллапс «реального социализма» произошел не в результате отказа от ценностей современного гуманизма, а, напротив, благодаря радикальному и последовательному следованию им».

Об интересах забыли, а «слезинку ребенка» взвешивать аморально — и она на весах хватких политиков перевесила жизнь миллиона реальных детей. Что же приготовило и нас, и поляков к такому не совместимому с жизнью «гуманизму»? Многие стороны бытия в нашей прежней системе. В частности, отход от «низкого» реализма. Сказано в той же книге: «Образованную восточноевропейскую молодежь 1970-х годов, выросшую в условиях государственного и семейного патернализма, отличало и от всех предшествующих, и от последующего поколения ощущение финансово-экономической и физической безопасности, близкое к абсолютному».

Теперь «образованная молодежь» упала на землю. Давайте, потирая шишки, извлекать уроки и делать выводы. У нас они поневоле будут иными, чем у поляков. Их Запад берет к себе — посчитал, что это для него будет дешевле. Нас туда не возьмут, надо обустраиваться у себя дома. И первым делом закончить маскарад и «войну призраков», перейти на жесткий язык интересов. Это и есть то новое состояние, в котором мы обязаны жить после 14 марта. Обязаны!

До сих пор мы следовали кто за призраком «демократии» или «рынка», кто за призраком «коммунизма и справедливости», а над первым сроком В. В. Путина витал призрак «государственности». При его последнем взмахе крыльями и прошел В. В. Путин на второй срок. И все! Кончились полеты во сне и наяву. Достанем карту нашей реальной местности. Вглядимся в нее и увидим на ней разломы и пропасти — противоречия и конфликты интересов реально существующих в нашем обществе социальных групп и группок. Из этой карты и надо исходить, с ней и

надо идти на переговоры, а если в них отказывают — то и на войну. Выиграем войну идей — и все миром обойдется.

Отрешиться от прежних иллюзий и «атмосферы нарастающего праздника» очень трудно, но надо, и как можно скорее — мы уже сильно опоздали. «Хваткие люди» давно уже мыслят трезво, причем именно в терминах войны. Почитайте одного из бригады гипнотизеров, который пиликал нам на дудочке про демократию, — Л.Радзиховского. Он пишет в «Российской газете» (2.03.2004), рисуя образ «государственности второго срока»:

«Нет, правительство в России не «достойно народа». Оно, как правило, куда цивилизованнее и ответственнее народа, по крайней мере, огромной его части. Меня легко обвинить в «народофобии». Что ж, могу вслед за классиком «печально согласиться»: «Да, я не люблю пролетариата». Есть в России тонкий, хотя, конечно, куда более массовый, чем 100 лет назад, слой «приличных людей»... Я, естественно, принадлежу к этим людям. Но, повторяю, власть, грубая, часто раздражающая и беспардонная бюрократия — это единственное, что худо-бедно отделяет нас, мирных и мягкотелых, от куда более грубой и агрессивной толпы. Сами себя мы защитить не можем, никакого гражданского общества у нас нет».

Нет у этого «приказчика элиты» уже и следов гуманизма, социализма и морального сюрреализма. Он гордится своей «народофобией» — ненавистью к народу. Интересы его и его хозяев настолько противоречат интересам подавляющего большинства граждан России, что он сбрасывает все маски — их, «мирных и мягкотелых», смогут защитить от этого большинства лишь чьи-то дубинки и штыки. Потому-то так торопятся они ликвидировать армию по призыву и создать «профессиональную» армию. Пустая затея, не успеют они воспитать таких пригодных им «профессионалов».

Какую же жизнь готовит для нас этот певец демократии? Россию он видит так: «В стране — три силы: бюрократия; кисель, не сложившийся в структуры гражданского общества; полудреmlющая охлократия. И ослабление бюрократии вполне может пойти на пользу как раз охлократии, той самой третьей силе... Я убежден, что «просвещенный абсолютизм», «конституционная монархия» (под современными «шапками») — вот оптимальный строй для сегодняшней России. В политике, как и в социально-экономических отношениях, нам не по карману современные европейски-социалистические стандарты. В нашей системе одно соответствует другому: методы войны в Чечне, отношения «работодатель — работник», уровень разрыва между 25 миллиарде-

рами и 25 миллионами нищих... Это очень опасно и плохо — но выше головы не прыгнешь».

Итак, интересы этой части общества изложены ясно, для них «оптимальный строй» — 25 млн. нищих и 25 миллиардеров под защитой штыков «просвещенного абсолютизма». Надо подчеркнуть, что эти интересы изложены в официальном органе правительства РФ «Российской газете». М. Е. Фрадков и В. В. Путин обязаны выразить свое отношение к формулировкам их собственного органа. Молчание же придется принять как знак согласия.

Теперь очередь и другим «силам» выработать и изложить свои интересы, определить свое понимание «оптимального строя» — ясно, просто, не вдаваясь в споры о гуманизме. И для этого надо прежде всего стряхнуть с себя магию слов. А то скажет какой-то Радзиховский, что он выступает от имени тонкого слоя «приличных людей», а мы — толпа, охлос, и мы застесняемся или обидимся. Да плевать на эти уловки! Никакой это не «приличный человек», а обычный приказчик сытой сволочи, и цена ему пятак.

Что мы на переговорах можем этим «мирным и мягкотелым» противопоставить — вот вопрос. Будем над ним думать, не витая в облаках, — обязательно придумаем.

Глава 9

АУТИСТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Отказавшись от этикетки исторического материализма, постсоветская гуманитарная интеллигенция внедряет в сознание людей ту же самую структуру мышления, что и раньше. На деле получается гораздо хуже, чем раньше. Профессора, превратившиеся в «либералов», при отказе от истмата вовсе не выплеснули с грязной водой ребенка. Они выплеснули *только* ребенка, а грязной водой продолжают промывать мозги студентам. И грязь этой воды, при отсутствии материализма истмата, порождает чудовищную мыслительную конструкцию. Можно назвать ее *механистическим идеализмом*.

Утрата материалистического фундамента при анализе действительности и отказ от диалектического принципа выявления главных противоречий особенно сказываются при трактовке нынешнего политического положения в России — оно ведь представляет собой именно клубок *противоречий*.

Слово *политика* происходит от греческого *pylis* — государство. Политика — государственные дела. Сфера их очень широка,

но ее ядром является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти. Политика — необходимый «срез» жизни сложного (гетерогенного) общества, в котором существуют и взаимодействуют разные социальные группы, разделенные по классовым, национальным, культурным и другим признакам. Идеалы и интересы, соединяющие людей в эти группы, различны. Во многих случаях эти различия дозревают до стадии антагонизма.

В чем суть политики? Если говорить о легитимной власти, то ее сверхзадача — гарантировать существование и развитие страны (народа) с сохранением ее пространственно-культурной идентичности. Как говорил Менделеев в отношении России, «уцелеть и продолжить свой независимый рост». Чтобы этого достичь, нужно согласовать интересы разных групп — наиболее «дешевым» способом из всех доступных.

Лучше всего, конечно, осуществлять конструктивное разрешение противоречий, творческий синтез, ведущий к развитию. Если для этого нет творческих и материальных ресурсов, политики ищут компромисс — противоречие смягчается, «замораживается» до лучших времен. Если и это не удастся, собираются силы, чтобы подавить несогласных. При этом неприятные последствия откладываются на будущее. На какое будущее, зависит от остроты кризиса и масштаба времени, которым оперируют политики. Иногда на несколько поколений, как было перед войной в 30-е годы, иногда хоть на пару месяцев, как в октябре 1993 г.

В общем, идеалом власти всегда является достижение гражданского согласия и прочного мира. Это удастся редко, и придется довольствоваться гражданским перемирием. Переговоры о его продлении — ежедневный труд политиков. В общем, как сказано в фундаментальном труде «История идеологии», по которому учатся в западных университетах, «демократия есть холодная гражданская война богатых против бедных, ведущаяся государством». В этой формуле выражено со свойственным Западу дуализмом главное противоречие гражданского, то есть классового, общества.

Эта формула для нас не годится — нам все уши прожужжали о том, что отродясь не было и нет в России ни демократии, ни гражданского общества. Но что-то ведь есть! Об этом бы и надо нам говорить, следуя нормам рационального мышления. Ведь это первый шаг к познанию реальности — увидеть «то, что есть», а потом уж рассуждать о «том, что должно быть».

Тут первый камень преткновения всего нашего общественного — либерального досоветского, марксистского советского и нынешнего антисоветского. Оно просто *не видело* факты и про-

цессы, о которых не было написано в западных учебниках. А если и видел, не имело слов, чтобы их объяснить или хотя бы описать.

Этот фильтр стал важной причиной той катастрофы, которую потерпела политическая система России в начале XX века. Маркс сказал, что крестьянин — «непонятный иероглиф для цивилизованного ума», а в понятиях марксизма мыслила тогда вся наша интеллигенция, включая жандармских офицеров. И вот государство направляет свою мощь на разрушение крестьянской общины, а кадеты с эсерами начинают Гражданскую войну против Советов, этой общиной порожденных. Чаянов пытался растолковать марксистам этот «иероглиф», но его поставили к стенке (хотя и не за это), а самим крестьянам навязали модель колхоза, срисованную с кибуца — потому что «цивилизованный ум» прославил кибуцы как шедевр социальной инженерии. Хорошо хоть, что быстро выправили ошибку.

Член ЦК партии кадетов В. И. Вернадский написал в 1906 г.: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство». И что же? Политическая система царизма, не пытаясь понять этого сфинкса, своими руками шаг за шагом превращала армию в могильщика монархической государственности. Потом этот же путь «исходили до конца» и Керенский с Корниловым. Ведь вожди Белого движения так построили свою армию, что, по выражению В. В. Шульгина, пришлось «белой идее переползти через фронты Гражданской войны и укрыться в стане красных».

Какое-то время советская государственность продержалась на творческой мысли первого поколения революционеров, «преодолевших Маркса», на опыте старых генералов и бюрократов, на здравом смысле «рабоче-крестьянской» номенклатуры. Но уже в 60-е годы наступила более или менее сытая и благополучная жизнь, сменилось поколение и произошла, по выражению М. Вебера, «институционализация харизмы» — политическая машина катилась сама собой, без революционного задора и творчества, но и без тяжеловесной крестьянской логики. Андропов издал крик отчаяния: «Мы не знаем общества, в котором живем!»

Вот с такой научной базой стали политики перестраивать советское общество, причем методом слома и ампутации. При этом они пользовались западными учебниками и «чертежами», не располагая тем запасом неявного знания, который есть у западных политиков и без которого эти учебники вообще не имеют смысла. Когда в конце 80-х годов начали уничтожать советскую финансовую и плановую системы, «не зная, что это такое», дело

нельзя было свести к проискам агентов влияния и теневых корыстных сил (хотя и происки, и корысть имели место). Правительство подавало нашептанные «консультантами» законопроекты, народные депутаты из лучших побуждений голосовали за них, а им аплодировали делегаты съезда КПСС. Политики, размахивая скальпелем, производили со страной убийственные операции — то тут кольнут, то там разрежут. И все приговаривая: «Эх, не знаем мы общества, в котором живем, не учились мы анатомии». Вот и катимся мы сегодня в инвалидной коляске, мычим и куда-то тянемся культей...

Что же изменилось со времен перестройки? Эмпирический опыт получен огромный, причем на собственной шкуре — живого места нет. Казалось бы, после таких экспериментов должны мы были бы познать самих себя. Нет, это знание так и остается на уровне катакомбного. Где-то в мрачных кельях его обсуждают вполголоса, а политики так и продолжают с гордостью говорить о «неправильной стране» и «неправильном народе». Правда, теперь в щадащих выражениях: «а вот в цивилизованных странах то-то...» или «а вот в развитых странах так-то...». Эта «неправильность» России для политиков служит безупречным оправданием любой их глупости. Неправильный народ пока что виновато переминается с ноги на ногу.

Недавно на совещании преподавателей обществоведения зав. кафедрой политологии объясняла, какие полезные курсы читаются студентам — «их учат, как надо жить в гражданском обществе». Ее спросили: зачем же учат именно этому, если у нас как раз гражданского общества нет? Почему не учить тому, что реально существует? Она удивилась вопросу, хотя и признала, что да, далеко нам до гражданского общества. Почему же она удивилась? Потому, что проведенная за последние 15 лет кампания привела к деградации структур рационального мышления — его аутистическая компонента вытеснила реалистическую.

Одним из следствий этого стало странное убеждение, что «*неправильное — не существует*». Гражданское общество — правильное, но его у нас нет. Значит, ничего нет! Не о чем думать и нечему тут учить. Вспомните, например, как стоял вопрос о характере советской правовой системы. Советское государство? Неправовое! Не было у нас права, и все тут. Подобный взгляд, кстати, стал одной из причин кризиса политической системы России в начале XX века. И либералы, и консерваторы восприняли дуалистический западный взгляд: есть *право* и *бесправие*. Требования крестьян о переделе земли они воспринимали как неправо-вое. На деле правовая система России была основана на триаде *право — традиционное право — бесправие*. А земельное право, ко-

тому следовал общинный крестьянин, было трудовым. Не видя реальной структуры действующего в России права, и власть, и либеральная оппозиция утратили возможность диалога с крестьянством (80% населения).

Точно так же советская либеральная интеллигенция времен перестройки, уверовав в нормы цивилизованного Запада, стала отрицать само существование в СССР многих сторон жизни. Настолько эта мысль овладела интеллигентными умами, что на телевидении элегантная дама жаловалась на то, что «в Советском Союзе не было секса».

Таким образом, от незнания той реальности, в которой мы живем, наш политический класс перешел к отрицанию самого существования реальности, которая не согласуется с «тем, что должно быть». У наших политиков это стало своеобразным методологическим принципом. Этому есть масса красноречивых примеров из рассуждений самых видных политических деятелей и близких к ним обществоведов.

Ясно, что нынешний кризис в России порожден противоречиями, не находящими конструктивного разрешения. Но политики категорически отказываются от выявления и обнародования главных противоречий. Они предпочитают видеть кризис не как результат столкновения социальных интересов, а как следствие действий каких-то стихийных сил, некомпетентности, ошибок или даже недобросовестности отдельных личностей в правящей верхушке. При этом исчезает сама задача согласования интересов, поиска компромисса или подавления каких-то участников конфликта — «политический класс» устраняется от явного выполнения своей основной функции, она переходит в разряд теневой деятельности. Для прикрытия создается внесоциальный метафорический образ «общего врага» — бедности, разрухи и т.п.

Вот, например, какую концепцию отстаивает начиная с 2000 г. председатель Аграрной партии России М. И. Лапшин: «Рецидивы баррикадного сознания всем нам нужно скорее преодолевать. У нас сегодня один общий противник: разруха и развал, и именно с ним крестьянству и власти нужно сообща, засучив рукава, вместе бороться».

Противник — разруха! Как будто это не социальное явление, а какое-нибудь стихийное бедствие. Можно, конечно, не помнить классовой борьбы, но нельзя же политику не видеть, что разруха создана действиями конкретных сил, она им нужна, позволила кое-кому составить огромные состояния и поэтому вовсе не является «общим» противником. Отказ от рационального подхода к анализу социальных явлений приводит к странной сентиментальности.

Вот что мы слышим на пленуме ЦК Аграрной партии России от ее председателя: «Мы — партия, берущая свое начало в глухой деревеньке, в рубленой сельской избе, на плодородной крестьянской ниве... Наши традиционные, вековые, консервативные по своей природе крестьянские идеалы и принципы не совпадают с задачами пролетарской партии».

И эта слашавая байка — в условиях разрухи. Какая там глухая деревенька, рубленая изба, плодородная нива! Кто не знает, что «начало АПР» — в Тимирязевской академии, совхозе «Гигант» и сельскохозяйственном отделе обкома КПСС? Но это лирика, а главное — тезис о том, что крестьянам якобы не по пути с «пролетариатом», вековые идеалы, мол, разные. Что за вековые идеалы и принципы, какого они века? Куда занесло разумного человека, окончившего нормальный советский вуз?

Уход от материализма, хотя бы он и был вульгарным, на уровне здравого смысла, сразу сдвигает сознание во власть приятных иллюзий. То, что произошло с лидерами АПР, очень показательно. В их программных заявлениях возник странный провал в представлениях о том, что происходит в России, они просто витают в облаках. Вот теперь их программа: «Главная задача — добиться создания достойных условий функционирования агропромышленного комплекса в условиях складывающейся рыночной экономики, обеспечить защиту внутреннего рынка от продовольственной экспансии, гарантировать бюджетную поддержку крестьян на всех уровнях власти, законодательно ввести паритетные отношения между городом и селом. Рынок по Чубайсу и Гайдару за десять лет принес колоссальные беды и разрушения в российское село».

Начнем с конца: докладчик ругает «рынок по Чубайсу» и уповает на «складывающуюся рыночную экономику», то есть на «рынок по Грефу», которого либеральная пресса назвала «Чубайс в квадрате». Рынок по Чубайсу был шадящим для села, он содержал в себе еще очень много «достижений социализма», которые пришел отменить Греф. Известно, сколько наше село платило за электричество и газ до 2002 г. — ровно десятую долю их реальной рыночной цены. Кто же оплачивал разницу? Государство — за счет всего общества. Это, кстати, называется «уравниловка», которой, по мнению М. И. Лапшина, не желают селяне.

А что такое «бюджетная поддержка крестьян на всех уровнях власти»? Это тоже пережиток советской «уравниловки», которую М. И. Лапшин призывает искоренить. И как можно в условиях рынка требовать, чтобы государство административными средствами (законодательно!) ввело паритетные отношения между городом и селом? Как себе это представляет председатель АПР,

если вся торговля и почти вся промышленность теперь находятся в частных руках? Он и сам понимает, что предлагать это от «рынка» глупо. Поэтому он уповает на «полномочия президента, правительства и другие способы». Иными словами, просит в отношении сельского хозяйства отменить рынок и ввести командно-административную систему.

Все эти требования вполне уместны в устах оппозиции. Но оппозиция указывает на источник средств для поддержки села, хотя бы возвращение в казну доходов от природных ресурсов России (нефти, газа и т.д.). Это М. И. Лапшин называет «рецидивом баррикадного сознания», он стоит за тот строй, при котором капиталы из России неизбежно утекают за рубеж. Именно неизбежно, а не из-за аморальности олигархов. И все его рассуждения поэтому иррациональны, *некогерентны* — в них имеет-ся внутреннее противоречие¹.

Таким же врагом-призраком, как *разруха* у М. И. Лапшина, выглядит в программе В. В. Путина *бедность*, с которой надо вести общенародную борьбу. Эта доктрина стала выражением того расщепления сознания, каким отмечено мышление политической элиты. Ведь бедность половины населения в нынешней РФ — это не наследие прошлого. Она есть следствие *обеднения* и буквально «создана» в ходе реформы. Известны социальные механизмы, посредством которых она создавалась, и политические решения, которые запустили эти механизмы. В этом суть экономической реформы, и если эта суть не меняется, то она непрерывно воспроизводит бедность. Поэтому «борьба с бедностью» несовместима с «неизменностью курса реформ».

Очевидно, что создать огромные состояния и целый слой богатых людей в условиях глубокого спада производства можно только посредством изъятия у большинства населения значительной доли получаемых им в прошлом благ, что и стало причиной обеднения. Это и служит объективным основанием социального конфликта — независимо от степени его осознания участниками. Следовательно, борьба с бедностью предполагает неизбежное изъятие значительной части богатства у разбогатевшего меньшинства. Есть ли признаки готовности политической верхушки хотя бы к диалогу по этой проблеме? Нет, до сих пор никаких признаков не возникло.

Механистический идеализм, вытеснивший реалистичное рациональное мышление, представляет собой общую проблему.

---

¹ В этих рассуждениях нарушена также мера. Никакой реальной «бюджетной поддержки» власть селу оказать не может — масштаб потерь села просто несопоставим с ее возможностями.

Сейчас, когда левопатриотическая оппозиция практически исключена из публичной политики, этот изъян в ее доктринах в глаза не бросается, однако он далеко еще не преодолен. А в то время, когда оппозиция имела достаточно мест в Госдуме для активных законотворческих инициатив, этот идеализм был виден.

Расскажу о попытке разработки и принятия очень нужного закона «О высшем совете по нравственности на телевидении и радиовещании». Закон этот был в 1999 г. принят и Госдумой, и Советом Федерации, но на него наложил вето Ельцин. Он сделал правильно — чтобы не усложнять ситуацию и не привлекать внимания к самой проблеме, которой касался закон. Сам-то он был для режима Ельцина не страшен. Вот об этом речь — ведь закон был выработан в лоне оппозиции.

Любой закон имеет целью ввести в рамки права какое-то общественное противоречие — так, чтобы оно не стало разрушительным для общества в целом или для какой-то его части. Инициатор принятия закона в парламенте стремится силой закона или подавить одну сторону в общественном конфликте (таковы обычно инициативы власти) — или найти компромисс, оговорив права каждой стороны.

Если же в законе главное общественное противоречие, регулировать которое он призван, замаскировано или не названо, то и механизм его действия приходится скрывать. Законодатель апеллирует к некоему «абсолютному» представлению о добре и справедливости. В таком законе всегда заинтересована именно власть, обладающая реальной силой, но никак не оппозиция. Такие законы или не действуют, или закрепляют «неявное» подавление одной стороны с устранением всякой возможности рационального диалога и рациональной борьбы сторон¹.

В законе «О Высшем совете», предложенном оппозицией, статья 3 гласила: «Деятельность Совета направлена на защиту нравственности и культурных ценностей, утверждение веры в добро и справедливость». Уже эта формулировка сразу выводила Закон за рамки рациональности и лишала его силы. В ней применены понятия, суждение о которых не входит в компетенцию государства. Например, закон не может никому предписывать «утверждение веры в добро», ибо вера есть область, не регули-

---

¹ В условиях, когда в обществе возник острый и устойчивый конфликт именно в области ценностей и особенно в представлениях о добре и справедливости, данный закон неминуемо будет служить средством подавления в руках той стороны, которая владеет рычагами исполнительной власти и финансовыми средствами. Законопроект, предложенный депутатами-патриотами, будь он принят, работал бы именно против патриотов.

руемая законом (если государство не является теократическим). Закон регулирует поведение, то есть действия граждан и организаций, а не их представления о добре и зле.

Нравственность представлена в законе как *внесоциальная* категория, относительно которой в обществе сегодня нет конфликта. Закон исходит из предположения, что тот подрыв нравственности и культурных ценностей, который, по мнению оппозиции, имеет место на телевидении, есть следствие безнравственности или невысокого культурного уровня лиц, который пришли к руководству телевидением.

В действительности российское телевидение, как и в других странах, проводит целенаправленную политику, цель которой — установление культурной гегемонии правящего режима, без которой его власть не может стать устойчивой. Прямого отношения к морали руководства это не имеет (исследования на Западе показали, что руководители телевидения высокого ранга запрещают своим детям и внукам смотреть телевизор, за исключением малого числа спокойных познавательных программ «советского» типа). Попытка изменить эту политику — проблема *политической* борьбы.

Рациональным подходом было бы не создание Совета старейшин, способного судить о нравственности или безнравственности тех или иных ценностей, а соглашение о разделении эфира и технических средств для утверждения главными общественными силами их ценностей и представлений о нравственности, добре и справедливости — их собственными художественными и интеллектуальными силами, а не через враждебных им интерпретаторов.

Закон мог бы также ввести в определенные рамки «накал» утверждаемых ценностей, установить «мораторий» на экстремизм. Например, запрещать «пропаганду социальной вражды» — это чистой воды тоталитаризм, он неприемлем и нереален в нынешних условиях¹. Другое дело — ввести эту пропаганду в правовые рамки, как это и делается в западных законах о телевидении: через требование разделять *информацию* и *мнение*; через право неприкосновенности личного образа; через право на опровержение.

Закон, вводящий в рамки права социальные противоречия (в данном случае в культурной сфере), обязывает разные политические силы открыто связать себя с альтернативными ценностями, так чтобы каждая передача шла под собственным знаменем.

---

¹ И власть, и оппозиция выполняют в демократическом обществе задачу «возбуждать социальную вражду» — к тем действиям, которые они считают антиобщественными.

Например, «советская» часть общества могла бы сама подбирать для демонстрации советские и иностранные фильмы или музыкальные композиции, сама их комментировать и т.д. Напротив, те силы, для которых порнография и фильмы ужасов являются важным инструментом принижения человека с целью господства, вынуждены были бы взять на себя ответственность за показ этой продукции, а сейчас она показывается безлично, это как бы требование рынка, уступка порочности каждого человека.

Рациональный законопроект от оппозиции вместо декларации несуществующего морального единства признал бы наличие противоречий и ввел в рамки права конкуренцию конфликтующих систем нравственности и культурных ценностей. Даже если левая и патриотическая часть общества при этом получила бы немного времени, она выиграла бы, потому что это было бы *ее* время, не загаженное посредниками. Ведь даже выступая иногда на шоу Познера и Шустера, политики оппозиции не имеют возможности высказать связно ни одну серьезную мысль — структуру рассуждений задают ведущие.

Не в интересах оппозиции и вводить в закон юридически неопределимые понятия, которые фактическая власть сможет трактовать в свою пользу. Сила оппозиции всегда в максимальной ясности и логичности. При двусмысленных формулировках любой пункт может быть истолкован властью именно в ее интересах. Фильм о Сталинграде может быть представлен как пропаганда войны, а «Гамлет» — как пропаганда насилия. Например, что значит упомянутое в Законе «утверждение любви к Отечеству»? Нам скажут, что президент Ельцин — символ Отечества и всякое выступление на телевидении или радио, которое подрывает любовь к этому символу, противозаконно.

Рациональным подходом было бы наложить с помощью закона запрет на сообщения, оскорбляющие ценности законопослушных частей общества. Для этого следовало бы ввести в закон право выносить оценки о том, является ли сообщение оскорбительным, именно авторитетным представителям «оскорбляемой» субкультуры или группы. Например, является ли фильм Скорцезе оскорбительным для православных, имела ли право судить именно Православная церковь, а не просвещенные атеисты или иудеи. Является ли карикатурное представление Ленина оскорбительным, имели ли право судить именно приверженцы Ленина, а не Новодворская, и т.д.

Скорее всего, рядовые депутаты от оппозиции, обсуждая и голосуя за закон, в котором было замаскировано то главное противоречие, которое он предполагал ввести в рамки права, даже

не заметили этой проблемы. Но председатель комитета Госдумы по культуре, который готовил закон (С. Говорухин), проводил эту линию сознательно и умело. 27 марта 1999 г. на НТВ провели съемки передачи «Суд идет» — как спектакль рассмотрения иска Фонда защиты гласности (А. Симонов) против Госдумы, принявшей закон. Ответчика представлял С. Говорухин, меня позвали быть его свидетелем. Вопреки ожиданиям, фарс обернулся тяжелым и упорным спором, он длился 5 часов. Шендерович от имени «истца» заявил прямо и ясно, что отвергает главный устой русской культуры — существование совести, скрепляющей людей в народ. Нравственность, мол, личное дело каждого, поэтому никакого права давать нравственную оценку делам индивида народ, общество и государство не имеют. Такая оценка есть тоталитаризм и цензура.

На это фундаментальное заявление Говорухин ответил доводом второстепенным: «Нравственность — это правда». Мол, сегодня телевидение в руках олигархов, возникают зоны умолчания (как в случае приватизации, банковских пирамид, болезни Ельцина и т.п.), правда искажается, и это безнравственно. Такая трактовка — уход от главного противоречия, она не отвергает кредо Шендеровича, Говорухин лишь просит плюрализма — он даже назвал, кого следовало бы допустить до экрана — Абалкина, Бессмертных.

Совещаясь, я предлагал задать Шендеровичу вопрос: считает ли он, что индивид имеет право сбросить на публике штаны и показать всем голый зад? Если нет, значит, это не личное дело, общество имеет право защитить себя от такого зрелища, вводя понятие «оскорбление нравственности» — цензуру. Но в этом примере видно, что нравственность не сводится к правде (наоборот, штаны как раз скрывают правду, создают «зону умолчания»). Говорухин это предложение отверг.

У Говорухина «правда» сводится к достоверной информации («у Ельцина был инфаркт»). Относительно такой правды не может быть нравственного конфликта, а есть лишь проблема неполного знания или недобросовестности в его сообщении. Здесь ли корень той драмы в сфере нравственности, что переживает Россия? Совсем нет. Нравственность есть «истина целостного духа», иными словами, «правда и добро». Если так, то довод Шендеровича несостоятелен, потому что понятие *добра* не есть достояние индивида, это плод культуры, создаваемой и хранимой народом.

Говорухин помог Шендеровичу скрыть тот факт, что в России, в ее культуре произошел именно раскол, который не сводится к жадности, подлости, некомпетентности или глупости одной какой-то части (хотя все это имеет место и усложняет обстановку). Он проходит по самому ядру ценностей и разделяет людей

по их отношению к главным проблемам — проблемам бытия. Люди занимают разные позиции не потому, что неполна «правда» и они лишены информации, а вследствие своего нравственного выбора. Иными словами, в России возникли две разные системы нравственных ценностей, каждая из которых обретает свое знамя и свой язык. Раскол этот созрел давно, и советский период был исторически недолгим восстановлением единства.

Называть безнравственной ту часть народа, которая исповедует противные тебе ценности, — наивно. Примерно так же наивно, как, например, называть «бездуховным» Запад. Можно, конечно, для маскировки назвать противников «аморальными» — в том случае, если они настолько слабы, что их можно подавить, опираясь на сильное большинство единомышленников. Если же расколотые части общества примерно равны по силе (численность не так уж важна), то такой подход неразумен, ибо он исключает компромисс. Что же остается, если ты не можешь подавить противника и не ищешь соглашений? Тупик.

Что происходит, когда политики оппозиции не признают наличия раскола общества в сфере нравственности? Они, сами не всегда это осознавая, принимают ценности тех, кто обладает властью и собственностью. Значит, на деле они становятся соучастниками власти в управлении, хотя могут и обязаны бороться с властью по второстепенным вопросам: об отставке негодного чиновника, борьбе с преступностью или своевременной выплате зарплаты. Поскольку на деле часть общества, которую представляет оппозиция, исповедует непримиримо иные ценности, никакого шанса на победу такая оппозиция не имеет — к ней относятся довольно равнодушно. А если ей и передают власть через выборы, положение в обществе принципиально не меняется — в главном новая власть продолжает прежнюю политику. Ибо в главном политика определяется ценностями.

Конечно, левая оппозиция заявляет, что она привержена идее социальной справедливости. Но само по себе это пустой идеологический призрак, то же самое говорят и Гайдар, и Ходорковский. Никто себя не назовет несправедливым и безнравственным. Важна расшифровка. Левые теперь за рыночную экономику и против уравниловки? Отсюда и выводится профиль нравственности. В чем справедливость (нравственность) рынка? В двух вещах: полная свобода сделки (хочу — покупаю, хочу — нет) и ее честность (без обвеса и обсчета).

В рыночной экономике несправедливо и безнравственно платить зарплату шахтерам за то, что они производят уголь, который дешевле купить в Австралии. Им платят лишь потому, что нарушена свобода сделки (дорогой уголь Кузбасса покупают под дав-

лением политики). Им платят, вырывая кусок у других граждан, — создают уравниловку. В рыночной экономике безнравственно давать жителям дотации на оплату воды и отопления. Пусть оплачивают покупаемые ими блага полностью. Почему у Брынцалова, который живет в своем доме, отнимают в виде налогов деньги, чтобы оплатить тепло для жителей пятиэтажек в какой-нибудь Вологде? Несправедливо наказывать фирму, которая прекратила подачу тепла во Владивостоке по той причине, что за это тепло ей не платили. Где же здесь свобода сделки и где честная оплата за взятый товар? Не желаешь платить — не надо, ставь печку, разжигай костер. Ты свободен! Немцов и Греф с их реформой ЖКХ абсолютно честны. Свобода сделки и эквивалентный обмен — не безнравственность, а именно стройная и непротиворечивая система нравственных ценностей.

Я лично, как и многие, отвергаю эту нравственность, я отвергаю ценности рыночной экономики, я требую уравниловки! Я считаю, что право жителей Вологды на жизнь и тепло ценнее, чем свобода сделки. Заявив это, я могу с ясной головой звать людей, которые со мной согласны, оказать давление на Грефа и добиться компромисса с ним. А если окажется, что нас много, то и подавить его. Но если я ценности Грефа разделяю, то моя борьба с ним — спектакль.

Не буду здесь углубляться в саму проблему свободы слова и цензуры. Отмечу только, что оппозиция не осмеливается отвергнуть кредо Шендеровича открыто и исходя из чисто рациональных оснований. Ведь без цензуры не существует общества. Полная гласность (например, возможность читать мысли друг друга) сделала бы совместную жизнь людей невозможной. Наличие запретов, реализуемых через какую-то разновидность цензуры, является условием сохранения любого общества. Что можно, а что нельзя говорить и показывать на публике, определяется культурными устоями. Если эти устои в разных частях общества резко различаются, нужно ввести конфликт в рамки права — заключить соглашение. Вместо того чтобы клясться в своей ненависти к цензуре, следовало бы признать наличие культурного противостояния и вести переговоры о согласованных запретах на агрессивное выражение своих ценностей. А раз «мы тоже против цензуры», то почему бы шендеровичам не показать Россию в виде свиньи, которую режут?

Оппозиция что-то говорит о «цензуре совести». Но Сванидзе или Познер и не идут против своей совести, просто она у них совсем другая. Цензура их совести меня от издевательств не защищает, и я требую цензуры закона. Мне же одна сторона отвечает, что пока ОМОН послушен, плевать на меня хотели. А другая

сторона отвечает, что «нравственность — это правда». Так как проблема достоверности и проблема издевательства лежат в разных плоскостях, то рационального разговора не получается.

На мой взгляд, в ходе перестройки и реформы были допущены действия в сфере сознания, которые нанесли сильные удары по обществу в целом. Хотя в краткосрочной перспективе они дали преимущества каким-то небольшим или даже маргинальным социальным группам, эти преимущества сопровождались столь глубокой деградацией самой «среды обитания», что и господствующее меньшинство оказывается беззащитным перед возникающими угрозами (а некоторые угрозы даже наиболее опасны как раз для этого меньшинства).

С другой стороны, ни в какой части общества конфликт не дозрел до такого состояния, чтобы она была готова запустить самоубийственные процессы и, обняв врага, броситься с ним в пропасть. Таким образом, пока что в обществе существует общий интерес — не допустить развития конфликтов до перехода пороговых критических точек, за которыми начинается лавинообразный процесс. Для этого требуется «починка сознания» — как массового, так и в политически активной части населения, прежде всего в политической элите. Это именно в общих интересах. Только решив эту задачу, политики смогут овладеть объектом своей деятельности — трезво представлять себе «карту противоречий» и структуру стоящих за ними социальных сил. Лишь в этом случае возможны реалистичная и рациональная постановка целей, учет непреодолимых ограничений, расчет сил и средств, выбор оптимальной альтернативы.

Сегодня главное дело интеллигенции — не ведение боевых действий в социальной и политической сфере, а создание того пространства, в котором боевые действия любой политической силы будут поставлены под контроль разума, будут планироваться на языке рациональных понятий и логики и освободятся от той иррациональной «*воли к смерти*», которой были проникнуты действия реформаторов в период ельцинизма.

Глава 10

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМЫ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АУТИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Одним из крайних проявлений аутистического сознания властной элиты наших реформаторов и той части интеллигенции, которая поддержала эти реформы, был категорический

отказ видеть и обсуждать ее отрицательные последствия — для страны, для хозяйства, для населения. В большой мере этот отказ был недобросовестным, но, похоже, довольно быстро он вошел в привычку, и этих отрицательных результатов реформаторы стали не видеть вполне искренне. Это стало тяжелым поражением рационального сознания и фактором углубления кризиса.

Вдумаемся в такое умозаключение академика Т. И. Заславской, сделанное ею в важном докладе (1995 г.): «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.»¹.

Итак, 93% работников не могут нормально жить — так, как жили до приватизации, за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т.д.») — но социолог считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*. Где же логика? Ведь из того, что сказала Т.И.Заславская, прямо вытекает, что приватизация повлияла на экономическое поведение подавляющего большинства граждан самым кардинальным образом. Скорее всего, некогерентность этого рассуждения вызвана давлением аутистического сознания. Татьяна Ивановна видит только *приятные* изменения, а если влияние приватизации «на экономические интересы и поведение массовых социальных групп» ей неприятно, то она этого влияния просто не видит и потому о нем не говорит.

Кстати, Т. И. Заславская говорит, что приватизация «не оказала существенного влияния», а советник президента по экономическим вопросам А. Илларионов, наоборот, хвастается: «Благодаря «пинку Гайдара» Россия... всего через два с небольшим года реформ радикально изменилась». И оба правы, оба интеллектуальные корифеи.

Остановимся подробнее на трактовке одной из главных проблем современной России — *демографической*. За исключением небольшого числа идеологизированных специалистов, пропагандирующих «рыночную» реформу, обществоведы сходятся в том, что Россия втянулась в демографическую катастрофу. Едва ли не главным результатом реформы стал всплеск смертности и резкое сокращение рождаемости и в результате — вымирание

---

¹ Заславская Т. И. Россия в поисках будущего // СОЦИС. 1996. № 3.

населения РФ. Это было совершенно очевидно. Но реформаторы делали вид, что этого не видят, и категорически отрицали факт демографической катастрофы.

В 1995 г. на телевидении Е. Т. Гайдар и его «эксперт» Н. Н. Воронцов (доктор наук из Российской Академии наук) всерьез утверждали, что никакого сокращения населения нет, а его видимость возникла оттого, что в РФ перешли на новую («цивилизованную») методику учета рождений — в СССР рождение ребенка весом до 700 г считалось выкидышем, а теперь это записывают как рождение. А такие малютки почти все умирают — из-за этого высокая смертность. Это настолько идиотская попытка выкрутиться, что редактор программы даже вырезал этот кусок из записи прямых дебатов с Гайдаром, и он не прошел в эфир¹.

Кроме того, сформирована бригада довольно высокопоставленных демографов, которые выдвинули другую «теорию» — население России стало сокращаться за много лет до начала реформ, и это является «естественным» процессом во всех развитых западных странах. А. Г. Вишневский утверждает: «По моим представлениям, он [демографический кризис] начался примерно в середине 60-х годов, последнее же десятилетие не принесло ничего принципиально нового, изменения если и были, то, скорее, количественного, а не качественного характера»².

Смысл этих попыток не скрывается — отвести внимание от реформ как причины этого кризиса. Он добавляет: «Высокая цена, которую сейчас платит наше общество, — следствие не столько реформ, сколько затяжного, по крайней мере тридцатилетнего, кризиса» (там же, с. 368). Тому, кто хотел бы узнать факты, сразу стало бы ясно, что это объяснение лживое. В течение 20 лет до начала реформ прирост населения в РСФСР был исключительно устойчив и никакого демографического слома не предвещал. То, что происходит в России, не имеет никакого сходства с процессами на Западе — там нет ни повышения смертности, ни сокращения продолжительности жизни. Что ны-

¹ Ранее это же бредовое объяснение факту сокращения населения РФ дал на российско-американском симпозиуме заместитель директора корпорации РЭНД г-н Азраил, но быстро ретировался, когда ему на пальцах объяснили весь идиотизм этой «теории». А в том же 1995 г. с этой же логикой демографические последствия реформы в РФ пытался оспорить один троцкист на Конгрессе европейских левых сил в Мадриде. Интересно, где именно изобрели этот аргумент, но еще интереснее, до какой степени деградировало мышление образованной публики, если эта очевидная глупость исправно действует в США, Европе и РФ.

² Куда идет Россия?.. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 31 — 34.

нешняя катастрофа в РФ есть плод рыночной реформы — бесспорный факт, и это можно видеть на рис. 1.

Стоит при этом добавить, что все эти «демографы», обслуживающие власть реформаторов, принципиально занесли народы России в список вымирающих народов, которые должны быть замещены на «этой» земле более приспособленными мигрантами. А. Г. Вишневский оглашает такой приговор: «Появление отрицательного естественного прироста населения России назревало давно... Естественный прирост населения России останется отрицательным надолго, может быть, навсегда» (там же, с. 369).

Нельзя сказать, что воздействие реформы на демографические процессы было неожиданным. Когда разрабатывалась доктрина реформы, специалисты сделали прогноз этого воздействия. В 1993 г. в издательстве «Наука» вышла книга, посвященная де-

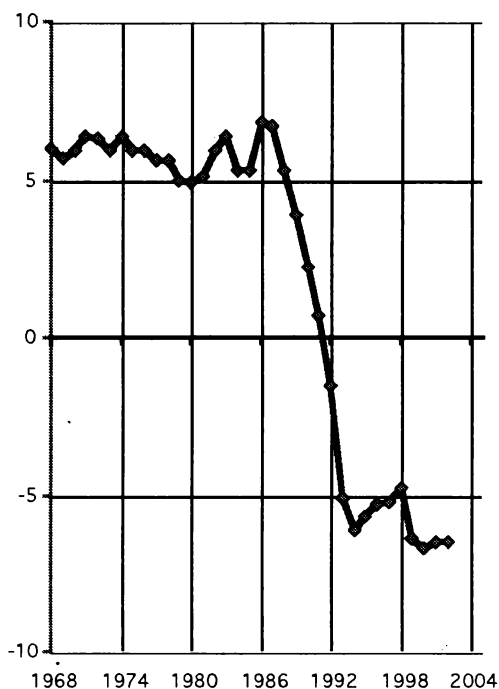

Рис. 1. Естественный прирост населения РСФСР и РФ с 1970 по 2002 г. (на 1000 человек)

мографической ситуации в СССР¹. Написана она была коллективом авторов в конце 1991 г. Это максимально полное изложение динамики демографических процессов в нашей стране, хотя и с сильным антисоветским идеологическим флером — время было такое. Для нас здесь важна гл. 11 — «Взгляд в будущее».

В ней даны три варианта прогноза на 2000 г. — «оптимистический», «пессимистический» и «демографическая катастрофа». Последний вариант считался *маловероятным*. Более того, оптимистическим был и прогноз ООН для СССР. В докладе «World Population Prospects. 1988» (N.Y., 1989, p. 555) сказано, что продолжительность жизни в 2005 — 2009 гг. должна составлять у нас 70,4 года для мужчин и 78,2 года для женщин.

Что же авторы обозначили термином «катастрофа»? Докуда доходило их пессимистическое воображение? Самое страшное, что укладывалось в их голове, это снижение ожидаемой продолжительности жизни мужчин-горожан в 1995 г. до 63,1 года (с 65,4 года в 1988 г.). А что же произошло в результате реформы? Уже в 1994 г. этот показатель упал до 57,9 года! На 4,2 года жизни ниже того, что считалось *катастрофой*. Всего за два с половиной года после написания книги — но такая катастрофа даже в воображении не могла привидеться ученым-демографам. Так что *катастрофа* — научное и подтвержденное опытом определение нашего состояния.

Это же ощущение катастрофы разлито и в широких слоях общества — среди людей, далеких от точного знания, которые судят просто по числу детских колясок на улицах и в скверах и по числу беременных женщин в метро и автобусе. В упомянутой книге специалисты в своем варианте прогноза «демографическая катастрофа» считали, что рождаемость в городе упадет с 15,4 (на 1 тыс. населения) в 1988 г. до 10,8 в 1995 г. На деле же она упала до 8,6!

Какие же причинно-следственные связи предлагают как объяснение российские либеральные интеллектуалы? Поскольку в мышлении нашей интеллигенции силен евроцентризм и считается, что Россия после 1991 г. наконец-то пошла «правильной дорогой» вслед за Западом, естественно, возник интерес к тому, что происходит с рождаемостью на Западе. Этот интерес подогревается и рядом российских и западных демографов, которые как раз и отвергают тезис о демографической катастрофе в России на основании того, что и на Западе наблюдается спад рождаемости. Мол, верным путем идете, господа-товарищи! Низкая рождаемость — признак богатства, и этот признак Россия в ходе

---

¹ Население Советского Союза. 1922 — 1991. М.: Наука, 1991.

реформы уже приобрела. Ну, само богатство слегка задерживается, но объективные законы общественного развития ему не обмануть — придет как миленькое.

Вот вам пример невероятного по своей тупости гипостазирования — придание «богатству» статуса причины сокращения рождаемости. Да, корреляция может иметь место, а причинно-следственной связи нет. Правильнее рассуждать так: в ходе реформ мы, очевидно, не переняли у Запада его умения «быть богатыми», но переняли нечто такое, что на Западе привело к падению рождаемости. Вот это «нечто» и надо искать. Ведь вдвойне обидно будет нам в поисках этого западного умения «быть богатыми» вымереть, богатством даже не насладившись — просто оттого, что глотнули из западного котла какой-то дряни, не разобравшись.

Это общее предположение, и в этом смысле наша катастрофа действительно может иметь общие с Западом причины. Если же говорить о конкретном историческом моменте, о последних 12 годах в России, то, конечно, надо отвергнуть успокаивающие заверения демографов-«рыночников». То, что происходит в России, по своему типу никак не напоминает процесс, происходящий на Западе. Уже по форме кривой, отражающей эти процессы, видно, что мы переживаем именно катастрофу: резкий разрыв непрерывности, перелом демографической ситуации в течение одного года — явление уникальное в истории.

Авторы упомянутой книги пишут: «Можно с уверенностью сказать, что дальнейшее углубление социально-политического и экономического кризиса, падение жизненного уровня населения, дезинтеграция страны, утрата опоры на социальные структуры, воцарение незащищенности индивидуума в наступающем социально-политическом и экономическом хаосе, утрата надежд на нормализацию ситуации повлекут за собой демографическую катастрофу... Грозные признаки такой катастрофы уже различимы в демографической динамике последних двух лет... Несомненно, динамика рождаемости за последние 2,5 года есть реакция на социально-экономический кризис... Прошлого пока не дает нам аналогичных примеров. Еще ни одна страна, ни одно общество, в котором деторождение хорошо регулируется на уровне семьи, не переживало в мирное время такого кризиса» (с. 109 — 110).

Так что слом произошел у нас *вследствие реформы*, а не вследствие постепенного снижения рождаемости от «благополучной жизни», как на Западе. Результаты реформы известны — резкое обеднение большинства, разрушение важнейших систем жизнеобеспечения, острая нестабильность и страх перед социальными бедствиями. Все это важные факторы, и все же я бы сказал ук-

лончивее: да, наша демографическая катастрофа вызвана реформой. Но нельзя же закрывать глаза на то, что в результате развала СССР и реформ жители Узбекистана и Таджикистана обеднели гораздо сильнее, чем жители РФ, и больнее ударила по ним политическая нестабильность, а уровень рождаемости там не только не упал, но и заметно вырос. Почему же? Потому, что они не глотнули из «западного котла» того, что глотнули народы европейской части страны, или сумели эту дрянь выплюнуть. По ним и видно, что крайняя бедность и нехватка средств к жизни определяют не столько рождаемость, сколько выживаемость детей.

Так что цепочка причинно-следственных связей длиннее. Не непосредственно социальными бедствиями реформы вызвана наша демографическая катастрофа, а тем, что реформа перенесла на нашу почву нечто такое, прямо не связанное с богатством или бедностью, что вызвало взрывное падение рождаемости. И этот взрывной, катастрофический характер означает «сжатие» во времени того процесса, который на Западе растянулся на полвека. Нас просто обязали пробежать, догоняя Запад, этот путь за десять лет.

Нас успокаивают тем, что на Западе материальное благополучие подавляет материнский «инстинкт». Мол, бедному-то все равно, у него дети — единственная утеха. А перед женщиной современного Запада все дороги открыты — эмансипация, карьера, свободная любовь, сплошной постиндустриализм. И считают даже благоразумным решением, что женщина стала откладывать материнство на более поздний возраст или даже вовсе отказываться от рождения детей. Как говорят, «западная семья сегодня — это 3 автомобиля и 1 ребенок».

Весь этот ход рассуждений неверен. Известно, например, что население богатых исламских стран (Саудовской Аравии и т.п.) в этом вовсе не следует примеру Запада — пусть в семье и 3 автомобиля, но 7 детей. Более того, и на самом Западе небольшое богатое меньшинство вовсе не собирается «вымирать» — многодетные семьи у богатых обычное дело.

Утрата «материнского инстинкта» — болезнь именно *среднего класса* буржуазного общества. И болезнь эта является *болезнью духа*, прямо не предопределяемой уровнем материального благосостояния. Эта болезнь среднего класса является «заразной», в ходе *вестернизации* она распространяется и среди тех слоев населения бедных стран, которые возомнили себя средним классом и приняли его мировоззренческие установки — даже если по западным меркам их можно было бы причислить к бедноте.

В декабре 2000 г. я был в Уругвае на совещании экспертов

ООН, и как раз в те дни там произошло событие, которое очень взволновало общество. Уругвай — небольшая страна, оазис благополучия в Латинской Америке. Там почти изжита «латиноамериканская» бедность, чем гордятся и либералы, и социал-демократы, по очереди меняющиеся у власти. И вдруг был опубликован доклад, согласно которому более 50% детей в Уругвае проживали ниже уровня бедности. Это всех просто потрясло, возникли жаркие дебаты. Выяснилось, что рождаемость в семьях среднего класса упала настолько, что основная масса детей оказалась в семьях бедного меньшинства. Благополучная («европейская») часть населения Уругвая вымирает, а бедная часть быстро растет — при отсутствии экономического кризиса.

Но подобные сдвиги в духовной сфере — особая тема. Перейдем к более очевидным вещам.

В 1992 г. была начата «реформа ЖКХ». Она исходила из принципиальной установки: либералы рассматривают ЖКХ не как сферу необходимого жизнеобеспечения, а как обычную область предпринимательской деятельности, которая должна быть рентабельной и регулируется рыночными отношениями.

В двух словах: замысел реформаторов сводится к тому, чтобы провести «разгосударствление» ЖКХ, лишить эту сферу ее «коммунального», общенародного характера, снять с власти обязанность содержать, развивать и модернизировать главные технические системы ЖКХ.

В официальном докладе экспертов правительства (2001 г.) о результатах этой реформы сказано так: «Сегодняшнее состояние системы теплоснабжения в стране можно определить как критическое, постепенно переходящее к уровню национального бедствия... Система начала разваливаться, и если не принять срочных мер, то процесс станет необратимым... Система централизованного теплоснабжения России медленно деградировала до сегодняшнего состояния в течение 10 лет, приводить же ее в порядок необходимо быстро, иначе начнутся необратимые процессы. На восстановление того, что было раньше, средств не найти; не хватит всего бюджета страны. Не остается ничего другого, как заняться рыночными реформами: управлением, экономией, конкуренцией, инвестициями, мотивацией и т.д.».

Надо подчеркнуть эту исключительно важную мысль: *на восстановление того, что было раньше, средств не найти, не хватит всего бюджета страны.* Она означает признание того факта, что «раньше» (в советское время) хозяйственная система создавала достаточно средств для того, чтобы построить и содержать «то, что было раньше» — здравоохранение и науку, армию и спорт, теплоснабжение и рацион питания со средним содержанием 105 г

белка в день. В нынешней хозяйственной системе для всего этого «средств не найти». Различие этих двух типов хозяйства фундаментально, оно касается самого главного — возможности существования народа (населения) России.

В отношении ЖКХ практически всех граждан РФ сегодня волнует, с той или иной степенью осознания, именно этот вопрос. Как же видит эту проблему политическая элита и как эта проблема выглядит реально?

И в бесстрастном справочнике о ЖКХ РФ (2000 г.), и в подготовленных специалистами правительства документах говорится о главной причине кризиса, которая равнодушна к страстям человеческим. Это критическая изношенность системы. Ее можно назвать *неумолимым* фактором. Этот фактор невозможно устранить с помощью создания конкурентной среды, аудиторской проверки, слияния министерств, установки счетчиков или приватизации РАО ЕЭС — всем тем, что перечислили корректные эксперты («Не остается ничего другого, как заняться рыночными реформами: управлением, экономией, конкуренцией, инвестициями, мотивацией и т.д.»).

Если в поселке встал полностью изношенный насос котельной, а теплотрасса прохудилась, то единственный выход, помимо гибели населения в мороз, заключается в том, чтобы поставить новый насос и заменить трубы теплотрассы. Иными словами, решение лежит в материально-технической сфере, а не в сфере политэкономии или идеологии.

Во все времена и во всех странах люди только так и решали подобные проблемы — в рамках реально существующего хозяйства собирались материальные ресурсы (трубы, насосы, котлы и т.д.), выделялись деньги и рабочие руки, а затем в процессе труда технические устройства ремонтировались или строились. Нет иного средства исправить положение и предотвратить катастрофу!

Но в РФ возникла аномалия в сознании, оно сдвинулось к аутизму. При возникновении подобных неотложных проблем произносится ритуальное заклинание — реформировать! Создать конкуренцию!

Это выверт истории, на рубеже XX и XXI веков в России к власти пришла элита с мышлением шамана. Произошел откат от рационального сознания к пралогическому мышлению. Люди с таким мышлением не могут составить в уме цепочки причинно-следственных связей и произвести простейшие расчеты — они не могут ориентироваться в реальном пространстве.

Вот сообщение прессы в связи с вымораживанием Карелии в январе 2003 г.: «Еще полтора года назад, во время обсуждения реформы ЖКХ на заседании Госсовета, президент РФ Владимир

Путин обращал внимание глав регионов на опыт других стран, в частности Исландии, которая за 10 лет решила все свои проблемы с теплом, использовав ресурсы геотермальных источников».

Это признак патологии мышления. ЖКХ — самая крупная отрасль хозяйства, ради отопления жилищ в норме надо сжигать количество топлива, эквивалентное 200 млн. т нефти в год. Эта отрасль на грани полного развала, а президент советует учиться у Исландии использовать для обогрева жилищ тепло гейзеров.

Власти впали в иллюзию, будто трудные и дорогие усилия по замене изношенных теплотрасс можно заменить какими-то чудодейственными решениями в сфере надстройки. Это особая разновидность деформации сознания (*гипостазирование*). Воздействие на реальные сущности пытаются заменить манипуляциями со словами и понятиями.

Сама фетишизация рынка (механизма распределения) и ненависть к плану (механизм производства) привели к тому, что сознание и власти, и общества в целом застряло на чисто внешних, вторичных процессах — собственности, денежных потоках, ценных бумагах и налогах — при полном пренебрежении к тому, что происходит с материальными объектами.

За десять лет реформы подрыв рационального мышления на высших уровнях власти и управления стал одним из важных факторов кризиса теплоснабжения — до «уровня национального бедствия». Гейзеры нам не помогли, даже на Камчатке. Но сегодня, когда мы уже оказались на уровне бедствия, — сдвинулась ли власть к мышлению реалистическому? Нет, нежелание власти видеть неприятные последствия собственных решений лишь укрупнилось.

Вот самый, пожалуй, красноречивый пример. В декабре 2002 г., когда уже пошла волна отказов, отключений и аварий в теплоснабжении, была устроена большая акция «народный телефон» — В. В. Путин в прямом эфире отвечал на телефонные звонки граждан из всех уголков РФ. Среди полусотни вопросов, на которые смог ответить президент, был и вопрос о ЖКХ. В ответ, в частности, было сказано: «Вы совершенно правы в том, что реальных сдвигов не видно. Действительно, мы очень много и часто говорим о необходимости проведения реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а сдвигов пока нет, и реформа вроде бы не идет».

Итак, по мнению В. В. Путина, «реальных сдвигов не видно». Как можно сказать такое, если именно реальные сдвиги налицо — динамика аварий и отказов теплоснабжения стала выражаться геометрической прогрессией. В 1990 г. было 3 аварии на 100 км теплосетей, в 1995 г. 15 аварий, а в 2000 г. 200 аварий. Зна-

чит, деградация системы приобрела характер цепного самоускользящего процесса. Это фундаментальный сдвиг, изменение самой природы системы, ее качественного состояния. Здравомыслящих людей волнуют прежде всего именно сдвиги к худшему, а президент отбрасывает саму мысль, что такие сдвиги бывают в действительности. Раз того улучшения, которое обязано было иметь место при его правлении, не наступает, значит, «реальных сдвигов не видно».

Он говорит: «Реформа вроде бы не идет». Как это не идет, если именно реформа ЖКХ стала практически главной и единственной причиной социальных протестов невероятно терпеливого населения? Разве не реформой является само расчленение единой государственной отрасли с ее министерством на огромное множество мелких акционированных фирм? Разве не реформой является обязательная передача объектов ЖКХ, принадлежавших промышленным предприятиям (например, котельных), в муниципальную собственность? Разве это не радикальная реформа — ликвидация государственных стандартов в одной из крупнейших отраслей? Свидетельства глубокого реформирования ЖКХ перед глазами у людей. Неужели президент этих свидетельств не видит? Он отмечает саму мысль, что проводимая его правительством реформа может иметь неблагоприятные последствия. Нет, либеральная реформа является благом по определению, и если люди блага не наблюдают, значит, «реформа вроде бы не идет».

Рассуждения самого президента взяты как пример только потому, что они делаются всенародно, а выводы формулируются четко. Но важно, что они вполне отражают господствующий в элите тип сознания, его рассуждения созвучны мыслям большого числа граждан, они ими не отвергаются, не вызывают неприятия. Ведь та зажиточная часть населения, которая смогла за последние годы купить квартиры в новых, построенных «при рынке» домах, искренне не понимает, что все эти дома присоединены к старым, проложенным в 70 — 80-е годы теплосетям. Новых теплосетей в годы реформы почти не прокладывалось. Поэтому свеженький вид «элитных» домов и итальянская сантехника в квартирах — это всего лишь косметическая надстройка над невидимой сетью подземных коммуникаций, которая одновременно откажет подавать тепло и воду и в дома бедняков, и в дома богатых.

Согласно опросу фонда «Общественное мнение» (4 февраля 2003 г.), более четверти граждан, чьи дома обогреваются централизованным отоплением, пережили зимой 2002/03 гг. отключение отопления. А у каждого третьего «этой зимой в квартире (доме)

было недостаточно тепло» (34%). Но люди не представляют себе масштабы проблемы, они верят, что ее можно разрешить просто путем более тщательной работы, например, соблюдения графика работ по подготовке к отопительному сезону (21% опрошенных). Пятая часть (19%) сводит дело к нравственности чиновников и полагает, что главное — это «изменить отношение властей и коммунальщиков к проблеме теплоснабжения, больше думать о людях, и тогда все будет в порядке».

О необходимости капитального ремонта котельных, труб и всей отопительной системы заявили всего 20% опрошенных. Оценить степень угрозы и увидеть корень назревающего бедствия подавляющее большинство людей пока не в состоянии. Хотя если бы они мыслили реалистично, им вполне хватило бы той информации, что поступает через СМИ.

В результате реформы целый ряд больших систем жизнеобеспечения деградировал вплоть до «уровня национального бедствия». В ходе реформы были и трагические открытые столкновения с пролитием крови — пока что всего лишь сигнал об остроте возникших в обществе противоречий. Но близкие к власти «разработчики доктрины» реформы всего этого «не замечают» — и заражают своим аутистическим видением внимающую им часть общества.

Выше уже цитировался П. С. Филиппов, давший большое интервью в бытность свою членом Президентского Совета, руководителем Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике. Вот еще кусочек из того интервью:

«Вопрос: А как вам кажется, можем ли мы рассчитывать на «мягкую» трансформацию общественных форм? Без каких-либо серьезных социальных потрясений?

Ответ: А разве у нас они есть?

В: Ну как же — все-таки октябрьские события имели место?

О: Да ничего там страшного не было...

В: Тогда я спрашиваю вас как обычный средний человек: можете ли вы сказать, когда в стране все образуется?

О: А что это значит — образуется, на сколько градусов? И сейчас все образовано. У нас что — трамваи не ходят?

В: Ну хорошо. Тогда договорим все-таки о группах в обществе, имеющих отношение к собственности и власти. Если проще, какая из этих групп сейчас сильнее: чиновники, директора, предприниматели?

О: Да мы все — чиновники. Просто есть чиновники, ориентированные на реформы, — их мало, считанные единицы. А боль-

шинство, вся чиновничья структура живет за счет распределения... Да я их всех к стенке поставлю с великим удовольствием».

То обеднение населения, которое неминуемо произошло в результате приватизации промышленности и ликвидации социальных структур советского строя, запустило самоускоряющийся цепной процесс огрубления жизни, и мы это наблюдаем. Обедневшие люди вынуждены перестроить систему потребностей, чтобы удовлетворить самые минимальные, жизненно насущные. У них снижаются запросы, раз за разом из числа доступных и необходимых выбывают все новые и новые элементы цивилизованного быта.

Меняется сам образ жизни большинства населения страны, возникают новые, неизвестные нам социально-культурные типы. Меняется даже структура угроз государственной безопасности.

Возникает новая структура общества с большими группами молодежи, уже не говорящей «на языке Просвещения», с незнакомой, зачастую антисоциальной мотивацией. Например, сложился особый контингент людей, которые добывают себе пропитание, разрушая структуры жизнеобеспечения — снимая металлические листы изоляции теплосетей, откручивая медные детали арматуры систем газоснабжения и водопровода, систем сигнализации и автоблокировки на железных дорогах и т.д. Известно, что уберечь инфраструктуру городов от такого «молекулярного» растаскивания полицейскими средствами невозможно. А нам говорят, что все в порядке, ВВП растет, жизнь улучшается.

Тяжелые последствия реформы для здоровья населения в целом, для благосостояния большинства, для психологического состояния людей и преступности очевидны и имеют массивный, фундаментальный характер. Кажется невозможным их не видеть. Но «архитекторы», буквально заложившие все эти последствия в планы реформ, если их вскользь и упомянут, сводят их не к действию своих социально-инженерных программ, а к негодным качествам русского народа. Мол, ошиблись, надеялись, что русские будут молча и гордо умирать, как индейцы, а они ускользают, прячутся — очень жадные и завистливые оказались. Да и вообще, больше притворяются...

Так А. Н. Яковлев журит своих учеников, «младореформаторов»: «Конечно, такого сильного расслоения допускать было нельзя. Надо все-таки немножко знать психологию русского человека. Мы всегда завидовали соседу, у которого хотя бы чуть-чуть больше, чем у нас. Ну а если уж больше на целого барана, то это уж, конечно, жулик. Такая психология у нас сформировалась давным-давно — от бедности, от нищенства...

Но ведь наряду с действительно страдающими людьми очень

много спекуляций. Мы ведь все-таки страна жалобщиков. Нас советская власть приучила к жалобам. Мы их миллионами писали. По разному поводу. Доносы и жалобы. Ну кому в Америке придет в голову написать жалобу, что он плохо живет? Никому. При чем тут власть? При чем тут правительство?»¹

Вот, значит, почему нельзя было допускать такого сильного социального расслоения и такого массового обеднения. Не потому, что это абсурдно несправедливо, приводит к массовым страданиям и подрывает хозяйство, а потому, что русский человек очень подлый и завистливый, не то что в Америке. Опасно, мол, с таким народом так неосторожно обращаться.

Мы говорили, что одним из важнейших проявлений аутистического сознания является безответственность. В ходе реформы это проявилось самым страшным образом — и во властной прослойке, и в широком слое «сочувствующих». Подумать только — пафос реформы был открыто оглашен как *слом советской хозяйственной системы и создание необратимости*. Сама декларация о *необратимости как цели* показывает глубинную безответственность — как философский принцип.

Позицию реформаторов можно было бы с натяжкой считать этически допустимой, если бы они четко заявили, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за блага для «новых русских» уже никак нельзя будет оправдать — это будет значить, что выбор реформаторов был вызван лишь шкурными интересами или патологической тягой к предательству. Однако, сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, такой-то, уверен в том, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень до срыва в катастрофу. Нет, ссылаются на «флюктуации» — там одна фирма разбогатела, а там фермер. После краха рубля в 1998 г. полумертвое хозяйство зашевелилось, оживились анклавные рентабельных производств.

Это совсем слабо. Реально признаков оздоровления хозяйства нет. Больших инвестиций нет и не предвидится, прирост уровня производства происходит в диапазоне быстро сужающихся возможностей, идет массовое выбытие основных производственных фондов, а остатки системы НИОКР уже неспособны сопровождать простое воспроизводство. Это самые массивные, тяжелые процессы в российской экономике, они набирают темп, и инерция их очень велика. На что же надеяться?

---

¹ Литературная газета. 2001. № 41.

Известный советолог С. Коэн писал в 1998 г.: «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения... Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе — буквальной демодернизации живущей в XX веке страны» («Независимая газета», 1998, 27 авг.). Он не говорит очевидное: в XX веке промышленно развитая страна не может пережить «демодернизацию» — она гибнет.

Глава 11

УЧЕБНАЯ ЗАДАЧА: РАЦИОНАЛИЗМ, АУТИЗМ И КРИТИКА «КРАСНОГО ПАТРИОТИЗМА»

А. Ципко в статье «Врожденный порок красного патриотизма» («Литературная газета», № 36, 2001 г.) выносит строгий вердикт «русской, а по сути, коммунистической партии». В развитие этой темы, ради увлекательной дискуссии, меня попросили написать статью в ту же газету. Я написал, они не напечатали. А для нашей темы она представляет интерес. Привожу ее здесь, слегка сократив.

Скажу сразу, чтобы отвести подозрения в моей антипатии к самому А. Ципко. Напротив, он вызывает теплое чувство своей несуразно противоречивой искренностью, а она так близка русскому человеку. Он уникальный тип в российской политической тусовке — антисоветский патриот. Это, как говорят эрудиты, какой-то оксюморон. Посудите сами, какие невидимые миру слезы должны были фонтанами брызгать из глаз патриота, активно уничтожавшего ту реально существовавшую державу, в которой жил, размножался и был надежно защищен добрый наш народ. Теперь о статье и логике рассуждений.

За что же так осерчал А. Ципко на избретенную им «русскую партию»? За то, что она из-за мрачного Проханова никак не победит *антирусскую* партию, которая грабит и уничтожает Россию. Начнем раскапывать кучу утверждений, которую выдал поток сознания Ципко. Прежде всего: каковы мотивы написания статьи? Зачем его рука потянулась к перу, перо к бумаге? «Я бы не пекся об авторитете русской партии, если бы у нас реально существовало альтернативное Зюганову и Проханову патриотическое движение», — пишет он. Значит, печется о КПРФ, хочет ей помочь — это, мол, единственные наши патриоты. Ну что ж, настраиваемся на этот лад. И вдруг — грозное предписание: «На-

стало время оторвать российский патриотизм от интересов КПРФ». Вот тебе и на! Неожиданный прыжок.

Но какова постановка вопроса, какие образы! Как будто патриотизм — это что-то вроде яиц у коммуниста. Оторвать его, и дело с концом. Не будет больше, гад, устраивать колхозы. Не станем уж говорить о смехотворности претензий — попробуй оторви. Связности мышления нет, вот беда. Или ты печешься об авторитете КПРФ — или отрываешь у нее это дело. К тому же непонятно, зачем Ципко этот оторванный у КПРФ патриотизм, к чему он его пришьет — он же у русских, по мнению Ципко, никуда не годный. Польский патриотизм намного лучше русского, а уж еврейский... пальчики оближешь.

Из русского патриотизма Ципко уважает только кадетский, «веховский»: «Патриотизм Бердяева и др. был христианским, православным, он был проникнут инстинктивным отторжением насилия, и прежде всего революционного». Ну, допустим, так — не будем уж поминать, что кадеты в феврале 1917 г. свергли царя, а потом развязали Гражданскую войну. Запомним, что больше всего Ципко ценит в патриотах «отторжение насилия, и прежде всего революционного». Но следом же читаем: «Не может нормальный человек, любящий Россию, не восстать против ГУЛАГа, против всего, что унижает его соотечественников». Чему же верить? С одной стороны, согласно Ципко, нормальный человек должен отторгать революционное насилие — и в то же время «не может не восстать против всего, что...». Это называется плюрализм в одной голове.

Не знаю, как насчет христианского патриотизма, но у Бердяева Ципко явно унаследовал, да еще многократно увеличил, его мятущуюся душу, склонность быстро менять свои убеждения и оценки. Ципко не может продержаться на одной точке зрения дольше пары абзацев. А прочитать написанное, видимо, уже невозможно, слишком бережат собственные строки его сердце.

Вот он недоволен каким-то очередным воззванием НПСР (был в те годы такой политический союз) — плохо написано, «с подозрительностью, неистребимой маргинальностью». Так плохо написано, что «никто в наших СМИ даже не упомянул об этом обращении». Хорош критерий оценки! «Наши СМИ» — это, надо понимать, СМИ антирусской партии? Ведь все газеты «русской партии» не то что упомянули, а просто напечатали это обращение.

Ципко задает и другой критерий. Оказывается, это обращение не удовлетворило даже «лидеров пропрезидентского «Единства», декларирующих свою приверженность патриотическим ценностям». Какой ужас, так огорчить «партию президента»! Но через абзац мы узнаем, что эта самая пропрезидентская партия

(«Единство») «откровенно жертвует патриотизмом и государственными интересами во имя дружбы с реформаторами». Так все-таки «привержено патриотическим ценностям» — или «откровенно жертвует патриотизмом и государственными интересами»? Определитесь, г-н плюралист в одной голове.

Из всего этого турбулентного потока отрицания отрицаний пробивается одна мысль, которая мучает диалектика Ципко — по его мнению, в России лишь платформа Компартии задает матрицу для кристаллизации патриотического проекта. Ципко жалуется: «Пока что все попытки воссоздать, возродить партию либерального или гуманистического патриотизма ни к чему не привели».

Тут хотя бы одно ясно — попытки слепить нечто патриотическое на основе антисоветских заклинаний «ни к чему не привели». Ахинея насчет «партии либерального или гуманистического патриотизма», которую надо якобы «воссоздать, возродить», — вещь вторичная. Кстати, что это за благостная партия, «которую мы потеряли»? Это кадеты, эсеры, партия любителей пива?

Заостряя по доброте душевной внимание на *врожденных* (!) пороках своих противников, Ципко, однако, успевает дать и общую картину расстановки политических сил в России. Поначалу в этой картине ошарашивает явное противоречие со здравым смыслом и лишь потом начинает проступать своеобразная логика.

Вот первый тезис, который повторяется в разных вариациях: в России «политическое поле разделено почти поровну между партией Проханова — Зюганова и партией Чубайса — Гайдара — Немцова». Параллельно идет второе, столь же настойчивое утверждение: «Правду из рук редактора газеты «Завтра» никто не хочет слышать» (и даже «легко показать почему»).

Спрашивается, как можно объяснить, не прибегая к психиатрии, этот парадокс: за партией Проханова идет половина общества, но из рук (!) Проханова никто не хочет слышать даже правды? А объясняется это тем подспудным, возможно, не осознаваемым самим же Ципко убеждением, что та половина, что идет за «партией Проханова — Зюганова», — *не вполне люди*. Во всяком случае, их он не считает нравственными или духовно развитыми, что в этой философии и означает не быть вполне человеком. Ципко пишет: «Наш коммунистический или левый патриотизм отпугивает, отталкивает от себя всех духовно развитых людей». Чувствуете меру? *Всех!* Те, кого он не отталкивает, — именно *никто*. Все *люди*, обитающие в России, находятся в той половине, что якобы идет за «партией Чубайса — Гайдара — Немцова». И это бредовое расистское убеждение прорывается в множестве реплик Ципко — и в этой статье, и в ряде других.

Здесь он, правда, хотя бы половину граждан России поднимает до уровня человека. А чуть подальше в нашу историю копнет — там людей он вообще не видит, как Диоген, днем с фонарем не найдет.

Читаем: «Но не может же любой нормальный, духовно развитый человек, обладающий элементарным нравственным чувством, полюбить убийцу-Сталина только за то, что под его руководством мы выиграли войну с фашистской Германией». Мол, подумаешь, какая мелочь — войну с Германией выиграть. Да я бы, будь я Верховным Главнокомандующим... Но главное, зафиксируем факт: подавляющее большинство народа, которое, как знает и сам Ципко, любило Сталина, он не относит к категории *нормальных людей*. Даже Бориса Пастернака, писавшего Сталину искренние оды.

Вдумайтесь, какая во всем этом страшная внеисторичность и какой тупой тоталитаризм мышления. Какое самомнение! Как же впала в такое состояние существенная часть нашей «уважающей себя интеллигенции»? Ведь это не тривиальное явление. На примере самого Ципко этот путь прослеживается четко, он себя как подопытный кролик представил на обозрение.

Еще в бытность его правоверным номенклатурным обществоведом, отирающимся около ЦК КПСС, он, как следует из его воспоминаний, придумал концепцию «общечеловеческих ценностей». Он посчитал это революционным открытием, подрывающим тоталитарную советскую идеологию («не может же нормальный человек не восстать»), и для конспирации передал листок с магической формулой помощникам Горбачева в толпе, в переходе на станции метро «Октябрьская-кольцевая». КГБ не уследил!

Идея «общечеловеческих ценностей» — порождение самого дремучего социал-дарвинизма и расистской версии теории гражданского общества. Есть, мол, граждане, живущие в цивилизации. Это те самые «нормальные, нравственные, духовно развитые люди». Они исповедуют «общечеловеческие ценности», список которых составляют они сами. Рядом с ними живут пролетарии — в состоянии, «близком к природному». Они — почти люди, но, скорее всего, отверженные. Им надо вколачивать «ценности» с помощью законов о бедных, рабочих домов и тому подобных приемов. А есть и «дикари» — они «общечеловеческих ценностей» понять в принципе не могут, у них нет морали — живут в состоянии природы. На них поэтому права человека вообще не распространяются, так что теоретик гражданского общества Джон Локк без всяких моральных проблем вложил все

свои деньги в работоторговлю. С его точки зрения негры и индейцы — *никто*, говорящие орудия.

Такое представление о ценностях — следствие биологизации культуры, вера в то, что ценности «записаны» в биологических структурах и передаются с «генами». На этой вере и строится идеология расизма — и национального, и социального. У одних народов или групп хорошие «гены», у других похуже. У советского же народа, как любили писать во время перестройки, вообще произошло «генетическое вырождение». «Совок» есть «человек биологический», он не поднимается даже до уровня «социального» существа, а о «человеке нравственном» и речи быть не может.

Этой теорией сто лет назад были увлечены американские социал-дарвинисты, потом она расцвела у нацистов, а при Горбачеве и до России докатилась. Впрочем, она сейчас и на Западе в ходу, как показала акция по «сатанизации» сербов или иранцев. Раз нет у них в «генах» пары-другой «общечеловеческих ценностей» — значит, они не вполне люди.

В России эта концепция стала теоретическим оправданием самой тупой русофобии. Как же можно называть русских *людьми*, если они любили Сталина! Эти перлы нового мышления рассыпаны по всей статье Ципко, вроде такого: «Мы действительно проклятая страна... Большевики никогда не могли бы победить, если бы мы были полноценной нацией».

Концепция «общечеловеческих ценностей», внедрение которой Ципко, как лягушка-путешественница, ставит себе в заслугу, — идеологическая чушь, по нынешним временам просто мракобесие. Люди являются единым биологическим видом, которому филогенетически присущи лишь инстинкты. А *ценности* есть исторически обусловленные продукты культуры, которые «общечеловеческими» быть никак не могут. Аттила и Гитлер, Чикатило и Гайдар — люди. Ценности, которые они исповедуют, очень своеобразны, но не считать их из-за этого людьми — глупость.

Конечно, даже и свою любимую концепцию Ципко не может проводить последовательно, не выдерживает он такого интеллектуального напряжения. Вот пишет он о выборах 1996 г.: «В этой ситуации громадного не только морального, но и политического перевеса русская партия во главе с Зюгановым ничего не приобрела».

Где же логика? Как может «русская партия во главе с Зюгановым», от которой якобы бежит как от огня любой морально здоровый человек, получить «громадный моральный перевес»? И откуда мог взяться этот перевес, если, по словам Ципко, «по вине лидеров русской партии слово «патриотизм» на долгое вре-

мя после распада СССР стало синонимом агрессивности, злобы, невежества, подозрительности, неистребимой маргинальности?»

Соблазн биологизировать культурные и социальные явления, конечно, нельзя назвать родовым пороком «партии Ципко», это благоприобретенная хроническая болезнь. Но уж больно устойчивая. Глубокие общественные конфликты эти политологи очень любят сводить к «агрессивности, злобе» и прочим личным качествам людей. Проханов мрачный — и вот Россия гибнет. Копаться в порочном подсознании русских — просто страсть Ципко.

10 марта 1995 г., в десятилетнюю годовщину прихода к власти Горбачева, по Европе прокатилась, как ворчание грома, статья Ципко «Короткая память России». Опять о ментальности, о том, что пульсирует на дне нашей души. «Есть много объяснений той глубокой ненависти, которую русские испытывают к Горбачеву», — пишет верный опальному генсеку Ципко. Все эти причины одна к одной — те же гены «агрессивности, злобы, невежества», никаких уважительных причин.

Вот, пожалуй, одна свежая мысль: «Русские не могут простить Горбачеву, что он появлялся везде со своей женой Раисой. Даже русские женщины были против такой публичной демонстрации уважения к жене. Это понятно, потому что красивые платья Раисы Максимовны были оскорблением для миллионов задавленных жизнью русских женщин, все силы которых уходили на то, чтобы накормить своих детей, защитить от алкоголизма своих мужей и дотянуть до получки... Русские не приучены к доброте, не верят в нее». Да, глубоко копает наш христианский патриот (полезно было бы эту статью сегодня всю перепечатать — она именно концептуальна).

Кстати, вдумаясь в нелепый тезис относительно выборов 1996 г.: оппозиционная партия, получившая, как пишет Ципко, громадный моральный и политический перевес, «*ничего не приобрела*»! Как это понимать? Сам этот моральный перевес и есть главное приобретение для оппозиции, когда она еще не может прийти к власти. А что же еще, миллион долларов от Ельцина получить в качестве отступного?

Та же логика в трактовке событий октября 1993 г.: «Реформаторы, представляющие меньшинство, обыграли по всем статьям патриотическую партию», — хотя «не только правда, но и закон были на стороне Съезда народных депутатов России». Ципко, возможно, сам не помнит и хочет, чтобы и мы забыли о том, как реформаторы 3 — 4 октября «*обыграли*» патриотов. Не на поле правды и закона была та «игра», нечего туману напускать. Лучше бы уж он не поминал те дни, игрок.

Ципко или впал в тяжелую форму аутизма, или считает чита-

телей идиотами. Он делает вид, будто людям неизвестно, что Россия переживает тяжелый раскол, что господствующее меньшинство, контролирующее государственную машину, финансы и СМИ, загнало в бедность большинство населения и народ вошел в режим вымирания. Это фундаментальное противостояние он трактует так: «Один Чубайс переиграл всю Россию». Чубайс *переиграл!* Вот какой шахматист, а Россия — страна дураков. Да если бы за Чубайсом не стоял весь мировой капитал и весь блок НАТО с его российскими прислужниками, то он снова торговал бы цветами на углу Невского проспекта. Это в лучшем случае...

Страна по многим показателям уже вошла в зону катастрофы, а Ципко играет в бирюльки: «По качеству мышления, по способности к аргументации представители русской партии откровенно проигрывают представителям либеральной партии». Какая наивная чушь. От народа отщепилась часть, представленная тем, что Ципко назвал «либеральной партией». Эта часть декларировала себя как новый этнос — «новые русские». В своей культуре она радикально рвет с культурными устоями России, исходит из совершенно иных представлений о мире и человеке.

Здесь возникла иная рациональность и иная мораль — как же можно сравнивать их «по качеству мышления и способности к аргументации». Ведь это просто глупо. На Чубайса не действуют ни логика, ни аргументы патриотов, а на патриотов — логика и аргументы Чубайса. Все уже сказано, вопрос решается только силой. Можно ли доказать, что Новодворская умнее Глазьева, а Сванидзе умнее Жореса Алферова? Нет, нельзя. Можно ли доказать обратное? Тоже нет. Это же абсурд — все равно что утверждать, будто два килограмма больше одного километра. Что творится, господа, куда мы скатились за десять лет?

Наконец, рассмотрим еще одно фундаментальное качество всей философии «партии Ципко» — крайний, иррациональный антикоммунизм и, что гораздо важнее, *антисоветизм*. Известно, что те бедствия, которые переживают сегодня большинство граждан республик СССР, являются следствием поражения СССР в «холодной войне», уничтожения его государственности и подрыва всего жизнеустройства. Это факт, не зависящий от его идеологической оценки.

Ципко с гордостью заявляет, что он принадлежал к числу активных разрушителей «империи зла»: «Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня... Отсюда и исходная,

подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир» («Независимая газета», 17 мая 2000 г.).

Здесь замечательно четко выражено, что идейный мотор антисоветизма «партии Ципко» — страсть к *разрушению*. Чистый «ленинист» вступал в союз с заклятым врагом марксизма — ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! И эта разношерстная «партия» сознательно и определенно предложила свои услуги противнику СССР в «холодной войне». Предложение «было с благодарностью принято» Рейганом и папой римским.

Ципко верно оценивает результаты: «Борьба с советской системой — по крайней мере, в той форме, в какой она у нас велась, — привела к разрушению первичных условий жизни миллионов людей, к моральной и физической деградации значительной части нашего переходного общества». *Физическая деградация* части общества — это, надо понимать, гибель людей. По последним уточненным данным, только к 2001 г. эта «неестественная» гибель составила в РФ 9 миллионов человек. Таков «христианский патриотизм» нашего гуманиста.

Сегодня Ципко ругает «КПРФ, которая паразитирует на ностальгии об утерянном Советском Союзе». Он пишет: «Патриотическое движение, которое связывает себя с ностальгией о [советском строе], теряет все... самое главное, свой моральный авторитет, свою нравственную основу».

В чем же гуманизм и нравственность Ципко, о которых он разглагольствует? Разве он не знает, каково отношение людей к советскому строю? Вот что сказала его соратница по подрывной деятельности академик Т. И. Заславская в октябре 1995 г.: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что «дела идут в правильном направлении», в то время как по мнению 2/3 «события ведут нас в тупик». Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести»¹.

Это установки людей, которые на зуб попробовали и советский строй, и «гуманизм по Ципко — Чубайсу». Но интеллектуал Ципко плевать хотел на эти их выстраданные установки. Он — Наполеон, а не тварь дрожащая, он имеет право железной рукой гнать этих людей к математически вычисленному счастью — миске похлебки в бараке периферийного капитализма.

¹ Заславская Т. И. Россия в поисках будущего // СОЦИС, 1996. № 3.

Отвлекусь теперь от «парадигмы Ципко» и даже от нашей темы. Намечу структуру той проблемы, которую можно обозначить так: «Причины относительной слабости патриотического дискурса в нынешней России»¹. Речь идет о *системе* причин и условий, в которой отдельные факторы взаимодействуют кооперативным образом. Это значит, что влияние их совокупного действия намного больше суммы влияний всех факторов, взятых по отдельности. Поэтому трудно или даже в принципе невозможно определить «вес» каждого отдельного фактора (скажем, мрачности Проханова или лысины Шандыбина). Следовательно, на первом этапе нет смысла спорить об иерархии причин. Я пока что просто перечислю наиболее важные, на мой взгляд.

Начнем с того, что мы ведем речь о патриотической части именно интеллигенции, причем даже не всей этой части, а только той, что *имеет голос*, то есть представлена в элите, допущенной до СМИ в качестве «отправителей сообщений». Говорят о Проханове, но не говорят о той учительнице или библиотекаре, которые излагают идеи патриотической оппозиции устно, в личных беседах. А положение этих двух контингентов «русской партии» кардинально различны.

Патриоты из элитарной интеллигенции находятся в окружающем их сообществе на положении диссидентов и постоянно испытывают давление ближайшего окружения. Ибо это окружение, в общем, антипатриотично, оно исповедует идеологию евроцентризма. Причем не только исповедует, но и находится в состоянии транса, доходя в своем «западнизме» порой до истерики.

Чтобы понять это, надо лично испытать, каково, например, отказаться от почти всех дружеских связей, которые ты накопил за всю жизнь. Так вот, по дискурсу тех, кто на это идет, ничего нельзя сказать о качестве мышления и аргументов тех, кто, принадлежа к «русской партии», предпочитает не высовываться в виде рупора, а относительно спокойно размышляет и общается с людьми. У «патриотов на арене» зажат рот угрозой неизбежных тяжелых санкций со стороны ближайшего социального окружения, часто даже со стороны их родных и близких. Вл. Соловьев, который специально рассматривал подобную ситуацию «критики человека с зажатым ртом», назвал бы разухабистые обвинения против такого человека подлыми.

Помимо угрозы неизбежных санкций, у очень многих интел-

---

¹ *Дискурс* — модное и емкое словечко, трудно удержаться, чтобы его не ввернуть. Он происходит от слова «речь» и означает весь набор слов, знаков и символов, с помощью которого изъясняются представители политического или культурного течения.

лектуалов-патриотов рот зажат пряником. Это фактор немало-важный — плоть слаба, внуки плачут, молока просят. Интеллигенты, с их гибким умом и сознанием своей уникальной ценности, особенно жмутся к деньгам. Те, кто заглотнул наживку, подписали простой контракт — они обязались говорить патриотично (иначе бы никто им пряника и не дал), но как-то противоречиво, неубедительно. Продали качество за количество. Попробуй взять у Солженицына «премию» в 25 тыс. долларов и сохранить после этого высокое качество оппозиционных речей. Это было бы просто нечестно, патриотам не к лицу обманывать добродетеля.

Каково же состояние тех очень и очень немногих, кто, испытывая такое двойное давление своего социума, сжигает корабли и начинает громко говорить — так хорошо, как может? Это аномальное состояние стресса и видения всяческих идолов и призраков. Да, эти люди возбуждены, экзальтированы, склонны к утрате меры и разрывам в логике. Но я, зная их вблизи, поражаюсь как раз тому, как мало они подвержены разрушительному воздействию среды, как они устойчивы — по сравнению с тем давлением, которое на них оказывают. Трудно ввести количественную меру, но сдается мне, что кто-кто, а Ципко-то уж никак не годится на роль критика этих людей.

Но все это помехи, создаваемые внешним воздействием. Второй фактор более фундаментален. Те, кто вырабатывает дискурс «русской партии», вынуждены ломать собственные стереотипы, выходить за рамки того понятийного аппарата, который был воспринят ими и от системы образования, и от господствующей идеологии, и от языка СМИ. Ибо все эти элементы надстройки советского общества были заимствованы на Западе, что во многом и предопределило «незнание общества, в котором мы жили». Интеллигенты «русской партии» должны создать новый язык. Эта работа именно революционна. Она, скажем прямо, несравнима по сложности с той функцией попки, повторяющего клише про демократию и тоталитаризм, которую взяли на себя истматчики-«либералы». Но эта работа будет сделана и делается уже.

Мало того, что все эти глашатаи «либеральной партии» — не более чем органчик, заведенный позолоченным ключиком. Они — органчик, играющий песенку *победителей*. Интеллигенты «русской партии» уж действительно говорят «из-под глыб», почти «из глубины». Это люди, только что получившие тяжелейший удар. Мало того, это люди, на глазах которых горит их родной дом и гибнут их ближние — в самом буквальном смысле. Антисоветские органчики даже в страшном сне не могут себе представить, что на самом деле бродит в нашем уме и душе. Лучше им туда не заглядывать. Так вот, я лично поражаюсь самообладанию людей «русской партии». Они не рычат и не воют, как следовало бы в

их настоящем положении, а говорят довольно связанные и корректные вещи — из чувства ответственности. Но где-то есть и сбои («агрессивность»), извините, господа.

Другая фундаментальная трудность заключается в том, что та катастрофа, что потрясла Россию, для патриота послужила апокалипсисом, который приоткрыл сущность тяжелейшего кризиса, в который втягивается вся современная цивилизация, стоящая на индустриализме. Именно патриоты России, которая стала самой уязвимой и противоречивой частью индустриального мира, смущены тем, как, оказывается, сложен этот мир и как противоречив человек. Смущены — и на многие вопросы не имеют ответа, да и сами вопросы еще не удается сформулировать. К некоторым даже страшно подступиться. Мы только-только приступаем к построению новой картины мира, которая поднимет нас на новый уровень понимания.

Напротив, либералы, счастливые зрелищем пожара ненавистной им нашей избы, не желают и не могут видеть этого общего кризиса. Они жрут, пьют и танцуют на своем комфортабельном «Титанике», и на любой тревожный вопрос у них есть «убедительный аргумент»: посмотрите, холопы, как сильны машины нашего корабля, как удобно устроены каюты; завидуйте и плывите за нами.

Вот тут-то и возникает несоизмеримость. Патриоты и либералы (это, впрочем, лишь партийные клички, придуманные Ципко) расходятся в разные картины мира, начинают жить в разных не просто мировоззрениях, но и мироощущениях — даже смешно и глупо сводить это расхождение к разнице в интеллекте. Кстати, либералы тоже в движении, они вовсе не следуют каким-то стабильным нормам. Они приняли дискурс неолиберализма — этого радикального течения западной идеологии. Они ушли от сомнений Просвещения в крайний, почти убогий механистический детерминизм и социал-дарвинизм. Поражает этот упадок тех, кто хоть частично был привержен русской культуре.

Конечно, экономический радикализм неолиберализма космополиту кажется убедительным, да с ним и спорить невозможно, он весь состоит из постулатов. А если к тому же он опирается на силу доллара и дубинок ОМОНа, то диалога и быть не может. Не вдаваясь в спор, скажу просто, что и мировоззренчески, и методологически неолиберализм означает страшный регресс по сравнению с тем, чего достигла человеческая мысль к середине XX века. Посмотрите хотя бы сегодня, насколько убоги и непродуктивны представления нынешних неолибералов о терроризме — сложном, неравновесном явлении, атаке хаоса на устойчивый порядок. Какой откат по сравнению с тем, что знали уже древние греки, а потом Достоевский и Грамши.

Глава 12

УХОД ОТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ

Поражение рационального сознания во время перестройки выразилось в важном явлении — настойчивом уходе от постановки и осмысления *фундаментальных* вопросов. Это было неожиданно видеть у образованных людей. Для интеллигенции в перестройке как будто и не существовало неясных фундаментальных вопросов, не было никакой возможности даже поставить их на обсуждение.

Можно даже сказать шире. Нынешняя смута замечательна тем, что заключен как бы негласный договор: не ставить не только фундаментальных, но и вообще трудных вопросов, уже не говоря о том, чтобы отвечать на них. Депутаты не задают таких вопросов правительству, избиратели депутатам, читатели газете и т.д. И ладно бы только публично не задавали вопросов, но этого, похоже, не делается и между близкими людьми и даже про себя.

Этот отказ интеллигенции от выполнения едва ли не главной своей интеллектуальной функции сразу нанес обществу огромный урон. Особенно разрушительно принижение проблем в моменты кризисов, когда люди не спорят по мелочам, а нуждаются в том, чтобы поставить и обсудить главные, ключевые вопросы. Вспоминая годы перестройки, надо сказать, что простонародье искало помощи интеллигенции в том, чтобы сформулировать главные вопросы, но «мыслители» именно к этим вопросам оказались глухи и равнодушны.

Уже поэтому большинство умозаключений относительно наших общественных проблем приводило к ложным или малозначимым выводам. Эти выводы или представляли собой чисто идеологический продукт, вытекающий из веры в очередную доктрину, или были оторваны от реальности и служили лишь для манипуляции массовым сознанием.

Прежде всего уход от фундаментальных вопросов выражался в отказе от определения категорий и их места в иерархии. Это приводило к смешению ранга проблем, о которых идет речь. Причем, как правило, это смешение имело не случайный, а направленный характер — оно толкало сознание к принижению ранга проблем, представлению их как простого, очевидного и не сопряженного ни с каким риском улучшения некоторой стороны жизни. Проблемы бытия представлялись как проблемы быта.

Обыденным явлением стало равнодушие к фундаментальному различию *векторных* и *скалярных* величин. В том типе мышления, что был сформирован перестройкой, из рассуждений прак-

тически полностью была исключена категория выбора. Проблему выбора пути подменили проблемой технического решения. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью».

В. В. Путин во время президентских выборов 2004 г. не стал участвовать в дебатах, отвечать на прямые вопросы и излагать свою программу. Расчет политтехнологов был прагматичен и рассчитан на короткую перспективу: умолчание и недоговоренности позволяют людям культивировать надежды и «домысливать» тайные планы В. В. Путина. Так создается харизматический образ вместо укрепления рационального сознания массы и гражданского чувства. В перспективе, напротив, эта тактика обходится дорого — крах ложных надежд ослабляет общество, и кредит доверия к власти с каждым разом сокращается. Конечно, власти труднее иметь дело с реалистично мыслящими гражданами, зато на них можно опереться.

Определить главный вектор «проекта Путина» — значило бы создать более достоверную «карту» политического рельефа России. Это снизило бы риск тяжелых аварий и срывов политического процесса и, в принципе, уже в среднесрочной перспективе отвечало бы интересам подавляющего большинства населения, в том числе и приверженцев правых. На это власть не пошла, предпочтя «набрать очки» обещанием «скалярных благ», улучшения «всего».

В рамках этого «безвекторного» мышления отказалась от дебатов и «Единая Россия». Зачем, мол, объясняться с избирателями, если они и так проголосуют. Да, проголосуют — но почему? Уже после выборов 2000 г. проницательный Г. Павловский с тревогой говорил, что за В. В. Путина проголосовали *вопреки* тому либеральному образу, который создавали для него СМИ. Люди сами, стихийно создали себе мысленный «фоторобот» В. В. Путина, отбирая из его туманных реплик и сообщений СМИ именно то, что соответствовало «желаемому» образу президента. Но реальный образ мысли и дел В. В. Путина совсем другой — реальные векторы ожиданий большинства и политики власти расходятся, но этого люди пока не замечают.

Это расщепление сознания, расхождение между воображением массы и реальной политикой создает растущую напряженность и чревато обвальной утратой легитимности власти, которая и так не слишком основательна. Участие В. В. Путина в предвыборных дебатах разрядило бы эту напряженность, снизило бы «потенциал утопичности» сознания всех сторон в общественном противостоянии. Этого не произошло.

Утрата категории вектора и неспособность к предвидению. По-

теря навыка видеть фундаментальную разницу между векторными и скалярными величинами привела к глубокой деформации понятийного аппарата и нечувствительности к даже очень крупной лжи. Например, во время перестройки и в начале реформы демагоги, готовя общество к приватизации, легко стали подменять понятие «замедление прироста» (производства, уровня потребления и т.д.) понятиями «спад производства» и «снижение потребления».

Вот сентенция активного в идеологии экономиста М. Делягина (одно время — помощника премьер-министра М. Касьянова): «Деньги на «великие стройки века» и другие производства, не связанные с удовлетворением нужд населения, урывались из зарплаты тех, кто создавал реальные потребительские блага... Таким образом, административный механизм балансирования потребительского рынка оказывал на него давление в сторону обнищания, способствовал тому, чтобы в натуральном выражении равновесие каждого года достигалось на уровне ниже предыдущего»¹.

Взяв самые обычные статистические ежегодники, каждый мог бы убедиться, что вплоть до созданного бригадой Горбачева кризиса 1990 г. «в натуральном выражении равновесие каждого года достигалось на уровне *выше* предыдущего». Никакого «обнищания» в СССР не происходило, а имел место постоянный прирост благосостояния, то есть вектор не изменялся на противоположный («в сторону обнищания»).

Это нежелание различать категории выбора и решения выражалось уже в самих метафорах перестройки: «иного не дано», «альтернативы перестройке нет», «нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка» и т.п. Понятно, что верхушка номенклатуры, сделавшая к концу 80-х годов свой выбор и заключившая союз с противником СССР в «холодной войне», никак не была заинтересована в том, чтобы общество этот выбор поняло, осмыслило и сравнило с альтернативными вариантами — как это и полагается у камня на распути.

Напротив, команда Горбачева и его «социальная база» гнали общество, торопили, не давали опомниться и задуматься, представляли дело так, будто никакого выбора и не существует, задачи ясны и надо только успеть вскочить на подножку уходящего поезда. Во время перестройки вся огромная идеологическая машина КПСС была направлена на то, чтобы люди не поняли, что их ожидает в ближайшем будущем.

---

¹ Делягин М. Потребительский рынок в СССР // Свободная мысль. 1991. № 14.

Но ведь для общества как раз было жизненно важно разобратся именно в сути выбора, перед которым оно было поставлено, и подсознательно основная масса народа надеялась на то, что интеллигенция в этом разберется и честно растолкует остальным. Никто не ожидал, что интеллигенция сама окажется в плену идеологических фантомов и станет прикрытием для господствующего меньшинства. А ведь интеллектуалы даже из самой команды Горбачева нет-нет да и проговаривались насчет того, что речь идет именно о выборе, а не об «улучшении существующего».

Вот как характеризовала суть перестройки близкий сподвижник Горбачева академик Т. И. Заславская: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество... При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуется не более 10—15 лет... Необходимость принципиального изменения траектории развития общества означает, что прежняя была ложной»¹.

Здесь сказано, что простого человека и страну ждет не улучшение каких-то сторон жизни («ускорение», «больше демократии», «больше справедливости»), а смена самого типа жизнеустройства, то есть всех сторон общественного и личного бытия. Речь идет даже не о том, чтобы с перекрестка пойти «другой дорогой», а о том, чтобы сменить тип траектории — пойти в другую сторону, да еще и «в другом измерении» (в глубь земли?).

Казалось бы, поставлена фундаментальная проблема и следующим шагом будет именно на таком фундаментальном уровне сказано, в чем же «прежняя траектория была ложной». Но нет, этот разговор велся (да ведется и сегодня) на уровне деталей бытового характера. Выезд за границу облегчить, вместо универсамов супермаркеты учредить да так цены поднять, чтобы очередей не было. Ну, разрешить образование партий — Жириновского там, Явлинского, а то скучно без них.

А ведь на деле за намеком Т. И. Заславской стояли вещи именно экзистенциального уровня. Например, предполагалось изменение всех фундаментальных прав человека — на пищу, на жилье, на труд. От общества, устроенного по типу семьи, когда именно эти права являются неотчуждаемыми (человек рождается с этими правами), предполагалось перейти к обществу, устроенному по типу рынка, когда доступ к первичным жизненным

---

¹ Заславская Т. И. Перестройка и социализм // Постигание. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 217 — 240:

благам определяется только платежеспособностью человека. Как могла интеллигенция уклониться от обсуждения именно этой фундаментальной проблемы выбора и толковать об упрощении порядка работы ОВИРа?

Даже проблема ликвидации плановой системы хозяйства, частная по сравнению с общим изменением типа жизнеустройства, оказалась для интеллигенции слишком фундаментальной — о ней говорилось мало и именно в технических терминах. Что, мол, лучше учитывает потребительский спрос на пиджаки — план или рынок? О том, что бригада Горбачева начала именно ликвидацию плановой системы хозяйства, подавляющая часть граждан узнала слишком поздно, она надеялась, что образованные люди об этом вовремя предупредят. Ведь они-то должны были понять намеки академиков и профессоров.

Г. Х. Попов верно писал в 1989 г.: «В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС «Основные положения коренной перестройки управления экономикой» и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР Законе СССР «О государственном предприятии (объединении)» есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: «Контрольные цифры... не носят директивного характера». В этом положении — один из важнейших узлов перестройки»¹.

Исторические слова! Значит, речь идет о чем-то самом важном. Так растолкуйте это людям, товарищи инженеры, врачи, офицеры! Как это скажется на нашей жизни? Ведь простой человек на экране видел в основном лицо Горбачева, а тот успокаивал: «На страницах печати были и предложения [по экономической реформе], выходящие за пределы нашей системы, в частности, высказывалось мнение, что вообще надо бы отказаться от плановой экономики, санкционировать безработицу. Но мы не можем допустить этого, так как собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо»².

Главная диверсия «шестидесятниками», а за ними и интеллигенцией в целом была совершена в методологии понимания людьми самых простых и фундаментальных для их жизни вещей, в подходе к постановке вопросов, в вычленении главного, в выявлении причинно-следственных связей. Глубина дезориентации людей потрясает.

Вспомним отношение населения к приватизации промыш-

---

¹ Попов Г. Х. Корень проблем. О концепции экономической перестройки. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 53.

² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление. М.: Изд-во политической литературы, 1988. С. 84.

ленности. Готовится фундаментальное изменение всего социального порядка, которое обязательно затронет благополучие каждого человека, но люди не видят этого и не подсчитывают в уме баланс возможных личных выгод и потерь от этого изменения. Вот опрос ВЦИОМ 1994 г., выясняющий отношение людей к ваучерной приватизации 1992 — 1993 гг. Да, судя по ответам, отношение было скептическое, подавляющее большинство в нее не верило с самого начала и тем более после проведения. Но при опросе 64% опрошенных ответили: «Эта мера ничего не изменит в положении людей». Они назвали приватизацию «показухой».

Это поразительное, необъяснимое отсутствие дара предвидения. Как это «показуха»? Как может приватизация всей государственной собственности и прежде всего практически всех рабочих мест ничего не изменить в положении людей? Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации? Фундаментальное изменение жизнеустройства, исторический выбор люди воспринимают как бесполезное (но и безвредное) техническое решение.

Виднейший философ А. А. Зиновьев пишет о том периоде, который предшествовал перестройке, что он «....совпал по времени с нарушением принципа соответствия интеллектуального уровня руководства обществом и интеллектуального уровня руководимого им населения. Последний вырос колоссально, а первый остался почти тем же, что и в сталинские годы. В лице Брежнева советские люди видели на вершине власти маразматика с непомерно раздутым тщеславием. Многие чувствовали себя оскорбленными тем, что вынуждены подчиняться такому глупому и аморальному руководству. Именно это чувство толкнуло лейтенанта Ильина на покушение на Брежнева — на символ развитого социализма.

Пренебрежительное и даже презрительное отношение массы советских людей к своим руководителям стало важным элементом идеологического состояния советского общества. Это отношение охватило все слои общества снизу доверху. Ядовитые анекдоты на этот счет можно было услышать в самых высших слоях общества, порою даже в кругах, лично близких к самим высмеиваемым деятелям партии и государства. Ничего подобного не было и не могло быть в классические сталинские годы не только из-за страха репрессий, но также и потому, что еще не сложилось такое вопиющее расхождение в интеллектуальном уровне руководства и общества в целом»¹.

---

¹ Зиновьев А. Русская трагедия (Гибель утопии). М.: Алгоритм, 2002. С. 165.

Выходит, люди сталинского времени были глупы, а люди, которые аплодировали Горбачеву и целовали туфлю Сахарова, — очень умны («их интеллектуальный уровень вырос колоссально»). Это пример того, как деградация логики и критериев оценки затрагивает даже великих философов. Зиновьев, вопреки тому, что он говорит сегодня, в 70-е годы был активным антисоветчиком. Мысль, которая в конце 70-х годов ему казалась очевидной, является кардинально ошибочной. Но он эту мысль ревизии не подвергает и встраивает в контекст нынешних «просоветских» мыслей, создавая некогерентность всего рассуждения.

Да, получилось так, что в 70-е годы наши граждане приобрели многие атрибуты «высокого интеллектуального уровня» — но при этом утратили некоторые гораздо более фундаментальные «инструменты мышления». Поэтому грядущий Гайдар им стал казаться умнее и ближе Косыгина, Собчак умнее Машерова, а генерал Грачев более надежным защитником Отечества, чем маршалы Гречко или Устинов. И этот принципиальный выбор А. А. Зиновьев считает свидетельством «высокого интеллектуального уровня», а идиотский выстрел лейтенанта Ильина в Брежнева — геройским выражением кипящего разума возмущенного.

Да, Брежнев и Косыгин с Устиновым не справились с этой новой ситуацией, не нашли общего языка с высокоинтеллектуальным лейтенантом Ильиным. Они не могли освоить внешние атрибуты нового мышления Горбачева и Шеварднадзе, но факт, что они хотя бы сохраняли фундаментальные инструменты здравого смысла. Они не смогли предотвратить прихода разрушителей, но сами они страну не расчленили и не продавали. У них *вектор* был совсем иным, чем у Горбачева. Разве это не преимущество типа мышления старой «глупой» власти над мышлением Собчака и Чубайса?

Утрата способности к рациональным интегральным оценкам. Остановимся на эпизоде, который привлек внимание тем, что красноречиво отразил процесс дерационализации сознания образованной части общества — сначала на Западе, а потом и в РФ. Речь идет об издании в 1997 г. во Франции «Черной книги коммунизма» (авторы С. Куртуа, Н. Верт и др.). В РФ эта книга была издана Союзом правых сил в 2001 г. тиражом 100 тыс. экземпляров с грифом «Предназначено для распространения в муниципальных, сельских, школьных и вузовских библиотеках». Вступительную статью написал сам бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев, который подписался как *академик РАН*.

Вскоре после выхода книги в свет на Западе состоялось ее обсуждение в академической среде, и было признано, что научной ценностью она не обладает, являясь продуктом фальсификации истории. Интерес вызвало другое — в череде известных фальсификаций эта книга выделялась как будто нарочитой примитивностью и нелогичностью. Это какой-то новый жанр, предназначенный для какого-то нового читателя. Причем речь идет о читателе образованном (никому, кроме интеллигенции, такая книга не нужна) и к тому же политизированном, можно сказать, духовно чутком. О чем говорит появление подобной книги?

Говоря о книге и ее обсуждении, историк-эмигрант А. С. Кустарев отмечает два момента. Первый — это запросы рынка такой политико-исторической литературы. Эти запросы говорят об отходе этого контингента читателей от рациональности. С другой стороны, рынок оказывает такое давление на историков, что они не просто превращают историю в товар, но вынуждены идти на ее фальсификацию — происходит коррупция научного сообщества. А. С. Кустарев пишет:

«Юристы вряд ли взялись бы организовать процесс по обвинению коммунизма в преднамеренных преступлениях. В дискуссии участвовал кто угодно, только не законники. Но если виды на процесс в нюрнбергском стиле выглядят столь бледно, то зачем же сотрясать воздух понятием преступности? Одно объяснение часто мелькало в дискуссии. Первыми к нему прибегли сами соавторы [Куртуа] Николя Верт и Жан-Луи Марголэн, обвинившие Куртуа в «сенсационализме». Он, дескать, хотел продвинуть «Черную книгу» на массовом читательском рынке и заработать на этом и славу, и деньги.

Очень вероятно. Сегодня все превращено в товар. Даже еврейским холокостом давно торгуют. Это ходкий товар. И вовсе не потому, что люди (включая большинство самих евреев) до сих пор сочувственно переживают трагедию 6 миллионов безвинно погибших евреев и всего еврейского народа. А потому, что это грандиозная «horror story», то есть «жуткая история»...

Надо сказать, что изготовление товара для верхней части массового рынка дело довольно тонкое. Ведь здесь требуется продукт, удовлетворяющий низменные потребности и умственно очень облегченный, но в то же время позволяющий потребителю думать, что он удовлетворяет свои возвышенные потребности и приобщается к чему-то умственно элитарному. Ориентация на историко-эпические бестселлеры таит в себе огромные опасности для исторической рефлексии общества. Выйдя из монастырей и университетов на книжную ярмарку, историки вынуждены ме-

нять содержание исторического повествования и интерпретацию исторической картины (чтобы не сказать — действительности) в угоду примитивному, но претенциозному вкусу потребителя... Историческая литература этого рода возникает за пределами научной общины, но быстро коррумпирует ее»¹.

В второй части статьи А. С. Кустарев разбирает вопрос, *куда* сдвигается сознание интеллигентного читателя, а за ним и тип мышления историков, выполняющих заказ рынка. Он пишет: «Два элемента в нынешней фазе антикоммунистической кампании указывают на возврат магического сознания. Это вера в чудодейственную силу «символического судебного процесса» и убеждение в том, что судить можно не только «человека», но и «идею», и даже «символ». Судебный процесс имеет сильный оттенок магического заклęcia. В особенности та фаза судебного процесса, где решается вопрос о «виновности». Мера пресечения уже лишена магической энергии, за исключением одного случая — когда виновному назначается смертный приговор; магический смысл полностью возвращается в этот акт в том случае, если казнь на самом деле не совершается или совершается символически. Так вот, символический суд над коммунизмом и требования вынести ему формальный смертный приговор есть прежде всего магическое действие. Это попытка заклясть, заговорить призрак. Это особенно заметно, когда от обвинений в адрес физических лиц (Ленин, Дзержинский, Сталин, Ягода, Иванов, Петров, Сидоров) мы незаметно переходим к обвинениям в адрес юридических лиц, сначала прямых участников репрессий (ЧК), потом косвенных (ВКП(б), потом подозреваемых в сочувствии (Французская компартия или компартия Галапагосских островов) и, наконец, идеологии.

В конце Средних веков во Франции имела место занятная вспышка правового мистицизма: устраивались судебные процессы над животными — лошадьми, собаками, свиньями. Этот красочный эпизод безумно интересен для истории культуры. Не случайно он имел место в «начале модерна», когда еще сильные пережитки магического сознания комбинировались с религиозным духом и рационализмом правового сознания. Как мы говорили, рациональное правовое сознание (другая ипостась научного сознания) с тех пор сильно укрепилось, но теперь его влияние пошло на убыль» (там же).

Тот факт, что в РФ, насколько можно было судить по прессе, «Черная книга» была встречена практически полным молчанием, можно считать хорошим признаком. Людям стало стыдно —

---

¹ Кустарев А. С. (Донде). Как заговорить призрак // Независимая газета. 1998.24.09.

слишком уж низкопробная халтура. «Верхняя часть массового рынка» у нас до таких кондиций еще не созрела. Надо даже удивляться тому, что Союз правых сил, партия исключительно интеллигентская, пошла на совершение такой пакости, это ей уважения никак не прибавило. Но даже и они об этой своей акции особенно не шумят. А. Н. Яковлев, правда, отметил, что ему, видно, терять уже нечего.

Но есть в этой книге и в ее обсуждении один мотив, который может служить для нашей темы хорошим учебным материалом. Этот мотив, несовместимый с нормами рациональности, очень силен в мышлении значительной части нашей интеллигенции. Суть его в том, что если человек поверил в какую-то этическую оценку (типа «коммунисты расстреливали невинных»), то он отказывается рационально рассуждать обо всех других сторонах реальности. Оценка довлеет над ним, вытесняя и меру, и здравый смысл в отношении даже очень далеких от данной этической проблемы вопросов.

Этот эффект хорошо разобрал Н. Хомский на материале одной темы «Черной книги» — именно как учебное упражнение. Речь идет о «преступлениях» не в СССР, а в Китае, что делает для нас обсуждение даже проще. Структура явления от этого не меняется.

Н. Хомский не разбирает сам текст «Черной книги», это не имеет смысла. Он берет одну из наиболее серьезных рецензий на нее — «видного ученого, философа, политолога и приверженца социал-демократических идей» Алана Райана, опубликованную в «*New York Times Book Review*» (2000, № 1). Оценка Райана такова: эта книга — обвинительный акт, «подсчет трупов, оставшихся после колоссального, полностью провалившегося эксперимента — социального, экономического, политического и психологического». Коммунизм — абсолютное зло, не искупленное даже намеком на какое-нибудь достижение хотя бы в одной области, нагромождение «абсолютно напрасных, бессмысленных и необъяснимых страданий».

Н. Хомский рассматривает логику этого вывода. Он пишет: «Как и другие авторы, Райан резонно выбирает в качестве вещественного доказательства № 1 голод в Китае 1958 — 1961 годов, который, как он сообщает, унес жизни от 25 до 40 миллионов человек». Выбор этого случая для нас тем более ценен, что он стал предметом большого научного труда «экономиста Амартии Сена, чье сравнительное исследование голода в Китае и соответствующего опыта демократической Индии удостоилось особого внимания, когда он несколько лет назад получил Нобелевскую премию», — пишет Хомский¹.

---

¹ А. Сен оценивает число жертв от голода 1958 — 1961 гг. в Китае в диапазоне от 16 до 29,5 млн. человек.

Таким образом, рассуждения А. Сена и, на их основе, А. Райана — не дешевый продукт «желтой прессы», по ним можно судить о состоянии мышления влиятельной части научно-гуманитарной элиты. Приведем теперь длинную цитату из Н. Хомского, которая насыщена его цитатами из А. Сена. Он пишет:

«В своих трудах начала 80-х годов Сен отмечал, что Индия после освобождения от британского правления не переживала подобных случаев голода. Он объясняет различие между Индией и Китаем в период после Второй мировой войны преимуществами индийской «политической системы с ее культурой оппозиции и традициями состязательности в журналистике»...

Приведенный пример вполне способен послужить «обвинительным актом» в адрес тоталитарного коммунизма... Но прежде чем мы закроем обвинительный том, у нас может возникнуть желание обратиться ко второй части индийско-китайских сравнений, приводимых Сеном, а об этой части почему-то никогда не было слышно, несмотря на ту центральную роль, которую она играет в аргументации автора, и вопреки тому четкому акценту, который он на ней делает.

Когда 50 лет назад началось планирование экономического развития, Индия и Китай имели «разительно схожие черты», в том числе и уровень смертности, отмечают Сен и его соавтор Жан Дрез, «но сейчас нет сомнений, что в Китае по сравнению с Индией показатели заболеваемости и смертности значительно ниже, а продолжительность жизни, уровень образования и другие социальные показатели существенно выше». С 1949 по 1979 год «Китай... достиг поразительно высокого уровня развития здравоохранения и обеспечения населения продовольствием», в то время как «в Индии никаких сопоставимых изменений не произошло»... Если бы Индия приняла такие же социальные программы, как Китай, то «в середине 1980-х годов там регистрировалось бы в год примерно на 3,8 миллиона смертей меньше». «Это указывает на то, что примерно каждые восемь лет в Индии дополнительно умирает больше людей — в сравнении с китайскими показателями смертности, — чем общее количество жертв гигантского голода в Китае (даже при том, что это был самый массовый голодомор столетия в мире)». «Индия, судя по всему, умудряется каждые восемь лет складывать в свои шкафы больше скелетов, чем Китай в его самые позорные годы».

И в том, и в другом случае получающиеся результаты приходится рассматривать в связи с «идеологической предрасположенностью» политических систем, отмечают Дрез и Сен: в Китае это более или менее справедливое пользование ресурсами здравоохранения, включая медицинскую помощь жителям в сельской местности, государственное распределение продовольствия

и другие программы, ориентированные на нужды подавляющего большинства населения; жители Индии всего этого лишены...

Давайте вспомним, что все это — программы, относящиеся к «колоссальному, полностью провалившемуся эксперименту — социальному, экономическому, политическому»...

Предположим теперь, что мы, излечившись от беспамятства, начнем применять методологию «Черной книги» и ее рецензентов ко всей истории, а не только к той ее части, которая приемлема с доктринальной точки зрения. В результате мы обнаружим, что в Индии проводившийся с 1947 года демократический капиталистический «эксперимент» повлек за собой больше смертей, чем вся история «колоссального, полностью провалившегося эксперимента» коммунистического [повсюду, где он проводился начиная с 1917 года]: в одной только Индии к 1979 году [избыточно] умерло более 100 млн. человек, и еще десятки миллионов в последующие годы.

«Обвинительный акт» против «демократического капиталистического эксперимента» зазвучит еще беспощаднее, если мы обратимся к последствиям этого эксперимента после падения коммунизма: еще больше стало «скелетов в шкафу»... — результат неолиберальных реформ. Миллионами смертей заплатила Россия, следуя самонадеянным предписаниям Всемирного банка...

Обвинение станет намного жестче, если мы бросим взгляд на те огромные территории, которые остались под опекой Запада и которые дают нам поистине «колоссальное» число скелетов и картину «абсолютно напрасных, бессмысленных и необъяснимых страданий». И уж предельно беспощадным будет обвинительный акт, если рассмотреть последствия неолиберальных реформ, навязанных условиями «Вашингтонского консенсуса»... Один лишь пример: три специалиста по Африке указывают, что эти реформы «помогли ускорить катастрофу, в которой практически все достижения 1960 — 1970-х годов в области экономики, социальной сферы, образования и здравоохранения были стерты в пыль»; человеческие же потери бесчисленны — по крайней мере никто не пытался их подсчитать¹.

Разбирая логику рецензентов «Черной книги», Н. Хомский, по сути, предложил эффективный способ для самоконтроля за процессом отступления от норм рациональности. Услышав радикальную оценку, которая побуждает тебя отбросить структурный анализ сложного явления и занять по отношению к нему тоталитарную позицию, стоит применить предлагаемую теме методологию оценки «в обратном направлении». Результат отрезвляет.

---

¹ Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003. С. 216 — 222.

Категория вектора и политическое мышление. Здесь следует снова напомнить, что смешение векторных и скалярных величин, неспособность различать категории *выбора пути* и *технического решения* являются в нынешнем обществе свойством сознания всех социальных групп и политических течений (хотя и проявляются в разной степени и разной форме). Например, в течение первого срока президентства В. В. Путина углубился конфликт между ним и КПРФ. Я имею в виду конфликт принципиальный — между курсами, а не личностями. Конфликт этот в ясной форме даже не выявлен и не изложен, но он ощущается. Но проблема не в этом — срыв политической программы КПРФ был заложен в доктрине критики Ельцина.

Как это ни покажется парадоксальным, имидж В. В. Путина, за которого и голосовали большинство избирателей, был слеплен самой КПРФ как отрицание того, в чем обвинялся Ельцин. Ведя в течение 7 лет непримиримую атаку на образ Ельцина, левая пресса уже создала, через это отрицание, образ его идеального антипода, желаемого президента. Вот главные мазки, которыми был нарисован портрет Ельцина: ренегат коммунизма; подписал Беловежские соглашения (уничтожил СССР); политический преступник, расстрелял парламент; беспробудный пьяница, больной и непригодный для напряженной работы человек; хам, который мочится на шасси иностранного самолета; коррумпированный тип, создавший олигархов, которые «отстегивают» его «семье»; авторитарный начальник, не имеющий команды; импульсивный и непоследовательный политик — развязал войну в Чечне, а потом заключил позорные Хасавюртские соглашения.

Портрет был составлен живо, все мазки запоминались. И вот, как ангелок из табакерки, вышел на арену В. В. Путин, в котором буквально все до одного порока Ельцина были заменены симметричными достоинствами: вернул советский гимн и красный флаг армии; парламент уважает безгранично, шлет ему Послания; пьет чуть-чуть только по праздникам, работает как машина; человек с прекрасными и даже тонкими манерами, выделяется ими на фоне всей кучи мировых лидеров; скромнен в быту, с личной коррупцией просто несовместим; умело и тщательно создает и свою команду, и всю систему власти — вертикали и горизонтالي; в политике обладает хваткой бульдога — блокировал и последовательно задавил бандитов-сепаратистов и обрезал их связи с заграницей.

Оба портрета яркие, оба правдивы, и за ними людям вообще не было видно главного вопроса — каков вектор политики Ельцина и политики В. В. Путина? Поскольку в критике Ельцина этот вопрос был практически снят, то теперь его поставить на

обсуждение очень непросто, он за предыдущие годы выпал из политической повестки дня, он для людей непривычен и даже непонятен. В этом я вижу фундаментальную ошибку КПРФ.

Разумнее было бы вести критику Ельцина совсем по-другому, примерно так. Исторический выбор, который реализует политика Ельцина, принципиально неверен — он ведет к гибели страны. Личные особенности Ельцина тоже добавляют народу головной боли, но не надо на них слишком концентрировать внимание, иначе они заслонят для нас главное. Даже лично привлекательный и блестящий человек, принявший тот же выбор и тот же курс, приведет страну к той же пропасти — такова жестокая логика истории. Товарищи избиратели, задумайтесь о выборе пути, а не о личных достоинствах и недостатках личностей, которые отстаивают тот или иной выбор. Люди сменяются, а вот изменить направление дороги, отойдя далеко от перекрестка, очень трудно.

Программная ошибка КПРФ — продукт того же нарушения норм и инструментов мышления, которое наблюдается в нашем общественном сознании в целом. Люди утратили навыки поиска устойчивых критериев, с которыми можно подойти к оценке событий, процессов и конкретных политиков исходя из представлений о «добре и зле» высшего порядка. Они перешли к оценке образа, имиджа, который создается из мелочей, воздействующих на эмоции, и является, условно говоря, величиной именно скалярной.

Вот проверенный на опыте факт: уже в 80-е годы люди не обладали способностью определять, кто коммунист и кто нет. Не действовали старые признаки, старые инструменты. Начиная с 1987 г. Горбачев быстро и необратимо отходил не только от коммунизма, но даже и от социал-демократии, а на каждом пленуме ЦК КПСС его выбирали генсеком Компартии и аплодировали. Шипели в коридоре, но по второстепенным вопросам. Пока в 1991 г. сам Горбачев с хохотом не запретил Компартию. Тогда смекнули. Но это уже действовал инструмент не мышления, а реальной политики.

Это нарушение сознания несколько не устранено. Свидетельством является тот наглядный факт, что уже много лет массы людей в РФ дают диаметрально противоположные оценки одним и тем же явлениям, не имея для такого расхождения никаких объективных оснований и даже вопреки очевидным признакам.

Вот пример. 28 декабря 2003 г. радио «Эхо Москвы» задало слушателям вопрос: «Как вам кажется, В. Путин скорее «правый» или скорее «левый» политик?» По телефону ответили 3482 человека, из них 20% посчитали В. В. Путина «скорее правым

политиком», а 80% — «скорее левым». Действительно, значительная часть граждан считает В. В. Путина *левым* и по этой причине голосует и за него, и за «Единую Россию».

При этом люди исходят из того понимания левых и правых, которое сложилось в России с начала XX века. Левый у нас тот, кто в социальном конфликте стоит на стороне угнетенного и эксплуатируемого большинства, а правый — на стороне угнетателей и эксплуататоров. В этом понимании идеология правых — *либерализм* (в наше время *неолиберализм*). Его главные идеалы — индивидуализм, главенство частной собственности и экономическая свобода (рынок и конкуренция). Но именно этим ценностям и привержен В. В. Путин, именно на их утверждение направлена и его практическая политика.

Более того, в политической верхушке и не скрывают, что В. В. Путин — типично правый политик. А. Н. Яковлев хвалит В. В. Путина: «Я внимательно, с карандашом в руке, читал все ежегодные Послания президента Федеральному собранию. И каждый раз готов был аплодировать их автору: замечательная либеральная программа... Согласен с каждым пунктом»¹. Цинично определяет политику В. В. Путина и ярый идеолог правых Е. Ясин: «Путин выстраивал отношения с правыми так, чтобы пользоваться их разработками, но при этом отмежевываться от них публично». Другими словами, В. В. Путин проталкивает законопроекты, которые в тени готовят Чубайс и Гайдар, но на людях президент от этих одиозных типов дистанцируется.

Четко выразился А. Чубайс: «Реальный внутривластный курс Путина — правый. А внешнеполитический — так просто слов нет! Мы развернулись за два года на 180 градусов! В НАТО практически вступили. В ВТО в моем понимании вступим не позже чем через полтора года. Американцы — наши военные союзники».

Греф прямо заявил, что после выборов президента в марте 2004 г. реформы будут проводиться с большей, чем до этого, интенсивностью. При этом он сказал буквально следующее: «Основной вопрос — можно ли говорить в свете происходящего о продолжении либерального курса реформ. Однозначно — да. Я знаю, что Владимир Путин является убежденным либералом, и не представляю себе его действия, меняющие этот курс. В России возможен любой поворот событий, но не с этим президентом». То есть именно В. В. Путин является гарантом продолже-

---

¹ Яковлев А. О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003.2.12.

ния правого либерального курса реформ, так что сменись он на посту президента — все может пойти по-другому.

Мы здесь не касаемся вопроса, хорошо или плохо создавать на выборах кандидату, который исповедует либеральные ценности и будет проводить правую политику, имидж державного патриота, приверженца социальной справедливости. Это, в конце концов, проблема политической технологии и этики. Важнее эта массовая утрата способности применить давно выработанные человечеством интеллектуальные инструменты для определения вектора политика и соответствия этого вектора твоим интересам.

Утрата навыков «взвешивания» факторов, выделения фундаментальных и второстепенных характерна для всего общества, просто это состояние проявляется более наглядно у тех, кто привлекает больше внимания, кто ближе к власти. Но это ослабление способности к структурному анализу общественных явлений сильно сказалось и на деятельности оппозиции и во многом предопределило ее стратегические ошибки.

С самого начала реформ левая оппозиция пошла по простому и, казалось бы, очевидному пути. В том объяснении реальности, которое было положено в основу идеологической работы, упор был сделан на том, что режим Ельцина носит *антинародный* характер. Доводом для этого служил тот наглядный факт, что народ переживает бедствие.

Из этого вытекал вывод, что власть *злая*, что она не *хочет добра* народу, а хочет его ограбить и уморить — она проводит *геноцид*.

Большинство населения, в общем, легко приняло эту схему, тем более что такие одиозные фигуры, как Гайдар и Чубайс, как будто специально вели себя так, чтобы ее подтвердить. Та часть общества, которая по инерции симпатизировала Ельцину, получила удовлетворительное компромиссное объяснение — Ельцин пьет, он выпустил из рук вожжи, он болеет, не ходит на работу, он не собрал хорошую команду и слишком много воли дал «младореформаторам» и олигархам.

Такую трактовку отрицания реформ и стоящего за ними политического режима было легко внедрить в сознание, ибо эта трактовка была простой и подкреплялась эмоциями. Но эта трактовка не была фундаментальной, и для режима не составило большого труда ее разрушить. Ибо в ней уже содержался механизм разрушения в виде скрытого следствия: если президентом будет не Ельцин, а человек, не имеющий перечисленных выше недостатков, и если в правительство придут более добрые люди, то власть сможет наладить сносную жизнь, а потом и восстано-

вить хозяйство. Надо только отодвинуть людей типа Гайдара и приструнить олигархов.

Фундаментальным отрицанием реформ и режима было бы совсем иное утверждение: этот режим при той общественной системе, которую он создал, *не может* обеспечить сносную жизнь и сохранение страны — даже если у власти будут самые добрые и честные люди. Дело не в людях, а в *общественной системе* (хозяйства, управления, распределения прав и обязанностей и т.д.). При нынешней системе замена злых людей (Гайдара, Чубайса и т.п.) на добрых, даже самых добрых, может лишь незначительно и ненадолго смягчить страдания людей, слегка затормозить реформу. Этого, конечно, надо добиваться (например, выбирая «красных губернаторов» или «красного президента»), но это само по себе не гарантирует спасения.

Наглядные примеры — пребывание на посту губернатора таких честных и умелых руководителей, как В. И. Стародубцев и А. Г. Тулеев. Люди им верили и избирали с очень большим перевесом. В свою очередь, оба они старались облегчить положение людей и, насколько возможно, восстановить хозяйство своих регионов. Ради этого Тулеев даже разошелся с оппозицией, чтобы наладить максимально благоприятные отношения с властью. Однако существенного изменения ситуации в лучшую сторону ни в Кемеровской, ни в Тульской области добиться не удалось — через ограничения, которые накладывает весь общественный порядок в стране в целом, не перепрыгнешь.

Если бы оппозиция за прошедшие 12 лет смогла доходчиво объяснить людям именно эту фундаментальную вещь, ей бы даже не пришлось вступать в сугубо личный конфликт с президентами, отталкивая от себя значительную часть населения, которой эти президенты были симпатичны.

Особенно важно это было бы после ухода Ельцина, когда В. В. Путин сумел завоевать симпатии очень большой части общества.

Утрата категории ограничения: наступление аутистического сознания. К различению векторных и скалярных величин, которое игнорировала интеллигенция в своих общественно-политических установках во время перестройки, тесно примыкает другое важное условие рациональных умозаключений — различение *цели и ограничений*. Здесь в мышлении интеллигенции произошел тяжелый методологический провал, связанный со сдвигом от реалистичного сознания к *аутистическому*. Категория ограничений была почти полностью устранена из рассмотрения.

Когда мы рассуждаем об изменениях каких-то сторон нашей жизни (в политической сфере, экономике, образовании и т.д.),

мы применяем навыки мыслительного процесса, данные нам образованием и опытом. Не останавливая на этом внимания, мы выделяем какую-то конкретную цель — улучшение некоторой стороны нашей жизни. Поскольку разные цели конкурируют, мы стремимся не беспредельно увеличить или уменьшить какой-то показатель, а достичь его оптимальной (или близкой к оптимальной) величины. Насколько верно мы определяем показатель и положение оптимума — другой вопрос, мы пока его не касаемся.

Но, определяя цель (целевую функцию, которую надо оптимизировать), разумный человек всегда имеет в виду то «пространство допустимого», в рамках которого он может изменять переменные ради достижения конкретной цели. Это пространство задано ограничениями — запретами высшего порядка, которые никак нельзя нарушать. Иными словами, разумная постановка задачи звучит так: увеличивать (или уменьшать) такой-то показатель в сторону его приближения к оптимуму при выполнении таких-то ограничений.

Без последнего условия задача не имеет смысла — мы никогда не имеем полной свободы действий. Ограничения-запреты есть категория *более фундаментальная*, нежели категория цели. Недаром самый важный вклад науки в развитие цивилизации заключается в том, что наука нашла метод отыскивать и формулировать именно запреты, ограничения. Невозможность устройства вечного двигателя, закон сохранения материи и энергии, второе начало термодинамики — все это ограничения, определяющие «поле возможного».

Анализ «пределов» (непреодолимых в данный момент ограничений) и размышление над ними — одна из важных сторон критического рационального мышления, выработанного программой Просвещения. В такой критике нашего исторического бытия есть позитивное начало, в чем и заключается философская установка Просвещения. Эта критика неразрывно связана с самой идеей прогресса, развития. Ведь развитие — это и есть нахождение способов преодоления ограничений посредством создания новых «средств», новых систем и даже новой среды. Как писал М. Фуко, «речь идет о том, чтобы преобразовать критику, осуществлявшуюся в виде необходимого ограничения, в практическую критику в форме возможного преодоления»¹. Уход начина с момента перестройки (а на интеллигентских кухнях уже с 60-х годов) от размышлений о тех ограничениях, в рамках которых развивалось советское общество, привел к тому, что попыт-

---

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002. С. 352.

ки преодолеть эти реальные, но неосмысленные ограничения в годы реформы обернулись крахом.

Игнорирование ограничений во многом предопределено свойственным мышлению интеллигенции *механицизмом*. Мы впитываем его и с научно-техническим образованием, над которым еще довлеет ньютоновская картина мира, мы получали его заряд с историческим материализмом, становление которого также проходило под знаком ньютоновского механицизма, а теперь тем более подвержены влиянию механицизма, присущего неолиберализму. Когда видишь и даже ощущаешь общество как *машину*, легко впасть в иллюзию простоты ее сборки и разборки, замены одних блоков и агрегатов другими, «лучшими», а то и иллюзию простоты смены модели. Ограничения, тем более трудно формализуемые и плохо поддающиеся измерению, при таком мироощущении просто не замечаются. Таким механицизмом была проникнута вся доктрина перестройки и реформы (сама метафора «перестройки» толкала к предельно упрощенному взгляду).

Заметили ли мы этот дефект мышления? Перешли ли к более сложным, более адекватным «организмическим» моделям? Нет, этого не произошло. Посмотрите, взгляды В. В. Путина отличает представление о государстве именно как о машине, которую можно построить по хорошему чертежу. В данный момент ему нравится «западный» чертеж — двухпартийная система с присущими ей «сдержками и противовесами».

Он говорит 18 декабря 2003 г.: «Мы недавно совсем приняли Закон о политических партиях, только что состоялись выборы в парламент. У нас в новейшей истории создалась уникальная ситуация, при которой мы можем создать действительно действенную многопартийную систему с мощным правым центром, с левым центром в виде, скажем, социал-демократической идеи и с их сторонниками и союзниками по обоим флангам».

Здесь соединяется гипостазирование (вера в «Закон») с атрофией исторической памяти. Не было никогда в России такой возможности, а теперь «приняли Закон» — и такую уникальную в новейшей истории возможность имеем, «можем создать», как на Западе. Казалось бы, этому надо было удивиться и хотя бы высказать предположения о том, почему раньше не удавалось, а теперь возможность появилась. Что за магическая сила в этом Законе? Какие непреодолимые ограничения для создания «двух центров» были сняты после прихода В. В. Путина к власти?

И неважно, что почему-то никак не удается устроить левый центр «в виде, скажем, социал-демократической идеи» — как ни пытались Горбачев, Рыбкин, Селезнев и даже Фонд Эберта. Да, кстати, и с «мощным правым центром» не выходит — хоть «Наш

дом» учреди, хоть «Единую Россию» — получается номенклатурная партия власти, ухудшенная версия КПСС («КПСС от райкома и выше»). Старое утверждение, гласящее, что «искусство управлять является разумным при условии, что оно соблюдает природу того, что управляется», кажется настолько очевидным, что М. Фуко называет его *пошлостью*. Но ведь наши правители начиная с Горбачева принципиально не признают этот тезис. Они открыто провозгласили, что будут управлять государством и обществом России вопреки их природе, ломая и переделявая их природу. Они даже бравировали тем, что эту природу не знают и презирают.

Этот взгляд В. В. Путина — плод механицизма и устранения рефлексии из перечня операций мышления. Он проникнут уверенностью в том, что и люди, и общество, и государство подобны механизмам, которые действуют по заданным программам. В основе такого взгляда лежит представление о человеке как об *атоме* (индивиде). Эти атомы собираются в классы, интересы классов представляют партии, которые конкурируют между собой на политическом рынке за голоса избирателей. Элементарная ячейка этого рынка — купля-продажа «голоса» индивида.

Да, по такой программе собирались некоторые государства (например, США, где конституция прямо писалась по схеме механической картины мира Ньютона). В России общество и государство «собирались» по совсем другой программе и исходя из иных представлений о человеке (в этот большой вопрос мы здесь углубляться не будем). Государство строится не *логически*, как машина, а *исторически* — в соответствии с народной памятью и совестью, а не голосованием индивидов или депутатов. Опыт XX века в России показал, что попытка «логически» построить государственность как машину, имитируя западный образец, терпит неудачу.

Так, после февраля 1917 г. никто не принял всерьез либеральный проект кадетов, верх взяла исторически сложившаяся форма крестьянской и военной демократии — Советы, в которых по-новому преломились принципы и самодержавия, и народности. Политическая система — производное от структуры и культуры общества. Двухпартийная система и в особенности ее «мощный левый центр» — продукт зрелого буржуазного общества. Социал-демократизм — доктрина гуманизации, «окультуривания» капитализма, доктрина в философском плане сложная, а в социальном плане возможная лишь после того, как буржуазия накопит и завезет из колоний большие средства, чтобы оплатить этот гуманизм.

Есть в РФ эти условия? Об этом вопрос у политиков, да и в

среде либеральных интеллектуалов даже не стоит. Знать реальности не желают, а конструировать политическую систему берутся. Общество переросло советскую политическую систему, но в нем вовсе не возникло зрелого буржуазного «субстрата», поэтому и сейчас попытка искусственного копирования «двухпартийной машины» не удастся. Правая либеральная доктрина неадекватна состоянию экономики РФ, нашей культуре и историческому опыту, а это исключительно устойчивые ограничения.

В данном случае попытка имитации тем более неразумна, что одновременно в РФ осуществляется «рыночная» реформа согласно неолиберальной доктрине, которая как раз ведет к разрушению принятой ранее на Западе двухпартийной системы. Неолиберальная волна просто смела эту систему, так что существенные различия между правыми («либеральными») и левыми («социал-демократическими») партиями исчезли. Тони Блэр совершенно не похож на лейбориста 60-х годов.

Либеральный английский философ Дж. Грей пишет: «Традиционный консерватизм отныне не может считаться реалистическим политическим выбором, поскольку институты и практики, составляющие его наследие, были сметены с исторической сцены теми рыночными силами, которые выпустила на волю или упрочила неолиберальная политика... В то же время и сам неолиберализм сегодня можно рассматривать как политический проект, разрушающий свои собственные опоры»¹.

Радикальный постмодерн неолиберализма выхолостил двухпартийную систему Запада — что же предлагает имитировать В. В. Путин? То, чего нет на Западе и не может сосуществовать с агрессивной новой средой? Уже в 80-е годы западная партийная система получила красноречивое название — *ambi-dextra* — то есть «двое-правая». Обе партии, независимо от их названий, проводят одну и ту же правую, неолиберальную, политику. Ведь кризис левых партий Запада тем и вызван, что социал-демократия взяла на себя задачу демонтировать западное «государство всеобщего благоденствия».

Вообще, если кто-то разглагольствует о великой цели как наивысшей ценности, не указывая на ограничения, то его слова можно принять лишь как поэтическую метафору, как демагогию политика-манипулятора или как отступление от норм рационального мышления. Когда, например, говорят, что «конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой», то в этом, скорее всего, смешаны все три упомянутые

---

¹ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003. С. 163.

причины. Как это любой ценой? Есть же цена неприемлемая, например, гибель всего человечества.

В сфере общественного сознания перестройку и реформу можно рассматривать как постановку множества целей по улучшению разных сторон нашей жизни (станет больше того-то и того-то приятного и меньше того-то и того-то неприятного). Ради этого предлагалось изменить те-то и те-то переменные (отношения собственности, политическое устройство, тип армии и школы и т.д.). В совокупности все эти изменения означали смену общественного строя. И если мы вспомним весь перечень частных задач, то сможем убедиться, что ограничения не упоминались вообще или затрагивались в очень расплывчатой, ни к чему не обязывающей форме (вроде обещания Горбачева «конечно же, не допустить безработицы» или обещания Ельцина «лечь на рельсы»).

Возьмем частную задачу — «улучшение экономики». У нас имелся определенный тип хозяйства (советский). В течение примерно пяти лет нас убеждали, что рыночная экономика западного типа лучше советской. И убедили! Поэтому люди спокойно отнеслись и к ликвидации плановой системы, и к приватизации промышленности, а теперь и к приватизации земли. Критерий, правда, был очень расплывчатым, положение оптимума вообще не определено («всего побольше!»), но мы пока о другом, более важном условии — об ограничениях.

Когда речь идет о таком важном выборе, как тип народного хозяйства, пространство допустимого определено самым жестким ограничением — *выживанием*. Это значит, что все переменные системы можно менять лишь в тех пределах, где гарантируется выживание системы (народа, страны — уровень тех систем, гибель которых для нас неприемлема, можно уточнять). Зачем, например, русским самая прогрессивная экономическая система, если при ее построении все они вымрут?

Мы сравниваем капитализм («рынок») и советский строй («план»). Какой строй лучше? Абстрактного ответа быть не может, надо задать условия. Правильный вопрос звучит так: какой тип хозяйства лучше в тех условиях, в которых реально находился СССР; при условии, что он продолжает существовать? Конечно, ограничения можно менять, но это надо делать явно. Ведь никто в конце 80-х годов не говорил: устроим рыночную экономику, хотя бы из-за этого погиб СССР и начались войны на Кавказе.

Каков же был тот чудодейственный аргумент, который убедил интеллигентов поддержать слом экономической системы, на которой было основано все жизнеобеспечение страны? Ведь не

шуточное же дело было предложено. Аргументом была экономическая неэффективность плановой системы. Рынок, мол, лучше потому, что он эффективнее. Это было как заклинание. Люди, привыкшие рационально мыслить в своей сфере, поразительным образом приняли на веру, как божественное откровение, идею, воплощение которой потрясало весь образ жизни огромной страны. Никто даже не спросил, по какому критерию оценивается эффективность. Но еще важнее, что никто не вспомнил о самом фундаментальном ограничении! А ведь о нем прямо говорили великие мыслители.

Примем во внимание жесткий факт, который историк капитализма Фернан Бродель, поднятый на щит именно во время перестройки, сформулировал таким образом: *«Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда»*. В контексте Ф. Броделя, который делает этот вывод после подсчета притока ресурсов из колоний в Англию в XVIII веке, слово «развиваться» равноценно понятию «существовать». То есть «услужливая помощь чужого труда» есть условие выживания капитализма — мысль довольно банальная, которой, однако, наша интеллигенция и знать не хотела.

К этому-то факту и прилагаем для сравнения столь же очевидный факт: *«Советский строй мог развиваться без услужливой помощи чужого труда»*. Согласно самому абсолютному критерию — выживаемости, я делаю вывод: в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, советский тип хозяйства эффективнее капиталистической экономики. Подчеркиваю, что речь идет именно об этих условиях. Если источники услужливой помощи чужого труда доступны, надо разбираться особо. Но этот случай для нас был и остается неактуальным, поскольку все мы знаем — ни СССР, ни нынешняя Россия этих источников не имели, не имеют и, скорее всего, не будут иметь. Место занято!

Та формула, которую дал Ф. Бродель на основе скрупулезного подсчета ресурсов, которые западный капитализм бесплатно получил из колоний, в разных вариантах повторяется и другими крупными учеными и философами самого Запада, так что тут никакой ошибки нет. Удивительно, что это вдруг перестала знать и понимать наша интеллигенция. Иногда даже кажется, что это неискренне. С большим скрипом начинают люди признавать, что масштабы средств, изъятых метрополиями из колоний, существенны. И тут же выдвигают довод, который кажется им убедительным: не все страны Запада имели колонии. Значит, главное все же не колонии, а рыночная экономика, ум и труд частных собственников.

При обсуждении этого вопроса в Интернете один весьма образованный человек написал: «Крупные европейские страны по ВВП на душу населения располагаются так: Норвегия, Швейцария, Дания, Исландия, Австрия, Ирландия. Все эти страны отродясь не имели колоний. Из кого же они что выжимали?» На это ему ответили: «Гораздо интереснее, что все эти страны отродясь не были колониями. Возникает вопрос: почему? А потому, что это все провинции Запада. Почему негров, индейцев, славян, австралийских аборигенов и индусов Запад от Карла Великого и до Гитлера людьми никогда не считал, а норвежцев, шведов, датчан, исландцев, австрийцев и даже отчасти ирландцев считал? Почему Польша потеряла во Второй мировой 1/6 часть населения, Белоруссия и Югославия по 1/3, а Швейцария, наоборот, приобрела горы награбленного золота? Откуда у Австрии, Швейцарии, Дании нефть и руды, металлы, да даже и готовые машины? Где работает большинство заводов их корпораций и почему там, где они работают, рабочему платят 60 центов в час за ту же работу, за которую его швейцарский коллега получает 10 — 12 долларов? Ответ прост. Потому что Швейцария — провинция западной империи и грабит колонии, добывая из них все — от нефти до легковых автомобилей — при помощи авианосцев и зависимых режимов». Вещь, казалось бы, простая и очевидная — почему же так не хочется ее признать? Нельзя же ради рыночной утопии уходить от знания.

Клод Леви-Стросс, например, высказался так: «Запад построил себя из материала колоний». Из этого можно сделать простой вывод: глупо надеяться построить у себя в стране такой же тип хозяйства, как у Запада, если ты не можешь отнять у других народов такую уйму «строительного материала».

17 — 21 июня 1992 г. в Нидерландах был симпозиум Международной социологической ассоциации «Среда и общество» — после Рио-92. В обращении президента ассоциации Дж. Шелла сказано, в частности: «Очевидно, что война против Ирака в 1991 г. была войной за американскую гегемонию и за сохранение существующего американского образа и уровня жизни, основанного на потреблении дешевой энергии... Возможно, война в Персидском заливе явилась началом кровавого конфликта Север — Юг. В начале 1992 г. Пентагон перенацелил половину своих ядерных подводных лодок с советской империи на страны «третьего мира» вроде Индии, Бангладеш, Индонезии, Бразилии»¹.

Повторяю, что на самом Западе у мало-мальски образованно-

---

¹ Шелл Дж. Среда и общество (В поисках парадигмы) // СОЦИС. 1992. № 12.

го человека уже нет никаких сомнений в том, что благополучие его сограждан сегодня более чем наполовину оплачено «услужливой помощью чужого труда». Но как же этого могла не заметить наша интеллигенция? Ведь уже в 60-е годы одной из главных тем кухонных дебатов стало отставание СССР от Запада в промышленном и научно-техническом развитии и особенно в «уровне жизни». И уже тогда у многих (про себя могу сказать точно) вызвала удивление способность наших «прогрессивных» товарищей вырвать проблему из ее реального контекста и как бы забыть общеизвестные вещи. И забыть не только информацию, но и *навыки рассуждений*, которыми эти товарищи прекрасно владели в своих лабораториях и КБ. Ведь эффективность системы никак нельзя оценить, сравнивая только «выходы». Ясно, что для оценки надо приводить Запад и СССР к общему знаменателю по ресурсам — хотя бы приблизительно, по главным, наиболее массивным «вкладам».

Конечно, мы тогда не читали ни Броделя, ни Леви-Стросса, не знали их чеканных формулировок. Но все же все мы имели хотя бы общие представления о том, каковы были масштабы изъятия ресурсов Западом из колоний как раз в процессе его индустриализации и каковы масштабы перекачки средств из «третьего мира» в наше время. Масса западной литературы и художественных фильмов об этом говорила — можно ли было этого не заметить!

Но этот фактор из рассуждений исключался категорически, и считалось даже дурным тоном попытаться о нем напомнить. Сейчас стали доступны и Бродель, и Леви-Стросс, и труды российских и зарубежных специалистов о системе периферийного капитализма, и статистика ООН и Всемирного банка, но в целом престарелые уже «шестидесятники» не изменили структуры своих моделей и не признали их ошибочность хотя бы в этом пункте. Может быть, никакой ошибки и не было, а была, как теперь говорят, «ангажированность»? Они тогда уже встали на тропу войны против «империи зла», причем такой войны, в которой все средства хороши, — войны на уничтожение.

Другое дело — новое поколение интеллигенции. Молодежь (например, студенты) видит, что слом советской системы хозяйства привел вовсе не к вхождению осколков СССР в «наш общий европейский дом». Что же касается РФ, то она неотвратимо превращается в специфическую зону «дополняющей экономики», в периферию западного капитализма, служащую сырьевым придатком и источником дешевых человеческих ресурсов. Дело идет к ликвидации России как страны, культуры и народного хозяйства (то есть хозяйства, обеспечивающего жизнь и воспроизводство именно ее народа).

В свете этого почти очевидного факта тезис о «неэффективности» советской хозяйственной системы теряет основание — та система явно выполняла эту свою главную фундаментальную функцию, а нынешняя не выполняет. Построить же в России «Запад» оказалось явно невозможно, поскольку доступа ни к «материалу колоний», ни к «услужливой помощи чужого труда» у России нет и не будет.

При таком пересмотре аргументации реформы молодежью выдвигается вопрос, смысл которого таков. Допустим, Запад «построил себя из материала колоний» и вырвался вперед. СССР, не имея колоний, резко сократил разрыв, построив промышленность «из материала деревни». Но ведь Запад давно уже не имеет колоний, и многие страны прямо не эксплуатируют «третьего мира» и не перенацеливают своих ракет на Бразилию. Они, на нынешнем уровне развития, просто включились в мировую экономику с ее международным разделением труда и живут припеваючи, получая ренту со своего трудолюбия и интеллектуальных усилий. Почему же Россия, находясь пока что примерно на таком же уровне, не может войти в эту систему? Принципиальных препятствий для этого не видно.

Этот вопрос тесно переплетается с тем, который звучит и в среде молодой интеллигенции Запада. Как происходит на самом Западе перераспределение тех средств, которые транснациональные корпорации изымают с помощью неэквивалентного обмена из «третьего мира»? Являются ли немецкий профессор или испанский рабочий эксплуататорами бразильского рабочего?

В декабре 2001 г. я читал лекции в университете Овьедо (Испания), а потом была свободная дискуссия в философском обществе при этом университете. Говорили о феномене периферийной экономики, о реформе в России и о глобализации. Разговор был полезный, так как в Овьедо работает группа философов, изучающих глобализацию.

Я сказал, что возникновение еврокоммунизма в конечном счете было вызвано тем, что западные левые наконец-то осознали, что *все население Запада в целом*, включая рабочих, является эксплуататором и получает большие доходы от труда рабочего класса «третьего мира». Осознав это, верхушка главных компартий Запада решила отказаться от интернационализма и стать «коммунистами внутри Запада». И, значит, охранителями Запада в отношении внешних угроз.

Таким образом, еврокоммунистам пришлось сразу же перейти на сторону противника СССР в «холодной войне» как войне цивилизаций. В этом повороте есть элемент трагедии — левым интеллектуалам типа Берлингуэра и Сантьяго Каррильо при-

шлось наступить на горло своей коммунистической песни, но на то они и интеллектуалы, чтобы найти себе нравственное оправдание («ах, советские танки в Праге!»).

Такое объяснение испанские философы (в основном студенты) приняли как логичное, но тут и встал вопрос о механизме эксплуатации. Каким образом лично они, интеллигенты левых убеждений, эксплуатируют «бразильского работника»? Я предложил сделать упрощенный расчет, пользуясь общеизвестными фактами и правдоподобными величинами. Приведу и здесь схему этого расчета.

В Испании, как и в целом в Европе, популярна марка автомобилей «Фольксваген». Он производится большой ТНК, заводы которой размещены по всему миру (большие заводы есть в Бразилии и Мексике). Какая доля усилий в производстве автомобиля в целом делается в ФРГ и какая в «третьем мире», точно установить трудно.

Некоторое представление о доле усилий, которые вкладывают в производство автомобиля работники «третьего мира», могут дать такие сведения. В 80-е годы промышленные предприятия США стали переводить свои сборочные цеха в специальную зону на севере Мексики. Там возникли особые заводы (*maquiladoras* — от слова *maquila*, то есть часть муки, отдаваемая мельнику за помол; эти заводы платят Мексике не деньгами, а бартером, частью готовой продукции). Зарплата на этих заводах в 11 раз меньше, чем в таких же цехах в США. Эта система быстро расширяется. Например, японские автомобильные фирмы, работающие на рынок США, также перевели свое сборочное производство из США и Японии в Мексику (на одной коробке передач «Тойота» экономит при этом 50 долларов). Уже в самом начале 90-х годов на этих заводах-*maquiladoras* производилось 33% моторных блоков, используемых в автомобилях США, и 75% других важнейших компонентов автомобилей¹.

В 2000 г. в Мексике насчитывалось уже около 2 тыс. сборочных заводов, на которых трудились 1,34 миллиона рабочих. На эти заводы приходилось свыше половины экспорта страны. По мексиканским законам для таких предприятий разрешена 100-процентная иностранная собственность, а ввоз для них машин, оборудования, узлов и материалов не облагается налогами. Для экономики США это не только источник дешевой рабочей силы, но и «кризисонеустойчивые» предприятия, которые желательно иметь вне собственных границ. Так, в 2001 г. при экономическом спаде

---

¹ Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Практикс, 2002. С. 165.

в США в Мексике было закрыто около 500 таких заводов и уволены 250 тыс. работников — без всяких социальных гарантий¹.

Очевидно, что взятый в нашем примере «Фольксваген» в очень большой мере создан трудом мексиканских и бразильских горняков, металлургов, станочников, слесарей. Они, имея такую же квалификацию, как и их коллеги в ФРГ, получают за час работы в 15 — 18 раз меньше, чем их немецкий «брат по классу» (по данным Давосского форума, зарплата рабочих одинаковой квалификации составляла в середине 90-х годов в ФРГ 20 долл. в час, а в «третьем мире» 1 — 2 доллара).

И эта разница перераспределяется через налоги и цены на всех немцев и даже на всех «объединенных европейцев» — машина поступает на оптовый рынок по цене гораздо более низкой, чем если бы она целиком делалась в Европе. Более 90% этих машин покупают жители «Запада», в том числе испанские рабочие и профессора. Покупая «Фольксваген», изготовленный в ТНК, а не в чисто немецкой фирме, испанский оптовый торговец экономит очень большую сумму, которой делится с каждым покупателем, в том числе со студентом или рабочим.

Кто же «дарит» ему эти деньги? Природа, культура и труд «Бразилии». Как образно выразился один латиноамериканский экономист, сегодня Запад «добывает» из Латинской Америки машины и даже электронику, как раньше добывал каучук и олово. Ведь, согласно трудовой теории стоимости, никакого насилия и обмана тут нет — рабочая сила бразильского рабочего воспроизводится за 1 доллар в час, столько она и должна стоить. А немецкого рабочего — за 20 долларов, и меньше никак нельзя.

В Бразилии на производство рабочей силы работают, по выражению Маркса, «силы природы, которые ничего не стоят капиталисту» — теплый климат, легко рожаящие добрые женщины, огромная человеческая масса трущоб, в лоне которых выращиваются сильные юноши до рабочего возраста, почти бесплатная масса полицейских, которые контролируют поведение этих рабочих.

Какая-то часть так умело «сэкономленных» при производстве автомобиля денег, конечно, возвращается в Бразилию — тем, кто и там покупает «Фольксвагены». Эти люди играют важную роль в поддержании такого порядка, что мы видим сегодня и в России.

Осознание этого факта для честных американцев и европейцев, конечно, драма. Но они-то могут ее пережить. Это драма богатого человека, узнавшего, что его вполне законные доходы

---

¹ Визгунова Ю. И. Безработица в Латинской Америке в условиях неолиберальных реформ // СОЦИС. 2004. № 8.

слегка *неправедны*. Что тут подделаешь — закон есть закон. «Уж в таком обществе мне выпало жить», — философски сокрушается этот честный человек, выпивает хорошего виски с содовой, кидает монету в благотворительную кружку, и дело с концом.

Испанским студентам и профессорам было не очень приятно увидеть на доске все эти расчеты, но они признали их рациональными. У наших российских интеллигентов получить такое признание пока что удается редко. Мы свои мечты лелеем сильно. Угробили хозяйство своей второй в мире экономической державы, остались на бобах и без всяких надежд на «услужливую помощь чужого труда» — и грезим наяву. Мы даже на жалость не можем рассчитывать — таких дураков грех жалеть, на нашем примере все детей учить будут. Был, мол, такой странный народ — нефть отдал Ходорковскому, алюминий Абрамовичу, «Уралмаш» Кахе Бендукидзе. И спокойно пошел вымирать. Загадочная русская душа...

Может показаться, что вопрос «что лучше — капитализм или советский строй?» слишком уж велик, не охватишь. На самом деле, когда нас уговаривали отказаться от своего типа хозяйства, вся рать горбачевско-ельцинских идеологов ставила этот вопрос на разные лады — и в целом, и по маленьким кусочкам. Но все они имели одну и ту же структуру и таили в себе одну и ту же ловушку. Использовали один и тот же изъязн нашего мышления — неспособность мысленно помещать сравниваемые объекты в реальные условия и учесть непреодолимые ограничения.

Да дело ведь не только в неспособности. Одним из поразительных свойств нашей интеллигенции, которое драматическим образом проявилось в годы перестройки и реформы, было категорическое *нежелание* обдумать и обсудить фундаментальные, «неизменяемые» условия бытия нашей собственной страны. Когда в середине 80-х годов рассуждения в среде интеллигенции приняли отчетливый и открытый «обвинительный» уклон по отношению к России (и СССР) и «идеализирующий» уклон по отношению к Западу, было очень трудно уговорить людей «перебрать в уме» главные условия исторического развития и России, и Запада. Ссылки на, казалось бы, самые абсолютные, равнодушные к страстям человеческим географические и почвенно-климатические факторы отметались с ходу.

Богатство Запада объяснялось разумом и трудолюбием честных протестантов, демократическим устройством их государств, а наша тяжелая судьба и плохие дороги — глупостью, ленью, пьянством и вороватостью нашего «неправильного» народа, а также присущей России тиранией государства (иногда вскользь поминалось и Православие). Это говорилось с такой убежден-

ностью, что почти у всех буквально отшибло память. Сейчас, открывая читанные давным-давно книги и учебники, с удивлением убеждаешься, что эти книги и учебники полны полезными сведениями, очень многое объясняющими в нашей судьбе. А когда А. П. Паршев перевел эти сведения на предельно упрощенный язык и написал книгу «Почему Россия не Америка», эта книга произвела переполох. Одни ее восприняли как откровение, как открытие, озарившее тьму. Другие приняли с возмущением — как изощренную манипуляцию. Разве не странно — так отворачиваться от реальности своей земли?

Хотя накопленное за много веков богатство Запада вполне убедительно объясняется всего одним фактором — его почвенно-климатическими условиями, принимать это во внимание никак не желали. Что же говорить о других, менее непосредственно влияющих на хозяйственный эффект условиях (например, о расстояниях и доступности морских путей). А ведь речь идет о фундаментальной вещи, досконально изученной и в российской, и в западной науке.

Задумаемся: ведь даже если взять только хорошо описанное в истории время с X по XIX век, то станет очевидно, что практически все богатство России создавалось сельскохозяйственным трудом крестьянства. Запад с XVI века начал уже эксплуатацию колоний, но и там сельское хозяйство играло огромную роль. Так давайте сравним условия земледелия и главный показатель этого хозяйства — урожайность зерновых.

В XIV веке в Англии и Франции поле вспахивали три-четыре раза, в XVII веке четыре-пять раз, в XVIII веке рекомендовалось производить до семи вспашек. Это улучшало структуру почвы и избавляло ее от сорняков. Главными условиями для такого возделывания почвы был мягкий климат и стальной плуг, введенный в оборот в XIV веке. Возможность пасти скот практически круглый год и высокая биологическая продуктивность лугов позволяла держать большое количество скота и обильно удобрять пашню (во многих местах имела даже официальная должность инспектора за качеством навоза).

А вот что пишет об условиях России академик Л. В. Милов: «Главным же и весьма неблагоприятным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства. Так называемый беспашенный период, когда в поле нельзя вести никакие работы, длится в средней полосе России семь месяцев. В таких европейских странах, как Англия и Франция, «беспашенный» период охватывал всего два месяца (декабрь и январь).

Столетиями русский крестьянин для выполнения земледель-

ческих работ (с учетом запрета на труд по воскресеньям) располагал примерно 130 сутками в год. Из них около 30 суток уходило на сенокос. В итоге одנותягловый хозяин с семьей из четырех человек имел для всех видов работ на пашне (исключая обмолот снопов) лишь около 100 суток. В расчете на десятину (около 1 га) обычного крестьянского надела это составляло 22—23 рабочих дня (а если он выполнял полевую барщину, то почти вдвое меньше).

Налицо колоссальное различие с Западом. Возможность интенсификации земледелия и сам размер обрабатываемой пашни на Западе были неизмеримо больше, чем в России. Это и 4—6-кратная пахота, и многократное боронование, и длительные «перепарки», что позволяло обеспечить чистоту всходов от сорняков, достигать почти идеальной рыхлости почвы и т.д.

В парижском регионе затраты труда на десятину поля под пшеницу составляли около 70 человеко-дней. В условиях российского нечерноземья земледелец мог затратить на обработку земли в расчете на десятину всего 22—23 дня (а барщинный крестьянин — вдвое меньше). Значит, если он стремился получить урожай на уровне господского, то должен был выполнить за 22—23 дня объем работ, равный 40 человеко-дням, что было невозможно даже путем чрезвычайного напряжения сил всей семьи, включая стариков и детей...

По нормам XIX в. для ежегодного удобрения парового клена нужно было иметь 6 голов крупного скота на десятину пара [то есть 12 голов на средний двор. — *С.К.-М.*]. Поскольку стойловое содержание скота на основной территории России было необычайно долгим (198 — 212 суток), то, по данным XVIII — XIX вв., запас сена должен был составлять на лошадь — 160 пудов, на корову — около 108 пудов, на овцу — около 54 пудов... Однако заготовить за 20 — 30 суток сенокоса 1244 пуда сена для одנותяглого крестьянина пустая фантазия... Факты свидетельствуют, что крестьянская лошадь в сезон стойлового содержания получала около 75 пудов сена, корова, наравне с овцой, — 38 пудов. Таким образом, вместо 13 кг в сутки лошади давали 6 кг, корове вместо 8 или 9 кг — 3 кг и столько же овце. А чтобы скот не сдох, его кормили соломой. При такой кормежке удобрений получалось мало, да и скот часто болел и издыхал¹.

Какова же была урожайность на Западе и в России? Ф. Бродель приводит множество документальных сведений. В именах

---

¹ Милов Л. В. Особенности исторического процесса в России. (Доклад в Президиуме РАН). См.: Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4 — 5.

Тевтонского ордена в Пруссии урожайность пшеницы с 1550 по 1695 г. доходила до 8,7 ц/га, в Брауншвейге была 8,5 ц/га, в хороших хозяйствах во Франции с 1319 по 1327 г. пшеница давала урожаи от 12 до 17 ц/га (средний урожай сам-восемь). В 1605 г. французский обозреватель сельского хозяйства писал о средних урожаях: «Хозяин может быть доволен, когда его владение приносит ему в целом, с учетом плохих и хороших лет, сам-пять — сам-шесть»¹.

В целом по Англии дается такая сводка урожайности зерновых: 1250 — 1499 гг. 4,7:1; 1500 — 1700 гг. 7:1; 1750 — 1820 гг. 10,6:1. Такие же урожаи были в Ирландии и Нидерландах, чуть ниже во Франции, Германии и Скандинавских странах. Итак, с XIII по XIX век они выросли от *сам-пять* до *сам-десять*. Какие же урожаи были в России? Читаем у Л. В. Милова: «В конце XVII в. на основной территории России преобладали очень низкие урожаи. В Ярославском уезде рожь давала от сам-1,0 до сам-2,2. В Костромском уезде урожайность ржи колебалась от сам-1,0 до сам-2,5. Более надежные сведения об урожайности имеются по отдельным годам конца XVIII в.: это сводные погубернские показатели. В Московской губернии в 1788, 1789, 1793 гг. средняя по всем культурам урожайность составляла сам-2,4; в Костромской (1788, 1796) — сам-2,2; в Тверской (1788 — 1792) средняя по ржи сам-2,1; в Новгородской — сам-2,8».

Мы видим, что разница колоссальная — на пороге XIX века урожай сам-2,4! В четыре раза ниже, чем в Западной Европе. Надо вдуматься и понять, что эта разница, из которой и складывалось «собственное» богатство Запада (то есть полученное не в колониях, а на своей земле), накапливалась *год за годом в течение тысячи лет*. И даже больше. Величина этого преимущества с трудом поддается измерению, но если ее мысленно взвесить, то язык не повернется обругать тот тип хозяйства, который крестьяне создали в наших реальных условиях.

А ведь и крестьянин, и лошадь работали впроголодь. Как пишет Л. В. Милов, в Древнем Риме, по свидетельству Катона Старшего, рабу давали в пищу на день 1,6 кг хлеба (т.е. 1 кг зерна). У русского крестьянина суточная норма собранного зерна составляла 762 г. Но из этого количества он должен был выделить зерно «на прикорм скота, на продажу части зерна с целью получения денег на уплату налогов и податей, покупку одежды, покрытие хозяйственных нужд».

Как известно, Запад делал инвестиции для строительства дорог и мостов, заводов и университетов главным образом за

¹ Бродель Ф. Структуры повседневности. М.: Прогресс, 1986. С. 135.

счет колоний. У России колоний не было, источником инвестиций было то, что удавалось выжать из крестьян. Насколько прибыльным было их хозяйство?

Л. В. Милов пишет: «На этот счет есть весьма выразительные и уникальные данные о себестоимости зерновой продукции производства, ведущегося в середине XVIII века в порядке исключения с помощью вольнонаемного (а не крепостного) труда. Средневзвешенная оценка всех работ на десятине (га) в двух полях и рассчитанная на массиве пашни более тысячи десятин (данные по Вологодской, Ярославской и Московской губерниям), на середину века составляла 7 руб. 60 коп. Между тем в Вологодской губернии в это время доход достигал в среднем 5 руб. с десятины при условии очень высокой урожайности. Следовательно, затраты труда в полтора раза превышали доходность земли... Взяв же обычную для этих мест скудную урожайность (рожь сам-2,5, овес сам-2), мы столкнемся с уровнем затрат труда, почти в 6 раз превышающим доход»¹.

Понятно, что в этих условиях ни о каком капитализме речи и быть не могло. Организация хозяйства могла быть только крепостной, общинной, а затем колхозно-совхозной. Реформа Столыпина была обречена на неудачу по причине непреодолимых объективных ограничений. Как, впрочем, и нынешняя попытка «фермеризации».

Л. В. Милов делает вывод: «Общий итог данного обзора можно сформулировать так: практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Поэтому если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, она никогда не состоялась бы как великая держава...

И в новейший период своей истории... в области аграрного производства Россия остается в крайне невыгодной ситуации именно из-за краткости рабочего периода на полях. По той же причине российский крестьянин лишен свободы маневра, компенсировать которую может только мощная концентрация техники и рабочей силы, что, однако, с необходимостью ведет к удорожанию продукции... В значительной мере такое положение сохраняется и поныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока не в состоянии преодолеть».

Но наши интеллектуалы, которые проклинали колхозы, бедорожье, пятиэтажки — и хотели, чтобы им «сделали красиво», как в Англии, — всего этого не хотели слушать. Они со своей

---

¹ *Милов Л. Земельный тупик: Из истории формирования аграрно-товарного рынка в России // Независимая газета. 2001. № 31. 21 февраля.*

кущей логикой уже не могли этого освоить, это было для них слишком сложно.

Как же могли интеллигентные люди прийти к выводу, что «капиталистическая экономика для нас лучше»? Есть два варианта. Или они особенно не рассуждали, поверили тому, что говорят «эксперты» с трибун, по телевидению, со страниц газеты. Тогда это интеллектуальная несостоятельность и безответственность. Или они посчитали, что при разграблении страны и смене типа хозяйства им лично что-то перепадет. А страна как-нибудь выкрутится, да и Запад нас не обидит, подкинет что-нибудь за уничтожение СССР. Часть таких умников действительно попала в привилегированный слой — в банкиры или хотя бы в охранники банкиров. Но на этой дорожке удержаться в рамках приличия трудно, а в согласии с интеллектуальной совестью невозможно.

Глава 13

АНТИРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПРОГРАММЫ ПОДРЫВА КУЛЬТУРНЫХ УСТОЕВ

Подрыв рационального сознания в широких кругах интеллигенции, особенно элитарной, привел не просто к «равномерному» ослаблению, проседанию общей способности к разумным умозаключениям. Он дал возможность политической верхушке организовать и осуществить целенаправленные, исключительно агрессивные *программы* по разрушению культурного ядра общества, слома тех исторически сложившихся норм общественных отношений, которые позволяли людям спокойно жить, а обществу — воспроизводиться. Утратив на время историческую память, способность к рефлексии и предвидению, навыки выявления причинно-следственных связей, интеллигенция тупо пошла за разрушителями и стала их сообщницей в погружении нашего общества в тяжелейший кризис.

Большой «макропрограммой» перестройки была общая *дестабилизация*. Можно даже сказать, программа *стравливания* всех элементов нашей общественной системы, которые находились в скрытом, «дремлющем» или даже потенциальном конфликте. За столетия в сложном многонациональном и «многокультурном» традиционном обществе и идеократическом государстве России было выработано множество явных и неявных механизмов разрешения, успокоения и подавления конфликтов. Эти механизмы отказывали очень редко, лишь когда Россия попадала в очередную историческую ловушку и возникала такая

система порочных кругов, которую невозможно было разорвать в рамках сложившегося порядка. В конце 80-х годов сама власть стала дестабилизировать общество и загонять страну в историческую ловушку. Многочисленный образованный слой, который мог бы в этот момент стабилизировать ситуацию, введя потенциальные конфликты в русло рассудительного общественного диалога, примкнул к «революционерам сверху» и резко ухудшил положение.

Вряд ли кто-то будет отрицать, что во время перестройки была подвергнута разрушению вся *политическая культура* советского общества. Но ведь политическая культура — важная и неотъемлемая часть культуры в целом. Английский политолог Арчи Браун во введении к важной книге дает такое определение: «Политическая культура — субъективное восприятие истории и политики, фундаментальные верования и ценности, фокус идентификации и лояльности, сумма политических знаний, чаяния, которые являются продуктом специфического исторического опыта наций или групп»¹.

Из этого видно, во-первых, что политическая культура является важной составной частью культурного ядра общества. Следовательно, власть и культурные течения, которые оказывают радикальное разрушительное воздействие на сложившуюся в обществе политическую культуру, неизбежно провоцируют тяжелый культурный кризис. Кроме того, политическая культура есть «продукт специфического исторического опыта» народа. Значит, радикальные политические действия, противоречащие этому опыту, означают разрыв с исторической традицией, что неизбежно вызывает глубокий раскол общества.

Западные политологи выделяют именно то направление во всей программе перестройки, которое в наибольшей степени противоречило политической культуре СССР и поэтому несло в себе предпосылки национальной катастрофы. А. Браун пишет, что важнейшей ценностью доминирующей советской политической культуры являлся *порядок*. Страх перед беспорядком и хаосом объединяет все социальные группы — рабочих, крестьян, интеллигенцию, управленцев.

Мы прекрасно знаем, какой «специфический исторический опыт» лежит в основании этой ценности — разрушение государственности и тяжелейшая Гражданская война 1917 — 1921 гг. И что же общество наблюдало в ходе перестройки? Именно подрыв государственности и буквально искусственное создание хаоса — со взрывом массовой преступности, кровопролития в националь-

---

¹ Politics, society and nationality inside Gorbachev's Russia (Ed. Bialer S.). L.: Westview press, 1989. 255 p.

ных конфликтах и терроризма. Советологи сравнивают Горбачева с «Мартином Лютером, который стремился разрушить или существенно ослабить косные институты правящей церкви». Это в их устах — большой комплимент, хотя они прекрасно знают, что Реформация унесла в Германии 2/3 человеческих жизней.

С. Бялер, так высоко оценивший роль Горбачева, директор Института международных изменений Колумбийского университета, точно определяет суть действий верхушки КПСС: «Начиная перестройку, Горбачев и его помощники в руководстве инициировали процесс, который не поддается полному контролю и которым нельзя всесторонне управлять». Бывший в 1991 г. премьер-министром СССР В. В. Павлов писал, что «ни в начале, ни в середине 80-х годов вопрос о политической нестабильности не стоял. Перелом произошел в 1987 г., когда Горбачев сделал резкий поворот от экономических реформ к политическим»¹.

Горбачев резко дестабилизировал состояние советской системы в целом. Тем самым он поставил крест и на самой возможности плодотворных реформ. Наши либералы как будто не знали императива, который сформулировал основоположник либерализма Джордж Стюарт Милль: «Всякий раз, когда устойчивость приносится в жертву прогрессу, приносится в жертву и сам прогресс».

То есть, став руководителем государства, Горбачев сделал именно то, что категорически противоречило главной ценности политической культуры нашего общества и историческому опыту народа. Он выступил как *враг народа* в самом простом смысле этого слова. А как назвать ту часть интеллигенции, которая так активно ему помогала? Как могли не видеть опасных последствий образованные люди, имеющие хоть каплю ответственности и уважения к своей национальной культуре!

И хотя бы сейчас мы должны задуматься над тем, что с нами произошло. Это был колоссальный культурный срыв, такое отступление от норм рациональности, особенно в мышлении интеллигенции (в том числе номенклатурной), что даже профессиональные специалисты, которые к этому срыву нас и подталкивали, не могли его предвидеть. Видный американский советолог А. Брумберг признался: «Ни один советолог не предсказал, что могильщиком Советского Союза и коммунистической империи будет настоящий номенклатурный коммунист, Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев»². Если бы только он! Ведь за ним шли колонны совет-

¹ Сегодня. 1994. 29 ноября.

² Брумберг А. (США). Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 329 — 332.

ских интеллигентов, которые искренне думали, что утверждают «социализм с человеческим лицом».

Объективно интеллигенция попустительствовала бригаде Горбачева в создании конфликтов, часто кровавых. Даже когда возникали открытые столкновения и люди искали в среде писателей и ученых разумных арбитров, они не получали здесь урока рационального анализа, рефлексии, меры. Это самым тяжелым образом было представлено в программе разрушения Советского Союза. Эта программа была важной частью всей деятельности диссидентов западнического направления.

Никто не может, сохраняя минимум интеллектуальной совести, отрицать тот факт, что идея разрушения Советского Союза была выношенной частью всего «проекта Сахарова». При этом она была продуктом отхода от рациональности — как говорил Ницше, следствием *убеждения*, а не изучения *«достоверности»*. Вот, например, в «Предвыборной платформе», которую А. Д. Сахаров опубликовал 5 февраля 1989 г., было выдвинуто требование: «Компактные национальные области должны иметь права союзных республик... Поддержка принципов, лежащих в основе программы народных фронтов Прибалтийских республик»¹.

Первое требование противоречит всему знанию о строительстве государства, накопленному человеком, а также здравому смыслу. Что значит «компактные национальные области»? Есть на Алтае деревня, в которой живут 300 тофаларов — она что, должна «иметь права союзных республик»? В Татарстане есть места компактного расселения и русских, и башкиров — они тоже должны выделиться как суверенные государства? Второе требование поражает своим аутизмом. Похоже, по мнению А. Д. Сахарова, все, что выступает против единого государства, прекрасно. Народные фронты Прибалтики, образованные при поддержке Политбюро ЦК КПСС и спецслужб США в 1988 г., с самого начала заявили ладно бы сепаратистские, но и *этнократические* намерения. Как могли люди, претендующие на титул демократов, требовать поддержки таких движений? В этом есть привкус шизофрении.

Мысль об отделении Прибалтики давно бродила в голове А. Д. Сахарова, и лелеять подобные мысли нормально для диссидента. Здесь нас волнует лишь одна сторона дела — развивая эти мысли, академик полностью уходит и от учета «достоверности», и от логики. Он как будто специально задает своим поклонникам алгоритм неразумных рассуждений. Вот в марте 1971 г. А. Д. Сахаров пишет Генеральному секретарю ЦК КПСС тов.

---

¹ Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1991. С. 259.

Л.И.Брежневу «Памятную записку» (затем послав ее также для публикации на Западе). В одном из пунктов он предлагает устранить юридические сложности для реализации права союзных республик на отделение от СССР. Это он обосновывает так: «Не подлежит сомнению, что республика, вышедшая по тем или иным причинам из СССР мирным конституционным путем, полностью сохранит свои связи с социалистическим содружеством наций»¹.

Посудите сами, разумный ли это довод? Почему же он «не подлежит сомнению»? Как раз наоборот, он совершенно невероятен и противоречит всему тому, что мы знали о международной обстановке в тот момент, об усилиях США в «холодной войне», одним из фронтов которой как раз и была Прибалтика. И вообще, как может «республика, вышедшая по тем или иным причинам из СССР», *полностью* сохранить «свои связи с социалистическим содружеством наций»? Ведь это просто нелепость. Представьте: жена ушла от мужа, вышла за другого, но свои связи с прежним мужем сохранила *полностью*.

Столь же противоречили знанию и логике и планы преобразования СССР в новый союз, представленные А. Д. Сахаровым в его «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» (там же, с. 266 — 276). Это планы роспуска СССР и его «пересборки» в виде конфедерации *сотен* маленьких государств — «всех компактных национальных областей». Например, о нынешней РФ сказано: «Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций...»

Это бы еще ладно, ненавидел человек нашу «империю» и строил утопию. Но ведь эта «пересборка» включала в себя механизм стравливания народов — через создание республиками своих армий и независимых от Союза МВД, денежных систем, через разделение союзной собственности и «полную экономическую самостоятельность». Разве все это разумно? При том, что уже запыхали войны на Кавказе.

А вот один из мелких интеллектуальных «прорабов перестройки» — А. Нуйкин. Он с удовлетворением признавался в 1992 г.: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть... Мы поддерживали все, что расшатывало ее. И правильно, наверное, де-

---

¹ Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1991. С. 58.

лали. А без подключения очень мощных национальных рычагов, взаимных каких-то коллективных интересов ее было не свалить, эту махину». И добавляет с милым цинизмом: «Сегодня политики в погоне за властью, за своими сомнительными, корыстными целями стравили друг с другом массу наций, которые жили до этого дружно, не ссорясь. Сколько я уже говорю и пишу про Азербайджан и Карабах...» Вот так — интеллигент Нуйкин стравливал народы ради уничтожения «империи», но он не виноват, виноваты корыстные политики.

Выполнив свою роль в поджигательской программе, когда уже и РФ оказалась втянута в войну, Нуйкин умывает руки, отказываясь от любого «патриотизма» в «этой стране». Он мило иронизирует: «Мне хотелось даже написать давно задуманный материал, и название уже есть: «Считайте меня китайцем»¹. При этом он оставался весьма популярен в среде демократической интеллигенции и даже избирался депутатом Госдумы.

Ту утрату рациональности в подходе к вопросам национально-государственного устройства, которую проявила либеральная часть интеллигенции в конце 80-х годов, как-то можно объяснить воспаленным состоянием умов, утратой ориентиров, увлеченностью утопией и т.д. Но уж теперь, когда мы имели достаточно времени для осмысления трагедий и Нагорного Карабаха, и Чечни, и Таджикистана, разве изменилась оценка всех этих деятелей? Нет, они так и остаются уважаемыми символами демократии.

Сейчас опять обостряется обстановка в Закавказье, теперь в связи с Нахичеванью. Союз писателей Азербайджана даже обратился с письмом в Госдуму РФ, где, в частности, сказано: «Кровью азербайджанских и армянских крестьян-тружеников оплачивались труды «идеологов» вроде Балаяна, Боннэр, мужа и жены Нуйкиных, Старовойтовой... Сегодня нам хочется спросить: к чему пришли те, кто затевал этот изнурительный «карабахский марафон»? Они говорили о социально-экономической отсталости Нагорного Карабаха. Сегодня этот благословенный природой край превратился в выжженную пустыню. Они яростно спорили о том, что памятники материальной культуры Карабаха принадлежат армянам. Сегодня предмет спора потерял всякий смысл, потому что уничтожены сами памятники»².

Разве это напоминание не актуально? Разве мы имеем право забыть, как Старовойтова в составе целой бригады московских

---

¹ Российская газета. 1992.02.04.

² Обращение Союза писателей Азербайджана в Государственную думу Федерального собрания РФ. 24.03.2004 — ИА REGNUM.

демократов мутила воду в Чечне, приводя к власти Дудаева и поджигая там войну, а в Москве в это время Новодворская с Боннэр устраивали митинги против «тоталитарного центра»? Много ли изменилось, кроме того, что ушла от нас Старовойтова? Боннэр, хотя и из США, постоянно «духовно с нами», а Новодворская — почетный гость всех каналов телевидения и интеллектуальных «круглых столов». Они так и остались в «интеллектуальной обойме» верхушки российской интеллигенции.

Вот сообщение прессы в мае 2004 г.: «Сбор подписей под международным воззванием в поддержку временной администрации ООН в Чечне проходит в субботу на Пушкинской площади в Москве. Как рассказали организаторы мероприятия, подписи под воззванием в поддержку временной администрации ООН в Чечне собирают в эти дни не только в России, но и во многих странах Европы и в США. Воззвание подписали многие известные люди, в том числе вдова академика Сахарова Елена Боннэр и лидер «Демократического союза» Валерия Новодворская».

Вся эта сторона общественного сознания отмечена не только отходом от рациональности, но и какой-то глупостью, доходящей до абсурда. С большой помпой отмечают «государственный праздник» 12 июня. Кажется, в 2004 г. его впервые перестали называть диким, нелепым словом День *независимости* России. Теперь его называют просто «День России», и надо надеяться, что через пару лет здравый смысл возьмет верх, и останется только название «День». Праздновать такой день — или признак циничного глумления над народом, его исторической памятью или разумом, или признак утраты этой памяти и разума властью. 12 июня — день начала последнего, политического, этапа ликвидации СССР, расчленения исторически сложившейся России. Как ее ни назови, хоть империей, хоть союзом, но как может прийти в нормальную голову праздновать разделение страны и всех ее систем, утрату половины территории и населения, выхода к морям, потерю обустроенной границы и т.д.? Ведь для любой страны и любого народа это трагедия исторического масштаба — что тут праздновать? Да еще как почетный гость на этом празднике торчит Б.Н.Ельцин, автор преступного беловежского сговора, автор тяжелейшей войны в Чечне, преступник октября 1993 года!

Все это несовместимо ни с логикой, ни с приличиями — но к этому привыкли и обустроились в этом мыслительном коридоре. И не видят, как погружаются в трясину интеллектуального маразма. В юбилей этого 12 июня даже вывесили транспарант: «России — 10 лет!» Дожила русская интеллигенция...

Рассмотрим эту сторону перестройки и реформы — разруше-

ние рациональности в ходе целевых программ — на конкретных проектах, начатых в конце 80-х годов, — *разрушения трудовой мотивации и внедрения в массовое сознание неудовлетворенных потребностей*. Успешная реализация этих проектов была важной предпосылкой для проведения и экономической реформы (прежде всего приватизации), и ликвидации СССР, и демонтажа советской социальной системы. В дальнейшем, однако, оказалось, что массовое сознание при такой обработке настолько деформировано, что декларируемые реформаторами планы построения на пепелище советской системы нового общества («цивилизованного рынка») стали нереализуемы. Разумеется, не только по этой причине, но и она очень существенна.

В случае всех этих проектов идеологической обработке населения предшествовало широкое изучение общественного мнения и стереотипов массового сознания советских людей. Вот что обнаружили в первом случае исследователи Института социологии АН СССР, и вот какие идеологические выводы они сделали из своих эмпирических результатов.

Отношение к труду и его оплате. Прежде всего в ходе опросов было подтверждено наличие в массовом сознании сильной трудовой мотивации. Можно сказать, что труд в сознании большинства граждан был *сакрализован*, обладал святостью (что характерно для традиционных обществ). Социологи пишут: «По данным повторного всесоюзного исследования образа жизни (1987 г.), для всех без исключения категорий населения ценность труда несомненна. Так, выбирая три важнейших для себя стороны жизни, 44% опрошенных упомянули интересную работу (чаще отмечались лишь супружеское счастье и воспитание детей). 3/4 опрошенных в качестве важнейшего средства достижения успеха, благополучия в жизни отметили трудолюбие, добросовестное отношение к делу»¹.

Как же оценивают близкие к власти социологи эту укорененную в массовом сознании культурную норму? Как *порок* общественного сознания! Они трактуют ее как «догматическое понимание места труда в системе социалистического образа жизни» — опираясь на следующую цитату А. Н. Яковлева из журнала «Коммунист»: «В общественное сознание и практику оказался введенным постулат: дескать, отсутствие частной собственности и даже просто государственный план предопределяют, что всякий

---

¹ Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества. М.: Наука, 1991. С. 54. Далее по тексту указаны страницы из этой работы.

труд (полезный — вредный; безупречный — халтурный) является непосредственно общественным, необходимым»¹.

Представьте: социологи из АН СССР, образованные люди, приняли эту примитивную злобную тираду партийного чинуши с изломанной психикой за непререкаемую истину. Но ведь он сказал просто *глупость*, здесь для нас даже неважно, что она к тому же и злобная. Подумали бы сами — при чем здесь частная собственность, государственный план? Разве крестьянин в XVIII веке не считал труд «непосредственно общественным, необходимым»? Разве песню «Дубинушка» братья Покрасс написали? Труд в России, как и во всех незападных обществах, имеет *литургический* смысл. *Arare est orare! Пахать значит молиться!* Вот на что замахнулись социологи, пошедшие, как бараны, за А. Н. Яковлевым, а за ними потянулась и прочая восторженная интеллигенция.

И вот как развивают эти социологи свою оценку укорененного в сознании отношения к труду: «Этот порочный вывод — следствие непонимания того факта, что отмена капиталистической частной собственности не приводит автоматически к торжеству общенародной социалистической собственности и связанных с ней социалистических общественных отношений. Он призван затушевать отчуждение труда, разрыв между интересами бюрократии и трудящихся масс, скрыть существование двух противостоящих друг другу социальных норм. И эта догма будет долго выступать одним из главных препятствий на пути перестройки, поскольку она глубоко внедрилась во все компоненты общественного сознания» (с. 54).

Как это все поверхностно и занудливо — собственность, отчуждение, бюрократия... Насколько глубже и шире смотрели тогда на этот вопрос сами «опрошенные».

Как мы помним, идеологи сумели с помощью мощных средств воздействия на сознание внушить людям сомнение в ценности труда. И люди без сопротивления отдали свои рабочие места в частную собственность подозрительным типам из райкомов ВЛКСМ и с тюремных нар. Значительная часть этих рабочих мест была этими типами конвертирована в деньги, а деньги — в недвижимость на Западе и пр. Квалифицированные шлифовальщики оптических линз с пальцами пианиста поехали в Турцию таскать тюки с колготками. 9 миллионов рабочих и инженеров ушли с фабрик и заводов и канули в никуда. В это никуда их слегка подтолкнула наша гуманитарная интеллигенция со своими тупыми сказками про «отчуждение труда».

---

¹ Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8.

Теперь о втором проекте. Социологические исследования отношения советских людей к их доходам и уровню потребления выявили два замечательных свойства — *непритязательность* и *солидарность (уравнительность)*. Наряду с сильной трудовой мотивацией оба эти качества массовой культуры могли бы послужить огромным социальным ресурсом в большой программе модернизации экономики. Но они были целенаправленно разрушены.

Конкретно социологи обнаружили в 1987 г., что советские люди в целом *удовлетворены* своим достатком и оплатой труда. Формально распределение мнений было таким: «Среднестатистический работник, попавший в выборку, на момент опроса получал 165 руб. на руки... Отличными назвали свои заработки всего 4% опрошенных работников, которые получают в среднем в месяц 217,5 руб... 30% работников оценили размеры вознаграждения за свой труд как «хорошие». Среднеарифметическая сумма зарплаток в этой группе составила 191 руб... Удовлетворительную оценку размерам получаемых за свой труд сумм выставила самая многочисленная группа — 46% опрошенных, чей средний заработок составил 159,5 руб... Плохими назвали размеры своих зарплаток 15% опрошенных, которые получают в среднем 129,8 руб. в месяц».

Конечно, большинство при этом считают, что следовало бы им зарплату прибавить. Но что замечательно — чем выше уровень зарплаты в категории работников, тем меньшую надбавку для себя они считают справедливой! Социологи приводят такую зависимость: «Работники, получающие менее 120 руб. в месяц, полагают, что им следовало бы платить за их труд на 50 — 60% больше. Те, кто получает на руки от 120 до 200 руб., оценивают свой труд чуть более чем на треть дороже. При зарплатах порядка 200 — 300 руб. устроило бы повышение зарплаты на четверть или чуть больше. Те, кто получает свыше 300 руб. в месяц, ценят свой труд всего на 15% дороже. Легко видеть, что внедрение в жизнь результатов такой «самоаттестации» привело бы к сокращению разрыва в уровне оплаты труда» (с. 57).

Это отсутствие невротической озабоченности уровнем дохода — ценнейшее социальное достижение, оно говорит о спокойствии людей, о связности и устойчивости общества, о раскрепощении духовных сил человека, их высвобождении для творческой деятельности. Это именно то, что следовало бы считать *человеческим потенциалом*, который сам падал в руки реформаторам. И как же они его оценили? Вот толкование полученных результатов социологами:

«Идеология «социальной консолидации» на основе мнимой

общности интересов дала свои плоды... Атмосфера благодушия, удовлетворенности достигнутым по сути дела означала торжество так называемой «психологии середняка»... Это было своего рода оправданием застоя... Психология уравнительности вытекает не только из порочной практики хозяйствования, но и является следствием длительного время проводившейся социальной политики, направленной на нивелирование общества. Не случайно в повседневной жизни, в неформальном общении употребляется расхожее выражение: «Все в норме». «Нормальное состояние», «нормальные отношения» — так принято говорить о коллективе, семье, группах общения. В подобного рода нормативных представлениях содержатся оценочные показатели относительного равновесия, сбалансированности отношений, бесконфликтности. И, наоборот, возникновение конфликтов, противоречий оценивается как нарушение равновесия, благополучия, т.е. как ненормальное состояние» (с. 55, 57).

Не знаю, как посмотрит на это читатель, а по мне так ненормальными являются именно эти «буревестники»¹. На основании подсунутых А. Н. Яковлевым бредовых идеологем они без всяких разумных доводов объявляют спокойные, равновесные отношения членов благополучного общества «мнимой общностью интересов». Это в социальной сфере, а в сфере национальных отношений они объявили «мнимой общностью интересов» нормальное общежитие азербайджанцев и армян, ингушей и осетин. Какая страсть нарушать «атмосферу благодушия» мирных жителей, какая ненависть к спокойной и разумной «психологии середняка»!

Такие люди, как писал А. Тойнби в «Постижении истории» в своем анализе жизненного цикла цивилизаций, «самовольно назначают себя главными исполнителями реализующегося в мире providенциального плана или — в секулярную эпоху — Прогресса»². Это страшный откат от рациональности, здесь есть что-то от паранойи. Сейчас мы видим, во что эти наивные поджига-

---

¹ Глава, о которой идет речь, написана И. Т. Левыкиным; установок разных глав в этой коллективной монографии весьма различны.

² Он добавлял, подчеркивая присущий таким «носителям прогресса» социальный и национальный расизм: «В этих условиях «низшие классы», «колонизальные народы», «туземцы» не шли в счет, хотя по трем последним рубрикам распределялся весь человеческий род, за исключением ничтожного меньшинства. (В подтверждение этой мысли приведем выписку из труда немецкого просветителя Г.Форстера «Руководящая нить будущей истории человечества»: «Чего же стоит изумительное, но безвкусное и не способное ни на какое движение вперед прилежание азиатских народов при их бессердечной и безнравственной религии, устремленной в мрачную мечтательность, при каменной неподвижности их обычаев и нравов, при их уме, детском и неуклюжем?»)»

тели гражданских войн превратили общество — но разве не обаяна была интеллигенция увидеть это уже в текстах перестройки!

В отношении же к «разумным потребностям» социологи и экономисты перестройки впадают, на мой взгляд, в тяжелый припадок *гипостазирования*. Оказывается, когорта прогрессивных обществоведов (в их числе С. С. Шаталин) рассчитала в 1987 г. «значение оптимума материальной обеспеченности; его денежное выражение соответствует душевому доходу 220 — 235 руб. в месяц». Рассчитала — это, надо понимать, высосала из пальца исходя из представлений узкого круга академиков и профессоров. Но чуть более широкие массы социологов в этот расчет поверили и снабдили своими комментариями идеологическую машину реформаторов. Слово науки!

В массовом сознании самих потребителей представления были иными. Социологи пишут: «Среднеарифметический душевой доход в нашей выборке составляет около 104 руб. в месяц, а доход тех, кто заявил, что семейный бюджет в основном позволяет удовлетворять разумные потребности, — около 107 руб. Из этого можно сделать вывод, что критерием разумности, как и в случае со «справедливой» заработной платой, выступает в массовом сознании статистическая средняя величина» (с. 59).

Это и есть гипостазирование — «исследователи» уверовали в чисто идеологический постулат, а потом под него подгоняют наблюдаемую реальность. И никаких альтернативных рассуждений. А ведь в данном случае напрашивается гораздо более простая логическая цепочка: критерием разумности потребностей выступает в массовом сознании заданная культурой и подтвержденная здравым смыслом и пониманием ограничений мера; статистическая средняя величина дохода в советской социальной системе тяготеет к этой мере, закреплённой в массовом сознании.

Но ведь ни исторических условий, в которых вырабатывалась эта мера, ни реальных ограничений, в рамках которых здраво рассуждали в то время советские люди, социологи из АН СССР знать не знали и ведать не хотели. Об этом у них и речи нет, хотя бы в виде тени сомнения. Они уверены в своей убогой концепции, которой придали статус самостоятельной сущности: «Проведенный анализ позволяет предположить, что динамический когнитивный стереотип потребления сформирован в массовом сознании идеологией уравниательства и практикой минимальной дифференциации в оплате труда. По-видимому, сыграла свою роль также борьба с «вещизмом»...» (с. 59).

При таком подходе мы поневоле «не знали общества, в котором живем» — и не могли знать. Труды этих перестроечных социологов просто дышат ненавистью к традиционным культур-

ным нормам нашего общества. И ради чего? Вот что их возмущает: «Возможность значительной дифференциации в оплате в зависимости от трудового вклада приносится в жертву беспринципной, зато бесконфликтной уравниловке. Об этом свидетельствует также медленное, а местами драматическое внедрение индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности, арендного подряда. Старые социальные нормы противятся утверждению новых норм. Идеологические меры к преодолению этих неблагоприятных тенденций видятся... в повышении престижа благ и услуг, способствующих всестороннему развитию личности» (с. 60).

Прежде чем перейти к рассмотрению последствий этой идеологической работы «по повышению престижа благ и услуг», замечу, что пренебрежение к традиционным («эмпирическим») культурным нормам носило во время перестройки принципиальный характер. Это очень грубое нарушение норм научности, ибо дело науки — изучать то, «что есть», а утверждать то, «что должно быть», не входит в компетенцию науки, это дело политики и культуры, поскольку связано с утверждением нравственных ценностей, которые не поддаются обоснованию научными методами. Но в том, как ставили этот вопрос многие социологи и экономисты времен перестройки и реформы, наблюдается нарушение норм не только научности, но и вообще рациональности и даже обыденного здравого смысла.

В цитированной работе социологи завершают свои рассуждения о реакционной сущности непритязательности и уравнительности цитатой, которая якобы с очевидностью подтверждает их правоту: «Эмпирическое нормотворчество, являющееся исторически более ранним, чем теоретическое, тесно связано с обыденным сознанием, в котором социальная организация отражается без достаточно глубокого проникновения в сущность общественных процессов. Характерная особенность образования социальных норм на эмпирическом уровне — стихийный и внеинституциональный характер»¹.

Какая самонадеянность! Свои убогие, вымученные на потребу очередной правящей группировке доктрины они называют «теорией», а прошедшие длительный отбор в ходе реальной народной жизни культурные нормы — неглубокими и внеинституциональными. С этими их «теориями» мы и потерпели катастрофу, из-за них мы и «не знали общества, в котором живем».

В этом — откат от норм рациональности, от установки Просвещения на беспристрастное интеллектуальное освоение реаль-

---

¹ Плахов В. Д. Социальные нормы: Философские основания общей теории. М.: 1985. С. 10.

ности как необходимого этапа, предваряющего ее этическую (идеологическую) оценку. Этот откат — признак общего культурного кризиса индустриального общества. Как писал К. Лэш, «вырождение аналитической установки в массированное наступление на любые идеалы привело нашу культуру в плачевное состояние» («Восстание элит»). У нас в ходе перестройки и реформы это проявилось в гипертрофированном виде.

Когда вспоминаешь дебаты в среде нашей интеллигенции начиная с 1960 г. (в тот год я, закончив досрочно счастливую студенческую юность, начал работать, дипломником, в исследовательской лаборатории в АН СССР и сразу окупился в эти дебаты), то видишь, как шло, как вызревало разделение образованных людей на две мировоззренчески очень различные группы. Все были настроены критически по отношению к советскому общественному строю, у всех кипел разум возмущенный.

Но люди одного типа относились к истории России как к родной истории, а к окружавшим их советским людям как к родным людям — и они старались понять эту историю и этих людей, выявить истоки того, что казалось несуразным и болезненным, чтобы помочь излечиться. У самых радикальных в этой группе интеллигенции их критика была как нож хирурга (хотя и эти любящие интеллигенты в большинстве своем этим ножом не умели пользоваться).

В другой группе, даже у людей мягких, наша история была черным позорным пятном, и они совершенно не желали ее понять, они искали в ней слабые места, куда можно ударить. И критика была у них вовсе не инструментом лечения. Уже тогда удивляло в них «вырождение аналитической установки», навыков и желания рефлексии. Они не раздумывали над болезнями советского общества, они собирали о нем разведывательную информацию, которую использовали во время перестройки как оружие. Но за прошедшее с 1960 г. время инструменты их мышления претерпели такую деградацию, что это потрясает. Я вспоминаю «друзей моих прекрасные черты», из обеих этих групп, упорядочиваю zapomнившиеся разговоры во времени — и удивляюсь тому, как год за годом тупели, становились короче и бессвязнее рассуждения воинствующих. Они как будто открыли простые истины, уверовали в них, и мышление стало им ни к чему, осталась одна страсть. Но сила их была в том, что эта страсть маскировалась под разум — они же имели статус интеллигентов, они были доктора наук и академики!

Как это произошло? И вот, изучая трактовку категории потребностей у Маркса, я натолкнулся на его кредо в структурно похожей ситуации и восхитился тому, как точно он выразил ус-

тановки этой «второй группы» советской интеллигенции, которая и взяла верх во время перестройки. В январе 1844 г. Маркс закончил введение «К критике гегелевской философии права», где и сформулировал нормативные методологические установки прогрессивного человека по отношению к истории, религии, культуре своего народа. Афоризмами из этой работы была и остается насыщена речь нашей хотя бы слегка гуманитарно эрудированной демократической интеллигенции. Можно сказать, в этой работе — ее мудрость.

В частности, Маркс в этой работе пишет о своей родине: «*Война немецким порядкам! Непременно война! Эти порядки находятся ниже уровня истории, они ниже всякой критики, но они остаются объектом критики, подобно тому как преступник, находящийся ниже уровня человечности, остается объектом палача. В борьбе с ними критика является не страстью разума, она — разум страсти. Она — не анатомический нож, она — оружие. Ее объект есть ее враг, которого она хочет не опровергнуть, а уничтожить. Ибо дух этих порядков уже опровергнут. Сами по себе они недостойны стать предметом размышления — они существуют как нечто столь же презренное, сколь и презируемое. Критике незачем выяснять свое отношение к этому предмету — она покончила с ним всякие счета. Критика выступает уже не как самоцель, а только как средство. Ее основной пафос — негодование, ее основное дело — обличение*»¹.

Преобразование системы потребностей. Откуда же в советских (теперь антисоветских) обществоведах эта по-детски наивная и поджигательская ненависть именно к непритязательности советских людей («неразвитости потребностей»)? От впитанного с «молоком истмата» евроцентризма, который без всяких методологических и психологических барьеров перекатился в их сознании в евроцентризм либерализма.

Объяснение того факта, что культуры, свободные от психоза потребительства, рассматриваются либо как отсталые, либо как тупиковые, английский историк экономики Т. Шанин видит в философских основаниях западной экономической науки (включая марксизм). Он пишет: «Эмпирические корни этой всеохватывающей эпистемологии современных обществ и экономик представляются достаточно ясными. Они лежат в романтизированной истории индустриализации, в представлении о беспре-

---

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. Соч. Т. I. С. 416.

дельных потребностях и их бесконечном удовлетворении с помощью все увеличивающихся богатств... С этим связывают едино так же силу науки, человеческое благополучие, всеобщее образование и индивидуальную свободу. Бесконечный многосложный подъем, величаемый Прогрессом, предполагает также быструю унификацию, универсализацию и стандартизацию окружающего мира. Все общества, как считается, движутся от разного рода несообразностей и неразумия к истинному, логичному и единообразному, отодвигая «на обочину» то, что не собирается следовать в общем потоке»¹.

Свои установки наши обществоведы и находившаяся под их влиянием интеллигенция, понятное дело, стремились реализовать в политической практике (строго говоря, уже сами опросы, сами формулировки вопросов являются инструментом именно политической практики — они не столько выясняют, сколько формируют общественное мнение, «задают» ему мыслительные стереотипы). Можно предположить, что уже поворот во времена Хрущева официальной идеологии КПСС от ориентации на *догматик* к ориентации на потребительские стандарты США произошел под воздействием актуализированной тогда марксистской (и либеральной) концепции потребностей. А во время перестройки эта политическая практика приобрела радикальный характер.

Т. Авалиани, бывший в тот момент председателем стачкома Кузбасса, рассказывает, как экономисты из СО АН СССР срывали соглашение, достигнутое между комиссией Верховного Совета СССР и забастовщиками. Шахтеры требовали прибавки к зарплате в виде коэффициента и удовлетворялись его величиной 1,3. Это и было первым пунктом соглашения о прекращении забастовки:

«1. Поясной коэффициент в связи с тяжелыми климатическими условиями, экологической обстановкой в регионе и резким увеличением поставки продуктов по договорным ценам установить временно 1,3 без ограничения и оговорок на всю заработную плату для всех трудящихся Кузбасса с 1 июля 1989 года. Постоянный коэффициент должен быть согласован сторонами на основании разработок Сибирского отделения Академии наук СССР до 1 октября 1989 года и введен Советом Министров СССР с 01.01.90. Средства на увеличение поясного коэффициента выделяются централизованно правительством СССР немедленно».

Т. Авалиани пишет: «Еще днем, рассматривая пункты соглаше-

---

¹ Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8.

ния, мы столкнулись с тем, что во многих случаях нет расчетов, а пункты об экономической самостоятельности и региональном хозрасчете вообще носят декларативный характер. И непонятно, кем они внесены, хотя настойчиво проталкиваются делегатами от города Березовский. Догадываясь, откуда дует ветер, я попросил первого секретаря обкома КПСС А. Г. Мельникова вызвать к утру д.э.н. Фридмана Юрия Абрамовича и его шефа Гранберга Александра Григорьевича — директора Института экономики СО АН СССР из Новосибирска с обоснованиями данных проектов, по которым они выступали в областной прессе с трескучими статьями уже более года. Оба явились утром 18 июля, но на мою просьбу дать текст, что они предлагают для включения в правительственные документы, дружно ответили, что у них ничего нет. В течение дня я видел их несколько раз в кругу членов Березовского забасткома М. Кислюка, В. Голикова и из Малиновки — А. Асланиди, которые протолкнули в конце концов два первых пункта протокола от 17 — 18 июля...

Вдруг появилось предложение — поясной коэффициент шахтерам поднять с 1,25 до 1,6! Все разом заговорили, а автора нет! Но коэффициент 1,6 был ранее проработан СО АН СССР и, видимо, подкинут моим товарищам А. Гранбергом. Вдруг кто-то подкинул предложение записать в протокол «предоставить экономическую свободу всем цехам и участкам заводов и шахт». И опять пошла буза¹.

Это дела 1989 г. А потом граждане России стали объектом небывало мощной и форсированной программы по слому старой, созданию и внедрению в общественное сознание новой системы потребностей. Вспомним азы этой проблемы по близкому для нас источнику — марксизму, который вся наша интеллигенция изучала в вузах.

Маркс писал: «Способность к потреблению является условием потребления... и эта способность представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некой производительной силы»². С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы не акцент на *индивидуальности* «некоего задатка». Этот акцент Марксу нужен, чтобы перейти к проблеме формирования *капиталистического общества потребления*, ибо другие («традиционные») общества Маркса, в отличие от нас, не интересуют. На деле потребности являются явлением социальным, а не ин-

¹ Авалиани Т. Из истории рабочего движения Кузбасса (К 15-летию шахтерской забастовки 1989 года) // <http://vorkuta-rkrp.narod.ru/avaliani>

² Маркс К. Экономические рукописи 1857 — 1859 годов. Т. 46. Ч. II. С. 221.

дивидуальным, они обусловлены культурно, а не биологически (точнее сказать, биологические потребности составляют в общем их спектре очень малую часть и даже «подавляются» культурой — большинство людей при бедствиях погибают от голода, но не становятся людоедами).

Ясно, что уже первые, еще неосознанные сдвиги в мировоззрении нашей интеллигенции к западному либерализму породили враждебное отношение к непритязательности потребностей советского человека. Маркс пишет об этой заложенной в самом основании капитализма необходимости превращать людей в потребителей: «*Во-первых*, требуется количественное расширение существующего потребления; *во-вторых*, — создание новых потребностей путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу; *в-третьих*, — производство новых потребностей»¹.

Смутная мечта советских интеллектуалов о капитализме наталкивалась на непритязательность как иммунитет против соблазнов капитализма. В 70-е годы, когда начались частые и плотные контакты наших обществоведов с либеральной гуманитарной интеллигенцией Запада, легко сложились два духовных ресурса — подсознательная, вошедшая в плоть и кровь либерала установка на «создание и расширение потребностей» с революционной ненавистью советского марксиста к «старым режимам». Маркс же определенно и прозорливо писал о буржуазной революции, разрушающей «старые режимы»: «Революции нуждаются в *пассивном* элементе, в *материальной* основе. Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей... Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей»².

Но вместо того, чтобы рационально разобраться в этих своих духовных импульсах, оценить их разрушительный потенциал для культуры того общества, в котором наша интеллигенция жила (и без которого она как *интеллигенция* и не может жить!), наш образованный слой перековал эти импульсы в иррациональную, фанатическую ненависть к «совку». Из нее и выросла программа по слову присущей советскому обществу структуры потребностей и собственного ритма ее эволюции.

Маркс писал, что сформированный в культуре буржуазного общества рабочий — такой же ненасытный потребитель, как и

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857 — 1859 годов. Т. 46. Ч. I. С. 385.

² Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. Соч. Т. I. С. 423 — 424.

капиталист, и его потребности ограничены только доходом: «Рабочий, однако, не связан ни определенными предметами, ни определенным способом удовлетворения потребностей. Круг его потребления ограничен не качественно, а только количественно. Это отличает его от раба, крепостного и т.д.»¹. В это «и т.д.» входят трудящиеся любого традиционного общества, в том числе советского.

В любом обществе круг потребностей расширяется и усложняется. Это всегда создает противоречия, конфликты, разрешение которых требует развития и хозяйства, и культуры. Ритм этого процесса в здоровом обществе задается динамикой сбалансированного развития всей этой системы. Важнейшей уравнивающей этот процесс силой является разум людей, их реалистическое сознание и чувство меры, а также исторический опыт, отложившийся в коллективном бессознательном — традиции.

Т. Авалиани, размышляя над тем, как же удалось раскатать шахтеров Кузбасса на самоубийственные антисоветские забастовки, вспоминает их жизнь начиная с 60-х годов, когда шахтеры жили в старых одноэтажных домах и даже бараках — со своими огородами и животными: «Переселялись в благоустроенные дома с неохотой. Сегодня это звучит неправдоподобно, но это было. Был даже анекдотичный случай. Семья молодого маркшейдера, лауреата выставок картин (он хорошо писал) в Варшаве, Москве и Будапеште, мастера спорта по штанге, Василия Лунева долго не соглашалась переезжать из барака на верхний, четвертый, этаж нового дома по улице Ленина, 53. А когда все же переехала, то жильцы ночью слышали, как с чердака несется бляение козы. Луневым жалко было бросать своих животных! Козу привезли с собой и заташили на чердак...»

Но, как писал Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки». Их стали производить в СССР с оглядкой на образцы западного общества потребления. И тот же Т. Авалиани пишет о предпосылках к забастовке шахтеров, ставшей оружием «радикальной революции» против советского жизнеустройства: «Потребность в сложной бытовой технике, легковых автомобилях не покрывалась катастрофически. Народ хотел хорошо жить. На базаре автомашины «Жигули» покупали за две цены. И вместе с тем население выбрасывало в мусор ежедневно тысячи тонн черствого хлеба и пищевых отходов...» Да, тогда шахтеры на время получили — даже

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857 — 1859 годов. Т. 46. Ч. I. С. 235.

не «Жигули», а «Тойоты», но лишились хлеба. Это, однако, ученых из Сибирского отделения РАН уже не волнует.

К чему же привела наше общество кампания по переориентации потребностей на структуру общества потребления? К сильнейшему стрессу в совокупности с расщеплением массового сознания. Говорят даже об «искусственной шизофренизации» населения. Люди не могут сосредоточиться на простом вопросе — чего они хотят? Их запросы включают в себя взаимоисключающие вещи. В условиях обеднения усилились уравнилельные архетипы, и люди хотели бы иметь солидарное общество — но так, чтобы самим лично прорваться в узкий слой победителей в конкурентной борьбе. И при этом, если удастся, не считать себя хищниками, а уважать себя как православных.

Это не какая-то особенная проблема России, хотя нигде она не создавалась с помощью такой мощной технологии. Начиная с середины XX века потребности стали интенсивно экспортироваться Западом в незападные страны через механизмы культуры. Разные страны по-разному и в разной степени закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми реально доступными ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. Сильнейшим барьером, защищавшим местную («реалистичную») систему потребностей, были словесные и кастовые рамки культуры.

Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России. Крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг, — он ходил в лаптях. Так же в середине XIX века было защищено население Индии и в большой степени Японии. Позже защитой служил мессианизм национальной идеологии (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты — у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности «окопного быта».

При ослаблении этих защит ниже определенного порога происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в эпицентрах мирового капитализма. По замечанию Маркса, такие общества, утратившие свой культурный «железный занавес», можно «сравнить с *идолопоклонником*, чахнувшим от болезней христианства» — западных источников национального дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

Ведь именно поэтому так по-разному сложилась историческая судьба разных незападных обществ. В культуре Китая, Юго-Восточной Азии, Индии и арабских стран были механизмы, за-

щитившие их население от импорта сфабрикованных на Западе потребностей, а в Океании, Африке, Латинской Америке — нет. И поэтому Азия нашла свой путь индустриализации и развития — и уже обгоняет Запад, а Африка и половина латиноамериканского общества хиреют.

Американский антрополог М. Сахлинс приводит фразу из «Коммунистического манифеста», в которой Маркс обосновывает неизбежность мировой гегемонии западной буржуазии: «Низкие цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, которой буржуазия сметает все Китайские стены». Далее он показывает, что весь этот тезис и выражающая его метафора ложны: «Ирония метафоры очевидна, потому что Китайские стены оказались далеко не так уязвимы, как казалось во времена Маркса. Напротив, в качестве обозначения границ «цивилизации», а следовательно, и ограничения на спрос и перемещение товаров, Стена прекрасно справляется со своей извечной функцией, которая состоит в том, чтобы держать китайцев внутри, а не варваров снаружи. И даже когда иностранные товары или варвары одолевают, их местное воспроизводство и значение скоро приобретают китайскую специфику. Западный капитал и товары не могут легко проникнуть в Китай посредством «демонстрационного эффекта». Иллюзия, что это возможно, — навязчивая идея, которой Европа одержима уже около трехсот лет: все эти сотни миллионов китайских потребителей, только и ждущих английских шерстяных и хлопчатобумажных тканей, стальной утвари, ружей и кораблей, а позднее джипов, парфюмерии, телевизоров. Современная буржуазная версия Эльдorado, мечта об открытии Китая для товаров западного производства все еще жива, несмотря на вопиющий раз за разом провал всех попыток воплотить ее в реальность. За триста лет мечты европейцев разбиваются не о невозможность прохода в Китай с северо-запада [через Стену], а в невозможность изменить сердца и умы азиатов».

В. В. Крылов пишет о феномене слаборазвитости: «Вызванные к жизни не столько убогим состоянием местной системы работ, сколько развитыми формами современного производства в эпицентрах мирового прогресса, новые потребности развивающихся обществ не могут ни качественно, ни количественно быть удовлетворены за счет тех ресурсов, которые предоставляет в их распоряжение местная система работ»¹. И добавляет важную вещь, объясняющую, почему такие «идолопоклонники» вынуждены вечно быть подавленными, чахнувшими: «Удовлетворение

---

¹ Крылов В. В. Теория формаций. М.: Восточная литература, 1997. С. 101.

новых потребностей, если оно вообще когда-нибудь осуществляется хотя бы для отдельных слоев такого общества, наступает именно тогда, когда эти потребности под могучим воздействием извне уже сменились еще более новыми... Они переживают мучительный процесс поиска выхода из создавшегося положения, сопровождающийся всплесками идеологического и социального брожения» (там же, с. 104). Вот куда нас загнали наши марксисты-демократы-либералы.

Так и осуществляется большая программа по превращению нас в чахнувших идолопоклонников. Процесс внедрения «невозможных» потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали указанные выше культурные защиты против внешнего идеологического воздействия. Эти защиты были обрушены обвально в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. И прежде всего культ личного потребления был воспринят элитой, в том числе интеллигенцией (подавляющее большинство «новых русских» имеют высшее образование). Это уже само по себе говорит о поражении сознания. А. Тойнби подчеркивает, что оборотной стороной этого культа («сибаритства») является «дегуманизация «господствующего меньшинства», спесивое отношение ко всем тем, кто находится за его пределами; большая часть человечества при этом заносится в разряд «скотов», «низших», на которых смотрят как на сам собою разумеющийся объект подавления и глумления». Это и произошло с нашими демократами.

При этом новая система потребностей, которая вслед за элитой была освоена населением, была воспринята не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это породило массовое шизофреническое сознание и быстрый регресс хозяйства — с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований — семей, кланов, шаек.

Когда идеологи и «технологи» планировали и проводили эту акцию, они преследовали, конечно, конкретные политические цели — в соответствии с заказом. Но удар по здоровью страны нанесен несопоставимый с конъюнктурной задачей — в РФ создан порочный круг угасания народа. Система потребностей, даже при условии ее более или менее продолжительной изоляции от чуждого влияния, очень живуча. Она обладает инерцией и воспроизводится, причем, возможно, во все более уродливой форме. Поэтому даже если бы удалось каким-то образом вновь поставить эффективные барьеры для «экспорта образов», какой-то новый «железный занавес», внутреннее противоречие тем

самым еще не было бы решено. Ни само по себе экономическое «закрытие» России, ни появление анклавов общинного строя в ходе нынешней ее архаизации не подрывают воспроизводства «потребностей идолопоклонника». Таким образом, у нас есть реальный шанс «зачахнуть» едва ли не в подавляющем большинстве.

В середине 90-х годов еще теплилась надежда на то, что биологические инстинкты (самосохранения и продолжения рода) поставят достаточно надежный заслон, чтобы преодолеть воздействие нагнетаемых с помощью идеологических СМИ потребностей. Время показало, что эти надежды тщетны — инстинкты без соединения с культурными защитами, без крепкого и связанного «универсума символов» слишком слабы, чтобы справиться с современной технологией превращения людей в толпу.

Возникает вопрос, не оказались ли мы в новой «экзистенциальной» ловушке — как и перед революцией начала XX века? Она складывалась в ходе такого процесса. До начала XX века почти 90% населения России жили с уравнильным крестьянским мироощущением («архаический аграрный коммунизм»), укрепленным Православием (или уравнильным же исламом). Благодаря этому нашей культуре было чуждо *мальтузианство*, так что всякому рождавшемуся было гарантировано право на жизнь. Даже при том низком уровне производительных сил России, который был обусловлен исторически и географически, ресурсов хватало для жизни растущему населению. В то же время было возможно выделять достаточно средств для развития культуры и науки — создавать потенциал модернизации. Это не вызвало социальной злобы вследствие сильных сословных рамок, так что крестьяне не претендовали на то, чтобы «жить как баре».

В начале XX века под воздействием импортированного зрелого капитализма это устройство стало разваливаться, но тогда кризис был разрешен через советскую революцию. Это было жестокое средство, к которому общество пришло после перебора всех возможных альтернатив. Революция сделала уклад жизни более уравнильным, но в то же время производительным. Жизнь улучшалась, но баланс между ресурсами и потребностями поддерживался благодаря сохранению инерции «крестьянского коммунизма» и наличию психологических и идеологических защит против неадекватных потребностей. На этом этапе так же, как раньше, в культуре не было мальтузианства и стремления к конкуренции, благодаря чему население росло и осваивало территорию.

После 60-х годов произошла быстрая урбанизация, и большинство населения обрело тип жизни «среднего класса». В культуре интеллигенции возник компонент социал-дарвинизма и со-

блазн выиграть в конкуренции. Из интеллигенции социал-дарвинизм стал просачиваться в массовое сознание. Право на жизнь (например, в виде права на труд и на жилье) стало ставиться под сомнение — сначала неявно, а потом все более громко. Положение изменилось кардинально в конце 80-х годов, когда это отрицание стало основой официальной идеологии. Но ведь «теоретическую» базу под нее подвела молекулярная интеллектуальная работа миллионов образованных людей!

Одновременное снятие норм официального коммунизма и иссякание коммунизма архаического (при угасании реального влияния Православия) изменило общество так, что сегодня под ударами реформы оно впало в демографический кризис, обусловленный не только и не столько социальными причинами, сколько мировоззренческими. Еще немного — и новое население России ни по количеству, ни по качеству (типу сознания и мотивации) уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к «центрам комфорта», так что весь облик страны будет быстро меняться.

Таким образом, опыт последних десяти лет заставляет нас сформулировать тяжелую гипотезу: русские могли быть большим народом и населять Евразию с одновременным поддержанием высокого уровня культуры и высоким темпом развития только в двух вариантах: при комбинации Православия с крестьянским коммунизмом и феодально-общинным строем — или при комбинации советского коммунизма с советским строем. При капитализме — хоть либеральном, хоть криминальном — русские стянутся в небольшое население Восточной Европы с утратой статуса державы и высокой культуры.

В современной западной философии, которая остро переживает общий кризис индустриальной цивилизации, есть взятый у поэта XVIII века Гельдерлина принцип: «Там, где зреет смертельная опасность, там появляется росток надежды на спасение». Надо надеяться, что нормальные человеческие инстинкты — сохранения жизни и продолжения рода — будут разворачивать выравшееся, как обезумевший табун, коллективное бессознательное русского народа его созидательной стороной. Надо помочь этому средствами разума, стремясь, чтобы силы спасения выросли раньше, чем смертельная опасность созреет вполне.

Но для этого наша интеллигенция обязана подвергнуть хладнокровному и беспристрастному анализу те интеллектуальные конструкции, которые она в возбужденном состоянии вырабатывала последние полвека, и заменить те их блоки, которые несовместимы с жизнью народа.

Задача эта срочная, потому что народ, судя по всему, выми-

рать не собирается. Его архетипические установки выходят на поверхность. Согласно опросам ВЦИОМ, за время правления В. В. Путина антилиберальные установки усилились. Вот данные опроса 9 — 13 января 2004 г. (опрошены 1584 человека), а в скобках — данные января 2000 г. На вопрос «Что в первую очередь вы ждете от президента, за которого вы могли бы проголосовать?» люди ответили так:

«Вернуть России статус великой державы» — 58% (55);

«Обеспечить справедливое распределение доходов в интересах простых людей» — 48% (43);

«Вернуть простым людям средства, которые были ими утеряны в ходе реформ» — 41% (38);

«Усилить роль государства в экономике» — 39% (37).

Если интеллигенция откажется помочь людям выработать для этих установок развитый язык и логику, они станут «материальной силой» в очень грубом обличье, а при своей реализации произведут в рядах нашей демократической интеллигенции большое опустошение. И это очень дорого обойдется стране — дороже, чем Гражданская война 1918 — 1921 гг. Как выразился один политолог, «у народа России есть огромный нерастраченный запас чувства гнева».

Глава 14

СКЛОННОСТЬ К МИФОТВОРЧЕСТВУ

Одним из важных типов отхода от рациональности, имевшим тяжелые последствия для российского общества, стал за последние два десятилетия сдвиг интеллигенции к *мифотворчеству*, причем исключительно агрессивному — мифотворчеству *отрицания*, часто даже *очернения* прошлого. Это само по себе есть признак и фактор углубления кризиса, признак подавленного состояния интеллигенции. Ницше подметил: «Мало страдаешь от неисполнимых желаний, когда приучаешь свое воображение чернить прошлое»¹.

В этом явлении надо выделить две его особенно болезненные черты. Первая — нежелание ознакомиться с вполне доступными фактическими или историческими сведениями или даже активное отрицание *достоверности*. Речь идет даже не об отрицании

---

¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. М.: Мысль, 1990. Т. I. С. 563.

достоверного знания по конкретному вопросу, а об отрицании самой *ценности* истины.

Вторая — нежелание скорректировать свою позицию и дать оценку прошлой установке исходя из новой эмпирической реальности, которая явно демонстрирует совершенную ранее ошибку. Иными словами, в образованном слое СССР, а теперь РФ наблюдается агрессивное отрицание принципов научного метода.

Уже Ницше писал об этом явлении, признаки которого наблюдались в конце XIX века: «На понимании метода покоится научный дух, и все результаты науки не могли бы предупредить новое распространение суеверия и бессмыслицы, если бы погибли эти методы... [Одаренным людям] достаточно найти вообще какую-нибудь гипотезу по данному вопросу, и тогда они пламенно защищают ее и полагают, что этим сделано все. Иметь мнение — значит у них уже фанатически исповедовать его и впредь приютить в своем сердце в качестве убеждения. В необъясненном вопросе они горячатся в пользу первой пришедшей им в голову выдумки, которая похожа на объяснение, — из чего, особенно в области политики, постоянно получаются наихудшие результаты... Более того: присматриваясь внимательнее, замечаешь, что огромное большинство всех образованных людей еще теперь требуют от мыслителей убеждений, и одних только убеждений, и что лишь ничтожное меньшинство ищет *достоверности*»¹.

Это поведение интеллигенции иногда считают следствием сдвига к постмодернизму, отрицающему само понятие истинности и побуждающему искать различные интерпретации независимо от их отношения к достоверности. Похоже, однако, что нет нужды искать такие сложные объяснения. Во всех этих случаях наблюдается, скорее, не перескок к чему-то *пост-*, а откат, регресс к *анти*-рациональности, к нарушению элементарных норм мышления.

Началось это с прагматических и даже конъюнктурных соображений — или надо было порадовать своей политической партии, взявшейся разрушить «империю зла», или выполнить очень выгодный, щедро оплаченный заказ глобальной партии хозяев жизни. Это можно было бы понять, а иногда даже и простить. Но интеллектуалы так вошли во вкус, что походя уничтожили вещи, несопоставимые по их ценности с полученными гонорами. Запущенный ими процесс разрушения рациональности перешел в фазу самоорганизации, так что мы имеем перед собой уже цепной процесс *саморазрушения*.

---

¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 635.

Вспомним созданный в сознании интеллигенции целый свод антигосударственных мифов. Одним из них был миф о невероятно раздутой бюрократии СССР. Советское государство было представлено монстром — в противовес якобы «маленькому» либеральному государству. Это был элементарный обман или плод невежества. Либеральное государство («Левиафан») огромно и прожорливо, это было известно фактически и понятно логически. Ведь либерализм (экономическая свобода) *по определению* порождает множество функций, которых просто не было в советском государстве, например, США вынуждены держать огромную налоговую службу. Колоссальное число государственных служащих занимается в рыночной экономике распределением всевозможных субсидий и дотаций, пропуская через себя огромный поток документов, которые нуждаются в перекрестной проверке.

Советская бюрократическая система была поразительно простой и малой по численности. Очень большая часть функций управления выполнялась на «молекулярном» уровне самими гражданами в сети общественных организаций (например, партийных). В журнале «Экономические науки» (1989, № 8, с. 114 — 117) была опубликована справка о численности работников государственного управления СССР в 1985 г.

Всего работников *номенклатуры управленческого персонала* (без аппарата общественных и кооперативных организаций) было в СССР 14,5 млн. человек. Если добавить работников охраны, курьеров, машинисток и других работников, не входящих в номенклатуру должностей, то это число вырастет на 2,8 млн. человек.

Из 14,5 млн. государственных управленческих служащих 12,5 млн. составляли управленческий персонал предприятий и организаций, которые в подавляющем большинстве действовали в сфере *народного хозяйства*. Так, например, в это число входили главные специалисты (0,9 млн. человек), мастера (2,1 млн. человек), счетно-бухгалтерский персонал (1,8 млн. человек), инженеры, техники, архитекторы, механики, агрономы и ветврачи (2,1 млн. человек) и т.д. Таким образом, численность чиновников в строгом смысле слова была очень невелика.

Что мы могли наблюдать после того, как советский тип государства был ликвидирован? Чиновничий аппарат и бюрократизация в РФ фантастически превысили то, чем мы возмущались в СССР. Наша интеллигенция не знает этого или не хочет знать уже не столько из-за идеологической слепоты, сколько из-за утраты способности к рефлексии. Миф не поколеблен.

Вот другой примечательный пример мифотворчества. В. Но-

новдворская пишет о событии, которое произошло, когда ей было 17 лет, и которое предопределило все ее антисоветское мировоззрение: «В 1967 году отец... положил мне на стол «Один день Ивана Денисовича»... Эта книга решила все. Не успела я дочитать последнюю страницу, как мир рухнул... Теперь я знала, что буду делать всю оставшуюся жизнь. Решение было принято в 17 лет, и, если юный Ганнибал поклялся в ненависти к Риму, я поклялась в ненависти к коммунизму, КГБ и СССР. Вывод был сделан холодно и безапелляционно: раз при социализме оказались возможными концлагеря, социализм должен пасть. Из тех скудных исторических источников о жизни на Западе, которые оказались мне доступны, я уяснила себе, что там «ЭТОГО» не было. Следовательно, нужно было «строить» капитализм»¹.

Примем это ее странное объяснение за *искреннее*, за определенную модель внутреннего рассуждения, которую она нам предлагает. Мы видим перед собой конструкцию, построенную как антипод всей системе норм рационального мышления. Не могла юная Новодворская ничего не знать о холокосте и о том, что «ЭТО» было именно на Западе и именно при капитализме. Просто она свое отрицание советского строя «уже фанатически исповедовала и приютила в своем сердце в качестве убеждения» — и потому исключила образ холокоста из своих рассуждений по данному вопросу (хотя, возможно, активно использовала образ холокоста для подкрепления иных своих убеждений — антифашистских и пр.). Точно так же не могла она ничего не знать о колониальных захватах, о жестокости войн Запада в Алжире и Вьетнаме, не читать «Хижины дяди Тома».

Для создания в ее представлении мифа «доброго Запада» ей пришлось отсечь и убрать подальше огромные куски заведомо известного ей знания. При обсуждении мемуаров В. Новодворской в Интернете встретилось такое сообщение: «Одна из газет несколько лет назад рассказала историю, которая журналисту показалась забавной, а мне кажется весьма поучительной, — о том, как В. Новодворская стала антикоммунисткой. Оказывается, в возрасте 16 лет «девочка Лера» пришла в райком комсомола и потребовала, чтобы ее послали в Латинскую Америку воевать против наймитов мирового капитала и за торжество мировой революции. Ей объяснили, что она больше сделает для дела мировой революции, если будет хорошо учиться, и вежливо проводили до дверей. Через день она пришла снова — на этот раз ее вывели не так вежливо. Еще через день ее просто прогнали.

---

¹ Новодворская В. По ту сторону отчаяния. М.: Новости, 1993.

А через два года Новодворская расклеивала по Москве антисоветские листовки».

Более того, свои мемуары она предъявила сегодня, через сорок долгих лет. За это время произошло множество событий, которые она обязана была применить для исправления своей юношеской модели, но она этого не делает. Ее любовь к Западу стала просто оголтелой, никакие его актуальные жестокости этой любви поколебать не могут, и параллельно с этим растет ее ненависть к «социализму» с его давно канувшим в историю Иваном Денисовичем. Так она и стоит на двух мифах, черном и белом, как на двух ногах¹.

Вот пример сознательного создания мифа, который заведомо является изощренной и оскорбляющей память ложью, но этот факт совершенно не трогает авторов, в том числе людей, часто общающихся с публикой. В их сознании истина действительно не имеет никакой ценности, и следование ей исключено из их интеллектуальных норм. Речь идет о сценарии полнометражного художественного фильма «Дом», над которым работает Алексей Учитель.

Интернет-издание «Живой журнал» пишет: «Фабула фильма такова — союзники, сопровождавшие полярные конвои, жаловались советским властям, что страдают без женской ласки после длительного похода в арктических водах. По решению обкомов партии в Мурманске, Архангельске и Молотове (ныне Северодвинск) были организованы публичные дома (официально они именовались Дом культуры, Интернациональный клуб и т.д.), куда набирались комсомолки от 17 до 25 лет. После войны, в 45-м году, всех женщин, работавших в подобных домах, погрузили на баржи и вывезли в Северное море, где баржи торпедировали. Погибли несколько сотен красивых молодых женщин. Море в тот день было абсолютно ровным, как зеркало, и головы женщин еще какое-то время были видны на поверхности воды. История такого дома в Мурманске и рассказ о судьбах нескольких людей положены в основу фильма (история — Александр Рогож-

---

¹ В репортаже о реакции нашей демократической интеллигенции на начало войны США в Ираке говорится: «20 марта, как только началась бомбежка Багдада, на ТВС пригласили, конечно же, незабвенную Валерию Ильиничну Новодворскую, которая со свойственным ей темпераментом вздохнув сообщила, что американские и английские летчики и моряки, пускающие ракеты в столицу Ирака, — это герои, чьей заветной мечтой является лишь установление демократии во всем мире. Закончила же наша «мисс диссидентское движение» на лирической ноте: надо, мол, не проклинать американских летчиков, а сказать им: до свидания, мальчики, мальчики, поскорей возвращайтесь назад».

кин, сценарий — Грегори Маркуэт, русская версия — Дуня Смирнова, режиссер — Алексей Учитель)»¹.

Как сообщает журналист, «сценарий, появившийся в журнале «Искусство кино», в отношении героев повествования переполнен бранными, откровенно пренебрежительными словами (козлы, сука старая, кот шелудивый, кобель, дегенераты, подстилка вонючая, стадо обезьян и так далее — круче!), ненормативной лексикой... Многие из российских участников арктических операций живут ныне в Петербурге. Они написали тогда еще губернатору Владимиру Яковлеву требование запретить планы киношников организовать съемки в Кронштадте... Я тоже разговаривала с режиссером Учителем несколько раз по телефону. При первом же знакомстве Алексей Ефимович признался, что изменит концовку фильма. Он и сам не верит, что девушек посадили на баржу и расстреляли торпедами с подводной лодки. Явный перебор!.. Но в целом он собирался (и собирается) придерживаться задуманной концепции. На Пасху в прошлом году (накануне Алексей Учитель удостоился высокого звания народного артиста России!), поздравляя мастера с наградой, я выразила надежду, что Господь вразумит его»².

Возмущены были и английские моряки. Влиятельная лондонская газета писала в статье под заголовком «Ветераны арктических конвоев столкнулись с новым противником»: «Выжившие после нападений немецких подводных лодок приведены в ярость создателями фильма, рисующими их восторженными клиентами публичного дома».

В прессе опубликованы высказывания по поводу сценария многих живых участников тех событий — и в РФ, и в Великобритании. Все трясутся от бессильной ярости перед лицом абсолютно хладнокровной лжи. Как будто этот подлый постмодернизм наступает на грудь поверженным людям, продолжающим верить в истину и совесть. Журналист встречалась с семьей тогдашнего директора Интернационального клуба: «Какой бордель, господи помилуй!» — интеллигентные люди, жена и дочь Курта просто раздавлены содержанием опубликованного рогожкинского сценария. Его «дом» населен гротесковыми персонажами: хищной шпаной, спившимися охранниками, ослепшим от денатурата музыкантом, ордами союзников, прибывающими на «обслуживание» в бордель, и доведенными до животного состояния и матерного языка «лицами из администрации».

Здесь нас более всего интересует тот факт, что режиссер,

¹ www.livejournal.com/users/jo...ho/160516.html

² www.nworker.ru/news/05-07-2003

принципиально отвергший привычные нормы рациональности и интеллектуальной совести, не видит в этом никакой проблемы и находит поддержку в среде элиты художественной интеллигенции — она удостоивает его звания народного артиста России. Дуня Смирнова, дочь автора повести «Брестская крепость», ведущая по телевидению морализаторскую программу, пишет по сценарию какого-то мерзавца Грегори Маркуэта «русскую версию» наполненного русофобией фильма — и никаких психологических проблем. Это новое состояние нашей культуры, состояние опасной болезни.

Рассмотрим три небольших мифа, посвященных отечественному сельскому хозяйству. Они связаны между собой и являются частью одного большого *мета-мифа*, гласящего, что и дореволюционное крестьянское общинное земледелие в России, и советское колхозно-советское земледелие никуда не годились и должны уступить место фермерству западного типа. Все эти мифы были идеологическим подкреплением практических действий с очень далеко идущими последствиями — ликвидацией колхозно-совхозной системы и приватизацией земли в РФ.

Миф о Столыпине. Создание этого мифа было типичной лабораторной разработкой, ибо происходило при доскональной изученности реального состояния дел¹. Тот, чье имя сочеталось со словом «реакция», стал кумиром демократической публики! Идеологи изошрялись в изобретении эпитетов. А. Н. Яковлев додумался сказать, что беда Столыпина была в том, что он оказался «слишком истинным». Ведь дошло до того, что в среде интеллигенции Столыпин стал самым уважаемым деятелем во всей истории России — 41% поставили его на первое место. Выше Александра Невского, Петра Великого или Жукова. Этот миф был настолько неожиданным и странным, что некоторые западные наблюдатели считают его неискренним и недобросовестным.

Итальянский политолог М. Феретти, составившая обзор работ, посвященных канонизации Столыпина, пишет: «Показательно быстрое и легкое забвение призыва о возврате к демократическим идеалам Февральской революции. Само по себе это неудивительно. У тех, кто считает Учредительное собрание воплощением демократической воли России, сразу возникает очень неудобная проблема: поскольку большинство голосов было отдано эсерам, «демократическая воля» России высказа-

---

¹ Подробнее вопрос рассмотрен в моей книге «Столыпин — отец русской революции». М.: Алгоритм, 2002.

лась против реализации «западного пути» в экономическом и политическом переустройстве России... Февраль был тут же забыт. Возник миф великого реформатора Столыпина»¹.

Фигура Столыпина была раздута в перестройке не потому, что его реформа была успешной. Реформа провалилась по всем пунктам. Главное — замысел. Столыпин был альтернативой советской аграрной политике, как бы предшественником Горбачева и Чубайса. Он разрушал сельскую общину — так же, как А. Н. Яковлев мечтал разрушить колхоз.

Видный современный историк крестьянства и аграрных отношений начала XX века В. П. Данилов пишет о том, как во время перестройки фабриковался миф Столыпина: «Над аграрной реформой с самого начала витал идеализированный, раскрашенный в светлые тона образ Столыпина, не предвещающий ей ничего хорошего. Реформаторы либерального толка видели в Столыпине крупнейшего идеолога экономического обновления державы, положившего начало некоему плодотворному процессу, который необходимо продолжить теперь, в условиях будто бы «сходной ситуации». Столыпинская аграрная реформа стала изображаться прообразом горбачевской аграрной «перестройки». Начавшийся в 1988 году культ Столыпина достиг в 1990 — 1991 годы масштабов массовой идеологической кампании, апогеем которой можно считать появление в одной из центральных газет 12 мая 1991 года панегирика «Столыпин и Горбачев: две реформы «сверху» («Неделя». 1991, № 19, 6 — 12 мая).

Историки-профессионалы, прежде всего из среды «шестидесятников», не могли не обратить внимание на бестактность подобных параллелей, поразивших всех нас своей несообразностью и полным противоречием всему тому, что провозглашалось целями и средствами «перестройки».

В 1988 году завершил работу над рукописью своего последнего исследования Арон Яковлевич Аврех — крупнейший специалист по истории государственной политики России столыпинского времени. Это была книга, специально посвященная теме «П. А. Столыпин и судьбы реформ в России». А. Я. Аврех обратился ко мне с просьбой стать редактором этой книги и написать к ней предисловие. Он успел сдать рукопись в Политиздат незадолго до своей смерти в декабре 1988 года. Автор застал лишь начало идеологической кампании по возвышению Столыпина и его аграрной реформы, но уже тогда смог оценить остроту и зна-

---

¹ *Феретти М.* (Италия). Сталин умер вчера // Куда идет Россия?... Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 306 — 311.

чение возникшей проблемы. В его книге было показано действительное содержание столыпинских реформ, их подчиненность помещичьим интересам и административно-принудительный характер их методов. Именно поэтому издание книги задержалось почти на три года¹, причем содержание подверглось грубому издательскому редактированию, многие тексты, не отвечающие новым идеологическим установкам, были изъяты. Я вынужден был отказаться от участия в издании настолько искаженной книги покойного автора. Мое предисловие было издательством отклонено.

Не менее печальной оказалась судьба последней работы Андрея Матвеевича Анфимова, выдающегося исследователя аграрной истории России, в особенности истории крестьянства конца XIX — начала XX века, одного из главных представителей «нового направления», подвергнутого в 1970-х годах идеологическому осуждению и разгрому. В 1991 году Анфимов закончил работу над книгой о столыпинской аграрной реформе «Реформа на крови». Это было очень точное название, поскольку реформа была вызвана первой русской революцией и проводилась после ее подавления. Издательства потребовали изменить название книги. Второе название было очень спокойным — «П. А. Столыпин и российское крестьянство», но рукопись ни одно издательство не приняло.

После кончины А. М. Анфимова коллегам удалось опубликовать особенно важный раздел его исследования — «Новые собственники», посвященный крестьянским хозяйствам, выделившимся из общины, — по данным единственного массового обследования, проведенного в 1912 году². Положение, в котором оказались «новые собственники», не дает никаких оснований для восторгов по поводу успехов столыпинской аграрной реформы. Издание книги состоялось в 2002 году³ тиражом всего в 300 экземпляров, что оставляет ее недоступной широкому читателю.

Идеологическая нетерпимость новоявленных либерал-демократов не удивляет, ведь в большинстве своем они вышли из партноменклатуры. Поражает другое — их полное историческое невежество. В случае со столыпинской аграрной реформой это особенно бросается в глаза...

Между тем перестройка приобретала все более радикальный

---

¹ Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: 1991.

² Анфимов А. М. Новые собственники (Из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. 1996. М.: 1996. С. 60 — 95.

³ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: 2002.

и неуправляемый характер... В ноябре 1990 года Верховный Совет РСФСР (расстрелянный Ельциным 3 — 4 октября 1993 года) практически без обсуждения принял законы «О крестьянском хозяйстве» и «О земельной реформе»... Комиссия ЦК КПСС по вопросам аграрной реформы по-прежнему существовала, хотя сколько-нибудь активная ее работа после пресловутой встречи в августе 1990 года стала невозможной. Никакого обсуждения ельцинских аграрных законов не получилось.

Таким образом, приняв миф Столыпина, который создавался жесткими недобросовестными методами, как свое убеждение, интеллигенция отвернулась от *достоверности*. Она здесь грубо нарушила нормы рационального мышления.

Миф о фермерах. Он тесно связан с мифом Столыпина (который, кстати, и сам поначалу имел идеализированные представления о западных фермерах, но, в отличие от либералов, к концу жизни сумел их преодолеть).

С начала перестройки утверждение о преимуществах семейного фермерского хозяйства по сравнению с советскими крупными сельскохозяйственными предприятиями внушалось уже средствами идеологической машины КПСС. А. Н. Яковлев вспоминает, как он был подготовлен к радикальной антиколхозной позиции: «В Канаде, например, я по-настоящему узнал, что такое фермерская система. Мне стало ясно, что фермер работает больше и лучше, чем наш колхозник»¹.

Можно еще понять, что, будучи воспитан на политэкономических догмах, советский посол в Канаде определил, что «фермер работает лучше, чем наш колхозник», по показателю прибыльности (или товарной массе). Но как ему могло стать ясно, что фермер работает *больше*? В чем это выражается — в калориях, литрах пота, нервной энергии? Как могли принять такое методологическое нахальство наши интеллигенты?

В 1994 г. вышла подготовленная Институтом экономики РАН книга об экологических аспектах реформы. В главе «Природопользование в рыночной экономике (Вопросы теории и методологии)» ее автор Б. М. Рабинович пишет: «В основу преобразования сложившихся в плановой экономике земельных отношений положена фермерская стратегия. При этом в качестве главного аргумента выдвигается положение о том, что фактическая эффективность производства в фермерских хозяйствах выше, чем в

---

¹ Яковлев А. О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003.2.12.

колхозах и совхозах». Никаких фактических или логических данных в пользу этого «главного аргумента» этот теоретик и методолог не приводит и даже намеков не делает. За все время перестройки и реформы таких данных вообще не приходилось видеть.

В общем, уже во время перестройки был взят курс на разрушение крупных предприятий и замену их миллионами маленьких ферм. Это было представлено как не требующий доказательств способ преобразовать наше сельское хозяйство в нечто похожее на агрикультуру США. При всей дикости этой нелепой установки на имитацию других аргументов в той кампании не было — и их *не требовали*.

Ход событий известен. До начала радикальных реформ, в 1989 г., в РСФСР действовали 12,9 тыс. государственных предприятий (совхозов) и 12,5 тыс. кооперативных предприятий (колхозов). В совхозах работали в тот момент 5,6 млн. человек и в колхозах 4 млн. человек. Всего в сельской местности жили 38,8 млн. человек. В 1989 г. сельскохозяйственные предприятия произвели в стоимостном выражении 77,6% продукции, а личные подсобные хозяйства населения (приусадебные участки, сады и огороды) — 22,4%.

После интенсивной идеологической кампании по дискредитации колхозов и совхозов как социально-производственных систем в 1992 г. была начата обязательная перерегистрация этих предприятий. При этом произошло *раздробление и изменение организационного типа* более чем 2/3 бывших крупных предприятий. Значительная часть и ресурсов, и производственной деятельности переместилась из предприятий в мелкое производство — в хозяйства населения и фермерские (крестьянские) хозяйства.

Реформа привела к резкому сокращению производства в предприятиях. В сопоставимых ценах физический объем продукции сельского хозяйства предприятий составил в 1999 г. 37% от уровня 1990 г., в 2000 г. он возрос до 39,4%, а в 2001 г. до 43,7% от уровня 1990 г. Резко повысилась доля хозяйств населения в производстве продукции по сравнению с предприятиями. В 2003 г. предприятия произвели 37,9%, а хозяйства населения 57,9% продукции сельского хозяйства РФ (в фактически действовавших ценах).

Усиление подворья с его низкой технической оснащенностью — признак *разрухи*. Парадоксально, но здесь *рыночная* реформа привела к снижению *товарности*. По сравнению с 1985 г. уже в 1992 г. товарность производства картофеля снизилась с 22 до 8% и до настоящего времени колеблется в пределах 8 — 10%. В 2001 г. товарность производства молока в хозяйствах населения составила 21%, скота и птицы 19,1%.

Фермерские хозяйства на первом этапе реформы были представлены как главный тип хозяйства на селе в будущей рыночной системе — тогда подчеркивалась именно их природа как *фермерских* хозяйств. Многих важных черт капиталистической фермы они, однако, за десять лет так и не приобрели, поэтому к их названию в последние годы добавилось определение «крестьянские».

Основная масса хозяйств (83%) возникла в 1992 — 1995 гг., число вновь созданных хозяйств (как и общее их число) после 1995 г. с каждым годом уменьшается. На конец 2002 г. зарегистрировано 264 тыс. фермерских хозяйств с общей площадью земельных участков 17,6 млн. га, из них 13,2 млн. га пашни (то есть 11,1% всей пашни РФ), и средним размером земельного участка 67 га.

Половину всей площади (51,1%) занимали 5,5% от общего числа фермерских хозяйств — сравнительно крупные хозяйства, имеющие более 200 га на хозяйство. 64% фермеров специализируются на производстве зерновых, 12,9% — на мясном и молочном скотоводстве. В 2002 г. фермерские хозяйства произвели 3,7% сельскохозяйственной продукции РФ.

Фермерские хозяйства завели в основном сельские специалисты, их образовательный уровень очень высок — 36,6% руководителей хозяйств имеют среднее специальное образование и 20,1% — высшее. 75,4% из них имеют возраст до 50 лет. Хозяйства в основном являются *семейными*. По сути дела, речь идет не о фермах капиталистического типа, а о трудовых крестьянских хозяйствах с очень малой долей наемного труда.

Согласно изучению 187,6 тыс. хозяйств, в 1999 г. всего в них было занято 235,8 тыс. наемных работников (в среднем 1,3 работника на одно хозяйство), причем в среднем один работник за год отработал только 43,9 человеко-дня. Затраты на оплату труда с отчислениями на социальные нужды составляли в структуре расходов фермерских хозяйств всего 10% (1999 г.).

Фермерские хозяйства плохо оснащены техникой — на конец 1999 г. в расчете на 100 хозяйств приходилось только 76 тракторов и 36 грузовиков. Сравнительно невысока и товарность производства — в 2001 г. от общего объема производства в фермерских хозяйствах реализовано лишь 34,5% зерна.

Несмотря на значительное увеличение начиная с 1993 г. площади предоставленных фермерам земельных угодий, соответствующего роста производства сельскохозяйственной продукции в этой системе в общем не происходит. В целом валовой уровень производства в ней был в середине 90-х годов очень неустойчив, но стал расти начиная с 1999 г. Что же касается *продуктивности*

этой категории хозяйств, то в расчете на 1 га пашни она начиная с 1993 г. в основном снижалась и лишь в последние, урожайные, годы стала расти. Однако даже в 2003 г. урожайность зерновых в фермерских хозяйствах была ниже, чем в предприятиях (она составляла 92,3% от урожайности в тех хозяйствах, что остались от колхозов и совхозов). Продуктивность фермерских хозяйств в животноводстве очень низка (они производят всего 2,2% скота и птицы, 2,4% молока и 0,6% яиц).

Фермеры находятся в трудном финансовом положении. Согласно опросу 1999 г., в 1998 г. 65,8% хозяйств были убыточными. На грани банкротства постоянно находятся 11 — 12% хозяйств. Причина такого положения в том, что становление нового типа хозяйств в условиях жесткой конкуренции иностранных ферм, получающих в своих странах огромные государственные субсидии, почти невозможно без поддержки государства. По мнению большинства опрошенных фермеров, эта поддержка в РФ неэффективна. Около 80% фермеров не могут получить той помощи государства, которая является совершенно обычной во всех странах, где фермерские хозяйства представляют собой важный тип сельскохозяйственного производства.

Когда в начале 90-х годов проводилась кампания по «*фермеризации*» российского села, было сделано немало заявлений о том, что все эти виды государственной поддержки будут оказаны тем гражданам, которые решатся выйти из коллективных хозяйств и совхозов и заведут собственное хозяйство. Бросив фермеров на произвол судьбы, реформаторы подорвали инициативу большой важности.

Таким образом, имеем бесспорный факт: аграрная реформа после 1991 г. была проведена по плану радикальных либералов, никто им не мешал и мешать не мог. Плана и райкомов нет, рынок свободный, аренда тоже. Результат известен: падение производства вдвое, забито скота более половины, машинный парк изношен, капиталовложения снизились в 25 раз. По масштабам эксперимент достаточно велик и длителен. Не выходит дело — трудно на селе малой производственной единице. Нет у нее критической массы капитала, и потому требуется глубокая кооперация (например, типа колхозов или совхозов). Любый добросовестный наблюдатель скажет, что вопрос решен однозначно: абстрактно фермер, быть может, прекрасен, но в наших реальных условиях он в крупных масштабах заменить предприятия не может. Не тянет.

Нельзя не сказать и о том, что вся эта кампания с ее ссылками на опыт США была исключительно недобросовестной, и интеллигенция несет вину как профессиональное сообщество, на

которое люди привыкли надеяться как на контролера достоверности сообщаемых важных сведений. Во-первых, утверждение «фермер в США эффективнее, чем колхозы в России» является некогерентным — системы просто несравнимы. Можно измерить «эффект» — продукт производства в натуральных или условных единицах. Но очень трудно привести к единому эквиваленту ресурсы (природные, материально-технические и др.). Такой попытки ни идеологи реформы, ни их «группа поддержки» никогда не делали и проблему замалчивали. Если бы мы представили фермерскую и колхозную системы в квазисравнимом виде — оценили хотя бы грубо основные «входы» ресурсов, то, на мой взгляд, вышло бы, что колхозы были невероятно, почти фантастически более эффективны, чем фермы. Но спорить об этом не стоит — достаточно того, что такого сравнения не делалось, и тезис о более высокой эффективности американских ферм надо считать необоснованным.

Я думаю, что если американских фермеров привезти и заставить работать в России *с теми средствами, что имеют наши крестьяне*, то они произведут гораздо меньше, чем наши. Если оставить их в России надолго, то они станут похожи на наших крестьян¹. Если же отвезти в США русских крестьян, то они, пока будут оставаться крестьянами, в одиночку тоже выработают меньше, чем фермеры (а если оставить их там надолго, то сами станут фермерами — приспособятся к системе). Это и значит, что системы несравнимы. Другое дело, что если бы наши колхозники в СССР получали лучшие машины, удобрения, средства защиты растений, дороги и т.д., эффективность быстро бы шла в гору (как это, впрочем, и было до 1988 г.). Или если бы они в США смогли, гипотетически, образовать достаточно большие зоны крестьянского жизнеустройства, тогда бы они наверняка удивили мир своей эффективностью.

Легкая вера в то, что фермер эффективнее крестьянина, даже кооперативного — продукт вульгарного истмата, из которого мы восприняли ложную идею о том, что новые производственные отношения всегда эффективнее старых. Это механистическое, примитивное представление — новое и старое различаются как системы, а не по одному какому-то элементу. Крестьянин — фигура Средневековья, феодализма, фермер — фигура индустриальной цивилизации. Значит, фермер эффективнее. Кстати, идео-

---

¹ Кстати, в самом конце 80-х годов было несколько важных для нашей темы утопических проектов — к нам приезжали западные фермеры-культуртрегеры, брали землю, завозили хороший скот. Потом исчезли — их ботинки увязли в грязи, а кирзовые сапоги натерли ноги. О результатах опыта демократы стыдливо молчат.

логи перестройки старательно укрепляли этот стереотип, говоря о крепостничестве колхозов, о колхозе как «большевистской общине» (А. Н. Яковлев). Это, мол, по сравнению с фермерами предыдущая формация.

Посмотрите, как тщательно замалчивается знание, опровергающее всю эту конструкцию (замалчивается одними и отторгается другими — не верят). Речь идет об эффективности рабского труда в США. Исследования этой проблемы обобщены в большой книге Fogel R., Engerman S. *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. N.Y., 1974, vol. 1 — 2. Скандал в США она вызвала страшный, хотя работа и была позже удостоена Нобелевской премии. Мельком ее упомянул либеральный журнал «Вопросы экономики». В одной статье (в № 4, 2000, с. 105) говорится: «После скандально известных исследований рабского труда в южных штатах США... совершенно иной видится взаимосвязь понятий «архаичность» и «эффективность». Ранее аргументировалось, что архаичные, унаследованные от предшествующих эпох экономические структуры обязательно менее эффективны, чем новые, рожденные более высокоразвитым общественным строем» и т.д.

Речь о том, что негры-рабы в США, которые сами создавали сложно организованное предприятие — плантации (плантаторы не вмешивались в организацию их быта и труда), были поразительно эффективнее белых фермеров. Во время уборки хлопка рабов не хватало, и обычно на сезон нанимали белых рабочих. У них в среднем выработка была вдвое ниже, чем у рабов (и, что покажется странным для наших обществоведов и новых собственников, у таких белых наемных рабочих и зарплата была вдвое меньше, чем у рабов). Как пишут авторы исследования, белые протестанты были не способны освоить сложную организацию коллективного труда, которая была у негров. В целом же душевая выработка негра была на 40% выше, чем у фермера. Возможно, кто-то из либеральных читателей сделает вывод, что я выступаю за рабство, но логика иных людей непредсказуема, так что и оправдываться не буду.

Во-вторых, независимо от сравнения с колхозами неэффективность мелких фермерских хозяйств в США достаточно широко известна. Да, эти хозяйства там поддерживаются из идеологических (и даже ностальгических) соображений — как воплощение «американской мечты», однако реально основной объем производства сосредоточен в сравнительно небольшом числе крупных и очень крупных сельскохозяйственных предприятий, сравнимых с совхозами.

Но даже и при значительной государственной поддержке

мелкие фермы в США разоряются. В книге, опубликованной в СССР именно в разгар кампании по пропаганде фермерства, сказано: «Концентрация капитала на крупных фермах, более эффективное использование его и, следовательно, земельных угодий, создание кооперированных объединений и компаний в эпоху НТР ускорили разорение мелких фермерских хозяйств... В 50-е годы разорились около 1,5 млн. фермерских хозяйств, в 60-е годы, когда внедрение индустриальных технологий потребовало новых капиталовложений, реконструкции ферм и особенно покупки новой техники и химических средств, число ферм уменьшилось более чем на 1 млн. Еще около полумиллиона ферм исчезло в середине 70-х годов... С 1983 г. процесс разорения стал набирать новые обороты. С 1983 по 1987 г. в США исчезло еще почти 200 тыс. фермерских хозяйств... Несомненно, выживут крупнейшие и очень мелкие фермы (у которых прибыль большей частью получена за счет нефермерской деятельности)»¹.

И это — в США, с их исключительно благодатными почвенно-климатическими условиями. В условиях России, как писал Л. В. Миров, только создание крупных механизированных предприятий позволило во второй половине XX века преодолеть влияние низкой биологической продуктивности почв и неустойчивого сурового климата и выйти на стабильный уровень производства.

Миф о вреде удобрений и мелиорации. Не менее поразительным было возникновение и благосклонное принятие мифа о вредности использования в СССР *минеральных удобрений*, применение которых было в СССР якобы избыточным и ведущим к массовому накоплению нитратов в продуктах сельского хозяйства.

В действительности расход минеральных удобрений на 1 га сельскохозяйственных земель был в 1987 г. равен в СССР 45,4 кг, в Западной Европе 142,3 кг, в Китае 55,1 кг. В расчете на 1 га пашни СССР уступал и Западной Европе, и Китаю в 2 раза. Разве не замечательна эта слепота нашей интеллигенции? Страна только-только стала выходить на тот уровень, при котором внесение удобрений компенсирует вынос из почвы питательных веществ с урожаем, она еще сильно отстает и от Запада, и даже от Китая — а интеллектуальная элита ведет кампанию против якобы избыточного применения удобрений! А масса образованных людей этому аплодирует. При этом специалисты подчеркивают, что минеральные удобрения есть *наиболее важный почвосберегающий фактор*.

---

¹ Черняков Б. А. США: сельское хозяйство, химизация, экология. М.: Наука, 1991. С. 21 — 22.

Достоверные данные были вполне доступны, особенно для научно-технической интеллигенции. Более того, перед глазами был пример США, на которые тогда были устремлены взоры нашей интеллектуальной элиты. Что же мы видели в этой сфере в США? Вот небольшая и очень информативная книга, цитированная чуть выше: *Б. А. Черняков. «США: сельское хозяйство, химизация, экология»* (1991). Поразительно, что предисловие к ней написал именно Н. П. Шмелев! Он высоко ценит труд автора, опытного специалиста, хорошо знающего сельское хозяйство США: «Главное достоинство [книги] — в фундаментальности проведенных исследований и их комплексном характере... Несомненной заслугой работы является фундаментальная экономическая проработка, особенно в разделах, где обосновывается эффективность химизации». Не веришь своим глазам. Да читал ли Н. П. Шмелев эту книгу! Ведь он был одним из тех, кто активно проклинал и химизацию, и мелиорацию сельского хозяйства в СССР.

В этой книге, в частности, сказано: «В докладе Управления долины Теннесси (наиболее крупная и авторитетная среди организаций в США, ведущих НИОКР по минеральным удобрениям) указывается, что с 1950 по 1972 г. 45% среднегодового прироста урожайности всех сельскохозяйственных культур страны получено благодаря применению удобрений» (с. 24). То есть примерно половина того роста урожайности, который и сделал США главным производителем зерна, была достигнута благодаря удобрениям!

И это — общий вывод! То же самое наблюдалось и в других странах. Б. А. Черняков пишет: «Китай в 1975 — 1984 гг. увеличил сбор зерна с 244 млн. до 365 млн. т, превзойдя даже США — до того времени самого крупного производителя зерна. Главным фактором такого успеха, несомненно, стало использование минеральных удобрений, размер внесения которых за указанный период вырос в 3,3 раза» (с. 15).

Те, кто в конце 80-х годов способствовал разжиганию «нитратного психоза», должны же как-то выразить свое отношение к той реальности, которую они идеологически легитимировали! Хоть какой-то минимум интеллектуальной ответственности требуется от образованного человека! С 1995 по 2002 г. количество вносимых в почву удобрений в России в среднем за год составляло 19 кг/га. Для сравнения заметим, что в Китае в 1995 г. на 1 гектар было внесено 386 кг удобрений.

РФ начинает воспроизводить типичную «двойную структуру» сельского хозяйства «третьего мира» — есть небольшие оазисы относительного благополучия, а остальная земля дичает. В 1987 г.

минеральные удобрения получали 74% площади посева, в 1992 г. уже 60% площади получили удобрения, а в 1993 г. эта доля упала до 25%. И с тех пор площадь удобряемых земель почти не повысилась (в 2002 г. она составила 30% посевных площадей). Вот как выглядит динамика применения удобрений в РФ (рис. 2).

При этом в кампании против применения удобрений в СССР наблюдалось острое нарушение логики — от советского сельского хозяйства требовали сократить использование удобрений и одновременно требовали высокой урожайности, как в Западной Европе и США, отличающихся исключительно благоприятными почвенно-климатическими условиями!

Б. А. Черняков особо подчеркивает этот фактор, который влияет на эффективность и всех других ресурсов, вкладываемых в сельское хозяйство: «Главной особенностью земельных ресурсов

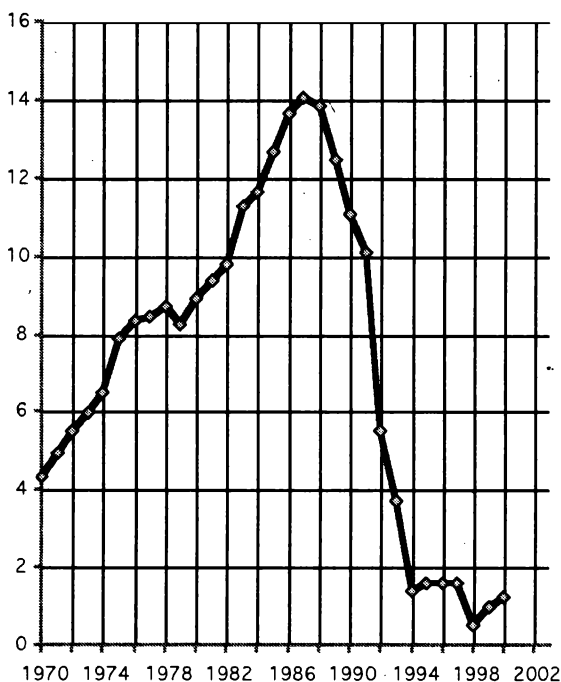

Рис. 2. Поставка минеральных удобрений сельскому хозяйству в РСФСР и РФ (в пересчете на 100% питательных веществ), млн. т

США следует считать их высокое естественное плодородие и комплекс благоприятных природно-климатических условий; более 60% земель находится в районах с влагообеспеченностью свыше 700 мм в год, 70% пашни расположены в районах, где длительность безморозного периода достигает свыше 170 дней, значительная часть земель размещена в географической зоне с более чем достаточными запасами воды и энергии для орошения и продолжительным числом солнечных дней. Наличие земельных ресурсов в благоприятных для ведения сельскохозяйственного производства районах послужило важной природной основой для формирования высокоэффективного аграрного комплекса» (с. 28).

Но ни благодатные почвы, ни удобрения не дают высоких урожаев без усилий по мелиорации почвы, улучшению ее физических и химических свойств, без поддержания в нужных пределах влажности. Между тем усилиями «междисциплинарной» армии идеологизированных интеллектуалов само слово *мелиорация* было сделано в СССР пугалом. Так готовилось общественное мнение к тому, чтобы с самого начала экономической реформы почти полностью прекратить в стране все мелиоративные работы («сэкономив» при этом большие деньги). Вот одна из таких малозаметных технологий мелиорации — известкование.

Как к нему относятся в США? Б. А. Черняков пишет: «*Известкование почв* как способ устранения излишней кислотности играет роль одного из наиболее важных факторов повышения эффективности химических средств плодородия, а соответственно и урожая сельскохозяйственных культур... Поддержание pH почвы на должном уровне служит хорошим средством профилактики болезней сельскохозяйственных культур... Объем вносимых известковых материалов составлял [в США] в 80-е годы 26 млн. т» (с. 111).

Что же произошло в России в результате разрушения колхозов и совхозов и фермеризации? В РСФСР в почву вносилось 32 — 33 млн. т известковой и доломитовой муки в год, но в ходе реформы проведение известкования, необходимого не только для повышения урожайности, но и для сохранения плодородия почвы, было практически прекращено (точнее, сокращено в 50 раз). Миф о химизации послужил завесой для того, чтобы нанести тяжелейший удар по едва ли не главному национальному достоянию России — сельскохозяйственным угодьям. Но об этом все как будто забыли.

Теперь о мелиоративных работах, связанных с орошением или осушением — тем, что вызывало особую ненависть нашей демократической и патриотической интеллигенции. В США, со-

гласно данным Б. А. Чернякова, дело обстояло так: «Рациональное использование минеральных удобрений и химических средств защиты растений было невозможно без проведения мелиоративных работ на сельскохозяйственных землях [США]... В 1987 г. Министерство сельского хозяйства США опубликовало исследование, в котором наиболее полно прослежены и оценены размеры осушения сельскохозяйственных земель страны. Согласно этим данным, к 1985 г. было искусственно дренировано примерно 44,5 млн. га сельскохозяйственных земель... Размер капитальных вложений для проведения этих работ оценивается в 40,3 млрд. долл... В целом по США около 24% земель, занятых полевыми культурами, расположены на осушенных площадях... Исследования, проведенные в целях определения эффекта осушенных земель на площади 12 млн. га, показали, что примерная прибавка урожайности кукурузы при использовании средних доз удобрений составляет около 25 ц/га» (с. 34 — 35).

В 70-е годы в РСФСР были построены крупные оросительные системы, но и в течение 80-х годов вводились крупные площади орошаемых земель, несмотря на активную идеологическую кампанию против мелиорации. В середине 80-х годов на орошенных и осушенных землях производилось 15 — 16% всей валовой продукции растениеводства РСФСР. В ходе реформы эти работы прекратились практически полностью, а системы мелиорации пришли в упадок.

В конце 2002 г., после разрушительных наводнений с человеческими жертвами на Северном Кавказе, на «Эхе Москвы» давал интервью заместитель председателя Госстроя Л. Чернышов. Он так объяснил причины катастрофы, опасность которой раньше не давала о себе знать: «Проблема в чем? Что длительное время гидротехнические сооружения, которые создавались «Минводхозом» и «Минсельхозпродом» еще в советские времена, во-первых, утратили свое значение в целевом плане, т.е. все каналы, которые орошали рисовые поля, поливали пустынные степи Ставрополья, они не эксплуатировались порядка 10 — 15 лет. Во-вторых, прекратило существование ведомство «Минводхоз», который всегда держал на балансе и в плановом порядке осуществлял эксплуатацию, обновление и т.д. этих объектов. Когда пытались специалисты на определенном этапе там открыть задвижки или шабера, все заржавело, невозможно было ничего с ними сделать. Т.е. можно было скомпенсировать удар, который пришелся тогда на ряд населенных пунктов, но это сделать по техническим причинам невозможно из-за того, что те объекты, которые сейчас есть и которые не эксплуатируются, они ни у кого, по существу, бесхозными являются». Пусть это вспомнят

те, кто аплодировал А. Д. Сахарову, который в 1989 г. требовал немедленно ликвидировать Министерство водного хозяйства.

О применении пестицидов и говорить нечего, это рассматривалось просто как вредительство, сознательный геноцид, развязанный советской властью. В то же время в США дело обстояло так: «В 1985 г. фермеры США закупили пестицидов на 5 млрд. долларов, что составило 24% расходов на горюче-смазочные материалы, электроэнергию, минеральные удобрения и пестициды» (Б. А. Черняков, с. 96).

В общем ситуация такова. В докладе Министерства сельского хозяйства РФ «Научно-техническое развитие агропромышленного комплекса России» (Москва, 2000 г.) сказано: «В хозяйствах зачастую используются упрощенные технологии производства растениеводческой продукции, которые отличаются достаточно низким уровнем, что приводит к резкому падению урожайности и технологических качеств сырья. По этой причине резко сократилось производство сильного зерна, сахаристость отечественной свеклы в последние годы на 30 — 40% уступает зарубежной, понизилось качество овощей, картофеля».

Причинами нарушения технологий возделывания сельскохозяйственных культур стали: отсутствие необходимой в хозяйствах сельскохозяйственной техники, сокращение внесения необходимых минеральных удобрений в почву более чем в 10 раз, усиление процессов закисления, засоления и эрозии почв из-за сокращения мелиоративных работ, резкого уменьшения вложений в известкование и фосфоритование».

Самое тяжелое в истории всего этого мифотворчества то, что подобные мифы, противоречащие и знанию, и здравому смыслу, и очевидной реальности, нисколько от этого столкновения не страдают и никакому критическому анализу и пересмотру не подвергаются. Они так и остаются как бастион против рациональности.

Глава 15

РАЗРУШЕНИЕ МЕРЫ

Одним из самых тяжелых ударов, которые перестройка нанесла по рациональному сознанию, стало разрушение у человека способности «взвешивать» явления. С нами сделали страшное дело — у нас отняли *чувство меры*. Речь идет не о том, что человек потерял инструмент измерения, снизил точность, стал «мерить на глазок». Перестройка разрушила саму систему коорди-

нат, в которую мы помещаем реальность, чтобы ориентироваться в ней и делать более или менее правильные выводы.

И это разрушение нашей способности измерять и считать, совершалось именно в те годы, когда целое племя хладнокровных и цепких учетчиков и на нашей земле, и за ее рубежами шелкало костяшками на счетах, оценивая и распределяя наши богатства, наши пенсии и доходы, «оптимальную» численность наших жизней. С приходом Горбачева на Кремлевской стене как будто проступило, а потом светилось все ярче: *Мене, текел, фарес. Исчислено, взвешено, разделено...*

Народ надеялся, что наша многомиллионная интеллигенция, поднаторевшая в высшей математике, не даст этим весовщикам обмануть нас, разоблачит их двойную бухгалтерию, даст нам верные гири, чтобы подавить назревающий хаос надежным числом. Этого не случилось, в применении меры наша интеллигенция оказалась несостоятельна, она как будто забыла все, чему ее учили в школе.

Овладение числом и мерой — одно из важнейших завоеваний человека. Умение мысленно оперировать с числами и величинами — исключительно важное интеллектуальное умение, которое осваивается с трудом и развивается на протяжении жизни человека. Подъем во время перестройки аутистического сознания и «приступ гипостазирования» в мышлении интеллигенции привел к необычной интеллектуальной патологии — утрате *расчетливости*. Произошла архаизация сознания слоя образованных людей — утрата ими того «духа расчетливости» (*calculating spirit*), который, по выражению М. Вебера, был важным признаком современного общества, отличающим его от общества традиционного.

Как общество дореволюционной России, так и советское общество относились к сложной категории традиционных обществ в состоянии непрерывной и быстрой модернизации — без слома своих культурных оснований. В таких обществах прослойка европейски образованных людей («интеллигенция») является жизненно важным элементом как один из главных носителей импульса к модернизации. Понятно, что откат назад в «технологии мышления» большей части интеллигенции чреват тяжелым культурным кризисом.

Это и произошло в СССР. Явление это, на мой взгляд, затронуло все отряды интеллигенции, похвастаться особой устойчивостью некому. Утрата меры наблюдалась в мышлении и левых, и правых, и западников, и патриотов. Когда соберешь воедино все претензии разных групп интеллигенции к советскому строю и сравнишь с тем, что народ утратил при его ликвидации, потря-

сает именно эта утрата меры — сожгли дом, потому что форточка плохо открывалась и шкафчик был неудобно устроен.

В этом подрыве одного из важнейших инструментов рационального мышления особую роль сыграли те сообщества интеллигенции, которые интенсивно использовали числа и меру для подтверждения своих идеологически нагруженных тезисов, — прежде всего экономисты и социологи. Конечно, важную подготовительную работу произвела и та часть интеллигенции, которая в своей идеологической работе применяла числа в качестве художественных образов.

Но все же *экономические* выкладки с применением числа и меры оказывали на общественное сознание наибольшее воздействие. Это происходило и потому, что они прилагались непрерывно к очень широкому спектру житейских ситуаций, и потому, что выглядели гораздо более нейтральными, чем цифры историков и социологов, и не мобилизовали психологическую защиту человека. Интенсивное идеологическое использование числа повлияло и на самих экономистов — они в большой мере уверовали в свои собственные мифы и утратили способность измерять и взвешивать явления.

Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом, — способность быстро прикинуть в уме порядок величин и сделать «усилительный анализ», то есть прикинуть, в какую сторону ты при этом ошибаешься. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически. Человек теряет *чутье* на ложные количественные данные.

Есть целый ряд общих, почти незаметных приемов разрушения меры, дискредитации числа или вообще количественных аргументов. Первый из таких приемов — манипуляция с числами, при которой они используются как магические образы, оказывающие на людей гипнотическое воздействие. Классический пример — А. И. Солженицын, который утверждал, будто в ходе сталинских репрессий было расстреляно 43 млн. человек. Сейчас движение населения ГУЛАГа по годам, со всеми приговорами и казнями, освобождением, переводами, болезнями и смертями изучено досконально, собраны целые тома таблиц. Ясно, что данные Солженицына — художественная гипербола, но ведь значительная часть культурного слоя воспринимает их как чуть ли не научные данные лагерной социологии. Налицо расщепление сознания: человек прочтет достоверные документальные данные — и верит им, но в то же время он верит и «сорока трем миллионам расстрелянных» Солженицына.

Вот типичное умозаключение из книги, вышедшей в изда-

тельстве «Наука» (!): «Четверть миллиарда — 250 миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них в ГУЛАГе»¹. Ни редакторы издательства, ни соавторы по книге (умные и образованные люди), ни читатели не ахнули при виде этих величин.

Что значит «250 миллионов потеряло Отечество в XX веке»? Эти люди умерли? А сколько умерло в XIX веке? А за десять лет демократического режима в одной только РФ умерли 20 млн. человек, без всякого ГУЛАГа. Сами по себе все эти числа ни о чем не говорят, они лишь создают зыбкий образ как инструмент *внушения*.

В приведенном выше рассуждении контекст подталкивает человека к мысли, будто 250 млн. человек стали *жертвами* политического строя, для этого протягивается нить к ГУЛАГУ. Но ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в отдельные годы превышало 1 млн. человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3% в год — как Отечество могло там «потерять 60 миллионов»? Доподлинно известно, например, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерли 963 766 заключенных, и основное число смертей пришлось на годы войны. Война была трудным временем для всех.

Но не будем брать примеров, так сильно бьющих по чувствам. Вот процесс, который мы наблюдаем сегодня. Во время перестройки видные экономисты (Н. П. Шмелев, С. С. Шаталин) и столь же видные социологи стали открыто пропагандировать *безработицу*.

Т. И. Заславская писала в важной статье: «По оценкам специалистов, доля избыточных (т.е. фактически ненужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них-позволяет поднять производительность труда на 20 — 25%. Из сопоставления этих цифр видно, что лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой вред... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15 — 16 млн. человек, т.е. громадную армию... Негативные последствия существования резервной армии труда могут быть компенсированы соответствующими социальными гарантиями, как это делается в развитых капиталистических странах...

Система, при которой люди, увольняемые со своих предприятий, испытывали бы некоторые трудности с нахождением

---

¹ Крахмальникова З. Зачем еще раз убивать Бога? Он все равно воскреснет // Русская идея и евреи: роковой спор. М.: Наука, 1994. С. 174.

новой работы, должны были... менять профессии, переходить на более низкие должности или худшие рабочие места, была бы в этом плане более эффективной. Она ставила бы работников в более жесткие экономические и социальные условия, требовала от них более качественного труда. Лично мне ближе последняя точка зрения, но общественное сознание не подготовлено к ее восприятию. По данным опроса, 58% людей считают, что безработица в СССР недопустима, ... мнение о том, что безработица необходима для более эффективного хозяйствования, поддерживают всего 13%»¹.

Как мы не раз могли убедиться, мнение большинства для российских демократов несущественно, они на него наплевали и безработицу сделали реальностью. «Ненужных работников» столкнули на социальное дно, а «ненужных людей» еще глубже. Но какова была аргументация! «Освобождение» от 15% ненужных работников, по расчетам «специалистов», поднимает (предположительно!) производительность труда на 20%. Нетрудно видеть, что объем производства при этом возрастает на 2%. И из-за этого невиданного прогресса социолог предлагает превратить 15 — 16 миллионов человек в безработных! Академик, насытив свой текст бессмысленными числами, даже не удосужилась посчитать результат. А кто удосужился?

Пропаганда безработицы, причем с использованием количественных аргументов, сыграла в перестройке и на первом этапе реформы огромную роль — согласие с тем, что безработица является разумным и эффективным стимулом экономического развития, сразу подрывало один из главных устоев солидарного общества, толкало к предпочтению общества конкурентного. Очевидно, что речь здесь шла о вопросе фундаментальном. Почему интеллигенция, в том числе научно-техническая, практически не придавала ему значения и легко поверила идеологам, пока что не находит внятного объяснения. Слишком уж это большой провал.

Но здесь речь идет об одной стороне этого дела — о том, что неубедительные и даже нелепые расчеты, вроде тех, что привела Т. И. Заславская, не привлекли внимания людей, обязанных уметь считать. В 1992 г. Е. Гайдар в Верховном Совете РСФСР убеждал депутатов в необходимости безработицы ради снижения инфляции — и ссылаясь на якобы математически достоверную модель («кривых Филлипса»). Никто из тогда еще огромного

---

¹ Заславская Т. И. Перестройка и социализм // Постигание. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 230 — 232.

российского математического сообщества (и даже образованных в математике депутатов) не задал вопросов, не проверил эту модель, не потребовал сведений о количественных результатах ее применения в других странах.

А ведь все это был блеф. «Кривые Филлипса» — известный в истории экономики (эконометрии) случай крупной фальсификации¹. Да образованному человеку хватило бы бросить взгляд на множество тех точек, тех фактических данных, по которым Филлипс провел свои кривые, чтобы предупредить общество о недобросовестности Е.Гайдара. Что же касается практического применения «кривых Филлипса» для расчета «оптимальной» безработицы, то не надо было даже рыться в иностранной литературе, они были освещены и в отечественной. Ю. И. Чернов в книге «Производительность труда и экономика безработицы» (М., 1992) пишет на с. 82: «Л.Кейзерлинг (L. Keyserling) показал, что стремление побороть в США инфляцию в 1953 — 1980 гг. путем намеренного создания условий для роста безработицы было эквивалентно потерям в ценах 1979 г. 8 триллионов долларов валового национального продукта» — и дает ссылки на изданную в США в 1984 г. книгу «Экономика безработицы».

Н. П. Шмелев разрушает меру иным способом — придавая количественному аргументу *тотальный* характер и доводя его таким образом до абсурда. Он пишет в 1995 г., что в России якобы имеется огромный избыток занятых в промышленности *рабочников*: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно»².

Здесь вызванное утратой меры нарушение логики доведено до гротеска. Вдумайтесь в эти слова: «...в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно». Как-это понимать? Что значит «в этой отрасли *все занятые — излишни абсолютно*»? Что значит «быть излишним абсолютно»? Что это за отрасль? А ведь Н. П. Шмелев утверждает, что таких отраслей в России не одна, а целый ряд. А что значит «в городе N все занятые — излишни абсолютно»? Что это за города и районы?

Можно, конечно, попытаться реконструировать ход мыслей академика. Он разделяет всех «излишних» на две категории — «излишних по нашим меркам» и «излишних абсолютно». То есть есть «наши» мерки, подобнее, и есть где-то грозный судия, вот

¹ *Wulwick N. Phillips' Approximate Regression // History and Methodology of Econometrics. Oxford: Clarendon Press. 1989. P. 170 — 188.*

² *Шмелев Н. П. Экономические перспективы России // СОЦИС. 1995, № 3.*

его суд является для русских работников «абсолютным». Наверное, на Тэтчер намекает.

Замечу, что все это печатается в журнале Российской Академии наук! Если редакция (и, видимо, образованные читатели) таких перлов не замечает, значит, этот шизофренический алгоритм умозаключений прочно вошел в сознание.

И ведь эта бредовая мысль о лишних людях России стала идеей фикс академика, он ее повторяет где надо и не надо. В одном из номеров «Московской среды» (№ 4, 2003) Н. Шмелев написал: «Если бы сейчас экономика развивалась по-коммерчески жестко, без оглядки на социальные потрясения, нам бы пришлось высвободить треть страны. И это при том, что у нас и сейчас уже 12 — 13 процентов безработных. Тут мы впереди Европы. Добавьте к этому, что заводы-гиганты ближайшие несколько десятилетий обречены выплескивать рабочих, поскольку не могут справиться с этим огромным количеством лишних».

И Российская Академия наук терпит в своих рядах таких... м-м-м... В общем, таких далеких от рациональности субъектов. Довольно-таки низко она пала.

Вот случай попроще — в журнале «Коммунист» (1989, № 4) можно было прочесть такое бредовое утверждение одного из «прорабов перестройки»: «Мы производим 85 млн. т картофеля, из них в кастрюлю попадает в лучшем случае десятая часть урожая»¹.

Автор явно намекает на то, что в нашей абсурдной экономической системе 9/10 картофеля *пропадало*. Это подлог, подмена предмета: вовсе не весь картофель должен «попадать в кастрюлю» — значительная часть его идет на корм скоту и как сырье крахмалопаточной промышленности, не говоря уж о посадочном материале. В честном рациональном рассуждении следовало сказать: «Из той части произведенного картофеля, что предназначена для потребления в качестве продукта питания, в кастрюлю попадало только ...%». Но вернемся к мере. Разумный человек прикинул бы главные *измерения* всей системы «производство и потребление картофеля» — и сразу бы отбросил этот журнал, перестал бы верить лжецам и шарлатанам. Куда могли исчезнуть 9 из каждых 10 кг картошки?

Ведь мы почти все бывали на уборке урожая и на овощных базах. Кроме того, сами же черниченки непрерывно трескали, что основная масса картофеля производилась *на приусадебных участках*. А значит, она хранилась в погребах крестьян и понемногу

---

¹ Милосердов В. АПК: проблемы старые и новые // Шаги перестройки. Радикальная экономическая реформа. Истоки, проблемы, решения. М.: Высшая школа, 1990. С. 541.

вывозилась на рынки. В 1985 г. в СССР было произведено 73 млн. т картофеля. Государственные закупки составили 15,7 млн. т, остальное оставалось на селе, в погребах. Там потерь практически не было: крупная картошка — в пищу и на рынок, мелкая — на корм свиньям, проросшая — посадочный материал.

Наконец, можно же было взять общедоступные справочники, они тогда издавались массовыми тиражами и стоили 3 руб. — хорошо известны данные и о производстве картофеля, и о потреблении в домашних хозяйствах, и об использовании в крахмалопаточной промышленности, и о потерях. В 1985 г., например, только «в кастрюлю» пошло 28,6 млн. т, что составляет 39,2% от всего урожая.

Вот сведения «Российского статистического ежегодника» (М., 1998) об использовании картофеля в РСФСР в 1980 г. — типичном «застойном» году. Они даны в табл. 15.59 «Ресурсы и использование картофеля (миллионов тонн)» на с. 499. Читаем: запасы на начало года — 21,7; производство — 37,0; импорт — 2,2; производственное потребление — 21,8; потери — 1,9; экспорт 0,3; личное потребление — 16,4; запасы на конец года — 20,5.

Итак, личное потребление составляло в РСФСР в 1980 г. 44,7% от производства картофеля. И эта доля мало меняется от года к году — вплоть до последнего времени. Потери же колеблются в диапазоне 1,4 — 2 млн. т в год (самые большие, выпадающие из общего ряда потери составили 3,9 млн. т). Ведь ясно, что нагло врал журнал ЦК КПСС «Коммунист». Но нет, одним из самых устойчивых мифов перестройки стали подобные утверждения — только они, в зависимости от подлости «прораба», менялись в диапазоне от 30 до 90%.

Так, А. Н. Яковлев, как «прораб» более скромный, писал в 1991 г.: «Кто понес ответственность за то, что у нас каждый год тридцать-сорок процентов потерь в сельском хозяйстве, а мы все грохаем деньги в сельхозпроизводство?»¹ Мало того что академик от экономики чудовишно искажает меру, у него и логика абсурдна — как можно сократить потери, если не «грохать деньги»? Ведь потери происходят из-за бездорожья, нехватки хранилищ и мощностей по переработке, недостатка транспортных средств. Ликвидировать все эти узкие места невозможно без вложения денег.

Когда нарушается система координат и ориентации, данные опытом и образованием *инструменты меры* могут быть сильно испорчены. Тяжесть положения в том, что, начав, скорее всего, манипулировать мерой в идеологических целях вполне созна-

---

¹ Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991. С. 201.

тельно, экономисты настолько испортили инструменты меры, что теперь уже и сами не могут вернуться к рациональным умозаключениям хотя бы «для себя». Это видно во многих заявлениях и действиях правительства, подготовленных экспертами-экономистами.

Пример с картошкой отражает особый провал в рациональном сознании. К концу 80-х годов он стал проявляться у очень большого числа людей. Это явление носит название «*феномен Пиаже*» (Ж. Пиаже открыл его, изучая мышление детей, и описал в работе «Генезис числа у ребенка»). Заключается оно в неспособности количественно сравнивать предметы, имеющие разную форму. Так, два шарика пластилина равного диаметра кажутся детям одинаковыми. Но если их раскатать в полоски разной длины, то более длинная полоска кажется большей, а короткая — маленькой.

Пиаже нашел, что в основе этого явления лежит тот факт, что многие дети, подростки и даже взрослые люди не владеют «*принципом сохранения величины или количества*», в то время как овладение этим инструментом меры «составляет необходимое условие всякой рациональной деятельности».

Мы могли наблюдать, как это условие утрачивалось (точнее, временно «отключалось») в среде интеллигенции. Например, в ходе реформы произошло резкое разделение по благосостоянию людей, как казалось, одного круга (например, сослуживцев). Обедневшие честные интеллигенты принимали идеалистическое толкование этого *социального* явления и объясняли обогащение чисто личными качествами людей — энергией, предприимчивостью, хитростью, даже непорядочностью. Благодаря этим качествам они, мол, «создали» свое богатство. Свою же бедность они объясняли тем, что в силу иных личных качеств «не создали» такого же богатства — они остались верны своей профессии, им претит заниматься торговлей, они не могут делать подлостей и т.д. Но если бы могли — то тоже стали бы богаты и, в принципе, если бы все в РФ приняли жизненные нормы и овладели навыками «новых русских», то все были бы столь же богаты. Принцип сохранения количества в этих рассуждениях отброшен¹.

Внешним проявлением «феноменов Пиаже» является склонность сравнивать величину предметов по одному какому-то внешнему, выдающемуся признаку, не делая в уме *структурного*

---

¹ Видимо, здесь «феномен Пиаже» в какой-то мере играет роль психологической защиты. Люди пока не готовы к тому, чтобы взглянуть в лицо страшной социальной реальности, созданию которой они сами способствовали, и они бессознательно «отключают» инструменты рационального мышления, строя иллюзию «непонимания».

анализа объектов сравнения. Если бы человек в уме строил профиль существенных признаков, то о двух полосках пластилина, раскатанных из двух одинаковых шариков, он сказал бы: эта полоска больше по длине, меньше по толщине и равна другой по весу. И если бы главным признаком сравнения был бы вес полосок, то человек признал бы, что они равны.

Этот методологический дефект количественных сравнений был эффективно использован в идеологических целях. Например, в конце 80-х годов едва ли не большинство москвичей были уверены, что доллар как эквивалент материальных благ равноценен 10 рублям. Признаком, по которому делалось сравнение, была цена покупки на Западе и продажи в Москве бытовой электроники (например, видеомаягнитофонов). И бесполезно было в противовес этому указывать на то, что данный специфический класс товаров занимает небольшое место в жизнеобеспечении, бесполезно было предлагать пройти для сравнения покупательной способности доллара и рубля по всему спектру благ. Здесь «феномен Пиаже» возводился в принцип — ведь тот же коллега, так удачно привезя из командировки маягнитофон для продажи, ел в гостинице черствый московский хлеб, чтобы не покупать его там по доллару за булку, и московскую осетрину — чтобы не тратить 10 долларов в дешевой харчевне.

Примерно так же проводилось и сравнение уровня жизни. Человек, имевший хорошую квартиру с газом, отоплением и телефоном, а также дачу под Москвой, считал себя бедняком по сравнению со своим западным коллегой только потому, что у того был автомобиль.

Вот драматический пример неспособности «взвесить» два явления (блага), охватив одним взглядом их *ценность* и *цену*. Речь идет о кризисе теплоснабжения в РФ, который за последние 13 лет дозрел до стадии техносферной катастрофы. Вызван он попыткой перевести эту специфическую отрасль на рыночную основу. Но необходимой предпосылкой к этому было полное равнодушие общества к предупреждениям об опасности этого шага. Это проблема общественного сознания, связанная с тем, что активная и влиятельная часть общества *не ценит* отопления как жизненно важного и очень дорогого блага, как не ценит и той технической и социальной системы, которая это благо производит и доставляет в жилища.

Не зная, как устроена эта система, и не ценя ее, влиятельная часть общества абсолютно равнодушно приняла известие о том, что эта система будет «реформирована» и переведена на рыночные принципы. Тепло из уравнилельно и почти автоматическки распределяемого между гражданами РФ блага превратится в то-

вар, который придется покупать, который может вдруг резко подорожать, а то и стать дефицитным. Никакого интереса и никакого волнения это известие не вызвало.

Для большинства граждан батарея отопления в их комнате казалась просто куском железа, излучающим тепло. В советское время этот кусок железа излучал тепло согласно плану, перешли на рыночные рельсы — он излучает тепло за деньги. Не будешь платить деньги — кто-то там закроет какой-то кран, и батарея перестанет тепло излучать. Покуда деньги есть, беспокоиться не о чем.

Такие люди не знают и не думают о том, сколько килокалорий нужно, чтобы обогреть с октября по май их квартиру, сколько газа надо сжечь для этого в котельной или на теплоцентрали. Или даже попроще — сколько дров надо купить, напилить и наколоть, чтобы протопить зимой среднюю русскую избу. Они не могут даже приблизительно сравнить это количество дров или газа с тем, что тратят на отопление такого же жилища во Франции или Англии.

Во время перестройки одним из фетишей, почти атрибутов счастья, стал *видеомагнитофон* (это даже отражено в нескольких художественных фильмах). Люди ахали, когда попадали за границу и видели, что он стоит всего 300 долларов — в Москве этот ящик можно было продать за такую сумму, что хватало обставить квартиру хорошей мебелью. Советская жизнь без видео казалась жизнью бедняка — «Верхняя Вольта с ракетами, но без видео». Многие молодые люди чувствовали себя обделенными, батареи центрального отопления грели их тело, но совсем не грели душу, и молодые люди их не замечали. Если бы тогда такого молодого человека спросили: «А сколько стоит на Западе то тепло, которое излучают твои батареи за год?» — он бы, скорее всего, возмутился. Какая, мол, чушь, зачем говорить о такой мелочи!

А ведь по западным ценам его батареи излучают только за месяц столько тепла, сколько стоит видеомагнитофон. В советское время он, не шевельнув пальцем, без проблем и с полной гарантией получал за год в виде тепла сумму денег, равноценную семи видеомагнитофонам, и при этом хотел, чтобы ту жизнь ликвидировали.

Он хотел, чтобы ему и в России устроили жизнь, как на Западе, — с видео. Об отоплении он при этом не подумал. Вот оно и разрушается.

Очень часто с помощью чисел характеризуют расплывчатые, не поддающиеся измерению величины, причем нередко эти числа приводят с высокой точностью, что является грубым нарушением норм научного метода. Академик Т. И. Заславская, агитируя за экономическую реформу, утверждала, что в СССР чис-

ло тех, кто трудится в полную силу, в экономически слабых хозяйствах было 17%, а в сильных — 32%. И эти числа всерьез повторялись в академических журналах. Понятие «трудиться в полную силу» — не более чем метафора, однако авторитетный социолог «измеряет» ее с точностью *до 1 процента*. 17 процентов! 32 процента! Этот прием взят из арсенала рекламы, которая все же выглядит скромнее в своих претензиях и дает свои оценки с точностью до 10%: «С новыми «памперсами» попки стали на 40% здоровее», «С новым шампунем «Шаума» волосы стали на 30% сильнее»¹.

Идеологически ангажированные интеллектуалы, начав во время перестройки сознательно искажать меру, быстро утратили контроль над собственными действиями. Они просто перестали замечать грубейшие нарушения правил обращения с числами и стали, уже неосознанно, активными разрушителями важной основы рационального сознания.

Масштабы этого явления были таковы, что скептически и даже оппозиционно настроенные специалисты сначала не могли ничего противопоставить ему, а потом и сами оказались вовлечены в этот разрушительный поток. Похоже, например, что в сообществе экономистов не возникло никакой рефлексии относительно этого явления, так что активные разрушители меры не испытывали на себе не только никаких профессиональных санкций, но даже и сигналов «снизу».

Отказ «чувства меры» проявляется в широком использовании «средних» показателей при резком расслоении объектов именно по тому показателю, о котором идет речь. Люди как будто забыли школьное правило — средним числом можно пользоваться только в том случае, если нет большого разрыва в показателях между разными частями целого. И при обсуждении жизни общества у нас получается, как в больничной палате: один умер и уже холодный, а другой хрипит в лихорадке, но средняя температура нормальная. Вот в середине реформы и власти, и оппозиция утверждали, будто потребление в стране упало на 30%. Это на фоне нарастающего недоедания у части населения. В 1995 г. по сравнению с 1991 г. потребление (включая импорт) мясопродуктов в целом упало на 28, масла на 37, молока и сахара на 25%. Но ведь этот спад сосредоточился почти исключительно в той половине народа, которую сбросили в крайнюю бедность. Значит, в этой

---

¹ Манипулирующая сила числа многократно возрастает, когда числа связаны в математические *формулы* и *уравнения* — здравый смысл против них бессилен. В сфере экономики даже возник целый большой жанр — целая «наука» эконометрия; ее репутация рухнула в момент кризиса 1973 г., когда все ее расчеты оказались ложными.

половине потребление самых необходимых для здоровья продуктов упало на 50 — 80%! А власти, оппозиция, да и вся интеллигенция делали вид, что не понимают этой простой вещи.

Есть еще одно нарушение меры, которое характерно для переходных процессов, для слома равновесия, когда система быстро меняется. Та часть интеллигенции, которая в силу своего образования и опыта работы это понимала, не смогла донести важность этого особого случая до широкой публики — или не озаботилась этим. Речь идет о том, что сравнение *обобщенных* показателей без учета принципиальной разницы их составляющих ведет к невозможности увидеть главное — катастрофическое, скачкообразное изменение социальной системы.

Особенно это касается сравнения таких социальных показателей, как уровни потребления и уровни доходов, ибо они связаны с выражаемыми через них скрытыми (латентными) величинами резко *нелинейно*. Нас же интересуют именно скрытые величины, а индикаторы, показатели — это лишь их видимое выражение, доступное измерению.

В России произошел разрыв между измеряемыми и скрытыми величинами, а значит, эти измеряемые величины перестали быть показателями чего бы то ни было. А ими продолжают пользоваться и правительство, и оппозиция. Уровень жизни снизился на 42%! Нет, всего на 37%! Какая неграмотность — если это, конечно, искренне.

Дело в том, что социальные показатели содержат в себе «*неделимости*». Одна из «неделимостей» — та «витальная корзина», тот физиологический минимум, который объективно необходим человеку в данном обществе, чтобы выжить и сохранить свой облик человека. Это тот ноль, тот порог, выше которого только и начинается *благосостояние*, а на уровне нуля есть лишь *состояние*, без «блага». И сравнивать доходы нужно после вычитания этой «неделимости». Можно сравнивать только то, что «выше порога».

Это общий закон: если в сравниваемых величинах скрыты «неделимости», то при приближении одной из величин к размеру этой «неделимости» валовой показатель искажает реальность совершенно неприемлемо. «Зона критической точки», область возле порога, граница — совершенно особенная часть любого пространства, особый тип бытия. Доходы богатого человека и человека, находящегося на грани нищеты, — сущности различной природы, они количественному сравнению не поддаются (точнее, это формальное сравнение ни о чем не говорит).

Именно таковы сравнительные показатели социального расслоения, которые используют социологи («показатель Джини»,

децильный фондовый и др.). Говорят: ах, какая беда, согласно этим показателям, в России произошло социальное расслоение более значительное, чем в США. А на деле никакого сравнения с США и быть не может, потому что в России возникла несоизмеримость между частями общества — социальная аномалия. Если проводить сравнение корректно — после вычитания физиологического минимума, то в России фондовый децильный коэффициент будет равен не 15, как утверждает правительство, и не 23, как утверждают ученые РАН, и даже не 36, как утверждают американские ученые, — он будет измеряться тысячами! Ибо превышение доходов над физиологическим минимумом у самых бедных десяти процентов российских граждан приближается к нулю.

Небольшое снижение уровня потребления семьи, чьи доходы на 50% превышают физиологический минимум, и семьи, которая находится на этом минимальном уровне потребления, — совершенно несравнимые вещи. Это все равно что сравнить снижение на один метр летящего в небе самолета и утопающего человека, который барахтается и захлебывается в озере. Состояние социальной сферы в России таково, что очень большая часть населения находится именно на абсолютном минимуме потребления и всякая «эластичность» в снижении их доходов утрачена — для многих оно означает не «ухудшение благосостояния», а физическую гибель.

Очень сильно действуют на сознание *большие числа* — человек не может их мысленно освоить, они поражают воображение. Так, в 80-е годы было широко распространено мнение, будто село неэффективно, потому что горожан «гоняют на картошку». Н. Шмелев и В. Попов об этом пишут как о чем-то ужасном: «Госкомстат сообщает, что на сельскохозяйственные работы отвлекаются ежедневно в среднем 300 — 400 тыс. человек» (с. 162)¹.

Воображение поражено этой величиной. Но давайте введем меру. Итак, условно говоря, постоянно в селе работали 300 — 400 тыс. «привлеченных». Так ли это много? Во время пиковых нагрузок

---

¹ Авторы теоретизируют по этому поводу: «Средневековые» натуральные повинности, возложенные на предприятия и организации, мешают их основной, профильной работе, ухудшают специализацию и, следовательно, снижают эффективность во всем народном хозяйстве» (с. 164). Почему эти повинности, возложенные на предприятия, названы «средневековыми»? Разве в Средние века инженеров посылали в колхозы? Что объясняет эта странная аналогия в хорошо известном явлении? И откуда видно, что эта практика «снижает эффективность во всем народном хозяйстве»? Никаких расчетов или логических доводов в пользу этого тезиса не приведено — читатели обязаны верить авторам, как шаманам.

в сельском хозяйстве везде привлекают дополнительных работников — в США несколько миллионов сезонников-мексиканцев, в Испании марокканцев, а теперь латвийских и российских инженеров (они обходятся дешевле марокканцев). В СССР всего в народном хозяйстве было занято 138 млн. человек, следовательно, «отвлеченные на село» составляли 0,22 — 0,29% от этого числа (или около 1% от числа занятых в сельском хозяйстве). Это величина очень небольшая — несопоставима с тем идеологическим значением, которое ей придавалось.

В годы перестройки призывы к радикальному слому основных систем жизнеустройства подтверждали количественными данными, которые, если в них вчитаться, любого разумного человека убедили бы как раз в том, что никакого слома не требуется, а надо постепенно улучшать именно то, что мы имеем.

Вот в большой постановочной статье в важной книге 1989 г. автор пишет: «За 1975 — 1984 гг. свое жилищное положение улучшили 48% семей руководителей высшего звена (первых руководителей предприятий и организаций) и 22% семей рабочих... Посещают детские дошкольные учреждения около 68% детей соответствующего возраста из семей руководителей и специалистов и 58% из семей рабочих... Вряд ли вызывает сомнение утверждение о том, что социальная политика в изложенном ее понимании нуждается в коренной перестройке...»¹

На мой взгляд, из того факта, что при назначении человека директором предприятия (очень часто с переездом в другой город) ему дают квартиру чаще, чем рабочему, никак не следует, что «социальная политика нуждается в коренной перестройке». А уж с детскими садами — вообще глупость. Но ведь и сейчас, когда все мы знаем, в чем заключалась готовящаяся «коренная перестройка социальной политики» и как теперь различается быт «первых руководителей предприятий» и рабочих, никакого переворота в структуре рассуждений интеллигенции не произошло.

Страшный по своим последствиям провал в способности считать произошел в отношении интеллигенции к энергетическому балансу страны и буквально чуть ли не тепловому балансу собственных жилищ наших доцентов с кандидатами. Атака на почти уже выполненную Энергетическую программу велась объединенными силами западников и патриотов — любо-дорого видеть под этими манифестами рядышком подписи В. Н. Крупина и С. П. Залыгина. Вдумайтесь в логику аргументов, которые вы-

---

¹ Бородин Ф. М. Социальная политика: власть и перестройка // Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 241 — 263.

двигал цвет нашей научной и художественной интеллигенции: «Зачем увеличивать производство энергоресурсов, если мы затрачиваем две тонны топлива там, где в странах с высоким уровнем технологии обходятся одной тонной?»¹

Миф о «двух тоннах вместо одной» — постыдный продукт обывательского сознания и интеллектуальной лени, нежелания узнать фактические данные. Как можно было этому верить? Где это «там» у нас расходовалось две тонны топлива вместо одной — на транспорте? В промышленности? Что за чушь! Энергетический баланс всех производств известен досконально.

Главный потребитель минерального топлива — производство электрической энергии. Но в РСФСР был *самый низкий в мире* удельный расход топлива на 1 кВт/ч отпущенной электроэнергии — благодаря уникальной Единой энергетической системе (которую, кстати, сегодня и пытаются расчленивать при благосклонном равнодушии интеллигенции). Если удельный расход топлива на электростанциях РСФСР в 1985 году принять за единицу, то в США он будет равен 1,14, в Великобритании 1,09, в ФРГ 1,05 и Японии 1,04. Учитывая масштабы отрасли, это существенная разница.

Другой крупный потребитель — транспорт. В среднем в мире транспорт потреблял 20% от всей производимой энергии. При этом в СССР с его огромными расстояниями на транспорт приходилось только 13,4% произведенной энергии, а в США — 28%. Если доктора наук подписывают «меморандумы» с такими многозначительными количественными оценками, должны же они посмотреть хотя бы учебники и обзорные статьи.

В одной из таких статей даны абсолютные и относительные величины расходов топливно-энергетических ресурсов по видам транспорта и делается вывод, что в целом энергетическая эффективность транспорта в СССР была вдвое выше, чем в США, и в полтора раза выше среднемировой².

Причина низких энергетических издержек на транспорте в СССР — плановый характер хозяйства. И это всегда было настолько очевидно, что приходится лишь поражаться способности нашей интеллигенции вдруг вывернуть наизнанку все свое сознание и отказаться от норм рациональности.

Л. Л. Зусман пишет: «Отношение экономической дальности

---

¹ Меморандум в защиту природы (1988) // Перестройка: гласность, демократия, социализм. Экологическая альтернатива. М.: Прогресс, 1990. С. 5 — 13.

² Чеботаев А. А., Ушаков С. С. Энергоемкость перевозок // Теплоэнергетика. 1993. № 4.

перевозок к линейным размерам страны в США выше, чем в СССР, на 59%, а в обжитых районах на 27 — 34%... Большое преимущество имеет СССР перед США и в относительном объеме погрузочно-разгрузочных работ. Средний коэффициент перегрузок в США в 1,8 раза выше, чем в СССР. Таким образом, равное по массе количество продукции проходит в США на 80% больше переотправок и перегрузок, чем в СССР. В значительной мере это вызвано многократной перепродажей товаров посредниками, что приводит к переотправке грузов. Развитие смешанных перевозок в условиях острой конкурентной борьбы между предприятиями разных видов транспорта также способствует увеличению количества перегрузок. В итоге объем погрузочно-разгрузочных работ на каждую тонну продукции в США почти вдвое больше, чем в СССР: 11 т в США, 6 т в СССР¹.

Так, например, в «Аэрофлоте» в 1980 году на один пассажиро-километр расходовалось 91,5 г условного топлива, а в США 113 г (то есть на 25% больше). Энергетическая экономичность авиaperевозок в СССР была достигнута, несмотря на то, что удельные расходы керосина в отечественном (конструктивно более простом и дешевом) двигателе НК-8-2У (самолет «Ту-154») были на 60% больше, чем в американском двигателе CFM56-2 (самолет «Боинг-737»). Причина меньшего расхода горючего заключалась в плановой организации авиаперевозок.

Если бы интеллигенция не поддержала номенклатуру и воров в их стремлении сломать плановое хозяйство, мы бы уже и по технологическому уровню догнали американские самолеты.

Глава 16

ЛОЖНАЯ МЕРА

«Ползучая» деградация культуры использования количественных аргументов происходит уже просто от той неряшливости, с которой многие авторы относятся к таким аргументам (или от недобросовестности, которую они маскируют под неряшливость). Но главное, этого не замечают получатели таких сообщений — у них притупилось чутье на признаки ложной меры. Одним из таких признаков можно считать большое несоответствие количественных данных, сообщаемых по одному и тому же вопросу одним и тем же лицом в зависимости от контекста. Бы-

---

¹ Зусман Л. Л. Металлический фонд народного хозяйства СССР. М.: Металлургия, 1975. С. 370 — 371.

вают, конечно, ошибки, но их можно отличить от систематического искажения меры.

Вот как применяет меру «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев. Выступая 16 ноября 1999 г. в Президиуме Российской Академии наук, где обсуждался вопрос о документальных изданиях Международного фонда «Демократия» (обзор дан в «Вестнике РАН», 2000, № 6), он говорит о числе *арестованных* с 1921 по 1953 г. и добавляет: «Причем эти цифры, конечно, не полные... Не включены 3,5 млн. депортированных крестьянских семей, которые не были арестованы, осуждены»¹.

А. Н. Яковлев лжет, говоря о 3,5 миллиона депортированных семей (или около 17 миллионах человек). Надежно установлено, что всего в 1930 — 1931 гг. на спецпоселения («кулацкая ссылка») были высланы 381 026 семей. После 1931 г. массовой депортации крестьян не было. Данные эти опубликованы в журнале «Социологические исследования», издаваемом в этой же самой РАН, повторены в множестве публикаций, лежат на специальной странице в Интернете.

Но главное — не в этой лжи, а в том, что сам же А. Н. Яковлев, будучи председателем Комиссии ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, с трибуны XXVIII съезда КПСС клеймил депортацию, «когда сотни тысяч крестьянских семей изгонялись из деревень» («Правда», 4 июля 1990 г.). *Сотни тысяч*, а не *3,5 миллиона*. Две разные ситуации — и он меняет количественные данные на порядок.

Точно так же он представляет данные о расстрелянных жертвах репрессий. Выступая по телевидению 20 августа 1990 г. и приветствуя изданный Горбачевым указ о тотальной реабилитации «всех, кто был репрессирован в 20 — 30 — 40 — 50-е годы», он говорит об этих жертвах: «Сотни тысяч искореженных судеб, расстрелянных и умерших, покончивших с собой»². Здесь он называет величину, соизмеримую с той, что надежно установлена — число расстрелянных, умерших (видимо, в ГУЛАГе) и покончивших с собой в сумме составляет *сотни тысяч*.

Затем, удостоившись чести написать предисловие к «Черной книге коммунизма», А. Н. Яковлев меняет эту величину. Пишешь по заказу Запада — давай товар лицом. И мы читаем: «Насильственно уничтожены более *шестидесяти миллионов* людей, в

¹ Отметим разрыв в логике. Почему же «цифры арестованных не полные», если «депортированные крестьяне *не были арестованы*»? Как же их можно было включать в число арестованных?

² Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. М.: Новости, 1991. С. 260.

основном молодых, красивых и здоровых, родившихся, чтобы жить, творить и радоваться жизни. Их нет. Подорвана сама корневая система народа»¹. Шестьдесят миллионов — это только «молодых, красивых и здоровых» и только убитых насильственно, а если взять с умершими в ГУЛАГе и покончившими с собой, то, дескать, и все сто миллионов выйдут. Тут уже он изменил величину почти на три порядка (правда, в тексте самой книги на с. 37 сказано: «СССР: 20 миллионов убитых»; видимо, академик пишет предисловия, не читая книг).

Разумный человек, увидев такой разброс фактических данных по вопросу, дотошно изученному совместными группами российских и американских ученых, просто перестал бы верить академику Яковлеву. Отбросил бы всякие сомнения и вычеркнул из числа персон, которых стоит читать и слушать. Но этого не произошло, и даже коллеги по ученому цеху академика не упрекнули.

Масштабы применения ложных данных или их явно ложной интерпретации очень широки. Приводимые цифры часто вообще не имеют никакого отношения к выводу, они включаются в рассуждение, просто чтобы «давить на психику». В других случаях числа даже противоречат выводу. Вот, например, солидный академический журнал приводит такой количественный довод об ужасном воздействии АЭС и вообще атомной программы на здоровье граждан:

«В начале 1992 г. было зарегистрировано 1 366 742 человека, подвергшихся радиационному воздействию в связи с аварией на Чернобыльской АЭС.

Из них:

1. Ликвидаторы — 119 400 человек.
2. Эвакуированные — 6471 человек.
3. Население — 1 209 929 человек.
4. Дети ликвидаторов — 31 580 человек...

Смертность по группам первичного учета за 1990 — 1991 гг. (на 1000 человек) увеличилась по 1-й группе с 4,6 случая до 4,8; по 2-й группе — с 1,99 до 2,1; снизилась по 3-й группе с 22,79 до 14,7; по 4-й группе с 19,4 до 6,9»².

Что следует из этих чисел? Посудите сами, произведя несложный расчет. Из указанного числа пострадавших в 1990 г. умерли 28 749 человек, а в 1991 г. 18 179 человек. О чем вообще говорит снижение смертности? О том, что радиационное заражение благотворно сказывается на здоровье? Или о том, что по-

---

¹ Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001. С. 28.

² Человек. 1993. № 4.

страдавшие, получившие более высокую дозу облучения, умерли в 1990 г. и не дожили до 1991 г.? Как иначе может за год так сильно упасть уровень смертности *населения* (а это 88,5% всех пострадавших)? Скорее всего, весь этот текст и не рассчитан на то, чтобы читатель вник в смысл количественных данных — они его просто должны заворожить. А вывод ему подсказывают составители.

Очень часто ложный смысл приобретают приводимые числа из-за того, что они вырываются из контекста, не помещаются в систему координат, в которых возможна их разумная интерпретация. Например, авторы не задают стандарты для сравнения. В том же журнале приведены данные о заболеваемости жителей Алтайского края, которые подверглись облучению при испытаниях ядерного оружия на Семипалатинском полигоне: «С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения». Из этого читатель должен сделать вывод о вредоносном воздействии ядерных испытаний. Сам этот вывод мы здесь не будем обсуждать, речь идет о применении количественной меры в качестве аргумента.

Итак, в зоне испытания прирост заболеваемости онкологическими болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. И что это значит? Много это или мало? Само по себе это число ни о чем не говорит. Чтобы можно было установить причинно-следственную связь между ядерными испытаниями и онкологическими заболеваниями, нужно как минимум «сделать контрольный опыт» — привести данные о динамике заболеваемости в тех областях, где население не подверглось воздействию облучения при подобных испытаниях. Это совершенно очевидно, речь идет об элементарном правиле логических умозаключений. Но издатели журнала, сотрудники Института философии РАН с докторскими степенями, этого как будто не знают и стандарта сравнения не вводят.

Сделаем это сами, это нетрудно, поскольку данные публикуются в статистических ежегодниках. Согласно этим данным, за те же десять лет 1980 — 1990 гг., которые взяли авторы журнала, прирост числа заболевших злокачественными новообразованиями по России в целом составил 33 случая на 100 тыс. человек! Если следовать логике этих авторов, придется сделать вывод, что ядерные испытания очень полезны для здоровья.

В действительности цифры, приведенные авторами журнала, *ни о чем не говорят* — слишком много факторов влияют на заболеваемость. Но читатель воспринимает сообщение *в идеологическом контексте*, а общий смысл всей публикации заключается в

том, что ядерными испытаниями правительство СССР губило свой народ. И ради этой пошлой манипуляции сознанием подрывается культура количественной аргументации. Как не стыдно главному редактору журнала члену-корреспонденту РАН Б. Г. Юдину, с которым я проработал в одном институте много лет!

Уж если брать заболеваемость злокачественными новообразованиями за критерий отношения государства к людям, то написали бы, что всего за *пятилетие* реформ, с 1993 по 1998 г., прирост этой заболеваемости составил в РФ 26 случаев на 100 тысяч населения — вдвое больше, чем за последнюю советскую пятилетку.

Число, служащее индикатором, показателем состояния системы, всегда встроено в более или менее широкий контекст, который и насыщает это число смыслом. Обеднение контекста видоизменяет «структуру» смысла, а после некоторого предела может и совершенно исказить ее. Ради достижения нужного идеологического эффекта во время перестройки широко применялся общий прием «отключения рациональности» — *изъятие из реального контекста*. Это приняло столь широкий характер, что нанесло сильный удар по всей культуре «количественного мышления». Применяя меру для оценки того или иного общественного явления и устраняя при этом реальный контекст с заменой его на идеологический, авторы сообщений разрушали пространственно-временные координаты и опорные точки, вне которых число превращалось в инструмент манипуляции.

Один из важнейших стереотипов, которые с 60-х годов вырабатывала (с помощью «профессионалов») и вбивала в массовое сознание наша либеральная интеллигенция, гласил о «неэффективности» колхозно-совхозной системы сельского хозяйства. Важным элементом этого стереотипа был тот факт, что в сельском хозяйстве США заняты всего 3 млн. человек, а в СССР — 20 миллионов. Какой ужас, какое отставание! Надо ликвидировать колхозы и превратить колхозников в фермеров, как в США.

Вся структура этого стереотипа настолько противоречит логике и здравому смыслу, что эту интеллектуальную конструкцию надо считать нашим национальным позором. Поделом мы жрем сейчас «ножки Буша»! Но наш предмет сейчас — *величины*, приведенные в качестве аргумента.

Итак, *число работающих в сельском хозяйстве*. Что сравнивается в данном стереотипе? Два элемента разных систем, причем эти элементы вырваны из системного контекста. Стоит задуматься всего на минуту, и почти каждому станет очевидно, что нельзя сравнивать только число «занятых в поле», как в армии нельзя учитывать только «бойцов». Надо брать и всех тех, кто «обслуживает» пахаря, обеспечивая его средствами производ-

ва, переработки, хранения и доведения продукта до прилавка. Многие функции, которые в СССР выполнялись непосредственно в колхозе, на Западе отделены от фермера и возложены на специализированные фирмы. Велика ли разница между числом занятых в этих элементах «агропрома» в СССР и США? Она огромна.

Для США в 1982 г. формула структуры персонала была такой: $A = B + 7B$, где A — общее число занятых в агропроме, B — число занятых в сельском хозяйстве. Для СССР середины 80-х гг. эта формула такова: $A = B + 0,57B$. То есть в США на одного «пахаяря» работали 7 человек помощников вне фермы, а в СССР на одного колхозника — 0,57 человека¹. Не будем уж поминать, что на американцев, в том числе фермеров, работают на каждого 4 человека в «третьем мире» (а на сезонные работы по уборке урожая прибывают миллионы мексиканцев).

В 1987 г. в СССР в сельском хозяйстве было занято 21 млн. человек, а в США 3,1 млн. Это значит, в соответствии с приведенными выше формулами, что в *агропроме* СССР работали 33 млн. человек, а в *агропроме* США 24,8 млн. человек. Это примерно равные доли от населения в целом. Если учесть, что СССР производил сельхозпродукции на душу населения больше, чем США, — почти по всем показателям, кроме мяса, — то придется признать, что особого преимущества в производительности фермер перед нашим колхозником вообще не имел. Он просто передал многие функции колхозника специализированным фирмам. Более глубокое разделение труда, развитой капитализм! Имея 100 млрд. долларов государственных субсидий в год и хорошее шоссе до ворот фермы, американские фермеры могли себе это позволить.

Выгодно ли (и можно ли!) было бы устроить то же самое в России? Возможно, да, возможно, нет. Не будем здесь об этом спорить. Этот вопрос при обсуждении проблемы на интеллигентских кухнях никогда не поднимался, там мозг сверлили два числа: у них 3 миллиона, у нас 20 миллионов!

Очень часто бывает достаточно всего лишь слегка усилить контекст приводимой как аргумент численной величины, чтобы усомниться в самой ее достоверности или в логике рассуждения. В важной книге Н. Шмелева и В. Попова «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989) говорится: «Наше сельское хозяйство производит на 15% меньше продукции, чем сельское

---

¹ Это данные из книги «Некоторые экономические проблемы сельского хозяйства зарубежных стран» (М., 1989), изданной под грифом ДСП. Мой друг, находясь по делу в аналитическом центре КГБ, увидел там стопку этих книг, взял одну и дал мне, зная, что я этим занимаюсь.

хозяйство США, но зато потребляет в 3,5 раза больше энергии» (с. 169).

Подумайте сами, могло ли такое быть, если в расчете на 100 га пашни в СССР в 1989 г. имелось 259 кВт энергетических мощностей, а в США 405 кВт. Потребление энергии измеряется в кВт-часах. Если верить академику-экономисту Н. П. Шмелеву, то получится, что при нормальной загрузке в сельском хозяйстве СССР его энергетических мощностей в течение 8 часов в сутки моторы и машины сельского хозяйства США (в расчете на 100 га пашни) работали всего *1,5 часа в сутки*. Это следует из простого уравнения: $259 \times 8 = 3,5 \times 405 \times x$, где x — время работы энергетических мощностей сельского хозяйства США за сутки.

Не могло этого быть или, во всяком случае, это очень сомнительно. Ведь и сам Н. П. Шмелев наперебой с академиком А. Г. Аганбегяном утверждали, что в сельском хозяйстве СССР был огромный избыток машин (то есть энергетических мощностей) — в отличие от экономных американских ферм.

В той же книге Н. П. Шмелев с соавтором пишут о советских работниках сельского хозяйства: «Из-за пустяковой поломки машины бросают — ведь ремонт хлопотен, да и незачем чинить, когда непрерывным обильным потоком идут новые трактора, комбайны, автомобили» (с. 187).

Это новый миф с количественной подкладкой и нарушенной логикой. Чтобы в нем усомниться, образованному человеку не надо было даже глубоко лезть в справочники — авторы сами приводят необходимые для рассуждений данные, опровергающие предыдущее утверждение. Они пишут: «В минувшей пятилетке (1981 — 1985 гг.) 85% поставленных селу тракторов и автомашин, 80% зерноуборочных комбайнов пошли на возмещение выбытия» (с. 192). Как это вяжется с утверждением, будто «из-за пустяковой поломки машины бросают, да и незачем чинить»?

Возьмем комбайны (хотя и в отношении тракторов логика та же). Для простоты заменим проценты абсолютными числами. Поставки комбайнов сельскому хозяйству за 1981 — 1985 гг. составили в СССР 557,8 тыс. штук. Как утверждают Шмелев и Попов, 80% из них, то есть 446,2 тыс. штук, пошли на возмещение выбытия. В среднем за год, следовательно, выбывало из строя 89,2 тыс. комбайнов. Среднегодовой парк комбайнов составлял в СССР в ту пятилетку 786,5 тыс. штук. Таким образом, за год выбывало из строя 11,3% всего парка, то есть комбайн служил тогда в среднем 8,8 года.

Если учесть, что нагрузка на комбайн была в СССР в два с лишним раза больше, чем в США, и американский комбайн

стоит даже сегодня в 4 раза дороже нашего, то такую «фондоотдачу» комбайнов в СССР надо было бы признать исключительно высокой. Более долгий срок службы машин был бы даже нежелательным — за 10 лет как раз проходила в то время смена поколения комбайнов.

Теперь задумаемся, мог ли комбайн служить почти 9 лет, если, как утверждают экономисты, в колхозах «из-за пустяковой поломки машины бросают, да и незачем чинить»? А ведь это ложное обвинение вбивалось в сознание со всех трибун и телеэкранов. И разве мышление этих экономистов с тех пор изменилось? Они и сегодня, получив идеологическую установку, не вникают в смысл простейших чисел и утверждают самые нелепые вещи. А образованные люди им верят и распространяют эти нелепости в массе сограждан, подрывая их способность к разумным умозаключениям.

Когда я совсем недавно (в 2003 г.) пытался изложить вышесказанное коллегам, мне в ответ говорили такое: «Неужели ты сам не видел всю эту бесхозяйственность? Вспомни это зрелище: стоит под открытым небом раскуроченный трактор, и из него таскают запасные части». Да, зрелище неприятное, как кирзовые сапоги. Но ведь не все разумное приятно! Что же неразумного было в таком использовании списанного трактора?

Как ни крути, каждый бы сделал точно так же — если бы довелось ему самому хозяйничать. Отслужил трактор свой срок, вышел у него из строя какой-то узел — и что, отправлять его на металлолом? Это же глупо, в нем осталась масса вполне пригодных запчастей. Были бы лишние руки, можно было бы, конечно, разобрать трактор и уложить все узлы и части на полки на складе. Культурно! Но к чему такие сложности? Сам этот трактор и есть прекрасный склад, где никакую запчасть искать не надо — она привинчена на свое место.

Хотелось бы спросить нашего интеллигента — а как в таком положении поступают умные западные фермеры? Наверное, он удивится, если узнает, что точно так же. Спросил я своего друга-испанца, который какое-то время работал в Испании на крупной ферме. Оказывается, точно тот же подход: нерабочий трактор ставят на дворе и помаленьку «раздевают», пока это имеет смысл, а потом отправляют на металлолом. Давайте покопаемся в своем сознании: ведь если бы такое увидели на Западе, то почти никому это не показалось бы глупостью. А колхозам это до сих пор припоминают. В чем тут причина?

Я пишу это не для того, чтобы заступиться за колхозы. Тупая сила *антирациональности*, как бульдозер, разрушает сейчас Рос-

сию, и ее пока что не остановить. Но этот бульдозер забуксует, когда мы усомнимся в ложных мифах, что залепили нам глаза.

Столь же тяжелый удар по мере как инструменту мышления наносит устранение *временных* координат, в которых количественная характеристика данного момента встраивается во временной ряд, позволяющий сравнить эту характеристику с состоянием той же системы в иные моменты времени. Искажения, возникающие при такой амнезии, могут сделать умозаключения совершенно неадекватными реальности.

В № 6 за 1994 г. академическому журналу «Общественные науки и современность» дал интервью член Президентского Совета доктор экономических наук Отто Лацис. Он сказал: «Еще в начале перестройки в нашей с Гайдаром статье в журнале «Коммунист» мы писали, что за 1975 — 1985 годы в отечественное сельское хозяйство была вложена сумма, эквивалентная четверти триллиона долларов США. Это неслыханные средства, но они дали нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства за десять лет».

Это замечательное признание, прямо для суда, который вряд ли когда-нибудь состоится над этим высокопоставленным лгуном. Замечательно это признание тем, что создание черного мифа о советском сельском хозяйстве велось силами высших чиновников КПСС в ее главном теоретическом журнале.

Но поговорим о мере. Итак, вложения 250 млрд. долларов за десять лет, то есть 25 млрд. в год, названы «неслыханными средствами». Что же тут «неслыханного»? Может быть, О. Лацис представил эту сумму в своем кармане и ему показалось удивительным, что он вдвое богаче Ходорковского? Годовые вложения в сельское хозяйство страны масштаба СССР в размере 25 млрд. долларов — сумма не просто рядовая, но очень и очень скромная. Если бы О. Лацис обладал интеллектуальной совестью и следовал нормам рациональных рассуждений, он обязан был бы сказать, сколько, по его оценкам, *следовало бы* ежегодно вкладывать в сельское хозяйство. Может быть, беда была как раз в том, что вкладывали недостаточно?

Примечательно, что почти одновременно с О. Лацисом в академической печати выступал другой влиятельный экономист-демократ, депутат Верховного Совета СССР и профессор МГУ А. Емельянов. Он говорил нечто совершенно противоположное: «За счет сельского хозяйства долгое время решали многие проблемы, перекачивая из деревни ресурсы. Теперь настала пора вернуть долги»¹.

---

¹ Емельянов А. Продовольственная проблема: истоки и пути решения // Вопросы экономики. 1989. № 1.

Доктор экономических наук О. Лацис, выступающий на пару с Гайдаром, обязан был, если бы следовал нормам рационального мышления и интеллектуальной совести, построить свою «неслыханную» величину и в реальный международный контекст. Например, упомянуть, что в 1986 году только *государственные бюджетные дотации* сельскому хозяйству составили в США 74 млрд. долларов.

Разрушение чувства меры ведет к утрате *чутья* на ложные числа, которое является важным условием для рациональных рассуждений. Вспомним, как в 1990 г. в большой кампании по дестабилизации общественного сознания был устроен так называемый «сероводородный бум» — нагнетались нелепые страхи перед Черным морем, которое якобы вот-вот выбросит из себя огромное облако сероводорода. Например, «*Литературная газета*» писала: «Что будет, если, не дай бог, у черноморских берегов случится новое землетрясение? Вновь морские пожары? Или одна вспышка, один грандиозный факел? Сероводород горюч и ядовит... в небе окажутся сотни тысяч тонн серной кислоты».

Почему эта и другие газеты могли писать такую чушь? Потому, что читатели, а это в основном образованные люди, ее *принимали*. У них была полностью разрушена интуитивная способность взвешивать величины.

Максимальная концентрация сероводорода в воде Черного моря составляет 13 мг в литре, что в 1000 раз меньше, чем необходимо, чтобы он мог выделиться из воды в виде газа. В тысячу раз! Поэтому ни о каком воспламенении, опустошении побережья и сожжении лайнеров не могло быть и речи. Но миллионы людей с высшим образованием не почувствовали этой разницы в три порядка.

Допустим, «сероводородный бум» был слишком циничной диверсией в сфере сознания. Но вот в упомянутой «научной» книге Н. Шмелева и В. Попова говорится в качестве обвинения советской экономике: «Сейчас примерно два из каждых трех вывезенных кубометров древесины не идут в дело — они остаются в лесу, гниют, пылают в кострах, ложатся на дно сплавных рек... С каждого кубометра древесины мы получаем продукции в 5 — 6 раз меньше, чем США» (с. 144).

Какое, кстати, глубокомысленное утверждение — два из каждых трех *вывезенных из леса* кубометров древесины... *остаются в лесу*. Но давайте внимем в тезис о том, что из бревна в СССР выходило в 5 — 6 раз меньше продукции, чем в США. Это действительно суровое и строго количественное обвинение в адрес советского хозяйства.

Заглянем в справочник и увидим такую сводку:

*Выход изделий из древесины в СССР и США. 1986 г.
(в расчете на 1000 кубических метров вывезенной древесины)*

Вид изделий	СССР	США
Деловая древесина, плотных м ³	786	790
Пиломатериалы, м ³	281	197
Клееная фанера, м ³	6,2	37,9
Древесно-стружечные плиты, м ³	17,4	18,8
Древесно-волоконистые плиты, м ³	1602	1590
Древесная масса, т	5,6	10,3
Целлюлоза, т	23,0	96,5

Где здесь эти фантастические «в 5 — 6 раз меньше продукции»? Отходов при переработке бревна в деловую древесину в США было чуть-чуть меньше, чем в СССР (а с учетом опилок, пошедших на изготовление древесно-стружечных плит, эту разницу вообще трудно определить). Как использовать продукцию первого передела — *деловую древесину*, зависит уже от приоритетов. Строишь дом из пиломатериалов — делаешь больше бруса и досок, строишь из фанеры — делаешь больше фанеры. Много в стране бездомных, живущих в картонных ящиках, — делаешь много картона. Много тратишь бумаги на упаковку — перерабатываешь древесину на целлюлозу.

Замечу, что сказка про прирожденную неспособность русских цивилизованно использовать лес, кочевала во время перестройки из книги в книгу и из газеты в газету. Здесь уместно сказать «русских», а не «советских», потому что подавляющее большинство спиленных деревьев приходилось на РСФСР.

И дело тут опять-таки не в Н. П. Шмелеве — мало ли что брякнет будущий академик-экономист. Дело в том, что читающая публика приняла эту версию про «5 — 6 раз» — а ведь должна была вострепнуться, если бы имела чувство меры. «Как могло случиться, чтобы при переработке пропало 80% от привезенного из леса бревна? Возможно ли это?» — вот что должно было не давать покоя. Но ведь никакого беспокойства эти странные количественные данные не вызывали.

Подобного же рода количественные данные приводятся для того, чтобы заклеить советское машиностроение. Читаем в той же книге: «Известно, например, что на машиностроительных предприятиях от 30 до 70% металла уходит в стружку — в отходы» (с. 171).

Это, видимо, должно было повергнуть читателя в изумление,

но в те времена на головы людей подобные бредовые утверждения сыпались с утра до вечера, и конкретно на это утверждение никто, похоже, не обратил внимания. Давайте разберем это утверждение сегодня. Начнем с того, что само его строение выдает недобросовестность авторов, сразу указывает на то, что это манипуляция. Почему указан такой широкий диапазон для вполне четкого показателя — «от 30 до 70% металла»? Что, речь идет о нижнем и высшем пределе? Ни на одном предприятии при обработке стальных заготовок не бывало образования стружки менее 30%? Ни на одном никогда не превышали максимума в 70%? Мыслимо ли слышать такое от докторов экономических наук? Ведь это если не сознательное искажение понятий, то элементарное невежество.

В действительности достаточно взять справочник, и мы получаем точные данные, ибо отходы металлов учитывались в СССР скрупулезно, вплоть до окалины (как, впрочем, и в других промышленно развитых странах). Показатель «образование металлоотходов в машиностроении и металлообработке» хорошо известен и идет в справочниках отдельной таблицей — в 1988 г. в СССР в этой отрасли было потреблено черных металлов 91,7 млн. т, образовалось отходов в виде стружки 8,1 млн. т, или 8,83%. Какие тут 30 — 70%? Кстати, доля ушедшего в стружку металла (как и вообще металлоотходов) в СССР снижалась — в 1970 г. в стружку ушло 10,35% использованного металла, а в 1988 г. менее 9%¹.

Неспособность отсеивать ложные количественные данные или хотя бы переводить в разряд «сомнительных» — результат массового поражения инструментов рационального мышления.

Глава 17

НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ

Выше говорилось о важном признаке нарушения рациональности — *некогерентности* рассуждений. В этом случае одна часть утверждения не стыкуется с другой, они друг с другом несовмес-

---

¹ Некоторую неопределенность вносит тот факт, что в статистическом учете отрасль называется «машиностроение и металлообработка», а Н. Шмелев и В. Попов говорят о машиностроении. Однако поскольку в машинах и оборудовании (то есть продукции машиностроения) заключалось чуть более 50% всего металлического фонда СССР, то даже если бы при металлообработке *вне машиностроения* совершенно не образовывалась стружка (предположение заведомо неверное), то все равно на машиностроительных предприятиях ее никак не могло бы образоваться более 17,7% от использованного металла.

тимы, не могут быть связаны в систему. Нечто похожее происходит и с величинами, если они *несоизмеримы*.

Вот типичный пример. Во время перестройки стали говорить о необходимости ликвидировать колхозы, и одним из аргументов был миф о том, что они убыточны и камнем висят на шее государства. Большого смысла в этом аргументе не было — в советском хозяйстве рентабельность и убыточность были плановыми, так как в плановом порядке определялись закупочные цены. Но поговорим именно о мере. Да, были и убыточные колхозы. Много ли их было и велики ли были убытки в сравнении с масштабами всей колхозной системы?

А. Н. Яковлев, говоря о «тотальной люмпенизации общества», которое, мол, надо «депаразитировать», приводил такой довод: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других»¹. Вот мера академика-экономиста: убыточных предприятий, колхозов и совхозов в СССР — *тьма*. Хотя прекрасно известно и общее число предприятий и колхозов, и число убыточных, так что можно дать определенное и абсолютное, и относительное число убыточных.

Реальные величины таковы. В 1989 г. в СССР было 24 720 колхозов. Они дали 21 млрд. руб. *прибыли*. Убыточных было на всю страну 275 колхозов (1% от числа колхозов), и все их *убытки* в сумме составили 49 млн. руб. — 0,2% от прибыли колхозной системы. В целом рентабельность колхозов составила 38,7%. Величина убытков несоизмерима с размерами прибыли. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства» — напротив, в отличие от Запада наше село всегда субсидировало город. Аргумент, основанный на количественной мере, был ложным.

Так же обстояло дело и с промышленными предприятиями. Когда в 1991 г. начали внушение мысли о благодатном смысле приватизации, говорилось: «Необходимо приватизировать промышленность, ибо государство не может содержать убыточные предприятия, из-за которых у нас уже огромный дефицит бюджета». Реальность же такова: за весь 1990 г. убытки нерентабельных промышленных предприятий СССР составили всего 2,5 млрд. руб., а валовой национальный продукт, произведенный всей совокупностью промышленных предприятий, — 320 млрд. руб.! Убытки части системы составляют менее 1% произведенной ею добавленной стоимости — и такую систему предлагают приватизировать, аргументируя ее «нерентабельностью». Кстати, в 1991 г.,

---

¹ Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001. С. 24.

когда был принят закон о приватизации, убыток от всех нерентабельных промышленных предприятий составил менее 1% от дефицита госбюджета, который взметнулся до 1000 млрд. руб.

Заметим, что в обоих случаях образованные люди, не замечая несоизмеримости между убытками пары сотен колхозов и доходом всей колхозной системы, между убытками небольшого числа промышленных предприятий и доходом от всей советской промышленности, одновременно не замечали и подмены понятий. Ведь понятия *рентабельность* и *убытки* в советской хозяйственной системе были чистой условностью, ибо они *планировались*. О каких убытках можно говорить, если закупочные цены на продукцию сельского хозяйства и промышленных предприятий, так же как и цены на используемые ими ресурсы, устанавливаются в административном порядке! Это бессмысленный разговор.

Надо заметить, что применение ложной меры почти всегда сопровождается и грубым нарушением логики. Ведь если, как постоянно утверждалось, в целом промышленность и сельское хозяйство убыточны («люмпенизация общества *тотальная*»), то за счет чего же покрываются эти убытки, за чей счет кормились почти 300 млн. паразитов да еще помогали «третьему миру», лезли в космос и были вооружены до зубов? Старик Хоттабыч все эти средства добывал, вырывая волосы из бороды? Как могла масса образованных людей повторять за кучкой манипуляторов эти гротескные утверждения?

И какая несусветная глупость — утверждать, что если предприятие убыточно, то это значит, что его «работники сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других». Какой позор для Академии наук, выбирающей своим членом по Отделению экономики такого мудреца! Предприятие — не натуральное хозяйство, оно служит не для «кормления» работников, а для выполнения определенных задач, которые ставит перед собой его владелец. «Кормление работников», то есть их зарплата, входит в обязательные издержки самого существования предприятия, его содержания владельцем. Никаких оснований говорить о «паразитизме» работников убыточного предприятия нет, это просто не связанные между собой сущности. Более того, даже в *капиталистическом* хозяйстве задачи владельцев не сводятся к получению прибыли от каждого предприятия, и на какого-нибудь профессора, который назвал бы работников корпорации «Локхид» с ее многолетней убыточностью паразитами, посмотрели бы как на идиота или вредителя. Что же говорить о плановом хозяйстве, работающем как единое целое, владельцем которого является народ, а управляющим — государство!

Наконец, острая несоизмеримость величин пронизывает один

вульгарный, но важный идеологический миф. Во время перестройки в качестве одной из причин нашей «низкой экономической эффективности» называли такую: «Все воруют!» Мол, русский народ по природе своей вор. Поминали и Карамзина, который тоже что-то про воровство сказал. Да, была у многих из нас такая нехорошая привычка — принести что-нибудь полезное для дома с работы. То ацетону из лаборатории, то краски, то шерсти с фабрики. Но ведь нужно применять меру! А интеллигенция легко поверила в миф, будто масштабы этого явления столь велики, что подрывают народное хозяйство. И, уж во всяком случае, они многократно перекрывают то, что наблюдается в «цивилизованных странах».

Как это могло произойти? Ведь достаточно было оглянуться кругом, чтобы понять несоизмеримость масштабов производимых в стране материальных ценностей и того, что от них отщипывали «несуны». В 1990 г. были впервые опубликованы данные о доходах «теневой экономики». По уточненным оценкам Госкомстата СССР они составили тогда 99,8 млрд. руб. (в том числе от производства и продажи самогона — 35 млрд. руб.). А хищения государственного и общественного имущества (это и есть «все воруют») составили всего 5,4 млрд. руб. В масштабах народного хозяйства это ничтожная величина — в 1990 г. ВВП СССР (он тогда назывался *валовой общественный продукт*) составил 1632 млрд. руб.¹ А что же мы видим на честном Западе? Вот данные из доклада Министерства юстиции США: за пятилетку 1990 — 1994 г. только в одной отрасли, в системе здравоохранения США, хищения составили 418 млрд. долларов. Миллиардов долларов!²

Но эти случаи описывают нарушение меры, «разлитое» в сознании образованного слоя. А были и несоизмеримости, целенаправленно задаваемые крупными фигурами из кругов интеллектуальной и даже научной элиты. «Парадигмальное» значение приобрело во время перестройки утверждение официального руководителя тогдашней экономической науки и советника М. С. Гор-

---

¹ К тому же в том году номенклатурные дельцы воровали уже по-крупному — виллы строили и картины музейные покупали. Так что на долю «несунов», которых и выставили главными расхитителями экономики, остается совсем ничего.

² Да и без цифр первое, что бросается в глаза, когда приезжаешь в США, — ощущение всеобщего воровства. Значительная часть мужского населения занята охраной и всяческими инспекциями. Все лавки и магазины напичканы телекамерами, которые неотступно следят за каждым покупателем. На одном магазине в Беркли я видел такую надпись: «Уважаемые воры, хозяин ночует на складе. Он вооружен».

бачева по вопросам экономики академика А. Г. Аганбегяна о том, что вследствие якобы абсурдности плановой системы в сельском хозяйстве СССР имеется в два-три раза больше тракторов, чем необходимо. Дословно А. Аганбегян пишет: «Результат [этого абсурда] — разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раза больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин»¹. Это утверждение произвело столь сильное впечатление на мировое сообщество экономистов, что цитировалось на Западе не только в прессе, но и в серьезных монографиях².

Задав меру, содержащую в себе оценку состояния («*Эти трактора не нужны сельскому хозяйству... хватило бы в два или три раза меньше машин*»), академик недобросовестно устранил систему координат, в которой его мера могла бы иметь смысл. А у экономистов, читавших это высказывание академика, да и у широких кругов интеллигенции просто не возникало внутреннего желания построить данную им меру в реальный контекст и задать себе вопрос: «При чем здесь *производство* тракторов в США? Сколько тракторов следует считать необходимым именно для СССР? Сколько тракторов имеется в ФРГ, в Италии, в Польше?»

Этот случай особенно показателен тем, что интеллигентная публика приняла логику рассуждений А. Г. Аганбегяна, даже не поинтересовавшись фактами, хотя эта логика противоречит здравому смыслу. Разве не удивительно было слышать, что советским колхозникам хватило бы в три раза меньше тракторов, чем то, что они имели? Когда же наша промышленность успела так перенасытить село тракторами? Никто (из тех, кто мог и обязан был гласно высказаться по поводу утверждений А. Г. Аганбе-

¹ *Aganbeguyan A. La perestroika econymica: una revoluciyn en marcha. Barcelona: Grijalbo, 1989. P. 77.*

² А. Адамович пошел еще дальше — увеличил «избыток тракторов» уже до десяти раз. Он так проклинал промышленность: «Абсурдный процесс производства ради производства. Когда все больше стали выплавляется для строительства машин по выплавке стали, а народу и умыться нечем. В десять, что ли, раз больше, Юрию Черниченко это лучше знать, выпускается тракторов, комбайнов, а сельскохозяйственную продукцию покупаем» («Мы — шестидесятники», с. 341).

гяна) даже не заметил или сделал вид, что не заметил явного грубого нарушения логических норм.

А. Г. Аганбегян не указал типичную норму насыщенности хозяйства тракторами в той экономике, которая лишена «пороков плановой системы» и предлагалась нам как пример для подражания. Разве на Западе фермеры имеют в три раза меньше тракторов, чем советские колхозники? В действительности средневропейская норма в тот момент (1988 г.) была равна около 100 тракторов на 1000 га пашни, а в СССР имелось 12 тракторов на 1000 га. В сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было *в 16,5 раза меньше, чем в ФРГ, и в 7 раз меньше, чем в Польше*, — но академик-экономист фактически уверял, что колхозникам разумно было бы иметь тракторов в 20 раз меньше, чем в Польше, в 50 раз меньше, чем в ФРГ, и в 120 раз меньше, чем в Японии. Искажение меры столь велико, что возникает ее острая несоизмеримость с реальностью.

Эти зарубежные данные («пространственный контекст» меры) приведены в общедоступных справочниках, академик-экономист А. Г. Аганбегян не мог их не знать, так что в его заявлении вполне можно было бы усмотреть должностной подлог. Но для нас важнее тот факт, что сообщество экономистов без всяких сомнений приняло ложное и абсурдное утверждение одного из своих лидеров и, насколько известно, до сих пор никак на него не отреагировало. Даже катастрофа 90-х годов не привела к починке сознания.

1 декабря 2003 г. академик А. Г. Аганбегян выступал в Новосибирском государственном университете. Логика его не изменилась, он сказал: «В плановом хозяйстве производилось много продукции, которая не была востребована. Например, мы производили в 7 раз больше тракторов, чем США. Продавали их ниже себестоимости, поскольку тракторные заводы находились на дотации... Когда перешли к рынку, цена на тракторы резко выросла, в нее стали включать капитальные вложения, затраты на разработку, прибыль — и теперь уже хозяйства должны были расплачиваться за них своими деньгами, а не госкредитами. В результате производство тракторов сократилось примерно в 20 раз»¹.

А. Г. Аганбегян краски решил еще слегка сгустить и в количественной мере (тракторов в 7 раз больше, чем в США), и в терминологии. Теперь у него выходит, что тракторы в советское время вообще *не были востребованы*. Да, на них пахали (да и те-

¹ <http://ecanom.nsc.ru/eco/2004...01/>

перь пашут на остатках), но, поскольку «тракторные заводы находились на дотации», эту пахоту академик реальностью не считает¹. В правильной, рыночной экономике наконец-то удалось, не без активного участия академиков-экономистов, привести производство тракторов в соответствие с потребностью, то есть сократить в 20 раз. И это мы должны считать разумными рассуждениями?

То, что никаких возражений от других экономистов на утверждения Аганбегяна в 1990 г. не последовало, само по себе было очень тревожным признаком. Перед выборами в Госдуму 1993 г. я общался с руководством Аграрной партии России. Однажды мы беседовали в кабинете В. И. Стародубцева, и я спросил, как было возможно, чтобы столь широко распространялась такая гротескная ложь о тракторном парке страны — и никаких возражений. И. П. Рыбкин, который в конце 80-х годов работал в Волгограде, рассказал, что в 1989 г. там проходило какое-то всесоюзное совещание с участием А. Г. Аганбегяна и его прямо спросили, на каком основании он делает такие утверждения. Он не стал отвечать на этот вопрос. В. И. Стародубцев, в свою очередь, рассказал, что он как член Президентского Совета в 1990 г. летел вместе с А. Г. Аганбегяном на какую-то встречу в Париж и, сидя рядом с ним в кресле самолета, задал ему тот же самый вопрос. И опять А. Г. Аганбегян, глядя ему прямо в глаза, не сказал в ответ ни слова.

Что же произошло с тракторной промышленностью СССР и РФ? Ее стали подрывать уже при Горбачеве и практически ликвидировали после 1992 г. Это видно на рис. 3.

Думаю, идеологи использовали прием искажения меры до уровня несоизмеримости вполне сознательно — но как могли не замечать подлога образованные люди? Потрясает тот факт, что в ответ на странные утверждения Аганбегяна средний интеллигент не протянул руку к полке и не посмотрел в самый элементарный справочник. Когда политизированные журналисты раздувают «нитратный психоз», готовя общество к полному лишению нашего сельского хозяйства удобрений, это можно понять — «революционная целесообразность». Но ведь в среде интеллигенции этот психоз создается без всяких затруднений, хотя узнать реальность не составляет никакого труда.

Несоизмеримость бывает и количественная, и качественная.

---

¹ Никто в Новосибирском университете не осмелился спросить академика, считает ли он продовольствие в США тоже «невостребованной продукцией» на том основании, что там бюджетные дотации составляют 40% валового продукта сельского хозяйства?

В первом случае несоизмеримость возникает, когда в умозаключении увязывают величины, измеряемые в однозначно понимаемых единицах, но слишком различные, чтобы соответствовать друг другу в контексте умозаключения. Качественно бывают несоизмеримы величины, измеряемые номинально одинаковыми числами, но разные по смыслу. Например, бессмысленны были бы споры ученых с Библией относительно возраста Земли — год как единица измерения времени имеет в Ветхом Завете совсем другой смысл, чем в физике, религии «уклоняются от контакта с историческим временем».

Часто качественная несоизмеримость (и вызванная ею некорректность рассуждений) создавалась при сравнении цен и уровня жизни в СССР и на Западе. Так, экономист-либерал В. А. Найшуль пишет в важной перестроечной книге: «Соотношение доходов населения в нашей стране и за рубежом таково, что, по

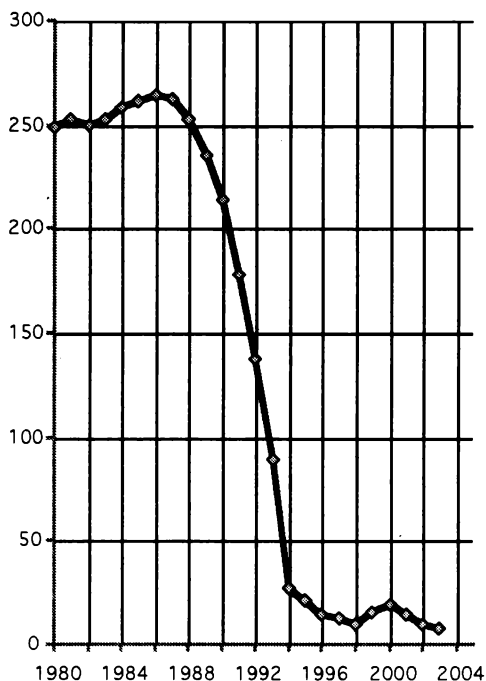

Рис. 3. Производство тракторов в РСФСР и РФ, тыс. штук

нашим расчетам, на одну зарплату уборщицы в США можно нанять 12 советских инженеров»¹.

Казалось бы, полный бред — но ведь это в книге, составленной экономистами и социологами из АН СССР и изданной тиражом 50 000 экз. Давайте «взвесим» утверждение В. А. Найшуля. Понятно, что «нанять» и уборщицу, и инженера означает выдать работнику в виде зарплаты определенную сумму материальных благ. Деньги, хоть бумажные, хоть электронные, — это всего лишь платежное средство, эквивалент этих благ.

Найшуль утверждает, что, «по его расчетам», сумма материальных благ, получаемых на зарплату уборщицы в США, равна сумме благ, получаемых на 12 зарплат инженера в СССР. Помните у Маяковского: «Все в копеечной цене, съехал сдуру разум. Молвит баба: дайте мне всю программу разом!» А когда она съела всю программу, «завопил хозяин лют: знаешь разницу валют?»

Уборщица в США на свои 1200 долларов в месяц (зарплата 12 инженеров в СССР) жила в трущобе, снимая комнату за 400 долларов, а ее сын-подросток ел плохую пищу, становился одутловатым дебилем и подвизался в уличной банде. В тот же момент 12 инженеров в СССР занимали 12 квартир, ездили летом в Крым или на байдарке по Карелии, водили сына в музыкальную школу или на фигурное катание и т.д. и т.п.

Но эти 12 инженеров верили В. А. Найшулю и завидовали американской уборщице, которая якобы зарабатывает в 12 раз больше, чем каждый из них, — вот о чем идет речь. Двенадцать поросят пошли купаться в море...

Особый вид несоизмеримости между реальностью и приложенной к ней мерой возникает в результате иррационального стремления преувеличить, подавить воображение, разрушить систему координат, в которых только и возможно разумное рассуждение. Здесь действует неосознанная вера в магию числа. Но мы видим, что непрерывное повторение подобных заклинаний действительно подчинило многих людей этой магии, подорвало у них способность мысленно взвешивать явления — и образованный человек отходит от норм Просвещения. Вот примеры гротескных утверждений «руководителя сектора Центра демографии Института социально-политических исследований РАН», принявшего участие в «борьбе за экологию»:

«В Краснодарском крае в районах, где выращивают рис, ин-

---

¹ Найшуль В. А. Проблема создания рынка в СССР // Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 453.

тенсивное применение пестицидов в такой степени сказалось на здоровье населения, что ни один юноша не может быть призван в армию».

«В России ежегодное «потребление» вредных веществ на душу населения составляет в среднем 400 кг... Загрязнение воздуха автомобильными выхлопами и пылью составляет, по разным оценкам, от 45% до 90%... Установлено, что в городах, где плотность машин превышает 1 тыс. на 1 кв. км (Москва, Киев, Берлин, Мехико, Нью-Йорк, Токио), среду обитания можно считать разрушенной, что, разумеется, негативно отражается на здоровье человека»¹.

Это пример тоталитарного, абсурдного мышления, в котором количественная мера приобрела характер идола. Впавший в это состояние социолог не приведет таблицу с данными о заболеваемости в разных районах Краснодарского края, а скажет, что там ни один юноша не годен к военной службе. А что значит, что в Киеве воздух загрязнен пылью на 90%? По весу? По объему? По поглощению света? И что значит, что «среду обитания можно считать разрушенной»? В Киеве и Нью-Йорке уже не обитают люди? И ведь это бредовое «исследование» финансировалось Российским фондом фундаментальных исследований (проект 93-06-10014), а результаты его опубликованы в журнале РАН.

Особенно тяжелый ущерб рациональности наносит несоизмеримость в умозаключениях в условиях любого серьезного кризиса. В это время на первый план выходит способность власти, элиты, общества в целом реалистично измерять масштабы возникших перед ними угроз и тех средств, которые они могут применить для того, чтобы эти угрозы устранить или хотя бы оттянуть их воздействие «до лучших времен».

В том кризисе, который поразил сейчас Россию, произошло совершенно противоположное — эта способность была не мобилизована, а утрачена. Сама эта утрата является сейчас одним из факторов углубления кризиса. Нагляднее всего эта сторона деградации мышления проявляется в декларациях и действиях власти. Однако эти проявления следует считать лишь внешним выражением тех процессов, что происходят в сознании нашей интеллигенции.

Так уж получилось, что вся наша властная верхушка (а также, что немаловажно, практически вся верхушка «бизнес-сообщест-

---

¹ Морозова Г. Ф. Здоровье человека в свете экологии // СОЦИС. 1994. № 11.

ва») является частью интеллигенции¹. Если уж не о делах, то о декларациях власти точно можно сказать, что они по своей структуре «подгоняются» под структуру мышления образованного слоя. Поэтому декларации ведущих политиков могут служить представительным «макротекстом» для анализа состояния умов российской интеллигенции.

В этом состоянии одной из выдающихся аномалий следует считать утрату способности увидеть или хотя бы почувствовать *несоизмеримость* величин, которые в высказывании представлены как вполне соизмеримые и адекватные. Иными словами, автор, вынужденный высказывать внутренне противоречивые суждения, как это часто приходится делать политикам, вполне мог бы «развести» эти величины, умолчать об одной из них и т.д., чтобы не делать несоизмеримость скандально очевидной, — но не выполняет эту простую операцию. Сам он этой скандальной несоизмеримости *не ощущает*. И, судя по всему, ее не ощущает и его аудитория (во всяком случае, ее влиятельная часть).

Яркий пример — рассуждения о проблеме ЖКХ. Вообще, видение проблемы ЖКХ у нашей властной элиты и верховной власти представляет собой мозаику величин, совершенно несоизмеримых между собой. Как будто все инструменты меры испорчены. На головы обывателей льется непрерывный ручеек утверждений, в которых концы одних количественно представляемых величин никак не вяжутся с концами других. И ничего! Никто этого как будто не замечает. Вот тема, которую поднял сам В. В. Путин в своем «телефонном разговоре с народом» 18 декабря 2003 г.

Не секрет, что перевод ЖКХ на рыночную основу привел к тому, что стала быстро расти доля аварийного и ветхого жилья. В. В. Путина спросили: «Объясните мне, пожалуйста, почему государство так много говорит и так и не решило проблему ветхого жилья?» Ответ В. В. Путина был таков: «Проблема накапливалась десятилетиями и не решалась десятилетиями. Может ли она быть решена немедленно? Наверное, нет... А какой выход? Он в развитии ипотечного кредитования». Он даже назвал величину проблемы — 90 млн. кв. м, или 3,1% всего жилого фонда (тут,

---

¹ Как показало исследование 1993 г., «94% новой российской элиты [имеет] высшее образование, причем каждый пятый получил ученую степень или обучался еще где-нибудь после окончания вуза» (Ершова Н. С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?... Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С. 151 — 155).

кстати, помощники информировали его неточно — это данные на конец 2001 г., а на конец 2003 г. аварийного и ветхого жилья уже было около 140 млн. кв. м).

Уточним обстановку: в 1960 — 1980 гг. проблема ветхого жилья именно решалась, причем самым обычным способом — посредством массового строительства и переселения людей из ветхих жилищ в новые со сносом ветхих домов, а также путем планового капитального ремонта жилого фонда. Так, доля ветхого жилья держалась на уровне 1% (в 1990 г. — 1,3%). Но в ходе реформы жилищное строительство было сокращено в три с половиной раза (373 тыс. квартир в 2001 г. против 1312 тыс. в 1987 г.). Кроме того, двенадцать лет почти не вкладывалось денег в капитальный ремонт, так что разрушается и то жилье, которое при нормальном содержании послужило бы еще не один десяток лет. Период обновления жилищного фонда страны сменился периодом его деградации.

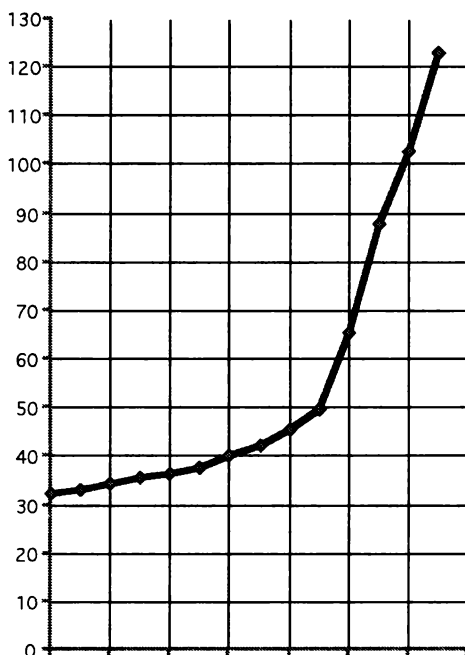

Рис. 4. Ветхий и аварийный жилищный фонд в РФ (на конец года), млн. кв. м (данные за 2002 — 2003 гг. взяты из интервью председателя Госстроя РФ Н. Кошмана)

Качественный перелом в процессе старения жилого фонда произошел с приходом к власти В. В. Путина, после 1999 г. Не по его вине, конечно, просто без ремонта жилье как раз «дозрело» до аварийного состояния. Этот процесс можно представить по графику на рис. 4 (см. с. 323)¹.

Разумеется, деградации жилого фонда многие не замечают. На деле масштабы ее огромны, она идет с ускорением и в настоящий момент представляет угрозу общенационального масштаба. Она требует осмысления и ответа. Что же касается *аварийных* домов, то это проблема срочная, так как площадь аварийного жилья в РФ составляет 50 млн. кв. м (в 1,5 раза больше ввода нового жилья). Из такого жилья власть обязана людей переселить. Каковы же действия власти? Начата программа «Переселение граждан РФ из ветхого и аварийного жилищного фонда». Ее задача — ликвидация до 2010 г. ветхого и аварийного жилого фонда, *признанного таковым до 2000 г.*

Отметим наивную хитрость — к 2010 г. обещают заменить жилье, учтенное в качестве ветхого до 2000 г. А с тех пор объем ветхого жилья прирастет еще на 250 млн. кв. м, если его прирост удастся остановить на уровне прироста 2003 г. И заметьте — телевидение уже трещит, что в 2010 г. «в РФ не будет ветхого жилья».

Но мы говорим о мере, заложенной в программу и в представления В. В. Путина о проблеме. Итак, на всю программу «Переселение граждан РФ из ветхого и аварийного жилищного фонда» выделено 32 млрд. руб., из них 60% бюджетные средства, 40% — внебюджетные.

Вдумайтесь в эти величины — всерьез ли это? Можно ли за 1 млрд. долларов построить 80 млн. кв. м жилья для замены ветхого? По средним ценам в РФ можно построить лишь 2 млн. кв. м. Как это понимать? Ведь масштабы проблемы и выделяемые средства совершенно несоизмеримы. Может, власть будет строить не дома, а бараки?

9 — 11 февраля 2004 г. Госстрой России, Министерство жилищного строительства и городского развития США (!) и Всемирный банк провели в г. Дубна международный семинар «Жилищное финансирование, ипотечное жилищное кредитование». Выступали тогдашние вице-премьер В. Яковлев, председатель Госстроя Н. Кошман, замминистра экономики А. Дворкович.

---

¹ Надо заметить, что вопреки и сообщениям должностных лиц, и здравому смыслу в ежегодниках Госкомстата объем ветхого и аварийного жилого фонда перестал расти и в 2002 г. определен в те же 3,1% от общего жилого фонда, что и в 2001 г. Видимо, Госкомстат каким-то чудесным образом усовершенствовал методику измерения, хотя в методологических пояснениях об этом ничего не говорится.

Главный доклад сделал зампред Госстроя В. Пономарев. В пресс-релизе высоких организаторов семинара сказано, что в РФ «ветхий и аварийный фонд ежегодно растет на 40%». Рост на 40% в год — прикиньте, сколько это будет в 2010 г.!

И ведь такая несоизмеримость — по всем городам РФ. Вот вести с мест. «Аварийный жилфонд Самары 135,2 тыс. кв. м. В результате реализации программы (к концу 2010 года) будет ликвидировано 23,2 тыс. кв. м аварийного жилфонда». Что же это за программа? Ликвидируют 1/6 часть от уровня 2000 г., а за это время аварийный фонд еще вырастет в несколько раз. Вот Саратов: ветхий и аварийный жилфонд 1,5 млн. кв. м. На программу расселения выделено 7,6 млн. руб. По данным мэрии, «чтобы решить проблему «падающих домов», необходимо 380 — 420 млн. руб. в год». Так проблему надо решить или не надо? Ведь выделена 1/50 доля необходимых средств! Разве это можно назвать «государственной программой»?

И что поражает? То, что министры сами называют эти несуразные, несовместимые величины — и хоть бы что! Как будто говорят самые обычные, разумные вещи. А журналисты эти вещи с умным видом записывают в свои блокноты или на видеопленку — и тоже хоть бы что, пускают их в прессу или в эфир опять же как разумные вещи! А люди точно так же читают или смотрят — и не замечают этой несуразницы. Да как же может Россия уцелеть при таком состоянии умов!

Известно, что дома требуют ремонта, а без него становятся «ветхими и аварийными». На ремонт денег не выделяют. Пресса бесстрастно сообщает, что 13.11.2003 г. на Всероссийском совещании председатель Госстроя Н. Кошман отметил, что «при нормативной потребности в капитальном ремонте 4 — 5% за год в Ульяновской области отремонтировано лишь 0,04% государственного и муниципального жилищного фонда, в Удмуртской Республике, Алтайском крае, Кировской и Самарской областях — 0,1%, в Сахалинской и Ярославской областях — 0,2%». На что же рассчитывает государство «Российская Федерация»? Ведь оно явно не способно управиться с собственным хозяйством — и подвергает риску жизнь миллионов граждан. А что дальше?

Сам Н. Кошман говорит, что «задержка с проведением реконструкции еще на 10 — 15 лет приведет к сносу в некоторых городах России до 20% существующей жилой застройки». И это нам говорит министр, несущий ответственность за этот самый ремонт! А куда денутся 20% жителей, дома которых будут снесены? Ведь это сценарий техносферной войны, которую правительство ведет против населения.

Очевидно, что эта проблема по-разному ложится на плечи

разных социальных групп — здесь идет не такое видимое, но более глубокое расслоение народа, чем по доходам. Приходит в негодность жилой фонд обедневшей части, а новые квартиры покупают исключительно представители зажиточного меньшинства. Это разделение абсолютно.

Как же представляют власти переселение людей из аварийных домов? Вот сообщение прессы: «В Госстрое готовятся предложения, направленные на ускорение темпов переселения. Смысл предложений в том, чтобы очередники, живущие в ветхих домах, получали новое жилье только в обмен на старое и с доплатой. «Доплатить придется разницу между стоимостью старой квартиры и новой», — пояснил замглавы Госстроя Леонид Чернышев. В Госстрое уверены, что население способно расплатиться за новые квартиры. «В Минтруде посчитали, что у половины семей есть автомобиль и иностранная бытовая техника», — говорит Чернышев.

Как хотите, но это или издевательство, или идиотизм. Известно, что хуже. Ведь логика бредовая с начала до конца. У моего соседа есть автомобиль — значит, я могу расплатиться за новую квартиру! Если у соседа есть автомобиль и импортный пылесос, из этого не следует, что даже и он сам может заплатить за квартиру, ибо автомобилю его красная цена 500 долларов, а квартире — 50 тысяч, то есть она в 100 раз дороже его «жигуленка».

Вернемся теперь к тому совету, что дал жильцам ветхих домов президент, — использовать ипотечное кредитование, то есть строить жилье за свой счет, взяв в банке кредит под залог квартиры. Адекватный ли это ответ? Нет, он нереалистичен — в нем содержится острая несоизмеримость. Нельзя за счет ипотеки мобилизовать средства, соизмеримые масштабам проблемы. Таких денег и у банков нет.

К тому же в ветхих домах проживают бедняки, которым банки кредита не дают. Вот сводка с совещания, проведенного под руководством В. Яковлева: «Сейчас денег у населения нет, а ипотечные кредиты получить не так просто. Нужен весьма приличный легальный ежемесячный доход (от 800 — 1000 долларов), от которого прямо зависит размер предоставляемого кредита. Проценты высоки — 10 — 15% годовых, и процедура оформления не так-то проста. Банки не дают ипотечные кредиты на начальной стадии строительства — ведь предмета залога не существует». Доход на члена семьи 800 — 1000 долл. в месяц — вот кому доступна ипотека. Но такие люди не живут в ветхих домах. А те, кто живет, имеют доход 50 долл. на человека — в лучшем случае! Кому советует В. В. Путин брать ипотечный кредит в банке?

Понимают ли это министры В. В. Путина? Понимают —

только ясно выразить бояться. Вчитайтесь в сумбурное и лишенное логики, но в главном верное высказывание Н. Кошмана в бытность председателем Госстроя РФ (08.04.2003): «Что касается социального жилья, то у нас есть программа «Жилище»... Но мы не можем вытянуть всю лавину, потому что идет старение жилья. Например, в этом году в состояние ветхого и аварийного жилья перешло 22 миллиона квадратных метров, то есть 7 миллионов мы как бы компенсировали, а еще 15 осталось... Поэтому вопрос будущего — это ипотечное строительство... Но как быть с самым многочисленным слоем бюджетников — учителями, врачами, пенсионерами, имеющими строго фиксированную ставку, которые не осилят первоначальный взнос в размере 30%?.. В этом году мы должны запустить ипотеку, потому что год не решаем проблему, а за это время стареют котельная, трубы, оборудование, все, что необходимо для развития ипотеки, — поэтому мы усложняем положение, затягивая процесс. А через год-два вообще все может рухнуть, это реальность».

Что здесь главное? Прежде всего ход старения жилья, который Н. Кошман определил словом *лавина*. Далее министр признает, что «самый многочисленный слой» не осилит *даже первый взнос*. И какой же вывод? Вывод такой, что «мы должны запустить ипотеку» срочно, *уже в этом году*, потому что «через год-два вообще все может рухнуть». И после этих шизофренических заклиний министра нам говорят, что экономика РФ находится в расцвете и ВВП вот-вот подскочит вдвое. Что же тогда означает выражение «через год-два вообще все может рухнуть, это реальность»?

Вера в «невидимую руку ипотеки» достигла уровня религиозного фанатизма. Газеты в мае 2004 г. сообщают: «Ошибка! Не указано имя закладки. Как минимум треть граждан России к 2010 году сможет купить квартиру за счет собственных накоплений и с помощью жилищных кредитов», — сказал в четверг журналистам заместитель руководителя фракции Госдумы «Единая Россия» Пехтин». Как это понимать? Ведь это бессмыслица! Треть граждан РФ с семьями — около 50 млн. человек. В среднем сейчас на душу приходится 20 кв. м жилья. Можно ли представить себе; что в 2010 г. на руках у трети населения РФ будет свободных денег на покупку 1 млрд. кв. м жилплощади? Ведь даже по нынешним ценам это стоит под триллион долларов! Какие накопления, какие кредиты! Человек сообщает, что он говорит? Ни в одной стране никогда не было и не будет ситуации, когда «как минимум» (!) треть населения могла бы купить квартиру.

В представлениях о проблеме ветхого и аварийного жилищного фонда у В. В. Путина, его министров и депутатов имеет

место острая несоизмеримость между масштабом угрозы и теми мерами, которые они собираются ей противопоставить. Но и в предыдущем «телефонном разговоре с народом», в декабре 2002 г., В. В. Путину тоже были заданы вопросы о положении в ЖКХ. Вот примечательный разговор:

«*Вопрос:* Здравствуйте. Меня зовут Лисатов Александр. Я из города Асбеста Свердловской области... У меня вопрос по реформе ЖКХ».

В. В. Путин: Действительно, мы очень много и часто говорим о необходимости проведения реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а сдвигов пока нет, и реформа вроде бы не идет. И это тоже правда, и я скажу почему. Потому что невозможно было до сих пор вообще ничего проводить, имея в виду, что федеральные и другие государственные структуры задолжали в систему ЖКХ астрономическую сумму — 25 миллиардов рублей. И что же можно говорить, о какой реформе, если в системе нет денег? Необходимо было расчистить эти финансовые завалы...»

Рассмотрим это количественное представление о величине проблемы: «*Федеральные и другие государственные структуры задолжали в систему ЖКХ астрономическую сумму — 25 миллиардов рублей*». Вывод таков, что если эти «финансовые завалы» будут расчищены, то дело пойдет, положение в ЖКХ нормализуется.

Это утверждение абсолютно несоизмеримо с масштабами проблемы. Президент как бы походя отмечает ту меру, которая зафиксирована специалистами и чиновниками, никем не ставилась под сомнение и является, по сути, главным предметом обсуждений. Какие 25 млрд. рублей (0,84 млрд. долларов)? Это просто мелочь по сравнению с действительным долгом государства перед жилищно-коммунальным хозяйством страны!

Главный долг — амортизационные отчисления за 12 лет, которые были изъяты из ЖКХ правительствами от Гайдара до Касьянова и которые составляют ту сумму, что надо вложить теперь для приведения ЖКХ в минимально стабильное состояние. Эти деньги «федеральные и другие государственные структуры» должны были все 12 лет регулярно тратить на ремонт и поддержание основных фондов ЖКХ, но они эти деньги забирали для других целей (не будем уж говорить о том, куда эти деньги уплыли). Какова же эта сумма?

1 апреля 2003 г. в прессе прошло сообщение, в котором эта сумма была названа: «Коммунальной катастрофой назвал сегодняшнее положение в жилищно-коммунальном хозяйстве страны заместитель председателя Госстроя России Леонид Чернышев на открытии заседания коллегии Госстроя России... Чтобы как-то исправить ситуацию, пояснил Л. Чернышев, необходимы фи-

нансовые вложения в сумме 4,5 — 5 триллионов рублей». Вот сколько задолжало государство перед ЖКХ — 5 триллионов рублей (165 млрд. долларов)! Это действительно «астрономическая сумма», она в 200 раз превышает ту, которую назвал В. В. Путин. Замечу, что термин «как-то исправить ситуацию», что оценивается в 4,5—5 триллионов рублей, еще вовсе не означает того удовлетворительного стабильного состояния ЖКХ, которое, полагаю, имел в виду Александр Лисатов из города Асбест.

На чьи же плечи возлагает власть задачу отвести от России угрозу краха ЖКХ? В принятом в 2003 г. законе на это дается ясный ответ — на плечи самого населения «при государственной поддержке неимущим». Смысл закона в том, что вместо государственных дотаций отрасли вводятся адресные субсидии неплатежеспособным гражданам. Как же видятся в правительстве масштабы этой будущей поддержки — учитывая, что «как-то исправить ситуацию» стоит 5 триллионов рублей?

Тот же Л. Чернышев говорит: «По нашим подсчетам, тех средств, которые сейчас выделяются из консолидированного бюджета, с лихвой хватит на то, чтобы модернизировать сетевое оборудование в городах и населенных пунктах... Если мы эти деньги отправим адресно через потребителя, а не безадресно в копилку неизвестно куда».

Какие же суммы имел в виду Л. Чернышев, говоря, что их «с лихвой хватит»? Сколько рублей пройдет «адресно через потребителя»? С одной стороны, это, выражаясь его собственными словами, «те средства, которые сейчас выделяются из консолидированного бюджета» — то есть 123 — 127 млрд. руб. в год. Как понимать всю эту галиматью? Сегодня он называет сумму 4,5 — 5 триллионов рублей, только «чтобы как-то исправить ситуацию». Завтра говорит, что с лихвой хватит 123 млрд. руб. — хотя известно, что только неотложная замена полностью изношенных участков теплосетей обойдется в 45 млрд. долларов, или в 1350 млрд. рублей!

А с другой стороны, оказывается, и это неверно, 123 млрд. руб. отменяются — Л. Чернышев поясняет, что теперь, согласно новому закону о реформе ЖКХ, все субсидии составят 20,5 млрд. руб. — но зато «адресно». И на эти деньги жители должны организовать «обновление основных фондов». Давайте вчитаемся в сбивчивое объяснение позиции правительства, данное заместителем председателя Госстроя: «Уже в этом законе и в бюджете 2003 года были предусмотрены 20,5 млрд. рублей как раз на то, чтобы софинансировать низкодходные категории населения. Причем федеральный бюджет через систему федерального каз-

начейства будет передавать эти деньги гражданам... Тот, кто нуждается, будет получать деньги на персонифицированный счет».

Далее Л. Чернышев в том же самом интервью говорит: «Я должен сказать, что... в пределах 120 — 127 млрд. рублей ежегодно из консолидированного бюджета в ЖКХ отправляется денег, и сейчас отправляется. Но эти деньги идут как дотации предприятиям ЖКХ, естественно, не имеют никакой адресности, ничего. В результате они, естественно, используются так, как на душу положит этому предприятию. Т.е. задача реформы в том, чтобы деньги отдать гражданину, тому, кто нуждается в субсидии. Отдать эти деньги человеку, и чтобы он заплатил полным рублем с учетом государственной поддержки».

Нынешние чиновники высокого ранга изъясняются странно, и за мыслью их уследить непросто. Почему деньги, идущие «как дотации предприятиям ЖКХ, естественно, не имеют никакой адресности, ничего»? Почему это *естественно* и как деньги могут *«не иметь ничего»*, тем более «никакой адресности»? Наше правительство — это коллективный Ванька Жуков, посылающий денежный перевод «на деревню дедушке»? И почему деньги, посланные без адреса, все же попадают предприятию, а уж оно, естественно, тратит их «как на душу положит»? Что за чертовщина, господа реформаторы?

Но это лирика, а суть в том, что, согласно разъяснениям чиновника, население, получив от госбюджета адресные субсидии, должно будет, чтобы «модернизировать сетевое оборудование в городах и населенных пунктах» и вообще обновить основные фонды ЖКХ, расплатиться с долгами и еще внести 4 — 5 триллионов рублей для приведения всей системы в минимально приемлемое состояние.

Да правительство просто издевается над людьми! В каком-то смысле поделом — ведь все это говорится совершенно открыто, но хоть кто-то вник в эти чудовищные несоответствия? Ведь депутаты «Единой России», за которых голосовала и будет голосовать масса очарованных граждан, все до единого проголосовали за этот закон и даже не задали ни Касьянову, ни Кошману вопроса.

Одна вещь сказана этим топ-менеджером ясно: дотации предприятиям ЖКХ при новом порядке *прекращаются*. Эти деньги пойдут теперь прямо гражданам, «чтобы они заплатили полным рублем». Но почему же эти деньги при этом так чудовишно ужимаются — было 120 — 127 млрд. рублей ежегодно, а станет около 20 млрд.? Куда вы собираетесь деть остальные 100 млрд. рублей? Скорее всего, рассуждения политиков и приводи-

мые ими цифры плохо вяжутся с реальностью — политики или дурят людей, или сами запутались.

Вот еще момент, связанный с ЖКХ. Отвечая в 2002 г. на вопрос А. Лисатова по телефону, В. В. Путин уделил большое внимание тем льготам, на которые государство тратит деньги. В списке всех проблем ЖКХ президент поставил число «людей, которые пользуются льготами», на *второе* место (после долга государства в 25 млрд. руб.). Он сказал: «Вы знаете, что у нас в стране очень большое количество людей, которые пользуются льготами... Вы даже не представляете, сколько людей пользуются льготами и либо совсем не платят, либо платят только 50 процентов от требуемой суммы в систему ЖКХ. Их — 85 миллионов человек».

В какую копеечку влетают государству эти льготы? Действительно ли 85 миллионов человек в РФ «*либо совсем не платят, либо платят только 50%* от требуемой суммы в систему ЖКХ»?

По данным Госстроя, в 2003 г. из бюджетов разных уровней на *оплату льгот* по жилищно-коммунальным услугам было выделено 13,8 миллиарда рублей. Если разделить эту величину действительно на 85 млн. человек, то выйдет по 13 руб. 53 коп. в месяц. Достаточно это, чтобы «ничего не платить или платить половину»? Несоизмеримость налицо.

А соизмеримы ли эти расходы на льготы с той суммой, которую государство «сэкономило» за 12 лет на содержании ЖКХ (5 триллионов руб.)? Нет, расходы на льготы — величина ничтожно малая, и ставить проблему льгот на второе место при обсуждении угрозы общенационального масштаба не стоило бы...

Вообще, все намерения власти в ее борьбе с разрухой ЖКХ излагаются в сюрреалистическом стиле. Все время возникает подозрение, что власть имитирует сумасшествие, как Гамлет или король Лир (скорее второе). Но ведь именно эта власть и нравится большинству образованных людей! Ее рассуждения этим людям понятны и близки.

Вот какую картину рисует тот же вице-губернатор Петербурга А. Смирнов в своем интервью в связи с тем, что в зимние холода 2003 г. жители включали электронагревательные приборы: «В феврале сразу после окончания морозов мы обсуждали эту проблему. И решили, что «Петроэлектросбыт» вместе с жилищниками проведет инвентаризацию квартир. Там, где потребление электроэнергии соответствует нормативам, — там никаких проблем. Если же потребление выше и мы понимаем, что в доме необходимо менять проводку, придется сказать гражданам, у которых избыток электроприборов, — платите за излишки по повышенному тарифу. За счет этих средств и будет меняться проводка. — *И что же, будут проинвентаризованы все квартиры?* [это во-

прос корреспондента] — Да, все. Ситуация с отключением электроэнергии, пожарами в домах и на подстанциях на контроле у прокуратуры города. Второй раз номер не пройдет. Поэтому ситуацию нужно исправить. Требуемые квартирам киловатты есть на станциях, их нужно просто довести до домов» («СПб. ведомости», 29.03.2003).

Вот тебе и дожили. Свободный рынок, свободный рынок, есть деньги — покупай вволю! В Москве, помнится, нормативы на потребление электрической энергии отменили после войны в 1946 г. Но даже и во время войны никто не ходил по квартирам с инвентаризацией, просто поставили биметаллические предохранители, которые отключались при превышении допустимой нагрузки. А теперь комиссии будут выявлять избыток электроприборов, обойдут *все до одной* квартиры Санкт-Петербурга! Белены объелись наши реформаторы? Впав в рыночную шизофрению, они просто не представляют себе масштабы и стоимость подобных «инициатив». Вместо того чтобы привести в порядок теплоснабжение, что сразу решило бы проблему перегрузки электросетей, они будут бегать по домам выключать каждый лишний нагреватель и драть за него плату «по повышенному тарифу». Как хотите, но такой тупой власти в России еще не видавали. Повидал бы ее Салтыков-Щедрин, сжег бы все свои памфлеты о городе Глупове.

Приведу еще пару примеров из совсем других сфер жизни. Все они структурно схожи и говорят об общем характере явления — о разрушении инструментов меры, позволяющих человеку *почувствовать* (почти «мышечным» сознанием) несоизмеримость величин.

Важным вопросом политики стала в РФ проблема личных сбережений граждан, которые хранились в государственном Сбербанке. Они были незаконно конфискованы правительством Гайдара и превратились в долг государства РФ перед населением (долг, «взятый насильно», причем без процентов). Этой проблемы обойти никак нельзя, и высказывания по ее поводу В. В. Путина красноречивы. Известно, что начата выплата небольших сумм вкладчикам старших возрастов. В телефонном диалоге с народом 18 декабря 2003 г. был задан прямой вопрос: «Каковы сроки погашения и механизмы?»

Вот как ответил на это В. В. Путин: «Общий объем долга перед населением — я хочу обратить на это ваше внимание — 11,5 триллиона рублей... Теперь хочу обратить ваше внимание на темпы и объемы этих выплат... В 2003-м — 20 миллиардов, а в 2004-м мы запланировали 25 миллиардов рублей...»

Итак, долг составляет 11,5 трлн. руб. (это 400 млрд. долл.).

Делая акцент на колоссальном размере суммы долга, В. В. Путин хочет, видимо, сказать, что не должны граждане требовать вернуть им такую уйму денег, это разорит государство. Казалось бы, естественно было здесь же сказать в двух словах, куда же делись эти деньги. Не обмолвившись об этом ни словом, В. В. Путин сообщает, что в 2004 г. государство вернет гражданам 25 млрд. руб. Прямо о сроках погашения долга, что и является сутью вопроса, В. В. Путин не говорит. Но нетрудно применить арифметику и увидеть, что в 2003 г. правительство вернет населению 1/420 от суммы долга. Одну четырехсотую! Это значит, что возращение долга рассчитано на 420 лет (если цены на нефть будут держаться на нынешнем высоком уровне).

Ясно, что суммы выплат совершенно несоизмеримы с величиной долга, так зачем же имитировать ответ, сводить вместе несоизмеримые величины? Почему не объяснить людям реальное состояние дел и не обратиться к их разуму и гражданскому чувству? Ведь, заставляя людей глотать подобные ответы как нечто разумное, власть усугубляет и так очень тяжелые повреждения в массовом сознании.

Подобная же картина — в изложении позиции власти по вопросу о контроле за ценами на главные продукты питания. В. В. Путину 18 декабря задали вопрос о росте цен на хлеб: «В хлебном Ставрополье один килограмм хлеба уже стоит почти 12 рублей». Люди волнуются, и В. В. Путин их успокаивает: «Все-таки мы вынуждены будем пойти на регулирование, во всяком случае, основных цен на основные продукты питания. Что здесь делается? Из федерального бюджета выделяются значительные финансовые ресурсы — 20 миллиардов на поддержку, из республиканских и краевых — 30 миллиардов. Так будем и действовать дальше».

Итак, в РФ «значительные финансовые ресурсы» для сдерживания цен на основные продукты питания — 27 руб. 80 коп. в месяц на человека. Это составляет около 2,4% средних месячных расходов на питание в РФ (на 2002 г.) — наши люди питаются теперь скромно, на 40 долларов в месяц (это в среднем!). Могут ли бюджетные средства такого масштаба сдерживать рост цен? Ни в коей мере, они служат лишь для *имитации* контроля за ценами. Выделяемые государством средства несоизмеримы с масштабами проблемы.

По словам президента, «так будем и действовать дальше». Как же поступают на либеральном Западе? Уже в XVI веке в городах Европы цены жестко контролировала власть, и на это из казны выделялись *соответствующие масштабам проблемы* средства. Политики XVI века не применяли туманных определений типа «значительные финансовые ресурсы», они искали реалис-

тичную меру. Для реалистического сознания выделяемые из бюджета РФ средства являются именно *незначительными*.

Историк Ф. Бродель пишет о контроле за ценами в XVI веке: «Все это было чрезвычайно обременительно, но ни один город не мог избежать подобных тяжелых расходов. В Венеции огромные потери списывались со счетов хлебной палаты, которая должна была, с одной стороны, поощрять крупными выплатами купцов, а с другой — продавать приобретенные таким образом хлеб и муку ниже себестоимости».

Каков же размер государственных дотаций, которые реально воздействуют на ценообразование на рынке продовольствия? В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) это *половина расходов населения на питание*. В США в 2000 г. это составило около 100 млрд. долл. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80% расходов населения на питание. Только при таком участии государства и рынок может быть свободным, и рост цен под контролем. А в РФ эти дотации составляют 2,4% расходов населения на питание — и президент В. В. Путин считает социальные обязательства государства избыточными!

И вот результативность мер по борьбе с бедностью и государственному регулированию цен в РФ — сообщение из Красноярска в феврале 2004 г.: «Из-за недавнего повышения цен на хлеб в Красноярске в отделах соцзащиты, где продают буханки по льготной цене, выстраиваются огромные очереди. К местам продажи хлеба пенсионеры приходят к половине шестого утра».

В качестве заключения к этой главе можно указать, что тяжелая неспособность взвешивать явления видна в обычных рассуждениях о нынешнем экономическом кризисе в РФ. Многие не желают видеть фундаментальных ошибок в доктрине реформы и уповают на чудесный эффект мелких уловок. Спорят о собираемости налогов, о ценах на нефть и получении «природной ренты» с олигархов — и боятся определить порядок величин. Боятся или не могут провести ясное сравнение масштаба этих источников средств с теми потерями, что понесло хозяйство за годы реформы. А ведь эти потери надо возместить. И оказывается, что по сравнению с теми средствами, которые Россия потеряла из-за разрушения производства, все эти источники — крохи.

За 15 лет подорваны основы всей производственной базы страны. Так, в течение целой декады капиталовложения в село были примерно раз в сто меньше, чем были в 1988 г., а ведь то, что вкладывалось тогда, лишь поддерживало производство с небольшим ростом. Утрачивает плодородие почва без удобрений, добыта техника, вырезано более половины скота. За годы рефор-

мы село недополучило почти миллион тракторов. Значит, только чтобы восстановить уровень 80-х годов, нужно порядка 20 млрд. долларов. Только на тракторы! И ведь тогда восстановится база, на которой стояли колхозы, а фермерам, по среднеевропейским нормам, тракторов нужно в десять раз больше. Значит, 200 млрд. долларов потребуется только для создания тракторного парка «западного типа».

А чтобы вернуть удобрения на нашу землю? А восстановить практически ликвидированное высокопородное стадо скота, парк комбайнов и грузовиков? А вновь закупить весь морской флот и возместить обветшавший жилой фонд? А починить трубопроводы, который десять лет не ремонтировались? А вновь построить почти полностью изношенные промышленность и электростанции? Огромные средства надо вложить, чтобы восстановить качество рабочей силы — причем не только обучить большие контингенты молодежи, но и довести питание людей до минимального уровня, которого требует современное производство.

Почему же интеллигентный человек не сделает в уме расчет средств, необходимых для того, чтобы в рамках этой «рыночной экономики» вывести Россию хотя бы на стартовую позицию для экономического роста? На слушаниях в Госдуме в июне 2000 г. обсуждалась возможная стоимость восстановительной программы. Там было сказано: «Для создания современной производственной базы запуска производства потребуется не менее 2 триллионов долл.»¹. То есть 2 трлн. долл. нужны еще не для развития, а лишь для повторного *запуска* хозяйства — как запускают заглохший и заржавевший двигатель. От этой оценки не слишком отличаются и представления правительства. Греф с этой цифрой согласился (лишь маленькую скидку сделал — хватит, мол, 1,5 триллиона).

Экономисты-оптимисты в Госдуме говорят, что хватит 2 трлн. долл. Простой подсчет главных, массивных потерь хозяйства за 10 лет реформы показывает, что такой суммой не обойтись. Так ведь средний интеллигент и оптимистическим расчетам не верит, он впал в оптимизм *аутистический*, он верит в чудеса, как сама юность. Ура, начался рост экономики, все восстановится само собой!

Так оглянемся вокруг. Жизнь ставит важные эксперименты, надо только глядеть. Была такая маленькая страна — ГДР с населением 14 млн. человек. Страна очень развитая: хорошие дороги, новый жилой фонд, прекрасные кадры, высокорентабельное

---

¹ Запись слушаний опубликована в «Российском экономическом журнале» (2000. № 3).

сельское хозяйство, сильная промышленность. Жили здесь сытые немцы примерно так же, как в ФРГ (а кое в чем и получше, если не считать автомобилей и электроники), мяса потребляли 102 кг в год на душу.

Вошла ГДР в ФРГ, и стали в ней перестраивать нерыночную экономику в рыночную. Вот уже пятнадцать лет, как в бюджете Германии ежегодно выделяется около 100 млрд. марок на «рыночную реформу в Восточных землях». Выходит, уже истратили более 1,5 триллиона марок (около 1 триллиона долларов) только на то, чтобы превратить вполне развитое хозяйство в экономику иного типа. И то ничего до сих пор не получилось. Бывшая ГДР осталась огромной депрессивной зоной с высоким уровнем безработицы.

А ведь из ГДР никто не увозил марки на Запад, у них не было пьяницы-канцлера и олигархов, которые утаивают налоги. Во что же обойдется подобная операция в России? К чему кривить душой, эта операция невозможна — просто из-за того, что никаких денег на нее не хватит.

Да и помимо ГДР много красноречивых примеров, которые имеют прямое отношение к оценке перспектив рыночной реформы в России. Приводят нам в пример Венгрию — ведь можно, можно социалистическое хозяйство переделать в благополучную рыночную экономику! Так измерьте цену — можем ли и мы такую же уплатить? К середине 90-х годов внешний долг Венгрии достиг 32 млрд. долларов. На душу населения эта страна имеет самый большой долг в мире¹. Это как если бы у РФ внешний долг составлял 600 млрд. долл. — могли бы мы его когда-нибудь выплатить?

Венгрии это позволено только потому, что это маленькая страна и ее из политических соображений приняли в клуб «цивилизованных стран». А вот Аргентина — самая высокообразованная страна Латинской Америки, населенная выходцами из Европы, имевшая свою атомную и авиакосмическую промышленность и не знавшая не только голода, но даже легкого недоедания. Ее, выламывая руки, заставили после краха СССР принять программу либеральной реформы по той же схеме «Вашингтонского консенсуса», что и Россию. Сегодня она осталась вообще без своей промышленности и банков, вынуждена распродавать земельные угодья, половина населения находится на грани голода — и на ней висит внешний долг в 150 млрд. долл.

Господа и товарищи интеллигенты, надо взвешивать явления верными гириями и не уповать на чудо. Ведь ради этого умения нас как сословие кормили и поили двести лет!

---

¹ СОЦИС. 1996. № 4. С. 95.

Глава 18

КАЧЕСТВЕННАЯ МЕРА

Но есть еще одна важная плоскость, в которой наш разум должен взвешивать явления и давать им оценки — не количественные, а качественные. Судить не в понятиях *«больше—меньше»*, а в понятиях *«лучше — хуже»*. Жизнь наша определяется сложными условиями, и их верно осмыслить без качественной меры, интегрирующей множество показателей, нельзя. И здесь-то удар был нанесен сокрушительный.

Сразу скажу, в чем заключается в этом плане временное поражение нашего сознания. Мы утратили те критерии различения хорошего и плохого, добра и зла, которые выводятся помимо нашей воли из тех свойств нашей земли и нашей культуры, что даны нам судьбой и изменить которые мы не можем. Во всяком случае, не можем изменить быстро. Это тот контекст, вне которого оценка не имеет смысла. Нас соблазнили оценивать явления вне контекста нашей реальной жизни, а взамен нам подсунили критерии или абстрактные, вне времени и пространства, или чужие, выросшие в совсем другой земле. Проще говоря, на вожденном Западе.

Вот предельно грубый, даже гротескный пример. Спросим, какое транспортное средство лучше — телега с лошадью или «Мерседес» последней модели? Конечно, сама резкость сравнения заставит многих задуматься, но боюсь, что даже в этом случае слишком многие ответят с недоумением, что, конечно же, «Мерседес» лучше. Опять же огрубляя, скажу, что уже десять лет и интеллигенция, и массы людей в России рассуждают именно так.

На деле сравнение «Мерседеса» с телегой просто *не имеет смысла*, если критерии оценки вырваны из реального контекста, из тех условий, в которых мы будем использовать вещь. Вне этих условий, вне взаимодействия этой вещи с другими вещами нашего природного и искусственного мира, а также с обществом, частицей которого мы являемся, качество (полезность) вещи и оценить нельзя. Можно лишь зафиксировать отдельные его составляющие, но никак не целое, никак не сказать: «это — лучше». Да, «Мерседес» красиво покрашен, а телега нет, но это частности.

Допустим, нам надо ехать, и джинн ждет приказаний — что нам подать. Тут-то разумный человек и решает, что лучше. И решает, встраивая обе вещи в реальный контекст. Если перед ним асфальтированное шоссе, в кармане тугой кошелек и невдалеке виднеется бензоколонка, то «Мерседес» лучше. А если он ока-

зался где-то в Вологодской области за сто километров от райцентра и бензоколонки, то лучше телега с лошастью. Находиться на проселочной дороге в вологодской глуши, но применять при выборе критерии, уместные в Калифорнии, — это значит, в широком смысле, двигаться к гибели.

Сравнение автомобиля и телеги — метафора. А вот вполне практичный вопрос, который мы должны были решать в уме, когда идеологи перестройки повели агитацию за разгон колхозов: «Что лучше — вологодский колхоз или французская ферма?» — и все в один голос вопят: «Ферма, ферма! Долой колхозы!» Стыдно вспоминать. Ведь эти два уклада сельского хозяйства разнятся, пожалуй, побольше, чем «Мерседес» и телега. Просто никакого подобия между ними нет. Климат и почвы разные, никакого сравнения. Тракторов там 120 на 1000 га, а в колхозе достаточно 11, там асфальтовое шоссе к каждому полю подходит, а у нас одно шоссе на всю область. В середине 80-х годов, когда у нас разыгралась антиколхозная кампания, в ЕЭС давали 1099 долларов бюджетных дотаций на гектар сельскохозяйственных угодий, а у нас село субсидировало город.

В 1984 — 1986 гг. в РСФСР использовалось 218,4 млн. га сельскохозяйственных угодий. Если бы сельское хозяйство РСФСР дотировалось в той же степени, что и в Западной Европе, расходы на дотации из госбюджета составили бы 240 млрд. долларов. А в масштабах СССР, где в 1989 г. в пользовании сельскохозяйственных предприятий и хозяйств находилось 558 млн. га сельхозугодий? По меркам Западной Европы (ЕЭС) величина госбюджетных дотаций должна была бы составить 613 млрд. долларов! Как могла наша интеллигенция поверить сказкам про «огромные дотации колхозам»? А ведь и сейчас верят, что «аграрное лобби» выбивает в Госдуме дотации для поддержания «нерентабельных колхозов». Журналисты, которые распространяют эту ложь, просто мерзавцы — но ведь им верят.

И чем же лучше были западные фермы, с точки зрения нашего горожанина, «на выходе»? С 1985 по 1989 г. средняя себестоимость тонны зерна в колхозах была 95 руб., а фермерская цена тонны пшеницы в 1987/88 г. была во Франции 207, в ФРГ 244, в Англии 210, в Финляндии 482 долл. Доллара! Прикинули бы, сколько стоил бы у нас хлеб, если бы колхозы вдруг заменили фермами.

Потому-то правительству РФ, начавшему обвальную реформу, пришлось оказывать протекционизм зарубежным производителям — против отечественных колхозных крестьян! В 1992 г. правительство Гайдара закупило у российского села 26,1 млн. т зерна по 11,7 тыс. руб. за тонну (что по курсу на 31.12 1992 г. со-

ставляло около 28 долларов), а у западных фермеров — 28,9 млн. т зерна по 143,9 доллара за тонну¹.

Подчеркну, что нарушение способности взвешивать явления — общая беда всей нашей интеллигенции, а вовсе не только ее «либеральной» части. Редко-редко удастся, с огромным трудом, убедить даже товарищей из оппозиции шаг за шагом ответить на вопрос: *чего же мы хотим?* Начинаем загибать пальцы: это хотим, чтобы было так-то, а это так-то. И вскоре оказывается, что люди просто хотят советского *строя жизни*. Именно строя жизни, в главном, а не отдельных деталей «надстройки» — КПСС, номенклатуры. Это все же вещи второго порядка, исправимые. Кстати, как это ни поразительно, список ненавистных или нежелательных явлений и институтов советского строя очень невелик и даже смешон — так ли уж «Единая Россия» приятнее КПСС? Так ли уж нам досаждала советская милиция по сравнению с нынешней, которая стоит на каждом углу с дубинкой или автоматом и выхватывает из толпы молодых людей для проверки документов? Так ли уж нам не нравилась безопасность в метро, в театре, в школе и на рынках, которую обеспечивали райкомы и невидимый КГБ?

Но как только люди сами, с некоторым изумлением, к этому выводу приходят, встает какой-нибудь беззаветный борец с ельцинизмом, чудом уцелевший в Доме Советов, и говорит: «Не желаю!» Как так, почему? Оказывается, он был начальником строительного управления, а инструкции министерства мешали ему выполнить какую-то выгодную работу на стороне. Все правильно, мешали, проклятые. Дверца эта была устроена в нашем доме неудобно. Но ведь дом-то был теплым! Давайте взвесим достоинства и неудобства верными гирями. Нет, невозможно! Пока не восстановим чувство меры, ни о чем договориться не сможем.

В результате в оценке многих общественных явлений наши политики от оппозиции заходят в тупик, испытывают разлад между своими чувствами и «объективной действительностью». И — молчат (похоже, даже внутри себя). А у людей, которые на этих политиков возлагают надежды, возникает ощущение беспомощности. Почему это происходит? Потому, что утратили навыки диалектики, этого чуть изощренного инструмента здравого смысла. Мы перестали мысленно поворачивать проблему и так и эдак, видеть ее в разных условиях, без чего невозможно измерение.

---

¹ Из этого факта видно, что утверждения о неконкурентоспособности колхозов носят чисто идеологический характер и оторваны от реальности. Они не имеют смысла вне социального контекста. Если один товаропроизводитель продает зерно по 28 долларов за тонну, а другой по 143,9 доллара за тонну, то кого мы должны считать более конкурентоспособным?

Как уже говорилось выше, типов ущербности меры много, она касается и *мер неизмеримых явлений* — таких, которые не поддаются выражению в численной форме, хотя мы можем расположить их в ряд «больше—меньше». Один из часто встречающихся и очень важных типов — абсолютизация *добра* и *зла*. Это резко ослабляет способность трезво оценить реальность, потому что в жизни существует конфликт интересов, и нам чаще всего приходится выбирать из двух зол меньшее, а тут уж без верной меры не обойтись.

Верное измерение трудно потому, что мы откатились на очень низкий уровень мышления вообще, и нужно сделать большое усилие, чтобы поправить дело. Нас сумели загнать в мир примитивных и даже ложных понятий. Посмотрите: «экономист и политик» Лившиц на всю страну рассуждает с экрана: «Богатые должны делиться с бедными». И люди это воспринимают в общем нормально. Но это значит опуститься с уровня понятий начала века, доступного тогда для всякого грамотного рабочего, на уровень ребенка-дебила.

Хорошо было сказано в программе Российского телевидения «Вести» 10 февраля 1992 г. после показа жизни бездомной дворняги и холеной борзой: «Только помогая друг другу, элитные — беспородным, богатые — бедным, мы сможем выжить!» Наконец-то интеллектуалы с телевидения после стольких лет тоталитаризма стали истинными демократами!

Из-за того, что у нас кроме понятий добра и зла выпали все реалистичные категории, даже разумные в прошлом люди стали говорить чудовищные вещи — или молчать. Вот в какой-то момент несколько вечеров подряд телевидение жужжало о том счастье, которое привалило русской культуре — принимался закон о меценатстве. Все, кого допустили на экран (Н: Михалков, Э. Быстрицкая и т.п.), аплодировали: наконец-то, какая радость! Депутаты, которые этот закон должны были принимать (в том числе от КПРФ), промолчали. Нечего сказать?

Конечно, Н. Михалков за последние годы показал себя человеком очень невысокой морали, даже удивительно это сочетание художественного таланта с глубинной, нутряной пошлостью. Но нельзя же, чтобы люди только и слышали, что меценатство — *добро* для культуры. Ведь сами же «демократы от культуры» уже затерли этот подленький афоризм: «Кто девушку обедает, тот ее и танцует». Какую русскую культуру будут «танцевать» Абрамович с Кахой Бендукидзе? За какие идеи и образы будут они «обедать» нашего лейб-патриота Михалкова?

Но значит ли это, что сегодня следует отказаться от крох и объедков со стола Абрамовича? Думаю, что нет. Пока что и шерсти

хлок необходим. Но ведь нельзя же не сказать, что меценатство — *зло!* Что это — уродливый способ обеспечения культуры как общественной ценности. Что оно в принципе приемлемо лишь как небольшая добавка к стабильному государственному финансированию. И, уже только сказав это, надо бы объяснить гражданам: нынешний политический режим создал в России такую чрезвычайную ситуацию, что Госдума сочла сегодня меценатство *меньшим злом*. Потому-то депутаты, включая коммунистов, приняли этот закон. Без таких пояснений людям все труднее и труднее понять, что происходит.

Одна из причин беспомощности — как раз общее ослабление способности измерять явления. Все мы размышляем сейчас об экономической разрухе. Есть люди, которые не согласны с тревожными прогнозами. Они спорят со мной, приводят обнадеживающие случаи — там совхоз встал на ноги, там прокатный стан пустили. На личный опыт и «случаи» можно ссылаться, если при этом их «взвешиваешь». Реально признаков выздоровления хозяйства как целого нет. Больших инвестиций нет и не предвидится, колебания уровня производства происходят в диапазоне быстро сужающихся возможностей, идет массовое выбытие основных производственных фондов, а остатки системы НИОКР уже не способны сопровождать простое воспроизводство.

Как раз этого *общего* и не хотят видеть.

Глава 19

РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ «ИНСТРУМЕНТОВ МЕРЫ»

Следующий блок мыслительного аппарата интеллигенции, который был поражен во время перестройки, — это соподчинение взаимосвязанных категорий «параметр — показатель — критерий». Образованные люди, прежде всего научно-техническая интеллигенция, специально обучаются применять эти инструменты и при изучении реальности с количественной мерой, и при решении задач на оптимизацию. В своих областях профессиональной деятельности они эти инструменты применяют умело и строго, но при переходе к рассуждению об общественных процессах и противоречиях они как будто забывают самые элементарные правила.

Любая величина, поддающаяся измерению, является *параметром* системы. Чаще всего, однако, сама по себе эта внешняя, легко познаваемая величина мало что говорит нам об изучаемом

явлении. Вот на гравюре XVIII века толстый китаец, а вот толстый негр-подросток в метро Нью-Йорка. О чем говорит их тучность? Разве одинаков смысл этого параметра в двух разных социальных контекстах?

Параметр становится *показателем*, то есть величиной, которая посредством своей количественной меры показывает нам какое-то скрытое свойство системы («латентную величину»), только в том случае, если мы имеем теорию или эмпирически найденное правило, которое связывает параметр с интересующей нас латентной величиной. Например: «Если температура тела выше 37°C, то это значит, что вы больны, поскольку...»

Имея содержательное знание о социальных системах Китая XVIII века и США XXI века, мы можем сформулировать простейшее теоретическое утверждение: при массовой и постоянной нехватке продовольствия тучность является символом, который свидетельствует о высоком социальном статусе человека; в «обществе потребления», где идеей фикс является отыскание дорогой низкокалорийной пищи, тучность свидетельствует о плохом питании и низком социальном статусе человека. Имея эту теорию, мы можем сказать, что тучность (*параметр*) служит для нас одним из *показателей* социального статуса человека (латентная величина). При этом мы отдаем себе отчет в том, что в обоих случаях одно и то же значение параметра говорит о совершенно разных значениях латентной величины.

В практических руководствах даже подчеркивается, что если исследователь выдает параметр за показатель, не сообщая явно, какую латентную величину он стремится охарактеризовать, и не излагая теорию (или хотя бы гипотезу), которая связывает параметр с латентной величиной, то он нарушает нормы логики. В этом случае рекомендуется не доверять выводам этого исследователя, хотя они случайно и могут оказаться правильными. Принимать такой параметр за показатель нельзя.

Конечно, в некоторых случаях теория или эмпирическое правило стали настолько общеизвестными, что их перестали оговаривать. Благодаря многократному повторению измерений мы верим, что такая теория существует. Многие люди дома измеряют себе и своим близким артериальное кровяное давление, и им уже не важна теория, объясняющая связь между показанием стрелки на шкале манометра и состоянием организма. Они видят стрелку на числе 180 мм — и сразу принимают таблетку и вызывают врача. Но крестьянин из штата Кашмир, который ничего не слышал ни об артериальном давлении, ни о ртутном столбе, никакого вывода из данных измерения сделать не сможет. Никаким показателем для него число 180 не является.

Перестройка привела к тяжелой деградации культуры измерения количественной меры для характеристики общественных явлений, процессов, проектов. Всякая связь между измерением и латентной величиной очень часто утрачена, да о ней и не вспоминают. Общей нормой стала подмена показателя параметром без изложения теории соотношения между ними и даже без определения той скрытой величины, которую хотят выразить при помощи параметра. Это определение чаще всего заменялось намеками и инсинуациями. Мол, сами понимаете...

Например, в интеллигентных кругах общепринятым было (и остается!) мнение, что советская экономическая и политическая система уже потому была абсурдна, что в СССР имелось избыточное количество вооружения. 60 тысяч танков, сами понимаете... Попытки узнать, как из этого параметра (60 000 танков) выводится оценка латентной величины «качество советской системы», всегда отвергались с ходу. Мол, не придуривайся. А ведь даже на первый взгляд видно, что если этот параметр и является индикатором чего-то, то связь эта очень непростая, ее еще искать и искать. Ну, 60 тысяч танков — по одному танку на 5 тыс. человек или на 400 кв. км. Много это или мало? С ходу не скажешь, требуются дополнительные данные и логические умозаключения. Но само это требование отвергалось начисто.

Нарушения в логике при использовании измерений были и остаются столь вопиющими, что трудно бывает даже предположить, что в этих нарушениях первично — обусловленная политическим интересом недобросовестность или интеллектуальная безответственность. Важно, что и то и другое ведет к деградации рациональности.

Так, одним из важных, сильно действующих на чувства интеллигенции мотивов в перестройке было обвинение в неэффективности советской науки. Как довод, против которого ничего не могли возразить даже видные ученые (искренне ли?), использовались два параметра — число Нобелевских премий и средняя частота цитирования работ советских ученых в западных журналах. Мол, премий нашим не дают, цитируют их мало, значит, барахло, а не наука. Эти доводы, кстати, были прямо использованы в политической практике, когда с 1992 г. реформаторы приступили к быстрой ликвидации отечественного научного потенциала. Отсюда, конечно, не следует, что доводы эти ошибочны, так что вернемся от политики к методологии.

Оба широко эксплуатируемых параметра никак не могут служить показателем полезности советской науки для СССР — той страны, где эта наука развивалась и действовала. Даже странно, что это надо объяснять, мне это кажется очевидным.

Нобелевская премия — это, условно говоря, премия за работы, «блестящие во всех отношениях» (мы отвлекаемся от приходящих моментов вроде политического интереса). Такую премию получают ученые, лидирующие в научном направлении, их работы являются вершиной айсберга усилий большой международной бригады. Нобелевская премия — это «майка чемпиона». Большинство советских ученых в принципе не имели ресурсов — ни материальных, ни временных, — чтобы становиться лидерами международных бригад (хотя и такое бывало как исключение). Они делали «просто блестящие» работы и обходились без «майки». Они вообще занимались не гонкой. Решив проблему, они не доводили ее до блеска «во всех отношениях», а шли дальше.

Советская наука, отставая от западной в оснащенности материальными ресурсами на два порядка, обязана была обеспечить минимально необходимым «количеством» научного знания отечественное хозяйство, социальную сферу и оборону. Фактически она должна была обеспечить на критических направлениях *паритет с Западом*. Ориентироваться при этом на получение Нобелевских премий, отшлифовывая результаты до специфических стандартов этих премий, было бы именно постыдным приспособленчеством. Измерять реальную ценность советской науки этими премиями — значит в лучшем случае обнаружить приискорбное непонимание культурного генотипа нашей науки и ее отличия от западной.

Еще больше противоречит знанию о науке и о социодинамике продуктов культуры использование в качестве показателя ценности советской науки сравнительно нового параметра — *цитируемости* публикаций советских авторов. Никаким показателем эта «измеряемая» величина быть не может, и ее наукообразность и правдоподобность никак не могут извинить верхоглядства тех, кто пытается сделать из этих измерений какие-то многозначительные выводы.

Прежде всего, сравнение цитируемости советских и американских авторов не имеет смысла из-за того, что американцы русского языка не знают, как и «языков народов СССР», — как же они могут цитировать их работы? А «Указатель научных ссылок» — американское издание «Science Citation Index» — охватывал очень мало советских журналов в сравнении с американскими, то есть он на 90% отражает не «цитируемость работ ученых страны X», а «цитируемость работ *западными* учеными». Но это даже не главное.

Главное в том, что, когда некто ссылается в своей статье на работу другого ученого, он действует по принципу «все или ничего». Он оценивает ту работу, ссылку на которую помещает в библиографию своей статьи, в 1 балл, а все остальные работы,

которые использовал в своем исследовании, но не может процитировать, — в 0 баллов. Но ценность тех работ, которые он использовал, вовсе не отличается так скачкообразно — или 0, или 1. И выходит, что работа с ценностью, условно говоря, 0,99 балла все равно оценивается как бесполезная, получает 0 баллов. Точно так же, разумеется, и работы ценностью гораздо выше 1 все равно получают 1 балл.

Таким образом, частое цитирование каких-то работ, конечно, говорит о том, что это важные работы, многие западные исследователи их оценили высоко — в 1 балл (и выше), но обратное утверждение неверно. Работы, которые не были процитированы, могут иметь высокую ценность, лишь чуть-чуть не дотягивая до 1 балла. На основании такого параметра ничего нельзя сказать о ценности таких работ — они оказываются в зоне неопределенности¹. А если еще есть дополнительные факторы, которые снижают цитируемость какой-то совокупности авторов, как это и было в отношении советских публикаций, то использование этого параметра в качестве показателя приводит к заведомо ложным оценкам. Причем ошибка будет исключительно грубой. На деле это просто фальсификация, подлог.

Все это, чуть-чуть подумав, разумный человек мог бы понять и сам. Кроме того, уже в конце 70-х годов проблема применимости разных параметров как показателей для оценки научных работ была основательно разобрана в науковедении и довольно широко освещена в популярной литературе. Однако в годы перестройки эти пресловутые «количественные» оценки вновь вытащили наружу — с чисто идеологическими целями. И интеллигенция это проглотила.

Нобелевские премии, цитирование — это, конечно, параметры изощренные, тут, чтобы разобраться, надо хоть немного знать науку и приложить умственное усилие. Но незаконное использование некой «измеримой величины» как *показателя* охватывало все сферы нашей общественной жизни. Вот пара примеров из важной книги «Проблемы экологии России» (М., 1993). В ней подведены итоги идеологического использования экологической информации в годы перестройки. СССР уже разогнан, но постоянно поминается как «империя экологического зла». И какой бы параметр ни был приведен, читатель должен его по-

---

¹ Известны работы, удостоенные впоследствии Нобелевской премии, которые в течение десятка лет не получали во всей мировой литературе, просмотренной SCI, ни одной ссылки (например, работа А. Кормака о поглощении рентгеновских лучей тканями, на базе которой был создан сканирующий рентгеновский томограф — за 9 лет после публикации она получила всего одну ссылку).

нимать как довод в подтверждение того, что «Карфаген должен быть разрушен».

Отв. редактор книги — министр в правительстве Ельцина, «ученый» В. И. Данилов-Данильян, рецензенты Ю. М. Арский и В. М. Неронов. Ради того, чтобы порадовать западного читателя, на английский язык название книги на титульном листе переведено как «Russia in Environmental Crisis» — такова лояльность российского министра.

Отступая чуть в сторону, замечу, что это, похоже, первая претендующая быть научной книга в России, где на русском языке выражены мальтузианские установки. Авторы пишут: «Проблема выживания [человечества] связана с необходимостью сокращения потребления энергии на порядок, а следовательно, и соответствующего уменьшения численности живущих на Земле людей. Задача заключается не в снижении прироста и не в стабилизации населения в будущем, а в его значительном сокращении» (с. 312 — 313). Так что политика нынешнего режима, ведущая к сокращению населения России, отвечает «общечеловеческим интересам» и научно обоснована неолиберальными экологами.

Но это лирика, вернемся к проблеме меры. Вот на с. 178 указанной книги говорится: «Эффективность минеральных удобрений при выращивании урожая в СССР и России исключительно низка». И дается таблица: «Урожай на тонну удобрений в некоторых странах мира в 1986 г.»: США — 18, Китай — 18, Индия — 16, СССР — 8. Не буду спорить с тезисом, он здесь для нас не важен. Важно, что *параметр*, который якобы служит показателем, на котором авторы основывают свой тезис, никаким *показателем* не является. Авторы здесь прибегли к мелкому научному подлогу.

Подумайте сами о структуре параметра «урожай на тонну удобрений». Это дробь от деления веса урожая (скажем, зерна), собранного с одного гектара, на вес внесенных удобрений. Вот сейчас в РФ удобрений вносится в 10 раз меньше, чем в РСФСР, а урожайность составляет 0,6 от прежней. Выходит — ура! Эффективность применения удобрений выросла в 6 раз? Вовсе нет, просто расходуется накопленное за советское время плодородие почвы. А в 1913 г. какая была эффективность? Тогда удобрений вносили в 100 раз меньше, а урожай был только в три раза меньше — значит ли это, что эффективность была в 33 раза выше, чем в 1986 г.?

Нелепо все это. Сама структура параметра такова (удобрение в знаменателе), что он не годится быть показателем *эффективности*, а служит для построения временных рядов в целях определения оптимального количества удобрений в *данных* почвенно-климатических условиях. Специалист по применению удоб-

рений Б. А. Черняков пишет: «По мере увеличения расхода питательных веществ на 1 кг зерна снижается показатель выхода его в расчете на единицу действующего вещества минеральных удобрений. Это явление, парадоксальное лишь на первый взгляд, отмечается в большинстве стран, где применение удобрений росло быстрее, чем урожайность»¹. С 1966 по 1976 г. использование удобрений выросло в мире на 88%, а общий сбор зерна на 35,5%.

То же самое о числителе — разве урожай зависит только от удобрений? При прочих равных условиях информативным параметром был бы *прирост* урожая, полученный в результате внесения удобрений. Эффективность удобрений велика, если в данной зоне прирост урожая значительно превышает затраты на удобрения, даже если этот урожай ниже, чем в Индии. При таком подходе тезис о низкой эффективности применения удобрений в СССР становится весьма сомнительным — урожайность при переходе к агротехнике с удобрениями выросла в СССР в 3 раза. И даже после этого, при относительно высоком базовом уровне урожайности, эффективность использования удобрений в СССР была по сравнению с Индией очень хорошей: отношение «прирост сбора зерна/прирост внесения удобрений» в 1985 — 1987 гг. по сравнению с 1974 — 1976 гг. был равен в СССР 0,15, а в Индии 0,18.

Что же касается Индии, США и т.д., то их сравнение с СССР здесь вообще абсурдно. Почвенно-климатические условия несоизмеримы, а удобрения — лишь один из многих факторов плодородия. Удивляться приходится авторам книги.

А вот на с. 180 те же авторы предлагают другой тезис и в доказательство — количественный «показатель». Они пишут о «крайней неэффективности» лесной промышленности в СССР: «О высоких потерях при переработке древесины свидетельствуют следующие данные: из 1 тыс. м³ древесины в бывшем СССР получали 6,1 т фанеры, 18,9 т древесностружечных плит и 28 т бумаги и картона, а в Финляндии, соответственно, 13,5; 13,5 и 190 т». Это будет покруче логики Н.П.Шмелева!

Вчитайтесь в этот образец экологической мысли. О чем «свидетельствуют эти данные»? На мой взгляд, о деградации рационального мышления. Где логика, эта «полиция нравов интеллигенции»? Ведь если следовать авторам, то в Финляндии «потери при переработке древесины» составляют более 2/3 (если принять удельный вес древесины за 0,7 т/м³). Что за чушь! Куда девалось остальное у рачительных финнов? И при чем здесь фанера? В Шве-

---

¹ Черняков Б. А. США: сельское хозяйство, химизация, экология. М.: Наука, 1991. С. 15.

ции из 1 тыс. м³ древесины получают всего 1,5 т фанеры — так что, там немедленно надо перестройку проводить?

И ведь какая невинная подтасовка — авторы просто взяли список изделий из древесины и выкинули из него главное по объему производство — *пиломатериалы*. В СССР их из 1 тыс. м³ делали 281 м³, а в Финляндии только 150 м³. О чем это говорит? Только о том, что финны специализировались на производстве бумаги. Можно спорить о том, нужно ли нам было столько досок, но это совершенно другой вопрос, авторы же вели речь о *потерях* при переработке древесины. Но разве доски являются «потерями»? Чтобы не искать адекватных данных, служащих разумным показателем этих потерь (если эти потери действительно велики), авторы просто идут на подлог — интеллигентный читатель проглотит. Об этом у нас и речь идет — если бы интеллигентный читатель такие вещи не глотал, то процесс деградации мышления был бы остановлен. А так, показатели вроде «фанеры» — на каждом шагу, причем в академических изданиях.

Наконец, третий элемент триады категорий, необходимых для разумной постановки задачи по достижению любой цели, — *критерий*. Он, подчиняясь цели более высокого порядка, отражает представления о добре и зле, исходя из которых ставится задача. В общем случае можно сказать, что критерий достижения цели есть инструмент, позволяющий при выполнении программы изменений зафиксировать то состояние дел, когда реформатор может сказать «это — хорошо!». Когда Фауст, преобразуя местность и видя плоды трудов, воскликнул: «Мгновенье, ты прекрасно, остановись, стой!», то это значило, что состояние изменяемой системы соответствовало тому критерию прекрасного, что сформулировал для себя Фауст. Не имея критериев оценки, в принципе невозможно рационально программировать свою целенаправленную деятельность.

Неверный критерий означает, как правило, неверную постановку цели, что обычно обнаруживается поздно и нередко с самыми печальными результатами. Во всех культурах этому посвящены многочисленные притчи, сказки и пословицы. В большинстве типичных ситуаций ошибка в выборе критерия оказывается связанной и с ошибочным определением показателя и параметра. Классическим является миф о царе Мидасе, который в награду за услугу попросил для себя у богов чудесного свойства — превращать в золото все то, к чему он прикоснется. Цель была сформулирована неверно, так как неверным был критерий достижения цели — превращение в золото *всего*, к чему прикоснешься. Мидасу пришлось умолять богов лишить его этой чудесной способности — в золото превращались и вода, и пища.

А исходная ошибка крылась в ложной теории связи между

параметром и показателем. Параметр «количество вещества, превращенного в золото» не мог быть показателем достижения разумной цели, таким показателем могло бы быть «количество превращенных в золото некоторых веществ, отобранных Мида-сом». С таким показателем в качестве критерия мог бы служить максимум — «как можно больше».

Культура определения критериев и их взаимосвязи с параметрами и индикаторами была подорвана во время перестройки столь грубо, что и до сих пор не видно признаков ее восстановления. Вернемся к мифу об избыточной вооруженности СССР, который нисколько не поколеблен и сегодня. Считалось, что иметь 60 тыс. танков для СССР — настолько плохо, что этот факт можно принять за показатель очевидного абсурда советской системы. При этом добиться, каким критерием пользуется человек, уверенный в такой оценке, практически никогда не удавалось и не удастся. Но ведь из чего-то должен исходить разумный человек, различая добро и зло. 60 тысяч танков плохо — а сколько хорошо? Интересно, что попытки военных объяснить, из каких критериев исходило советское военное планирование, никакого интереса у интеллигенции не вызывали и не вызывают. Сама категория критерия едва ли не большинству кажется ненужной, надуманной.

Давайте все же вспомним эти объяснения. Генерал-полковник А. Данилевич, бывший заместитель начальника Генерального штаба и один из военачальников, отвечавших за военное планирование, пишет в большой статье в журнале «Проблемы прогнозирования» (1996 г., № 2): «Спрашивают, зачем нам было нужно почти 64 тысячи танков? Мы исходили из того, какой может быть новая война, рассчитывали возможный объем потерь, которые оказались бы несравнимыми с потерями во Второй мировой войне: в 2 — 4 раза, а то и в десятки раз больше. Сравнивали потенциалы восполнения потерь, с одной стороны — США и НАТО, а с другой — СССР и ОВД. Оказывалось, что американцы во время войны могли бы не только восполнять потери, но и наращивать состав вооруженных сил. К концу первого года войны они имели бы возможность выпускать вдвое больше танков. Наша же промышленность, как показывают расчеты возможных потерь (вычислялись с помощью ЭВМ, проверялись на полигонах), не только не могла бы наращивать состав вооружения, но была бы не в состоянии даже поддерживать существовавший уровень. И через год войны соотношение составило бы 1:5 не в нашу пользу. При краткосрочной войне мы успели бы решить задачи, стоящие перед нами. А если долгосрочная война? Мы же не хотели повторения ситуации 1941 года. Как можно было выйти из сложившегося положения? Создавая по-

вышенные запасы вооружения, т.е. такие, которые превосходили бы их количество, требуемое в начале войны, и позволяли бы в ходе ее продолжать снабжать ими армию в необходимых размерах».

Это объяснение на случай войны, которая с очень большой вероятностью велась бы без применения ядерного оружия. Однако бронетанковые силы служили и фактором устрашения, сдерживания НАТО. Иными словами, были средством предотвращения войны. А. Данилевич поясняет: «Американцы считали, что благодаря танкам мы способны пройти всю Европу до Ла-Манша за десять дней, и это сдерживало их». На мой взгляд, оба эти суждения являются разумными. Возможно, они ошибочны, но эта ошибка отнюдь не очевидна. Чтобы ее выявить, требуется привлечь фактические данные и логические аргументы как минимум такой же силы. Но ведь никто этих данных не привлекал и на дефекты в логике военных не указывал.

Устранение самой категории критерия из рассуждений на политические и экономические темы стало характерно как для элиты наших реформаторов, так и для широких кругов интеллигенции. В результате применение меры потеряло всякие разумные очертания.

Во время перестройки социологи вели в разных слоях населения исследования с целью выяснить их представления о том, что они принимают за критерий поворота к лучшему. В среде интеллигенции на первом месте стоял критерий «прилавки, полные продуктов»¹. Точнее, критерием было «максимальное наполнение прилавков продуктами», а количество продуктов на прилавках — параметром и показателем. Неадекватность критерия настолько очевидна, что этот выбор поражает, воспринимается как анекдот. Теоретические построения, связывающие параметр и показатель, достойны Буратино.

Причем Буратино очень злого, ведь «прилавки, полные продуктов» в любой, самой богатой стране могут существовать только в том случае, если для значительной части населения продукты становятся недоступными — люди не могут переместить их с прилавков на свой обеденный стол. Только потому эти продукты и остаются на прилавках. Но в СССР, где, как считала интеллигенция, колхозы производили слишком мало продуктов, изобилие на прилавках отодвигало бы от продуктов слишком уж большую часть населения. Более того, при этом был риск запустить и процесс разрушения производства. Так оно и получилось — и

---

¹ Конечно, в наборе предложенных критериев отражается прежде всего мышление самих социологов — они загоняли сознание опрашиваемых в явно неадекватные реальным целям людей рамки. И все же, все же... Интеллигенция из всех возможных выбрала самый наивный.

катастрофы мы не видим только потому, что 80% продуктов на тех прилавках, около которых трется основная масса интеллигенции, импортируется в РФ за нефть и газ.

Утрата «чувства вектора», то есть понимания фундаментальной важности выбора *направления* по сравнению со скалярными параметрами движения (*быстрее, экономичнее* и т.п.), привела к удивительно поверхностному выбору критериев. Например, по отношению к политикам едва ли не главной похвалой стало — *компетентный!* Разве это может быть критерием? Компетентность — скалярная величина, это способность хорошо делать порученное дело, а уж какое это дело (вектор), в чьих оно интересах — совсем другой вопрос.

Больше скажу: если дело нам во вред, то желательно, чтобы исполнитель его был некомпетентным. Если, например, меня преследует убийца, я бы предпочел, чтобы это был косорукий балбес, а не профессионал. Так что признак компетентности надо брать со знаком «плюс» только после того, как мы убедились, что политик будет действовать на пользу именно нам, а не тем, кто потрошит наши карманы и высасывает кровь. Вообще, на вопрос о том, кому можно верить в власть, вряд ли есть лучший ответ, чем дал Сталин: «Тому, кто очень сильно любит свой народ». Это фундаментальный показатель, а все остальное — вторично, менее важно, будет дополнено помощниками.

Та мысль верна и сегодня. Просто народ разделился, образовались какие-то маленькие временные народцы (например, «новые русские»). И задача каждого из нас на выборах — понять, к какому народу ты принадлежишь сам и любит ли кандидат именно этот «твой» народ. Вот тут и требуется ответить на главные вопросы (кто мы? откуда? куда идем?).

Но еще более красноречивым признаком дерационализации сознания интеллигенции, нежели выбор ложных критериев, стал демонстративный отказ от определения каких бы то ни было критериев. Спрашивать о показателях и критериях считалось почти неприличным. Вот, например, Н. Шмелев и В. Попов пишут в не раз уже цитированной книге о советском сельском хозяйстве: «Второй по численности в мире парк тракторов используется хуже, чем где-либо: из почти 3 млн. тракторов только по причине технической неисправности не эксплуатируется 250 тысяч» (с. 158).

Ну и что? Что здесь является показателем, какой критерий? Да, 8% тракторов находятся в ремонте — много это или мало, хорошо это или плохо? Авторы намекают, что это плохо (много или мало, непонятно). Откуда это следует? Сколько должно находиться в ремонте в идеальном случае? Почему? Сам выбор параметра, который служит неявным доводом, смысла не имеет.

Он никак не связан с той функцией, о которой идет речь, — функцией, которую выполняет трактор в системе сельского хозяйства. Почему авторы выбирают такой странный параметр? Потому, что если бы они взяли разумный показатель — число гектаров пашни, которую в СССР обрабатывал один трактор, то эффективность его использования пришлось бы оценить как поразительно высокую. Ибо в СССР один трактор обрабатывал площадь, в 10 раз большую, чем в Западной Европе. Хотя такая высокая эффективность использования тракторного парка, возможно, приводила к снижению эффективности других подсистем, так что число тракторов выгоднее было бы увеличить, но это уже совсем другой вопрос.

Того же типа махинацию с критериями производят Н. Шмелев и В. Попов в другом пассаже: «В сельском хозяйстве тракторов и комбайнов на целую треть больше, чем трактористов и комбайнеров, а грузовиков — на 20% больше, чем водителей» (с. 187).

Смысл этого обвинения ясен — в колхозах и совхозах якобы был большой избыток машин, которыми завалила без надобности село тупая плановая система. Но сначала взглянем на фактическую сторону дела. В действительности в 1986 г. в сельском хозяйстве СССР работали 1,6 млн. водителей, а парк грузовых автомобилей составлял 1,3 млн. штук. Персональных легковых машин в колхозах было немного, так что водителей было заведомо больше, чем грузовиков (из которых к тому же некоторая часть находилась в ремонте). Никакого 20%-ного избытка грузовиков не было, а была их нехватка по отношению к числу водителей.

Трактористов и комбайнеров в 1986 г. было занято в сельском хозяйстве 3 млн., а парк тракторов и комбайнов составлял 3,6 млн. Поскольку около 10% этих машин находилось в нерабочем состоянии (в ремонте и др.), то между парком и составом персонала был баланс — ни о каком излишке в миллион тракторов и комбайнов («на треть больше») и речи не могло быть.

Таким образом, утверждение, будто в сельском хозяйстве СССР машин было на треть больше, чем соответствующих работников-механизаторов, является ложным фактически. Теперь по сути. Даже если бы машин было больше, чем трактористов, комбайнеров и водителей, разве это являлось бы свидетельством какой-то бесхозяйственности, присущей плановой системе? Какова логика этого попрека?

Например, зерноуборочный комбайн используется всего 3 недели в году — что же должен делать в остальное время комбайнер? Он, уделив часть времени ремонту и наладке комбайна, работает на тракторе, силосоуборочном комбайне, сенокосилке и т.д. То есть машин и должно быть *больше*, чем механизаторов. Где тут «дефект плановой системы»?

Примечательно, что к этому своему аргументу против плановой системы Н. Шмелев и В. Попов почему-то не пристегнули сравнение с США, взятыми ими за образец экономности. Сколько же там приходится машин на одного работника? Открываем справочник «Современные Соединенные Штаты Америки» (М., 1988) и на стр. 185 читаем: «На каждого постоянного работника [в сельском хозяйстве] в США приходится 1,3 трактора и почти по одному грузовому автомобилю». Итак, не на одного *механизатора* (тракториста или водителя), а на одного работника в среднем — 2,3 машины. Что же наши экономисты не проклинаят фермеров США за такую бесхозяйственность?

Еще радикальнее разделяются либеральные интеллектуалы с критериями оценки хода реформы. В конце 1993 г. на международном симпозиуме в Москве сотрудник Е. Гайдара по Институту экономики переходного периода пытался убедить публику, что «реформа Гайдара» увенчалась успехом. Понятно, что это было непросто, изложение поневоле было очень туманным, и последовал вопрос: «Вадим Викторович, в прессе и в научных дискуссиях приходится сталкиваться с различными, подчас противоположными суждениями об эффективности реформ, проводимых «командой Гайдара». Одни, в том числе и вы, подчеркивают их успешность, другие говорят о полном провале. На основе каких критериев вы и ваши единомышленники судите об успехе реформ? В каком случае или при какой ситуации вы констатировали бы успехи реформ, а при какой согласились бы, что они провалились?»

Ответ этого «либерального экономиста» замечательно красноречив. Он сказал: «Я не сталкивался с критериями оценки реформ. Какое-то время я занимался методологией оценок, в частности критерием оптимальности народного хозяйства, исследовал этот вопрос, и, на мой взгляд, не существует объективных критериев оценки реформ, существуют лишь некоторые субъективные критерии»¹.

Итак, «ученый» из НИИ, созданного специально для изучения хода реформ, «не сталкивался с критериями оценки реформ». В это было бы невозможно поверить, если бы сам он не сказал совершенно определенно. Реформаторы якобы даже не задумывались над тем, хорошо ли то, что они делают, в чьих интересах то, что они делают, получается ли у них именно то, что они предполагали, или нечто совсем иное. По большей части верить в это не следует — интеллектуальная бригада этих реформа-

---

¹ Иванов В. В. Теория и реальность осуществляемых реформ // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С. 7 — 13.

торов состояла в основном из циничных бессовестных заправил, но для ширмы они держали и совершенных глупцов. Не о них речь, а о том, что это было именно «реальностью реформ» — интеллигенция, аплодируя Ельцину и Гайдару, голосуя за Путина и Слиску, не только сама не потребовала объявить критерий, по которому можно было бы судить и о замысле реформы, и о том, как сказываются ее результаты на разных сторонах жизни, — в сознании интеллигенции было полное равнодушие к инструментарию реформаторов, вот что страшно. Как могло такое произойти?

Кстати, В. В. Иванов не ответил на абсолютно прямо поставленный вопрос, а начал юлить. Его же не спрашивали о том, каков «объективный критерий оценки реформ». Его совершенно четко спросили, каков именно *его*, сотрудника Гайдара, *субъективный* критерий? На основе каких критериев именно Иванов и Гайдар судят об успехе реформ? О каком «демократическом выборе» или сознательной поддержке реформы вообще можно говорить, если разработчики самой ее доктрины отказываются сообщить критерий эффективности, из которого они исходят? Это и есть провал рациональности.

Экономист-эмигрант И. Бирман в своем докладе даже уделил этому эпизоду особое внимание. Он сказал о типе мышления реформаторов команды Гайдара: «Он и его команда гордились тем, что они никогда не были ни на одном предприятии. А недавно люди, стоящие у власти, позволили себе сказать, что они никому не объясняли, что они делали, потому что их бы не поняли. Это заявление руководителя правительства. Для меня, уже много лет живущего на Западе, это ужасное заявление. После этого человеку надо немедленно уходить в отставку. И, пожалуй, закончить характеристику этой команды можно, коснувшись только что сказанного здесь. Человек, который защищал здесь эту политику, — коллега Иванов, специалист, как он сам нам объяснил, по критерию оптимальности, — отказался охарактеризовать меру эффективности этой реформы. Надо ли к этому что-либо добавлять?»¹

Во многих случаях уход от выработки критерия, согласно которому ищется лучшая (или хотя бы хорошая) комбинация переменных, скрывает под собой очень тяжелое нарушение рациональности — неспособность к целеполаганию, утрату цели, невыка ее сформулировать. Мы идем неизвестно куда, но придем быстрее других!

---

¹ Бирман И. (США). Взгляд на российскую экономику с Запада // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С. 44 — 46.

Конечно, эта странная патология сознания обычно служит лишь ширмой для тех групп, которые очень хорошо понимают свой интерес, но не могут его обнародовать — их цели преступны или предосудительны, и они вынуждены наводить тень на плетень, притворяясь дурачками. Беда в том, что довольно большие отряды интеллигенции соглашаются служить для них прикрытием, действительно не понимая вектора изменений и искренне веря, будто за рычагами машины реформ сидят люди, «желающие сделать как лучше».

Глава 20

УТРАТА НАВЫКОВ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА. КГБ: ЧТО ВЫПЛЕСНУЛИ С ГРЯЗНОЙ ВОДОЙ

Нетрудно видеть, что общественные и государственные институты, которые обеспечивают жизнь страны, семьи и личности, имеют довольно сложную структуру и выполняют сложную систему функций. Одни из этих функций очевидны, о них много говорят, другие еле видны, а чтобы понять третьи, надо пошевелить мозгами.

Например, всем ясно, что школа передает детям знания, и вот исходя из этой функции на интеллигентных кухнях любили и любят поговорить о том, как надо перестроить школу — эти, мол, знания нужные, а эти ненужные. Зачем современному юноше знать, как вычисляется $\cos 2x$? Зачем ему знать про амфотерные окислы? Об этих окислах говорят как о чем-то очевидно смешном. Что школа является «генетическим аппаратом» национальной культуры, уже доходит туго. Что школа — важнейший механизм социализации детей и воспроизводит тип общества — вообще не доходит.

В ходе перестройки и реформы значительная часть интеллигенции, особенно элитарной, как будто вдруг утратила способность мысленно увидеть структуру мало-мальски больших систем и те функции, которые призваны выполнять разные их элементы. Вот в журнале «Коммунист», который при Горбачеве очень полюбил обличать советскую систему хозяйства, написано (и перепечатано в установочной книге): «В 1987 г. ремонтом тракторов и сельхозмашин был занят миллион работников с фондом заработной платы 2,3 млрд. руб... Видимо, лучше было бы направить эти средства на модернизацию и техническое переоснащение отрасли, на выпуск более качественных, про-

грессивных машин»¹. [Сообшу для справки, что во всей сфере тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, производства оборудования, тары и инвентаря для сельского хозяйства в СССР были заняты 1,1 млн. работников, их фонд заработной платы составлял 3,2 млрд. руб.]

Казалось бы, какая связь? Одна функция в хозяйстве — конструирование и производство сельскохозяйственной техники и совсем другая функция — ее эксплуатация и ремонт. Как может прийти кому-то в голову ликвидировать *функцию* ремонта и сэкономленные средства передать в машиностроение? Представьте себе, что какой-нибудь академик предложит сегодня ликвидировать все станции технического обслуживания автомобилей — мол, «видимо, лучше было бы направить эти средства на модернизацию и техническое переоснащение ВАЗа». Любой скажет: что за бред, не может быть таких академиков! Но такие академики были и никуда не делись. Они и сегодня правят бал и в общественных науках, и в университетах. И особая историческая задача молодежи — не подцепить у них эту заразную болезнь.

В последнее десятилетие много говорится о реформировании государственных и хозяйственных систем, но очень редко даже из официальных документов можно понять, как это реформирование сказывается именно на выполнении главных функций данной системы. Можно услышать, что система стала демократичнее, что в ней возникла конкурентная среда, что в ней сократилось число структурных подразделений, но составителей этих документов как будто не волнует то, ради чего и существует эта система.

Вот пример. В 2003 г. Министерство обороны РФ опубликовало отчет о ходе военной реформы. Кстати, начинается этот документ с совершенно нелепого идеологического заявления: «За прошедшие после обретения Россией суверенитета годы Российские Вооруженные силы прошли сложный путь».

От кого же Россия обрела суверенитет — от Белоруссии? От Абхазии? А до 1991 г. Россия была их колонией или доминионом? И подобная дикость исходит из Министерства обороны, которое обязано было оберегать целостность державы, но проявило беспомощность. А если теперь от России оторвут не только Казахстан и Украину, но и Приморье, а то и Татарстан, Министерство обороны РФ опять будет радоваться обретению суверенитета от этих территорий?

Дальше следует глубокомысленная фраза: «Фактически Рос-

---

¹ Милосердов В. АПК: проблемы старые и новые // Шаги перестройки. Радикальная экономическая реформа. Истоки, проблемы, решения. М.: Высшая школа, 1990. С. 541.

сийские Вооруженные силы находились в центре процессов формирования новой парадигмы национальной безопасности Российской Федерации». Да, это вам не прежние солдафоны вроде маршалов Жукова или Гречко. Те только и умели врагов колошматить. Они такого слова и выговорить не смогли бы — *парадигма*! И как могут Вооруженные силы находиться «в центре процессов формирования парадигмы», причем не аллегорически, а именно «фактически»? Это поток бессмысленных слов.

Как же в этой новой парадигме видится главная роль Вооруженных сил, как реформа помогла улучшить выполнение этой роли? Вот главный вывод доклада: «В результате принятия законодательных актов, а также формирования полноценной законодательной и судебной власти в России была сформирована система гражданского контроля над Вооруженными силами, что полностью соответствует требованиям демократической политической системы. Несмотря на определенные трудности, удалось добиться создания основ для общественного контроля над деятельностью Вооруженных сил... Сегодня мы можем говорить и о невиданной прежде открытости информации по проблемам военной политики и реформирования армии. Одним из показателей гражданского контроля может служить количество жалоб и исков с учетом арбитражных и общей юрисдикции к Министерству обороны РФ»¹.

Этот бессмысленный набор слов не имеет отношения к главной функции армии. И слова эти ложны даже в рамках бессмыслицы. Какой общественный контроль? Никогда ранее в обозримый период общество не было в такой степени лишено даже информации о том, что творится в Вооруженных силах, в каком состоянии находятся их главные структурные элементы. То, что по каплям просачивается в печать, поражает глубиной разрушительного воздействия реформы.

Вообще, во время перестройки и реформы российская интеллигенция с какой-то наивной, готтентотской безответственностью одобряла разрушение сложнейших структур, являвшихся замечательным творением нашей цивилизации. Причем нередко речь шла и идет о творениях уникальных, содержащих в себе неумовимую духовную компоненту, так что нет уверенности, что эти структуры вообще удастся возродить после их гибели. Процесс этого тупого и бездумного уничтожения сложных систем, которые создавались предыдущими поколениями (причем не только советскими), продолжается и сегодня. Это можно сказать

---

¹ Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации // Красная звезда. 2003. 11 октября.

и о школьной реформе, и о планах расчленения единой железно-дорожной или энергетической системы, и о многих других планах.

Но я для примера возьму два почти крайних случая — *КГБ* (шире — службу государственной безопасности) и *науку*. Разные структуры, разные функции, разные причины ненависти реформаторов к этим системам, но удивительное сходство в реакции интеллигенции, наблюдавшей зрелище уничтожения этих сложных институтов. О *КГБ* выскажу общие соображения и то, что приходилось видеть «невооруженным» глазом, не обращаясь ни к архивам, ни к специальной литературе.

Все мы помним, какому избиению в прессе и с трибун были подвергнуты в годы перестройки все правоохранительные органы, армия и особенно *КГБ*. Кто забыл, пусть полистает подшивки газет и журналов конца 80-х и начала 90-х годов, это чтение освежает голову. Факта наличия в среде нашей либеральной интеллигенции глубокой ненависти к службам госбезопасности отрицать невозможно.

После интенсивной подготовки «общественного мнения» *КГБ* был многократно «реорганизован» и подвергнут серии кадровых чисток — так, что даже сеть работавших на нашу разведку зарубежных агентов выдали контрразведкам Запада. Верхушка реформаторов и ее западные покровители, думаю, действовали вполне разумно — в демонтаже СССР уничтожение армии, МВД и *КГБ* было совершенно необходимой частью программы. Вопрос в том, почему это приветствовала интеллигенция, социальные интересы которой шли вразрез с этой программой.

Ненависть к *КГБ* (НКВД, ГПУ, ВЧК) была сфокусирована на одной функции — *политическом сыске* и борьбе с политическими противниками государства. Но ведь если разумный человек начинает ненавидеть какой-то общественный институт, он неминуемо обязан проделать в уме более или менее сложный структурно-функциональный анализ. Какие функции выполняет этот институт? Какая из них вызывает мою ненависть? Насколько она перевешивает все остальные и что я (общество) потеряю, если этот институт будет уничтожен?

Второй срез такого же анализа — попытка разобраться в своем отношении к выделенной «ненавистной» функции. Она *по сути* противоречит моим интересам — или мне ненавистны те *методы*, которые использует данный институт? Конечно, мало кто думает обо всем этом упорядоченно, но все же и в беспорядочных мыслях эти блоки выделить можно. Что же мы наблюдали во время перестройки в отношении интеллигенции к *КГБ*? Я бы сказал, полное вырождение этой даже простейшей структуры анализа, сведение его к выводу-заклинанию: «Госбезопасность — враг всего светлого и должна быть уничтожена».

Начнем со второго «среза». Понятно, что у большинства людей вызвали естественное отвращение методы, которые использовали репрессивные органы, — пытки и расправы с невиновными. Подчеркну, что это было отвращение именно естественное, а не сознательное. Оно было *внеисторичным*, иначе бы задумались — откуда все это взялось и как бы действовали они лично, служа в ГПУ, но не со своим нынешним сознанием, а как продукт того времени. По вопросу об отношении к пыткам полезно прочесть рассуждения Гринева в «Капитанской дочке» Пушкина.

Но не будем бросать тень на естественное нынче отношение к пыткам, оно есть необходимый продукт развивающейся культуры (очень важно, кстати, его не утратить, тем более что поползновения к его изживанию есть, причем как раз среди идеологов реформы — вспомним крики демократического митинга в июне 1992 г.: «Даешь стадион! Даешь стадион!»). Для нас здесь важен тот факт, что отвращение к методу было явно перенесено на функцию (это называется «канализация стереотипа» — перенесение ненависти на другой объект). Ненавистной стала сама роль органов госбезопасности в борьбе с политическими противниками. Преступной была объявлена сама эта *функция*. И в этом уже виден собой рационального мышления.

Вспомним, как благосклонно приняла интеллигенция тоталитарное, антиправовое и разрушительное для государственности решение об автоматической и поголовной реабилитации всех жертв политических репрессий. Это, кстати, лишило легитимности всю предыдущую деятельность органов госбезопасности и идеологически обосновало их уничтожение. Более того, это, в общем, лишило легитимности и насилие государства при обеспечении своей безопасности. Когда в дополнение к этому в право была введена категория «репрессированные народы», был запущен механизм кровавой войны на Кавказе — попробуйте теперь хотя бы остановить этот маховик. Позиция интеллигенции сыграла во всем этом процессе очень существенную роль.

Насколько иррациональным в тот момент было мышление интеллектуалов, видно хотя бы из того нелепого спектакля, который был разыгран в Президиуме АН СССР — в действительные члены Академии наук был опять торжественно принят Н. И. Бухарин (по-моему, за его восстановление синклит высказался единогласно). Я понимаю, что организация может символически посмертно исключить человека из своих рядов — тут его мнением можно пренебречь, раз коллектив не желает его видеть в своих рядах. Но как можно умершего человека принять в организацию? Ведь для этого требуется его заявление, хотя бы согласие. Откуда видно, что Н. И. Бухарин, исключенный своими кол-

легами из организации, снова жаждет туда попасть? Скорее всего, наоборот. Но эти мысли, которые сразу приходят в голову постороннему, не посетили академиков.

Итак, начиная с «шестидесятников» и достигнув максимума в годы перестройки, в сознании интеллигенции сложилось стойкое отрицание политического сыска и политических репрессий. Расщепление сознания выражается в том, что при этом вовсе не декларировалось еще отрицания советской государственности¹. Тем более не декларировалось перехода на сторону тех государств, которые вели «холодную войну» против СССР. Это позиция иррациональная, поскольку не могло же прийти в голову умным людям, что безопасности советского государства не угрожали политические противники внутри страны — после такой тяжелой Гражданской войны и острой межфракционной борьбы внутри правящей партии.

Как, например, должна была оценивать служба госбезопасности наличие или отсутствие подрывной деятельности, прочитав приведенное ниже признание очень видного ученого, написанное за год с небольшим до начала Второй мировой войны? Это, конечно, признание арестованного, но, проведя мысленный эксперимент, мы можем предположить наличие враждебной политической активности этого человека и когда он был на воле. Вот это собственноручно написанное показание:

«К началу 1937 года мы пришли к выводу, что партия переродилась, что советская власть действует не в интересах трудящихся, а в интересах узкой правящей группы, что в интересах страны свержение существующего правительства и создание в СССР государства, сохраняющего колхозы и государственную собственность на предприятия, но построенного по типу буржуазно-демократических государств».

Почему же был арестован этот человек? Потому, что он со своим другом, организовавшим «Антифашистскую рабочую партию», написал к 1 Мая такую листовку:

«Товарищи!

Великое дело Октябрьской революции подло предано. Страна затоплена потоками крови и грязи. Миллионы невинных людей брошены в тюрьмы, и никто не может знать, когда придет его очередь.

Разве вы не видите, товарищи, что сталинская клика совер-

---

¹ Строго говоря, надо говорить о государственности вообще, поскольку ни одно государство, оформленное как определенный «политический строй», не может не вести борьбы с политическими противниками, которые стремятся этот строй изменить.

шила фашистский переворот? Социализм остался только на страницах окончательно изолгавшихся газет. В своей бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнился с Гитлером и Муссолини. Разрушая ради сохранения своей власти страну, Сталин превращает ее в легкую добычу озверелого немецкого фашизма...

Товарищи, организуйтесь! Не бойтесь палачей из НКВД. Они способны избивать только беззащитных заключенных, ловить ни о чем не подозревающих невинных людей, разворовывать народное имущество и выдумывать нелепые судебные процессы о несуществующих заговорах...

Сталинский фашизм держится только на нашей неорганизованности.

Пролетариат нашей страны, сбросившей власть царя и капиталистов, сумеет сбросить фашистского диктатора и его клику.

Да здравствует 1 Мая — день борьбы за социализм!»

Эта листовка нелогична и наивна, в ней видна преданность авторов делу социализма и полная оторванность от «пролетариата, сбросившего власть капиталистов», но разве можно в стране, которая лихорадочно готовится к большой Отечественной (а не «пролетарской») войне, допускать такие шалости?

Это признание и эту листовку написал профессор Л. Д. Ландау. Из тюрьмы его выпустили довольно быстро (не сняв обвинения!) по ходатайству П.Л.Капицы, так что Л.Д.Ландау успел очень много сделать для науки, стал и академиком, и нобелевским лауреатом.

Когда в годы перестройки СМИ создавали общее представление об абсурдности самого существования госбезопасности, из вышедшей массовым тиражом биографии Ландау эти подробности убрали. Простодушный автор дал стереотипное объяснение и даже назвал фамилию «предателя, в корыстных целях написавшего гнусный донос, будто Ландау — немецкий шпион».

Неизвестно, в корыстных или бескорыстных целях написал это автор биографии, только Бауманский районный народный суд по иску «предателя» обязал автора дать опровержение. Вряд ли многие его прочитали. Но эта история подробно изложена историком науки¹.

Если до начала перестройки наша интеллигенция еще могла, сделав усилие, не верить тому, что политический сыск был необ-

---

¹ Горелик Г. Физики и социализм в архиве КГБ // Свободная мысль. 1992. № 1. Журнал имел тогда тираж 26 000 экз.

ходим для обеспечения безопасности советского государства, то продолжение этой благостойной уверенности в конце 80-х годов уже надо считать следствием сбой в рациональном мышлении. Ведь как только борьбу против «сталинского фашизма» официально декларировали как «дело чести, доблести и героизма», посыпались откровения участников и историков этой героической борьбы.

Да, были, оказывается, заговоры военных, были организации молодых заговорщиков-антисталинистов, а А. Н. Яковлев с юности ненавидел советский строй и карабкался по партийной иерархии, чтобы ему вредить. Но если так, то обязан логически мыслящий человек снять свой старый аргумент о «ненужности» политической функции ГПУ, НКВД и КГБ. А следующим шагом он должен признать, что ненавидит эту функцию госбезопасности потому, что «в ретроспективе» *сам стал врагом СССР* и того государства, за которое его отец погиб на войне. Не хочется это признавать? Значит, надо искать неувязку в логике, налицо некогерентность мышления.

Но перейдем теперь к главной неувязке — к тому, что в отношении к спецслужбам государства произошло сужение сознания, оно сконцентрировалось на одной идее фикс: *КГБ надо уничтожить, потому что он занимался политическим сыском, который был моей стране не нужен*. Допустим, что не нужен. Как из этого тезиса можно прийти к выводу, что надо КГБ уничтожить? Тут явный разрыв логики. Разумный человек мог бы сказать: КГБ надо упразднить, поскольку *все* выполняемые им функции стране не нужны. С этим можно было бы спорить, но это, по крайней мере, не противоречит логике.

Что безопасность государства требует постоянной интенсивной борьбы с очень большим спектром опасностей, в котором деятельность политических противников занимает свое ограниченное место, совершенно очевидно без всяких специальных изысканий. Если покопаться в памяти, то легко вспомнить, что даже в момент революции ВЧК создавалась вовсе не только для борьбы с политическими противниками. Ее первые действия — подавление совершенно аполитичного бунта, разграбления винных складов в Петрограде. Затем важной функцией ВЧК стало пресечение спекуляции акциями российских предприятий — их продавали немцам, поскольку по условиям Брестского мира правительство обязано было выкупать принадлежащие немецким подданным акции, оплачивая их золотом. Эта функция была даже обозначена в названии ВЧК — *Всероссийская*

*чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем*¹.

Нарастание «неполитических» опасностей мы сегодня видим на каждом шагу, но ведь мог образованный человек задуматься о них и раньше, для этого даны ему разум и способность устанавливать причинно-следственные связи.

Вот 24 августа 2002 г. президент В. В. Путин обсуждал с Госсоветом опасность для государства от накатывающего на РФ вала наркомании и транзита наркотиков. Было сказано: «В начале 90-х годов в результате политических потрясений мы просмотрели эту опасность». Как это «просмотрели»? Как можно такую вещь «просмотреть»? Предшественники президента из его «партии» не просмотрели опасность, а сознательно уничтожили ту огромную разветвленную структуру, которая ограждала страну от этой опасности, — подчиненные КГБ пограничные войска, агентурную сеть, информационно-аналитические службы.

Летом того же 2002 г. заговорили и о другой «проблеме государственной безопасности»: появлении в РФ особой массовой социальной группы — *беспризорных подростков*. Прошли конференции, слушания, заявления В. В. Путина, и вот результат — поручение тогдашнему вице-премьеру В. Матвиенко «срочно разрешить эту проблему». Но ведь это постыдная клоунада. Мало того что сам установленный в России общественный строй непрерывно порождает массу обездоленных, которая и выбрасывает на улицу детей и подростков, так что никак Матвиенко устранить объективные причины явления не может. Есть еще и «техническое» препятствие — подорваны те государственные институты, которые только и могли справиться с задачей (опираясь, конечно, на возможности общественного строя).

Сам язык выдает суть дела: если массовая беспризорность есть проблема *государственной безопасности*, то адекватными ей техническими средствами владеют именно органы государственной безопасности, а не вальяжные и велеречивые дамы. Как могли наши интеллигенты забыть, что заниматься проблемой беспризорников после Гражданской войны было поручено ВЧК и ГПУ? Ведь этот факт отражен во множестве книг, фильмов и мифов. Или это было воспринято как каприз Ленина и хобби доброго дядюшки Дзержинского?

Опасность порождает функцию государства, а функция — ответственную структуру. КГБ и был в СССР той сложной

---

¹ Она была задумана прежде всего как орган борьбы с саботажем в связи с готовящейся всеобщей забастовкой служащих правительственных учреждений. Впоследствии слова «и саботажем» в названии комиссии были заменены на «и преступлениями по должности».

структурой, которая покрывала спектр главных *прямых* опасностей для государства и общества. О чем думал наш интеллигент, аплодируя уничтожению КГБ? Считал, что эти опасности, от которых КГБ его довольно надежно защищал, и без всяких там «структур» не достанут его и его детей?

Сейчас эти опасности хлынули на нас как из рога изобилия. Когда структуры КГБ соответствовали спектру опасностей и могли полноценно работать, в принципе невозможно было бы появление на территории СССР дееспособных террористических организаций, существование банд арабских наемников, регулярное похищение людей и продажа больших количеств вооружения, включая зенитные ракетные комплексы, организованным преступным бандам.

Когда нормально действовал КГБ, в такие вещи просто никто не мог бы поверить. В 1977 году какой-то психопат взорвал в Московском метро самодельную бомбу, были мобилизованы службы КГБ, и его нашли — по маленькому обрывку пластиковой сумки.

В 1968 г. в Венесуэле был убит партизан с автоматом Калашникова. Возник международный скандал — обвинили Кубу в поставках оружия партизанам, а СССР в поставках оружия на Кубу. В два счета в ООН была представлена документально подтвержденная история этого конкретного автомата от момента его выпуска с завода. Путь его был таков: продажа Египту, вывоз в Израиль в числе трофейного оружия во время войны 1967 г., продажа с государственных складов израильской мафии, которая занималась контрабандой оружия. Именно в конторе этой мафии в Белизе венесуэльские партизаны и купили данный автомат.

Это автомат, захваченный в джунглях Венесуэлы. А банды Басаева восемь лет получали новенькое оружие, иногда даже опытные образцы, которых не было еще на вооружении Российской армии, — и проследить его путь оказалось невозможно. Вероятно, и заинтересованности в этом не было, но для подстраховки были ликвидированы и структуры, которые способны восстановить всю цепочку.

Сейчас много говорят об «организованной преступности». Она уже во многом определяет положение в стране и судьбу значительной доли населения. Хотя частные охранные структуры имеют уже гораздо больше сотрудников, чем имел в советское время КГБ, сохранить тела своих заказчиков они не способны — профессия предпринимателя остается самой опасной в РФ.

Конечно, главной предпосылкой для расцвета организованной преступности было изменение общественного строя, но подобные системы, возникнув и начав воспроизводиться, «освобождаются» от предпосылок, они уже сами создают условия для

своего существования. Их можно искоренять и держать под контролем только с помощью активных структур, адекватно организованных и оснащенных. Именно такими структурами были в советское время ВЧК, ОГПУ, НКВД и КГБ. Они не только искоренили бандитизм и другие виды организованной преступности после Гражданской и Отечественной войн, но и потом не позволяли им выйти на режим расширенного воспроизводства. Разве трудно было понять образованному человеку, что ликвидация структур КГБ будет означать и ликвидацию функции «замораживания» организованной преступности?

Когда по КГБ били преступные группы, готовящиеся в союзе с коррумпированной частью номенклатуры к захвату государственной собственности, это было с их стороны вполне разумно. Когда подняли вой СМИ, оплаченные этими будущими «собственниками», это было нормальное поведение продажных писак. Но почему к этому вою присоединился честный научный работник, инженер или врач? Надо хоть сейчас покопаться в своих мыслях, такое нарушение рационального мышления несовместимо с жизнью социальной группы.

Все это я пишу исходя из общих соображений. Я никогда не испытывал симпатии к КГБ, как, впрочем, и к другим органам власти и государственного управления. Все это — более или менее страшные машины, с ними вести себя надо очень осторожно. В любой момент могут зацепить тебя какой-нибудь шестерней и искалечить. Но это машины, без которых наша жизнь вообще была бы невозможна. Мы бы не справились без них со стихийными силами и природы, и окружающих нас людей.

Однако в течение пяти лет, как раз начиная с 1985 г., я немного соприкасался с работой КГБ и хочу сказать о моих впечатлениях. Я мог наблюдать, конечно, выполнение не самых главных функций госбезопасности, но и за малым виделись некоторые общие свойства. Дело было так. Меня назначили заместителем директора Института истории естествознания и техники АН СССР, и я должен был периодически общаться с куратором нашего института от КГБ. Это был молодой человек, окончивший МВТУ им. Баумана и школу КГБ. Он курировал четыре НИИ.

За пять лет контактов я составил себе о нем впечатление как о человеке умном, весьма культурном, эрудированном и исключительно работоспособном. Приходилось удивляться тому, как четко он излагал свои и понимал чужие мысли, как удерживал в памяти большой объем информации, как быстро и ответственно выполнял все задачи. По всем этим признакам его следовало отнести к элите нашей интеллигенции в хорошем смысле слова.

Видимо, в институте он общался не только с членами дирекции, но то, что мог наблюдать я через мои контакты, показывало, что по

крайней мере одной из главных его задач было подключение ресурсов КГБ для обеспечения безопасности и, я бы сказал, «покая» нашего института, особенно в его международных связях.

В основном эта работа была рутинной, профилактической — он советовался с нами при появлении каких-то опасений, что могут возникнуть недоразумения, конфликты, скандалы. Дирекция оценивала эти опасения и решала, как лучше всего подстраховаться. За все пять лет ни разу не вставало вопроса идеологического («политического») порядка. Из того, что можно назвать «нештатными» ситуациями, меня коснулись три, и я о них и расскажу.

К нам приехал стажер из Италии, ему работать у нас понравилось, он стал делать диссертацию о советском науковедении и просил меня продлить ему пребывание. Так он пробыл у нас два года и вдруг, когда я отправил в Президиум АН СССР очередное письмо с просьбой о продлении стажировки, приходит ко мне наш куратор КГБ и просит отозвать это письмо и сказать итальянцу, чтобы он уезжал из СССР. Почему? Оказывается, он менял на черном рынке очень большие суммы долларов. Это КГБ не касается, однако в последний раз он, желая обменять выгоднее, нарвался на крупную банду. А ее как раз разрабатывали следователи МВД и на днях должны были арестовать. В этом случае возникает опасность для жизни итальянца, так как он становится важным свидетелем. Подобный случай уже был с одним иностранцем, и КГБ хотел бы избежать риска.

Я предложил на время отправить стажера в наш филиал в Ленинграде — жалко было прерывать наполовину сделанную работу. Куратор пошел советоваться с начальством, но оно эту идею не поддержало. Я позвонил итальянцу и просто сказал ему, чтобы он уезжал. Он не спрашивал о причине и уехал чуть ли не на другой день. Никто в институте об этом деле ничего не знал. Диссертацию он успешно защитил в Париже.

Вот другой случай. На международный конгресс в США от Академии наук поехала делегация, а кроме того, из института снарядили группу научного туризма, по очень льготной цене. Наши сотрудники побыли на конгрессе, а потом совершили поездку по США. В одном городе нашу сотрудницу задержали в магазине — якобы она с неоплаченными покупками пыталась выйти в неподобающем месте. Подняли шум — это было лето 1985 г., еще шла «холодная война». В полицию приехали американские коллеги из университета, дело замяли, объяснили его как недоразумение. Но в Москве в институте начали шушукаться — подруги сотрудницы красочно это дело расписали. Она сильно переживала, состояние ее было тяжелым.

Я поговорил с нашим куратором — как быть? Трудно жестко заступаться за человека, не зная истинного положения дел. Он

сказал, что КГБ по своим каналам попытается прояснить дело. «По своим каналам» они вышли на дирекцию магазина в США и получили надежные сведения, согласно которым произошло именно недоразумение — женщина, впервые попав в такой магазин, забрела куда не следует. После этого и дирекция, и партбюро, и профком смогли с убежденностью снять всякие подозрения с человека.

Есть, конечно, слабое предположение, что товарищи из КГБ никуда не обращались и просто решили прекратить распространение порочащих человека слухов. Говорю, что это предположение слабое, потому что в передаче информации наш куратор напминал машину, в программе которой таких приемов не было. Но даже если так — именно авторитет КГБ и уверенная позиция вовлеченных в дело офицеров позволили устранить бесполезные сомнения, которые могли сделать для человека пребывание в институте невыносимым.

Более тяжелый случай произошел в 1989 г., когда появились непривычные для нас виды преступности. В дирекцию обратилась за помощью одна аспирантка. Какие-то люди, вполне интеллигентные, угрожали ей смертью, не объясняя причин (они, мол, сами не знают, такой получили заказ, хотя окончательное решение еще не принято). При этом ей убедительно не рекомендовали обращаться в милицию.

Чтобы помочь ей, у меня было два канала. Я позвонил в Отдел науки ЦК КПСС, который курировал наш институт по партийной линии, и там меня связали с прокуратурой Москвы, где меня срочно принял заместитель прокурора города. А до этого я позвонил и нашему куратору от КГБ. Он доложил по команде, и через полчаса мне позвонил заместитель начальника Главного управления КГБ по Москве. Сразу начали работать следователь прокуратуры и кто-то в КГБ. Поздно вечером опять позвонил тот же начальник из КГБ и сказал, что опасности для жизни женщины нет и беспокоить ее больше никто не будет.

Я хочу подчеркнуть, что все это напоминало работу хорошо налаженной машины. Я не был знаком с этими начальниками, никто меня не спрашивал о ранге людей, которым я просил помочь, но я с очевидностью видел, что институт, в руководстве которого я состоял, находился под защитой мощной, вдумчивой и очень быстро действующей системы. Могу с уверенностью предположить, что наш заурядный Институт истории естествознания и техники вовсе не составлял какого-то исключения.

Сейчас, глядя вокруг и зная, как в пределах моей видимости в полной беззащитности погибают люди, я вспоминаю, с каким гоготом наша интеллигенция травила и разгоняла и сотрудников КГБ, и следователей прокуратуры.

Надо было на время в массовом масштабе утратить способность к рациональному мышлению, чтобы приложить руку к уничтожению одного из очень сложных продуктов нашей цивилизации — органов госбезопасности высшего класса. Но ведь и сегодня не видно никакого проблеска рефлексии, никакой попытки со стороны интеллигенции проанализировать свою тогдашнюю позицию.

О науке поговорим особо.

Глава 21

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НАУКИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Одной из тех сфер деятельности, которые понесли в ходе реформы наибольший урон, является *наука*. Важным условием для того, чтобы реформаторы смогли нанести по ней столь тяжелый удар, была неспособность интеллигенции (и даже самой научной интеллигенции!) осознать и внятно объяснить обществу и власти значение отечественной науки не только для будущего, но даже и для самого выживания страны. Здесь — одна из самых красноречивых иллюстраций утраты интеллигенцией навыка к структурно-функциональному анализу.

Конечно, при разработке доктрины реформ ученых не спрашивали, но ведь в составе номенклатурной элиты было очень большое число виднейших ученых, в том числе из «жестких» наук. Допустим, эта категория научных работников была слишком идеологизирована и связана с реформой теневыми интересами. Но они не смогли бы делать о науке абсурдные утверждения, на которые и опирались реформаторы, если бы к этим утверждениям не относилась благосклонно вся научная элита.

Надо же ученым хоть сейчас объясниться — сначала между собой, а потом и со всей интеллигенцией. Она, в конечном счете, определяет отношение к науке в массовом сознании. Такого объяснения пока что не начато, да и признаков беспокойства в научной среде не видно.

Заметим сразу: обстановка для разумного и спокойного разговора о науке сегодня очень неблагоприятна. Уровень понимания «анатомии и физиологии» науки и ее роли резко снизился даже по сравнению с 80-ми годами, когда верхушка партийной и государственной номенклатуры сдвинулась в сторону антиинтеллектуализма. Но все же тогда еще можно было слышать выражения вроде «нет ничего практичнее хорошей теории». Сегодня,

в условиях общей тяги к простым решениям (что обычно для кризисов), в большинстве случаев под наукой подразумевают *технологию* — приложение научного знания в виде новых продуктов или технологических процессов.

Это подмена предмета разговора. С одной стороны, это сужение проблемы (технология — лишь часть целостной научно-технической системы страны). В то же время это перенос проблемы в сферу, лежащую в основном вне науки. Превращение знания в технологию и ее освоение в производстве и социальной практике — процессы, обусловленные общим экономическим положением.

Чтобы не вызывать ненужных здесь споров, не буду развивать эту тему, а отмечу лишь, что в условиях нынешнего кризиса работа над «собственными конкурентоспособными технологиями» в принципе смысла не имеет. Она должна вестись только с целью сохранить отечественные технологические школы, которые после выхода из кризиса будут ориентированы не на пресловутую конкурентоспособность, а на решение проблем страны.

Главные ошибки в оценке полезности науки, особенно в период кризиса (хотя и в стабильные периоды тоже, но тогда ошибки менее опасны), порождены не отсутствием хороших методик «измерения», а *структурными* причинами — тем, что из поля зрения выпадают многие важнейшие функции науки, которых просто не замечают, когда наука функционирует. Мы обычно не думаем о счастье дышать, а утопленники нам уже не могут растолковать.

Реформаторы, решившие фактически ликвидировать отечественную науку, исходили из ложного и даже пошлого постулата: научное знание, дескать, не имеет границ, и в нашем глобализованном мире плодами науки можно пользоваться, не имея собственной науки (условно назовем ее неверным, но общепринятым словом «национальная» наука). От этого хотя бы внешне приемлемого утверждения неявно перешли к подлогу, считая, что извне можно получить *все* необходимые плоды науки.

В действительности почти очевидно, что из мировой науки можно получить многие виды знания, но *не все*. И как раз среди тех «продуктов науки», которые невозможно купить или позаимствовать за рубежом, есть и такие, что необходимы для самого существования страны как социальной, культурной и экономической целостности. Конечно, и многие из тех плодов науки, что можно купить за рубежом, гораздо дешевле можно получить от своих ученых. Но для простоты поставим вопрос резко и будем говорить лишь о том, чего нельзя купить *ни за какие деньги*.

Россия, которая сложилась не просто как страна, но и как

одна из крупных мировых цивилизаций, долгое время жить без своей науки не может. Когда основной поток знаний и технологий из мировой науки будет поступать в Россию, минуя «фильтр» собственной науки, которая увязывает эти знания и технологии с географической, культурной и социальной реальностью России, станут быстро размываться те самобытные цивилизационные контуры, которые соединили множество земель и народов в нашу большую и необычную страну¹.

Чтобы оценить эту опасность и определить минимальную, критическую величину и структуру потребной России науки, мы должны видеть в ней не только одну из полезных отраслей хозяйства и духовной деятельности, а *системообразующий* фактор России, один из ее корней. Но вспомним сначала, как формулировались исходные положения реформирования науки.

Понятно, что крупные общественно-экономические и культурные системы, подобные системе национальной науки, складываются не на основе логического расчета и «проектирования», а *исторически*. В мире существуют два принципиальных типа научных систем: наука как подсистема государства и наука как подсистема гражданского общества и рыночной экономики. Ни в одной стране они не встречаются в чистом виде, но всегда можно выявить устойчивый тип.

В России с самого начала, а в советское время особенно, наука создавалась и развивалась как *подсистема державного государства*. Для нее характерны высокая концентрация лучших научных сил в центральных государственных («императорских») учреждениях и очень высокая доля государственного финансирования в расходах на науку. А кроме того, господствующее во всех слоях общества убеждение, что попечительство науки является естественной обязанностью государства.

В 1990 — 1991 гг. в кругах либеральной интеллигенции сложилось представление, что реформа политической системы и приватизация промышленности приведут к быстрому формированию гражданского общества, которое примет от государства многие из его функций. И одним из первых изменений станет превращение науки государственной в науку гражданского общества. Эти расчеты подкреплялись активностью самого науч-

---

¹ Под Россией мы понимаем здесь, разумеется, не РФ, выделенную в результате поражения СССР в «холодной войне», а сложившуюся в течение многих веков под воздействием сильных долговременных факторов устойчивую евразийскую общность земель и народов. Но поскольку основная часть научной системы России расположена в РФ, мы можем отвлечься от различия РФ и России как цивилизации и говорить о состоянии нынешней науки в РФ.

ного сообщества как одной из движущих сил реформы, а также острой критикой «огосударствления» науки со стороны самих ученых. Академики тоже хотели свободы¹.

Исходя из этих ожиданий стратегией нового режима стало *невмешательство* в процессы «самоорганизации», начавшиеся в науке во время перестройки. Главной концепцией было *разгосударствление*. За ней стоял политический интерес — демонтировать одну из важных опор советского государства, какой была наука. Говорилось, что сокращение государственного финансирования с одновременной приватизацией финансов и промышленности создадут и побудительные мотивы, и возможности для «передачи» науки от государства к частному капиталу.

Трудно сказать, насколько эти ожидания были искренни, но они не оправдались и в малой степени². Гражданского общества почему-то не возникло, даже наоборот, наблюдается архаизация и криминализация образа жизни значительной части населения. Банки и частные компании финансировать науку не торопятся. Никаких признаков того, что в России возникли новые социальные субъекты, способные и готовые взять на себя обеспечение огромной научной системы, пока что не наблюдается.

Строго говоря, и буржуазии в результате реформы не возникло. Но даже если бы она и появилась, ни из чего не следовало, что она непременно захотела бы стать покровителем науки. Такие надежды, если они были искренни, были плодом невежества и аутистического сознания, которые никак не красят интеллигенцию. Ведь отношение буржуазии к науке не задается автоматически, исходя из чисто экономических условий. Установки западной буржуазии являются специфическим и уникальным явлением, которое не воспроизводилось нигде — ни в России конца XIX века, ни в индустриальных странах Азии.

Лишь на Западе наука развивалась как неразрывно связанная с предпринимательством сфера деятельности, что объясняют

---

¹ Даже в 1992 г., когда удушение академии стало свершившимся фактом, д-р филологических наук В. Иванов пишет в «Независимой газете»: «У нас осталась тяжелая и нерешаемая проблема — Академия наук. Вот что мне, депутату от академии, абсолютно не удалось сделать — так это изменить ситуацию, которая здесь сложилась. Академия по-прежнему остается одним из наиболее реакционных заведений». Этот филолог и депутат считает себя вправе уничтожить, оправдываясь идеологическим фантомом «реакционности», ядро всей русской науки, которое вовсе не он создавал.

² Уже в докладе экспертов Всемирного экономического форума в Давосе в 1994 г. было отмечено, что РФ по затратам на науку опустилась ниже Тайваня — маленькой страны, имеющей статус «развивающейся».

особой «протестантской этикой» его буржуазии. В Англии и затем в США в XVIII веке многие преуспевающие представители торгового и промышленного капитала принадлежали к секте квакеров. Их общины создавали крупные фонды, на средства которых обеспечивали школы основными для того времени научными книгами и инструментами, а также нанимали на летние месяцы ученых для чтения публичных лекций с научными экспериментами на всех почтовых станциях Англии. Бездетные квакеры завещали свои состояния, как правило, научным учреждениям или на стипендии ученым. Но не было никаких оснований рассчитывать на действие сходной шкалы ценностей в среде «постсоветской буржуазии» в России.

Не менее важно, что в России не только не возникло частного капитала, способного содержать науку, но и практически не изменились стереотипы мышления основной массы научных работников, которые ощущают себя, независимо от названия организации, государственными служащими, а не предпринимателями, производящими особый товар и выносящими его на рынок. Само отношение к научному знанию как к товару отвергается массовым сознанием и научных работников, и хозяйственных руководителей, несмотря на вошедшую в обиход «рыночную» риторику.

Иначе, нежели ожидалось, пошел и процесс самоорганизации в науке в результате сокращения финансирования. Вовсе не произошло сокращения фронта исследований, самоликвидации «ненужных» направлений и концентрации усилий на направлениях «приоритетных». Наука «осела» как целое. Элементы научных школ и направлений (люди с их знаниями и навыками, инструменты, материалы и тексты) остались в России и могут быть собраны в организованные ячейки и «заложены на хранение».

Кроме того, идеологи первого этапа реформы предполагали, что в условиях экономических трудностей в лабораториях возникнет стихийно действующий механизм конкуренции и наука сбросит «кадровый балласт». Это должно было бы привести к омоложению и повышению качественных характеристик кадрового потенциала. На деле произошло совершенно обратное: финансовый кризис мобилизовал коллективистские стереотипы, и под их давлением из научных организаций и учреждений были «выдавлены» более молодые и энергичные кадры — те, кто может «устроиться».

В результате значительно ухудшились демографические и квалификационные показатели исследовательского персонала отечественной науки. Особенно сильный урон понесло наиболее дееспособное кадровое ядро науки — корпус кандидатов наук.

Но вернемся к нашему вопросу — уходу интеллигенции в целом и научной интеллигенции в частности от структурно-

функционального анализа нашей науки в тот момент, когда выработывалась доктрина реформы. Перечислим те воздействия, через которые отечественная наука участвует в создании, скреплении и развитии России и ее современного народа. На период кризиса, то есть когда под угрозу поставлено именно *воспроизводство* страны, эти функции и есть главный предмет оценки полезности науки.

Главные функции отечественной науки. Задачи науки любой страны в обычное время и в момент кризиса представляют собой две перекрывающиеся, но существенно разные структуры. Их можно было бы изобразить в виде двух «карт», но здесь мы просто выделим несколько главных элементов интересующей нас структуры. Уже из их перечня будет видно, что «наука как непосредственная производительная сила» и наука как «средство предотвращения катастрофы» — существенно разные системы. Итак, вот те функции, которые, на мой взгляд, выходят на первый план во время кризиса.

— *Наука через систему образования, средства массовой информации и личные контакты значительной прослойки ученых формирует рационально мыслящего человека с современным взглядом на мир, природу и общество.*

Не располагая крупным научным сообществом, выросшим на почве национальной культуры, Россия не смогла бы произвести эту работу, так как для восприятия научного знания и метода, а затем и включения их в интеллектуальное оснащение народа необходимо, чтобы они были «переведены» на язык родной культуры. Исключительная устойчивость советского народа в Отечественной войне 1941 — 1945 гг. и народа России в условиях тяжелого кризиса сегодня в большой степени является результатом длительного «воспитания наукой».

Это воспитание обладает инерцией. Можно показать, что до настоящего времени существующая в России наука эффективно выполняет эту функцию, и срыва пока что не произошло. Но уже есть нарастающие признаки приближения этого срыва (например, принципиально новый для нашего общества характер подростковых погромов и беспорядков в Москве в 2001 — 2002 гг.). При сохранении нынешних тенденций культурный откат в следующем поколении неизбежен.

При этом не произойдет «возвращения» людей к нормам доиндустриальной, крестьянской культуры. Дерационализация мышления урбанизированного населения в условиях социального стресса порождает «цивилизацию трушоб» с массовым антиобщественным поведением, наркоманией и инфекционными за-

болеванями. Экономический и социальный ущерб от «одичания» значительной части населения не идет ни в какое сравнение ни с затратами на науку, ни с выгодами от нескольких броских технологий, которые хотели бы из нее «выжать» реформаторы.

Выполнение научным сообществом функции рационализации массового сознания сегодня затруднено следующими факторами. Во-первых, нынешний политический порядок в России использует в качестве главного средства господства не убеждение и принуждение, а внушение и соблазн (манипуляцию сознанием). Для успешной манипуляции необходимы достаточно глубокая *дереационализация* мышления, снижение способности граждан к логическим умозаключениям и внедрение в массовое сознание упрощенных стереотипов.

Именно этим, а не низким культурным уровнем руководства телевидения объясняется заполнение его программ самой низкопробной продукцией масс-культуры, фальшивой мистикой и «лабораторными» суевериями — при почти полном устранении просветительского научного дискурса. Просветительская и рационализирующая деятельность науки оказалась в оппозиции сознательной политике государства.

Трудность этого положения не только в том, что наука России, будучи по своему социальному генотипу наукой *государственной*, не готова к роли оппозиции. Более важен тот факт, что в идеологическом отношении научное сообщество в массе своей поддержало перестройку и «либеральную» реформу и стало их движущей культурной силой. В результате возник конфликт ролей — в качестве идеологических работников ученые стали высказывать утверждения, противоречащие тому, что они знают как специалисты и должны были бы высказывать как просветители¹.

При этом авторитет, завоеванный учеными благодаря их профессиональной деятельности на предыдущем историческом этапе, усугубил негативное воздействие ученых уже как идеологов на общественное сознание: одно дело, когда иррациональное, алогичное или антидемократическое утверждение делает прорицательница или астролог, другое дело — известный академик-физик или нейробиолог.

Во-вторых, на восприятие просветительских сообщений ученых влияет их статус в обществе. Этот статус в последние десять лет демонстративно понижался. Например, в обществе целена-

---

¹ Сегодня, когда потребность политического режима в идеологической поддержке ученых исчезла, это противоречие не так заметно — ученые исчезли с политической арены в обеих своих ипостасях. Но противоречие не исчезло, а лишь приняло латентную форму. Оно хорошо отражено в идеологических текстах видных ученых конца 80-х — начала 90-х годов.

правленно создавалось мнение, что именно «имперская» наука, это наследие тоталитарного мессианского государства, стала самой никчемной и неподъемной нагрузкой на государственный бюджет РФ.

В научном же сообществе раздражение вызывает риторика реформаторов, противоречащая логике и фактам. Например, приходится слышать выражения типа «дальнейшее развитие российской науки» — в то время, когда под вопрос поставлено само ее выживание. Вся гласная научная политика строилась исходя из иррациональных утверждений о «неконкурентоспособности» нашей науки, что якобы оправдывало демонтаж всей системы отраслевых научно-технологических организаций.

Сама эта публичная научная политика стала средством подрыва логического мышления. В одной связке делались, например, такие взаимно несовместимые утверждения:

— *советская научно-технологическая система была милитаризована и направляла основные усилия на создание оружия;*

— *советская научно-технологическая система оказалась неконкурентоспособной и должна быть демонтирована;*

— *советские системы оружия не уступают лучшим мировым образцам и на многих направлениях превосходят их.*

Конечно, в нынешнее время декларации публичных политиков имеют мало общего с реальными политическими действиями, но та дерационализация сознания, которая ведется политиками на уровне идеологии, становится одним из важнейших факторов в общественных процессах.

В целом, в самом научном сообществе возник глубокий культурный кризис: будучи главным носителем либеральных и демократических взглядов и ценностей и став активной социальной силой на этапе перестройки, научная интеллигенция оказалась грубо отброшена тем политическим режимом, который она восславила и легитимировала.

Всем известно было плачевное финансовое положение, в которое были поставлены наука и ученые к середине 90-х годов. Но ни ученые, ни обыватели в целом не могли же принять как разумное объяснение такого положения нехваткой финансовых средств для науки, поскольку рядом на их глазах огромные государственные средства расходовались на необъяснимые и несвоевременные причуды.

Так, все отделения Сбербанка в Москве провели дорогостоящий ремонт, перепланировку помещений и их отделку дорогими материалами. Вблизи метро «Академическая» — в районе, где сосредоточено большинство институтов Российской Академии наук, — выстроено по специальному проекту здание центрального офиса Сбербанка, поражающее своей вызывающей роско-

шью. На этом фоне радикальные действия ряда авторитетных ученых (голодовки и даже самоубийства), которые не вызвали ни малейшей реакции правительства, усугубили кризис в отношениях между наукой и обществом. Ученые перестали быть авторитетным арбитром и в глазах политиков, и в массовом сознании.

— *Наука, охватывая своими наблюдениями, экспедициями и лабораторными исследованиями все пространство страны, дает достоверное знание о той реальной (и изменяющейся) природной среде, в которую вписывается вся хозяйственная и общественная жизнь народа.*

Этого знания не может заменить ни изучение иностранной литературы, ни приглашение иностранных экспертов. Слишком велик в исследовании био- и геосферы России вес *неявного знания*, хранящегося в памяти, навыках и личных архивах национального научного сообщества. Еще более сложной и широкой задачей является «объяснение» этого знания политикам и хозяйственникам, широким слоям народа. Это могут сделать только авторитетное и достаточно крупное отечественное сообщество ученых и околонаучные культурные круги.

Этот тип знания также обладает значительной инерцией. Оно «работает» какое-то время даже после свертывания («замораживания») экспедиций и наблюдений — если в стране остались производившие это знание ученые, которые ведут обработку материалов и сообщают знание через множество каналов информации. Эта функция до сих пор выполняется российской наукой сегодня, и, с учетом ничтожности предоставленных ресурсов, выполняется весьма эффективно. Но, по мере ухода из жизни носителей неявного знания и одновременно размывания научных оснований массового сознания, этот потенциал угасает.

Здесь к тому же гораздо большее воздействие, чем в первом случае, оказывают ограничения, накладываемые экономическим кризисом и сменой форм собственности. Исчезло державное государство как главный субъект, заинтересованный в исследовании природной среды России просто ради получения достоверного знания, независимо от рыночных критериев. Рыночные же критерии мотивировать такие исследования не могут, поскольку добыча большинства видов сырья в России с точки зрения мирового рынка рентабельной не будет. Например, разведочное бурение даже на нефть и газ сократилось в 5 раз, а на все другие минеральные ресурсы в совокупности — в 30 раз.

Еще менее способны рыночные силы поддерживать исследования, результаты которых вообще не выражаются в терминах экономической эффективности, а подчиняются иным критериям (например, безопасности). Хороший пример — катастрофа в

Кармадонском ущелье (Северная Осетия) в сентябре 2002 г. Там при сходе пульсирующего ледника погибли более 130 человек.

Гляциолог из Института географии РАН рассказывает: «После схода ледника в 1969 г. по заказу Совмина Северной Осетии на Колку отправили экспедицию из сотрудников Института географии РАН. Несколько лет в 70-х годах специалисты-гляциологи изучали ледник и его поведение. В частности, были вычислены объем ледника, его критическая масса... Как только масса превышает эту отметку, ледник не выдерживает своего веса и сходит вниз». Но затем, по его словам, научные работы из-за прекращения финансирования в начале реформы были свернуты, ледник был оставлен без присмотра. В дальнейшем в ходе реформы наблюдения за ледниками прекратились в РФ практически повсеместно («Коммерсантъ-Власть», 2002, № 38, с. 14).

С точки зрения указанной функции науки (накопление знания о природной среде России) очевидно, что исходная идея реформирования науки — поддерживать лишь блестящие и престижные научные школы — была принципиально ложной. В доктрине реформирования науки предполагалось, что конкуренция сохранит и укрепит лишь те направления, в которых отечественные ученые работают *«на мировом уровне»*.

Здравый смысл говорит, что само это представление о задачах науки ложно. При чем здесь «мировой уровень»? Посредственная и даже невзрачная лаборатория, обеспечивающая хотя бы на минимальном уровне какую-то жизненно необходимую для безопасности страны сферу деятельности (как, например, Гидрометеослужба), гораздо важнее престижной и даже блестящей лаборатории, не связанной так непосредственно с потребностями государства¹. Пожертвовать посредственными лабораториями,

---

¹ Об этом элементе цивилизации начальник Управления гидрометеобеспечения В. Тренин писал в «Российской газете» в 1992 г.: «Людам, связавшим свою судьбу с Гидрометеослужбой, сейчас невыносимо больно видеть, как буквально на глазах рушится, разваливается система наблюдений, прогнозов и оповещений о явлениях погоды. Да и не только погоды. Система эта складывалась почти два столетия трудами многих поколений гидрометеорологов. И вот сейчас выходят из строя метеолокаторы, все реже взмывают ввысь аэрологические зонды, просто закрываются сотни метеостанций. Стоят на приколе исследовательские суда, все скуднее поток информации». И ведь не в экономике дело, крах метеослужбы влечет за собой громадные издержки. «О материальных потерях тут лучше и не говорить, — продолжает В. Тренин. — Так, всего лишь за сутки простоя аэропорты Внуково, Домодедово и Шереметьево понесут ущерб, в несколько раз превышающий годововой объем финансирования Главного авиаметеорологического центра, обеспечивающего деятельность московских авиагаваней».

чтобы за счет их ресурсов укрепить блестящие, в ряде случаев равноценно вредительству — особенно в условиях кризиса.

Кроме того, введение в государственную практику в качестве критерия при финансировании исследований «престижа» или «уровня» научной лаборатории является чистой демагогией, поскольку этот критерий не является *операциональным*, он не может быть надежно формализован, а его применение на деле превращается в конкурс политического влияния научных группировок или отдельных ученых, что в условиях общего кризиса разрушительно действует на социальную систему науки. Прямой волюнтаризм государственных органов предпочтительнее скрытого.

Свертывание «посредственных» исследований во многих случаях оказывает и большой психологический эффект, усугубляющий кризис в отношениях науки и общества. Особенно это касается прекращения недорогих, но регулярных работ, необходимых для поддержания больших национальных ценностей, создаваемых наукой. Многие из таких работ продолжаются десятки или даже свыше сотни лет, и их пресечение приводит к значительному обесцениванию всего прошлого труда и созданию огромных трудностей в будущем. Таковы, например, работы по поддержанию коллекций (семян, микроорганизмов и т. п.), архивов и библиотек¹.

Таковы и некоторые виды экспедиционных работ и наблюдений, например, проведение регулярных гидрологических наблюдений (разрезов). Сейчас, например, прекращены гидрологические разрезы на Черном море, начатые еще в XIX веке и проводившиеся во время Великой Отечественной войны даже при непосредственной опасности бомбежек и обстрелов гидрологических судов.

Подобные изменения в структуре исследований относятся к разряду *критических* явлений, по которым судят о долгосрочных намерениях государства и статусе науки в обществе. Их эффект усугубляется тем, что граждане при этом проводят сравнение установок государства в аналогичных экстремальных условиях в другие исторические моменты, из чего и делается вывод о векторе нынешней государственной политики. Так, во время Гражданской войны, при гораздо более глубоком экономическом

---

¹ В научном сообществе хранится и вошедшее в «историческую память» национальной науки предание о том, как в блокадном Ленинграде голодающие сотрудники сохранили без потерь весь банк семян культурных растений — уникальное достояние России. Резкое сокращение финансирования этой работы именно сегодня, когда ценность этого банка возрастает ввиду мировой тенденции к патентованию генов растений, воспринимается именно как символ.

спаде, чем сегодня, работы крупной комплексной экспедиции Российской Академии наук в районе Курской магнитной аномалии велись даже в зоне боевых действий.

Ниже коротко перечислю другие сходные «неявные» функции отечественной науки, приобретающие критическое значение во время кризисов.

— *В тесной связи с изменяющейся природной, техногенной и социальной средой изменяются люди, их коллективные общности (народы и этносы), все общество. Процессы этно- и социогенеза, ускоряющиеся в условиях природных и социальных кризисов, в принципе не могут быть удовлетворительно изучены и объяснены без собственной национальной науки. Этнографическое исследование «извне» всегда будет по принципиальным методологическим причинам «империалистическим», изложенным на чужом языке.*

В конце XX века Россия втянулась в очередной пик бурного этногенеза и социальных преобразований. Оставить сегодня этот процесс без широкого научного сопровождения — значит заложить разрушительные заряды незнания и непонимания, которые взорвутся завтра. Этно- и социогенез должен быть объектом комплексного изучения, а не только общественных наук, ибо речь идет о процессах, тесно связанных с изменениями в природной среде и техносфере. Активное участие в этих процессах (особенно если они приобретают форму конфликта) принимает сама национальная интеллигенция, что создает специфические методологические трудности для исследований. Поучительна история экологических движений, сыгравших важную роль в формировании «национального самосознания» на завершающей стадии перестройки, или связь технологических решений с ростом межэтнической напряженности.

Пока что указанная функция науки в какой-то мере обеспечена усилиями старших поколений научных и практических работников, но налицо опасность разрыва поколений, так что через 10 лет может возникнуть провал. Активное внедрение в исследования указанных проблем иностранных ученых и фондов (особенно в постановку задач, выбор методологии и трактовку эмпирических данных) чревато важными деформациями и искажениями — втягиванием этих исследований в «империалистическую» парадигму.

— *Создаваемая для хозяйства, обороны, всего жизнеобеспечения государства и общества **техносфера** гораздо сильнее, чем принято думать, связана с природной средой и культурой страны. Поэ-*

тому хотя многие ее элементы и блоки могут быть импортированы или созданы с помощью переноса знаний и технологий, техносфера страны в целом, как единая система, в большой степени зависит от усилий отечественной науки, причем усилий непрерывных.

В России уже создана огромная и специфическая техносфера, которую должно «вести» (не говоря уже о развитии) адекватное по масштабам и структуре отечественное научное сообщество. Для выполнения этой функции мощности нынешней российской науки явно недостаточны из-за распада системы отраслевой науки. Точнее, произошла целенаправленная ликвидация этой системы.

Реформаторы утверждали, что сокращение государственного финансирования науки с одновременной приватизацией промышленности приведет к «передаче» прикладной науки от государства частному капиталу с привлечением иностранных инвестиций. Эти ожидания не имели под собой никаких исторических и логических оснований и, соответственно, не оправдались. Иностранные инвестиции в сферу НИОКР в России привлечь не удалось. Так, в 1995 г. 99,99% всей собственности на основные средства НИОКР составляла российская собственность. Более того, в сферу НИОКР не удалось привлечь существенных инвестиций и отечественного капитала — частная собственность на основные средства составила лишь 1,54%, а смешанная 14%.

В начале реформы говорилось, что государство возьмет на себя заботу лишь о фундаментальной науке, предоставив системе прикладных исследований и разработок приспособляться к рыночным условиям. В качестве важного принципа государственной политики было утверждено *приоритетное развитие фундаментальных исследований* (хотя, понятно, слово «развитие» в действительности есть продукт новояза реформы).

Это структурное разделение науки было предусмотрено в «Федеральном законе о науке и государственной научно-технической политике» (ст. 11 Закона декларирует «гарантию приоритетного развития фундаментальных исследований») и в «Концепции реформирования российской науки на период 1998 — 2000 гг.» («следует сделать особый акцент на государственную поддержку фундаментальных и поисковых исследований»).

Этот принцип реализуется на практике — в структуре сети научно-технических организаций при незначительном общем сокращении их числа происходит выбытие КБ (сокращение только за 1992 — 1995 гг. на 40%), проектных и проектно-изыс-

кательских организаций (сокращение на 65%)¹. Напротив, число организаций, ведущих научные исследования, увеличилось. Так, число академических институтов за то время возросло на 68%. Это происходило за счет дробления институтов — среднее число исследователей в научной организации снизилось почти вдвое.

Оказалось, однако, что поддержка прикладных НИОКР через рыночные механизмы совершенно недостаточна, искусственно созданный «капитал» финансировать науку не собирается, а в условиях кризиса приоритетными и срочными с точки зрения государства и общества становятся многие направления прикладных исследований (например, анализ причин и подходов к предотвращению техногенных аварий и катастроф).

Что же касается *эффективности* (то есть соотношения «эффект/затраты») остатков прикладной науки, то ее именно в выполнении указанной здесь функции следует пока что считать аномально высокой. Эксперты уже к 1994 — 1995 гг. прогнозировали обвальное нарастание техногенных катастроф, которого до сих пор удается не допустить.

— Мир в целом втягивается в глубокий глобальный кризис («кризис индустриализма», «третья волна цивилизации»), симптомами которого служат частичные кризисы — экологический, энергетический, демографический, культурный и др. Россия — первая крупная цивилизация, которая испытала на себе воздействие этого кризиса в его радикальной форме. Наука России уже накопила большое, хотя еще недостаточно оформленное, знание о поведении технологических, социальных и культурных систем на изломе, при крупномасштабных переходах «порядок — хаос». Развитие и формализация этого знания, которое совершенно по-новому ставит многие фундаментальные вопросы, важны для самой России, но не в меньшей степени — и для мирового сообщества.

Пока что функция систематизации, теоретической обработки и представления знаний о небывалом кризисе, который переживает Россия, выполняется неудовлетворительно. Во-первых, имеются большие методологические трудности для ученых, которые наблюдают кризис «изнутри» и не могут в достаточной мере отвлечься от этических оценок. Во-вторых, вся обществен-

---

¹ Резкое сокращение объема изыскательских работ (геологических, геодезических и пр.) уже заметно сказывается на качестве строительства. Хотя крупных катастроф вроде обрушения крыши аквапарка в Москве еще немного, из разных мест то и дело приходят сообщения об оседании грунта и появлении опасных трещин в только что построенных зданиях.

ная жизнь в России слишком идеологизирована, что ограничивает свободу исследований и дискуссий. В результате общество и государство не получают тех знаний о кризисе, которые наука уже могла бы предоставить. А мировое сообщество (прежде всего научное) имеет весьма искаженное представление о происходящих в России процессах.

Россия живет в быстро изменяющемся мире, который к тому же создает огромный запас новых знаний о природе и человеке. Знания из этого мира и о нем, необходимые для развития и самого существования России, поступают в нее извне по механизму push-pull («тяги-толкай»). Только сильная и структурно полная отечественная наука может служить тем механизмом, который «втягивает» в страну нужное для нее знание из всей мировой цивилизации. Страны, не обладающие таким механизмом, получают отфильтрованное и искаженное знание, утрачивают реальную независимость и вовлекаются главными мировыми державами и их блоками в их орбиту в качестве «материала».

Пока что эта функция выполняется недостаточно удовлетворительно — в основном по тем же причинам, что и предыдущая. Ученые России — социальная группа, проявившая исключительно высокую активность в перестройке и сама подпавшая под влияние созданных в это время идеологических мифов евроцентризма. В результате восприятие, осмысление и изложение знаний о процессах, происходящих в мире, носят сегодня заметную идеологическую окраску, искажающую информацию.

Особая роль науки в условиях кризиса. Указанные выше стороны бытия отечественная наука обеспечивает знанием в любые периоды — и стабильные, и переходные. В настоящее время Россия переживает период нестабильности, кризиса и переходных процессов. В это время на науку возлагаются совершенно особые задачи, которые в очень малой степени могут быть решены за счет зарубежной науки, а чаще всего в принципе не могут быть решены никем, кроме как отечественными учеными.

Например, в условиях кризиса и в социальной, и в технической сфере возникают напряженности, аварии и катастрофы. Обнаружить ранние симптомы рисков и опасностей, изучить причины и найти лучшие методы их предотвращения может лишь та наука, которая участвовала в формировании этой техносферы и этой социальной системы и «вела» их на стабильном этапе. Если мощностность науки во время кризиса недостаточна, число техногенных и социальных катастроф будет нарастать, а расходы на устранение последствий будут расти в непредсказуемых масштабах.

В условиях острого кризиса возникает необходимость в том, чтобы значительная доля отечественной науки перешла к совершенно иным, нежели обычно, критериям принятия решений и организации — стала деятельностью не ради «увеличения блага», а ради «сокращения ущерба». Это задает особое направление в оценке эффективности. Оценки по необходимости должны носить сценарный характер и отвечать на вопрос: «Что было бы, если бы мы не имели знания о данной системе или процессе?»

Заменять такие оценки подсчетом выгод от внедрения той или иной технологии (которую к тому же в нынешних условиях чаще бывает выгоднее импортировать) — это уводить внимание от главного. Трудность перехода к иным критериям заключается в том, что полезность исследований, направленных на предотвращение ущерба, в принципе не только не определяется, но даже и не осознается именно тогда, когда данная функция выполняется наукой эффективно. Пока нет пожара, содержание пожарной команды многие склонны были бы рассматривать как ненужную роскошь — если бы не коллективная память. Наука, которая имеет дело с изменяющейся структурой рисков и опасностей, опереться на такую коллективную память не может.

В значительной (возможно, большей) части усилий научной системы России вследствие кризиса требуется изменение приоритетов и даже *типа деятельности*. В 30-е годы в СССР сложилась и до конца 80-х годов существовала жесткая общественная система с высокой стабильностью и предсказуемостью основных параметров жизнеустройства. В соответствии с этой ее характеристикой сформировались критерии выбора приоритетов в науке и способ составления научных и научно-технических программ и проектов.

Однако уже целое десятилетие Россия живет и одно-два десятилетия наверняка будет жить в совершенно иной ситуации — в процессе череды сломов и быстрых изменений основных систем жизнеустройства. Очень вероятно, что нашему обществу придется пройти и через настоящую катастрофу. Возникает насущная потребность *срочного* получения от науки ответа на множество возникающих неожиданных новых, а порой беспрецедентных вопросов. *Интуитивным* знанием для выбора лучших или хороших решений проблем, встающих перед Россией, общество не располагает как в силу их принципиальной новизны, так и из-за утраты необходимой части исторической памяти в ходе индустриализации и урбанизации, а затем и кампании по целенаправленному разрушению коллективной памяти в политических целях («перестройка»).

В науке различается два разных взгляда на мир: есть *наука*

бытия — такой тип видения мира и постановки научных проблем, при котором внимание сосредотачивается на стабильных процессах и отношениях, — и есть *наука становления*, когда главным объектом исследования становятся именно нестабильность, переходы *порядок — хаос*, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового.

Оба эти типа научного знания и научной деятельности необходимы и дополняют друг друга. Однако в различные периоды существования общества приоритеты меняются, в совокупности ведущихся научных работ доминирует тот или иной подход. Сейчас Россия переживает такой этап, когда должны быстро создаваться и поддерживаться исследовательские группы, лаборатории и даже центры, ведущие НИОКР в духе науки становления. Между тем инерция мышления и власти и самой системы науки такова, что существующие лаборатории переключиться на иной тип критериев (и даже иной методологический подход — освоить философию нестабильности) не могут. Побуждать и стимулировать их должна была бы сознательная научная политика государства, но такой политики нет. Да ее и не может быть, пока само научное сообщество не видит структурно-функциональных различий между этими двумя частями науки.

От советской науки РФ унаследовала замечательные, передовые в мире школы в области «науки становления». Отечественные ученые внесли огромный вклад в развитие фундаментальных математических и физических теорий перехода «порядок — хаос», учения о катастрофах, понятия критических явлений. Многие из этих современных фундаментальных теорий нашли практическое приложение в исследованиях и разработках в области процессов горения и взрыва, цепных химических реакций, в аэро- и гидродинамике, океанологии и т.д. Взгляд на мир через понятия порядка, хаоса и самоорганизации ученые России обращали не только на явления природы и техники, но и на общественные процессы.

Эти заделы и наличное знание сами собой, однако, не складываются в комплексные научные проекты и программы, отвечающие на вставшие перед обществом и грядущие проблемы. Эти проекты и программы составляются в основном в старом ключе. Для перехода на новый уровень нужна политическая воля «социального заказчика», выраженная или в деньгах, или в административных решениях.

Опишем кратко две комплексные новые проблемы, адекватный ответ на которые невозможен без крупного междисциплинарного исследования нового для нашей науки типа.

Массовая наркомания и изменения общественных институтов.

Наркомания — сложное биологическое и социальное явление. В советское время она находилась в латентном и допороговом состоянии и предметом крупных научных программ не являлась. Сегодня положение резко изменилось, но отклика в науке не получило. Между тем освоения большого запаса знаний, накопленных по данной проблеме в зарубежной науке, при всей его необходимости недостаточно. Само явление наркомании тесно связано с социальными и культурными условиями, и простой перенос подходов других стран не годится. Кроме того, наркомания Запада — явление сравнительно стабильного городского общества. В России она становится важной социальной проблемой в условиях кризиса и нестабильности.

В целом общество России не готово к удару массовой наркомании. Нет, например, никаких признаков того, что руководство системы народного образования имеет обоснованную концепцию перестройки школы в связи с появлением этого нового фактора.

Также нет видимых свидетельств подготовки к кардинальной перестройке пенитенциарной системы. Появление в местах заключения трех групп риска (наркоманов, гомосексуалистов и больных СПИДом), по численности превышающих некоторый критический предел, принципиально изменяет положение, создавая массовую угрозу не только здоровью, но и самой жизни заключенных. Если государство при этом продолжает использовать старый тип мест заключения, оно становится фундаментально неправовым (заключение превращается во внесудебную расправу, совершаемую государством).

Пока что комплексной проблеме наркомании посвящаются частные программы (в основном в сфере здравоохранения и права). Нужна хотя бы единая программа по выяснению реальной структуры проблемы (построение ее «карты») и переводу накопленного в мировой науке знания на язык российской действительности в рамках анализа информации.

Массовое недоедание и его последствия в условиях России. В 1996 г. состояние с питанием населения России перешло критический рубеж: городское население в среднем стало получать менее 55 г белка на душу населения в день. При этом за последние годы произошло такое социальное расслоение, что острая белковая недостаточность сосредоточилась в бедной половине общества. Половина обследованных женщин в 1992 г. имела потребление белка ниже установленного ВОЗ безопасного уровня. У трети населения под воздействием белковой недостаточности происходят негативные физиологические изменения, а 9 — 10 миллионов человек уже несколько лет имеют питание ниже физиоло-

гического минимума, т.е. необратимые изменения в организме приводят их к быстрой преждевременной смерти.

Все это — новые явления для России, после 1933 г. не знавшей голода (голод 1933 г. был острым и кратковременным и не оставил никакого полезного опыта). В отличие от России начала века и от современных стран «третьего мира», ни общество, ни семья, ни государство России сегодня не имеют ни личных навыков, ни общественных и государственных институтов, чтобы нейтрализовать самые разрушительные последствия недоедания и несбалансированности питания. Россия не имеет «культуры голода». Такую культуру имела крестьянская Россия начала XX века (например, широкое употребление лебеды в пищу). Но сегодня все это забыто, а главное, несбалансированность питания сосредоточена сейчас не в деревне, а в городе.

Насушно необходимые навыки и институты не возникнут сами собой (вернее, они возникают слишком медленно, с излишними жертвами и потерями). Здесь должна оказать помощь наука, способная снабдить общество и государство целостным знанием об огромной медико-биологической, культурной, социальной и политической проблеме — так, как она встает именно в России конца XX века. Пока что от этой функции наука уклоняется, а органы управления наукой самой этой проблемы «не замечают».

Заключение. Главный критерий оценки состояния науки страны сегодня — возможность ее воспроизводства (восстановления) после выхода из кризиса, а вовсе не ее способность «создавать конкурентоспособные технологии». Для восприятия этого критерия и вытекающей из него оценки необходимо, однако, разобратся в культурных и организационных особенностях российской науки. Но главный критерий — не единственный.

Противоречивость ситуации состоит в том, что в выборе решений приходится следовать двум разным группам критериев: с одной стороны, необходимо гарантировать сохранение «генетического механизма» науки России, с тем чтобы после преодоления кризиса она могла быть возрождена в необходимом объеме и с необходимой структурой. С другой стороны, как раз в течение критического переходного периода резко возрастает необходимость в научном знании, добытом именно отечественными учеными, то есть потребность в активно действующей, актуальной науке.

Между этими двумя задачами существует противоречие. Оно заключается в том, что эти задачи решаются по-разному и обе

требуют значительных средств. Они конкурируют за ресурсы. Сохранение «генофонда», матрицы большой научной системы — задача *консервации*. Это требует снижения активных процессов, сокращения продуктивной деятельности, что можно уподобить анабиозу — эта часть науки должна впасть в спячку и «сосать лапу». Подлежат сохранению не обязательно наиболее продуктивные и дееспособные сегодня структуры, а те, которые легче переносят экстремальные трудности, сохраняя при этом культурный тип российской науки.

Напротив, активно производить в нынешних условиях конкретные знания лучше могут менее живучие, временные группы и лаборатории, способные срочно мобилизовать весь свой ресурс, «выложиться», как в спринте. Таким образом, должны быть разработаны и реализованы две принципиально разные и конкурирующие за ресурсы программы (хотя некоторые их блоки будут совпадать, и в общем случае таким «двоедышащим» программам при прочих равных условиях должен отдаваться приоритет).

С точки зрения перечисленных выше функций отечественной науки имеющаяся сегодня в наличии система является недостаточной как по масштабам, так и по структуре. Тенденции изменения этой системы при продолжении происходящих в ней процессов являются в целом неблагоприятными. Положение, однако, не ухудшилось необратимо, главные элементы научного потенциала сохранены, при восстановлении общественного строя, совместимого с жизнью страны, Россия в короткий исторический срок сможет восстановить и развить отечественную науку до необходимого уровня.

Через процессы самоорганизации уже произошло «спорообразование» части научных коллективов — они перешли из дееспособного, продуктивного состояния в состояние «анабиоза» — выживания при очень малом расходе ресурсов. Даже исчезновение многих школ и направлений нередко является лишь видимым, «административным» — в стране еще сохранились обладающие знаниями и опытом люди, они могут быть вновь собраны в живую лабораторию.

Однако процессы разрушения нелинейны, и положение может измениться быстро и с возникновением автокатализа — самоускорения под действием продуктов разрушения. Необходимы постоянная рефлексия научного сообщества и хотя бы внутренний диалог, освобожденный от идеологических пристрастий.

Глава 22

ЛЬГОТЫ И ИХ ФУНКЦИИ В СЛОЖНОМ ОБЩЕСТВЕ

Летом 2004 г. в Госдуме был принят, а в Совете Федерации утвержден закон о «монетизации» льгот — традиционное предоставление льготным категориям граждан ряда благ в *натуральном* выражении заменили денежными выплатами. Власть настояла на своем, большинство населения, судя по многим признакам, с этой акцией было не согласно. Возник социальный конфликт — как говорят, латентный, «дремлющий». Он «проснется» по какому-то другому поводу, сольется с каким-то другим, открытым конфликтом и усилит его.

Почему разгорелся этот сыр-бор? Казалось бы, из-за гораздо более сильных ущемлений наши люди не волновались. Власть отнимала все сбережения, снижала доходы и в три, и в четыре раза — никаких протестов! А тут из-за мелочи столько шума, власти приходилось буквально из кожи лезть, чтобы найти десяток пенсионеров и ветеранов, которые перед телекамерами выразили бы глубокое удовлетворение тем, что получают «живые деньги» вместо каких-то там лекарств или бесплатного проезда.

Положение действительно странное: министры наперебой убеждают, что люди деньгами получают гораздо больше, что им это выгодно, что власть потратит на льготы намного больше, чем тратит сейчас, а люди упираются, не желают выгоды. С другой стороны, к чему бы такая забота о неразумных? Зачем на них тратиться — пусть бы себе и получали свои жалкие натуральные крохи, если считать не умеют. Зачем так стараться министрам, так радеть о темной массе?

В том-то и дело, что вопрос принципиальный, к деньгам и крохам не сводится. Тут нашла коса на камень, столкнулись два мировоззрения, два взгляда на жизнь. Даже, можно сказать, два типа рациональности — и выявился не разрыв, а просто пропасть между властью и массой населения. Даже удивительно, как это может проявиться в такой капле воды. Тут приходит на ум, что Лютер начал Реформацию, которая унесла 2/3 жизней Германии, казалось бы, из-за мелочи — имеет ли право церковь продавать индульгенции (документ об отпущении грехов). Тоже была капля воды.

Критики закона говорят, что правительство задумало сэкономить на отказе от выдачи льгот натурой — заменит льготы небольшими деньгами, а их сожрет инфляция. Это, скорее всего, так и есть, но это вовсе не главное, из-за этого власть так бы не

уперлась, нашла бы другой способ встряхнуть карманы. Кроме того, власть взяла курс на последовательный уход государства от обязательств, которые требуют реальных действий и реальных отношений с людьми. Торопятся потому, что правительство имеет Госдуму в кармане, а президент — ресурс успеха на выборах. Надо ковать железо, пока горячо, и делать необратимые шаги. Такова недалекая рациональность власти, ее можно понять.

Но главная цель иррациональна, она лежит в сфере идеалов — продавливать либеральную утопию, которая на деле уже сдохла. Для этого необходимо «монетизировать» все стороны жизни, и на этом пути правительство уже вышло за рамки рациональности. Протолкнув свой закон, оно стало орудовать в сфере идеалов — грубо говоря, плюнуло в душу большинству. И этот плевок начнет работать — тем сильнее, чем непонятнее людям смысл этой акции.

Вот красноречивый пример моментальной реакции. Известно, что в критическом положении находится в РФ донорство крови — жизненно важный общественный институт. За последние 15 лет число доноров сократилось вдвое. Кроме того, резко снизилось качество сдаваемой крови — значительную часть ее сдают, за небольшую плату, отчаявшиеся люди, часто опустившиеся на дно, больные. Как сказано в недавнем обзоре, «бесплатного донорства в нашей стране практически не существует. Оно кануло в Лету вместе с введением в России законов рыночной экономики... Попробуйте-ка прийти с выданной на пункте сдачи крови просьбой-справкой о предоставлении вам выходного дня к руководителю какого-нибудь ОАО»¹.

Так вот, даже остатки донорства ликвидируют бессмысленным актом ликвидации льгот. Главной льготой был установленный для доноров законом 1993 г. бесплатный проезд на всех видах общественного транспорта — она отменена в 2003 г. Другие льготы, почти эфемерные, устраняются новым законом. Доноры Ижорского завода, в основном сдававшие кровь *бесплатно* (и, кстати, реально не получавшие положенных льгот), пишут: «Мы с горечью и недоумением узнали, что доноров хотят лишить немногочисленных льгот. Кровь — бесценный дар. Донорство неоценимо в денежном выражении, и льготы — лишь некоторый стимул для участия людей в донорском движении. Это знак признательности и благодарности этим людям со стороны государства... Неужели Россия хочет «прославиться» как первая страна, загубившая донорское движение?»

Как надо оскорбить людей, чтобы они такое написали! Сго-

---

¹ Наша власть: дела и лица. 2004. № 4. С. 27.

ряча написали, наверняка не перестанут сдавать кровь, но в этих словах уже зародыш тяжелого презрения к власти — за то, что не хотела понять таких простых вещей (и презрения к той части «образованных», которая поддерживает власть в этом непонимании). Это презрение за то, что при помощи СМИ сознание людей расщепляют, их стравливают и соблазняют. Люди не могут возразить власти и порой даже поддакивают, а «сердце не лежит». Факт, что у большинства «сердце не лежит», потому такие усилия применяло правительство для уговоров. Более того, пассивное сопротивление этой акции было удивительно единодушным. Это говорит о том, что она затронула что-то очень важное, какой-то нерв — людям больно, но объяснить внятно они не могут. Да и не обязаны. Но они запомнят, что правительство не пошло на диалог, не обратило внимания на вполне разумные доводы даже очень авторитетных людей.

Дело в том, что монетизация любых натуральных повинностей или благ есть сильнейший механизм *атомизации* общества, перевода всех человеческих и социальных отношений на принципы купли-продажи. Льготы — это механизм *усложнения* общества, повышения его разнообразия. Это знаки отличия, знаки заслуг человека перед обществом и государством. Они важны даже просто как напоминание о том, что существуют *доблесть* и *заслуга*. Когда-то и в парикмахерской маленького поселка можно было увидеть вывеску «Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди» — ведь она висела не для героев, а для посетителей, чтобы они *помнили о героях*. Монетизацией стремятся стереть из памяти людей само понятие доблести. Давно сказано: «Не имеет ценности то, что имеет цену». Таких ударов по сокровенным культурным устоям люди не прощают.

Обмен благами не через куплю-продажу («деньги — товар»), а в «натуре» — важнейший механизм связи людей в семье, роды, народы. При таком обмене прозаическое благо наполняется сокровенным смыслом, его дарение и принятие приобретают литургическое значение. Человек дарит свою кровь царю, Отечеству, народу, а те потом дарят ему льготу. Именно эту систему нерыночных связей между людьми, а также между людьми и государством стараются ликвидировать реформаторы. И это одна из их главных забот.

Уже на заре реформы это кредо так выразила «Независимая газета» (10.06.1992): «Антирыночность есть атрибут традиционного менталитета, связанного с «соборной» экономикой... Наша экономическая ублюдочность все еще позволяет более или менее эффективно эксплуатировать миф о неких общностях, объединенных кровью, почвой и судьбой, ибо единственно реаль-

ные связи пока в зачатке и обретут силу лишь в расслоенном, атомизированном обществе. Отвечая на вопрос о характере этих связей, этой чаемой силы, поэт Иосиф Бродский обошелся одним словом: «Деньги!»

Если убрать ругательства, то все здесь сказано верно и чеканно — не должны мы быть связаны «кровью, почвой и судьбой», реформаторы и их любимые поэты постараются нас расслоить и атомизировать, уничтожить нашу «соборную» экономику. Есть у них для этого чаемая сила — *деньги*.

Тут мы, конечно, затронули лишь верхушку проблемы. Уничтожение («монетизация») системы льгот и вообще натуральных выплат нанесет обществу огромный урон, его даже трудно оценить.

Вернемся на Запад, где якобы нет «ублюдочной соборной экономики» и где поэты кричат о чаемой силе денег. Мы, противопоставляя его рыночное общество традиционным западным обществам, рисуем для себя образы чистых, идеальных типов. В реальности, конечно, Запад сохраняет многие традиционные ценности и здравый смысл. Там никому и в голову не придет ликвидировать сложную и широкую систему натуральных льгот. Сама эта идея просто показалась бы там идиотизмом — зачем же без определенного смысла разрушать общество!

Пройдем сверху вниз. Принимая на работу ценного сотрудника, администрация фирмы помимо высокого оклада сразу сообщает ему список тех натуральных льгот, которыми он может пользоваться (например, местом на удобной автостоянке, теннисным кортом или бассейном и т.п.). Следуя логике наших реформаторов, если человек не играет в теннис, то справедливо было бы заменить ему эту льготу денежной выплатой. Но такая мысль там показалась бы именно идиотской.

Очень часто производственные фирмы в США предлагают всем своим рабочим другую важную льготу. Они, закупая для нужд производства материалы, приобретают и такие, которые используются в быту (краски и пр.), и продают их своим работникам со склада фирмы по оптовым ценам. Такое «сращивание производства с бытом» почти ничего не стоит фирме, но дает существенную экономию части работников, хотя этой льготой тоже пользуются далеко не все.

Наконец, о льготах беднякам. В США, например, значительную часть этих льгот составляет выдача наборов продовольственных продуктов (точнее, талонов для их получения в магазинах). Это типичная натуральная льгота, и никому в голову не придет заменить ее деньгами. Часть продовольствия (особенно из складских излишков) бесплатно распределяется по школам и

приютам. О благотворительности и говорить нечего — она осуществляется именно в форме предоставления благ *натурой*.

Блага натурой даются людям для того, чтобы они их потребовали *сами* и именно в данном им виде. Монетизация заведомо означает, что деньги уйдут «по другим статьям». Если говорить о России, то эта сторона дела особенно важна. Получив свою льготу в виде горсточки «монет», наш ветеран потратит ее прежде всего на *нужды близких*. Выдача льгот натурой — выражение особого свойства традиционного общества, которое верно подмечено либеральными философами. Такое общество *приказывает жить*, в то время как либеральное общество дает *свободу умирать*. Потому-то вымирает либеральный Запад, а при либеральной реформе стали вымирать и русские.

Вот красноречивая льгота — летчикам во время войны давали шоколад. И они не имели права поделиться им даже с голодающими детьми блокадного Ленинграда. Летчик был обязан жить — ради тех же детей. Когда ветерану дают нужное ему лекарство, он обязан его принять — и жить. А если ему вместо этого сунут в зубы сто рублей в месяц, он волен купить на них пару бутылок водки — и умереть. Он свободен и никому ничем не обязан. Копить эти деньги в ожидании болезни он уж точно не будет.

Когда говорят, что льготы натурой несправедливы, так как ими не пользуются многие из тех, кто имеет на них право, то или кривят душой, или впрямь не понимают простых вещей. Льготы — это выраженный в натуральных благах *страховой фонд*, из которого дается помощь именно тем, кому она нужна (с учетом иерархии заслуг). Заранее разделить этот фонд поровну в деньгах между всеми имеющими право на получение помощи из этого фонда, — это значит не оказать помощи никому. Помощь голодающим из неприкосновенного запаса — это льгота, на которую имеют право *все*, но которой пользуются только те, кто *в данный момент нуждается*. Что будет, если неприкосновенный запас перевести в деньги и заранее раздать их всем поровну?¹

А ведь нечто подобное и собираются сделать с той льготой, которой мы все недавно обладали, — здравоохранением. Тех денег, которые раньше выделяло на эту льготу государство, хва-

---

¹ При обсуждении этой проблемы в Интернете один участник написал: «Допустим, льготы сотни ветеранов в сумме составляют количество денег, достаточное для одной сложной операции. Эту льготу, «которую использует один из сотни», заменят деньгами — и тот один, которому вдруг эта операция окажется необходима, получит лишь один процент нужной суммы... Вы спросили людей, хотят ли они разрушить свой страховой фонд и разбежаться по норам каждый со своей тысячей в клюве? Причем этот наш страховой фонд действует вообще без управленческих издержек».

тало всем больным. Никто не умирал оттого, что ему не хватило денег на лекарства или на врача. А теперь эти деньги хотят выдать каждому на руки поровну — и уже *никому* их не хватит на лечение из тех, кто, не дай бог, заболеет.

Надо к тому же сказать, что депутаты Госдумы РФ (все как один с высшим образованием), да и поддержавшая их часть интеллигенции проявили удивительную нечувствительность к фундаментальным категориям, которыми оперировали во время принятия закона. Натуральные льготы — страховой *фонд (запас)*, к которому можно прибегать лишь в момент нужды, пусть даже столь регулярной, как проезд в автобусе. Важна суть категории. Ежемесячные денежные выплаты — *поток*. Закон заменяет фонд (запас) потоком, что является фундаментальным изменением системы. Разве эта проблема обсуждалась? Разве было проведено хотя бы голосование депутатов именно по этой проблеме?

Различие хорошо видно при рассмотрении льгот на покупку лекарств. Имея эту льготу в натуральном выражении, человек в случае нужды (заболевания или обострения болезни) идет и изымает свой фонд, свой запас. Каково же будет поведение человека, который ежемесячно получает эту льготу, превращенную в поток — в ежемесячную небольшую прибавку к пенсии? Месяц за месяцем он здоров и в 99% случаев просто будет тратить эту прибавку в общем потоке своих скудных доходов, даже не задумываясь. И в момент заболевания или обострения болезни этот человек денег на лекарства иметь не будет.

Чтобы загодя превращать поток в запас, он должен был выработать в себе навыки и даже культуру *накопительства*, а для этого должно было пройти несколько поколений. Большинство населения РФ, как должно быть известно русской интеллигенции, таких навыков и такой культуры не имеет. Поэтому о наличии фондов у нас заботились государство, община, трудовой коллектив. Какая тупая безответственность — лишить всего этого жителей России!

Наконец, льготы натурой — исключительно экономная вещь и потому, что они «таятся в порах производства». Их замена деньгами уничтожает тот огромный эффект, который возникает при переплетении производства и быта, как в крестьянском дворе или на советском заводе (и даже, в меньшей степени, в западной фирме). Заводы в СССР отапливали дома своих рабочих (и их соседей) отходами технологического тепла, заводские сварщики между делом ремонтировали в этих домах трубы и обустраивали детские площадки. Эти натуральные льготы рабочим выкраивались из лоскутков производственных мощностей. Перевод их на рыночную основу влетает в такую копеечку, что наши

привыкшие к советским порядкам хозяйственники не раз за время реформы столбенели.

Лишат пенсионеров бесплатного проезда. Они будут ходить пешком или сидеть дома. Автобус будет ходить, как и раньше. И никакой прибыли не получит от того, что не втиснется в него старик, не поблагодарит уступившего ему место мальчика и не проедет гордо и бесплатно — потому что он ветеран и заслужил такую льготу.

Какое ничтожество мысли и духа простирает над Россией свои совиные крыла!

Глава 23

УТРАТА СПОСОБНОСТИ К РЕФЛЕКСИИ

Важным «срезом» рационального сознания является способность *предвидеть* состояние и поведение важных для нас систем и окружающей среды. Это предвидение опирается на анализ предыдущих состояний и их изменения, включая анализ собственного осознания и понимания этих состояний, собственных решений и действий. Для такого анализа необходим навык *рефлексии* — «обращения назад».

Рефлексивное отношение к бытию, способность регулярно, почти непрерывно «оглядываться назад», как оглядывается в зеркало заднего вида водитель, и анализировать прошлое с целью понять настоящее — важное качество той рациональности, нормы которой выработало Просвещение. Это вовсе не самопроизвольно возникшее умение, это часть определенной методологии мышления. Эту методологию можно освоить и развивать, а можно и утратить.

Именно рефлексия дает возможность поступательного движения в познании реальности — в каждый момент настоящего мы должны иметь в виду тот прошлый запас знания, который прирашиваем сейчас, ибо эту новую частицу знания мы встраиваем в изменяющуюся структуру того знания, которым обладали вчера, год или десять лет назад. Рефлексия — это непрерывное обновление знания. Понятно, что рефлексия требует воли и мужества — сзади всегда ошибки, за которые грызет совесть («тянет ко дну боль и грусть, прежних ошибок груз»). Недаром Кант писал, что Просвещение имеет свой девиз, свой наказ: *Aude saper* — «имей отвагу, смелость знать»¹.

---

¹ См.: Фуко М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002.

В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется и возникают разрывы непрерывности, в том числе в нашем сознании, рефлексивный аспект мышления приобретает критическое значение. Задержка с анализом предыдущих состояний и решений нередко становится фатальной, поскольку система проходит «точку невозврата» и движение процесса по плохой траектории становится необратимым. Самые фундаментальные процессы во время кризиса становятся резко нелинейными и протекают в виде череды сломов и переходов — мы же часто исходим из привычных линейных представлений.

Если говорить об общественном сознании, то для нашей коллективной рефлексии необходима коллективная *память*. Конечно, память — лишь склад, запас идей и образов. Этот запас необходим для рефлексии, но далеко не достаточен. Рефлексия — активная деятельность по анализу этого запаса, по переосмыслению каждой хранящейся на этом складе ценности в соответствии с последующим опытом. Но разрушение памяти не просто лишает рефлексии необходимого материала, оно рассыпает и то пространство неслышного общего разговора, в ходе которого и происходит осмысление прошлого.

Память является одной из главных сил, скрепляющих людей (население) в народ. Если ее удастся разрушить, народ превращается в «человеческую пыль», в скопище индивидов, которые в одиночку, каждый по-своему вспоминает прошлое, думает о настоящем и пытается предугадать будущее. Такие разъединенные люди утрачивают и навыки логических рассуждений, поскольку они нуждаются в диалоге, в оппозиции утверждений.

Мир разъединенных людей сужается до тех пределов, которые они могут достать рукой, «здесь и сейчас». Это подавляет многие стороны рационального сознания, например, ответственность за ход исторического процесса — независимо от масштаба той части бытия, за которую готов отвечать человек.

Утратив связь с коллективной памятью, оставшись со своей индивидуальной шкатулкой, полной обрывков личных воспоминаний и обид, такие люди уже не живут в нашем совместном, общем прошлом, не испытывают совместных, общих страданий от настоящего и не болеют общей тревогой за будущее.

Общество, в котором слишком большое число граждан так «приватизирует» свою память и теряет способность к рефлексии, становится беззащитным. Ущербное сознание не принимает вещей, которые старики понимают с полуслова. Люди не могут договориться даже со своими сверстниками о том, что происходит сегодня, ведь настоящее растет из прошлого, а прошлого они в общих, единых для всего поколения понятиях выразить не могут — они его «не помнят».

В таком обществе с подорванной общей исторической памятью не возникает «мнения народного» и не может сложиться понятного для всех разумного проекта преодоления разрухи. Людей в таком состоянии («пути не помнят своего») легко водить за нос, и не раз в истории целые народы при таком поражении сознания становились легкой добычей проходимцев. В такое положение попали и мы.

В РФ после 1992 г. произошло разрушение или глубокая деградация инструментов рефлексивного мышления. К этому были предпосылки. В 60 — 70-е годы, как раз когда в жизнь входило большое послевоенное поколение, в СССР произошла быстрая смена всего образа жизни — большинство стало жить в городах. Темпы промышленного развития были таковы, что переход этот (урбанизация) произошел с головокружительной скоростью — более 40% городов СССР возникли после 1945 г.

В любом обществе урбанизация переживается очень болезненно, потому что разрушается прежний механизм передачи от поколения к поколению коллективного исторического знания. Деревня — это непрерывное личное общение старых и малых. Предание передается из уст в уста.

Город, конечно, людей изолирует, здесь надо было создавать новые средства для поддержания общей исторической памяти. Поначалу этот поиск шел — люди часто собирались большими компаниями, «вспоминали», на сохранение памяти работали и школа, и кино, и телевидение. Советское общество относилось к категории «традиционных» обществ, и руководство страны старшего поколения понимало, как важна общая память для сохранения народа.

Но в 80-е годы произошел резкий слом. К руководству пришло новое поколение номенклатуры, из «западников». Большая часть интеллигенции тоже повернулась лицом к Западу и стала тяготиться нашим «неправильным» прошлым. «Перестройка» так ведь и была замыслена — как стирание нашей коллективной исторической памяти, замена нашего культурного ядра, возвращение на «столбовую дорожку цивилизации»¹.

---

¹ Уже у российских западников начала XX века наблюдалось выпадение рефлексивного аспекта из их рассуждений об обществе. Н. Бердяев писал, метафорически обозначая словами «азиатская душа» тип мышления, не способного к рефлексии: «Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей».

Методы воздействия на коллективную память, отработанные на Западе, показали поразительную эффективность. Западный «средний класс» — это, как говорится, новая историческая общность людей. Ее замечательное свойство в том, что она не *рефлексирует*. Удивительно, как этого сумело добиться господствующее меньшинство. Надо ему отключить какой-то блок памяти в сознании обывателей — и его просто «стирают», как из памяти компьютера.

Например, во время «холодной войны» в США всего за 20 лет сумели полностью вытравить память о Второй мировой войне, так что американские студенты при опросах в массе своей отвечали, что в той войне США и Германия вместе сражались против русских. А немцев и итальянцев убедили, что они, как истинные европейцы, всегда «генетически» были привержены к демократии. Они, конечно, смутно помнят о Гитлере и Муссолини, но память их разорвана, и они не помнят «состояния самих себя» в тот период. И Гитлер был — и демократами они всегда были...

Но то, что сделали с нами, не имеет аналогов. Нашу память уродовали 15 лет подряд с утра до ночи и пресса, и телевидение, и кино, и поэты с певцами, и учебники Сороса. Одинаково сильный удар был нанесен по трем главным блокам коллективной памяти — исторической, среднесрочной (XX век) и актуальной (перестройка и реформа). Историю XX века изнасиловали так, что ни в какой антиутопии не придумать. Интеллигенция буквально влюбилась в Столыпина, который своей неудавшейся «реформой на крови» и своими провокациями озлобил крестьянство и все общество, так что довел дело до большой революции. А дети крестьян поют про корнета Оболенского, про хруст французской булки и уверены, что если бы не большевики, то они все были бы помещиками.

Отключение «блока рефлексии» в сознании советской интеллигенции, а потом и в массовом сознании в конце 80-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности — как будто кто-то сверху шелкнул каким-то выключателем. Тогда стало правилом хорошего тона духовно отмежеваться от революции и исторического выбора 1917 — 1920 гг. Все приличные люди стали оплакивать «Россию, которую мы потеряли» и кинулись целовать кто туфлю Сахарова, кто рукав Солженицына. Все как будто забыли, что главные тексты Сахарова отражают типичное кредо западника-социалиста (даже почти еврокоммуниста) с очень большой долей русофобии. Забыли и то, что Солженицын тоже сформировался как марксист-западник и первоначальное название его будущей эпопеи «Красное колесо» было «Люби революцию».

Конечно, можно и нужно время от времени менять вехи, разбивать скрижали и сбрасывать в овраг прежних идолов. Но при этом надо помнить, когда и почему ты это сделал. А у нас получилось так, что в сознании образованного слоя после каждой новой вехи весь предыдущий путь в памяти стирается, и вместо реалистичной картины этого пути, с его счастливыми и трагическими моментами, кто-то вставляет простенький кадр из мультфильма про Микки-Мауса. Соответственно, в сознании образуется провал и в видении предстоящего пути — сюда вставляется реклама «Ням, ням, ням, ням, покупайте микоян!».

Время, когда российское общество после перебора всех наличных проектов качнулось к советскому проекту (1905 — 1920 гг.), — сравнительно недавнее, до него в 80-е годы было рукой подать. Тогда жили наши деды и даже отцы. В 80-е годы интеллигенция от того выбора отшатнулась? Такое бывает — на новом перекрестке, в новых условиях влиятельная часть общества предпочитает пойти по другому пути. Ну так разберись с прежним выбором, покопайся в себе и определи, что тебе сегодня в нем не по душе. Только так можно понять, куда тебе хочется пойти с нынешнего перекрестка. Такую совершенно необходимую в рациональном мышлении рефлексию заменили тем, что просто стали лить грязь на исторический выбор начала XX века.

В бурное время конца перестройки и начала 90-х годов этот момент остался без внимания, а меня лично он поразил, и сейчас стоит о нем напомнить. Тогда сам выбор советского проекта охаивали практически все «организованные политические силы», весь «союз красных и белых», не говоря уж о «демократах». Даже КПРФ объявляла себя «партией Жукова и Гагарина» — выковыривала из истории приятные образы, как изюм из булки. Я, по службе считаясь «аналитиком», общался тогда с представителями всех этих «сил». И в беседах, иногда очень доверительных (особенно в командировках, за рюмкой водки или стаканом виски), я пытался навести разговор на такую тему. Вот вы отвергаете именно сам выбор советского пути развития. Условия выбора известны, расстановка и баланс сил тоже. Все альтернативные проекты (Столыпина, кадетов, Колчака с мировой закулисой) были также известны и испытаны. Сейчас, с уровня вашего знания, скажите, с кем бы вы в тот момент были?

И вот никто из тех, с кем я смог лично или через тексты «поговорить» — ни реформаторы из группы Гайдара (из ЦЭМИ АН СССР), ни Шафаревич, ни Зюганов, ни Зорькин, — ни разу не сказал и не намекнул, какую позицию он занял бы в критические моменты после февраля 1917 года в *реальном* спектре политических сил. Вы отвергаете проект большевиков как якобы худший из реально возможных? Хорошо. Принимаем даже, что

народ фатально ошибся. Скажите, с кем были бы вы лично? Вот это было бы честно, поскольку тогда ваша критика того выбора была бы сопряжена с личной ответственностью.

Пусть бы И. Р. Шафаревич сказал, что он в 1919 году был бы сподвижником генерала Шкуро или громил бы города и местечки вместе с батькой Махно. Пусть бы он сказал, что это был лучший выбор, чем собирать Россию под красным флагом, что лучше было бы ему потом скитаться по эмиграции, чем заниматься математикой в Академии наук СССР. Реально других проектов уже не было, пути Столыпина и буржуазных либералов уже были «исхожены до конца», Керенский уже написал о себе: «ушел один, отринутый народом». Так присоединитесь в вашей рефлексии хоть к нему, вас все-таки будет тогда двое!

Нет, все молчат! Шафаревич даже возмутился — это, мол, нелепый вопрос. С какой стати он будет продумывать тот выбор, если он тогда не жил. Его отрицание рефлексии как способа познания реальности и предпосылки предвидения оказалось принципиальным. Но это уже радикальный постмодернизм, мало кто до него дозрел. Все обычно задумывались, это по лицам было видно.

Думаю, каждый вспоминал следующий критический момент — поворот к сталинизму, к восстановлению державы, т.е. отказ от идеи мировой революции. Пусть бы Зорькин сказал, что он в тот момент был бы с Троцким или Бухариным — вот реальный выбор, другого не было. В начале перестройки пытались представить Бухарина лучшей альтернативой. Но вышли его труды, и эта попытка лопнула как мыльный пузырь, ее потом предпочитали забыть. Ну так признайте: да, полвека предреволюционной работы тогдашних познеров и новодворских, Временное правительство тогдашних бурбулисов толкнули Россию на такой путь, что в конце 20-х годов сталинизм, при всех его видимых уже тогда ужасах, оказался лучшим выбором — и подавляющая масса народа сделала именно этот выбор.

Ведь это и есть фундаментальная проблема для интеллигенции, как же можно от нее уходить? Почему в критические моменты истории, когда речь идет об утрате национальной независимости, ее спасением приходится заниматься людям с диктаторскими наклонностями, действующим с избыточной жестокостью? И как избежать того, чтобы в следующих поколениях потомки, возмущившись жестокостями, вместе с образом диктатора сдали и саму независимость? Нет, об этой проблеме не хотели и слушать.

А когда утвердился Сталин — оставалось 10 лет до войны, и их Россия прожила «бытом военного времени». Но ведь об этом никто — ни слова. Что такое «быт военного времени»? Это тоталитаризм — и жертвы, в том числе невинные, тоталитарной машины. Эти жертвы принимаются теми, кто воюет за страну, и их

ненавидят те, кто в этой стране есть «пятая колонна». Разве не так стоит вопрос? Так давайте честно определять свою позицию.

Вот тотальная коллективизация — зачем? Чтобы решить срочную проблему хлеба, так как промышленность не поспела кормить город через товарообмен. Чтобы изымать средства из села для индустриализации. Чтобы механизировать поле и обеспечить заводы массой рабочих. Это проблемы, отложить которые было нельзя, не отказавшись от проекта в целом, и лишних денег для смягчения шока не было. Коллективизация — трагическая глава советской истории. Так пусть Бабурин скажет, как бы он в тот момент решал эту проблему, окажись на месте Сталина. Что же предлагают вместо коллективизации — хотя бы сегодня, с высоты опыта 70 прошедших лет? Шафаревич говорит, что надо было «сосредоточить все силы на поиске другого пути». Но за 70 лет можно было бы этот другой путь ретроспективно найти, в главных его чертах. Так давайте, укажите. Не указывают, «потому что они тогда не жили». Это и есть утрата способности к рефлексии.

Поразительно, насколько разумнее и даже бережнее отнеслись к нашей истории чужие люди. В нескольких американских лабораториях вновь рассчитали шансы на успех продолжения нэпа без коллективизации — уже с помощью современных методов математического моделирования и использованием надежно известных данных о реальности после 1930 г. Они ввели в модель данные о земельном фонде, рабочей силе и численности тяглового скота в сельском хозяйстве СССР, учли реальные погодные условия 1928 — 1940 гг. и составили прогноз урожайности и возможности увеличения поголовья тяглового скота¹.

При моделировании исходили из нереального допущения, что СССР мог бы в эти годы *не проводить индустриализацию*, абстрагировались от проблемы выживания в грядущей войне и фактора времени, отпущенного историей на то, чтобы к ней приспособиться. Но даже при таком допущении оказывается, что без коллективизации переход села к травопольному севооборотам и интенсивному хозяйству оказался бы невозможен. Причем главным ограничением была невозможность достаточного прироста поголовья лошадей. Для расчета поголовья составили самую детальную модель с учетом всех условий России, на основе тенденций с 1882 по 1928 г. При оптимистических, признанных завышенными прогнозах урожайности получалось, что без коллективизации можно было бы получить примерно на 10% боль-

---

¹ Эти работы изложены в книге Г. Хантера и Я. Штирмера «Советская экономическая политика в 1928 — 1940 гг.» («Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928 — 1940». Princeton, 1992, 339 p.). Она обсуждалась в 1993 г. на семинаре в Институте российской истории РАН (Отечественная история, 1995, № 6).

ше зерна, чем было реально получено в СССР. Но этот прирост был бы с лихвой истрачен на корм лошадям.

Я не представляю, как можно, взвешивая историю не на фальшивых весах, не признать, что советский строй проявил необычную силу и провел страну, раненую, но полную жизни, через самые тяжелые периоды. Представьте, что мы входим в ту войну или послевоенную разруху не с ВКП(б), а во главе с нынешней либерально-демократической тусовкой, не с Жуковым и Молотовым, а с Грачевым и Козыревым, не с солидарными карточками, а с либерализацией цен. Но ведь чтобы все это сопоставить, надо «прокатать в уме» прошлое и прикинуть себя самого в эти критические моменты, свое восприятие той реальности. Только тогда ты поймешь настоящее и освоишь будущее. Нужна рефлексия — а ее нет!

Вот мы уже двадцать лет слышим непрерывный хор на манер греческого: «Сорок миллионов расстрелянных! Нет, шестьдесят три миллиона! Нет, двести тридцать миллионов!» Разве не поразительно — после обнародования точных и подвергнутых перекрестной проверке архивных данных о репрессиях, в университетах США в курсах истории приводятся именно эти достоверные данные, а в РФ продолжается фальсификация недавней истории. В этой какофонии люди просто вынуждены «все забыть», чтобы не быть в невыносимом постоянном конфликте с тем, что они слышат. Их память оступела, как под наркозом. И они равнодушно воспринимают любую галиматью.

Раздутый хладнокровными идеологами образ репрессий имел многоцелевое назначение. Одной из целей было разрушение *чувства государственности* — причем не только советской, а вообще всякой. Это, в свою очередь, тоже преследовало и политические, и чисто уголовные цели — отвращение к государству было необходимо хотя бы на момент приватизации почти всей государственной собственности.

Частью этой кампании стало категорическое отрицание главного инструмента государства — *насилия*. Кстати, сейчас мы видим, что отвращение к государственному насилию распространялось именно на собственное государство, а насилие, например, властей США вызывает у наших демократов уважение. В советской истории насилие же представлялось преступным даже в самые критические периоды, когда государственные органы были вынуждены решать срочные и чрезвычайные задачи ради спасения множества жизней граждан. Представить себя и свое поведение в такие моменты люди были неспособны.

М. М. Пришвин пишет в дневнике 1919 г., в разгар Гражданской войны: «Представителя свободы коммуниста Алексея Спиридоновича я спросил:

— Как вы можете сажать людей в холодный амбар?

— Это необходимость, — ответил он, — и вы, и всякий посадит, если ему нужно будет собрать с наших крестьян чрезвычайный налог. Сами виноваты плательщики: он приходит, плачет, на коленки становится, уверяя, что у него нет ничего. Его сажают в холодный амбар, и через час он кричит из амбара: «Выпускайте, я заплачу!» Раз, два — и пошла практика, и так повсеместно по всей Советской России начался холодный амбар. И вы сделаете то же самое, если встанете перед государственной задачей собрать чрезвычайный налог». Крестьянин Алексей Спиридонович это понимал и мог толково объяснить писателю-либералу Пришвину. А в конце XX века этого не понимал ни либерал-интеллигент, ни квалифицированный рабочий, который перенимал способы мышления у этого интеллигента.

Поражает, насколько умнее и мудрее был даже совсем молодой Пушкин — а ведь все мы его вроде бы учили. В «Капитанской дочке» он пишет, под именем Гринева, об изменениях, произошедших в течение жизни одного поколения (в связи с тем, что капитан Миронов в крепости собирался попытать башкирина из «бунтовщиков»): «Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия... Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судья, ни подсудимые».

Да, Петр Гринев начала XIX века уже считал пытку «варварским обычаем», но он прекрасно помнит и честно признает, что в 1774 г. он не сомневался в ее необходимости. Можно ли из-за этого проклинать молодого Гринева и уничтожать все жизнеустройство Гринева зрелого? Это можно только в состоянии деградации рационального сознания и способности к рефлексии.

Утрата этой способности приводит к утрате ориентиров и для адекватного восприятия современности. Ведь наша либеральная интеллигенция, занявшая в важных вопросах нынешнего кризиса проамериканскую позицию, начисто забыла свой собственный гнев по отношению в государственному насилию в своей стране (точнее, к воображаемому образу насилия). На наших глазах интеллектуальная элита США сдвигается к признанию *пытки* как приемлемого для демократического общества инструмента — в XXI веке! И никакого возмущения в среде российской интеллигенции. Им можно!

Вот сообщение американской прессы: «Алан Дершовиц (Alan Dershowitz), светило Гарварда, поощрительно относится к пыткам (запрещенным конституцией США) в отношении террористов. В интервью он сказал: «Сразу хочу уточнить, что мое

предложение вытекает из внутреннего отвращения к пыткам: это тайное и нелегальное явление, которое, к сожалению, существует и которое, будучи не в состоянии искоренить, я бы хотел поставить на службу закону и демократии... Перед бомбой, оснащенной часовым механизмом и готовой взорваться — то есть террористом, располагающим информацией, которая может спасти жизни тысячам невинных людей, — любая настоящая демократия может и должна сделать что-нибудь, чтобы предотвратить взрыв...

Моя цель — узаконить пытку, чтобы иметь возможность контролировать и останавливать ее. Сегодня пытка тайно и нелегально практикуется на всей планете, включая демократические страны, подписавшие международный договор о ее упразднении. ЦРУ по всему миру пустило леденящий душу учебник с самыми жестокими методами «вымогания информации», а комиссары полиции, от Калифорнии до Флориды, ежедневно применяют пытки за закрытыми дверями. Я считаю, что намного лучше было бы ввести ее в рамки закона, сделав видимой и прозрачной, то есть демократичной... Кроме того, я предлагаю ввести «не смертельную» пытку, как, например, разряды тока или иглы под ногти, которые вызовут невыносимую боль, не подвергая опасности жизнь индивида.

Повлияло ли это признание «светила Гарварда» на ненависть к НКВД? Нет, нисколько. Вызвало ли оно ненависть к ЦРУ, ФБР и политической системе США? Нет, нисколько. Значит, перед нами случай расщепления сознания и утраты способности к рефлексии.

Но для нашего нынешнего состояния, видимо, самым губительным было разрушение краткосрочной, *оперативной* памяти — памяти о тех идеях, словах и делах, которые прямо влияют на нашу жизнь, наши решения и наше поведение именно сегодня. Все понимают, что положение страны очень тяжелое — накапливаются угрозы и тают ресурсы. Сказки про «рост ВВП», благодатные нефтяные цены и нежность к нам со стороны Джорджа Буша и Кондолизы Райс уже мало кого утешают. Но ведь и связно обсудить хотя бы между собой пути выхода из кризиса люди не могут! Они уже не помнят, как мы в эту яму свалились, кто нас в нее вел, какими доводами нас соблазнял. Мы уже забыли, где верх, а где низ, как надо жить человеку, а как не надо. Ведь мы стали непохожи на самих себя — мы забыли, кто мы и откуда!

Невозможно вылезти из ямы, если подорвана способность к рефлексии — способность оглянуться назад и обдумать прежние шаги, найти ошибки и извлечь из них уроки. Рыба заплывает в кошельковый невод, а выплыть не может, хотя выход открыт — она не помнит пути, по которому заплывала. Мы сегодня живем в

специально устроенном аномальном состоянии, мы — общество без рефлексии. В таком состоянии общество нежизнеспособно. Оно может выздороветь или распасться, но оно не может долго так существовать. И сама собой болезнь не пройдет, нужна целенаправленная «починка инструментов».

В марте 2004 г. большая передача телевидения была посвящена 15-летию начала забастовок шахтеров Кузбасса, которые нанесли тяжелейший удар по советскому строю. В передаче была показана хроника того времени, участвовали губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев, сами шахтеры, руководители забастовочных комитетов. Последние говорили, что те забастовки были «самым счастливым временем в их жизни». В этом было что-то ненормальное. Уж сегодня-то видно, что шахтеры стали пешкой в циничной политической игре московской номенклатуры и местного начальства шахт. Шахтеры получали самую высокую зарплату по сравнению с рабочими того же квалификационного уровня других профессий. И в то же время они знали, что почти все шахты нерентабельны и получают большие дотации.

В этих условиях требовать «смены общественного строя» и перевода угольной промышленности на рыночные принципы было очевидной глупостью с точки зрения шкурных интересов самих шахтеров. «Рынок» означал для них безработицу, а на уцелевших шахтах сокращение в несколько раз зарплаты горняков и капиталовложений в технологию и охрану труда. На экране мы видим шахтеров 1989 г., веселых, сытых, уверенных в себе — *гегемон*. Ельцин перед ними заискивает, они его хлопают по плечу. Через несколько лет те же шахтеры, исхудавшие и понурые, говорят, что «они теперь стали быдлом». Ну так вспомните, как это получилось! Это же результат ваших собственных решений. Каков был ход ваших мыслей, когда вы голосовали за свои требования? Чего вы ждали, добиваясь отмены государственных дотаций вашим шахтам? Как вы представляли себе действия собственников шахт после их приватизации?

Налицо фатальная ошибка большого числа людей, в том числе инженеров, непосредственно руководивших забастовками. Они не считают себя провокаторами, гордятся собой, шахтеры не выдвигают к ним претензий. И все говорят о тяжелейших социальных последствиях, к которым привели их собственные действия. Никакой рефлексии, никакой мысли об ошибке — после всего, что было. Похоже на коллективное безумие. Понятно, что и телевидение постаралось так слепить передачу, но ведь и не дети выступали перед телекамерами, могли бы хоть слово вставить, хоть намекнуть.

Нарушение норм рациональности при утрате памяти и способности к рефлексии — большая общенациональная проблема,

она сама должна стать предметом усиленной рефлексии, а затем и специальной культурной, образовательной и организационной программы. Пока что признаков осознания этой проблемы не видно. Приведу недавний и всем хорошо известный пример.

В 2002 году в РФ собрали 86 млн. т зерна. 12 октября 2002 г. президент В. В. Путин заявил, что в России достигнут *рекордный урожай*. Он сказал буквально следующее: «В последние годы, несмотря на плохую погоду, удалось добиться таких результатов, которых не было в советское время».

Как можно было такое сказать? Реальные данные Госкомстата РФ о производстве зерна (в весе после доработки) публикуются регулярно и общедоступны. Они таковы: в 1970 г. в РСФСР было собрано 107 млн. т зерна; в 1973 — 121,5; в 1976 — 119; в 1978 — 127,4; в 1990 — 116,7; в 1992 — 107. Мы видим, что 24 года назад было собрано зерна *в полтора раза больше*, чем в «рекордный» 2002 г. То есть представления В. В. Путина о зерновом хозяйстве России ошибочны фундаментально, а не в нюансах. Более того, урожай 1992 г., то есть урожай *уже времен реформы*, был больше «рекорда» почти на треть. Урожай менее 100 млн. т в последние 20 лет в РСФСР вообще был редкостью. Даже в среднем за пятилетку 1986 — 1990 гг. зерна собирали 104,3 млн. т в год.

Понятно, что заявления президента по экономическим вопросам готовятся и редактируются экспертами-экономистами, которые подвизаются при правительстве и администрации президента. Трудно заподозрить их в том, что они хотели «подставить» своего работодателя — они сами были уже неспособны встроить свои количественные измерения во временной контекст. Но ведь это свойственно экономистам как сообществу в целом. Нелепая байка про «рекорд» ходит по СМИ без какой бы то ни было реакции и коррекции уже два года.

Более того, когда в декабре того же 2002 года я изложил этот казус в выступлении на конференции на экономическом факультете МГУ и привел данные Госкомстата о производстве зерна на территории РФ, по аудитории прокатился гул недоверия и несколько человек с мест закричали, что эти данные касаются *всего СССР*. Таким образом, многие экономисты, собравшиеся в «лучшем вузе страны», не только не знали, как сказалась реформа на зерновом хозяйстве РФ, но и не помнят, что за декаду 1976 — 1985 гг. в СССР собиралось *в среднем* по 193 млн. т зерна в год, а рекордные урожаи доходили до 215 млн. т.

Конечно, экономистам не обязательно помнить точные цифры, их не составляет никакого труда посмотреть в справочнике. Дело в том, что у экономистов утрачен навык сплосненно встраивать сообщение с количественной мерой во временной контекст. Ведь утверждение, будто 2002 г. стал рекордным для

территории РФ за всю ее историю, вовсе не является тривиальным. Как можно, называя какое-то достижение рекордом, не взглянуть назад и не поинтересоваться, какими были достижения в прошлые годы? Тем более что уж экономисты должны быть наслышаны о том кризисе, который переживает сельское хозяйство страны. Как могла такая сенсация не вызвать интереса и сомнения? Ведь действительно рекордный урожай в нынешних условиях был бы поистине чудом и должен был бы стать объектом пристального внимания во всем мире. Как же мы дошли до такого состояния умов «сверху донизу»?

Давайте для начала вспомним тот прошедший незамеченным факт, что реформаторы первым делом ликвидировали те главные инструменты рефлексии и коллективной памяти, которые выработала наша культура. К их числу относится, например, регулярный гласный отчет по понятной и весьма строгой форме — чтобы трудно было вилить. Прошел год — и отчитывается руководитель, каждый в рамках своей ответственности, а все слушают и вспоминают. Даже если он где-то приврет или приукрасит, сама форма заставит людей вспомнить. И этот отчет кладется как летопись наших дел.

Мы, конечно, не очень-то любили производственные совещания, на которых отчитывался директор, профсобрания с отчетом профкома, сессии Верховного Совета с отчетом Косыгина. Мы к ним привыкли и не замечали, что это была привычка *вспоминать и обдумывать пройденное* — за год, за пятилетку. И вот эту обязанность вспоминать и обдумывать отменили. Возьмите сегодня любой отчетный доклад Косыгина — и сравните с речами и интервью Гайдара, Черномырдина, Касьянова. Это все равно что сравнить рассуждения Ньютона с пляской шамана. Это такой откат России в культуре памяти и культуре мышления, что за одно это спросится на Страшном суде с нашей демократической интеллигенции: это куда же, козлы-provokatory, вы привели русский народ?

Если и есть отчеты, составляемые правительством по установленной международными организациями форме, то они остаются практически недоступными для общества. Хорошо, если какой-нибудь знакомый министр даст на пару дней почитать официальный «Доклад о состоянии здоровья населения РФ». В 1993 г. его выпустили тиражом 300 экз., а сейчас и тираж не обозначают. Разве не надо знать гражданину, что произошло за годы реформы со здоровьем населения его страны?

А ведь граждане и даже специалисты утратили доступ к совсем уж элементарному инструменту коллективной памяти — *статистическим ежегодникам*. В советское время ежегодник «Народное хозяйство СССР» издавался массовым тиражом, содер-

жал ясные и очень информативные показатели с длинными временными рядами, был очень емким и стоил 3 рубля. Я, например, покупал его, будучи студентом, далеким от экономической науки, и видел за цифрами историю, победы и беды России. Теперь вряд ли кто-нибудь и из профессионалов купит ежегодник — скучное по содержанию издание ценой более 1 тыс. руб. Сделаны недоступными простейшие контрольные инструменты рефлексии (отчетные доклады, контрольные цифры и др.), идет быстрая деградация хранилищ материальных носителей памяти (архивов и библиотек). Восстановление даже этих элементарных условий для полнокровного рефлексивного мышления уже стало сложной задачей.

Не имея ни ясно изложенных программ, ни отложившихся, как летописи, отчетов, ни доступной статистики, люди и не могут оценить ни пройденного пути, ни дел руководителей. Катимся в яму, а где правители нас обманули или ошиблись, указать не можем. Ведь это исторический феномен, который будущие историки вряд ли смогут понять: Ельцина второй раз выбрали президентом! Уже имелись все основания обвинить его в геноциде народа, в организации войны в Чечне (с предварительной передачей уймы оружия Дудаеву), в сдаче Чечни бандитам, не говоря уж о бандитской приватизации, но все это к моменту выборов люди «забыли»! Пусть выборы были нечисты, это дела не меняет, слишком много русских людей за него голосовали.

А как можно без памяти о пройденном рассуждать о каких-то программах! Это фарс, а не программы. Прочитайте сегодня какой-нибудь проект Директив к пятилетнему плану, зачитанный Косыгиным, и «программу Грефа». Ведь это позор, это даже на шамана не тянет. Так отключение памяти отключает и гражданское чувство — ведь перед нашим носом уже три года размахивают этой «программой Грефа», и мы эту ахинею принимаем. Махнув рукой, ничему не веря — но принимаем. Подходят выборы — и послушно голосуют за того же Грефа и его «программу». А потом и программа эта куда-то исчезает — и о ней никто не вспоминает.

Сами эти политики как личности для нас несущественны. Но только вспоминая и обдумывая их слова и реальные дела, восстанавливая в уме пройденный за 15 лет путь, мы сможем связать концы с концами, натренируем свои придушенные способности выстроить в уме временной ряд событий, чтобы заглянуть немного вперед. Необходимо *вспоминать*, что было, что обещалось, что делалось и к чему пришли.

В чем трудность восстановления навыков рефлексии? В том, что причины их поражения фундаментальны и находятся в синергическом (кооперативном) взаимодействии. Соединились и усиливают друг друга политические и мировоззренческие факто-

ры, которые отличают режим переходного периода после 1988 г. Этот режим возник, действовал и сохранялся через погружение общества в состояние перехода «порядок — хаос». Подрыв механизмов и изживание самой «культуры рефлексии» были условием существования этого режима.

Кризис — это вышедшая из рамок порядка борьба интересов, разрушающая структуры сложных общественных систем. Одним из результатов этой борьбы является деформация или более глубокое поражение структур мышления. Здесь особенно наглядно видно появление «странных аттракторов», посредством которых мышление загоняется в весьма стабильные новые структуры, задающие ход мысли, неадекватный реальности. Это состояние само становится источником опасности для существования систем общества и фактором углубления кризиса вплоть до создания системы порочных кругов («исторической ловушки»). Хотя внимание обычно привлекают необъяснимые ошибки в решениях органов власти и управления, основанием для таких ошибок является повреждение инструментов мышления у широких категорий специалистов, связанных с подготовкой решений, а также у широких масс населения как той культурной среды, в которой зарождаются и вызревают идеи.

Сильнее всего это проявляется в политической элите. Можно, например, говорить об утрате управленческими структурами «системной памяти», наличие которой и делает возможной рефлекссию. За последние 15 лет произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ, а также их социальной базы — гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Из этой среды новые («странные») нормы и приемы мышления диффундируют в массу людей с более низким уровнем образования. Результатом стала общая неспособность рационально оценивать опасности, прогнозировать риски и осуществлять контроль над чрезвычайными событиями и процессами. Более того, неадекватные умозаключения сами становятся источниками опасности и порождают саморазрушение систем.

Можно говорить о кризисе *когнитивной структуры управления* — всей системы средств познания и доказательства, которые применяются при выработке решений. Это не могло не вызвать и кризиса *сообщества* управленцев. Ведь оно, как и любое профессиональное сообщество, соединяется не административными узами, а общим инструментарием. Масштабы деформации когнитивной структуры таковы, что на деле надо констатировать распад сообщества. Разумеется, работники управления — умные и образованные люди, они часто произносят разумные речи, но

эти «атомы разума» не соединяются в систему, что и говорит о распаде сообщества.

Для такого вывода имеются необходимые и достаточные признаки. Во-первых, социально важные решения, полученные с явным нарушением логики и меры, а иногда и прямая ложь политизированных управленцев не вызывают санкций со стороны коллег — это означает, что сообщества не существует. Есть конгломерат личностей и клики, собранные «по интересам», но нет социальной системы, соединенной общими нормами и общей этикой. Во-вторых, взаимоисключающие утверждения, которые кладутся в основу решений, не становятся предметом дебатов с целью найти причины расхождений. А ведь такие расхождения с невыявленными «корнями» ставят под угрозу целостность когнитивной структуры и всегда вызывают тревогу сообщества. В настоящее время они не порождают ни тревоги, ни дебатов, даже не вызывают удивления и любопытства.

Состояние системы управления в России ныне таково, что оно будит и актуализирует латентные опасности и выводит на уровень потенциально смертельных даже те опасности, которые могли бы контролироваться с ничтожными затратами. Мы обычно сводим дело к коррупции и некомпетентности, но еще большая беда состоит в том, что власти делают ошибку за ошибкой — и никаких признаков рефлексии и «обучаемости».

Глава 24

УГАСАНИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ИМИТАЦИЯ

В главе, посвященной рефлексии, говорилось, что необходимо *вспоминать* — что было, что обещалось, что делалось и к чему пришли.

Говорилось также, что подрыв способности к рефлексии влечет за собой и утрату навыков *проекции*, то есть предвидения будущего, будущих последствий наших нынешних решений. Но *проектирование*, то есть выстраивание образа будущего и составление плана действий по его утверждению или предотвращению, является одной из главных функций рационального сознания, одним из важных видов деятельности *человека разумного*.

Эффективным бывает такое проектирование, в котором мы критически осваиваем уроки прошлого, собираем и перерабатываем максимально достоверную информацию о настоящем и тенденциях его изменения, учитываем наличие реально доступных нам средств, все непреодолимые ограничения, зоны неустранимой неопределенности — и соединяем творчество в изобретении новых подходов с хладнокровной оценкой всех альтернатив.

Ясно, что помимо памяти и способности к рефлексии для проектирования требуются навыки реалистического мышления. Аутистическое сознание порождает не проект, а «грезы наяву». Устремленное в будущее, оно приводит к нелепым ситуациям, примеров которых нынешняя российская реальность дает достаточно. Вспомним хотя бы законопроект, который весной 2004 г. с энтузиазмом поддержали все депутаты от «партии власти», — о запрещении шествий и демонстраций вблизи административных зданий. Поражает вывернутый наизнанку аутизм нашей политической элиты. И инстанции, в недрах которых готовился закон, и депутаты посчитали, что шествия в нынешней обстановке в РФ могут быть только плохими, оппозиционными. Значит, запретить!

Какой конфуз — буквально в тот же день выступил Патриарх Московский и всея Руси и заявил, что на 24 июня Православная церковь запланировала крестный ход на Красной площади, от храма Христа Спасителя до соборов самого Кремля. Но это — типичное шествие общественной организации, оно оказывается вне закона, православные должны двигаться «в специально отведенные места». Через несколько дней после принятия закона, 9 мая, ветераны собирались торжественно идти возлагать венок к Вечному огню. Тоже, оказалось, нельзя — близко к административному зданию. Пришлось самому президенту поправить собственных депутатов.

Таким образом, когда система этих взаимосвязанных интеллектуальных и вообще духовных операций иссыхает и деградирует, то резко сужается «горизонт будущего», подавляется творчество и набор альтернатив очень часто стягивается в точку — альтернатив не остается. Рациональное сознание вырождается в идею фикс. *Иного не дано!* Проектирование заменяется *имитацией*. К имитации склоняются культуры, оказавшиеся не способными ответить на вызов времени, и это служит признаком упадка и часто принимает карикатурные формы. Так, вожди гавайских племен при контактах с европейцами обзавелись швейными машинками, в которых видели символ могущества, и эти машинки красовались перед входом в их шалаши, приходя в негодность после первого дождя.

Точно так же российские реформаторы ввели в наших городах английскую должность мэра, французскую должность префекта, а в Москве и немецкую должность статс-секретаря. Знай наших, мы недаром стали членом восьмерки! А. Н. Яковлев вспоминает о том, как он поехал послом в Канаду и был очарован их «моделью»: «Понятное дело, я думал: хорошо бы перенести эту традицию уважения к человеку на нашу родную почву. Но я бы

не сказал, что тогда у меня уже были мысли о заимствовании западной политической модели. Это пришло позже, когда я снова и довольно глубоко окунулся в нашу советскую действительность»¹. Выше говорилось о том имитационном проекте создания в РФ «двухпартийной» политической системы, как это и принято в «цивилизованных» странах.

Иссякание творческого импульса и тяга к имитации стали, видимо, проявляться в нашем культурном слое уже довольно давно, с 70-х годов. Некоторые культурологи обращают внимание на необычную любовь к лицедеям, имитаторам, многие из которых во время перестройки приобрели даже политический вес. Задорнов, Хазанов, а сейчас Галкин стали, по сути, членами политической элиты. Само умение имитировать — язык, походку, образ мысли или саму деятельность — стало важной ценностью, открывающей путь наверх.

Примечательно, что имитируют всегда подходы и структуры *передовых чужеземцев*, имитация всегда сопряжена с *низкопоклонством*. Это слово, смысл которого был обесценен идеологическими кампаниями и их последующим осмеянием, вдруг опять стало актуальным. Именно низкопоклонство! Казалось бы, всегда можно найти объект для имитации и в собственном героическом прошлом — но нет, само это прошлое мобилизует память, неизбежно разбудит рефлексию и втянет твой разум в творческий процесс. Имитатор, подавляющий разум и творчество, вынужден быть антинациональным (и наоборот, утрата национального чувства толкает к мышлению имитатора).

Возьмите странную, во многом абсурдную административную реформу, объявленную В. В. Путиным в начале 2004 г. Тогда, в марте, состоялось заседание «круглого стола» аналитического совета фонда «Единство во имя России». Открывая заседание, президент фонда политолог Вячеслав Никонов с удовлетворением обратил внимание собравшихся на «произошедшие в исполнительной власти перемены, крупнейшие со времен Витте. Идет вестернизация, американизация структуры правительства, число министерств в котором почти совпадает с американским». Кто знает В. Никонова, согласится, что в этом нет скрытой иронии. Именно так — «американизация структуры правительства», иного смысла в выделении из министерств «агентств» найти невозможно.

И в этом для реформаторов нет ничего нового. Уже во время перестройки главным принципом наших реформаторов стала

---

¹ Яковлев А. О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003.2.12.

имитация Запада. Вот, например, рассуждения очень активной в свое время Л. Пияшевой: «Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого «экономического чуда» на нашу территорию... Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу «дух предпринимательства» возродит в стране и волю к жизни, и «протестантскую этику» («Родина», 1990, № 5). Здесь вера в имитацию сопряжена, как это часто бывает, с невежеством. *Возродить* в России протестантскую этику! Знает ли что-нибудь эта дамочка об истории России и о протестантской этике?

Активный экономист-реформатор В. А. Найшуль пишет в важной перестроечной книге: «Рыночный механизм управления экономикой — достояние общемировой цивилизации — возник на иной, нежели в нашей стране, культурной почве... Чтобы не потерять важных для нас деталей рыночного механизма, рынку следует учиться у США, точно так же, как классическому пению — в Италии, а праву — в Англии»¹.

Это кредо имитатора. Надо, мол, найти «чистый образец» — и научиться у него. Но это совершенно ложная установка, противоречащая и тому знанию, что накопила наука относительно взаимодействия культур, и здравому смыслу. В наше время эту установку уже надо считать иррациональной, элементом мракобесия.

Изучение контактов культур с помощью методологии структурализма привело к выводу, что копирование невозможно, оно ведет к подавлению и разрушению культуры-реципиента, которая пытается «перенять» чужой образец. При освоении достижений иных культур необходим *синтез*, создание новой структуры, выращенной на собственной культурной почве. Так, например, была выращена в России наука, родившаяся в Западной Европе.

Утверждение, что «рынку следует учиться у США, а праву — в Англии», — глупость. И рынок, и право — большие подсистемы культуры, в огромной степени сотканые *особенностями* конкретного общества. Обе эти подсистемы (в отличие от пения) настолько переплетены со всеми формами человеческих отношений, что идея «научиться» им у какой-то одной страны находится на грани абсурда. Почему, например, праву надо учиться в Англии — разве во Франции не было права или Наполеон был глупее Дизраэли или Гладстона? А разве рынок в США лучше или «умнее» рынка в Японии или в Сирии?

Да и как вообще можно учиться рынку у США, если сиам-

---

¹ Найшуль В. А. Проблема создания рынка в СССР // Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 441 — 454.

ским близнецом этого рынка, без которого этого рынка просто не могло бы существовать, является, образно говоря, «морская пехота США»? Это прекрасно выразил Т. Фридман, советник Мадлен Олбрайт: «Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. Мак-Дональдс не может быть прибыльным без Мак-Доннел Дугласа, производящего F-15. Невидимый кулак, который обеспечивает надежность мировой системы благодаря технологии Силиконовой долины, называется Вооруженные силы наземные, морские и воздушные, а также Корпус морской пехоты США».

Учиться у других стран надо для того, чтобы понять, почему рынок и право у них сложились так, а не иначе — чтобы выявить и понять суть явлений и их связь с другими сторонами жизни общества. А затем, понимая и эту общую суть явлений, и важные стороны жизни *нашего* общества, переносить это явление на собственную почву (если ты увлечен странной идеей, что в твоей стране ни рынка, ни права не существует). Но для этого как раз необходимо изучить право и в Англии, и во Франции, и в Византии — да и у Ярослава Мудрого и Иосифа Виссарионовича Сталина поучиться. Не для того, чтобы копировать, а чтобы понять¹.

Что касается рынка, надо послушать самих либералов. Видный современный философ либерализма Джон Грей пишет: «В матрицах рыночных институтов заключены особые для каждого общества культурные традиции, без поддержки со стороны которых система законов, очерчивающих границы этих институтов, была бы фикцией. Такие культурные традиции исторически чрезвычайно разнообразны: в англосаксонских культурах они преимущественно индивидуалистические, в Восточной Азии — коллективистские или ориентированные на нормы большой семьи и так далее. Идея какой-то особой или универсальной связи между успешно функционирующими рыночными институтами и индивидуалистической культурной традицией является историческим мифом, элементом фольклора, созданного неоконсерваторами, прежде всего американскими, а не результатом сколько-нибудь тщательного исторического или социологического исследования»².

Пытаться сегодня имитировать в России (Украине, Узбеки-

---

¹ В массовом сознании крушение западнической утопии и надежды на имитацию Запада произошло очень быстро. В опросах ВЦИОМ была предложена такая установка: «В западных странах сегодня создано наилучшее из всех возможных общество. Нам следовало бы не выдумывать свои пути, а следовать за Западом». С ней согласились в 1990 г. 45% опрошенных, в 1991-м — 38% и в 1992-м — 14% (в Москве западников оставалось чуть больше: 45, 44 и 18% соответственно).

² Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Практикс, 2003. С. 113 — 114.

стане, Аджарии и т.д.) хозяйственную систему США — глупость на грани идиотизма. Это значит не учитывать фазу «жизненного цикла» всей капиталистической формации и прежде всего Запада. И дело вовсе не в «отставании», которое можно преодолеть прилежным обучением. В эту формацию давно уже нельзя «войти извне».

Наши доморожденные либералы вроде В. Найшуля, начитавшись учебников политэкономии, уверовали в постулат Маркса из предисловия к «Капиталу», который гласит, что «промышленно развитые страны показывают отставшим их будущее». Но этот постулат ошибочен, мировая капиталистическая система сложилась как система «центр — периферия», причем разделение между ними таково, что страны периферии развиваются по совершенно иному пути, нежели центр. Вырваться из этой системы и провести индустриализацию и модернизацию можно, только пройдя по собственному пути, очень отличному от пути Запада (как это было сделано в СССР, Японии, Китае и ряде других стран).

Все это было достаточно хорошо известно уже в начале XX в. (вспомним хотя бы обязательную для советского вуза работу Ленина об империализме — прочитайте ее сегодня!), а уж в послевоенное время разработано досконально. Не нравятся Ленин, Бродель и Валлерстайн (как же, приверженцы справедливости) — возьмите Вебера! Изучая начиная с 1904 г. события в России, М. Вебер приходит к фундаментальному выводу: *«Слишком поздно!»* Успешная буржуазная революция в России уже тогда была невозможна. И дело было не только в том, что в массе крестьянства господствовало мировоззрение, несовместимое с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное заключалось в том, что Запад уже закончил буржуазно-демократическую модернизацию и не мог принять в себя новых членов масштаба России. Еще неизвестно, удастся ли интеграция в Европейский Союз Болгарии и Литвы, не говоря о Турции.

Реформы в России стали огромной программой *имитации Запада*. Это было признаком духовного кризиса нашей интеллектуальной элиты, а затем стало и одной из главных причин общего кризиса. Отказавшись от проектирования будущего, взяв курс на самую тупую имитацию, наши реформаторы и их интеллектуальное окружение подавили и те ростки творческого чувства, которые пробивались во время перестройки. Духовное бесплодие — один из тяжелых и многозначительных признаков будущей катастрофы. Историк академик П. В. Волобуев говорил в конце 1994 г.: «Едва ли не самым слабым местом новой политической системы является отсутствие — за вычетом мифа о всеси-

лии рынка — воодушевляющей и спланивающей Большой идеи. Духовная нищета режима просто поразительна»¹.

Пробегите мысленно все стороны жизнеустройства — везде реформаторы пытались и пытаются переделать те системы, которые сложились в России и СССР, по западным образцам. Сложилась, например, в России своеобразная *школа*. Она складывалась в длительных поисках и притирке к социальным и культурным условиям страны, с внимательным изучением и зарубежного опыта. Результаты ее были не просто хорошими, а именно блестящими, что было подтверждено объективными показателями и отмечено множеством исследователей и Запада, и Востока. Нет, эту школу было решено кардинально изменить, перестроив по специфическому шаблону западной школы.

Сложился в России примерно за 300 лет своеобразный тип современной армии, во многих существенных чертах отличный от западных армий с их идущей от Средневековья традицией наемничества (само слово «солдат» происходит от латинского «soldado», что значит «нанятый за определенную плату»). С точки зрения военных функций никаких преимуществ контрактная армия не имеет, отечественные войны всегда выигрывает армия по призыву, которая выполняет свой *священный долг*. Российская армия, особенно в ее советском обличье, показала высокую эффективность в оборонительных, *отечественных* войнах. Никто не отрицает, что такая армия стране и народу нужна и сейчас, но реформаторы сразу стали ее ломать и перестраивать по типу западной наемной армии (даже ввели нашивки с угрожающими символами — хищным орлом, оскаленным тигром — то, что всегда претило русской военной культуре).

Понятно, почему власти стремятся заменить армию по призыву профессиональной армией, но почему это поддерживает демократическая интеллигенция? Правые всегда заинтересованы в наемной армии потому, что она является легко управляемым репрессивным инструментом в борьбе против трудящихся. Это политическая азбука, известная с давних пор. Воинская повинность привлекает в солдаты молодежь из всех социальных групп, и большинство солдат происходят из трудящихся. Это армия народная, и заставить ее выполнять карательные функции сложно и опасно. Когда в 1905 — 1907 гг. царское правительство было вынуждено привлечь армию к выполнению таких задач, это сыграло фатальную для него роль в 1917 г.

---

¹ *Волубев П. В.* Четвертооктябрьский политический режим: социальная сущность и перспективы // Куда идет Россия?... Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 287 — 300.

Сложилась в России за полвека до революции государственная пенсионная система, отличная и от немецкой, и от французской. Потом, в СССР, она была распространена на всех граждан, включая колхозников. Система эта устоялась, была всем понятной и нормально выполняла свои явные и скрытые функции — нет, ее сразу стали переделывать по неолиберальной англосаксонской схеме, чтобы каждый сам себе, индивидуально, копил на старость, поручая частным фирмам «растить» его накопления.

В этой склонности к отказу от анализа отечественного исторического опыта, от собственного проектирования и от творческого поиска способов обновления есть нечто не просто чуждое рациональности, но и почти нечеловеческое. Имитация — способ решения проблем, присущий животным. Мы удивляемся этой их способности — чайки, подражая друг другу, разбивают ракушки моллюсков, бросая их с высоты на камни; обезьяны, подсматривая за людьми, сплетают себе из лиан пояса, чтобы затыкать за них початки кукурузы во время налета на поле. Мы удивляемся потому, что это делают *неразумные* существа. Разум же дал человеку способность не просто повторять чужие приемы, но творчески изменять их, придавая им новое качество — в соответствии с особенностями новых условий. И вдруг в значительной части культурного слоя большой страны мы видим неодолимое стремление от этой способности *человека разумного* отказаться!

Иногда этот отказ от разума настолько агрессивен и туп, что внушает ужас, как неведомая заразная болезнь. Вот властями и строительными фирмами Москвы и Петербурга овладела фанатичная идея построить несколько десятков небоскребов — чтобы было «как в Нью-Йорке». Слабые возражения их карманных экспертов во внимание не принимаются. Имитация используемых на Западе строительных форм идет полным ходом, часто с драматическими последствиями — но идет! Охочие до денег застройщики заставят, а оголодавшие специалисты нарисуют любой проект, на который есть спрос у наших богатеньких имитаторов.

В Петербурге уже решили строить два 40-этажных дома. В связи с этим пишут: «Высотное строительство за рубежом развито преимущественно на территориях с благоприятными инженерно-геологическими условиями: на прочных скальных выходах или основаниях, сложенных твердыми отложениями, не подверженными структурным преобразованиям. Для Санкт-Петербурга характерно залегание мощного чехла слабых отложений (обводненные, заторфованные пески, глины). Скальные грунты располагаются на глубинах 180 — 220 м, что исключает возможность их использования в качестве основания для свайных фундаментов.

Здания высотой более 12 этажей в городе на Неве стали строить только в 1980-х годах. Опыт строительства зданий выше 16 этажей практически отсутствует. Рухнувшее здание общежития на улице Двинской и «падающий» дом в Шипкинском переулке имеют одну «историю основания»: и в том, и в другом случае проектный институт недооценил сложность геологических условий пятна застройки»¹.

Здесь чуть-чуть отклонюсь от темы имитации, чтобы обратить внимание на поразительное равнодушие, с которым наша интеллигенция встретила решение реформаторов ликвидировать один из важнейших институтов современного общества и индустриальной цивилизации — *стандартизацию*. Очевидно, что этот институт по самой сути его назначения может содержаться только инстанцией, не подчиненной частным интересам конкурирующих рыночных субъектов. Он всегда и везде находился в ведении *государства*. С самого начала реформы началось планомерное, шаг за шагом, сокращение системы Госстандарта, созданной за советский период. Результаты этого уже сейчас следует оценивать как катастрофические (в строительстве — в буквальном смысле слова).

Выше было сказано о том, как опасна имитация строительства небоскребов — при том, что практически ликвидированы стандарты на геодезические разработки. Но ведь никакой реакции не вызвало сообщение о принципиальной установке той группы, которой была поручена разработка всей социальной программы «второго срока» В. В. Путина. В частности, в прессе было сказано: «Группа Шувалова предложила как можно быстрее убрать административные барьеры в жилищном строительстве. Речь, в частности, идет о замене многочисленных процедур госэкспертизы градостроительной и проектной документации на устанавливаемые федеральными законами технические регламенты и введении рыночной лицензируемой деятельности по проверке соответствия проектной документации этим регламентам». По последнему пункту уточняется: «Среди других инициатив — передача деятельности по технической инвентаризации объектов недвижимости от государства коммерческим организациям»².

Представляете, контроль за качеством проектной документации с соблюдением технических регламентов строительства, ведущегося частными фирмами, будет по лицензиям передаваться

¹ Кравцова И. Высотное строительство как фактор риска.

² Багров А. Игорь Шувалов разрушил монополию Михаила Касьянова // Коммерсантъ. 2003. 22 декабря.

частным же фирмам!¹ И ведь наша научно-техническая интеллигенция это проглотила.

Возвращаясь к теме, можно сделать вывод: само разнообразие случаев имитации чужих институтов, установлений и приемов говорит, что это общее явление, которое свидетельствует о глубоком поражении рационального сознания. Рассмотрим пару особо красноречивых, доходящих до гротеска случаев имитации, которые стали частью государственной политики российских реформаторов.

Перестройка теплоснабжения. Одна из таких иррациональных попыток имитации — идея переделать на западный лад унаследованную РФ от советских времен систему *централизованного теплоснабжения*, использующего бросовое тепло от ТЭЦ². В статье «Правительство «децентрализует» теплоснабжение» аналитический отдел агентства «РосБизнесКонсалтинг» сообщает (23.01.2003):

«Сложившаяся в России структура теплоснабжения должна подвергнуться серьезным изменениям... В поручении Михаила Касьянова указывается на возможность использования при строительстве жилья и производственных объектов локальных источников тепла, упор на которые делается в большинстве стран мира...

Россия, как и весь бывший СССР и частично страны соцлагеря, перешла на централизованное отопление в соответствии с коммунистической установкой, предполагавшей максимальную зависимость человека от государства. По этой причине считались деревни и частное жилье в городах и строилось типовое панельное жилье, где проживали десятки миллионов «человеко-единиц». В то же время в странах ЕС, несмотря на давнюю урбанизацию, и ныне доля центрального отопления составляет немногим более 6% (в РФ почти 40%)».

Эти утверждения, приведенные как аргументы очевидно рис-

---

¹ В подготовленном для ООН национальном докладе «*Теплоснабжение Российской Федерации. Пути выхода из кризиса*» (М., 2001) высказана жалобная просьба: «Государство должно срочно найти относительно небольшие деньги на переработку большинства ГОСТов, СНИПов, Правил и т.д. — появившаяся практика разработки нормативных документов за деньги частных организаций приводит к лоббированию через эти документы интересов конкретных производителей».

² Подробно этот проект рассмотрен в книге С. Кара-Мурзы и С. Телегина «Царь-Холод, или Почему вымерзает Россия» (М.: Алгоритм-книга, 2003).

кованной программы, лишены логики. Частично их можно объяснить сохранившимися остатками рыночной утопии, частично — примитивным низкопоклонством перед Западом. К выбору типа теплоснабжения совершенно не имеют отношения ни «коммунистическая установка, предполагавшая максимальную зависимость человека от государства» в СССР, ни «давняя урбанизация» в Западной Европе. Централизации отопления в СССР как раз способствовал тот факт, что быстрая урбанизация у нас происходила *позже*, чем в Западной Европе, то есть в те годы, когда уже возникла технология *теплофикации* — совместной выработки электрической и тепловой энергии на *теплоэлектроцентрали*. Было бы просто глупо этой технологией не воспользоваться, строя новые города и районы.

Кстати, «коммунистическая установка» предполагает отмирание государства. А уж если «зависимость от государства» вызвана тем, что государство надежно и почти бесплатно снабжает жилище человека теплом, как это было в советское время, то дай бог каждому такой зависимости. Вспомним, как о такой зависимости умоляли замерзающие жители Владивостока — вместо того, чтобы требовать полной свободы рынка и либерализации цен на газ и мазут. Люди просили продлить им *советский мезозой* (выражение А. Б. Чубайса).

Но вернемся к главному — *разумно* ли нам имитировать западный тип отопления? Вспомним, как складывался тип жизни подавляющего большинства населения России — славян, угрофинских и тюркских народов центральной полосы. Они тяготели к лесам или лесостепной полосе, и с незапамятных времен у них сложилась высокая культура *отопления*. Без нее жизнь в нашем климате была бы невозможна. Если говорить о русских, то *русская печь* и *русская баня* на длительный исторический период стали неотъемлемой частью нашей культуры и наших представлений о приемлемом образе жизни. Энергоносителем для этой системы отопления и горячего водоснабжения служили дрова.

Может показаться странным, но на Западе, где в силу гораздо более мягкого климата хорошее отопление означало, конечно, комфорт, но не было *жизненной необходимостью*, эта культура осталась недоразвитой. Там, скорее, совершенства достигла кухонная плита, но жилые комнаты не отапливались или отапливались очень скудно (жаровни, камины, грелки в постель). В результате советский человек, попадая зимой в какой-нибудь типичный (даже богатый) сельский дом где-нибудь в Испании, поражался тому, как там страдают люди от холода. На улице перед домом стоит «Мерседес», а в доме люди кутаются в пледы, стучат зубами около очага (типа камина). Хотя на улице всего то — 1°C. Например, в Испании сравнительно недавнее (конец

80-х годов) распространение разновидности наших «буржук» воспринималось как замечательный прогресс.

Историк Фернан Бродель пишет: «Средиземноморские зимы... напоминают стихийное бедствие, которое неожиданно наступает после шести месяцев жары и к которому жители Средиземноморья никогда не могли или не умели подготовиться... Сколько путешественников, дрожащих от холода в ледяных покоях алжирского или барселонского дома, говорили себе, что нигде они так не мерзли, как на Средиземном море!»¹ Подтверждаю исходя из личного опыта, что это истинная правда, даже в самом конце XX века.

В общем, в России отопление испокон веку было одной из важнейших сторон жизни, над его совершенствованием трудилась творческая мысль, мастера этого дела всегда были в почете, и техническая культура находилась на высоком уровне. У Запада было по-другому, и требование власти РФ перенимать в этом вопросе опыт именно Запада, а не исходить из собственного опыта есть следствие утраты рациональности.

Экономические преимущества ТЭЦ настолько очевидны, что в документах специалистов они принимаются как данность, не подвергаемая сомнению. Даже те энергетики, которые сегодня взяли на себя роль пропагандистов децентрализации теплоснабжения, обычно начинают свои статьи и доклады с признания преимуществ советской системы. И вся их пропаганда основывается на том, что нынешняя хозяйственная система, к сожалению, не в состоянии поддерживать столь высокий технологический уровень теплоснабжения, как советское хозяйство. «Буржуйки» — потолок мысли реформаторов.

Начальник отдела энергоэффективности «Мосгосэкспертизы» В. И. Ливчак написал: «Централизованное теплоснабжение на базе теплофикации — это большое достижение нашей страны, которое благодаря трудам В. В. Дмитриева, Л. А. Мелентьева, С. Ф. Копьева, Е. Я. Соколова, С. А. Чистовича выдвинуло Россию на передовые позиции в этой области в мире и стало предметом подражания в других странах... Президент США Клинтон в своем очередном обращении к стране отметил необходимость развития централизованного теплоснабжения».

Вот вам парадокс — Запад перенимает советский опыт и довольно быстро строит централизованные системы, а мы эти системы забрасываем и пытаемся имитировать вчерашний день в буквальном смысле слова отсталого Запада.

После 1991 г. все ТЭЦ передали в РАО ЕЭС, и когда там усел-

---

¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М.: 2002. С. 352.

ся Чубайс, он в своем стремлении «сделать как на Западе» дошел до безумных действий, противопоставив, где мог, производство электричества и тепла — уничтожая великое преимущество ТЭЦ. Насколько антихозяйственна экономическая система, созданная в 90-е годы правительством имитаторов, говорит невероятное по своей дикости положение промышленных предприятий, которые в советское время построили ТЭЦ для своих технологических нужд, а избыточное тепло подавали в городскую теплотсеть. При приватизации эти ТЭЦ перешли государству. И тепло с этих ТЭЦ оказалось предприятиям недоступно по цене!

В докладе экспертов правительства сказано об этих ТЭЦ: «Они обычно находятся на территории предприятий, построены в основном для них и работают в общем технологическом цикле. Тепловые сбросы ТЭЦ используются для целей отопления городов. Неправильная тарифная политика РАО ЕЭС привела к тому, что, даже имея ТЭЦ на своей территории, заводы стали строить свои котельные».

Да и население, похоже, не отдает себе отчета в том, насколько ненормальным является то положение, которое создали реформаторы ради внедрения «конкуренции»: части единой системы жизнеобеспечения страны, переведенные на отношения купли-продажи, при малейшей нестыковке начинают друг против друга разрушительную «экономическую войну». Отключая за копеечные неплатежи энергоснабжение, например, водопровода, больницы или стоящих на боевом дежурстве частей ПВО, РАО ЕЭС наносит стране в целом ущерб, иногда в миллионы раз превышающий сумму неплатежей. И это считается нормальной рыночной практикой! Она не меняется даже в те дни, когда правительство говорит о небывалых экономических успехах РФ и профиците госбюджета.

Идея переделать теплоснабжение РФ по западным образцам имеет параноидальные черты (хотя эта вполне реальная интеллектуальная аномалия часто используется для маскировки корыстных интересов вполне рациональных людей). Но вся властная верхушка и значительная часть госаппарата оказались настолько подавлены этим императивом имитации Запада, что в течение 12 лет вели убийственную для страны политику — был почти полностью прекращен капитальный плановый ремонт теплотсетей, в результате чего в настоящий момент вся система теплоснабжения находится на грани полного краха.

РФ и Болонская конвенция. Другой красноречивый случай имитации — присоединение РФ к Болонской конвенции об унификации системы высшего образования в Европе (этот документ подписал в ноябре 2003 г. В. В. Путин).

Суть дела такова. В 1999 г. страны Европейского союза договорились о создании «единого образовательного пространства», и эта договоренность была зафиксирована в виде Болонской декларации, согласно которой к 2010 году вся Западная Европа должна иметь единую систему высшей школы. Болонское соглашение подписали 33 из 45 стран Европы.

В отношении РФ слово «унификация» является эвфемизмом, ложным благозвучным обозначением, ибо ЕС ничего от российской системы не берет, никакого синтеза систем не происходит. РФ обязуется сменить свою систему на ту, что принята в ЕС, обязуется *имитировать* чужую систему.

Надо подчеркнуть, что совершенно никакого общественного диалога в связи с предстоящей сменой отечественной системы высшего образования не было. До сих пор мало кто вообще слышал об этой Болонской конвенции, а вузовские преподаватели, которые что-то слышали от начальства, имеют о ней самое смутное представление. Насколько я мог понять на совещании заведующих кафедрами общественных наук в марте 2004 г., преподаватели вузов не имеют *никакого представления* о сути предстоящих изменений. Большинство надеется, что это очередная блажь министров и как-то удастся ее пересидеть, как сидели во время набегов славяне в болотах, дыша через тростинку. Кто-то наверняка пересидит, но многое утонет.

Проведем краткий методологический разбор этого казуса.

Начнем с того, что сама процедура «присоединения» организована внутри РФ *иррационально*. Есть очевидный факт: власть почему-то хочет эту штуку с нашей системой образования проделать. Больше мы ничего не знаем и никакой возможности узнать не имеем. Зачем? Почему? Объяснения, которые дают чиновники, всерьез принять невозможно. В них не вяжутся концы с концами. Но прежде чем перейти к проблеме аргументации, надо же понять хотя бы сам тезис, саму цель, которую ставят реформаторы.

На международном семинаре «Интеграция российской высшей школы в общеевропейскую систему высшего образования: проблемы и перспективы» (Петербург, декабрь 2002 г.) министр образования РФ В. Филиппов заявил, что у российской высшей школы *нет иного выхода* (!), кроме как интеграция в общеевропейскую зону высшего образования. По сути здесь и заявлено, что имитация является сама по себе высшей ценностью, это цель, которая не требует никакого оправдания, она самодостаточна (как говорят американцы, «она стоит на своих собственных ногах»). Это символ веры реформаторов, мотив, чуждый рациональности.

Министру образования говорить такие вещи не к лицу, и ему приходится искажать понятия. Советское высшее образование было именно *интегрировано* в общеевропейскую и мировую образовательную систему, и определялось это не формальным признанием или непризнанием дипломов, а тем фактом, что советские специалисты понимали и знали язык современной науки и техники, нормально общались на этом языке со своими зарубежными коллегами, сами «производили» образцы научно-технической культуры, адекватные современному состоянию мировой системы (в чем-то хуже, в чем-то лучше, не об этом речь). Но *интеграция* в систему как раз не означает имитации, потери своей идентичности. Национальная система образования интегрируется в мировую (или общеевропейскую) как элемент, связанный с другими элементами, но вовсе не «растворенный» в каком-то одном элементе. Министр В. Филиппов неправомочно (и, скорее всего, недобросовестно) назвал проект имитации, растворения отечественной системы образования интеграцией. Речь идет об утопической, невыполнимой, но опасно травмирующей наше образование попытке его ликвидации как культурной сущности с заменой каким-то эрзацем, нежизнеспособным клоном-ублюдком мифической «общеевропейской» системы.

Поражает тот факт, что огромное сообщество вузовских преподавателей РФ апатично и покорно приняло к сведению этот замысел. Ведь именно в этот момент и должны были бы возникнуть споры по фундаментальному вопросу, при оглашении намерений, до всякой аргументации. Российская система высшего образования складывалась почти 300 лет. Это один из самых сложных и дорогих продуктов отечественной культуры, но еще важнее тот факт, что это и матрица, на которой наша культура воспроизводится. И уклад высшей школы, и организация учебного и воспитательного процесса, и учебные программы являются важнейшими факторами формирования сообщества специалистов с высшим образованием — *интеллигенции*. Заменить все эти сложившиеся в отечественной культуре факторы на те, что предусмотрены Болонской конвенцией, — значит существенно изменить всю матрицу, на которой воспроизводится культура России. Это достаточно очевидно, и можно было ожидать от всего академического сообщества РФ гораздо большего внимания к замыслу реформаторов. Но это сообщество как будто утратило навыки рефлексии и предвидения.

С другой стороны, поражает и самонадеянность реформаторов, их неспособность соизмерить свои силы и масштаб задачи. Высшая школа относится к тому классу больших систем жизнеустройства, которые формируются *исторически*, а не *логически*.

Уверенность, что подобную систему можно вдруг переделать по полученному в Болонье чертежику, — механистическая утопия, которая могла зародиться лишь в очень неразумной голове (хотя что-то не верится в искренность такой неразумности).

Но допустим, такая мысль все же зародилась. В этом случае то сообщество, которое мы по привычке называем интеллигенцией, обязано было, через разные каналы, добиться от этих высших чиновников изложения резонов для такого странного шага. Грубо говоря, потребовать от них листа бумаги, на котором слева были бы перечислены выгоды от такого шага, а справа — издержки и потери. Желательно с указанием, кто и в какой форме эти издержки («социальную цену») будет покрывать.

Но ни чиновников, которые такие листки могли бы приготовить, ни интеллигенции, которая такие листки могла бы попросить, в РФ теперь не водится. Что-то мы делаем в порядке самодеятельности, практического значения это не имеет, но хотя бы в качестве учебных задач послужит.

Какие же резоны, пусть обрывочно, мы услышали? Вот, например, в конце декабря 2003 г. газеты взяли интервью у представителя «группы Шувалова» — заместителя главы администрации президента, отвечающего за разработку «общенациональных» программ, о которых говорил В. В. Путин в Послании 2004 г. Газета пишет: «Не менее радикальные структурные реформы группа Шувалова предлагает провести в сферах здравоохранения и высшего образования. Их цель также заключается в относительном уменьшении прямого госфинансирования медицинских и образовательных учреждений. Что, безусловно, разгрузит бюджет...

Система высшего образования должна быть подвергнута более чем радикальной реформе. Для начала оно станет двухуровневым, как в большинстве цивилизованных стран (сходная система уже внедряется и в России — например, на нее десять лет назад перешел Российский университет дружбы народов¹). На первом этапе (три-четыре года) готовятся специалисты самого широкого профиля. В других странах им, как правило, выдаются дипломы бакалавров. Затем происходит специализация до уровня магистров. Такая система убивает двух зайцев: экономит бюджетные деньги (один и тот же профессор читает лекции большему числу студентов, большинство студентов раньше за-

---

¹ Этот университет готовит в основном иностранных студентов, то есть «работает на внешний рынок», и потому образцом в данной проблеме для отечественных вузов служить не может.

канчивают обучение) и повышает профессиональные умения новых специалистов»¹.

В этом объяснении, данном «группой Шувалова», отсутствует логика. Когда в результате реформы один и тот же профессор вынужден читать лекции большему числу студентов, а большинство студентов заканчивают обучение на два года раньше, то профессиональные умения новых специалистов никак не могут повыситься, они именно *понижаются*. Экономятся ли при этом бюджетные деньги или они бросаются на ветер, из этих рассуждений вывести нельзя, тут требуется не логическое, а содержательное изучение вопроса.

Из того факта, что при советской системе наши вузы готовили специалистов высокого класса при очень скромных по сравнению с западными странами затратах, можно сделать предположение, что советская система была гораздо экономнее, чем эта «болонская». Да не в деньгах тут дело! После запуска первого советского спутника влиятельный американский обозреватель У. Липпман написал: «Немногие посвященные в эти дела и способные понимать их говорят, что запуск такого большого спутника означает, что Советы находятся далеко впереди этой страны [США] в развитии ракетной техники. Это их лидерство не может быть объяснено некой удачной догадкой при изобретении устройства. Напротив, оно свидетельствует о наличии в СССР множества ученых, инженеров, рабочих, а также множества высоко развитых смежных отраслей промышленности, эффективно управляемых и обильно финансируемых»². Он написал именно о *системе* образования. Именно эту систему сейчас и пытаются уничтожить. Если бы это делалось за деньги, то за очень большие.

Объяснения других чиновников (хотя их и нельзя назвать объяснениями) еще более абсурдны. «Российские дипломы должны быть понятны западному работодателю», — пояснил В. Филиппов. Ну можно ли было ожидать такого довода от министра большой страны, тем более министра *образования*! И ведь такие вещи говорятся перед целым собранием профессоров, академиков и ректоров — и хотя бы что. Многие даже стали поддакивать: мол, новая система, копирующая западную, облегчит положение за границей тех молодых россиян, которые поедут попытать счастья на западном рынке труда.

С какой стороны ни посмотри, это нелепость. Во-первых,

---

¹ Багров А. Игорь Шувалов разрушил монополию Михаила Касьянова // Коммерсантъ. 2003. 22 декабря.

² Липпман У. Знамение луны // Сегодня и завтра. 1957. 10 октября.

даже самому крутому бюрократу не пришло бы в голову ломать отечественную систему образования ради мелкого формального удобства 1 — 2% выпускников, отправляющихся на чужие хлеба.

Во-вторых, уже сотни тысяч выпускников советских и российских вузов уехали и хорошо устроились на Западе, а тамошние работодатели не посмотрели на форму их бумажек. А суть этих бумажек как раз «была понятна западному работодателю». Буржуи люди разумные, и их интересовали те знания и навыки, которыми обладали эти молодые россияне, а не форма дипломов.

Сейчас ректоры средних европейских университетов добиваются у своих министерств квот на контракты для доцентов и кандидатов наук из российских вузов и НИИ «второго эшелона». Местные профессора физических, математических и других факультетов ежятся, но признают, что людей с подобным послужным научным списком их университет не смог бы найти во всей Европе — даже за тройной оклад. И бродят наши малахольные кандидаты в джинсах по лужайкам европейских кампусов, обсуждают по-русски какие-то задачи, а все на них смотрят с тревогой и почтением. Через несколько лет после нашего «присоединения» к Болонской конвенции они уже там бродить не будут, наши бакалавры и магистры станут стандартным унифицированным товаром.

Не будем «читать в сердцах» и подозревать злые намерения у всех этих министров и администраторов президента — Филиппова, Шувалова, Грефа и пр. Но объективно, независимо от их намерений, действительная имитация «Болонской системы» означала бы как раз лишение выпускников российских вузов тех конкурентных преимуществ на европейском интеллектуальном рынке, которые они пока что имеют. Втягивание РФ в эту систему имеет смысл только как средство устранить одного из сильных конкурентов.

Что же должно быть изменено согласно подписанной конвенции? Как было сказано выше, *уклад вуза, организация учебного процесса и программы*. Эти вещи взаимосвязаны. Уклад — это прежде всего отношения между студентами, а также между студентами и преподавателями. В высшей школе, унаследованной от советского времени, большую роль играет *студенческая группа*. Она сплачивается и организацией занятий — единой программой, совместной работой в семинарах и практикумах, совместным проживанием части группы в общежитии. Группа действует как важный социальный организм, который обеспечивает и взаимную поддержку и взаимопомощь студентов в учебе, и воспитательное воздействие коллектива. Это дает студенту навыки бригадной коллективной работы в лаборатории, цехе, КБ.

Различие в способности к такой работе между дипломниками и аспирантами российского вуза и их сверстниками в среднем европейском университете настолько разительно, что в него невозможно поверить, пока не убедишься сам на практике. Поэтому средний по способностям выпускник нашего вуза, работая в коллективе, оказывается на голову выше, чем его западный сверстник примерно таких же потенциальных способностей.

Европейские университеты, напротив, идут по пути дальнейшего углубления индивидуализации уклада студенческой жизни. Важным средством для этого стало введение *кредитов* — множества курсов, каждому из которых присваивается «стоимость» в виде количества условных эквивалентных учебных часов. Из числа этих курсов, перечисленных в программе по каждой специальности, студент выбирает достаточное их число по индивидуальному плану и проходит их вне какой-либо стабильной группы (и даже часть из них вне какого-то определенного университета). Переход на такую систему является обязательным для стран, подписавших Болонскую конвенцию¹.

В советском вузе отношения преподавателей со студентами строились по принципу «учитель — ученик» и «мастер — подмастерье». Это были отношения с сильным личностным началом и интенсивными личными контактами — сродни отношениям в средневековом ремесленном цехе. Если же рассматривать вуз как «фабрику» или как предприятие по предоставлению образовательных услуг (а так университет и рассматривается в философии неолиберализма), то советская система внешне выглядела как расточительное использование дорогой рабочей силы преподавателей. В разных культурах критерии дешевизны и дороговизны различны.

Болонская конвенция предполагает обязательный переход на обезличенные отношения «преподаватель — студент» по принципу купли-продажи услуг: «Группа Шувалова» видит в этом только экономию бюджетных денег, а на деле произойдет разрушение уклада русского университета. С соответствующим снижением уровня подготовки выпускников. Социолог В. Глазачев пишет: «Помнится, «яблочники» более всех ратовали за вступление в Болонский процесс — одно это должно бы насторожить,

---

¹ Кстати, система кредитов дает такие возможности для афер и коррумпции — пальчики оближут наши академические предприниматели. Кредиты (сертификаты о прохождении курса) — товар в руках профессора, и этим товаром всюду торгуют. Набрав пять надежных молодых людей, профессор кладет в карман полторы-две тысячи евро за чтение курса, а молодые люди получают ценный документ, очень помогающий им на конкурсах и аттестациях.

ведь они всегда учили, что главное для России — через силу, через голову, наизнанку вывернувшись, быть как все. Быть как все, даже и в том редком случае, когда то, что мы имеем (имели), при всех прегрешениях против истины и здравого смысла, явственно лучше, чем у всех прочих, собравшихся в новоевропейское стадо... Всяк, кому доводилось читать лекции в западных школах, знает, как поднимаются волосы на голове от вопиющего невежества большинства тамошних студентов... Причина проста. Когда мои европейские коллеги узнавали, что в моем кефирном заведении на одного-трех пятикурсников приходится один преподаватель, они в тоске заламывали руки: у них-то один преподаватель на тридцать-сорок душ, ибо университету нужно исправно платящее за учебу студенческое месиво»¹.

Зря только В. Глазычев полагает, что «причина проста». Дело не только в количественных соотношениях. Если число «продавцов услуг» увеличить в десять раз, они не превратятся в Мастеров и Учителей.

Согласно Болонской конвенции все подписавшие ее государства должны перейти на двухступенчатую систему образования. Три или четыре года студент обучается по упрощенной программе и получает диплом бакалавра. Затем желающие могут пройти дополнительный курс обучения (1 — 2 года) и получить диплом *магистра*. У нас, как известно, была принята система пятилетнего обучения, в котором последний год был посвящен научному исследованию или инженерно-технической разработке, после чего следовала *защита* диплома (дипломного проекта). Таков был профиль подготовки специалиста.

Наши энтузиасты «Болонской системы» обходят эту проблему и делают вид, что различия носят формальный характер. Мол, отучатся наши студенты 4 года — вот и бакалавры. А потом сделает, кто хочет, обычный наш дипломный проект — вот и магистр. Это или сознательная ложь, или следствие полного непонимания сути. Наши 4 курса и диплом вовсе не являются двумя разными разделенными ступенями. Они — неразрывно связанные части единого процесса. Когда 1 сентября первокурсник приходит в аудиторию нашего вуза, его с первой минуты обучают как *полного специалиста*. С первой лекции, на первом же семинаре его готовят к самостоятельному исследованию или проекту, без этого венца его обучение будет неполным, а многое из того, что ему дано за 4 года, — ненужным (и даже неусвоенным). На Западе первокурсника сразу начинают готовить как бакалавра. Разница примерно такая же, как учить человека на врача или

---

¹ Глазычев В. Башни Болоньи // Русский журнал. 2004. 24 мая.

на фельдшера — и эта разница существует с первого занятия. Фельдшера нельзя потом просто «доучить» до врача за год.

В течение десяти лет (с 1989 г.) я выезжал, иногда подолгу, читать лекции в испанских университетах (в основном в университете Сарагосы, одном из ведущих в Испании). Стиль занятий и экзаменов основной массы студентов, будущих бакалавров, был такой, что по нашим меркам его вообще нельзя было считать присущим высшему учебному заведению — даже если сравнивать с типичным педагогическим институтом в Воронеже или Пскове. При том, что ресурсы этих испанских университетов (здания, оборудование, библиотеки и зарплата преподавателей) просто несопоставимы с тем, что имеют наши вузы. И эти университеты стали именно «общеевропейскими» — не только потому, что Испания активно приняла предусмотренные уже и Болонской конвенцией формы, но и из-за того, что в этих формах идет массовый обмен студентами, так что, скажем, в Сарагосе постоянно учились большие группы студентов из Франции, Германии, Нидерландов и т.д. Они большой разницы со своими университетами не видели.

Никто в ходе нынешних смятых дебатов даже не затронул вопроса о принципиальной разнице между двухступенчатым и российским образованием и не сказал, какой смысл ломать отечественную систему образования, которая не вызывает нареканий, кроме «непонятности наших дипломов для западных работодателей». Западная система переучивания бакалавров в магистров исключительно дорога, реально мы ее не сможем применить в РФ в достаточно массовом масштабе, эта программа будет профанацией. Страна останется без полноценных специалистов.

Смена уклада, организации и типа программ в действительности скрывает фундаментальное, качественное изменение типа образования — подобное тому, что претерпела европейская средняя школа в период буржуазных революций. Тогда новое общество унаследовало от традиционной европейской культуры школу «университетского» типа, которая давала целостное представление о мире.

Буржуазное общество, в отличие от сословных обществ, породило совершенно новый тип культуры — мозаичный. Если раньше, в эпоху гуманитарной культуры, свод знаний и идей представлял собой упорядоченное, иерархически построенное целое, обладающее «скелетом» основных предметов, главных тем и «вечных вопросов», то теперь, в современном обществе, культура рассыпалась на мозаику случайных, плохо связанных и структурированных понятий.

Гуманитарная культура передавалась из поколения в поколе-

ния через механизмы, генетической матрицей которых был *университет*. Он давал целостное представление об универсуме — вселенной, независимо от того, в каком объеме и на каком уровне давались эти знания. «Скелетом» такой культуры были *дисциплины* (от латинского слова, которое означает и учение, и розги).

Напротив, мозаичная культура воспринимается человеком в виде кусочков, выхватываемых из омывающего человека потока сообщений. В своем кратком изложении сущности мозаичной культуры известный специалист по СМИ А. Моль объясняет, что в этой культуре «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования»¹. Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека — «человека массы». Это полуобразованный человек, наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций. Человек самодовольный, считающий себя образованным, но образованным, именно чтобы быть винтиком, — «специалист».

О нем с пессимизмом писал философ Ортега-и-Гассет в известном эссе «Восстание масс»: «Специалист» служит нам как яркий, конкретный пример «нового человека» и позволяет нам разглядеть весь радикализм его новизны... Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки «человек науки» и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его «ученым невеждой», и это очень серьезно, это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущими знатоку и специалисту... Достаточно взглянуть, как неумно ведут себя сегодня во всех жизненных вопросах — в политике, в искусстве, в религии — наши «люди науки», а за ними врачи, инженеры, экономисты, учителя... Как убого и нелепо они мыслят, судят, действуют! Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было — типичные черты человека массы — достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют

---

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1974.

современное господство масс, а их варварство — непосредственная причина деморализации Европы»¹.

Чем отличается выросшая из богословия «университетская» школа от школы «мозаичной культуры»? Тем, что она на каждом своем уровне стремится дать целостный свод принципов бытия. Спор об этом типе школы, которая ориентировалась на фундаментальные дисциплины, идет давно. Нам много приходилось слышать попреков в адрес советской школы, которая была построена по такому типу, — за то, что она дает «бесполезное в реальной жизни знание». Эти попреки — часть общемировой кампании, направленной на сокращение числа детей, воспитываемых в лоне «университетской культуры».

Французские авторы, социологи образования пишут: «В то время как в «полной средней» школе естественные науки излагаются систематически и абстрактно, в соответствии с научной классификацией минерального, растительного и животного мира, помещая каждый объект в соответствующую нишу, в сети «неполной практической» школы естественные науки излагаются с помощью эмпирического наблюдения за непосредственной окружающей средой. Систематизация здесь даже рассматривается как нежелательный и опасный подход. Как сказано в инструкции министерства, «учитель должен стараться отвлечь учащихся от систематического наблюдения. Вместо статического и фрагментарного метода изучения природы, разделенной на дисциплинарные срезы, предпочтителен эволюционный метод изучения живого существа или природной среды в их постоянной изменчивости»... Это псевдоконкретное преподавание позволяет, измышляя тему, устранять барьеры, которые в «полной средней» школе разделяют дисциплины. Тем самым обучению придается видимость единства, играющая крайне негативную роль. В одном классе «полусредней практической» школы целый месяц проходили лошадь: ее биологию, наблюдения в натуре с посещением конюшни, на уроке лепки и рисования, воспевая ее в диктанте и сочинении»².

В начале 90-х годов я был в Испании, где в это время проводилась реформа школы — страна переходила к европейским стандартам. Один философ, с которым мы были знакомы заочно, по публикациям, стал крупным чиновником ЕЭС по вопросам образования, он проводил в Испании совещание по этой ре-

¹ *Optega-u-Gacsem Хосе*. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 120.

² *Baudelot Ch., Establet R.* La escuela capitalista. Mexico: Siglo XXI Eds. 1991.

форме и пригласил меня — авторитет советского образования был тогда высок, и они хотели послушать кого-нибудь из СССР.

То, что я услышал, было прекрасной иллюстрацией для книги французских социологов — массовой школе Испании было рекомендовано перейти от дисциплинарного типа образования к «модульному». Какие-то фирмы уже разработали к тому времени 18 модулей, которые переводились на европейские языки и включались в программы. Речь на совещании шла о модулях, уже переведенных на испанский язык. Мне, еще «на новенького», все это показалось театром абсурда, просто сознательной ликвидацией нормального среднего образования. Уже не было физики, химии, географии, а был, например, модуль под названием «Вода и водная проблема в Кении». В нем вскользь давались кое-какие сведения о воде, а потом просто идиотская проблема «воды в Кении». Почему, кстати, испанские подростки должны обсуждать проблемы неизвестной им Кении, когда в самой Испании всегда стояла и сегодня стоит жгучая проблема с водой? Но главное, конечно, это сам отказ от дисциплинарного («университетского») строения всей картины мира.

Теперь систему образования, основанную на мозаичной культуре, на Западе распространяют и на университет. Даже Ю. Афанасьев, перестройщик каких мало, отзывается об этом процессе как-то неуверенно. Он говорит формальные вещи, но за ними слышны принципиальные сомнения, которые он, как почетный антисоветчик, стесняется высказать открыто. Он говорит в интервью: «Дело в том, что болонская модель, кроме двухуровневой структуры высшего образования, предполагает две базовые вещи: модульный подход и кредиты. Модульная система означает отказ от предметного преподавания и введение целенаправленно расширенных образовательных программ, в которых дисциплинарные границы расширены и рассматриваются совсем иначе, чем в архаичных традиционных формах»¹.

К чему лукавить, «архаичные традиционные формы» присущи университетской культуре, модульный подход — мозаичной культуре. Для России переход к болонской модели означает прерывание всей ее исторической культурной траектории. Дрогнула рука сделать еще и этот контрольный выстрел?

Так и продолжает Ю. Афанасьев скользить по вопросу: «Если вдуматься, переход на модульный принцип организации учебного процесса оказывается невозможен, так как он противоречит

---

¹ Афанасьев Ю. Болонский аршин: русский университет vs европейский. О российских перспективах в Болонском процессе // Русский журнал. 2003. 7 апреля.

стандартам, утвержденным в России. Российские стандарты составлены попредметно. И здесь прежде всего потребуется перекройка всей системы довузовского образования, что вообще выпускается из виду. Пути решения, направления стыковки здесь не найдены. И следом возникает другая серьезная проблема — социальная, кадровая, если хотите... Примерно на одну треть придется сокращать состав преподавателей, а это, согласитесь, для всех непростая и крайне болезненная операция».

Мол, если уж убиваете, то не так болезненно. Хоть морфию дайте... Но зря думает Ю. Афанасьев, что «перекройку довузовского образования выпустили из виду». Не выпустили, а как раз и ведут, не мытьем, так катаньем — никуда М. Филиппов не делся и своей работы не прекратил.

И на фоне всей этой суеты с «интеграцией в образовательное пространство Европы» звучат успокаивающие слова Послания В. В. Путина Федеральному собранию РФ 2004 г.: «Хочу подчеркнуть: российское образование — по своей фундаментальности — занимало и занимает одно из ведущих мест в мире. Утрата этого преимущества абсолютно недопустима».

Глава 25

УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ.

«ИРОНИЯ СУДЬБЫ» ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА, или ОБРАЗ ИНТЕЛЛИГЕНТА БЕЗ РЕФЛЕКСИИ

Бывший советский кинорежиссер Эльдар Рязанов стал при Ельцине придворным деятелем кино, в новогодние праздники его фильмы идут сразу по нескольким каналам телевидения. О нынешних конъюнктурных фильмах говорить не будем — это, мягко говоря, явление упадка. Но старый фильм «Ирония судьбы, или С легким паром» люди смотрят с удовольствием.

Сейчас, когда сюжет фильма знаком до мелочей, начинаешь видеть в нем второй план, возникающий при сравнении показанной в нем реальности 70-х годов с нынешней реальностью — и одновременно с траекторией самого Э. Рязанова. В этом фильме стала видна не ирония, а какое-то сатанинское издевательство судьбы — над жизненными установками Э. Рязанова и, косвенно, его любимых героев.

Как и всякое хорошее произведение искусства, этот фильм живет во времени, и смыслы его развиваются вместе с нами. Тот факт, что фильм этот — рождественская сказка, вовсе не снижает груз смыслов, который несет каждый образ. Напротив, в рож-

дественских сказках как раз ухватывается нечто главное. Думаю, можно принять, что главные герои фильма, в отличие от их антипода Ипполита, по своему социальному, культурному и мировоззренческому складу близки и глубоко симпатичны Э. Рязанову. Он — их певец.

Когда Э. Рязанов снимал фильм, он, скорее всего, мечтал, как и многие интеллигенты, о «социализме с лицом Брыльской». Но это как раз и оказалось антисоветизмом — и потому без больших душевных потрясений Э. Рязанов сдвинулся к прославлению «капитализма с лицом Ельцина». А раньше он точно соблюдал на людях нормы лояльности и был «внутренним эмигрантом», как множество других таких же представителей элиты. Э. Рязанов и своих близких ему героев делал слегка ироничными по отношению к советской реальности, слегка такими же «эмигрантами». Это, кстати, и придавало его фильмам ту пикантность, которая высоко ценилась на рынке.

В общем, вполне можно считать, что герои «Иронии судьбы» по своему складу относятся к той части интеллигенции, которая с восторгом приняла перестройку Горбачева и аплодировала Сахарову. А поскольку все эти герои — нестяжатели, люди бескорыстные, то они во время приватизации ничем не поживились и в банды не вступили. В чем же ирония судьбы? В том, что Э. Рязанов и близкие ему художники, снедаемые антисоветским чувством, с любовью отразили и тем самым во многом создали определенный социальный и духовный мирок, а этот мирок оказался возможен, только когда он был окружен и защищен грубыми структурами советского жизнеустройства.

Э. Рязанов строил ту матрицу, на которой формировались и сходили с экрана в жизнь его герои, в надежде, что эта матрица своей этикой и эстетикой подавит, разложит и уничтожит советский генотип. И вот это произошло — и что же? Не просто этот мирок стал невозможен после гибели советского организма, но и выросший на его матрице культурный тип оказался грубо выброшен из жизни. Э. Рязанов стал соучастником убийства своего любимого творения. Это как если бы Юрий Деточкин сегодня украл автомобиль у Япончика, а потом попал в лапы к его охранникам!

Давайте подчеркнем этот момент: фильмы 70-х годов не просто отражали реальную интеллигенцию как социальную базу перестройки — они ее *создавали*, давали ее смутным еще импульсам форму и язык. Тургеневских барышень не было, пока их не описал Тургенев! Культурные типы лепятся в идеологических лабораториях, поэтому надо изучать популярные фильмы и с этой стороны — какой тип они лепят?

Идеальным миром, к которому подсознательно стремится че-

ловека, бывает мир близкий, осязаемый — и в то же время недосигаемый. Какие черты придал Э. Рязанов обитателям этого мира, какого рода его недосигаемость? С одной стороны, это наши типичные интеллигенты тех лет, с близкими этому кругу социальными чертами. Но в то же время они обладают неброскими признаками элитарности, аристократичности.

Конечно, тогда не хотелось замечать, что нет, не можем мы войти в их мир, что это ложные образцы, манящие привидения. Начать с того, что обоим главным героям — далеко за тридцать, но у них нет семьи и нет детей. Похоже, и друзья их бездетны. У них поэтому есть время и ходить в баню, и бродить по городу, навещая друг друга. Уже одно это делает их особой кастой и придает особые черты их мировоззрению. Вспомните себя, инженеры и врачи, которые воспитывали детей в 70-е годы. «Мы разучились совершать сумасшедшие поступки!» — говорит герой. Ах, какой упрек плебейам, как им должно быть стыдно!

У героев фильма — энергичные, здоровые мамы, сохранившие достаточно сил, чтобы заботиться о быте своих великовозрастных детей, позволяя им и к середине жизни сберечь прыть и юность духа. В реальности же подавляющее большинство матерей того поколения — вдовы Отечественной войны, измученные непосильным трудом 30 — 50-х годов. Кому-то, конечно, повезло, и мамы добавили им возможности «совершать сумасшедшие поступки». Но и из этих тогда лишь немногие отщепились от общего ствола.

Каковы же «структуры повседневности» этих героев фильма? Мягкий, интеллигентный уют. Квартира в хорошем доме, довольно дорогая мебель, хрусталь и кофе, клетчатый плед. Полет в Ленинград — для них не бог весть какое приключение, такси тоже вещь привычная. Набор вещей и поступков, входящих в «культурную скорлупу» этих людей, говорит о материальном благополучии и устоявшихся культурных потребностях, ставших привычно удовлетворяемыми. Герои подтрунивают над тем, что дома в разных городах одинаковые, мебель одинаковая, даже ключи к дверям подходят. Ну, мол, и страна!

Герои фильма составляют братство, говорят на одном языке, понимают жесты друг друга. Условно говоря, «они ходят в баню», хотя у них в доме есть ванная — это подчеркивается на протяжении всего фильма. Отношения между ними тонкие, построены на нюансах, так что не способный на сумасшедшие поступки Ипполит им не ровня, брак с ним был бы мезальянсом для героини. Он лишь на короткий миг становится почти своим, когда приходит пьяный и лезет в пальто под душ. Тогда он нравится тонкому интеллигенту. Но, в общем, Ипполиту с его су-

конным рылом конкурировать в этом ряду было бесполезно. А вполне разумные слова, которые он сказал «московскому гостю», лишь усилили отвращение к нему в глазах кинозрителя.

Этот уютный материальный и духовный мирок — их башня из слоновой кости, их экологическая ниша, в которой они отгораживаются от мира. Рождественская сказка допускает чудо — в этой нише случай соединяет две родственные души, и из нее кубарем вылетает чужак Ипполит. При посторонних они споют про вагончик и про тетю, а душу выражают в стихах Ахмадулиной и Цветаевой. Свои профессии считают самыми важными (в шутку, конечно) и заметят, что им за их работу недоплачивают. Заметят без надрыва, с доброй иронией — они выше такой прозы.

Никаких особых мыслей в фильме прямо и не высказывается, реплики отрывочны и не связаны с сюжетом, но их подтекст зрителю тогда был близок, они легко укладывались в общую канву, так что искусственность рассуждений не замечалась (теперь, конечно, режет слух). Пожалуй, наибольшую нагрузку несло ложное утверждение, что «мы *разучились* совершать сумасшедшие поступки!». Во время коллективизации и войны умели, а потом разучились? Наоборот! Только получив наконец теплые квартиры и сытую жизнь, часть из нас стала этому учиться — и всех обучать. А до этого у нас просто на такие поступки не было ни времени, ни денег, да и совесть не позволяла. Надо было детей кормить и матерям помогать. Было у каждого поколения время покуролесить — студентами, но не в сорок же лет.

Но вот что удивительно — эта надуманная элитарность и инфантилизм, переходящий в экзистенциальную безответственность, в 70-е годы были каким-то образом подхвачены и усвоены весьма значительной частью интеллигенции, причем даже людьми взрослыми, обремененными трудами и детьми. Они так и законсервировались до глубокой старости в джинсах и кроссовках. Это факт, который мы как-то не замечали или считали признаком тонкой духовной организации. И так пошло это обучение, что поступки их стали сводиться не к тому, чтобы сходить в баню и улететь спать в Ленинград, а чтобы подпилить тот сук, на котором сидели. Да не только под собой, но и под совершенно посторонними людьми.

Близко зная интеллигентов подобного типа, могу сказать, что им и в голову не приходило, что из-за их шалостей люди могут лишиться не только пледа и хрусталя, но и теплых квартир. Им всерьез казалось, что все эти квартиры и отопление, поездка и самолеты — не плод тяжелых постоянных усилий и определенной социальной организации, а дано от природы и исчезнуть не может, как воздух. Из-за их (и нашей) безответственности мы,

идя по этой дорожке, оказались, как страна и культура, под угрозой исчезновения.

Ортега-и-Гассет писал: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, — наивная иллюзия. История — это арена, полная жестокостей, и многие расы, как независимые целостности, сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить — значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации».

Когда мы смотрели «Иронию судьбы» в сытые застойные времена, мы и не замечали, как многозначительно представление интеллигентных героев фильма о природе социальных благ. Зато сегодня их реплики выглядят как философские утверждения. Мы уже говорили, как оба героя — врач из районной поликлиники и учительница — соглашались в том, что зарплата у них меньше, чем того заслуживают их профессии. При этом они как будто не замечают, что оба только что получили бесплатно просторные квартиры в хороших домах.

Известно, в каком доме около метро «Юго-Западная» в Москве снимался фильм, вот и возьмем нынешнюю рыночную цену этой квартиры — 100 тыс. долларов. Это эквивалентно зарплате нынешней учительницы за 100 лет работы. Нет, такую добавку к их зарплате ни учительница, ни врач 70-х годов не замечают. Как не замечают они и того, что на ту их «маленькую» зарплату они могли без большого потрясения для своего кармана полететь на самолете, взять такси и т.д. Они, как дети, не знают, что все это стоит больших невидимых денег, которые и даются им в виде благ как часть платы за их труд для общества.

Допустим, страна сегодня пока что лишь подвигается на грань катастрофы, не будем спорить с оптимистами. Но уютный мирок героев фильма уничтожен, причем жестоко, под корень, даже с глумлением — в том числе благодаря усилиям Э. Рязанова, Б. Ахмадулиной и прочих «певцов за сценой». Культурный тип, воспетый Э. Рязановым и соблазнивший немалую часть интеллигенции, стерт с лица земли. Нет уже здесь места для получения бесплатных квартир, для тонкости и гордости, для нюансов и недомолвок, для «сумасшедших поступков» на зарплату учительницы. Если ты честен — будешь вынужден вести жестокую борьбу за пропитание и жизнь твоих детей. А значит, становишься «как железные гвозди, простым».

Эти тонкие интеллигенты с их лирическими камерными песнями под гитару были одним из украшений нашей жизни, и мы их искренне любили. Но их создатели встроили в них, как в го-

мункулов, ген саморазрушения. А от него пошел вирус, заразивший и их коллег. Плебеи поднимутся, а этих сломали. Когда еще мы сможем позволить себе роскошь снова вырастить такие нежные цветы?

Интересно, понимает ли Э. Рязанов, что он участвовал в убийстве своего идеального создания — или, отряхнув его прах с ног, он стал к таким мелочам нечувствительным?

Когда в Интернете мы обсуждали первый вариант этой статьи, тема незаметно расширилась, и много говорили о странном художественном бесплодии в нынешних условиях как раз тех элитарных деятелей культуры, которые боролись за свободу от советского тоталитаризма. Вспомнили и надрывный, двусмысленный праздник «элиты» в новогоднюю ночь, показанный по телевидению. Один из виртуальных собеседников написал:

«Эти люди, в огромном своем большинстве, были на стороне врага в русской трагедии или, по крайней мере, приняли его сторону, стали частью сатанинского порядка, насаждаемого на обломках СССР. Фактически подписали договор с нечистым. А это творческим расцветом, мягко говоря, не чревато — совсем наоборот. Мне кажется, что демократическая революция станет таким уроком всем русским людям, величину которого мы даже сейчас не вполне можем себе представить. Повседневная жизнь, «социальное бытие» как никогда близко подошли у нас к бытию потустороннему, inferнального характера. «Творческая элита» находится уже на тонкой грани между этими мирами. Отсюда — и выражение их рож. Ведь лицо, как известно, зеркало души. Самое интересное, что сама «элита», кажется, не вполне это понимает».

Глава 26

УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ. ВОСПОМИНАНИЕ БЕЗ РЕФЛЕКСИИ

Все согласны с тем, что мы переживаем большую Смуту. Уже 15 лет, как у нас «разруха в умах» — духовная болезнь в открытой форме. Результатом ее стал распад страны, глубокий кризис и вымирание населения. А поскольку причин болезни мы никак не выявим, то и лечить ее не можем — мы таем на глазах, несмотря на временные улучшения.

Чтобы успеть найти лекарство, мы обязаны честно описать симптомы болезни на ее ранних стадиях, найти промежуточные причины, а от них идти к коренным. Все это мы должны делать

сами, доброго врача нам мировая закулиса не пошлет, она уже потирает руки.

Одной из причин болезни стал странный сдвиг в сознании, который произошел в 60-е годы в среде горожан. Люди перестали ценить и даже замечать те самые главные жизненные блага, которые им предоставляли русская культура и русский образ жизни (в тот момент в виде советского строя, хотя и не это главное). В целом, тот образ жизни, который в главных своих чертах сложился задолго до 1917 г. Вспомните, старики, — тогда у нас считалось хорошим тоном полушутя (точнее, *полусерьезно*) позазавидовать американским безработным, которые якобы приезжали получать пособие по безработице на собственном автомобиле. Эта зависть сегодня, когда у себя в стране мы наконец имеем массовую безработицу, выглядит анекдотичной, и мы стараемся о ней не вспоминать. А ведь надо задуматься, надо искать надежные свидетельства того, как зрела эта аномалия.

Таким ценным историческим документом, на мой взгляд, служит книга О. Блоцкого «Владимир Путин» (М., 2003, тираж 200 000 экз.). Книга эта издана со странным грифом «Продаже не подлежит». Что это такое? Как это вяжется с рыночной экономикой? Кто оплатил такой подарок дорогим россиянам?

Как сказано в аннотации, книга «воссоздает жизнь и атмосферу, в которых воспитывался В. В. Путин, формировался его характер и мировоззрение». Иными словами, эта книга претендует на то, чтобы через личную историю В. В. Путина воссоздать «жизнь и атмосферу» 60 — 70-х годов в их мировоззренческом срезе.

Почему эта книга ценна как документ? Во-первых, потому, что характер и мировоззрение В. В. Путина формировались в типичной среде большого города, а не в каком-то тонком привилегированном или маргинальном слое. Следовательно, можно предположить, что по крайней мере окружающая среда не оказала на ребенка и подростка какого-то необычного воздействия, которым можно было бы объяснить особенности его мировоззрения.

Во-вторых, его характер и мировоззрение созвучны большей части населения РФ, В. В. Путин — свой для этой части народа. Это показали выборы. Значит, когда он говорит о своем восприятии жизни в бытность его подростком, он вспоминает нечто типичное, а не присущее каким-то необычным меньшинствам типа «стиляг» — золотой молодежи 50-х годов. Конечно, каждая личность уникальна, но вряд ли в книге о юности действующего президента он сам и автор стали делать акцент на том, что его сильно отделяло от сверстников. Можно предположить, что эпизоды и комментарии подобраны так, чтобы образ президента был понятен и близок людям его поколения.

Можно уверенно полагать, что и сам В. В. Путин, и О. Блоцкий, и редакторы книги ответственно подошли к каждому утверждению в тексте, которое несет философский и идеологический заряд. Каждая строка в таких книгах содержит в себе определенную установку, является именно мировоззренческой декларацией.

Надо только учитывать, что в таких воспоминаниях всегда есть два плана. Первый план — как видел мир подросток Володя Путин в 60-е годы (точнее, как он сам и свидетели его взросления *вспоминают* его восприятие, причем само это воспоминание подвержено давлению нынешних стереотипов). Это план памяти. Второй план — как *оценивает* это свое тогдашнее видение В. В. Путин сегодня, будучи президентом в момент большой Смуты. Это план рефлексии.

Составляя «воспоминания» людей такого ранга, изданные в момент пребывания их у власти, создатели книги, конечно, по необходимости отбирают из уникального потока событий личной жизни героя те моменты и впечатления, которые делают его близким, «своим» для социально и политически активного поколения, определяющего в данный момент жизнь страны. Это и делает подобные книги *социологически* важным документом — в них неявно записан диагноз поколения, его «история болезни» с ранних лет до настоящего момента, а также *предписано* «правильное» отношение к явлениям того времени.

И приверженцев, и противников В. В. Путина хочу сразу предупредить, что никакого политического интереса последующие рассуждения не преследуют. Думаю, политически заостренный читатель вряд ли и заметил бы ту ноту в воспоминаниях В. В. Путина, на которую я хочу обратить внимание. Книга дает много других случаев, чтобы бросить тень на личные качества президента. Иной раз даже кажется, что издание этой книги финансировал его злопыхатель Б. А. Березовский. Но, скорее всего, эти пятнышки поставлены, чтобы придать образу президента больше реалистичности и человечности (по формуле «все мы люди, все мы человеки; я весь перед вами, любите меня таким, каков я есть»).

Лично меня потрясло одно место в самом начале книги, и потрясло в обоих указанных планах — как в изложении впечатлений подростка 60-х годов, так и в трактовке этих впечатлений сегодня. Я увидел, какая мировоззренческая пропасть отделяет мое поколение (я родился в 1939 г.) от поколения В. В. Путина. Она и раньше чувствовалась, эта пропасть, а в книге она документально подтверждена.

Вот некоторые объективные факты из биографии В. В. Путина, восприятие этих фактов подростком Володи и их оценка, сделанная из 2002 года, уже взрослым человеком и президентом.

Итак, В. В. Путин родился в октябре 1952 г. Его отец, фронтовик и инвалид Отечественной войны, работал на заводе, был стахановцем и секретарем парторганизации цеха. Жили они в Ленинграде в коммунальной квартире, в ней было еще две семьи, потом одну выселили. Школьный приятель Володи вспоминает: «Помню, у них в комнате на столе стоял массивный черный телефон. По тем временам это была большая редкость». Отдельную квартиру получили в 1977 г. Была у них дача недалеко от Ленинграда — ее родители купили, когда Володя пошел в школу. Сам В. В. Путин пишет: «Чувства какой-то обойденности или бедности у меня никогда не возникало, потому что вокруг все были такие же, как я».

Да, почти все мы тогда жили примерно так же. Хотя, судя по целому ряду приведенных в книге деталей, материальное благосостояние поколения В. В. Путина значительно улучшилось по сравнению с моим поколением. Большинство ребят моего поколения (рождения 1939 г.) были сиротами, да и в целом страна за 13 лет сделала большой рывок. В моем классе, по-моему, ни у кого не было дачи и никому в первом классе родители не покупали, как Володе, дорогих хороших часов (точнее, не покупали никаких часов, это было бы нечто из ряда вон).

В чем же разница мировоззренческая, что меня поразило? То, как В. В. Путин оценивает жизнь подростка, которая, судя по *объективным* признакам, в главных срезх жизнеустройства еще почти не изменилась по сравнению с жизнью подростка моего поколения.

Он пишет: «Жить во дворе и в нем воспитываться — это все равно что жить в джунглях. Очень похоже. Очень!.. Уличная жизнь сама по себе очень вольная. Совсем как в фильме «Генералы песчаных карьеров». У нас было то же самое. Разница была, наверное, только в погодных условиях. В «Генералах» было теплее, и там ребята собирались на пляже. Но в остальном, что у них, что у нас — абсолютно одинаково» (с. 27).

Вчитайтесь в этот текст. Он содержит целую концепцию. Главный, обобщающий тезис состоит в том, что жизнь подростков в типичном советском городском дворе в 60-е годы протекала по *закону джунглей*. Вторая часть рассуждения является подкреплением этого тезиса с использованием содержательной аналогии. Утверждается, что это была жизнь, структурно одинаковая с той, что изображена в известном бразильском фильме «Генералы песчаных карьеров».

Если бы не было первой, обобщающей части (о «джунглях»), отсылку к фильму можно было бы как-то списать на эмоциональное, романтическое восприятие этого фильма подростком,

который не заметил за динамичными картинами вольной жизни в «песчаных карьерах» социальной трагедии. Но в таком случае взрослый человек сегодня не стал бы подтверждать ту романтическую оценку подростка и привлекать фильм как серьезную аналогию. Нет, В. В. Путин и сегодня, после явного краха всей нашей жизни, не делает поправок и оговорок к своему детскому впечатлению, он его подтверждает и даже усиливает!

В тексте настойчиво подчеркивается *абсолютное* сходство жизни советских подростков 60-х годов и жизни бразильских подростков, героев фильма. *Разница только в погодных условиях!* В этом подчеркивании и применяемой терминологии есть очевидный перебор, который и указывает на декларативный характер всего этого тезиса — на него специально обращается внимание читателя.

Является ли такое восприятие жизни чем-то естественным, обычным, вытекающим из реальности? Нет, ни в коем случае. Я тоже «жил во дворе». Более того, рос без отца, а мать уходила на работу в 7 часов утра и приходила с работы поздно вечером. Почти все время после школы я проводил во дворе. Каков же был двор, реальность его быта? В конце 40-х и начале 50-х годов наши дворы были намного беднее, чем в 60-е годы. За узкой линией домов, выходящих на большую улицу, начинался массив бараков и деревянных домов с деревянными уборными. Хулиганство во дворах и подворотнях было намного более жестким, чем в 60-е годы, воровство и поножовщина были перед глазами. Дети гибли и калечились по неосторожности — падали с лесов на стройке, устраивали неудачные взрывы, выскакивали сломя голову под машины. Но никому тогда и в голову не могло прийти, что это было «все равно что жить в джунглях». Мы жили трудно, но мы жили в нашем родном обществе и родном государстве. И мы это состояние *родного* ощущали как счастье. Мы о нем не думали, но мы его ощущали.

В. В. Путин вспоминает о себе и своих сверстниках: «Мы не были хулиганами... Конечно же, на «задворках» кто-то из них, криминальных, болтался. Но к нам они никакого отношения не имели. Как и мы к ним» (с. 29).

Я жил подростком в 50-е годы в большом московском дворе. Мы тоже не были хулиганами, но мы не были изолированы от хулиганов и воров. Мы их знали и с ними общались, этого просто невозможно было избежать. Мы видели, как их после какой-то драки с убийством «брала» милиция. Мы встречались с родителями тех, кто попал в тюрьму, видели их слезы. Сейчас я пишу это и вспоминаю лица и некоторые имена этих «криминальных» из нашего и близких дворов. Это не были обитатели «джунглей»!

Это были молодые люди нашего народа и нашей культуры — русские, татары, евреи. Они были искалечены — сиротством, пьянством или тюрьмой родителей, личной судьбой, темными связями. Это была больная, опасная, страдающая часть нашего народа, но именно нашего, так мы их воспринимали. Даже их, а что уж говорить о большинстве, о тех, кто не принадлежал к шайкам.

Надо зафиксировать этот факт — что-то сломалось в мироощущении детей и подростков именно за эти 13 лет! Ведь это сдвиг фундаментальный. Увидеть в отношениях дворовых сверстников «жизнь джунглей» — значит перейти к совершенно иному представлению о человеке, иной «антропологической модели» по сравнению с той, что была принята в моем поколении.

Пожалуй, многие скажут: ну подумаешь, назвал человек двор джунглями — ведь это всего-навсего метафора! Да, метафора, слово — но ведь «мы рабы слов»! Метафоры — главный продукт идеологии, это очки, через которые мы смотрим на мир и воспринимаем его.

Сама метафора «джунгли» в отношении к человеку вовсе не возникла из нашего обыденного языка. В обиход она вошла у нас из обличительной литературы о Западе, для противопоставления Западу нашей жизни — у них, мол, господствует «закон джунглей». Но дело в том, что на самом Западе эта метафора была не обличительной, а утвердительной! Да, человек живет в обществе конкуренции, а это «джунгли», цивилизованные законом. В Древнем Риме говорили «человек человеку волк», а во времена Киплинга «закон джунглей».

Представление человеческого общества как дикой, враждебной каждому природы возникло при становлении буржуазного строя и несло в себе сильнейший идеологический заряд. Да и до сих пор в культуре современного Запада силен социал-дарвинизм, представление общества как арены борьбы за существование. В основании этого представления лежит идеологический миф о «естественном человеке» как индивидууме-собственнике, хищном и эгоистическом существе, ведущем «войну всех против всех» и следующем лишь «закону джунглей». Этот одинокий человек зависит только от себя самого, от силы и ловкости своих ног и кулаков, он находится во враждебном окружении, где его признание другими измеряется лишь властью над этими другими.

Миф о «человеке в джунглях», «онаученный» в XVII веке Томасом Гоббсом, был кардинально антихристианским. В христианстве все люди созданы по образу и подобию Божию, все они — его дети и братья между собой, и в этом смысле они равны. По Гоббсу же, «равными являются те, кто в состоянии нанести друг

другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Он пишет: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее, подавляя других, чем объединяясь с ними».

Это представление о человеке вошло в культуру Запада во время становления «дикого капитализма» как оправдание жестокости колониальных захватов и первоначального накопления. Реформация не только разъединила людей и превратила человека в *атом (индивида)*, но в своем радикальном выражении (кальвинизме) прямо отняла у людей веру в спасение души — для вечного блаженства предназначены лишь «избранные». Вот фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.): «Хотя и говорят, что Бог послал Сына Своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была Его цель: Он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных».

В фундаментальном труде «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер пишет о том, как в ходе Реформации было изменено христианское представление о человеке: «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*... Вместе с тем эта отъединенность является одним из корней того лишенного каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, который мы наблюдаем по сей день в «национальном характере» и в институтах народов с пуританским прошлым»¹.

Как известно, внедренные в сознание метафоры и теории начинают формировать мировоззрение, а значит, и поведение людей. Виднейший американский антрополог М. Салинс говорит об этом с некоторой горечью: «Гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. Однако очевидно, что в этом сравнении и на деле в сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы — единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как не-

---

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные соч. М.: Прогресс, 1990. С. 142, 144.

предвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством»¹.

В русской культуре и антропологическая модель Гоббса, и социал-дарвинизм были категорически отвергнуты и православными философами, и наукой, и идеологией большевизма, и обыденным сознанием русских и советских людей. В основе господствующей в России и СССР антропологической модели лежало представление о *соборной личности*, с тем или иным легким идеологическим прикрытием. Даже злодеи, окаянные грешники не несли в себе «закона джунглей» как матрицы, на которой могли бы строиться отношения, например, подростков в городском дворе. Любовь и сострадание вылечивали душу даже разбойника Кудеяра и убийцу Родиона Раскольникова. Насколько я помню себя подростком, мы жили в *Святой Руси*. Мы никогда об этом не говорили и не думали, но мы это чувствовали, хотя такими словами и не изъяснялись.

И вот, похоже, в 60-е годы произошел срыв — метафора «джунглей» и стоящая за ней антропологическая модель были восприняты, сначала неосознанно, существенной частью подростков, а в более позднем возрасте укоренились в их сознании и сейчас повторяются как нечто обыденное. Наш дом «разделился внутри себя», и, как говорится, такой дом устоять не может. Он и не устоял.

Этот срыв означал сильнейший удар по легитимности советского строя (и, шире, по легитимности всего цивилизационного пути России). Для подростка двор — модель всего жизнеустройства, «клеточка» общественного организма. Если молодой человек принимает метафору «джунглей» для жизни двора, в котором он вырос, он принимает эту метафору и для всей общественной жизни в целом. Семья для него становится не «ячейкой общества», а наоборот — *убежищем от общества*, где можно отдохнуть, не опасаясь удара в спину. Детская драка, а потом и занятие дзюдо становятся не проявлением избытка сил и энергии, а инструментом борьбы за существование.

В. В. Путин пишет, что из первой детской драки он вывел три принципа, третий из которых гласил: «В любом случае — прав я или нет — надо быть сильным, чтобы иметь возможность ответить». Но это и есть одна из статей «закона джунглей» — сила важнее, чем правда.

О своем решении заняться спортом он рассказывает: «Для того чтобы сохранить тот уровень лидерства, который существовал, требовались реальная физическая сила и навыки. Стремле-

¹ Sahlin M. *Uso y abuso de la biología*. Madrid: Siglo XXI Ed., 1990.

ние поддерживать уровень лидерства было. Именно им я и руководствовался, когда начал заниматься сначала боксом, а потом самбо... Во «внешней» не спортивной жизни следовало закрепить свое положение и быть успешным. Тогда у меня соперников не было. Но я заранее знал, что если сейчас не начну заниматься спортом, то завтра здесь, во дворе и школе, уже не буду иметь то положение, которое было».

Когда видишь окружающий мир как «джунгли», общественные институты, устроенные исходя из совсем иных мировоззренческих принципов, воспринимаются как двусмысленные и злонамеренные, к их укладу относишься с подозрением. В. В. Путин так и пишет, например, о школе: «Когда человек воспитывается в джунглях, то, попав в другую среду, все равно продолжает жить по этим законам. А в школе его в какое-то стойло ставят. В стойле неудобно, и человек начинает «раздвигать» окружающие его «стены» (с. 27).

Когда я и мои сверстники учились в школе, в первой половине 50-х годов, даже самые мятежные из нас не трактовали школу в этих понятиях. Мы не ощущали себя животными, которых школа загоняет в *стойло*. Нам учителя объяснили просто и понятно: вы все товарищи, школьная семья («школа — второй дом»). В классе 44 мальчика, кто-то быстро соображает, кто-то медленнее. А учитель один. Если будете шуметь и прыгать — кто-то из ваших товарищей не усвоит урок, отстанет. Не мешайте друг другу, а помогайте, ведь человек человеку брат!

Понятно, что, осознав жизнеустройство своей страны как «джунгли», молодой человек утрачивает ту мировоззренческую платформу, на которую он до этого опирался в «холодной войне», ведущейся против Советского Союза. Ведь до этого мы понимали дело так: там, на Западе, «джунгли», а у нас «общество-семья», братство людей и народов. За это стоит бороться и терпеть бытовые неурядицы. Но если «там джунгли — и здесь джунгли», то неизбежно начинаешь сравнивать, какие джунгли сытнее. Главная наша цивилизационная ценность, которая и давала нам силу и радость, при этом исчезает.

Позже, в университете, «старшие товарищи» и дружественные радиоголоса помогут сделать следующий шаг: дело не в том, что «их» джунгли сытнее. У «них» вообще не джунгли! Сказки про «каменные джунгли» и «город желтого дьявола» были всего лишь пропагандой, а мы же интеллигентные люди. На самом деле у «них» — либеральные ценности, свобода личности, правовое государство. Джунгли именно у нас, и с этим надо что-то делать, «так жить нельзя». Конечно, этот процесс подтачивает мировоззрение юноши постепенно, у одних быстрее, у других медленнее,

но в этом процессе перескок от идеи соборной личности к «антропологии джунглей» — пороговый момент.

Ускорению этого процесса способствовал другой мировоззренческий срыв — утрата ощущения *связности жизни*, соединения всех людей и явлений множеством невидимых «струн». Это был следующий шаг — от социал-дарвинизма к механицизму, изначально присущему либеральному сознанию. Это был шаг к утрате космического чувства, на котором стояла русская культура.

Такая утрата ощущения связности жизни красноречиво выразилась в детских воспоминаниях В. В. Путина, особенно в трактовке О. Блоцкого. В этих воспоминаниях встают светлые образы родных и близких, школьных товарищей и учителей, заботливых тренеров в спортивной школе. Как же можно объяснить, что дети и подростки, воспитанные во всех этих общественных институтах, выйдя во двор, почему-то образуют «джунгли»? Объяснить это нельзя, речь идет именно о мировоззренческом срыве, о расщеплении сознания. Жизнеустройство как целостная система при таком сознании рассыпается на ряд не связанных между собой сущностей. Семья, школа и двор не связаны между собой, человек — механический атом, который ведет себя в каждой обстановке по-разному.

Это хорошо видно из иллюстрации, данной в воспоминаниях В. В. Путина к его обобщающему утверждению о «джунглях». Иллюстрация эта — в ссылке на фильм «Генералы песчаных карьеров». И В. В. Путин, и я посмотрели фильм, скорее всего, одновременно — когда он прошел по советским экранам. Я к тому времени уже кончил университет, а он был школьником.

Этот фильм — трагическое, даже эпическое произведение об *отверженных* детях. Жоржи Амаду написал эту повесть как песню, она вся полна символами. Это трагедия и детей, и общества, которое их отвергло, — так это и показано. Раньше писатели и социологи представляли Бразилию как «двойное общество» — в одной его половине идет нормальная жизнь современного классового общества, другая половина народа живет в трущобе (фавеле) и не имеет легальных доходов. Здесь свои жестокие законы и правила. Но это все-таки жизнь, которая *воспроизводится*. Здесь есть хижины из жести и картона, в них живут *семьи*, в фавеле есть подобие самоуправления, сюда приходят учителя, иногда чиновники, а изредка даже социологи.

Ж. Амаду написал о третьей части народа, о которой раньше молчали, — о тех детях и подростках, которых отвергла даже фавела. Это те, кто лишился родителей, а трущоба — не община, она сирот не кормит. Эти изгои сбиваются в банды и живут где придется (в «песчаных карьерах»). В этих бандах есть дети, подростки и юноши, но нет взрослых — никто здесь не доживает до

взрослого возраста. Умирают от болезней, отравившись обедками на помойке, гибнут от пули охраны при ограблении магазина, разбиваются, упав в трюм при налете на корабль в порту, и т.д. Здесь не воспроизводится жизнь, ибо не образуется семей. Но банды эти, хотя и текучи, живут долго, они постоянно вбирают в себя детей, выброшенных фавелой.

Ж. Амаду, создавая картину эпическую, не нагнетал «чернуху», он даже несколько приподнял и героизировал своих героев, вложил в их образ вызов обществу. Но для нас важно то, что в полутора десятках эпизодов фильм показал жизнь этих изгоев и их отношения с обществом — в главных вопросах бытия. Все эти вопросы в фильме предельно заострены. В. В. Путин, сравнивая жизнь «генералов» со своей жизнью ленинградского подростка середины 60-х годов, никак не мог избежать этих главных точек, он неизбежно по ним мысленно прошел. Сравнил — и посчитал, что разница с ленинградским двором 60-х годов только в погоде. И подтвердил это сегодня. Давайте пройдем и мы, хотя бы по нескольким точкам.

Первая трагедия в фильме — абсолютная *утрата семьи*. Этим предопределена вся жизнь «генералов», она множеством «струн» соединена с призраком утраченной семьи. Дети-беспризорники убеждают себя, что они — «генералы», вольные птицы, но каждого гложет тоска по *родному*. Вот сильный эпизод фильма: одного мальчика банда «внедряет» в дом богатой пары, у которой давно пропал ребенок. Так была сильна в мальчике потребность в семье, так сильно счастье от простой ласки, что эта пожилая пара приняла его как «своего» ребенка. Через какое-то время от подростка требуют выполнить его обязательства перед бандой, и он открывает ей двери дома. Это крах его жизни. Шайка подростков грабит дом, а женщина плачет и просит мальчика не уходить с шайкой, остаться в семье — но он уже не может, он ее предал как мать, он уже не сын ей.

Что в этом эпизоде «абсолютно одинакового» с жизнью подростков во дворе, где жил Володя Путин? О себе он пишет: «В детский сад не ходил. У родителей я был последним ребенком, и они очень боялись, переживали за меня, а поэтому — берегли. Мама даже какое-то время не работала, чтобы быть исключительно со мной. Потом она была дворником, а затем переходила на другие работы, но так, чтобы больше времени уделять мне... Я понимал, что у нее нет никаких других целей в жизни, кроме меня. Это проявлялось в мелочах и деталях ежедневно и ежесекундно» (с. 27, 93).

Я читаю эти строки — и строки о том, что Володя и его товарищи будто бы жили *абсолютно так же*, как «генералы песчаных карьеров». Я не понимаю, в чем тут дело, как это назвать. Как

можно, проводя это сравнение, «забыть» о собственной семье, а потом «вспомнить» о ней на другой странице, как о какой-то детали быта? Ведь в фильме именно бессемейность — первый срез бытия, первый план трагедии отверженных детей. Разве это не важнее разницы в погодных условиях?

В этом же плане в фильме дан другой сильный эпизод. Юноша из банды «генералов» встретил на тропинке девушку (судя по всему, из фавелы), догнал ее и изнасиловал. Она проклинает его и пророчит, что он никогда не узнает любви и не будет иметь семьи. И он рыдает, осознав необратимость своего изгнания из мира людей. В этом эпизоде нет ни пляжа, ни пальм, это чистая формула трагедии — превращение изгоя в изверга. Юноша своим насилием порвал последнюю нить — и понял это, хотя слишком поздно.

Что в этом эпизоде общего с жизнью типичного советского подростка 60-х годов? Чтобы не увидеть разницы между миром ленинградского двора и миром этого бразильского юноши, надо было в каком-то смысле духовно ослепнуть и не видеть тех нитей человеческих отношений, которые связывали нас, подростков и юношей, друг с другом, с девушками и со всем нашим обществом. В том, что активная часть подростков рождения 50-х годов в этом вопросе духовно ослепла, я вижу первую прямую причину нашей нынешней национальной катастрофы.

Второй план бытия, который параллельно показан в фильме и в книге «Владимир Путин», — *хлеб насущный*, которым питались дети двух миров¹. В фильме это показано через несколько эпизодов. Вот дети из банды ищут объедки в мусорных баках. Их рвет. Кишечные заболевания, когда рвота сопровождается поносом, — главная причина массовой детской смертности в тропиках (это смерть от обезвоживания, от нарушения водообмена, когда кишечник буквально высасывает воду из организма, а напиться не позволяет рвота). Лечится это моментально, одним приемом лекарства, но люди трущоб лекарств не покупают, и врачи туда не ходят. Тем более не ходят они в «песчаные карьеры». Другой эпизод — шайка подростков грабит ресторан, забирая продукты. Третий — та же шайка делает налет на бойню, подростки лихорадочно отрезают от туш, висящих под навесом, куски мяса, сколько успеют, пока к ним бежит охрана. Это мясо они воруют не на продажу, а чтобы поесть самим и накормить малолетних.

---

¹ Согласно официальным данным конца 80-х годов, 42% подростков Бразилии достигали в то время половой зрелости с существенными физиологическими и психическими деформациями из-за нехватки белка в рационе питания. Скорее всего, беспризорные дети входили в эту категорию почти поголовно. Советские подростки 60-х годов практически поголовно не испытывали дефицита белка.

Все это встает у меня перед глазами, когда я читаю в книге, как радушно мама Володи всегда встречала его друзей, какие она готовила удивительные пирожки, как сам Володя, чтобы порадовать маму, покупал самый лучший торт, как в школьном походе он готовил по поваренной книге курицу в винном соусе, как школьники любили зайти в кафе на углу Маяковского и Баскова — таких деталей по книге разбросано много. Почему же и в этом втором плане, в вопросе хлеба насущного, В. В. Путин не заметил чудовищного отличия жизни советского подростка от жизни бразильских изгоев?

Можно предположить, что в 60-е годы советские подростки уже просто *не замечали*, что хлеб насущный — одна из важных сторон жизнеустройства. Им стало казаться, что пища дается человеку как воздух, автоматически. В фильме они не замечали, как рвет мальчика, поевшего отбросов, а в своей жизни им не приходила в голову мысль, что кто-то будет рыться в помойках Санкт-Петербурга. Да и замечают ли они это сегодня?

Третий план бытия — образ того жизненного пути, который уготован подростку в обществе. Это широкий и важный пласт мировоззрения, он складывается с детства. Это *образ будущего*, с ним связано чувство — или надежды, или безнадежности. Подростки «песчаных карьеров» знали определенно — всех их ждет тюрьма или ранняя смерть, скорее всего насильственная. Для них уже в детстве не было школы, а в будущем не было работы и семьи. Как можно было здесь найти что-то похожее на взгляд в будущее подростка в Ленинграде 60-х годов?

В книге показан именно типичный путь советского городского подростка, надежно устроенные ступени этого пути: школа (тем более специальная, при Ленинградском технологическом институте, которую кончил В. В. Путин), комсомол, с 13 лет — спортивная секция с прекрасным тренером («в те времена тренеры не только физически воспитывали подростков, но и тщательно следили за их учебой»), звание мастера спорта по самбо и дзюдо. Наконец, уже обязательной ступенью в этой лестнице считается и *высшее образование!*

Сам В. В. Путин говорит: «Когда я учился в школе, в моей семье даже не обсуждалось, что мне делать дальше. С самого начала было ясно, что я должен поступить в институт... Институт — это был тот минимальный стандарт, от которого все отталкивались» (с. 94). Высшее образование — минимальный стандарт! А различия между этой жизнью и жизнью «генералов песчаных карьеров» — только в погодных условиях.

В книге выражена очень важная установка, которая, похоже, овладела сознанием части послевоенного поколения — представление о том, что общественные институты, служащие для

подростка опорой и ступенями в будущее, являются, как и пища или отопление, частью природных условий. Это нечто данное нам автоматически, а не творение нашего общества и нашей культуры, построенное с огромными усилиями и даже жертвами, творение хрупкое, которое может исчезнуть по нашей вине, даже просто из-за нашего непонимания. И уж совсем, конечно, не видели молодые люди с таким мироощущением, что это творение наверняка исчезнет просто оттого, что мы не будем его *ценить*, самонадеянно приписывая свои достижения лишь себе самому, не замечая той руки, которая строила для нас эти ступени и помогает по ним карабкаться.

Говоря о планах своей карьеры, В.В.Путин пишет: «Я прекрасно осознавал: мне не на что и не на кого рассчитывать, и все я должен сделать исключительно сам... Да, я понимал, что родители делают все, чтобы помочь мне получить образование. Но я знал и то, что не могу на них опираться для ориентировки в своем будущем обучении, куда мне следует поступать. И уж совершенно точно не могу рассчитывать на их помощь с точки зрения каких-то закулисных связей. У родителей их просто не было. Так что у меня не было никакого другого шанса, кроме одного — поступить самому! Это очень близко к тому, о чем говорят либеральные экономисты: нельзя, чтобы в экономике было очень много денег...» (с. 86).

Трудно сказать, при чем здесь либеральные экономисты. Их мудрость мы уже усвоили: деньги должны быть не в экономике, а у олигархов на офшорных счетах и в недвижимости. А в вопросе о высшем образовании либеральные экономисты говорят другое: нельзя, чтобы всякий юноша учился в университете бесплатно. Пусть он победит в конкурентной борьбе, добудет денег, заплатит — тогда и учится. А место бедняку — в «песчаных карьерах». Володя Путин бесплатно учился в спецшколе, бесплатно получил звание мастера спорта у хорошего тренера, бесплатно поступил в один из лучших университетов страны — но при этом считал, что ему «не на что и не на кого рассчитывать». Он всего добился сам! Так же, как всего добивались сами «генералы песчаных карьеров» — им ведь тоже «не на что и не на кого было рассчитывать».

Если уж говорить о перспективах будущего у ленинградского подростка и этих «генералов», стоит еще упомянуть о том, что девятиклассник Володя Путин решил готовить себя к работе в КГБ. Как сказано в книге, «в шестидесятые, а особенно в семидесятые и восьмидесятые годы служба в КГБ считалась чрезвычайно престижным делом». Наверное, это так и было, результат чего Советский Союз сполна испытал на себе. Но мы о другом: в 1968 г. ленинградский подросток решил посвятить себя «чрезвычайно престижному делу». Без всяких проблем пошел «в новень-

ком школьном костюме» в КГБ, показал офицеру паспорт и комсомольский билет, а тот ему посоветовал поступать в университет на юридический факультет. Как замечено в книге, «Николай Егорович, конечно же, не сказал школяру, что там наиболее «сильны позиции» его ведомства».

Да разве в этой «руке КГБ» дело? Дело в том, что государство и созданные в нем социальные условия были таковы, что подросток с паспортом и комсомольским билетом мог явиться в «самое престижное» ведомство и там с ним внимательно поговорил один чиновник, а в университете с ним внимательно работал другой чиновник — и дорога этому подростку была открыта. Мог ли бразильский аналог этого подростка, заимев такую «мечту», повторить путь Володи Путина? Например, решил в 16 лет посвятить себя престижной профессии финансиста — и пошел посоветоваться в Министерство финансов. Нет, не мог — как бы отважно он ни рассчитывал только на свои силы. Но самое страшное, что уже и половина подростков в России даже отдаленно не может строить для себя подобные планы — эта половина все глубже погружается в цивилизацию трущоб.

Наконец, раз уж речь зашла о «джунглях» и бразильских беспризорниках, то при сравнении их жизни с жизнью ленинградских школьников никак нельзя уйти и от такой стороны бытия, как отношения с законом и карательными органами. В. В. Путин в своих воспоминаниях подчеркивает, что подростки его двора в своей жизни «по законам джунглей» не соприкасались с криминальным миром. И тут же утверждает, что эта их жизнь была совершенно такой же, как у «генералов песчаных карьеров». Но герои бразильского фильма как раз и были криминальной бандой, и этого невозможно было в фильме не заметить. Они и не могли иным способом добыть себе пропитание — у них не было семьи, не было университетской стипендии, не было стройотряда с очень большим заработком, не было потом работы в престижном ведомстве.

Я был в Бразилии в мае 1992 г., имею там друзей, жил в доме университетского коллеги. Подростковые банды стали там такой общей проблемой, что даже для многих состоятельных людей жизнь в стране не мила и они ищут способ эмигрировать хоть в ненавистные США. В 80-е годы, когда в Бразилии установилось нечто вроде «социального мира», «эскадроны смерти» перешли там от избияния студентов и профсоюзных активистов к «социальной чистке». Они по заявкам «комитетов жильцов» из приличных кварталов стали отстреливать беспризорных мальчишек. Когда я был в Бразилии, в газете Сан-Паулу прошла будничная

заметка: арестована группа из пяти неформалов (в рабочее время они служили жандармами), которые за короткое время застрелили 24 подростка. Попались случайно — последнего не добились.

Жизнь Володи Путина и его товарищей по двору и школе была такова, что им не пришлось вступать в конфликт с законом, а тем более с законом джунглей, в которых орудуют «социальные чистильщики», и испытать на себе их тяжелую руку. Сегодня, когда у власти у нас утвердилось поколение с новым мировоззрением, действительно стираются различия между жизнью подростков России и Бразилии. Приняв «антропологию джунглей», молодые реформаторы РФ проявили поразительную жестокость по отношению к жителям страны. Ее просто не могли ожидать от людей, выросших, как казалось, в лоне русской культуры.

Пока еще различия в культуре остаются — господствующее меньшинство не может организовать «эскадронов», готовых проводить «социальные чистки». Мало еще кто у нас в полной мере способен жить по законам джунглей. Но если культурные запреты иссякнут, то действительно останется лишь разница в погодных условиях. С одной стороны, объедки в мусорных баках РФ не портятся так быстро, как в Рио-де-Жанейро. Но, с другой стороны, в РФ мороз быстро прибирает обитателей «песчаных карьеров», природными средствами производя «социальную чистку» буквально по Мальтусу.

Пока что мы не имеем подробных исследований о мировоззренческих установках следующих возрастных когорт. Но есть некоторые основания предположить, что духовный провал, скорее, закрывается, чем углубляется. Однако усиливается давление на массовое сознание самого бытия «цивилизации трущоб». Мы переживаем эпоху столкновения противодействующих процессов, многие из которых находятся вблизи критических точек.

Глава 27

МЫШЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ПОДДЕРЖКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

В России делается или как минимум декларируется попытка вместить ее хозяйство и государственность в структуры либеральной экономики и государственности («вернуть в лоно цивилизации»).

А. Н. Яковлев, ратуя перед выборами в июне 1996 г. за Ельцина, похвастался, обращаясь к интеллигенции: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются

вековые привычки, поползла земная твердь»¹. Что поползла, мы и сами замечаем. Важно, что «архитектор перестройки» и идеолог ельцинизма открыто признал: объект уничтожения — вовсе не коммунизм, не краткий миг советской власти. Рушат *тысячелетнюю Россию*. Народ не просто ввергают в бедность — ломают его вековые привычки, из-под ног выбивают земную твердь.

А. Д. Сахаров в «Предвыборной платформе» в феврале 1989 г. в первом пункте прямо декларировал как цель смену всей экономической основы жизнеустройства: «Ликвидация административно-командной системы и замена ее плюралистической с рыночными регуляторами и конкуренцией... Свободный рынок рабочей силы, средств производства, сырья и полуфабрикатов»².

Речь здесь идет о смене общественного строя, причем радикальной («ликвидация», а не реформирование). В основу нового общества предлагается положить конкуренцию, а не сотрудничество — то есть имеется в виду вовсе не «социализм с человеческим лицом», не «конвергенция» и даже не социал-демократия шведского типа, а именно «дикий капитализм» (как пишут либеральные философы, «палеолиберализм»). Свободный рынок рабочей силы! Даже без профсоюзов, коллективных договоров и трудового законодательства. Интеллигенция, которая аплодировала Сахарову, получила от него совершенно ясную и четкую программу, так что ее аплодисменты означали одобрение этой программы — утопии «дикого капитализма» в уже индустриальной России³. Так эти аплодисменты и воспринимались.

Какие только метафоры не придумывали, чтобы подавить в людях сомнения и вопросы. Вот пример: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее, территория бывшей Российской империи (Советского Союза)»⁴. И эта претенциозная муть — в элитарном журнале Академии наук.

¹ Яковлев А. Н. Куда качнется интеллигенция // Российская газета. 1996. 8 июня.

² Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1991. С. 257.

³ Начертав эту программу, Сахаров не позаботился о связности, он указал вектор, это в ней и ценно. В перечне того, что должен распределять свободный рынок, есть сырье и полуфабрикаты, но нет готовых товаров.

⁴ Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7.

Проект этот по глубине несопоставим с революцией октября 1917 года. Строго говоря, Октябрьская революция в некотором смысле была «реставрацией» после того, как в феврале кадеты пустили революцию по буржуазно-либеральному пути.

Этим и объясняется переход на сторону красных большого числа видных российских консерваторов и массовый переход рядовых членов Союза русского народа («черносотенцев»). Сергей Булгаков в своем трактате «На пиру богов», в котором он «моделировал» расстановку социальных сил в революционной России, представил этот взгляд в рассуждениях Генерала: «Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной «конституционно-демократической» России. Нет, лучше уж большевики: *style russe*, сарынь на кичку! Да из этого еще может толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбраться б»¹.

В советской революции претензии ограничивались изменением социально-экономического уклада и идеологии. Сейчас речь идет о смене *типа цивилизации*. Советник Ельцина философ А. И. Ракитов говорил откровенно: «Трансформация российского рынка, основанного на низких технологиях и вялотекущих экономических процессах, малоинициативных предпринимателях и купцах... отсутствии серьезной капиталистической этики и свободы предпринимательства, в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры»².

Большевики, по Ракитову, прервали процесс европеизации, не дали «радикально изменить нашу цивилизацию», преодолеть «невыносимо родной отечественный деспотизм» — и только сегодня такая возможность культуртрегерам представилась.

Ракитов хотя бы признает, что какая-никакая, но цивилизация в России все-таки была, он сетует на то, что перед ними не чистая доска, а цивилизация: «Было бы очень просто, если бы переход к этой цивилизации и этому рынку осуществлялся в чистом поле. Ведь переход от нецивилизованного общества к цивилизованному куда проще, чем смена цивилизаций. Последнее требует иного менталитета, иного права, иного поведения, требует замены деспотизма демократией, раба — свободным

---

¹ Булгаков С. А. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. М.: Изд. Московского университета, 1990. С. 103.

² Ракитов А. И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5.

производителем и предпринимателем, биологического индивида — индивидом социальным и правовым, т.е. личностью. Подобные радикальные изменения невозможны без революции в самосознании, глубинных трансформаций в ядре культуры» (там же). Та часть идеологов реформы, которая глубже пропиталась истматом, легко нашла в нем указания на то, что Россия до уровня цивилизации не доросла и большевики действительно превали этот ее рост.

Энгельс в заключении обязательного труда истмата «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пишет: «Цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе» (*Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. С. 173 — 174*). Все мы прекрасно знали, что Октябрьская революция не позволила товарному производству достичь в России полного расцвета.

А. Н. Яковлев отрицает цивилизованность России радикально и вполне ясно. Он пишет: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации». Иными словами, экономическая реформа нам представлена как попытка политическими средствами превратить наконец-то Россию в цивилизованное общество. Не было у нас никогда «материи и духа цивилизации» — а теперь будет!

Пожалуй, каждый согласится, что кампания по прославлению частной собственности была в конце 80-х и все 90-е годы исключительно назойливой. Возможно, за этим треском и не замечали глупости. А. Н. Яковлев изъясняется чуть не в стихах: «На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы... Только частная собственность через действие закона стоимости и конкуренции непрерывно повышает производительность труда и создает материальные блага в изобилии. Частная собственность — первооснова автономии личности, ее обогащения — интеллектуального и материального и т.п.»¹. В этом компоте из обрывков марксизма и либеральных мифов нет ни одного связного и разумного утверждения.

Что значит «на Руси правили люди, а не законы»? Откуда в США берутся законы — их Святой Дух в виде голубя в Конгресс

---

¹ *Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001. С. 24.*

подбрасывает? Или они там «объективны и естественны», вытекают из законов Ньютона?

Что значит «частная собственность создает материальные блага»? Тут даже Адам Смит в гробу перевернулся бы, если бы подобные книги читал на том свете. Теория стоимости еще до Маркса была *трудовой*, и материальные блага создает не собственность, а *труд*. А изобилие этих благ у части общества определяется тем, что частная собственность позволяет диктовать способ *распределения*. И ведь это А. Н. Яковлев пишет в 2001 г., когда мы все уже достаточно насмотрелись на то, как частная собственность производит изобилие.

Мысль, будто «только частная собственность повышает производительность труда», глупа до неприличия. Неужели этот академик РАН всерьез считает, что за двадцать тысяч лет истории цивилизации, которые предшествовали возникновению частной собственности, производительность труда людей не повышалась? Ведь это, согласитесь, бредовая мысль. Мы знаем о скачкообразных повышениях производительности труда (революциях), которые оказали на судьбу человечества гораздо более фундаментальное влияние, чем изобретение компьютера, — приручение лошади и верблюда, выведение культурных растений и переход к земледелию, изобретение хомута и использование лошади на пахоте. Частной собственности при этом и в помине не было. Учился ли А. Н. Яковлев в средней школе?

Не меньший бред — утверждать, будто «частная собственность — первооснова автономии личности». Когда, по мнению А. Н. Яковлева, появились на земле личности — только в ходе буржуазных революций? Даже Арон Гуревич, уж на что суров к людям, а и то дает поблажку: «Очевидно, что до конца XI века человек не являлся индивидуальностью и не может быть квалифицирован как личность»¹. Все-таки XI, а не XVIII век. Правда, речь идет только о человеке Западной Европы.

И какая во все этом гимне частной собственности скрыта русофобия! В России частной собственности никогда не было, значит, и автономных личностей не было — не было для них на Руси первоосновы. Об интеллектуальном богатстве и речи быть не может.

Послушав таких академиков, тут-то нашей интеллигенции и вспомнить бы ее любимого М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ведь он не напрасно писал: «Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки безнужно скулят о том, что собственность

---

¹ Гуревич А. Исторический образ Европы // Вестник. 2004. № 2. С. 119.

священна! Наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!» Так оно и получилось.

При этом интеллигенция (не вся, разумеется, но самая активная и энергичная ее часть, причем, видимо, большая часть) поддержала пропаганду этой реформы с таким энтузиазмом, что правильно будет говорить именно о *соучастии* в этой пропаганде. Ибо поддержка была шумной и демонстративной и сильно воздействовала на массовое сознание, да и на самих реформаторов, которые вышли из среды интеллигенции, видели в ней «своих» и мнением ее дорожили.

Писатель В. Лакшин, тогда главный редактор журнала «Иностранная литература», пишет об этой поддержке как о важном и редкостном явлении культуры: «Вторая сторона [первая сторона этого необычного состояния — «журнальный бум». — С.К.-М.] состояла в поразительном успехе экономистов. На заре перестройки читали ученых-социологов, аграрников и т.п., начиная со Шмелева, Лисичкина, Селюнина и т.д... Была иллюзия, что ученые не ошибутся и не соврут, потому что экономика — точная наука, подобно математике. Экономисты были популярны, как эстрадные «звезды», как Валерий Леонтьев или Алла Пугачева. Помню, как Н. Шмелева приветствовал на читательской конференции зал: чуть ли не вставали, засыпали цветами»¹.

В этом вполне достоверном описании мы видим не рационально и критически мыслящих ответственных людей (как надеялись доверяющие интеллигенции люди), а впадшую в экстаз толпу, увлеченную несбыточной утопией и подверженную внушению. Кого они засыпали цветами? Номенклатурных экономистов, которые до этого были совершенно несостоятельны в своей миссии изучения и объяснения народного хозяйства своей страны! Когда эта несостоятельность стала очевидной и опасной, они вместе с коррумпированной частью номенклатуры приступили к разрушению национальной экономики и, пренебрегая своей обязанностью предупредить общество о грядущих последствиях, повели себя как соблазнитель и обманщики. Ведь уже в середине 90-х годов, когда в реформе была достигнута желанная необратимость, они с откровенным глумлением говорили, что всегда знали, к каким бедственным последствиям приведет эта реформа.

В этой обстановке зреющего разрушительного экстаза в среде даже научно-технической интеллигенции появилась целая плеяда деятелей, обладающих мессианским самомнением и уверенностью, что им дано право ломать жизнеустройство страны. Они

---

¹ Лакшин В. Берега культуры // Свободная мысль. 1993. № 9.

были востребованы властной верхушкой, связкой Горбачев — Ельцин. По типу мышления они напоминают «одержимых бесами» Достоевского, только претерпевших деградацию интеллекта. Почитайте биографию и интервью одного такого деятеля, одно время занимавшего весьма высокие посты. Серию таких интервью взял у видных деятелей перестройки и реформы Институт социологии РАН:

«4 января 1994 г. Интервьюер — Лапина Г. П.

ФИЛИППОВ Петр Сергеевич — член Президентского Совета, руководитель Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике, сопредседатель Республиканской партии России, вице-президент Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий.

Краткие биографические сведения. Родился в 1945 г. в Одессе в семье военного моряка. В 1962 г. закончил среднюю школу и поступил в Ленинградский институт авиационного приборостроения, который закончил в 1967 г. по специальности инженер-радиотехник. Работал в объединении «Ленэлектронмаш» над созданием автоматизированных систем управления производством, возглавлял лабораторию на Кировском заводе в Ленинграде. В 1970 г. поступил в аспирантуру Ленинградского кораблестроительного института по специальности «Экономика и организация судостроительного производства». После ее окончания в 1974 г. возглавил отдел автоматизированных систем управления производством на заводе подъемно-транспортного оборудования им. С. М. Кирова».

Интервьюер спрашивает П. С. Филиппова, как он вошел в политику и кто являлся, по его мнению, «мотором» реформы. Вот кусочек беседы:

«Ответ: ... Я не видел среди этих людей [директоров предприятий] больших революционеров, т.е. людей, которые были бы готовы жизнь положить ради изменения собственности в обществе. Это делали другие люди — разночинцы (я их так называю): инженеры, юристы, прочая интеллигенция...

Вопрос: А вы почему?

О: А я? Это идейные соображения... Я понял, что дальше так жить нельзя, нужно что-то менять, и сел писать книгу с традиционным русским названием «Что делать?», в которой попытался со-

вместить несовместимое. Я все еще находился в плену социалистических идей: социализм, что называется, въелся в плоть и кровь. Но, с другой стороны, хотелось рынка! И в результате у меня получался некий социалистический рынок с человеческим лицом. Примером для меня была Югославия... Я ушел работать механиком в автопарк — «во внутреннюю эмиграцию» — и продолжал писать свою книжку, организовывал семинары, а также зарабатывал деньги для будущей революции. В 1975 г. мы создали кооператив, точнее, товарищество по совместной обработке земли «Последняя надежда»: мы там выращивали рассаду и тюльпаны. Деньги нам были нужны для типографии и прочих нужд...

В: А лозунг вашей революции?

О: Изменить этот мир! Переустроить страну.

В: Проект революции был оценен по достоинству?

О: Да, можно так выразиться. Но возвратимся к началу. В 1985 — начале 1986 г. стало ясно, что происходят какие-то серьезные сдвиги в нашей стране. Поэтому я вышел из своей «внутренней эмиграции» и поехал по России устанавливать явки. Таким образом я перепознакомился с очень многими людьми... Когда, например, я убедился в том, что никто не собирается писать закон о приватизации, я написал его сам... и с великими трудностями протащил этот закон через Верховный Совет: так у нас началась приватизация. Провел я закон о частной собственности...

В: Ну, и действуют эти законы?

О: Закон о приватизации, слава богу, действует! Это все видят, хотя бы по телевизору... Егор Гайдар — хороший человек, но он сел на ту лавку, которую мы для него сколотили из законов, принятых за полгода до того, как он стал исполняющим обязанности премьер-министра. Ну, и к кому отнести, например, меня? Я — разночинец, инженер-радиотехник, который увлекся экономикой. Вот такие, как я, делали эту реформу...

В: Они [разночинцы], стало быть, и есть ведущее ядро?

О: Да. Ну, смотрите, Собчак — кто? Кандидат юридических наук, пришел и стал заниматься политической деятельностью. Полторанин (как бы вы к нему ни относились) — кто? Обычный журналист, пришел и, в сущности, занялся разрушением коммунистической системы».

Мне этот документ кажется страшным. В сфере сознания мы действительно провалились в какую-то яму, выпали из рациональности Нового времени как общепринятого типа рассуждений. Образованный человек «понял, что *нужно что-то менять*». Что менять и как, он излагает туманно, это как будто для него и

неважно. В общем, ему кажется, что нужно «совместить несовместимое». Это покруче, чем «штурмовать небо». Но он не собирается вникать в суть вещей, которые он хочет совместить, делать осторожные пробы и учиться на ошибках — ему нужна *революция*. Он даже презирает тех, кто «не готов жизнь положить ради изменения собственности в обществе». Положить жизнь ради того, чтобы отдать «Уралмаш» Кахе Бендукидзе, а нефтедобычу Ходорковскому! Это нормально?

Цель революции он тоже стесняется назвать, видимо, даже ему она кажется слишком уж неприглядной. Просто «изменить этот мир, переустроить страну». Да ведь перед нами или жулик, или полный... Кого вы нам посадили на шею, доценты с кандидатами? «Поехал по России устанавливать явки», «выращивали рассаду и тюльпаны — деньги были нужны для типографии». Какой позор! Ведь если он несет этот бред, значит, интеллигенция принимает его благосклонно! «Провел я закон о частной собственности»! Если бы Горбачев не договорился с Джорджем Бушем-старшим, если бы этот закон три года не готовила вся номенклатурная верхушка ЦК КПСС, Совмина СССР и КГБ с целой ратью поэтов, артистов и академиков, этот «революционер» так и работал бы механиком в автопарке и выращивал рассаду. Нам неизвестно, говорит ли он все это как жулик или как наивный мальчик, но факт, что таких одержимых в среде научно-технической интеллигенции было немало. А главное, они имели поддержку.

Когда сегодня читаешь труды ведущих экономистов, которые объясняли в 1989 — 1991 гг., почему следует ликвидировать советскую хозяйственную систему и перейти к свободному рынку, становится страшно. Их рассуждения напоминают речь безумца, обычным словам у них придается странный смысл, критерии здравого смысла отброшены напрочь. Мы в горячке тех дней этого не замечали, так надо хоть сегодня вникнуть! Ведь эта безумная логика и до сих пор действует. Возможно, во время перестройки эти корифеи экономической науки выполняли какую-то тайную партийную программу по разрушению «империи зла» и дурили нам голову. Это еще можно было бы понять. Но ведь, даже наблюдая хозяйственную катастрофу 90-х годов, они несколько не изменили системы своих рассуждений. Они что, поверили в мифы, которыми нам морочили голову?

А. Тойнби писал в «Постижении истории»: «Творческие личности в авангарде цивилизации, влияющие на нетворческое большинство через механизм мимесиса¹, могут потерпеть неуда-

---

¹ Мимесис — социальное подражание.

чу по двум причинам... Возможная «отрицательная» неудача состоит в том, что лидеры неожиданно для себя подпадают под гипноз, которым они воздействовали на своих последователей. Это приводит к катастрофической потере инициативы: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Матф.ХУ,14)». У нас дело хуже, наш «авангард» и творчеством не отличался, он просто железной рукой толкнул нас в яму. То, что он при этом и сам ослеп и подпал под собственный гипноз, является лишь отягчающим обстоятельством нашей катастрофы.

Похоже, что прозреть этот «авангард» уже не может.

Вот что сказал академик А. Г. Аганбегян, выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 г.: «Рынок — это система, где производится то, что может быть оплачено со стороны потребителей. В плановом хозяйстве производилось много продукции, которая не была востребована. Например, мы производили в 7 раз больше тракторов, чем США... Когда перешли к рынку, цена на тракторы резко выросла... в результате производство тракторов сократилось примерно в 20 раз. Такие примеры можно привести и по грузовикам, и по бульдозерам, и по железнодорожным вагонам, и по станкам, и по многому другому. Если столько продукции не нужно, то и выплавлять 146 млн. т стали бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза.

Сказанное относится и к зерну. Наша страна производила 120 млн. т зерна и еще докупала. Этого не хватало, считалось, что для скота надо больше кормов... С переходом к рынку, когда за зерно стали спрашивать реальные деньги, выяснилось, что его столько не нужно. В прошлом году урожай был 84,5 млн. т зерна. Это бедствие — на него резко упала цена, вывезено на экспорт 17 млн. т и еще 10 млн. т остались невостребованными.

Поэтому переход к рынку — крайне болезненная вещь, связанная с огромным сокращением производства»¹.

На мой взгляд, логику этого рассуждения можно назвать шизофренической (не придавая этому слову ругательного смысла). Здесь привычные понятия вывернуты наизнанку, так что все рассуждение перемещается в какое-то зазеркалье. Почему же тракторы, вагоны, грузовики и зерно были в СССР «невостребованы»? Ведь ими пользовались, их не хватало, экономику требовали перестроить именно для того, чтобы всех этих вещей производить больше, — вспомните хотя бы вопли о зерне. Как понимать академика? Так, что понятие *потребность* у него означает

---

¹ <http://econom.nsc.ru/eco/2004...01/>

платежеспособный спрос. А если на производство зерна дается дотация, значит, это зерно не нужно. Посудите сами, можно такое сказать в здравом уме? Вот, значит, к чему стремились наши просвещенные экономисты — организовать в стране «огромное сокращение производства»! А значит, и потребления для большинства населения. Хороший урожай у них — бедствие! Только то, что эти люди действительно слепы, не позволяет называть их *врагами народа*. Но ведь они ослепили и множество честных людей, которые им поверили.

Летом 2002 г. собралась наша студенческая группа, в которой я учился, — хотели, чтобы я объяснил главный смысл вышедшей тогда моей книги «Советская цивилизация». Треть собравшихся была настроена антисоветски, треть осталась при своих советских убеждениях, треть так-сяк. В основном это можно было предвидеть — по установкам почти полувековой давности. Но тяжелое чувство оставила активная, наступательная антисоветская позиция двух старых друзей, от которых этого никак нельзя было ожидать. Никогда бы не поверил, что бытие и впрямь так буквально определяет сознание у иных гибко мыслящих людей.

В обоих случаях — удачно сложившийся в годы реформы материально-бытовой статус. Приличные доходы, заграница, дорогие вещицы. Ну и пользуйся ими, зачем же при этом менять мировоззрение и логику! Один из этих моих друзей, сын военного, был раньше беззаветным советским патриотом, а в студентах — убежденным и искренним секретарем комсомольской организации. Именно искренним, честным и беззаветным. Но ведь ничего нового о советском строе он от Горбачева не узнал! Если бы руководство большого НИИ не включило его в клику, допущенную до валютной кормушки, он бы наверняка не поверил никакой Хакамаде. А допустили — и честно не видит очевидного.

Другой из этой пары моих друзей был из села, с Дона. Стал специалистом в редкой области, доктором наук в Зеленограде. Возможно, семья его была обижена в коллективизацию (об этом никогда не было речи), но не так уж тяжело — жили нормально, привозили ему в общежитие продукты, друзья сходились пировать. Разве обиды трагических 30-х годов не перекрыты тем, что семья пережила войну и сын стал видным ученым? Но вот он рассказывает, что сотворили реформаторы с его огромным НИИ, — без тени сожаления. Сам он, человек способный, быстро кончил курсы бухгалтеров, работал в аудиторской фирме, теперь стал главным бухгалтером на крупном предприятии, деньги капают бесперебойно.

Если бы я близко не знал этого Василия Ивановича с 1956 года, я бы решил, что он меня разыгрывает. Когда я шел на ту

встречу с сокурсниками, уже была вчерне готова рукопись «Белой книги» о реформах 1991 — 2001 гг. И я взял графики, дающие наглядную и объективную информацию о динамике примерно 300 главных показателей нашей жизни — демографии, здоровье населения, питании, производстве и т.д. Думаю, уж кому как не выпускникам химфака МГУ разобраться в таком материале и оперировать строгими данными и логикой. Василию, как сыну крестьянина, не порвавшему связь с землей, показываю график поголовья скота в России с 1913 г. За 12 лет реформы поголовье сократили более чем вдвое, и спад не прекращается.

Спрашиваю: как ты можешь поддерживать программу, при которой под корень ликвидируется животноводство страны, а значит, и подрывается все сельское хозяйство? Он смотрит на график и отвечает: «Вот и хорошо! Наши коровы малопродуктивны. Всех их надо порезать, а потом мы купим голландских и от каждой будем получать в пять раз больше молока». Вася, окстись! Такие вещи простительно говорить девчонкам из нашей группы, дочкам министров. А ты сам провел часть жизни в хлеву. Какие голландские коровы! Наши породы и есть голландские коровы, приспособленные за двести лет к климату России. И чем ты будешь этих голландских коров кормить? И показываю ему другой, уж наверняка ему понятный график. За реформу в три раза упал в России сбор сена. Не косят трав! Нет сил взять бесплатный ресурс, производимый лугами и солнцем. Это же признак крайней разрухи. Нет, смотрит равнодушно. Плевать ему на сено, на луга и солнечную энергию. Он теперь аудитор!

Здесь мы будем говорить не о воровстве Ходорковского, не о предательстве А. Н. Яковлева, а о рациональности реформы и мышлении тех, кто ее поддержал. Начнем по порядку.

Глава 28

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА: ВИД С УРОВНЯ ЗДРАВООГЛА

Поддержка рыночной реформы как следствие невежества. В поддержке большой частью интеллигенции рыночной реформы, проводимой по схеме «чикагских мальчиков», самым драматическим образом сказался тот мировоззренческий отход от русской культуры, который копился в сознании образованного слоя начиная с 60-х годов. Интеллигенция проявила себя как самый тупой колонизатор, разрушающий неизвестную ему культуру, но в этом случае в своей собственной стране.

К. Леви-Стросс, как и многие историки из стран «третьего мира», писал о разрушениях, которые произвел европеец-колонизатор в культурах колоний, как о *необходимости* — ради создания того перегиба, на котором выросла сама современная западная цивилизация. Но условием для этого было искреннее чувство безответственности человека, чье сознание проникнуто евроцентризмом. Оно просто лишает человека Запада ощущения хрупкости тех природных и человеческих образований, в которые он вторгается, лишает того страха перед непоправимым. Это инфантилизм, ставший важной частью сознания¹.

В 1983 г. я познакомился с очень уважаемым в Индии историком, и он подарил мне книгу, в которой анализирует то, что писал Маркс об «азиатском способе производства», основываясь на данных английской Ост-Индской компании. На деле Индия в момент прихода колонизаторов была страной с рыночной экономикой (в прямом смысле слова) в масштабе субконтинента. Производство каждой области достигало высокой степени специализации, и сари или какой-нибудь соус, производимый где-то на севере, продавались во всех уголках огромной страны. Существовала густая сеть дорог, по которой непрестанно шли караваны повозок с грузами. Точно так же функционировали и крупные ирригационные системы. Англичане вернули Индию к архаической феодальной раздробленности и ликвидировали рыночную инфраструктуру. Честно признаюсь, что эта книга была болезненным ударом по моему сознанию, зараженному вульгарным марксизмом.

Потом, уже в контексте истории техники, я прочитал, как английские культуртрегеры внедряли на индийских плантациях «прогрессивный» отвальный плуг взамен архаичной деревянной сохи — и разрушили легкие лессовые почвы, что стало бедствием для сельского хозяйства Индии. Голод, который ранее был в Индии результатом стихийных бедствий, превратился в нормальное социальное явление².

Вера в «правильность» западной модели экономики подавила

---

¹ Арабский философ Самир Амин пишет: «Евроцентризм заменил рациональное объяснение истории частными и перекрывающимися, порой противоречащими друг другу псевдотеориями, которые, однако, прекрасно работают, дополняя одна другую, в построении успокаивающего европейца мифа, освобождающего его подсознание от всякого комплекса ответственности» (*Amin S. El eurocentrismo: Critica de una ideologia. Mexico: Siglo XXI Eds. 1989*).

² Фава А. Х., Гребнев А. М., Михайлов М. А. Взаимосвязь научно-технического прогресса и культуры в странах «третьего мира» // Научно-технический прогресс и развивающиеся страны. М.: Наука, 1976.

в нашей интеллигенции всякое стремление понять, как устроено хозяйство ее собственной страны. Из памяти был стерт даже тот явно нетривиальный факт длительной дискуссии о сущности советского хозяйства, которая велась в кругах экономистов с 1921 года вплоть до смерти Сталина¹. Он, чувствуя, что в СССР сложилось хозяйство, совершенно не вмещающееся в понятия марксистской политэкономии, не позволял закрепить неадекватные представления в учебнике, тормозил его издание и побуждал к продолжению дискуссии.

О том, насколько непросто было заставить представлять советское хозяйство в понятиях трудовой теории стоимости, говорит сам тот факт, что первый учебник политэкономии социализма удалось подготовить лишь в 1954 году! К. Островитянов писал в 1958 г.: «Трудно назвать другую экономическую проблему, которая вызывала бы столько разногласий и различных точек зрения, как проблема товарного производства и действия закона стоимости при социализме».

О непригодности категорий политэкономии для верного описания советского, явно не капиталистического, хозяйства предупреждал А. В. Чаянов. Он писал: «Обобщения, которые делают современные авторы современных политэкономических теорий, порождают лишь фикцию и затемняют понимание сущности некапиталистических формирований как прошлой, так и современной экономической жизни»².

Видя воочию процесс индустриализации и становления советских производственных единиц и связей между ними, наши экономисты того времени хотя бы чувствовали принципиальные отличия нашей хозяйственной системы от западной. Как недоброжелательно пишут историки, вплоть до 1941 г. «советские экономисты упорно твердили: наш товар — не товар, наши деньги — не деньги». После 1941-го и до 1945 г. было не до теорий, а после 1953 г. пошло быстрое освоение понятий западной экономической науки. И постепенно в среде экономистов, а от них и в широких кругах интеллигенции укоренилось мнение, что советское хозяйство просто *неправильное*. Сомнения развеялись, сама проблема *понимания* нашего хозяйства была исключена из повестки дня гласных и кухонных дебатов, и о советской экономике стали рассуждать с апломбом невежественного «человека

¹ История этой дискуссии изложена в книге Д. В. Валового «Экономика: взгляды разных лет» (М.: Наука, 1989).

² Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства // А. В. Чаянов. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. С. 396.

массы», а то и фанатика. В таком положении мы находимся и сейчас¹.

В 1996 г. целая группа видных американских экономистов (из школы Гэлбрайта), работавших в РФ, была вынуждена признать: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества»².

Страх — это эмоция, он вне рациональности. Причины нашей драмы в том, что эмоции типа *параноидального* страха не были обузданы разумом — логикой и расчетом. В большой мере это произошло вследствие постыдной для интеллигенции слабости — *невежества*. Очень многие из ошибочных установок наша образованная публика приняла просто потому, что мало знала и искала не достоверности, а убеждений. И речь идет вовсе не только о ее поводырях-реформаторах, но и о массе образованных людей.

Рассуждая с умным видом о «нерентабельности» колхозов и заводов, о «низком ВВП» СССР, не замечая при этом, что к советскому хозяйству прилагают понятия и мерки совсем другого экономического организма, наши интеллектуалы даже не усомнились в том, понимают ли они, о чем вообще говорят. Невозможность приложения этих понятий и мер подробно объясняет А. В. Чаянов, и давайте сделаем усилие и вникнем хотя бы в его выводы: «Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий *все прочие теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению*»³ (выделено мной. — С.К.-М.).

¹ Насколько велико было непонимание, говорит тот поразительный факт, что Н. И. Рыжков, чье правительство в 1989 — 1990 гг. уничтожило советскую экономическую систему, до сих пор искренне не понимает, как это произошло (во всяком случае, он считает принятые по инициативе его правительства законы «хорошими»). И при этом он столь же искренне отвергает ту разрушительную реформу, которая происходит в РФ.

² Эмсен А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1996. С. 65 — 85.

³ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. С. 117.

Не верили наши образованные люди экономистам сталинской эпохи и Чаянову, поверили Аганбегяну и Гайдару! Ну хоть бы у американцев поинтересовались — у тех, кто обязан был искать достоверное знание об СССР, то есть у ЦРУ. Легко ли было им вычислить то, что не составляло никакой проблемы для нашей интеллигенции, — ВВП СССР, рентабельность, издержки и другие «простые» меры экономики?

Видный российский эксперт по проблеме военных расходов В. В. Шлыков пишет на основании заявлений руководства ЦРУ США: «Только на решение сравнительно узкой задачи — определение реальной величины советских военных расходов и их доли в валовом национальном продукте (ВНП) — США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд. долларов (в ценах 1990 года), в среднем от 200 до 500 млн. долларов в год.

Приведенные выше огромные цифры затрат объясняются тем, что еще полвека назад, когда на ЦРУ была возложена задача вскрытия масштабов расходов СССР на военные цели, оно решило не полагаться на скудную и недостоверную советскую статистику, а разработать свой собственный альтернативный метод подсчета советских военных расходов, получивший название метода «строительных блоков». Компьютеризованная модель этого метода известна как программа SCAM...

В рамках программы SCAM проводились также расчеты ВВП СССР, с тем чтобы выяснить долю военных расходов в ВВП и тем самым установить степень милитаризованности советской экономики... Для получения советского ВВП ЦРУ создало собственную версию SOVSIM эконометрической модели SOVMOD, разработанной в Стэнфордском исследовательском институте и Уортоновской школе под руководством профессора Герберта Левина. Один из руководителей влиятельного Американского предпринимательского института Николас Эберштадт заявил на слушаниях в Сенате США 16 июля 1990 года, что «попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области»¹.

Подумайте только — для правительства США попытка оценить советскую экономику обошлась в миллиарды долларов и стала «возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области», а для наших кухонных мыслителей это было раз плю-

---

¹ Шлыков В. В. Что погубило Советский Союз. Американская разведка о советских военных расходах. // www.mfit.ru/defensive/vestnik/vestnik9.pdt.

нуть, они даже и не подумали, что в этом может таиться какая-то трудность.

Раз уж мы заговорили о военных расходах, то вспомним, что стереотипное мнение, будто именно гонка вооружений разорила советскую экономику и сделала невыносимо низким уровень потребления граждан, стало в среде интеллигенции непререкаемым — и остается таким до сих пор! Разбор этой нелепой уверенности может послужить хорошей учебной задачей. Вот где рациональность отступила в тень!

В. В. Шлыков пишет об этом: «Сейчас уже трудно поверить, что немногим более десяти лет назад и политики, и экономисты, и средства массовой информации СССР объясняли все беды нашего хозяйствования непомерным бременем милитаризации советской экономики. 1989 — 1991 годы были периодом настоящего ажиотажа по поводу масштабов советских военных расходов. Печать и телевидение были переполнены высказываниями сотен экспертов, торопившихся дать свою количественную оценку реального, по их мнению, бремени советской экономики...

Министр иностранных дел Шеварднадзе заявил в мае 1988 года, что военные расходы СССР составляют 19% от ВВП, в апреле 1990 г. Горбачев округлил эту цифру до 20%. В конце 1991 г. начальник Генерального штаба Лобов объявил, что военные расходы СССР составляют одну треть и даже более от ВВП (260 млрд. рублей в ценах 1988 года, то есть свыше 300 млрд. долларов). Хотя ни один из авторов вышеприведенных оценок никак их не обосновывал, эти оценки охотно принимались на веру общественностью».

Вот первый признак ухода от рациональности: реальные данные людям неизвестны, но они охотно принимают на веру утверждения, которые *никак не обоснованы*. При этом утверждения эти сильно между собой расходятся.

Откуда взялись эти огромные цифры, сообщенные «архитекторами перестройки»? От идеологов из окружения Рейгана, которые заведомо завышали уровень советских военных расходов. В. В. Шлыков отмечает: «Надо сказать, что, давая свои оценки военного бремени СССР, ни М. Горбачев, ни генерал В. Лобов, ни академики О. Богомолов и Ю. Рызов никогда не приводили никаких доказательств и расчетов в подтверждение своих слов. Однако нетрудно заметить, что эти оценки поразительно напоминали те показатели, которыми оперировали Пентагон и его эксперты, обвиняя ЦРУ в недооценке советских военных расходов».

ЦРУ эти обвинения не признавало. В. В. Шлыков продолжает: «ЦРУ твердо стояло на своем и утверждало, что военные рас-

ходы СССР в 1989 году никак не превышали 130 — 160 млрд. рублей, то есть составляли не более 15 — 17% ВВП. Приведенные же выше оценки М. Горбачева, В. Лобова и других именитых советских политиков и специалистов о гораздо больших (по сравнению с данными ЦРУ) масштабах советских военных расходов ЦРУ объявило ничем не обоснованными.

В официальном ответе на запрос сенатора Дж. Бингамэна ЦРУ сообщало 23 июля 1990 года: «В настоящее время не существует достаточных доказательств, которые могли бы вынудить нас пересмотреть наши оценки — как в сторону завышения, так и в сторону занижения. Мы считаем, что наша базовая методология верна, а имеющаяся информационная база вполне убедительна для подтверждения наших оценок. С другой стороны, мы детально рассмотрели другие имеющиеся советские и западные оценки и нашли их менее чем обоснованными...»

Но верна ли и эта оценка 1990 г.? Сейчас известно, что неверна, она сильно завышена, в связи с чем в США тлеет довольно серьезный скандал. История его касается вопроса о том, как трудно оценить показатели советской экономики исходя из принятых в западной экономике понятий и индикаторов. Поэтому имеет смысл уделить этой истории место.

В. В. Шлыков объясняет, как работало ЦРУ в 1960 — 1975 гг.: «Методологически получение величины советских военных расходов осуществлялось ЦРУ как бы наоборот — сначала в долларах, затем в рублях. Ввиду нерыночного характера экономики СССР какие-либо реальные цены на советскую военную продукцию ЦРУ получить, естественно, не могло (их не было в природе). Поэтому оно синтезировало эти цены путем выражения в долларах стоимости разработки или производства в США того или иного образца вооружения с аналогичными тактико-техническими характеристиками. Затем уже эти цены в долларах переводились в рубли по паритету покупательной способности валют, также определявшемуся ЦРУ...»

На базе ППС ЦРУ получало условные, так называемые «ресурсные» (то есть определявшиеся затратами трудовых, материальных, технологических и других ресурсов), рубли, а вовсе не те рубли, которые использовались советскими ведомствами при планировании бюджетных военных расходов и расчетах с оборонной промышленностью».

Согласно полученным таким образом оценкам ЦРУ считало, что военные расходы СССР составляли 6 — 7% от ВВП. По оценкам ЦРУ, доля советских военных расходов в ВВП постоянно снижалась. Так, если в начале 50-х годов СССР тратил на военные цели 15% ВВП, в 1960 г. — 10%, то в 1975 г. всего 6%.

В 1976 г. военно-промышленное лобби США добилося пересмотра этих оценок в сторону увеличения. Для проверки данных ЦРУ была создана группа из 5 экспертов («Команда Б») под руководством Ричарда Пайпса. «Команда Б» признала оценки ЦРУ заниженными минимум вдвое. Как пишет В. В. Шлыков, «Команда Б» после трехмесячной работы представила в декабре 1976 года свой доклад, положивший начало радикальному пересмотру американским руководством степени советской военной угрозы. Результатом такого пересмотра стал новый, несравненно более крутой виток в гонке вооружений между Востоком и Западом».

Как же оценивает уже после краха СССР руководство американской разведки новые величины военных расходов СССР (12 — 13% ВВП), которые легли в основу политики США? В. В. Шлыков пишет: «Выводы «Команды Б» об огромных масштабах и агрессивном характере советских военных приготовлений выглядят абсурдно преувеличенными. Неудивительно, что ЦРУ всячески стремится теперь откреститься от этих выводов, на основе которых строилась в основном вся военная политика США с середины 70-х годов. В своем докладе на Принстонской конференции директор ЦРУ Дж. Тенет признает, в частности, что «все до одной национальные разведывательные оценки (НРО), подготовленные с 1974 по 1986 год, давали завышенные прогнозы темпов и масштабов модернизации Москвой своих стратегических сил». Ричард Перл, бывший замминистра обороны США по международной безопасности, писал: «Остается загадкой, почему была допущена столь огромная ошибка и почему она приобрела хронический характер. Возможно, мы так и не узнаем истину»¹.

Здесь давайте зафиксируем факт: величина военных расходов СССР в размере 12 — 13% ВВП признана в США *абсурдно завышенной*. Можем считать ее за верхний предел той величины, точно установить которую мы не сможем. Исходя из структуры расходов на оборону выходит, что собственно на закупки вооружений до перестройки расходовалось в пределах 5 — 10% от уровня конечного потребления населения СССР. Таким образом, утверждение, будто «мы жили плохо из-за непосильной гонки вооружений», является ложным. В нем присутствует несоизмеримость величин.

Но разве кто-то пытался в это вникнуть? И разве кто-нибудь сегодня спросит с академиков Богомолова или Рыжова, из како-

---

¹ Сенатор Д. Мойнихен даже требовал роспуска ЦРУ за завышение советских военных расходов, в результате чего США выбросили на ветер через гонку вооружений триллионы долларов.

го пальца они высосали свои данные о военных расходах СССР? Тут стоит зафиксировать второй факт, который служит признаком отхода от рациональности, — политически активная часть интеллигенции не способна к рефлексии. Она категорически не желает вспомнить о своей недавней позиции и проверить ее на основе новых данных. В. В. Шлыков пишет, даже с некоторым удивлением: «Насколько изменилось отношение общества к проблеме военных расходов по сравнению с концом 80-х — началом 90-х годов. Если в те годы советские и российские политики и экономисты в своем стремлении показать неподъемное, по их мнению, бремя военных расходов апеллировали к мнению на сей счет прежде всего западных экспертов, то сейчас это мнение никого — ни власть, ни общество — не интересует».

Сама история о том, как «Команда Б» получила свои абсурдно завышенные данные, поучительна. Сейчас она рассекречена, и вкратце В. В. Шлыков излагает ее так: «Расскажу подробнее, о чем идет речь в ссылках «Команды Б» на таинственного «человека» или «источник», показания которого столь радикально изменили взгляды американской разведки на размеры советских военных расходов. Ибо этот эпизод, на мой взгляд, позволяет судить о том, насколько примитивными были американские представления о степени и характере милитаризации советской экономики».

Речь идет о научном сотруднике одного из советских научно-исследовательских институтов (фамилия его до сих пор скрывается), эмигрировавшем на Запад и утверждавшем, что он имеет информацию о советских военных расходах.

По утверждениям этого эмигранта, военный бюджет СССР в 1970 году составлял 50 млрд. рублей, из которых 20 млрд. рублей шло на закупку вооружения. Это означало, что Советский Союз тратил на военные нужды примерно треть всех советских бюджетных расходов, или 12 — 13% ВВП...

Все это сильно смахивало на мистификацию. Никаких достоверных данных о советских военных расходах эмигрировавший научный сотрудник не мог предоставить по той простой причине, что ими не располагало даже само высшее руководство СССР. Ибо их не существовало в природе. Подавляющая часть советских военных затрат растворялась в статьях расходов на народно-хозяйственные нужды. Со своей стороны, все оборонные предприятия списывали свои социальные и другие расходы (жилищное строительство, содержание детских садов, пансионатов, охотничьих домиков для начальства и т.п.) по статьям затрат на военную продукцию, к тому же «продававшуюся» государству по смехотворно низким искусственным ценам. Именно поэтому

никакая иностранная разведка не могла вскрыть «тайну» советского военного бюджета, так же как сейчас было бы бесполезно пытаться установить истинные советские военные расходы через изучение сверхсекретных архивов и документов.

Судя по тому, как упорно американские разведчики допытывались «правды» о военном бюджете у несчастного эмигранта, они были уверены, что детально спланированный военный бюджет у СССР был и просто тщательно скрывался... Я не сомневаюсь, что этот научный сотрудник просто пытался дать свою *оценку* военных расходов СССР, в то время как допрашивавшие его разведчики требовали от него твердых цифр, постоянно ловя его на противоречиях. По словам лиц, изучавших протоколы его допросов, он часто приходил в отчаяние от того, что допрашивавшие его сотрудники ЦРУ и РУМО имели самое приблизительное представление о советской статистике, по многу раз задавая ему одни и те же вопросы...

Несмотря на всю противоречивость показаний эмигранта, приведенные им данные были названы «Командой Б» основной причиной пересмотра со стороны ЦРУ и других разведывательных ведомств оценок военных расходов СССР в сторону их увеличения¹.

Из этой истории следует, что советское хозяйство — явление сложное и трудно поддающееся анализу с помощью инструментов западной экономической науки. Не обращая внимания на эти достаточно хорошо известные трудности, не задумываясь о методологических проблемах и поиске адекватных индикаторов и критериев — и в то же время легко веря самым абсурдным оценкам идеологов, советская интеллигенция 80-х годов проявила удивительную безответственность и даже *бесчувственность*. Ее коллективный разум в этом вопросе оказался очень недалеким, даже убогим. Это стало одной из причин нашего глубокого кризиса. Из этой истории надо извлекать уроки.

Что же касается той части интеллигенции, которая прямо пошла в услужение реформаторам, то в ее рассуждениях нормы рационального сознания нарушались не просто грубо, а даже дерзко. Ведь даже если бы мы приняли «абсурдно завышенные» оценки военных расходов СССР, выработанные «Командой Б» явно исходя из политического заказа, то и в этом случае миф о

---

¹ Кстати, полезно узнать, что ряд составителей доклада «Команды Б» занимает ключевые позиции в Пентагоне. Пол Вулфовиц — первый замминистра обороны, Эндрю Маршалл (руководитель Управления оценок Пентагона) руководит разработкой плана реорганизации вооруженных сил США.

том, что эти расходы разорили экономику СССР, следует считать продуктом недобросовестной манипуляции.

В. В. Шлыков пишет: «В последние годы советской власти с избавлением от непомерных, как тогда считалось, военных расходов связывались все основные надежды населения и политиков на улучшение экономического положения страны.

Егор Гайдар писал в 1990 году в журнале «Коммунист», где он тогда работал редактором отдела политики: «Конверсия оборонного сектора может стать важнейшим фактором сокращения расходов и роста доходов государства, насыщения рынка новыми поколениями потребительских товаров, катализатором структурной перестройки общества... Речь не о сокращении темпа прироста военных расходов, а о серьезном снижении их абсолютной величины».

В 1992 г. объем закупок вооружения и военной техники [был сокращен] сразу на 67%... И тем не менее, несмотря на столь, казалось бы, радикальное уменьшение, употребляя терминологию Е.Гайдара, «оборонной нагрузки на экономику», никакого заметного улучшения жизненного уровня населения, как известно, не наступило. Наоборот, произошло его резкое падение по сравнению с советским периодом. Более того, в глубокую депрессию впал и так называемый гражданский сектор российской экономики, особенно промышленность и сельское хозяйство...

Естественно, что в результате подобного развития тезис о том, что СССР рухнул под бременем военных расходов, утратил былую привлекательность. Более того, советский период по мере удаления от него все более начинает рассматриваться как время, когда страна имела и «пушки и масло», если понимать под «маслом» социальные гарантии. Уже не вызывают протеста в СМИ и среди экспертов и политиков утверждения представителей ВПК, что Советский Союз поддерживал военный паритет с США прежде всего за счет эффективности и экономичности своего ВПК».

Гайдар, конечно, мало кого интересует. Мы говорим о сознании честных интеллигентов. Реальность постоянно предоставляла им объекты, которые были достойны удивления, были непонятны, требовали размышлений и спокойных, рассудительных дискуссий. Вместо этого слышались или проклятья, или безудержные восхваления. В советском хозяйстве мы имели предмет, к которому образованный человек просто обязан был подойти с вниманием и осторожностью. Но этого не случилось в 80-е годы, этого нет и сейчас. Как же нам искать выход из кризиса? Мы же не знаем, что разрушали, разрушили или нет, можно ли вообще на этих руинах строить так называемую «рыночную экономику».

Отличие советского хозяйства от того, что мы видим сегодня,

составляет как бы загадку, которую в интеллигентной среде избегают даже формулировать. Сейчас все, кроме денег, у нас оказалось «лишним» — рабочие руки и даже само население, пашня и удобрения, скот и электрическая энергия, металл и квартиры. Все это или простаивает, или продается по дешевке за рубеж, или уничтожается. А в СССР всякое производство было выгодным, всякий клочок годной земли использовался. Росло общее недовольство тем, что бюрократические нормы *мешают работать*.

Это значит, что для обеспечения труда сырьем и инструментами находились средства. Денег хватало и на вполне сносное потребление, и на огромную по масштабам науку (одну из двух имевшихся в мире научных систем, охватывающих весь фронт фундаментальной науки), и на военный паритет с Западом — и даже на дорогостоящие «проекты века». Никому и в голову не могло прийти, что шахтеры могут голодать, а академики кончать с собой из-за того, что голодают их подчиненные ученые-ядерщики.

И при всем этом за 1980 — 1985 гг. размеры ежегодных капиталовложений в СССР возросли на 50% (а на Западе совсем не выросли). Если бы мы сейчас мысленно «вычли» эти инвестиции из нашего хозяйства, вообразили бы, что СССР уже за десять лет до реформы стал вести себя, как ельцинская РФ, то сегодня страна была бы уже экономическим трупом. Мы еще питаемся остатками советского жира.

Сегодня те же самые работники, те же самые земли и те же самые технологии оказываются недееспособными. Настолько, что иностранцы даже бесплатно не хотят брать наших заводов, а в отношении наших людей возникло новое понятие: «*общность, которую не имеет смысла эксплуатировать*». Все заброшено, даже переспелые леса перестали рубить — вывозить лес невыгодно. С национального достояния снимаются пенки, которые можно взять с минимальным трудом.

Но стремления понять и объяснить эту чрезвычайную разницу двух хозяйственных систем в интеллигенции не видно. Как будто образованные люди не считают себя обязанными думать и не несут никакой ответственности за дела в стране.

Экономическая реформа как обман. В той цивилизационной катастрофе, которая разыгрывается в России, большую роль сыграла позиция интеллигенции в 80 — 90-е годы. Именно благосклонное отношение видных деятелей науки и культуры, а затем и представителей массовых интеллектуальных профессий

побудили основную массу населения занять нейтральную или даже поощряющую позицию в отношении проекта ликвидации советской экономической системы.

Эти меры, независимо от их оценки, сопровождались *обманом* населения по самым фундаментальным вопросам. Помню, началось со статей юриста С. С. Алексеева 1986 — 1987 гг., где он утверждал, что на Западе давно нет частной собственности и эксплуатации, а все стали кооператорами и распределяют трудовой доход. Казалось невероятным: член-корр АН СССР должен смотреть в лицо студентам — и так врать! Ведь известны данные по США: 1% взрослого населения имеет 76% акций и 78% других ценных бумаг. Эта доля колеблется очень незначительно начиная с 20-х годов.

Это данные из известного исследования элиты США — книги «Кто управляет Соединенными Штатами», фундаментального труда, а не публицистики. Из недавних данных встретила ссылка на сводку в «Нью-Йорк таймс» от 17 апреля 1995 г. — 1% населения США владеет 40% всех богатств (включая недвижимость и пр.). А вот данные из переведенной на русский язык книги: «Наиболее богатые 0,05% американских семей владеют 35% всей величины личного имущества, в то время как имущество «нижних» 90% домашних хозяйств составляет лишь 30% его совокупной величины»¹. Так что десяток акций, которые имеет в США кое-кто из рабочих, — фикция вроде ваучера Чубайса. Такое примитивное вранье, как в пропаганде частной собственности в годы перестройки и реформы, видеть приходится нечасто.

Обман этот был весьма прозрачен, однако истинные намерения реформаторов излагались скупой и лишь в тех изданиях, которые не попадали в «широкие слои трудящихся». Но интеллигенция, тем более элитарная, доступ к этим изданиям имела, их читала и не видеть обмана не могла. Для того чтобы его разглядеть, достаточно было читать главные академические журналы «Вопросы философии», «Социологические исследования», а также следить за выступлениями «архитектора перестройки» А. Н. Яковлева.

Сравните три его выступления — два на широкую публику, одно для интеллигенции. Все они напечатаны в одной книжке тиражом 50 000 экз., практически всеми читателями которой были увлеченные перестройкой интеллигенты.

Выступая 20 февраля 1990 г. в Московской высшей партийной школе, А. Н. Яковлев так характеризовал доктрину экономической реформы: «Думаю, если бы мы признали разнообразие

---

¹ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М.: 1993. С. 358.

форм собственности, то только бы выиграли от этого. Разумеется, речь не идет о частной собственности на банки, транспорт, базовые отрасли производства». Как пример тех предприятий, которые можно было бы сделать частными, он называл парикмахерские¹.

Вскоре была выдвинута программа «500 дней», главным смыслом которой была *обвальная приватизация*. И в Париже в интервью французской газете А. Н. Яковлев так выражает свое отношение к этим планам: «Шаталин мой очень хороший друг. То же самое могу сказать и о Явлинском, который часто ко мне заходит... Целью обоих планов была приватизация экономики, либерализация банковской системы, введение акционирования, аграрная реформа и т.д... Но я повторяю, что оба плана были программами перехода к рынку, и это, по моему мнению, было самым главным. В концепции «500 дней», которую я поддерживал и поддерживаю...» и т.д. (там же, с. 236).

Таким образом, выступая перед партийной аудиторией, с расчетом на публикацию в массовой печати, А. Н. Яковлев сознательно лгал. Он утверждал, что в планах «архитекторов перестройки» и речи нет о приватизации банков и промышленных предприятий, — и одновременно имел постоянные контакты с Шаталиным, Явлинским и другими экономистами, которые лихорадочно готовили проекты тотальной приватизации банков и промышленности, а в кабинетах и банях лихорадочно шла дележка кусков государственной собственности и подбирались кадры олигархов.

Сам А. Н. Яковлев не представляет для нас интереса. Вопрос в том, как могла интеллигенция принимать эту уж слишком явную ложь — и продолжать аплодировать А. Н. Яковлеву? Ведь одно дело — рабочий или доярка, которые получали всю информацию из программы «Время» и изредка из газеты «Труд», и другое дело — интеллигенция, для которой вещали «голоса» и большими тиражами печатались книги со статьями Найшуля, Пияшевой, Заславской.

Одно из двух — или интеллигенция почему-то полностью утратила способность соединять и анализировать слегка разнородную информацию, выявляя истинные намерения «архитекторов», или она была солидарна с истинными намерениями Найшуля и Яковлева и оправдывала ложь последнего из соображений «революционной целесообразности». Сейчас, когда «архитекторы и прорабы перестройки» ударились в воспоминания, притво-

---

¹ Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости, 1991. С. 161.

ряться наивными и делать вид, что «мы не знали и не ведали», интеллигенции уж никак не возможно. Уход от рефлексии относительно соучастия в том обмане становится совсем неприличным. Ведь А. Н. Яковлев прямо говорит: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про «обновление социализма», а сам знал, к чему дело идет»¹.

При этом речь идет не о мальчике, который «слукавил» из-за боязни наказания. А. Н. Яковлев лгал и лжет сознательно, именно «для пользы дела». В том же интервью он продолжает: «Есть документальное свидетельство — моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года, то есть в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать».

А. Н. Яковлев может лгать именно потому, что интеллигенция, эта своего рода «национальная корпорация» высокообразованных людей, не накладывает на этих политических лжецов никаких моральных санкций. Более того, она относится к ним благосклонно и даже позволяет в конкретных акциях по обману общества прикрываться авторитетом своих научных титулов. А ведь спецификой научной деятельности и даже ее необходимым условием является соблюдение всеми членами сообщества норм научности, а обязанностью сообщества — контроль за выполнением этих норм его членами.

Фундаментальной нормой для ученого является сообщение лишь той информации, которую он считает достоверной. Возможны ошибки и добросовестные заблуждения, но абсолютно недопустима ложь и заведомая фальсификация данных. В естественных науках исследователь, который подтасовал экспериментальные данные, моментально изгоняется из научного сообщества. В общественных науках критерии более либеральны, но и здесь ложь человека, выступающего с использованием авторитета науки, недопустима. Если коллеги не накладывают на него никаких санкций, это говорит о болезни сообщества и ведет к его распаду.

На передаче «Времена» 25.01.2004 г. выступил А. Н. Яковлев, представленный как «действительный член РАН по Отделению

---

¹ Яковлев А. О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003.2.12.

экономики». Он сказал: «Фактически Ленин приостановил движение России. Если мы вспомним, историки это знают, при Столыпине Россия в два раза увеличила производство, урожай собирала Россия, равный совокупному урожаю Канады, США и Аргентины».

Идейная позиция А. Н. Яковлева — его сугубо личное дело. Однако, выступая как ученый-экономист, он прибегает к лжи в связи с надежно установленными фактами. Экономические результаты деятельности Столыпина изучены досконально, и А. Н. Яковлев не мог их не знать. Начнем с утверждения о производстве зерна. За 1906 — 1910 гг. по сравнению с 1901 — 1905 гг. посевные площади во всей России возросли всего на 4,8%. За это время производство ржи уменьшилось на 9,9%, пшеницы выросло на 0,1%, овса на 2,1% и лишь ячменя выросло существенно — на 19,6%. В 1911 г. был неурожай и голод. Самый высокий урожай зерновых в дореволюционный период в России был собран в 1913 г. Это был год выдающийся — урожай пшеницы в 1913 г. был *в два раза* выше, чем в 1911 г., и на 38,5% выше, чем средний урожай за 1906 — 1911 гг.

В 1913 году было собрано зерновых (по пяти главным зерновым культурам — пшенице, ржи, ячменю, овсу и кукурузе — в сумме): Россия — 5,3 млрд. пудов; США — 6,4 млрд. пудов; США, Канада и Аргентина вместе — 7,9 млрд. пудов. По суммарному урожаю пяти основных зерновых культур Российская империя уступала даже одним США. Производство картофеля и продуктов животноводства в России было очень и очень скромным, о нем и говорить нечего. А на душу населения в России в 1913 году было собрано 30,3 пуда зерна, в США 64,3 пуда, в Аргентине 87,4 пуда, в Канаде 121 пуд¹.

Таким образом, в отношении главной отрасли тогдашней российской экономики А. Н. Яковлев сказал заведомую неправду. Однако и в отношении промышленного производства утверждение А. Н. Яковлева является ложью. Общий прирост физического объема продукции промышленности на территории СССР за 1906 — 1911 гг. составил 40,2%, а за период 1906 — 1910 гг. (когда Столыпин обладал реальной властью как премьер-министр) только 27,7%. О двукратном увеличении и речи не было, 1906 — 1909 гг. в России считались годами «промышленной депрессии». Даже с учетом быстрого развития Польши и Финлян-

---

¹ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый». Петроград, 1917. С. 114 — 116.

дии общий прирост валовой продукции промышленности в пределах всей Российской империи за 1906 — 1911 гг. составил 54%. Вот точные данные по годам:

Прирост промышленного производства в России в годы столыпинской реформы (на территории СССР)¹, %

	1906	1907	1908	1909	1910	1911
Ежегодный прирост индекса физического объема продукции промышленности	2,6	9,2	0,5	4,3	8,7	9,8
Ежегодный прирост валовой продукции промышленности	8,6	11,7	—2,2	3,8	14,4	7,6

При этом нарастало качественное отставание промышленности от индустриальных стран, так что экономика Российской империи не смогла обеспечить обороноспособности страны. Это показала Первая мировая война. Вот показатель, очень понятный тем, кто помнит Отечественную войну, когда советская экономика в производстве оружия и материалов в несколько раз превзошла промышленность Германии, на которую работала почти вся Европа. А за время Первой мировой войны было произведено артиллерийских снарядов (млн. штук): Германия — 306, Франция — 290, Англия — 218, Австро-Венгрия — 80, Россия — 67². Реформа Столыпина не удалась.

Какую роль сыграл этот обман и соучастие в нем интеллигенции в двух взаимосвязанных сферах — сознании самой интеллигенции и установках массового сознания? Приняв *дискурс обмана*, интеллигенция вынужденно отошла от норм рациональности. Отход этот был явным и радикальным, и от образованных людей требовались значительные усилия для того, чтобы пода-

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М.: Эпифания, 1994. Этот раздел написан на основании «Сборников статистических сведений фабрично-заводской промышленности в России» (Изд. Министерства торговли и промышленности). Книга Л. Б. Кафенгауза издана Институтом экономики РАН в серии «Памятники экономической мысли». Это один из наиболее компетентных экономистов России по данному периоду, и сомнений в достоверности его данных никто не высказывал.

² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: 2001. С. 89.

вить в себе привычку к рефлексии и «не видеть», насколько грубо они нарушают обычные правила рассуждений. Эти нарушения выражались прежде всего в уходе от четкого заявления постулатов и нравственных принципов предлагаемой реформы. Интеллигенция приняла и сама использовала *новояз* реформаторов — даже привычное понятие *капитализм* было заменено на эвфемизм *рыночная экономика*, с тем чтобы исключить ассоциацию с эксплуатацией. Но использование ложных имен и понятий заведомо вырывает рассуждения из лона рациональности, превращает их в инструмент манипуляции сознанием.

Отход от норм рациональности заключался в игнорировании достоверной *фактической информации*, в том числе количественной. Образованное сословие составило хор, подпевающий лжецам типа Селюнина, Н. П. Шмелева, А. Н. Яковлева. Наконец, во всей этой большой манипулятивной конструкции была грубо деформирована *логика* рассуждений, и эту логику «нового мышления» тоже была вынуждена принять интеллигенция, которая аплодировала реформаторам.

Что же касается массового сознания, то оно вследствие этого обмана было дезориентировано и расщеплено. С мая 1992 г. по июнь 1993 г. в 12 регионах РФ Институтом социологии РАН было проведено исследование на представительной выборке. Реформаторы трактуют результаты как поддержку населением «перехода к рынку». Но даже сама эта трактовка является обманом (помимо обмана, таящегося в понятии «переход к рынку»). Вот главная таблица:

*Распределение ответов населения России на вопрос
«Как вы думаете, переход к свободной рыночной экономике —
это правильный или неправильный шаг для будущего России?»,
в % по столбцам:*

Варианты	Май 1992 г.	Декабрь 1992 г.	Март 1993 г.	Июнь 1993 г.
Правильный	49,3	47,2	41,6	42,8
Неправильный	29,5	29,4	28,2	28,0
Затрудняюсь ответить	21,0	23,5	26,7	29,3

Судя по этим данным, общество, несмотря на интенсивную идеологическую подготовку в течение 5 — 6 лет, было явно в растерянности. Число тех, кто посчитал переход к свободному (!) рынку правильным, не достигает и половины опрошенной выборки. Более того, по мере реализации реформы ее поддержка сокращается. Показательна и следующая таблица:

*Распределение ответов на вопрос
«Как вы думаете, переход к свободной рыночной экономике —
это правильный или неправильный шаг для будущего России?»
в зависимости от образования респондентов, в % по строке:*

Образование	Правильный	Неправильный	Затрудняюсь ответить
Незаконченное среднее	25,3	39,0	35,7
Среднее общее	45,8	26,8	27,4
Незаконченное высшее	59,6	12,8	27,7
Высшее	57,1	19,1	23,8

Автор делает вывод: «Несмотря на все превратности экономической реформы, перевес остается на стороне тех, кто выступает за переход к свободной рыночной экономике и передачу государственной собственности в частные руки... Заметно в ином виде предстает картина мнений населения, если в опросе представлены для оценки отдельные элементы, механизмы и следствия рыночной экономики. Ситуация выглядит весьма противоречивой и на первый взгляд не поддающейся рациональному объяснению... Около 70% опрошенных считают, что государственный контроль над ценами будет способствовать улучшению дел в стране. Почти три четверти полностью или частично согласны с суждением, что государство обязано гарантировать полную занятость и не допускать безработицы. Таким образом, с одной стороны, поддерживается курс на свободную рыночную экономику, а с другой — выдвигается требование государственного регулирования цен. Напрашивается вывод, что респонденты либо представляют рынок, так сказать, выборочно, лишь в благоприятном для себя виде, либо не представляют его действия вовсе»¹.

При изучении всех таблиц напрашивается самый простой и очевидный вывод: люди потому «не представляют действия рынка вовсе», что идеологи реформы, в том числе проводившие опрос социологи, злонамеренно ввели людей в заблуждение относительно смысла понятий, применяемых в пропаганде этой реформы. Если бы социологи при опросе точно описали действительность «свободной рыночной экономики» в реально возможных для нас условиях периферийного капитализма, то отве-

¹ Комозин А. Н. Шоковая экономика: тенденции общественного мнения населения России // СОЦИС. 1993. № 11.

ты большинства граждан были бы совсем иными, и социологи это прекрасно знали. Но дело в том, что и большинство интеллигенции, конечно, знало, что представляет собой эта «свободная рыночная экономика» — и поддержало не только обман, но и жесткую цензуру в отношении всех попыток дать обществу достоверную информацию о предлагаемой ему социальной системе.

Отход от принципов демократии как идеала Просвещения. Во время перестройки были заданы главные постулаты той доктрины, на основе которой предлагалось преобразование советского общества. Ключевым утверждением в списке этих постулатов была *демократизация* общественного и политического строя. Этот постулат был основополагающим, на нем строилась вся *рациональность* реформы. Все рассуждения в связи с реформой становились разумными лишь в том случае, если они не противоречили этому постулату, даже если он не упоминался. Или же, в противном случае, должно было быть оговорено, что этот постулат исключен из оснований доктрины и предлагается ее принципиально иной вариант.

На деле получилось так, что большинство интеллигенции явно уверовало в постулат демократизации, так что обозначение приверженцев перестройки и реформы как *демократов* стало обыденным. Но при этом с самого начала рассуждения о реформе в образованной части общества стали крайне *антидемократичными*. Перераспределение собственности и доходов большинства населения в пользу очень небольшого меньшинства происходило открыто и чисто политическими средствами.

Г. Х. Попов, оправдывая в начале 1992 г. присвоение правительством и передачу новым собственникам сбережений населения, писал: «Еще одна сила, которая действовала в обществе, — конструктивные слои. Кроме отрядов интеллигенции, заинтересованных в преобразованиях, это предприниматели, фермеры, кооператоры. Все они выступали за новые формы жизни. Но беда состояла в том, что *их было катастрофически мало*... Для того чтобы повышение цен привело к развитию производства, подъему экономики, его итоги должны попасть в руки предпринимателей» («Независимая газета», 13 марта 1992 г.) [выделено мной. — С.К.-М.].

Поддержка антидемократической реформы поминается вовсе не в упрек интеллигенции — ах, изменила светлому идеалу! Странными душевными метаниями интеллигенции все уже сыты по горло, и ее очередной нравственный кульбит никого не трогает. Здесь нас волнует тот факт, что интеллигенция вовсе не перешла сознательно к понятийному аппарату и шкале ценностей кастового сословного общества, возмнив себя господствующим

меньшинством, какой-то неоаристократией. Беда в том, что в душе она осталась верна идеалу демократии, а надстройка ее рассуждений находилась в вопиющем противоречии с базой постулатов. Это расщепление сознания сделало все мышление образованного слоя общества неадекватным реальности. Было разрушено пространство разумных рассуждений. В кризис погрузилось все общество в целом, инструменты мышления испорчены.

Нарушение элементарных норм демократического подхода наблюдалось с самого начала перестройки — и было с удовлетворением принято большинством интеллигенции. Прежде всего это проявилось в ее собственном кругу. Нетерпимость ко всем тем, кто высказывал несогласие с экономической реформой или хотя бы сомнение в ее разумности, была на удивление интенсивной. Сразу же выработался штамп: если возражал человек с более или менее высоким статусом (директор, профессор и пр.), то его клеймили как «консерватора, напуганного угрозой лишиться своих привилегий». Если же возражение поступало «снизу», то его квалифицировали как «продукт люмпенизированного сознания».

Интеллигенция фактически одобрила жесткую цензуру, сразу же введенную на «антиперестроечные» публикации и выступления. Была даже инспирирована публикация невнятного и совершенно неопасного для перестройки «письма Нины Андреевой», чтобы затем устроить истерическую кампанию по поводу этой публикации. Хотя, казалось бы, если ты демократ, что ж ты так переживаешь из-за статьи какой-то инакомыслящей гражданки?

Но главное, конечно, это отношение интеллигенции к голосу «непросвещенного большинства» (тогда в ходу еще было слегка шизофреническое выражение «агрессивно-послушное большинство»). Знаков несогласия большинства населения с доктриной реформы приходило множество, читающая публика не могла их не видеть, но даже намек не было на попытку диалога с массой, на то, чтобы потребовать от «своих» дать ей голос, чтобы начать хотя бы в «своем» кругу возможностей коррекции программы. Нет, эти знаки просто игнорировали — «иного не дано!», «пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» и пр.

Не будем подробно останавливаться на «судьбоносном» моменте — 76% населения СССР проголосовали на референдуме за сохранение Союза. В Москве и Ленинграде более половины были против сохранения. Но разве мог человек, принявший постулат демократизации, *радоваться* тому, что господствующая верхушка имела достаточно силы, чтобы наплевать на мнение большинства! А ведь радовались.

Вспомним вещи простые, бытовые. Видные социологи и экономисты требовали либерализации цен на продукты питания,

интеллигенция «забрасывала их цветами». Это ее право, ее выбор. Подавляющее большинство было против. Опросы в преддверии кризиса фиксировали: «Население не верит в быстрое улучшение потребительского рынка и выступает за регулируемое государством нормированное распределение благ как средство гарантированного снабжения. Более половины жителей столицы [56,3%] против такого решения [введения талонов на мясо]. А большинство жителей областных и районных центров, малых городов, сельской местности поддерживают введение талонов на мясо. Респонденты вполне отдают себе отчет в том, что эта мера не является панацеей от всех бед. Однако они предпочитают талоны, нежели повышение цен. Большинство опрошенных жителей разных регионов (около 80% в городах и 65% в сельской местности) выступают против повышения цен на мясопродукты, не считают его эффективным средством борьбы с дефицитом»¹.

Сторонники реформы в основном попали в те 20%, которые выступали против государственного регулирования, за рынок со свободными ценами. Они поддержали Гайдара и Ельцина, когда их властная бригада «отпустила» цены. Ну так исключи постулат демократии из тех интеллектуальных инструментов, которые ты используешь при рассуждениях, и они у тебя вновь обретут связность, с тобой можно будет договариваться, вести дебаты. Но нет, всякое сомнение в благотворности рынка отметалось без комментариев, как нечто абсурдное и порочное — и все это при искренней убежденности в собственной демократичности.

Вот Ю. Е. Волков, доктор философских наук, зав. кафедрой социологии и социального управления Академии труда и социальных отношений (!), пишет о позиции рабочих: «Демократическое движение, начавшее развиваться в стране в последние годы и охватывающее главным образом прогрессивную интеллигенцию, вряд ли сможет само по себе преодолеть сопротивление консервативных сил и обеспечить утверждение нормальной, эффективной рыночной экономики... Ориентация на смешанную рыночную экономику присуща многим организациям в современном рабочем движении. Однако в нем присутствует и противоположная позиция — полная неприязнь не только частной собственности и частного предпринимательства, но даже той «полурыночной» экономики, которая проектируется некоторыми в рамках незыблемости «социалистических принципов»... Это движение, выражающее люмпенизированную психологию наиболее отсталых — в массе своей — слоев рабочих и служащих, имеет не так уж мало сторонников... а в условиях резкой

---

¹ Гузанова А. К. У мясного прилавка // СОЦИС. 1989. № 5.

пауперизации масс с весны 1991 г. люмпенская психология может пойти вширь»¹.

Приняв и поддерживая подобную идеологию и в то же время считая ее выражением «демократического движения прогрессивной интеллигенции», эта самая интеллигенция впала в состояние искусственной шизофрении, — и ее рассуждения стали внутренне противоречивыми, *некогерентными*. Пользуясь своим заслуженным профессиональным авторитетом в массе трудящихся, наши интеллигенты, выступив в качестве идеологов, «оболтали» здравомыслящую массу, сбили ее с толку и помогли номенклатурной шайке разграбить народное хозяйство, совершить «в граде сем неслыханнейшее воровство». И это было со стороны интеллигенции величайшей, неприличной глупостью. Можно если не оправдать, то хотя бы понять козла-provokatora — для него в конце коридора, по которому он ведет на бойню овец, есть маленькая дверка. Для нашей прогрессивной интеллигенции такой дверки не оказалось, да она о ней даже не спросила. А главное, и вся эта бойня устроена на «Титанике».

Историк, академик П. В. Волобуев писал об октябре 1993 г.: «Не довольствуясь тем, что экономическими трудностями правящие круги ввергли большинство народа в политическую апатию, они решили дать прозревшему меньшинству, т.е. добросовестным демократам, такой предметный урок расправы, чтобы раз и навсегда сломить всякую попытку сопротивления антинародной политике верхов»².

Павел Васильевич надеялся на добросовестность, на прозрение, на необходимость для власти запугивать это добросовестное меньшинство «демократов». На деле, похоже, ситуация хуже. Как можно прозреть, если разрушены инструменты рационального мышления! Как угодно пугай такого человека, он не извлечет «предметного урока», ибо не способен выстроить в уме причинно-следственные связи. Отгребели пулеметные очереди, смыли кровь с мостовой — и пошел испуганный вчера прогрессивный интеллигент голосовать за те же маски. Так и ходит.

Общая постановка задачи реформирования хозяйства. Итак, перед обществом была поставлена задача создать хозяйство, основанное на частной собственности, чего, как признал сам «архитектор перестройки», *никогда* не было в русской цивилизации.

---

¹ Волков Ю. Е. Рабочее движение в условиях перехода к экономике смешанного типа // СОЦИС. 1991. № 12.

² Волобуев П. В. Четвертооктябрьский политический режим: социальная сущность и перспективы // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 287—300.

Значит, задача эпохальная, и от образованных людей можно было ожидать внимательного изучения условий, постулатов и логики этой программы, ее органичного соответствия той реальности, которую предполагалось реформировать. Интеллигенция и взялась за эту миссию — растолковать людям необходимость перехода к рынку и конкуренции. Но каков же был при этом ее интеллектуальный инструментарий? На деле установки и даже понятия, которыми оперировали на своих кухнях наши интеллигенты, дерзко противоречили и логике, и здравому смыслу. Да и сейчас противоречат. Как будто накопленный человечеством опыт, перекристаллизованный в систематизированное знание, вдруг рухнул в какую-то яму, не оставив следа в голове образованных людей. В конце 80-х годов, когда приходилось сталкиваться с этими людьми, казалось невозможным, что они говорят всерьез, так это не вязалось ни с тем, что мы видели вокруг, ни с элементарной логикой.

И от русских философов начала XX века, и от советских историков, и от западных либеральных мыслителей мы *знали*, что никакая реформа не может увенчаться успехом, если она не принимается культурой данного общества. Знали — но вдруг как будто забыли! Но ведь нас специально предупреждали, в том числе с самого Запада. Видный современный философ либерализма Дж. Грей писал об откате к «пещерному» либерализму: «Реальная опасность палеолиберальной мысли и политики во всем многообразии их форм заключается в непонимании их адептами того обстоятельства, что рыночные институты живы и прочно стоят на земле только до тех пор, пока они встроены в контекст культуры обществ, чьи потребности они призваны удовлетворять»¹. В другом месте он говорит о конкретной программе неолиберальных реформ, навязываемой МВФ: «Она утопична в своем игнорировании или отрицании той истины, что рыночные институты стабильны тогда и только тогда, когда они укоренены в совокупности культурных форм, ограничивающих и наполняющих смыслом их деятельность» (с. 203).

Сейчас, когда крах этой программы налицо, наших реформаторов-интеллектуалов как прорвало, и они ударились в откровения. И опять не верится, что люди говорят все это всерьез. Помню, в одной газете был репортаж об убийстве. Два подростка убили сторожа и украли у него тапочки. Когда их поймали, они откровенно и с ясными глазами так и объясняли — хотели украсть тапочки. Наши экономисты-либералы похожи на этих подростков.

---

¹ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Практикс, 2003. С. 181.

Вот на лекции 11 мая 2004 г. выступает Симон Кордонский — член одной из трех интеллектуальных групп, которые замыслили реформу (сам он принадлежал к группе Т. И. Заславской). Он рассказывает, как это начиналось (точнее, излагает свою версию, как это виделось с его уровня; для нас неважно, верна ли она фактологически — нас интересуют не факты, а тип мышления): «В 1983 году в экспедицию в сельском районе Алтайского края, которую возглавляла Татьяна Ивановна Заславская, приехали Петя Авен и Слава Широнин. Они до этого очень много занимались Югославией, США и успешными экономическими реформами стран с переходной экономикой, но погружение в реальность обыденной сибирской жизни оказалось для них открытием... Авен и Широнин были настолько вдохновлены теми впечатлениями, которые они получили в результате поездки, что приехали в Москву и рассказали об этом на семинаре в Институте системных исследований, где тогда работал Егор Гайдар.

На семинаре в «Змеиной горке» в Питере в 1985 году, собственно, все и познакомились: большая часть как ушедших, так и еще действующих политиков и экономистов... В 1988 году в клубе «Строитель» у нас произошло первое всеобщее заседание диссидентов, после которого было принято решение о создании газеты «Коммерсантъ», кооператива «Факт» и многих других организаций».

Как же он характеризует сегодня всех этих «ушедших и еще действующих политиков и экономистов»? Он выделяет такую их главную черту: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства — то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность — вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю».

Для любого человека, мало-мальски связанного с наукой, это признание покажется чудовищным. Такая безответственность не укладывается в голове. И ведь это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную патологию. Кто сейчас этот Симон Кордонский, где работает? Референтом президента В. В. Путина, в его администрации. Работает — и хоть бы что, продолжает те же самые реформы, что планировал со своими приятелями Петей Авеном и Егором Гайдаром.

Присутствовавший на лекции Глеб Павловский, который за-

нимался разработкой реформ в плане политики, добавляет: «Лет 15 назад, при начале нашего общественного движения, имела место неформальная конвенция. Конвенция о том, что знания о реальности неважны для какого бы то ни было политического или общественного действия. Действительно, эта конвенция состоялась, и реформаторы действовали внутри нее, как часть ее. С моей точки зрения, утверждения докладчика можно интерпретировать так, что собственно реформаторы были людьми, которые согласились действовать, не имея никаких представлений о реальности, но при наличии инструментов для преобразования, изменения того, что есть, особенно в направлении своих мечтательных предположений. Эти люди делали то, что они делали, и погрузили остальных в ситуацию выживания.

Пример этих реформ — это то, что происходило в правовой сфере, где либерализация процессуального законодательства конца 80-х — начала 90-х годов привела к тому, что условия населения в лагерях стали пыточными, каковыми они не были при советской власти. Они и продолжают ими быть, это продолжает усугубляться, там существует отдельная социальная реальность, которая совершенно не описывается современными правозащитниками».

Эти слова надо понимать так, что и сам Павловский участвовал в выработке и заключении этой «неформальной конвенции», которой следовали реформаторы. Но разве положение изменилось, разве эта конвенция отменена? Разве беспристрастная констатация заменяет рефлекссию и поиск путей к исправлению патологии? Ни в коей мере. Павловский продолжает уже о нынешних политиках у власти: «Они уклоняются и развивают очень изощренные технологии, в том числе исследовательские, политические, научные, общественные технологии вытеснения любого реального знания... Это... питает энергетикой наш политический и государственный процесс — уход от знания реальности, отказ, агрессивное сопротивление знанию чего бы то ни было о стране, в которой мы живем».

И вот люди с таким мышлением были востребованы как интеллектуальное сообщество, взявшееся планировать переделку всей жизни страны. И они ведь были поддержаны наиболее влиятельной частью интеллигенции! Да и сейчас пользуются уважением и престижем, читают лекции...

После той лекции Кордонского была дискуссия, и вот красноречивые ответы реформатора и референта В. В. Путина. Он высказал странную мысль, что «реформ не было» — так, шалости. Его и спрашивают об одной из шалостей Гайдара:

«Рогов. Реформ не было, а отпуск цен был. Это был благотворный шаг?

Кордонский. А хрен его знает.

Рогов. Давайте согласимся, что отпуск цен благотворно...

Кордонский. Не благотворно, понимаешь? Голодуха была. Что значит благотворно? Другого выхода не было».

Представьте, одного из соавторов доктрины реформ через 12 лет после либерализации цен спрашивают, какова нынешняя оценка этого шага, и он отвечает: «А хрен его знает». Да это просто распад рациональности и норм интеллектуальной совести. Ведь речь идет о шаге, который привел к социальной катастрофе, последствия его хорошо известны, неужели не нашлось других слов? Дальше — больше. Референт президента не может не знать, что в 1991 г. никакой «голодухи», которая якобы заставила отпустить цены, в стране не было, а именно после отпуска цен голодуха возникла — и в конце 1992 г. более половины женщин РСФСР получали в рациионе белка меньше физиологического минимума. Изменение типа питания после отпуска цен дотошно зафиксировано в официальном докладе о состоянии здоровья населения России (он процитирован в главе 2).

Но Кордонский вовсе не лжет, он просто не обращает внимания на реальность, она для него несущественна — он следует конвенции, о которой сказал Павловский. Однако ведь даже и в этом он нелогичен. Допустим, была голодуха — почему же «другого выхода не было», кроме как отпустить цены и сделать многие продукты недоступными для половины населения? Он не слышал, что в 1918 г. при голодухе ввели уравнильные пайки? Ему родители не рассказали, что с 1941 по 1947 г. в стране существовала карточная система, которая предотвратила голодуху в гораздо более трудных условиях? Совершенно очевидно, что «другие выходы» были и ответ Кордонского иррационален, неразумен. Иного не дано! Какое сужение сознания!

21 апреля 2004 г. свои откровения сделал в такой же публичной лекции член другой группы реформаторов-теоретиков, В. Найшуль (он приписывает себе честь изобретения ваучера). Его рассуждения замечательны тем, что своей сильной стороной он считает чисто математический, логический анализ экономики — без «хиMER совести». С таким подходом к народному хозяйству как к машине реформаторы привели его к краху — это факт, который считается очевидным и никем не ставится под сомнение. Но сейчас, глядя назад, эти теоретики не только не видят в своих расчетах никакой ошибки, но у них даже и мысли не возникает посмотреть на продукт своего ума с этой точки зрения. А между тем сами их рассуждения некогерентны, в них не вяжут-

ся концы с концами. Честно говоря, они просто непохожи на рассуждения нормальных людей. Прочитаем пару мест из этой лекции:

«*Найшуль*. Реформа — это всегда какой-то умственный продукт, и реформы 90-х годов, по крайней мере в их экономической части, — это умственный продукт группы, членом которой я был.

В конце 70-х годов не только наша группа, но и еще несколько толковых человек в Госплане знали, что страна находится в смертельном экономическом кризисе... Точка, в которой чувствуются все проблемы плановой экономики, — это Госплан. Госплан лихорадило, лихорадило не как организацию, а как схему работы — Госплан все время пересчитывал собственные планы. Итак, в конце 70-х годов в Госплане ощущалось, что система находится в кризисе, из которого у нее, по всей видимости, нет выхода...

Часть наших размышлений состояла в ответе на вопрос: если эта система не выживает, то в чем дело? В том, что эта система не способна координировать работу нашей страны. На самом деле, то, что она делала это в течение стольких лет, совершенно поразительно. Ведь все же планировалось, система обладала способностью координировать все так, чтобы все-таки что-то попадало туда, куда нужно. Но она уже с этим не справлялась. Выход был в децентрализации. Децентрализация — все с этим соглашались, но дальше надо было додумать. Может быть, потому что мы были математиками, людьми со свободной головой для логического анализа, ясно было, что отсюда следуют свободные цены.

Далее. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности... Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию, мы получаем как логическое упражнение ваучерную приватизацию. Собственно, в 81-м году эта ваучерная приватизация была придумана».

Начнем с начала. «Несколько толковых человек» считают, что «страна находится в смертельном экономическом кризисе». Согласитесь, что это мнение отнюдь не тривиальное, тем более что множество других толковых людей так вовсе не считали, а видимых симптомов смертельной болезни Найшуль не называет. Ведь для такого страшного вывода требуются рациональные доводы, которые надо тщательно проверить и вынести на профессиональный консилиум. Ничего этого не было, общепринятые экономические и социальные показатели (динамика капиталовложений, рост производства, потребление и даже производительности труда) не предвещали не только смерти, но даже и тяжелого кризиса. Попробуйте-сегодня найти тексты тех лет (пусть даже написанные «в стол»), в которых спокойно и внятно была

бы обоснована неминуемая гибель советской экономики. Нет таких текстов, были только кухонные разговоры.

Единственный аргумент Найшуля — «Госплан лихорадило». Причем лихорадило не как организацию, а как схему работы (?). Это заключалось в том, что «Госплан все время пересчитывал собственные планы». Ну и что? На то он и Госплан, в самом факте пересчета планов не видно признаков гибели. Да, хозяйство стало большим, прежняя методология планирования не отвечала сложности объекта, это обычный *кризис метода*, который разрешается посредством создания нового инструментария. Как из этого следует, что «по всей видимости, нет выхода»? Никак не следует, это просто-напросто глупое утверждение. И уж никак из сказанного не следует, что «эта система не выживает». Это идеологическая чушь, которую Найшуль и его сообщники вбили себе в голову (если вообще не придумали задним числом — почитайте сегодня все статьи этих теоретиков, относящиеся к концу 70-х годов, включая статьи редактора журнала «Коммунист» Е.Гайдара). И эту чушь интеллектуалы слушают, развесив уши, в 2004 году!

Но, допустим, «несколько толковых человек» прозрели признак кризиса. Что делают в таком случае разумные люди? Ставят диагноз болезни, обоснуют его, составляют перечень альтернативных подходов к предотвращению беды, выработывают критерии выбора лучшей (или хотя бы хорошей) альтернативы и доказывают ее преимущества. Что же мы слышим от этого человека «со свободной головой»? Он пропускает все предварительные стадии работы и изрекает, как шаман: «Выход в децентрализации!» Почему, откуда это следует? Ниоткуда, никакой логики в этом нет, и, видя воочию результаты этой реформы как «умственного продукта», отсутствие логики кажется очевидным. Даже закрадывается подозрение, что все эти группы теоретиков и их лекции в течение двадцати лет — большой спектакль, а за спиной этих безумных актеров потирают руки абрамовичи и япончики. Но ведь эти актеры — элита нашего интеллектуального сословия, ей и до сих пор рукоплещут, как новому платью короля.

Что понимает Найшуль под «децентрализацией» советской экономики? Совсем не сокращение планируемой из центра периферийной части хозяйства с сосредоточением усилий планирования на ядре из ключевых отраслей и предприятий. Напротив, по его понятиям децентрализация — это уничтожение именно *ядра* экономической системы. Вот его простенькое умозаключение: «Отсюда следуют свободные цены. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности... Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию». Какая же это реформа, это именно революционное уничтожение системы. Сна-

чала без всяких оснований утверждают, что человеку грозит смертельная болезнь, а потом на этом основании убивают его. Вот так врач!

Из Найшуля и его приятелей так и прет, что они мечтали именно об убийстве советской экономической системы, в этом своем энтузиазме они даже не замечают полного отсутствия связности в их умозаключениях. Но как не замечают этого образованные люди, насмотревшиеся на всю эту реформу! Ведь ясно, что если Найшуль в своих расчетах не был злонамерен, то он наделал грубейших ошибок. Китай, начавший реформы исходя из совершенно иных постулатов, из крестьянской страны становится первой экономической державой мира, а у нас реформа парализовала экономику.

Послушайте рассуждения Найшуля, которыми он и сегодня гордится: «Я бы сказал еще, на какие страны мы ориентировались... Для меня в 90-м году, особенно после той поездки, были и остаются очень релевантной страной Чили. Страной, у которой очень много чему надо научиться... И с этим связана проблема, которая до сих пор не решена, — это неспособность связать реформы с традициями России. Неспособность в 85-м году, неспособность в 91-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 году — неспособность у этой группы и неспособность у страны в целом. Никто не представляет себе, как сшить эти две вещи... То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой. Список можно продолжить».

Можно ли представить себе более дикий взгляд на советскую систему хозяйства? Учиться у Чили! Никакие критерии подобия между двумя системами не выполняются, но Найшулю нравится (почему-то он считает, что Чили — это множественное число — от Чилия, что ли?)¹. Для реформаторов характерна «неспособность связать реформы с традициями России» (на эту неспособность у

---

¹ Поразительно и то, как легко наши демократы поверили в миф об успехах экономической политики Пиночета. Реальность Чили совсем иная. В 1989 г. 41,2% населения жили ниже черты бедности. Вокруг Сантьяго и других больших городов выросли трущобы. Жизнь в них поддерживали бесплатные суповые кухни. В 1970 г. дневной рацион беднейших 40% населения имел энергетическую ценность 2019 калорий. К 1980 г. эта цифра упала до 1751, а к 1990 г. до 1629 [Díaz Alvaro. El Capitalismo Chileno en los 90: Crecimiento Económico y Desigualdad Social (Santiago: Ediciones PAS, 1991), statistical appendix.]. Но такие «микропоказатели» либералов не интересуют. В Интернете есть книга: Кангас С. Чикагские мальчики и чилийское экономическое чудо (пер. Дм. Каледина).

«страны в целом» нечего кивать, это просто глупая риторика)! Неспособен, так что ж ты берешься! В этом есть какая-то детская дебильная безответственность. Какое голое место, где в России такое голое место, где у Гайдара с Найшулем «получилось»? Страшный регресс в мышлении.

И ведь весь интеллектуальный инструментарий этих «бригад» пресса и телевидение довольно широко вбили в общественное сознание. Вспомним хотя бы ставшее общепринятым утверждение, будто рыночная экономика (капитализм) является *«естественным»* типом хозяйства — в отличие от советского, *«неестественного»*.

Экономист, многолетний декан факультета экономики МГУ Г. Х. Попов изрек в своей книжке «Что делать»: «Социализм пришел как нечто искусственное, а рынок должен вернуться как нечто естественное». Заметим, что у него еще есть признаки стыда, так что он подтасовывает понятия — противопоставляя социализму капитализм, он заменяет это слово туманным термином «рынок».

А. Стреляный, ведущий радио «Свобода», выступая 18 мая 2001 г., сказал, например: «Все советское народное хозяйство, от первого тракторного завода до последней прачечной, появилось на свет неестественным путем. Не рынок, не потребитель решал, где строить тот или иной завод или мастерскую, что там клепать и сколько, а чиновник, Госплан. Эти искусственные создания (артефакты) и существовать могли только в искусственной среде, что значит за счет казны, а не потребителя».

Поразительно, как с помощью идеологии удалось замечательным образом стереть в общественном сознании вполне очевидную вещь — хозяйство, а тем более экономику, суть явление *социальное*, присущее только человеческому обществу. Это порождение культуры, а не явление природы. Называть «естественным» завод, построенный «по указке потребителя, а не Госплана», — глупость. Это такой же «артефакт», могущий «существовать только в искусственной среде». Ну как могли наши инженеры и учителя столько лет слушать подобную чушь и поддакивать ей!

Рыночная экономика тем более не является чем-то *естественным* и универсальным. Уж если на то пошло, естественным (натуральным) всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей, потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*. Разве не странно, что образованные люди перестали замечать эту отраженную в языке сущность.

Более того, придание обществу черт дикой природы (в частности, к этому сводится социал-дарвинизм) — культурная бо-

лезнь Запада, давно осмысленная и во многом преодоленная. Казалось невозможным, чтобы она в конце XX века вдруг овладела умами российской интеллигенции — ведь много предупреждений было сделано не только русскими философами, но и с самого Запада.

Виднейший американский антрополог М. Сахлинс пишет: «По крайней мере начиная с Гоббса склонность западного человека к конкуренции и накоплению прибыли смешивалась с природой, а природа, представленная по образу человека, в свою очередь, вновь использовалась для объяснения западного человека. Результатом этой диалектики было оправдание характеристик социальной деятельности человека природой, а природных законов — нашими концепциями социальной деятельности человека... С XVII века мы попали в этот порочный круг, поочередно прилагая модель капиталистического общества к животному миру, а затем используя образ этого «буржуазного» животного мира для объяснения человеческого общества... Похоже, что мы не можем вырваться из этого вечного движения взад-вперед между окультуриванием природы и натурализацией культуры, которое подавляет нашу способность понять как общество, так и органический мир... В целом эти колебания отражают, насколько современная наука, культура и жизнь в целом пронизаны господствующей идеологией собственнического индивидуализма»¹.

Почему наша интеллигенция, уверовав в рынок, не послушала крупнейшего западного экономиста XX века Дж. М. Кейнса? Ведь он специально обсуждал главный аргумент идеологии — апелляцию к естественному порядку вещей, к якобы «природным» законам общественной жизни. Он вскрыл методологическую ловушку, скрытую в самом понятии «естественный», и отверг правомерность распространения этого понятия на общество. Для кого он это делал? Мы переживаем уникальный в истории культуры случай, когда интеллектуальная, в том числе научная, элита выступает в идеологии как сила обскурантистская, антинаучная.

Рыночная экономика — *недавняя* социальная конструкция, возникающая как глубокая мутация в очень специфической культуре Запада. Только равнодушием нашей интеллигенции к фундаментальным категориям можно объяснить тот факт, что в массе своей она даже не попыталась вникнуть, какого типа жизнеустройство реформаторы пытаются навязать России. Рынок был представлен идеологами просто как механизм информационной обратной связи, стихийно регулирующий производство в соот-

---

¹ Sahllins M. *Uso y abuso de la biologia*. Madrid: Siglo XXI Ed., 1990.

ветствии с общественной потребностью через поток товаров. То есть как механизм контроля, альтернативный плану. Но ведь это мелочь! Дихотомия «рынок — план» несущественна по сравнению с глубинным смыслом понятия *рынок* как общей метафоры всей западной цивилизации.

Эта метафора означает, что буквально все человеческие отношения должны сводиться к купле-продаже, эквивалентному обмену (это называется «транзакционное мировоззрение»). Например, теория государства строится аналогично теории рынков, на которых политические партии в избирательном процессе ведут торг с избирателями, «продавая» за их голоса свои программы («Экономическая теория демократии» А. Даунса). За свой анализ политики, представленной как институт обмена, Дж. Бьюкенен получил Нобелевскую премию.

К рынку сводится в этом мировоззрении любой общественный институт: университет становится рынком знаний, а учитель из подвижника превращается в торговца услугами. Даже церковь становится рынком «причастности к Богу и его закону». В этом мировоззрении любая духовная ценность сводится через возникающие при ее движении транзакционные издержки к цене. Потому и бытует афоризм: «Запад — это цивилизация, знающая цену всего и не знающая ценности ничего». Неужели наша интеллигенция мечтала о таком исходе русской культуры?

В некоторых случаях глупость попыток перевода всех сторон хозяйственной деятельности на рыночные принципы очевидна, но приличные люди обязаны молчать, как при виде голого короля. Молчат — и сами отходят от норм логики и здравого смысла. Таков, например, случай с теплоснабжением. Реформа в этой сфере хозяйства поставила систему отопления городов на грань полного краха. А ведь специалисты самого правительства и так и эдак пытались объяснить власти реформаторов утопичность их замысла.

В официальном докладе так говорится о принципиальной непригодности рыночных механизмов для обеспечения стабильной работы централизованного теплоснабжения: «Распространено мнение, что рыночные механизмы должны автоматически обеспечивать повышение эффективности использования топлива и энергии. Но реальная жизнь показывает, что это не так... Тепло является на редкость нерыночным товаром: его нельзя накопить на складе продавца, от него не может отказаться и потребитель. В теплоснабжении чрезвычайно затруднена конкуренция. Поэтому организация управления такой отраслью в рыночных условиях, способствующих массовой коррупции, является чрезвычайно трудной задачей...

Критерии надежности энергоснабжения и экономической выгоды не совпадают. С точки зрения надежности теплоснабжения необходимо производить модернизацию и замену изношенного оборудования, с точки зрения быстрой разовой прибыли выгодно работать до полного износа»¹.

О каком свободном рынке может идти речь, если в данной конкретной сфере хозяйства невозможна конкуренция! Поразительно то, что, когда где-то действительно удается создать ячейку частнокапиталистического уклада в теплоснабжении и сразу обнаруживается вся абсурдность рыночных принципов в этой сфере, власть, вплоть до самых высоких уровней правительства, имитирует наивность и «непонимание». Как будто не те же самые чиновники и политики требуют от теплоснабжения отношений купли-продажи. Вот маленький казус, возникший в ходе летней (2003 г.) проверки готовности теплоснабжения к зиме. Его излагает официальная «Российская газета» и комментирует зам. председателя Госстроя РФ:

«Эксперты оказались в растерянности. Выяснилось, что жителям двух городков Иркутской области — Черемхово и Слюдянка — грозят не только морозы, но и новоявленные капиталисты от ЖКХ, с которыми никто не знает, что делать. Тепло в дома подается здесь исключительно частное. Каждый из этих городков обогревает по одной приватизированной котельной, сообщил замглавы Госстроя Леонид Чернышев. Однако владельцы решили их продать: на кочегарах много не наваришь. Они направили местной администрации предложение приобрести котельную за 30 — 40 млн. рублей. Власть не поверила. Но когда иркутские капиталисты пригрозили разобрать свою собственность на кирпичи и пустить их с молотка, направили запрос в местную прокуратуру. Та констатировала: отнять котельные нельзя, приобретены на законных основаниях. На днях вмешался и Госстрой, который запросил в МАП России: правомочны ли частники? Если выяснится, что — да, придется ведомству просить кабинет министров выделить деньги и на покупку этих котельных»².

Неужели наш честный интеллигент-либерал не видит, что реализация его идей создала ситуацию абсурда? Жулик, наверняка получивший старую котельную почти даром, теперь требует за нее от прежнего хозяина миллион долларов, шантажируя тем,

¹ Национальный доклад «Теплоснабжение Российской Федерации. Пути выхода из кризиса. 1. Реформа системы теплоснабжения и теплопотребления РФ». М.: 2001.

² Российская газета № 123. 2003.26.06.

что осенью ломает этот единственный в городке источник тепла. И прокуратура считает, что этот жулик прав. А «эксперты в растерянности»! Понимание рынка и частной собственности, которое навязали обществу наши приватизаторы (подозреваю, что небескорыстно), несовместимо не только с нормами рациональности, но и с жизнью.

Поддержка рыночной реформы как разрыв с культурой России. В связи с переходом к рынку сразу возник раскол в обществе. Здесь мы говорим не о тех социальных противоречиях и конфликте интересов, которые возникли в ходе реформы, а о конфликте ценностей, представлений о благой жизни. И о том, что сознание нашей интеллигенции было закрыто странным когнитивным (познавательным) фильтром, который не позволил этот конфликт увидеть и осмыслить.

Давно, с начала XX века, стало понятно, что капитализм (рыночная система) — это особая, уникальная культура¹. Совмещение ее с иными культурами — огромная и сложная проблема. Наши реформаторы и пошедшая за ними часть интеллигенции эту проблему просто игнорировали. Известно, что Россия не испытала религиозной революции, сходной с Реформацией в Западной Европе. У нас не возникло «протестантской этики», которая духовно освещала бы наживу. Заставить людей, воспитанных в православии (да и в исламе), сделать наживу высшим жизненным ориентиром можно было, только сломав их культурные устои, насильно обратив в идолопоклонство.

Читая М.Вебера, можно представить себе, какого масштаба духовную катастрофу пытались устроить нашему народу реформаторы. Он пишет о мировоззрении, которое легло в основание буржуазного общества: «Нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. Теперь уже не приобретательство служит

---

¹ Исключительно красноречиво само замалчивание имени Вебера как «архитекторами перестройки», так и «реформаторами». Когда начался поход против «тоталитаризма», хорошим тоном было сетовать на то, что нам всю жизнь навязывали Маркса, не допуская к Веберу, который осветил важнейшие стороны капитализма, проигнорированные Марксом. Наконец издается Вебер — и что же? Он становится чуть ли не запрещенным автором, ибо с очевидностью показывает: никакого капитализма (кроме преступного) реформаторы в России не строят. А ведь Вебер пришел к своим основным открытиям после того, как, выучив русский язык, исследовал первую русскую революцию и понял очень важные вещи о нашем обществе.

человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретение, которое становится целью его жизни. Этот с точки зрения непосредственного восприятия бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы «естественным» порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его веянием»¹.

Поворот к рынку от нашего «естественного» порядка вещей кажется большинству наших граждан именно «бессмысленным переворотом», и совершить его не могут даже «новые русские». Они и ведут себя, как подгулявшие купцы, а не рачительные поклонники мамоны. Удивительно, что наша интеллигенция, во время перестройки зауважавшая Н. Бердяева, одновременно впала в рыночную утопию и надежду построить в России буржуазное общество. Ведь в своей последней книге «Русская идея» (1946 г.) Н. Бердяев пишет: «Для России характерно и очень отличает ее от Запада, что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии»². Ну хоть бы кто-нибудь сказал, пусть голословно, что Бердяев ошибся, буржуазную идеологию мы сможем и выработать, и навязать массовому сознанию. Нет, образованные люди просто держат в уме взаимоисключающие установки и даже этого не замечают.

Кстати, надо сказать и вещь, обидную для наших реформаторов именно как западников, — они сразу пошли против культурных постулатов западного рыночного либерализма. Важнейшей стороной в учении либерализма был поиск внеэкономических способов ограничить, ввести в рамки права и морали эгоистические поползновения частных предпринимателей. А. Смит в «Богатстве народов» прямо писал, что этот класс «обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его». Но разве об этой проблеме задумалась наша интеллигенция, убеждая трудящихся поддержать рыночную реформу? Нет, она поверила в магическую силу «невидимой руки» рынка и оторвалась от рациональности либерализма, не говоря уж о рациональности учений, делающих упор на сотрудничество и солидарность людей.

Более того, интеллигенция совершила огромную ошибку, предположив, что едва ли не большинство населения России воспримет образ мысли и действия, присущий «человеку экономическому». Это была вывернутая наизнанку общинная тяга к единству — все вместе станем буржуями! «Homo economicus» —

¹ Вебер М. Протестантская этика. С. 75.

² Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 89.

абстрактная антропологическая модель именно предпринимателя (да и то, уже Дж. С. Милль, придавая строгую форму модели «экономического человека» Адама Смита, особое внимание уделял случаям, когда эта модель не действует). Что же касается рабочих, то они, по мнению Рикардо, следуют не рациональному расчету «экономического человека», а *инстинктам*¹.

Что русская культура, представленная и славянофилами, и западниками, и самой буржуазией, отрицала *буржуазность*, есть факт, который никем и не подвергался сомнению. В этом нет ничего удивительного, речь идет не о технологии промышленного производства, не об институтах индустриального общества типа фабрики, биржи, банка, а о специфическом культурном и мировоззренческом явлении, о котором и писал М. Вебер в своем труде о протестантской этике. Надо только удивляться наглости идеологов реформы в России, которые задумали не просто создать у нас рыночные институты, но именно привить людям буржуазность — как писал философ Ракитов, «произвести изменения в ядре культуры». А. Н. Яковлев даже пишет об этой рыночной реформе с большой буквы — *Реформация*. Смешно глядеть на такого Лютера.

Но как же могли принять и поддержать этот безумный проект наши интеллигенты? Неужели они забыли все, что по этому поводу писали и говорили самые светлые выразители нашей культуры — от Гоголя до Толстого и Достоевского, а потом и до Блока с Есениным? На кого они хотят их променять?

Допустим, кому-то покажется, что Толстой и Достоевский отвергали буржуазность XIX века, «первоначальное накопление» и т.п., а теперь буржуазность другая, демократическая. Об этом можно было бы спорить, но даже этого не говорилось. И не вспоминалось, чтобы опровергнуть, что именно о XX веке Блок писал:

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).

Представим себе, что сказал бы Блок сегодня, повидав буржуазность конца XX и начала XXI века. Вспомнив все его творчество в целом, можно с уверенностью сказать, что он бы ее отверг еще более жестко, чем век назад. Ибо она стала еще более наглой и безжалостной, она еще дальше откатилась и от христи-

---

¹ Полезный материал собран в обзоре В. С. Автономова «Модель человека в буржуазной политической экономии от Смита до Маршалла» // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989.

анства, и от Просвещения. На самом Западе это слегка скрашивается и маскируется богатством, которое обеспечивает комфорт и позволяет хорошо кормить интеллигенцию. Но ведь мы говорим о тех, кто живет и будет жить в России.

Провал в рациональности выражается еще и в том, что проект изменения культурного ядра России («Реформации») был начат без какого бы то ни было расчета сил и средств. Какими культурными ресурсами обладали реформаторы, берясь за такую грандиозную задачу? Шутками Хазанова и песнями Аллы Пугачевой? Где их поэты, которые могли бы соблазнить людей буржуазностью?

Важное отличие «рынка» от «плана» (то есть от любого хозяйства, которое ведется ради удовлетворения потребностей) заключается в том, что это система *либеральная*. Она в принципе может действовать только в том случае, если все ее участники соглашаются с основными правилами игры. Они все принимают на себя роль *собственника*, который свободно обменивает свою собственность по устанавливаемой рынком цене. Заставить действовать по этим правилам людей, которые не принимают культурных норм рынка, невозможно.

Вот жалобы экономиста Л. Пияшевой в интервью, взятом Институтом социологии РАН в 1994 г.: «Я социализм рассматриваю просто как архаику, как недоразвитость общества, нецивилизованность общества, неразвитость, если в высших категориях там личности, человека. Неразвитый человек, несамостоятельный, неответственный — не берет и не хочет. Ему нужно коллективно, ему нужно, чтобы был над ним царь либо генсек. Это очень довлеет над сознанием людей, которые здесь живут. И поэтому он ищет как бы, все это называют «третьим» путем, на самом деле никаких третьих путей нет. И социалистического пути как пути тоже нет, и XX век это доказал... Какой вариант наиболее реален? На мой взгляд, самый реальный вариант — это попытка стабилизации, т.е. это возврат к принципам социалистического управления экономикой».

В чем смысл этого лепета «доктора экономических наук»? В том, что культурной базы для рыночной Реформации нет. Советский капитализм можно было бы строить, и вполне успешно (как в Китае строят «китайский капитализм»), а западный построить не получится. Русскому человеку, несмотря на все потуги реформаторов, «нужно коллективно». И потому он не берет и не хочет священной частной собственности. И потому, по разумению умницы Пияшевой, хотя «социализма нет», единственным реальным выходом из кризиса она видит «возврат к социализму».

Подавляющее большинство населения России, независимо

от идеологических установок, не принимает и даже ненавидит культурные принципы рынка. Антирыночные, «советские» установки уже к концу 1994 г. были выражены сильнее, чем в 1989 г., при пике перестроечного энтузиазма. По данным ВЦИОМ, осенью 1994 г. твердых сторонников советского прошлого было 54%, а сознательных рыночников осталось 10% (еще 14% соглашались с рыночной реформой, так как не верили в возможность возврата к старому).

На международном симпозиуме «Куда идет Россия?» (15 — 18 декабря 1994 г.) директор ВЦИОМ Ю. А. Левада привел данные о сдвигах в ходе реформы в соотношении «рыночных» и «советских» установок¹. В 1989 г. в РСФСР было опрошено 1325 человек, в 1994 г. в РФ — 2957 человек в различных регионах. Был задан вопрос: «Что бы вы предпочли, если бы могли выбирать?» Ответили на него так (в % от числа опрошенных):

«Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне» — в 1989 г. 45%, в 1994 г. 54%. «Много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее» — в 1989 г. 27%, в 1994 г. 23%. «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» — в 1989 г. 9%, в 1994 г. 6%. Нерыночные установки не только преобладают, но и укрепляются.

На том же симпозиуме другой автор из ВЦИОМ сравнивает установки трех поколений — «дедов», выросших в военные и первые послевоенные годы, «отцов» или зрелого поколения (40 — 55 лет) и молодежи. О «дедах» сказано в двух строчках — их опыт «сегодня обесценен в глазах других поколений», они «символически отторгнуты самой властью», так что им остались «доживание и усталость».

О зрелом поколении автор пишет: «Поддержав смену социально-политического режима и его идеологии, это поколение оказалось не готовым к выработке и принятию тех ценностей, которые несла с собой рыночная экономика, — терпимости к неравенству, духу и вызову конкуренции, нескрываемому активизму, индивидуалистической свободе. Скоро стало ясно, что времени адаптироваться к новым условиям у людей этого возраста уже нет».

Об отношении молодежи к рыночным ценностям автор умалчивает, но в общем вывод его красноречив: «На «глубине» исторической памяти — в картине мировой истории, крупнейших событий или деятелей XX в. — у всех поколений пока что гос-

---

¹ Левада Ю. А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989 — 1994 // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 218 — 229.

подствует единая модель. По своему происхождению она советская и почерпнута из школьных учебников с добавкой некоторых элементов из перестроечных массмедиа»¹.

Более того, не стали вполне «рыночными» и новые собственники — «владельцы» предприятий. Экономист из ИМЭМО РАН С. П. Аукуционек признает, ссылаясь на данные опросов в рамках большого исследования «Российский экономический барометр»: «Выяснилось, что, даже обретя полную самостоятельность хозяйственных решений и будучи погруженными в почти рыночную среду, бывшие государственные предприятия продолжают преследовать не вполне рыночные цели... К середине 1994 г. значение целей нерыночного типа оставалось все еще очень большим и, может быть, даже преобладающим». Под этими «нерыночными» целями понимается здесь две: 1) «поддержание (или увеличение) выпуска продукции» (отметили в числе главных целей 55% предприятий); 2) «сохранение трудового коллектива» (45% предприятий). Прибыль в числе главных целей отметили лишь 35% предприятий»².

Соглашаясь на реформу по программе экономической бригады Горбачева — Ельцина, интеллигенция, в том числе научно-техническая, игнорировала накопленный в России *эмпирический опыт*. Ведь подобным же образом, но при гораздо меньшей глубине кризиса «разрешили» свободное развитие капитализма в России в 70-х годах XIX века, в результате чего пришли к тяжелому противостоянию и революции.

М. Е. Салтыков-Щедрин тогда писал: «В последнее время русское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии, то есть новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентщиков, банковых дельцов и прочих казнокрадов и мироедов. В короткий срок эта праздношатающаяся тля успела опутать все наши палестины; в каждом углу она сосет, точит, разоряет и, вдобавок, нахальничает... Это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия кровопивства) завоевать себе положение в обществе; это просто праздный, невежественный и притом ленивый забуддыга, которому благодаря слепой случайности удалось уйти от каторги и затем слопать кишашие вокруг него массы «рохлей», «ротозеев» и «дураков».

А что за «буржуазию» рекрутировали наши либеральные де-

---

¹ Дубин Б. В. (ВЦИОМ). О поколенческом механизме социальных сдвигов. // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 237 — 247.

² Аукуционек С. П. Кризис переходного периода: микроэкономический аспект. Там же. С. 79 — 88.

мократы? Олигархи — группа по величине ничтожная, маргинальная. Возьмем второй эшелон. Ведь уже в первый год реформы можно было понять, что страна с этими новосозданными собственниками прямиком катится в яму. Ю. Козлов писал — не в «Советской России», а в интеллектуальной либеральной «НГ»: «Ложь — в самом облике новых хозяев жизни (почему-то ни разу не видел среди них пожилого), миллионеров и миллиардеров. Один только что из тюрьмы, обижен, с бегающими глазами. Другой не из тюрьмы, не обижен, но в каком-то ужасающем тике. Третий с черными, как уголь (почему не вставит белые?), зубами и все время курит. Четвертый худ, желт, как доедаемый малокровием народоволец. Пятый мычит, не может связать двух слов (как заработал миллионы?). Шестой, напротив, изъясняется с нечеловеческой быстротой — ни слова не разобрать. И у всех в глазах страх и тоска. Хемингуэй, помнится, называл ее *тоской предателя*» («Независимая газета», 2.06.1992).

Миллионы интеллигентов проголосовали за Ельцина, «чтобы коммунисты не помешали продвижению России к нормальной экономике». Но если в 1990 г. эту идею можно было простить как умозрительную, то уже к середине 90-х годов она противоречила буквально всем объективным сведениям. Тот курс реформ, который защищают наши либеральные интеллигенты, не ведет ни к какой рыночной или не рыночной экономике. Он с абсолютной неотвратимостью ведет к параличу, коллапсу всякой экономической деятельности в огромной стране. Это переходный период к полной остановке производства, кроме самого примитивного. А значит, переход к экономической смерти. Явление, которого еще не наблюдала история.

Глава 29

ФАНТОМ «НОРМАЛЬНОЙ» ЭКОНОМИКИ И МИРАЖ «МАГИСТРАЛЬНОГО ПУТИ»

Интеллигенция подчинилась гипнозу идеологических заклинаний, среди которых важное место занимал призыв перейти к «*нормальной*» экономике. Это случай крайнего гипостазирования. Никто даже не спросил: каковы критерии «нормального»? Это, мол, рынок, конкуренция...

Представление о западном капитализме как о некоей установленной Провидением *норме*, как о *правильной* (нормальной) хозяйственной системе — следствие невежества нашей интеллигенции, воспринявшей этот стереотип из обществоведческих

теорий (сначала марксизма, потом обрывков либерализма), проникнутых евроцентризмом. Это недостаток нашего образования, но надо же такие недостатки изживать.

Виднейший американский антрополог М. Сахлинс в важной для нашей темы статье «Прощайте, печальные тропы» пишет о культурной уникальности и необычности западного капитализма: «Западный капитализм в своей тотальности — это поистине экзотическая культурная схема, такая же странная, как и любая другая, отмеченная поглощением материальной рациональности огромным сводом символических отношений. Нас слишком сильно сбивает с толку кажущийся прагматизм производства и торговли. Культурная организация экономики остается невидимой, мистифицированной денежной рациональностью, посредством которой реализуются ее произвольные ценности. Весь идиотизм современной жизни — от кроссовок «Уолкман» и «Рибок» до норковых шуб и бейсбольных игроков, получающих по 7 миллионов долларов в год, до Мак-Дональдса, Мадонны и другого оружия массового уничтожения — вся эта нелепая культурная схема тем не менее представляется экономистам как ясное проявление универсальной практической мудрости»¹.

Все признают, что в России «нормальной» западной экономики нет, но причины приводят разные. Одни ссылаются на наследие советской системы, другие — на ошибки реформаторов, третьи — на фатальное решение князя Владимира о принятии Православия от Византии. Модный в свое время экономист В. Найшуль даже пишет в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Если вдуматься, то это просто нелепое утверждение. Православные страны есть, существуют иные по полторы тысячи лет — почему же их экономику нельзя считать нормальной? Разве не странно, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада — недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества?

Но даже если не принимать во внимание уникальность культурных оснований западной экономики, считать ее образцом для России нельзя и по чисто материальным причинам. Ведь все знают (хотя не все признают вслух), что западный тип хозяйства, взятый за «норму», не только не может быть распространен на

---

¹ В Интернете есть перевод этой статьи: *Сахлинс М. Прощайте, печальные тропы. Этнография в контексте современной мировой истории // Альманах «Восток». 2004. № 7. Название перекликается с названием известной книги К. Леви-Стросса «Печальные тропики». Тропы — слова, употребляемые в образном смысле, при котором происходит переход от прямого значения слова к переносному.*

все человечество, но даже не может долго продолжаться на Западе. Это выводы конференции «Рио-де-Жанейро-92», которых никто не оспаривает. Генеральный секретарь этой конференции Морис Стронг подчеркнул: «Западная модель развития более не подходит ни для кого. Единственная возможность решения глобальных проблем сегодняшнего дня — это устойчивое развитие».

Нобелевский лауреат Я. Тинберген говорит о западном типе хозяйства как образце для всего мира в таких терминах: «Такой мир невозможен и не нужен. Верить в то, что он возможен, — иллюзия, пытаться воплотить его — безумие. Осознавать это — значит признавать необходимость изменения моделей потребления и развития в богатом мире»¹.

Если США, где проживают 5% населения Земли, потребляют 40% минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Тогда почему же рыночную экономику называют *нормальной*? Принять как нормальное то, что не может быть нормой для всех и даже для 1/7 человечества, — отказ от фундаментальных критериев классификации явлений, ведущий к тяжелому нарушению логики. Мы его наблюдаем постоянно. Вот в программной статье В. Путина «Россия», опубликованной 31 декабря 1999 г., следаны два главных утверждения:

— «Мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество... Альтернативы ему нет».

— «Каждая страна, в том числе и Россия, должна искать свой путь обновления».

Обе эти мысли взаимно исключают друг друга! Это типичный случай некогерентности рассуждения (не говоря о том, что первое утверждение неверно фактически — «третий мир», то есть 80% человечества, в принципе не может повторить путь Запада).

Но что означает для России переход к «нормальной» экономике — каковы реально были наши перспективы на этом пути? Ведь, аплодируя реформаторам, обещавшим такой переход, должна же была интеллигенция представить себе это изменение в жестких, абсолютных понятиях. Надо же было вслушаться в объяснения идеологов реформы. Н. П. Шмелев в важной статье трактует наши экономические перспективы так: «Наиболее важная экономическая проблема России — необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных условиях».

---

¹ Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М.: 1980. С. 104.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей...

Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2 — 3% в традиционной промышленности и 1 — 1,5% в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива»¹.

Давайте внимательно вчитаемся в каждое из этих утверждений. Во-первых, критерием «нормальности» экономики академик считает не степень удовлетворения жизненных потребностей населения и страны в целом, а наличие *конкуренции*. Это поразительная вещь, ибо даже один из основателей концепции гражданского общества Гоббс признавал, что существуют два примерно равноценных принципа устройства хозяйства — на основе *конкуренции* и на основе *кооперации*, сотрудничества. Он пишет: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее, подавляя других, чем объединяясь с ними». Гоббс отдавал предпочтение конкуренции, но вовсе не считал этот принцип очевидно более эффективным. В своем выборе он исходил, скорее, из внеэкономических критериев.

На что же готов пойти Н. П. Шмелев ради приобретения такого блага, как «конкурентность»? На ликвидацию до 2/3 всей промышленной системы страны! Ну можно ли считать это рациональным утверждением? Можно ли после этого оправдываться, как Черномырдин, что, мол, «хотели как лучше»? Ведь черным по белому писали реформаторы, что деиндустриализация — их цель, «наиболее важная экономическая проблема России»². Приняла интеллигенция эту цель по зрелом размышлении, сознательно ли она ее поддержала — или поленилась вникнуть в замыслы реформаторов?

В своем предисловии к «Черной книге коммунизма» А. Н. Яковлев предложил нашим реформаторам свою занудливую, без искры мысли доктрину — *Семь «Д»*. Это те семь магических действий, которые надо совершить, чтобы в РФ возникло благолепие на базе частной собственности. Четвертым «Д» у него стоит

---

¹ Шмелев Н. П. Экономические перспективы России // СОЦИС. 1995, № 3.

² Замечу, что к 1995 г. стало очевидно уже и из практического опыта, что ни о какой «радикальной модернизации» промышленности в реформе по программе МВФ и речи не идет — происходит именно ликвидация «от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей». Даже напротив, в первую очередь ликвидируются самые современные производства.

деиндустриализация. Он прибавил к обозначению этой цели стыдливую, но бессмысленную оговорку — «экологическая». Мол, ликвидировать промышленность РФ надо из любви к природе. Этот раздел заполнен бессвязными и не имеющими отношения к теме банальностями вроде такой: «Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный мир един». Что это такое, при чем здесь это? Как из этой чепухи вытекает, что в РФ надо проводить деиндустриализацию? А главный вывод апокалиптичен и столь же нелеп. Если, мол, наши заводы будут продолжать шуметь и дымить, то: «Сначала «положим зубы на полку» из-за почвенного Чернобыля, начнем угасать от химических продуктов и других индустриальных отрав, в смоговых нечистотах. А потом что? Потом экологическая смерть». И подобное словоблудие привлекало нашу интеллигенцию!

А ведь это совершенно дикое в своей иррациональности стремление уничтожить отечественную промышленность было распространено в нашей реформаторской элите довольно широко. В важной перестроечной книге В. А. Найшуль пишет: «Чтобы перейти к использованию современной технологии, необходимо не ускорить этот дефектный научно-технический прогресс, а произвести почти полное замещение технологии по образцам стран Запада и Юго-Восточной Азии. Этого возможно достичь только переходом к открытой экономике, в которой основная масса технологий образует короткие цепочки, замкнутые на внешний рынок. Первым шагом в этом направлении может стать привлечение иностранного капитала для создания инфраструктуры для зарубежного предпринимательства, а затем — сборочных производств, работающих на иностранных комплектующих»¹.

Никакого экономического смысла в уничтожении отечественных промышленных предприятий быть не может — даже если они в данный момент неконкурентоспособны. Создать их стоило стране огромных усилий, и решение в момент кризиса раскрыть страну для убийства ее промышленности иностранными конкурентами следует считать разновидностью государственной измены. Д.И. Менделеев в похожей ситуации в конце XIX века предупреждал о необходимости защитить промышленное развитие народов России «против экономического порабощения их теми, которые уже успели развиться в промышленном отношении». Почему же в конце XX века наша интеллигенция послу-

---

¹ Найшуль В. А. Проблема создания рынка в СССР // Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 441 — 454.

шала не Менделеева, а Шмелева? Надо же отдать себе в этом отчет.

Да хоть бы японцев послушали, если Менделеева забыли! Как раз когда в Москве в 1991 г. обсуждался закон о приватизации, в журнале «Форчун» был опубликован большой обзор о японской промышленной политике. Там сказано: «Японцы никогда не бросили бы нечто столь драгоценное, как их промышленная база, на произвол грубых рыночных сил. Чиновники и законодатели защищают промышленность, как насадка цыплят». Чудом надо считать не быстрое развитие японской экономики, ибо японцы поступают разумно, — а именно согласие российской интеллигенции на уничтожение отечественной промышленности.

Хотя бы сегодня мы обязаны разобраться в этом моменте, ведь речь идет о глубоком болезненном срыве в мышлении значительной части многомиллионной социальной группы высокообразованных людей. Заданная при этом срыве антирациональная структура мышления сохранилась, она воспроизводится как тяжелая болезнь. Ее надо изучать и лечить. Такое отношение к отечественной промышленности, к нашему национальному достоянию, поразило специалистов во всем мире. В докладе американских экспертов, работавших в РФ, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно известных лабораторий — значит смириться с ужасным несчастьем»¹.

Наконец, тяжелое нарушение логики имеет место в последнем умозаключении Н. П. Шмелева. Вдумаемся: «Если через 20 лет в наиболее развитой части мира в материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения — значит, это и наша перспектива». Не будем уж говорить о крайнем аутизме утопии устроиться целой большой стране почти без материального производства — об утопии «золотого миллиарда» или неоантичности, то есть превращения почти всего населения Земли в разновидность рабов, во внешний пролетариат «наиболее развитой части мира».

Разрыв в логике состоит в утверждении, что через 20 лет место жителей России — не в загоне для рабов, а именно в «золотом миллиарде». Как сказал бы Шура Балаганов, «а где же

---

¹ Эмсен А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1996. С. 65 — 85.

еще?». А ведь буквально за абзац до этого Н. П. Шмелев призывает к деиндустриализации России. С какой же стати она в таком случае имеет перспективу стать элементом «наиболее развитой части мира»? Где она возьмет авианосцы, чтобы заставить бразильцев и малайцев осуществлять для нее «материальное производство»?

Надо заметить, что бредовая утопия «постиндустриализма», при котором якобы человечество будет обходиться без материального производства — промышленности и сельского хозяйства, — культивировалась не только в воспаленном сознании «прорабов перестройки». Она так и осталась как заноза в мозгу реформаторов. Ей, например, подвержен Г.Греф — ни много ни мало министр по делам экономического развития РФ. В апреле 2004 г. он выдавал перлы аутистического мышления на «научной» конференции, которую живо обсуждала пресса. Вот выдержка из обзора. «...Призвание России состоит в том, чтобы стать в первую очередь не руками, а мозгами мировой экономики!» — провозгласил свой первый тезис министр. Но тут же его и дезавуировал: «Этого нельзя сделать ни за десять, ни за пять лет, но мы должны последовательно идти в эту сторону». Затем Герман Греф назвал два возможных пути развития экономики. По первому «граждане будут получать низкую зарплату и смогут конкурировать по этому показателю со странами уровня Эфиопии, а рента с монополий будет уходить на скрытые дотации неконкурентоспособной промышленности». Второй путь, который Герману Грефу кажется предпочтительным, «не только путь борьбы за рынки, но и путь создания новых рынков» — провозгласил Герман Греф и сделал странный вывод: «Могу поспорить, что через 200 — 250 лет промышленный сектор будет свернут за ненадобностью так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства».

Сегодня большинство тех, кто недоволен реформаторами, критикуют их не за ошибочный выбор пути (вектор), а за ошибочный *темп* изменений (скаляр). Они верят, что при неторопливой приватизации в России можно было бы построить «нормальную рыночную экономику». Тех, кто ставит под сомнение саму эту возможность, просто игнорируют. Самой этой постановки вопроса не допускали, так что никто никогда и не утверждал, что *в России можно построить экономическую систему западного типа*. Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились и строятся на предположении, которого никто не решается явно высказать.

Глава 30

ПОКЛОНЕНИЕ ИДОЛУ КОНКУРЕНЦИИ

Н. П. Шмелев с его поклонением конкуренции вовсе не выделяется из общего хора нашей интеллектуальной элиты. Идея, будто *«продукция российского хозяйства должна быть конкурентоспособна на мировом рынке»*, приобрела характер религиозной догмы (в свою очередь, из догмы конкурентоспособности вытекают и важные политические следствия, например, стремление вступить в ВТО).

После принятия так называемой «программы Грефа» в одном из документов правительства можно было прочитать: «В настоящее время принята трехлетняя Программа социально-экономического развития Российской Федерации на 2003 — 2005 годы. Она предусматривает прежде всего повышение конкурентоспособности России. Усилившиеся в конце прошлого века тенденции к глобализации значительно обострили проблему конкурентоспособности страны. В отсутствие значимых межстрановых барьеров для перемещения капитала, рабочей силы, технологий, информации первостепенное значение для России приобретает проблема поддержания национальной конкурентоспособности в борьбе за привлечение мировых экономических ресурсов, а также за удержание собственных».

Само обоснование Программы *социально-экономического* развития РФ лишено логики — почему же в такой программе повышение конкурентоспособности *прежде всего*? Почему не улучшение здоровья народа, искоренение социальных болезней типа туберкулеза, не ликвидация бездомности, не восстановление тракторного парка сельского хозяйства — независимо от «конкурентоспособности» этих мер? И с чего вдруг правительство решило, что теперь исчезли «значимые межстрановые барьеры для перемещения капитала, рабочей силы, технологий, информации»? Это утверждение просто нелепо — попробуйте «переместиться» в США, даже если экономический барьер в виде авиабилета для вас не является значимым. Кроме того, выходит, государство отказывается выполнять функцию «удержания собственных экономических ресурсов» теми средствами, которыми все государства пользуются испокон веку (то есть административными) и возлагают эту задачу на конкурентоспособность? А если РФ еще 50 лет будет проигрывать в конкуренции на рынке — значит, тащи из нее ресурсы кому не лень? Зачем тогда вообще нужно такое государство?

Эта идея — следствие фундаменталистской веры в «экономи-

ческую эффективность», одной из центральных догм политэкономии. Ключевым постулатом в идеологии реформы и было утверждение, что рыночная экономика западного типа *эффективнее* советской. Принять этот постулат было необходимо любому честному человеку, чтобы искренне поддержать эту реформу (о ворах здесь мы не говорим).

На деле все это утверждение неразумно, а постулат ложен (те интеллектуалы, которые его формулировали и запускали в общественное сознание, были, скорее всего, недобросовестны). Показатель *экономической эффективности* имеет смысл лишь в капиталистической рыночной экономике, целью которой является прибыль. Для оценки советского хозяйства — хозяйства совсем иного типа, целью которого было удовлетворение потребностей, — применение этого показателя являлось такой вопиющей глупостью, что заподозрить в ней наших экономистов-перестройщиков невозможно.

Если уж говорить примерно на том же языке, требовалось бы ввести и попытаться измерить показатель *социальной эффективности*, но от этого по понятным причинам тщательно уходили. При этом, как уже было сказано выше (гл. 12), при постановке задачи не были названы ни ограничения, в рамках которых сравнивалась эффективность двух систем, ни критерий, по которому она оценивается. Речь идет об идеологической конструкции, осознанно нарушающей нормы рациональности. Но нас здесь интересует ход мысли наших честных образованных людей, которые охотно эту конструкцию приняли и стали ее развивать.

Но вернемся к конкуренции. В Послании Федеральному собранию 2003 г. В. В. Путин сказал: «Быстрый и устойчивый рост может быть только тогда, когда производится конкурентоспособная продукция. Конкурентоспособным должно быть у нас все — товары и услуги, технологии и идеи, бизнес и само государство, частные компании и государственные институты, предприниматели и государственные служащие, студенты, профессора, наука и культура».

Итак, символом веры нынешней власти стало утверждение, что конкурентоспособность — железная необходимость. Полезно было бы вспомнить предостережение Ницше: «Железная необходимость есть вещь, относительно которой ход истории убеждает, что она не железна и не необходима».

Вера в конкуренцию в высказывании В. В. Путина доведена до гротеска — конкуренция должна быть тотальной. Поистине Гоббсова «война всех против всех»! Даже студенты обязаны друг с другом бороться. То, что культура Запада считает своей болезнью и чуть ли не проклятием, в России в XXI веке возводится в

культ — какое идолопоклонство! Ведь большая часть человеческих отношений никак не может строиться на основе купли-продажи и конкуренции, а строится прежде всего на *соединении* усилий и сотрудничестве — и государство, и семья, и наука, и культура. И откуда вообще это странное условие? Разве конкуренция была условием «быстрого и устойчивого роста», например, в СССР в 1930 — 1960-е годы?

Попытка придать конкуренции статус высшей ценности временами выходит не то что за разумные, но и за всякие приличные рамки. При этом интеллектуалы, которых власть привлекает для этой шекотливой миссии, затрудняются даже определить, о чем идет речь. Пресса сообщает не без сарказма: «Накануне выборов президента РФ (в 2004 г.) два десятка видных экспертов и экономистов пытались ответить на вопрос: сможет ли воплотиться в жизнь предложение Владимира Путина — придать теме конкурентоспособности страны статус российской национальной идеи? Высказанные в ходе дискуссии позиции поразили разнообразием, а иногда наводили на мысль: а все ли хорошо понимают сам предмет разговора?»

Вера в магическую силу конкуренции иррациональна, это один из вариантов бессмысленной имитации черт, *присущих* предмету поклонения. Задача упрощалась тем, что предмет поклонения — США еще раньше повысили конкурентоспособность до ранга национальной идеи. Их можно понять, но уж России...

В 1988 г. Конгресс США принял закон о торговле и конкурентоспособности, были сформированы Национальный совет по конкурентоспособности при президенте и другие структуры, отвечающие за повышение общей конкурентоспособности страны. В 1995 г. администрация США приняла федеральную программу до 2015 года «Инвестиции в человека» — об увеличении затрат госбюджета на образование, здравоохранение и социальную сферу. И что, В. В. Путин решил конкурировать с американцами в этих расходах? Сейчас США опережают по ним РФ более чем в 100 раз. Опять будем, как Хрущев, догонять их «по мясу и молоку»?

В Послании президента РФ Федеральному собранию 2004 г. В. В. Путин говорит, что сегодня, в условиях глобальной конкуренции, мы «должны опережать другие страны и в темпах роста, и в качестве товаров и услуг, и в уровне образования, науки, культуры. Это вопрос нашего экономического выживания». Как это понять? Как вообще возможно такое условие? Что значит, например, опередить США «и в качестве товаров и услуг, и в уровне науки»? Как известно, все это США обеспечили себе прежде всего благодаря авианосцам и морской пехоте, что и обходится им почти в 400 млрд. долларов годового военного бюд-

жета. А в РФ в 2001 г. весь федеральный государственный бюджет составил чуть больше 40 млрд. долларов. Зачем же нам лезть на ринг тягаться с США в этой «конкуренции»?

И почему, если мы проиграем США по числу нобелевских лауреатов или качеству услуг ночных клубов, мы «экономически не выживем»? Это более чем странное утверждение. Мы не выживем как раз в том случае, если примем эту жизненную философию, убедимся, что переплюнуть США «в качестве товаров и услуг» не можем, хором крикнем: «Так жить нельзя!» — и вколем себе сверхдозу наркотиков.

Стремление любой ценой подчинить сложившиеся в России общественные институты воздействию конкуренции приобрело в последние годы в РФ гротескный характер. Объектом таких попыток становились системы, ну никак не влезающие в эти рамки. Например, власть настойчиво требовала внедрить механизмы конкуренции в систему *централизованного теплоснабжения*.

Специалисты Министерства энергетики в официальном докладе очень осторожно, как будто боясь рассердить правителя-самодура, объясняют те особенности отрасли теплоснабжения, которые делают ее несовместимой с механизмами конкуренции: «Конкуренция предполагает наличие избыточных мощностей, т.е. неполную загрузку теплоисточников. В теплоснабжении недогрузка ТЭЦ и котельных приводит к повышению себестоимости тепла.

Конкуренция предполагает свободное перемещение товара. В теплоснабжении тепло можно передавать только по тепловым сетям на небольшие расстояния. Свободная рыночная загрузка теплоисточников, требующая переменных расходов теплоносителя, в большинстве случаев технически неосуществима либо требует прокладки тепловых сетей больших диаметров, что приведет к повышенным тепловпотерям и удорожанию системы транспорта тепла...

Конкуренция предполагает свободное ценообразование. Если имеется техническая возможность конкуренции двух теплоисточников, более низкая себестоимость производства тепла на одном из них приведет к полному переключению на него всей тепловой нагрузки, ликвидации второго источника, так как у него нет возможности продавать тепло на другие рынки, и прекращению конкуренции.

Таким образом, конкуренция, в классическом ее понимании, в теплоснабжении приведет к повышению себестоимости тепловой энергии, так как потребитель через тариф вынужден содер-

жать чрезвычайно дорогостоящие избыточные мощности теплоисточников и тепловых сетей»¹.

С тех пор прошло три года, но разговоры о создании «конкурентной среды» в теплоснабжении не прекратились.

А в «телефонном разговоре с народом» 18 декабря 2003 г. В. В. Путин добавил: «Сегодня так же, как и всегда в мире, происходит достаточно жесткая конкурентная борьба... Мы должны быть конкурентоспособными — от гражданина до государства».

Это представление о мире антиисторично. Конкурентной борьбы вовсе не было «как и всегда в мире», она возникла вместе с капитализмом, и это очень недавнее «изобретение». А до этого десятки тысяч лет человек жил в общине и вел натуральное хозяйство. Сама мысль о «борьбе» ради наживы повергла бы его в изумление. И сегодня еще большинство населения земли вовсе не мыслит жизнь как арену экономической борьбы с ближними.

А что значит «конкурентоспособное государство»? С кем и за что оно конкурирует? Как это себе представляет президент? Допустим, государство Франции конкурентоспособнее государства РФ — оно что, забирает к себе наш народ и мы становимся французами? В либеральной доктрине и так много странностей, но зачем же их доводить до абсурда.

В сознании нашего культурного слоя конкуренция представляется каким-то вездесущим добрым джинном, «невидимая рука» которого спасает страны и народы от страшного бедствия. Это бедствие («производить для себя, а не для мирового рынка») приобрело в либеральном сознании размеры апокалипсиса, всеобщей гибели. Вот в ноябре 2000 г. президент В. В. Путин, выступая перед студентами Новосибирского государственного университета, сказал: «Для того чтобы интегрироваться в мировое экономическое пространство, необходимо «открыть границы». При этом части российских производителей станет неуютно под давлением более качественной и дешевой зарубежной продукции». Далее он добавил, что идти по этому пути необходимо — иначе «мы все вымерем, как динозавры» («Вечерний Новосибирск», 17 ноября 2000 года).

Это рассуждение в целом противоречит и логике, и историческому опыту. Начнем с последней мысли — что без качественной и дешевой зарубежной продукции «мы все вымерем, как динозавры». Разве динозавры вымерли оттого, что не могли купить дешевых японских видеомагнитофонов или итальянских колго-

---

¹ «Концепция развития теплоснабжения в России, включая коммунальную энергетику, на среднесрочную перспективу. Официальная информация Минэнерго РФ». М.: 2000.

ток? Нет, они вымерли от холода. Если перенести эту аналогию в нынешнюю РФ, то значительной части ее населения реально грозит опасность вымереть, причем именно как динозаврам — от массовых отказов централизованного теплоснабжения при невозможности быстро создать альтернативные системы отопления жилищ. Отказы и аварии в котельных и на теплосетях происходят именно вследствие того, что президенты Б. Н. Ельцин и В. В. Путин «открыли границы» и туда утекли амортизационные отчисления на плановый ремонт теплосетей и котельных в сумме около 100 млрд. долл. (а если брать ЖКХ в целом, то в сумме 5 триллионов руб., или около 150 млрд. долл.).

Ни динозавры, ни народ России из-за отсутствия иностранных товаров вымереть не могут. Метафора В. В. Путина грубо искажает реальность и сбивает людей с толку. Уж если на то пошло, то именно конкурентоспособные американцы без «качественной и дешевой зарубежной продукции» вымрут очень быстро и буквально как динозавры (вернее сказать, не вымрут, а разумно перейдут к плановой экономике). Именно поэтому они и воюют в Ираке и шелкают зубами на Иран. США абсурдно расточительны в энергопотреблении, они сейчас тратят в год только нефти 1 млрд. тонн. На производство 1 пищевой калории их фермеры тратят 10 калорий минерального топлива, в то время как смысл сельского хозяйства — превращение в пищу бесплатной солнечной энергии. Какая глупость — ставить нам в пример их экономику!

Когда вышла книга А. П. Паршева «Почему Россия не Америка», в Институте народно-хозяйственного прогнозирования РАН ее обсуждали на методологическом семинаре четыре часа подряд при полном конференц-зале. Первый докладчик сказал примерно так (близко к тексту): «Все присутствующие в этом зале прекрасно знают, что если прикрыть США огромным стеклянным колпаком, препятствующим товарообмену, то через пару-другую месяцев экономика США полностью остановится. Если таким колпаком прикрыть Россию, то через пару-другую месяцев наш кризис прекратится и начнется экономический рост». Так обстоит дело с динозаврами.

А что же кроется за странным для любого президента стремлением поставить отечественных производителей в «неуютное» положение, поместить их под «давление» иностранных конкурентов? То же самое поклонение идолу «свободной торговли и конкуренции». Как пишут западные историки экономики, доктрина «свободной торговли» изначально была выработана в двух видах. Первый вид — чистая идеология, навязанная Западом элите зависимых стран. Второй вид — доктрина реальной поли-

тики, означавшая, что зависимые страны силой заставляют открыть их рынки для метрополии, в то время как метрополия допускает чужие товары на свой рынок очень избирательно. Колонизация Индии Англией разрушила ее хозяйство. Затем Англия военной силой заставила Китай открыть свой рынок для английского опиума, который выращивался на английских плантациях в Индии (опиумные войны).

Либеральный философ Дж. Грей пишет: «Поразительный успех японской экономики послевоенного времени был достигнут отчасти благодаря политике ограждения внутреннего рынка — что очень важно учитывать России и другим постсоветским государствам, принуждаемым к свободе торговли западными советниками и институтами при отсутствии реальных шансов на то, чтобы стать конкурентоспособными на мировых рынках. Японский пример действительно в значительной мере ближе к историческому опыту и современным условиям России, чем любая западная модель, да и чем любая другая незападная, включая китайскую, и она заслуживает самого тщательного изучения теми, кто принимает политические решения в России, Средней Азии и, возможно, в других регионах постсоветского мира»¹.

В нынешней РФ доктрина свободной торговли внедряется в обоих ее видах — и как идеология, и как реальная практика. Здесь нас интересует поразительная беззащитность мышления нашей интеллигенции перед идеологией. Эта беззащитность вызвана отходом от нормы рационального скептицизма, предписанной Просвещением.

Идеология, стоящая за этой догмой, — *евроцентризм*, уверенность в праве цивилизованного Запада захватывать сначала рынки, а потом и ресурсы «отсталых» стран. Эту уверенность разделяют и элита Запада, и «колониальная» элита периферии (в данном случае та часть российской элиты, которая обрела колониальное сознание). Уверенность эта в равной степени была присуща и либералам, и марксистам (во многом поэтому и те и другие с такой ненавистью относятся к Сталину, который категорически отверг эти притязания).

Выступая перед студентами, В. В. Путин почти буквально повторил формулу из «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, в котором сказано: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Низкие цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские

¹ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Практикс, 2003. С. 102.

стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под угрозой вымирания она заставляет все народы ввести у себя то, что она называет «цивилизацией», то есть самим стать буржуазными. Одним словом, она создает мир по своему образу и подобию.

Классики в данном случае выступают как идеологи, искажающие реальную историю — китайские стены разрушались, а варвары принуждались к капитуляции не товарами, а самой обычной артиллерией, как это буквально было и в случае Китая, и в случае сотен других народов и культур. Какое-то время Россия имела силы этому противостоять, а сейчас на время ослабла. Ослабла не артиллерией, а сознанием.

Если бы студенты и преподаватели Новосибирского университета сделали мыслительное усилие, они бы заметили сбой логики уже в первой части суждения: «чтобы интегрироваться в мировое экономическое пространство», вовсе нет необходимости «открывать границы». Даже напротив, интеграция (в отличие от «растворения») требует сохранения себя как целостности, как структурного элемента мирового хозяйства. Только в этом случае и возникает новое системное качество. Но для этого как раз необходимо создавать и совершенствовать «границы» — те мембраны, через которые происходит «активный транспорт» информации, капиталов, товаров и рабочей силы. Если же происходит их «диффузия», то исчезает идентичность структурной единицы, и она пожирается, растворяется другими элементами системы. Этого как раз не допускают те страны, с которых нам советуют брать пример. Смешно ожидать, чтобы США или Япония «открыли границы». Ничего, прекрасно интегрировались в мировое экономическое пространство.

Догма конкурентоспособности разделяется, похоже, большинством интеллигенции — как энтузиастами нынешней «рыночной» реформы, так и ее убежденными противниками. Даже С. Ю. Глазьев, будучи автором той экономической программы, которую приняла КПРФ, делал в своей книге такие, например, утверждения: «Нашей программой определены и *приоритетные направления развития промышленности*, которые сочетают высокий потенциал роста на мировом рынке и достаточный уровень конкурентоспособности, а потому могут играть роль локомотивов экономического роста»; «На уровне предприятий главной задачей экономической политики должно стать *повышение конкурентоспособности и улучшение организации производства*»; «В этих целях нужно стимулировать формирование целостных

конкурентоспособных вертикально интегрированных корпораций в ключевых отраслях производства»¹.

Представление о том, что конкурентоспособность является необходимым оправданием самого существования данного производства, уже кажется настолько привычным, что советники и помощники президента без всяких сомнений и аргументов включают подобные утверждения в его речи и выступления, а ведь в них не принято высказывать экстравагантных, сомнительных суждений. На самом же деле эта догма представляет собой странную, противоречащую логике и здравому смыслу идею.

Недавно (в октябре 2003 г.) я был на конференции, посвященной перспективам российского хозяйства. В зале сидели около ста человек, в основном экономисты «патриотического направления». И почти в каждом докладе — об императиве конкурентоспособности! Очень осторожно возражал лишь историк экономической мысли. Он излагал взгляды русских экономистов конца XIX века, которые предупреждали, что по ряду причин многие производства в России *всегда* будут неконкурентоспособны и требуют государственного протекционизма. На это никто попросту не обратил внимания.

Меня поразило единодушие экономистов, ведь эта догма переворачивает исходный смысл хозяйственной деятельности с ног на голову. Здравый смысл говорит, что цель производства («народного хозяйства») — обеспечить народ необходимыми благами, включая благо жить в надежной независимой стране. При чем здесь конкуренция? Если следовать этой догме, наше отечественное хозяйство надо оценивать не по тому, как живет наш народ, а по тому, как оценят наши товары где-то на лондонской и амстердамской бирже. Почему? Ведь у них там совсем другие условия, другие запросы — зачем нам лезть к ним за оценкой? А если все наши товары неконкурентоспособны — мы должны закрыть все производство и умереть с голоду, как индийские ткачи? Что за абсурдная логика? Ведь миллионы индийских ткачей умерли с голоду потому, что Индия была колонией Англии и просто не могла защититься, а мы сами лезем в эту яму.

Да никакая развитая страна не делает конкурентоспособность высшим критерием. Вот в Японии не импортируют рис, а покупают его у своих крестьян — в некоторые годы в восемь раз дороже мировой цены. Но японцам и в голову не придет потребовать, чтобы их сельское хозяйство было «конкурентоспособно». Оно для них обладает ценностью, далеко выходящей за

---

¹ Глазьев С. Почему мы самые богатые, а живем так бедно? М.: 2003.

рамки экономической выгоды. Но точно так же поступают и Западная Европа, и США. Чтобы защитить своих фермеров от конкуренции, США ежегодно дают им дотации в размере 100 млрд. долларов — почему же Россию пытаются столкнуть с этого «магистрального пути»?

Для нас критерий конкурентоспособности в большинстве случаев вообще несущественный. Прежде всего наше хозяйство должно обеспечить воспроизводство народа и страны, а уж потом надо определять, что мы можем выгодно (или даже невыгодно, если крайне нужна валюта) продать, чтобы купить что-то необходимое на внешнем рынке. Мы всегда производили и будем производить многие виды товаров, которые не могут или не будут конкурировать на внешнем рынке, и это бывают самые необходимые товары.

Вспомним недавнее прошлое. Русские крестьяне производили в год не менее миллиарда пар лаптей (пары хватало в среднем на пять дней). Это огромное производство, требующее массы труда и сырья.

Л. В. Милов в своей книге о великорусском пахаре писал об этом крупномасштабном производстве: «Лапти на Руси доставались крестьянину путем затрат большого труда, времени и постоянной заботы. Вот что писал об этом в конце XVIII в. академик И. Лепехин: «В зимнюю пору мужик проносит лапти 10 дней, а в рабочую летнюю пору и в 4 дня истопчет. И так ему нужно в год по крайней мере 50 пар». Итак, на семью в 4 человека иногда требовалось до 150 пар лаптей (на сумму примерно в 1,5 — 2,5 руб.). Разумеется, на изготовление столь большого количества лыкового плетения необходима была затрата большого рабочего времени. Однако «свое» время не шло ни в какое сравнение с той суммой денег, которая необходима была бы для покупки кожаной обуви. Для покупки сапог себе крестьянин должен был продать четверть собранного хлеба, а для приобретения сапог жене и детям — еще две четверти»¹.

Лапти эти никому на мировом рынке не были нужны, они были неконкурентоспособны *абсолютно*. Можно ли было их не производить? Нет, нельзя, потому что лапти были необходимы для жизни 50% населения России.

Парадоксально, но факт — нынешние реформаторы поступили почти буквально наоборот. Они свернули очевидно неконкурентоспособное, но столь же очевидно необходимое в России производство валенок и резиновых сапог. Не идут они на миро-

---

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 1998.

вом рынке! Динамика производства этих «лаптей» представлена на рис. 5.

Допустим, говорить о лаптях и валенках претит интеллигентному человеку. Но ведь и автомат Калашникова не по заказу мирового рынка был создан. Хотя его конкурентоспособность оказалась исключительно высока, при его разработке и производстве она никого не волновала. Даже если бы никто в мире его не покупал, мы стали бы его производить — для себя. Это сегодня Российская армия не может купить отечественного оружия, и все оно идет на продажу в Арабские Эмираты. Но это — историческая аномалия, гримасы кризиса.

Как ни странно, пример с лаптями в разговорах воспринимается скептически даже среди прагматиков. Мол, Запад потому обходится без лаптей, что наладил промышленное производство хорошей обуви. Вот и нам надо так поступать, а для этого следует участвовать в конкуренции. Конкуренция — двигатель прогресса и т.д. А ведь это миф. Запад построил свою промышлен-

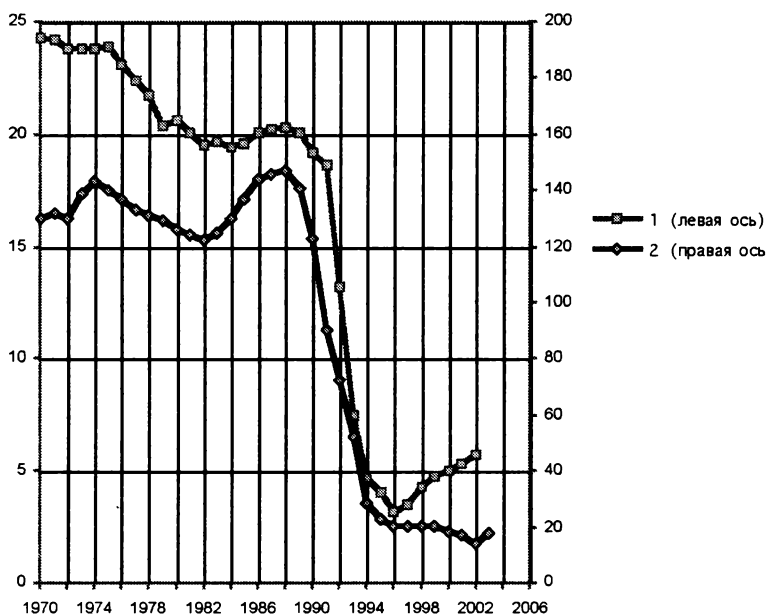

Рис. 5. Производство валяной и резиновой обуви в РСФСР и РФ, млн. пар: 1 — валяная и фетровая обувь; 2 — резиновая обувь

ность не благодаря конкуренции, а благодаря тому, что захватил и превратил в свои колонии 90% Азии, Африки, Австралии и Южной Америки. Мы же, чтобы построить промышленность, были вынуждены ходить какое-то время в лаптях, а потом в кирзовых сапогах, а уж потом прикупать нашим женщинам итальянские сапожки. Свои сапожки неважно получались, приоритеты у нас были другие.

Пример с лаптями кажется абстрактным потому, что мы как-то отучились видеть в простых примерах общую структуру проблемы. Возьмем другой пример, из нашего времени и очень близкий хотя бы части интеллигенции — жителям Приморья. В Приморье была своя энергетическая база для теплоснабжения — добыча угля. В начале 90-х годов всех вдруг стало возмущать, что шахты Артема и Партизанска неконкурентоспособны — в Австралии и Южной Африке уголь выходит дешевле, и никто в мире уголь Артема покупать не собирался. Исходя из догмы конкурентоспособности эти шахты закрыли, а чтобы лапотники не попытались восстановить, их даже затопили.

Результат все помнят: шахтеры стали безработными, а города Приморья остались без угля (в Амурской области добыча угля сократилась в 7 раз). Можно было, конечно, купить уголь в Австралии или Южной Африке (как и крестьяне вполне могли купить вместо лаптей сапоги в лавке). Но оказалось, что это жителям Владивостока не по карману. Оказалось также (к удивлению многих), что без топлива батареи не греются. Мэрия Владивостока сначала снизила нормы температуры батарей, а потом часть районов и целые города были оставлены без тепла и заморожены. Крестьянину, не имевшему денег на сапоги, в голову не пришло бы перестать плести лапти, а интеллигенции Приморья пришло в голову поддержать ликвидацию шахт. Вот в этой смене *типа рациональности* я лично вижу самый главный корень нашей национальной катастрофы.

Кстати, рассуждения о конкурентоспособности российских товаров являются схоластическими и по той простой причине, что свободная конкуренция — идеологический миф. Нельзя же поклоняться идолу, которого нет даже в виде деревяшки! Уже сто лет, как мировой рынок находится под жестким контролем, и допуск на этот рынок определяется вовсе не качеством и ценой товаров. При СССР Запад закрывал от нас свои рынки политическими средствами, а теперь ту же роль играют нормы ВТО.

Но главное все же не в этом. Допустим даже, что есть эта самая конкуренция. Но ведь никуда не делись те массивные факторы, которые давали и дают конкурентные преимущества товарам Запада перед российскими товарами. Так, в недавнем обзоре

положения с иностранными инвестициями в экономику Казахстана дана такая справка: «По подсчетам российских экономистов, издержки производства сопоставимой конечной продукции, *продаваемой на мировом рынке за 100 долл.*, составляют (долл.): в Великобритании — 121,5; в Германии — 110; в США — 93; в Японии — 89,5; в России (и в Казахстане) — 253. В новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии этот показатель составляет около 60 долларов... Приведенные данные дают недвусмысленный ответ на вопрос, почему инвесторы идут в страны Юго-Восточной Азии и неохотно вкладывают капитал в экономику России и Казахстана»¹.

Упомянем лишь самые очевидные, общеизвестные факторы, определяющие столь большую разницу в издержках. Запад имеет доступ к дешевым сырьевым и трудовым ресурсам (включая труд высокой квалификации) огромной «периферии» мировой капиталистической экономики — раньше колоний, теперь зависимых стран. Это позволяет резко удешевить товары при сохранении качества или повысить качество при низкой цене. Доступа к этим ресурсам Россия не имеет и иметь не будет, «место занято».

Запад благодаря мягкому климату и компактному расселению имел и имеет гораздо меньшие транспортные издержки и энергозатраты на единицу продукта, чем Россия. В книге «Почему Россия не Америка» А. П. Паршев доходчиво объяснил, почему российские товары не смогут конкурировать с товарами не только Запада, но и Юго-Восточной Азии. Он показал величину только одних издержек, на отопление, — уже и этого достаточно. На самых дотошных обсуждениях в ведущих экономических институтах серьезных возражений на выводы этой книги не последовало. Кстати, как и на выводы тех российских экономистов конца XIX века, о которых я сказал выше.

Наконец, Запад обладает огромным научно-техническим потенциалом, который позволяет до совершенства качество товаров и технологии производства. Россию в число пользователей этого потенциала включать не собираются. Напротив, ее научно-техническая система целенаправленно разрушается, а интеллектуальные ресурсы перекачиваются на Запад.

Все это — факторы массивные, по своему весу сравнимые со стоимостью товара. Их не преодолеть ухищрениями типа низкой зарплаты или «научной организации труда», тем более при нынешнем состоянии РФ, когда ликвидированы преимущества советской системы хозяйства и социальной организации. В этих условиях лишь немногие производства России могут стать кон-

---

¹ Мир Евразии. 2004. № 2. С. 34.

курентоспособными, но только если будут превращены в дочерние предприятия транснациональных корпораций, а значит, при условии полного отказа России от сохранения целостного народного хозяйства.

Иными словами, экономисты, ратующие за участие РФ в мировой конкуренции, неявно допускают превращение России в *периферию западной экономики*, превращение ее из независимой страны в «пространство», в часть «дикой природы», из которой мировой капитал может выкачивать ресурсы. Это капитуляция, вполне определенный выбор. Бывают ситуации, когда приходится думать о капитуляции, и этот вариант можно обсуждать, но надо же о нем сказать прямо, а не подпускать тумана.

Надо, однако, заметить, что, приняв доктрину реформ, приводящих к превращению РФ в зону периферийного капитализма, наша либеральная интеллигенция не желает и слышать о том, что это означает в реальности — она все время сбивается на рассуждения о том, как мы будем жить при *капитализме*. Между тем сущность периферийного капитализма изучена досконально, и главное в ней то, что уклад жизни там не является *капиталистическим*. Точнее, в капиталистическом укладе (в анклав капитализма) живет очень небольшое меньшинство (в нашем случае это будет правящее сословие и те, кто «обслуживает Трубку»). Остальная часть населения будет выброшена из цивилизации, чтобы жить, грубо говоря, на подножном корме и не тратить необходимые для метрополии ресурсы.

Мы здесь говорим о проекте сдвига России из «второго мира» на периферию капитализма не в практическом плане, а как об интеллектуальной конструкции, которая строилась в умах интеллигенции. Это отнюдь не тривиальная вещь, и уж теперь-то, через 15 лет, можно было бы ожидать от образованного слоя рефлексии. Этой рефлексии, однако, нет — даже на личные разговоры люди соглашаются со скрипом, преодолевая внутреннее сопротивление.

Можно предположить, что в результате общего повреждения логики и под давлением аутистического мышления в уме интеллигента возникло невысказанное успокаивающее представление о том, что лишение большинства населения доступа к культурным продуктам не скажется на культуре в целом, так что интеллигенция сохранится как социальная группа. Это представление неразумно.

Нельзя же не видеть того процесса, который с неизбежностью должен был произойти (и происходит) при переходе России в разряд стран периферийного капитализма, — *архаизации жизни и*

хозяйственной деятельности той части населения, которая выбрасывается из цивилизации.

Это нежелание сделать неприятное умозаключение поражает своей безответственностью. Ведь очевидно, что если при спаде производства примерно вдвое происходит резкое перераспределение собственности и доходов в пользу небольшого меньшинства, то образ жизни большинства, у которого ресурсы изымаются, не может не измениться. В каком же направлении он должен был измениться? Только в сторону огрубления и примитивизации, а после некоторого критического порога — и в сторону архаизации, с качественным скачком.

Этот процесс изучен на большом эмпирическом материале во время колонизации Западом культур Азии, Африки и Америки и получил надежную теоретическую интерпретацию. Но ведь этот процесс мы наблюдаем на каждом шагу воочию — материала достаточно, чтобы каждый образованный человек без всякой специальной литературы мог сам составить хотя бы упрощенную теоретическую схему. Нет, его сознание сопротивляется.

Глава 31

ВСТУПЛЕНИЕ В ВТО: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ОБОСНОВАНИЯ

Вопрос вступления РФ в ВТО уже несколько лет разделяет политически активную часть нашего общества на два непримиримых лагеря. Число нейтральных или колеблющихся невелико. Это значит, что основания для раскола имеют фундаментальный характер. Отношение к планам вступления в ВТО стало пробным камнем при политическом размежевании граждан.

Определить, в какой пропорции разделилось общество и какова динамика изменения этой пропорции, весьма трудно, поскольку господствующее в данный момент меньшинство, поддерживающее планы власти, обладает почти монопольным доступом к СМИ и создает в них «шум», маскирующий реальное соотношение голосов.

Противники вступления предсказывают столь тяжелые последствия этой акции для РФ, что эти предсказания равноценны обвинению правящей верхушки в намерении совершить государственную измену. В стране уже возник латентный конфликт, который неизбежно примет открытые формы, если РФ будет действительно втянута в ВТО и сбудется хотя бы часть катастро-

фических прогнозов. Противоречие созрело настолько, что представить действия нынешней властной бригады по вступлению в ВТО как очередную ошибку будет невозможно. Отделаться классическим афоризмом наших реформаторов — «хотели как лучше, а получилось как всегда» — не удастся.

Поскольку уклониться от определения своей позиции в конфликтах такого рода бывает трудно, все общественные силы, заинтересованные в *рационализации* этого противостояния и снижении его разрушительного потенциала, должны были бы способствовать рефлексии относительно интересов обеих сторон в конфликте, вызревания его предпосылок в «инкубационном периоде», развития этого конфликта в самовоспроизводящуюся систему, ставшую уже частью большой системы всего российского кризиса. Само описание структуры этого конфликта достойно стать предметом исследовательского проекта.

Важной главой этого проекта должен быть сравнительный анализ *дискурса* тех сообществ, которые заняли противоположные позиции, их *когнитивной основы*¹. Для темы данной книги это было бы прекрасной учебной задачей. Это анализ в жанре археологии знания — «раскопки» *текстов и выступлений* позволяют упорядочить *постулаты*, из которых исходят *оппоненты*, их *фактологическую базу*, *язык*, *тезисы и аргументы*, *логику умозаключений*, *выводы и тип коммуникации между собой и с противниками*. Оба эти образа обладают *диагностической и познавательной силой*. Их сравнение важно и практически — оно поможет определиться любому добросовестному человеку.

Здесь нет возможности подробно развить эту тему, вывод же мой таков: когнитивная структура пропагандистов вступления в ВТО является *вырожденной* — настолько, что она не соответствует элементарным нормам рациональности. В понятийном аппарате, которым пользуются сторонники вступления в ВТО, изобилуют туманные, неопределимые термины (типа «интеграция в мировую экономику»). Часто они просто неприложимы к реаль-

---

¹ Когда мы говорим «сообщество», это значит, что входящие в него люди имеют общую позицию по отношению к вопросу, о котором идет речь. Но эта позиция — лишь видимая верхушка айсберга. Имеется и более широкая основа, которая объединяет членов сообщества и отличает их от других. Эту основу можно рассматривать как *когнитивную структуру* сообщества — систему познавательных средств, с помощью которых они выработали свою позицию. В эту систему входят мировоззренческие установки, набор фактов, которые считаются важными для понимания проблемы, набор понятий и терминов, в которых она излагается, теоретические концепции, которые привлекаются для осмысления, логика рассуждений и т.д.

ности РФ (говорится о необходимости продвижения отечественных товаров на мировой рынок, в то время как они вытесняются с внутреннего рынка и рынка СНГ). Строгие понятия нередко подменяются метафорами, обычно неадекватными. Количественная мера практически отсутствует (никогда не говорится, сколько и каких товаров РФ может дополнительно «продвинуть на мировой рынок» и какова от этого будет выгода). Не формулируются постулаты, допущения и гипотезы. Нет связного массива фактов для аргументации, многие тезисы прямо противоречат эмпирическим данным.

Не названы *ограничения*, в рамках которых будет вынуждена действовать РФ при вступлении в ВТО, трудно найти перечень *индикаторов*, по которым реформаторы собираются следить за ходом процесса, и тем более нет никаких указаний на то, каким образом эти индикаторы связаны с *латентными величинами*, которые они должны представлять. Наконец, скандальным является демонстративный уход от формулировки *критериев*, по которым реформаторы будут судить об успехе или провале всей программы. Вся конструкция настолько уродлива и неустойчива, что в ней отсутствует даже самый простой вывод в виде ответа на примитивный вопрос: *зачем* РФ вступать в ВТО? Разве США и Китай перестанут покупать у РФ нефть, а Германия газ, если РФ уклонится от вступления в ВТО?

В целом интеллектуальная основа, на которой стоит утверждение о пользе вступления в ВТО, напоминает ту, что была построена для обоснования приватизации 1992 — 1994 гг. Но тогда ее манипулятивный характер не вызывал такого возмущения, потому что общество переживало «время гибели богов», так что приватизация была лишь элементом общей катастрофы. Сейчас мы проходим период относительной стабильности, противостояние приобрело позиционный характер, все берется на учет и запоминается.

Напротив, противники вступления в ВТО используют простые, однозначно трактуемые понятия, опираются на хорошо организованную эмпирическую базу опыта мировой капиталистической системы «центр — периферия», включающую большой массив надежно установленных количественных данных. Система периферийного капитализма изучена настолько, что знание о ней во многих аспектах достигло уровня теории, модели которой, в отличие от неolibеральных концепций, включают в себя важные черты реальности как центра, так и периферии.

Противники вступления в ВТО сформулировали небольшое число важнейших («ядерных») постулатов, а также создали за-

шитный пояс тезисов второго эшелона. Их аргументы вполне определены и логика прозрачна. Хотя по ряду вопросов разные авторы имеют различные точки зрения, в целом логика отрицания внутренне непротиворечива. Когнитивная структура этой позиции является целостной, достаточно полной и *способной к развитию*. По каждому важному тезису можно быстро найти массу эмпирических данных — просто взяв базу данных «Dissertation Abstracts», содержащую рефераты диссертаций, защищенных в США и частично в Западной Европе, и привлечь результаты исследований по конкретным вопросам.

По своим свойствам когнитивная структура противников вступления РФ в ВТО — это нормальная, добротная структура, отвечающая требованиям научной рациональности. Конечно, в оппозиционной прессе эта позиция излагается эмоционально (по ряду объяснимых причин), но она без всякого труда может быть выражена в совершенно бесстрастных терминах, без всякой апелляции к моральным ценностям¹.

Сильнейшей стороной в тактике противников вступления в ВТО является проведение в ряде отраслей «штабных игр», в ходе которых были изучены с реальными данными в руках неминуемые последствия приложения норм ВТО к этим отраслям. Ни один добросовестный специалист, каким бы энтузиастом ВТО он ни был, не может игнорировать результатов этих исследований. Они были представлены на слушаниях в Госдуме и опубликованы в виде доклада Торговой палаты РФ.

Вот, например, выдержка из выводов такого штабного учения, проведенного в промышленности гражданского авиастроения: «Российская авиационная промышленность, несмотря на глубокий кризис, сохраняет потенциал развития... Перспективы вывода из кризиса связаны с многоаспектной государственной поддержкой. Отечественный авиапром в силу принадлежности к оборонно-промышленному комплексу, высокой степени государственного участия и общего критического положения в отрасли не готов к функционированию в условиях ВТО... В целом, вступление в ВТО чревато потерей для России национальной авиапромышленности, причем не только ее гражданской части,

---

¹ Эмоциональный накал выступлений против вступления в ВТО вызван тем, что в СМИ эта позиция представлена в ничтожной пропорции по сравнению с позицией правительства. Поэтому авторы сообщений вынуждены компенсировать недостаток объема и частоты применением сильных выразительных средств. Кроме того, авторам трудно мириться с тем, что их сообщения демонстративно игнорируются противной стороной, и к такому хамству оказалось трудно привыкнуть.

но в значительной степени и военной»¹. Как можно не замечать таких выводов и делать вид, что «отечественные товаропроизводители» поддерживают идею вступления в ВТО!

Парадоксально, но позиция противников вступления РФ в ВТО согласуется с представлениями *западных* ученых — тех, кто как раз и проектировал ВТО. Напротив, те, кто в РФ обеспечивает интеллектуальную поддержку правительства, вынуждены ссылаться на идеологические заявления западных политиков и замалчивают суждения ученых. В 1995 г., после Уругвайского раунда, видные проектировщики ВТО дали подробное толкование, каждый в своей области, тех выгод и потерь, которые понесут страны с разной структурой экономики от вступления в ВТО. Из этих докладов почти с очевидностью следовало, что кому-кому, а уж РФ никак не следует сейчас вступать в ВТО. Выгоды от этого она может получить только как страна периферийного капитализма, которая добровольно откажется от обладания собственным научно-техническим потенциалом и от производства наукоемкой продукции. Но разве в самой РФ этот вопрос обсуждался?

Позже это объяснение повторили эксперты в докладах Давосского форума, тоже очень толково. Те вообще не оставляли РФ места в международном разделении труда по схеме ВТО, кроме как места поставщика сырья. Издержки промышленного производства в Азии ниже, о конкурентоспособном сельском хозяйстве в наших почвенно-климатических условиях и говорить нечего, НИОКР полностью забирают себе США и Западная Европа. В мутных высказываниях сторонников вступления в ВТО, которые не вылезали из Давоса, ни разу не приходилось видеть хоть какого-то комментария по поводу этих расчетов западных экспертов.

Более того, эта сторона дела, связанная с «интеграцией в мировую цивилизацию», никак вообще не отразилась в интеллектуальных дебатах по поводу реформы. А ведь такое «международное разделение труда» — старая идея фикс, один из устоев евро-

---

¹ На слушаниях в Госдуме в 2002 г. выступал также председатель Ассоциации предприятий электронной промышленности РФ. По его словам, ассортимент выпускаемых в РФ электронных компонентов сократился до 30% от прежнего уровня. В эти 30% входят те компоненты, которые играют критическую роль в обеспечении надежности ракетно-ядерного оружия и поэтому не могут быть заменены импортными. Эту продукцию предприятия выпускают при поддержке государства, поскольку она убыточна. После вступления в ВТО эта поддержка должна быть прекращена или предприятия будут разорены штрафами и санкциями ВТО. Реально продолжать производство этих компонентов предприятия не смогут.

центризма. Россия в эту конструкцию мира не вписывается никак, и наши «западники» не могли этого не знать. Вот что писал духовный авторитет и западной, и российской интеллектуальной элиты конца XIX века философ Эрнест Ренан: «Природа создала расу рабочих — это китайская раса, с ее чудесной ловкостью рук при почти полном отсутствии чувства собственного достоинства. Управляйте ею справедливо, получайте от нее за такое управление обильные плоды ее трудов на благо расы-завоевательницы — она [китайская раса] останется довольна. Раса земледельцев — черная раса. Будьте с нею добрыми и человечными, и порядок будет обеспечен. Раса хозяев и солдат — европейская раса... Пусть каждый занимается тем, для чего он создан, и все пойдет хорошо»¹. Такое разделение труда прямо положено в основу доктрины ВТО и Давосского форума.

Надо сказать, что сам тип коммуникации с оппонентами, который приняли сторонники вступления РФ в ВТО, выводит их доктрину за рамки рационального дискурса. Они принципиально не реагируют ни на какие тезисы и аргументы оппонентов — не соглашаются с ними, но и не оспаривают. Просто не упоминают. Объяснение этому может быть двоякое: или перед нами разыгрывают политический спектакль, а на деле правительство и президент и не помышляют о вступлении в ВТО, лишь «создают шум» в тактических целях — или они отбросили всякие демократические побрякушки и в момент благоприятной для себя политической конъюнктуры продавливают «непопулярное» теневое решение в групповых интересах части господствующего меньшинства.

В данный момент выбрать одно из этих двух объяснений трудно, хотя более правдоподобным кажется второе. Тактика поведения правительства и его пропагандистов в «подавленных» дебатах по поводу вступления в ВТО в точности повторяет ту тактику, которая применялась и во время приватизации. Вспомним такой случай. На проходившем осенью 1991 г. в Праге заседании Комитета действий за международное сотрудничество (в него входили бывшие руководители крупных стран) экс-президенты и премьеры П. Трюдо (Канада), В. Жискар д'Эстен (Франция), Мигель де ла Мадрид (Мексика) и Г. Шмидт (ФРГ) предупреждали СССР и восточноевропейские страны, что следование рекомендациям МВФ в экономических реформах и применение методов шоковой терапии приведут к тяжелым последствиям. Ответом было полное молчание и Горбачева, и Ель-

---

¹ Renán E. La reforma intelectual y moral. Barcelona: Península. 1972. P. 94.

цина, и их советников по экономике. Казалось бы, сам ранг и опыт персон, которые прямо обратились к нашим реформаторам, обязывал хотя бы из вежливости что-то сказать в ответ — ни слова! Это какая-то патология сознания наших номенклатурных либералов.

Здесь, однако, я хочу обратить внимание на побочный результат погружения власти РФ и сторонников вступления в ВТО в атмосферу новояза, интриг и недомолвок. Это разрушение инструментов рационального мышления, которое наступило вследствие длительного применения ложных понятий и деформированной логики. Перестройка ослепила наше общество, но поначалу его вели к яме все-таки зрячие хищники типа Чубайса. Теперь «слепой ведет слепого». Какую бы цель ни преследовали рассуждения о вступлении в ВТО, они *некогерентны*, в них не вяжутся концы с концами. И это само по себе становится фактором кризиса и ставит всю политическую деятельность в новые, аномальные, условия.

Рассмотрим самые главные нестыковки в рассуждениях сторонников вступления РФ в ВТО — те, в которых наблюдается отход от рациональности, если считать, что это рассуждения искренние и не прикрывают недобросовестных корыстных целей, о которых не говорят открыто (то есть не прикрывают *рациональности мошенника*).

Прежде всего, имеет место замалчивание информации о проблеме. Подавляющее большинство граждан РФ не имеют представления о том, что означает для страны принятие норм ВТО. Более того, даже большинство хозяйственных руководителей не могут оценить выгоды и потери, которые понесет от вступления в ВТО хотя бы их собственное производство. Проблема не представлена обществу в ее хотя бы самых главных аспектах.

Более того, произведена *подмена предмета* спора. Политики и СМИ, агитирующие за вступление в ВТО, делают упор на торговых аспектах экономики. Это глубокое заблуждение или сознательное искажение сути дела. Сторонники вступления в ВТО говорят исключительно о балансе выгод и потерь для РФ в торговой сфере — например, об ослаблении таможенной защиты отечественной промышленности от импорта товаров. Но ведь центр тяжести проблемы не в этом! ВТО — один из главных инструментов *глобализации*. Участие в ВТО снизит или полностью устраним барьеры, защищающие хозяйство России от мирового рынка, — в момент, когда наше хозяйство больно, а большинство производств неконкурентоспособны.

При обсуждении потерь и выгод для России от вступления в ВТО должно быть рассмотрено и оценено системное воздейст-

вие на хозяйство страны, а влияние на торговлю является всего лишь одним и далеко не главным элементом этого воздействия. И самое серьезное влияние на экономику РФ окажет выполнение так называемых «системных» условий вступления в ВТО. Они тщательно замалчиваются. В результате «системные условия» не изучаются даже в тех отраслях экономики, которые пострадают больше всего. Например, свободный доступ иностранных фирм на рынки РФ и уравнивание их в правах с отечественными нанесет несравненно более тяжелый удар по экономике, чем снижение пошлин¹.

Разумеется, и таможенные правила имеют для РФ критическое значение. Обязательным условием ВТО является уравнивание внутренних и мировых цен на топливо и электроэнергию, а также транспортных тарифов. В настоящее время ликвидация таможенных пошлин и квот на вывоз сырья повлечет за собой такой скачок цен на энергоносители, что может парализовать не только промышленность, но и системы жизнеобеспечения населения (например, теплоснабжение). Этого не скрывают эксперты и политики, но ни от кого не удастся получить ответа, каковы же будут цены на потребительском рынке в РФ. Более того, А.Чубайс прибегает к заведомому обману, говоря, что при реформе РАО ЕЭС тарифы на электроэнергию снизятся — их уравнивание с мировыми ценами является условием вступления в ВТО. Но этого обмана правительство и его СМИ как будто не замечают.

Одно это изменение сделало бы неконкурентоспособным почти всякое производство в РФ и невозможным физическое выживание большей части населения. Издержки производства резко возросли бы уже потому, что только на отопление жилищ и помещений в России расходуется в среднем 4 тонны условного топлива на семью, а другие страны этих расходов не несут. При наших расстояниях повышение транспортных тарифов до мирового уровня просто разрушило бы всю производственную ткань страны. От того, что производственная деятельность в России была бы таким образом заморожена, выгадал бы только внешний рынок, на который без помех были бы переключены потоки нефти, газа и электроэнергии, которые сегодня потребляются населением РФ — *«общностью, которую нет смысла эксплуатировать»*. На доходы от экспорта нефти и газа, который и сейчас

---

¹ Например, свободный доступ иностранных фирм на рынок услуг задушит почти все российские банки. Экономическая безопасность РФ будет окончательно утрачена, если управление ее финансовой системой полностью переместится на Уолл-стрит.

осуществляется без помех и которому вступление в ВТО несколько не поможет, сможет выжить лишь очень небольшая часть нынешнего населения России.

Но все же главное прямое воздействие нормы ВТО окажут на отечественную *производственную* систему. Основная часть промышленности, за исключением сырьевой, а также значительная часть сельского хозяйства после вступления России в ВТО обанкротятся и будут ликвидированы.

Обязательной нормой ВТО, которая не подвергается обсуждению, является отказ государства от избирательной поддержки отдельных отраслей или предприятий посредством субсидий, дотаций, льготных цен, налогов и т.д. Сейчас такая поддержка государства позволяет отечественному производителю удерживаться на грани жизни и смерти, выдерживая конкуренцию более сильного зарубежного производителя. Если бы РФ в ее нынешнем состоянии действительно выполнила это условие ВТО, она моментально потеряла бы все современные, технологически передовые отрасли производства. А значит, она утратила бы всякие шансы на выход из кризиса и восстановление народного хозяйства.

Большинство сложившихся в РФ форм поддержки экономики правилами ВТО прямо запрещено, а создание новых будет невозможно, поскольку при вступлении в ВТО объем государственной поддержки сельского хозяйства, сферы услуг и промышленности будет заморожен на нынешнем аномально низком уровне. Да и не проявляло правительство РФ никакого желания выстраивать перед вступлением в ВТО какие-то новые хитрые способы защиты отечественных предприятий. Напротив, правительство в последние годы занималось демонтажем системы защиты отечественной экономики без замены ее системой, совместимой с правилами ВТО. И это даже ставилось правительством в заслугу — наконец-то либерализм!

Согласно доктрине глобализации, раскрытие национальных рынков и полный уход национальных государств из экономики создаст новую мировую систему, в которой сохранится очень небольшое число образований, которые мы привыкли называть словом *страна*. РФ в их число не входит. Она, как и большинство слабых сегодня стран, при вступлении в ВТО присоединится к большому *пространству*, на котором будут действовать *экономические операторы*, вне зависимости от их национальной принадлежности (хотя реально все пространство будет поделено между большими транснациональными корпорациями со штаб-квартирами в «сильных странах»).

В этом и заключается сегодня тот исторический выбор, перед

которым мы находимся. И делать его надо сознательно. Самое глупое — потерять страну просто по интеллектуальной лени, из-за того, что не захотели вникнуть в условия контракта. Ведь когда все свершится и нам скажут, что «поезд уже ушел», мы все должны будем просто пойти и удавиться — от стыда.

Любая страна, претендующая на статус независимой, вынуждена сохранять ядро современной производственной системы, даже если в коммерческом отношении ее ключевые отрасли неэффективны или даже убыточны. Следовательно, необходимость для государства поддержки некоторых отраслей и предприятий вызвана не *экономическими* соображениями, а самыми главными национальными интересами страны. Целый ряд отраслей абсолютно необходим для обеспечения *выживания* страны. Выживание страны есть категория более фундаментальная, нежели выгода отдельного производства. Сам по себе производственный потенциал представляет главную часть национального достояния, независимо от его рентабельности в данной конкретной конъюнктуре. Подвергать ослабленное кризисом хозяйство убийственному удару конкуренции равносильно национальной измене. Нас и просят ее одобрить или хотя бы ей не мешать.

Жизненно необходимыми для России являются те отрасли, которые обеспечивают нашу военную безопасность и с развитием которых мы связываем надежды на возрождение страны, — области наукоемкого производства, в которых могут быть использованы унаследованные от СССР преимущества в системе образования и наличие пока еще значительного контингента квалифицированных кадров. Кроме того, именно в этих отраслях могут быть в существенной мере компенсированы повышенные издержки производства в России, связанные с холодным климатом и большими расстояниями. Именно эти отрасли, а не Труба, станут тем локомотивом, который вытянет наше хозяйство из разрухи.

Можем мы так отделить оборонное производство, которое государство имеет право поддерживать, от гражданского производства, поддерживать которое нормы ВТО запрещают? Нет, не можем — так уж исторически сложилось. США могут, Зимбабве может, даже Китай может — а РФ не может. И ничего с этим не поделаешь.

Вот что пишет в связи с проблемой подсчета «военных расходов» в СССР и в нынешней РФ авторитетный эксперт, бывший заместитель председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам В. В. Шлыков. О том, почему ЦРУ не могло, даже затратив миллиарды долларов, установить реальную величину советского ВПК: «За пределами внимания американского аналитического

сообщества и гигантского арсенала технических средств разведки осталась огромная «мертвая зона», не увидев и не изучив которую невозможно разобраться в особенностях функционирования советской экономики на различных этапах развития СССР. В этой «мертвой зоне» оказалась уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20-х — начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая «невидимая рука рынка» Адама Смита.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате Первой мировой и Гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность... Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной армии.

В отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные государственные «казенные» заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Основные усилия советского руководства в эти [30-е] годы направлялись не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промыш-

ленность, электроэнергетика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны...

Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху донизу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение...

Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны... На захваченной немцами к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны добывалось 63% угля, производилось 58% стали и 60% алюминия. Находившиеся на этой территории перед войной 303 боеприпасных завода были или полностью потеряны, или эвакуированы на Восток. Производство стали в СССР с июня по декабрь 1941 г. сократилось в 3,1 раза, проката цветных металлов в 430 раз. За этот же период страна потеряла 41% своей железнодорожной сети.

В 1943 г. СССР производил только 8,5 млн. тонн стали (по сравнению с 18,3 млн. тонн в 1940 г.), в то время как германская промышленность в этом году выплавляла более 35 млн. тонн (включая захваченные в Европе металлургические заводы).

И тем не менее, несмотря на колоссальный урон от немецкого вторжения, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тыс., а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. производство танков в СССР составило 6 тыс. 590 единиц против 3 тыс. 256 в Германии, а в 1942 г. соответственно 24 тыс. 688 единиц против 4 тыс. 098 единиц...

После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне.

При этом, как и в 30-е годы, основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений... Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребитель-

ские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности»¹.

Все это прекрасно известно производственникам. На слушаниях в Госдуме они говорили, что в любом изделии отечественного машиностроения эксперты ВТО обнаружат скрытую субсидию — или использован материал, разработанный по заказу государства для ВПК, или оборудование, закупленное для оборонного производства, но в «свободное время» используемое для гражданских целей. Обнаружение таких субсидий наказывается, согласно нормам ВТО, крупным штрафом независимо от их величины (которую к тому же невозможно вычислить, как показал опыт ЦРУ).

Конечно, от таких жестких норм, в принципе, должны страдать и США, где государство оказывает поддержку корпорациям, работающим на военные цели и использующим «двойные» технологии. Но США — хозяин в ВТО, и они плевали на эти нормы². Им закон не писан, так что равноправие членов ВТО — сказки для наивных. США оговорили для себя особый режим — главенство национального законодательства над нормами ВТО. Наоборот, в Конституции РФ установлено главенство международных договоров над законами РФ. Поэтому вступление в ВТО означает моментальное упразднение множества норм российского права и замену их на нормы ВТО. Это особая проблема. Последствий этого никто не может предсказать, поскольку систематического сравнения правовых норм РФ и ВТО не проводи-

---

¹ Шлык В. Американская разведка о советских военных расходах.

² В 1996 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, призывавшую США отказаться от экономической блокады Кубы (против нее проголосовали только США, Израиль и Узбекистан). Этот же вопрос встал в ВТО — из-за того, что США стали накладывать санкции против всех иностранных фирм, торгующих с Кубой. Нарушение правил свободной торговли было очевидно. Представитель Клинтона на это ответил, что постановление ВТО, принятое против США, не имеет значения и не причиняет беспокойства, так как «мы не верим, что что-либо, что говорит или делает ВТО, может заставить США изменить свои законы» (Хомский Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок. М.: Праксис, 2002. С. 117).

лось, да для этого нет и возможности — с таким объемом работы правительство РФ справиться не в состоянии¹.

Нормы ВТО окажут прямое воздействие на *научно-техническую деятельность* в РФ. Это воздействие выходит далеко за рамки коммерции с наукоемкой продукцией. Нормы ВТО фактически определяют саму возможность производить в стране такую продукцию. Дело не только в запрете государству поддерживать ту или иную наукоемкую отрасль (например, авиастроение) с помощью субсидий, но и в обязательствах страны — члена ВТО привести свое патентное законодательство в соответствие с соглашением ВТО об интеллектуальной собственности (ТРИПС).

Прежде всего, на систему исследований и разработок РФ станет действовать введенная ВТО возможность принудительного лицензирования патента, если его держатель в течение трех-пяти лет не начал промышленного производства и свободного экспорта продукта или если он производит его с завышенной по сравнению с конкурентами себестоимостью. Нынешние возможности быстрого внедрения результатов отечественной науки в РФ настолько сократились, что западные конкуренты заведомо смогут выпускать на рынок запатентованные в РФ продукты раньше наших товаропроизводителей. Экономическая выгода от отечественных разработок будет уплывать за рубеж (и частично, в виде небольшой mzды, оставаться в карманах наших сотрудников, «информирующих» своих зарубежных коллег о разработках наших НИИ и КБ). В этих условиях произойдет полное свертывание отечественных исследований и разработок. Восстановить их будет очень трудно.

Второе положение, подрывающее наше наукоемкое производство, заключается в том, что, согласно ТРИПС, патентная защита технологического процесса распространяется теперь и на продукт. Ранее значительная часть продуктов (лекарства, материалы и т.д.) производилась в обход патентов путем изменения в технологическом процессе, и истец обязан был доказывать, что продукт получен способом, недопустимо близким к запатентованному. Теперь бремя доказательства при спорах по интеллектуальной собственности переносится на ответчика. После вступления в ВТО наших товаропроизводителей просто затаскают по

---

¹ Китай, находясь не в кризисе, как РФ, а на этапе быстрого развития, готовился к вступлению в ВТО 15 лет и вел скрупулезные переговоры по тысячам позиций. Этой работой там были заняты около полутора тысяч специалистов. В Минэкономразвития РФ переговоры о вступлении в ВТО ведут несколько человек. Как заявил в Госдуме один из экспертов, «в стране нет человека, который хотя бы один раз прочитал весь текст обязательных соглашений по ВТО».

судам — при полном отсутствии в РФ правовой защиты, действующей в рамках норм ВТО. Создание такой системы потребует очень больших денег и времени, и в обозримом будущем рассчитывать на ее появление нельзя.

Если говорить попросту, выполнение норм ВТО в ситуации глубокого кризиса просто невозможно. Например, РФ не в состоянии обеспечить таможенный контроль на границах со странами СНГ, а также пресечь контрабанду и нелегальное использование рабочей силы иммигрантов. Все это будет в ВТО наказываться, и надеяться на снисхождение нет никаких оснований. Мы же мечтали о конкуренции, а ее законы снисхождения не признают!

Очень важная сторона глобализации, в том числе подчинение большей части человечества нормам ВТО, заключается в том, что наряду с демонтажем национальных государств большинства «слабых» стран произойдет и всеобщее ослабление демократических норм и демократического сознания — демонтаж гражданского общества с его буржуазной демократией. Принципы ВТО обязывают подчинить национальный суверенитет и демократические права интересам *инвесторов*. РФ, как и другие республики СССР, в политическом отношении находится в очень неустойчивом состоянии. Сейчас действуют явно временные, почти чрезвычайные структуры власти и управления, государственность сильно ослаблена, идет трудный, во многом стихийный поиск демократических институтов, совместимых с нашими культурными условиями. Принять в таком состоянии диктат норм ВТО — значит сорвать, задушить этот процесс.

Насколько существенна угроза со стороны ВТО для и так очень ограниченных прав даже населения самой «метрополии», Н. Хомский показывает на одном примере. В начале 2000 г., вскоре после драматических акций протеста против ВТО в Сизтле, в Монреале собралось совещание ВТО для выработки так называемого «Протокола о биобезопасности». Как пишет «Нью-Йорк таймс», расплывчатое соглашение было достигнуто «после интенсивных переговоров, в ходе которых США часто оказывались в противостоянии почти со всеми остальными их участниками». В чем дело? Речь шла об экспорте генетически измененных продуктов питания и вообще биоматериалов. США настаивали на том, чтобы в отношении этих продуктов действовали правила ВТО, согласно которым «импорт может быть запрещен только на основании научных данных».

Остальные страны с этим не соглашались, и глава делегации Европейского союза объяснил это так: «Государства должны иметь свободу, суверенное право принимать меры предосторож-

ности в отношении генетически измененных продуктов». Что же означают в данном случае нормы ВТО? Н. Хомский пишет: «На карту поставлено право людей отказаться от того, чтобы их использовали в качестве подопытных кроликов. Возьмем конкретный пример. Предположим, что к вам приходят с биологического факультета университета и говорят: «Вы должны стать подопытными объектами в эксперименте, который мы проводим; мы намерены вставить в ваш мозг электроды и посмотреть, что получится. Вы можете отказаться, но если только представите научные данные, что это причинит вам вред». Как правило, вы не можете представить научные данные. Вопрос в том, есть ли у вас право отказаться. Согласно правилам ВТО, у вас его нет. Вы должны стать подопытным объектом...

Существует основополагающий принцип. Он состоит в том, что власть имущие должны иметь возможность делать то, что захотят (конечно, прикрываясь высокими мотивами). Отсюда следует, что суверенитет и демократические права людей должны отойти на второй план, как и то, что придает данной ситуации такой драматизм, — их нежелание быть подопытными в экспериментах, из которых американские корпорации могут извлечь прибыль. Апелляция США к правилам ВТО вполне естественна, поскольку в них кодифицирован данный принцип — в этом суть дела»¹.

Вступление в ВТО делает РФ беззащитной против угроз в информационно-психологической сфере. Казалось бы, пренебрегать этим после того катастрофического поражения, которое понес в информационной войне СССР, никак нельзя (если, конечно, ты не желаешь и поражения РФ). В 1997 г. большая передовая статья в «Нью-Йорк таймс» имела заголовок: «США экспортируют свои рыночные ценности с помощью глобальных торговых соглашений». Речь шла о соглашении ВТО по телекоммуникациям. Как сказано в статье, это соглашение дает США «новый инструмент международной политики». Дело в том, что участники соглашения обязаны предоставить иностранным инвесторам права делать без ограничений капиталовложения в этой сфере. Как выразилась газета, «Очевидно, что выгоду получают американские телекоммуникационные корпорации, находящиеся в наилучшем положении на ровном игровом поле». Что же ждет страны, которые пустят к себе этих инвесторов? Вот что: «Американские телекоммуникационные гиганты смогут подавить слабые монополии, поддерживаемые правительством, длительное время господствовавшие в сфере телекоммуникаций в

---

¹ Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003. С. 260.

Европе и Азии». Кстати, при этом соглашение ВТО предполагает повышение платы за телефон для большинства потребителей в Азии¹.

Наконец, нельзя же не видеть, что вступление в ВТО нанесет тяжелый удар по *национально-государственной* системе. РФ — сложное государственное образование с исключительно неравномерным размещением производительных сил по территории. Поддерживать равновесие в такой системе в принципе невозможно без государственного («внерыночного») перераспределения ресурсов. Уход государства от этой функции сразу вызовет резкое и нарастающее расслоение регионов по экономическим и социальным показателям, которое и сейчас уже вышло за всякие разумные рамки. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,5 раза. В 1995 г. она выросла до 14,2 раза, в 2000 г. была равна 15,6 раза, затем стала слегка снижаться, стабилизируясь на очень высоком уровне.

Это вызывает межнациональную напряженность, а иногда и конфликты. Примером должен служить опыт Чехословакии и Югославии. Приняв в 1990 — 1991 гг. программу структурной стабилизации МВФ, запрещающую отраслевые и региональные государственные дотации, эти страны сразу же испытали всплеск сепаратизма и распались, причем Югославия прошла при этом через тяжелейшую гражданскую войну. Правила ВТО запрещают государству избирательную поддержку географических зон и расположенных в них производств. Для РФ это может иметь фатальные последствия.

Никакие гипотетические выгоды от несколько более свободной внешней торговли, которые может дать вступление в ВТО, не компенсируют того риска дестабилизации, с которым будут сопряжены эти выгоды. Вступление в ВТО ставит крест на стратегической доктрине *интеграции стран СНГ и укрепления союза России и Белоруссии*. Объективным условием такой интеграции являются привилегированные отношения России с этими странами как в области тарифов и пошлин, так и в ценах, особенно на сырье и энергоносители. Принятие норм ВТО резко и необратимо разрывает налаженные связи и рассыпает структуры взаимовыгодного сотрудничества.

Все это — вещи вполне реальные, они не несут никакой идеологической нагрузки, и рационально мыслящий человек обязан прежде всего принять их как часть реальности, исходя из которой и надо определять линию своего поведения. Можно вести со сторонниками вступления в ВТО разумный диалог, если они скажут: «Да, нам не нужна авиастроительная промышлен-

---

¹ Хомский Н. Прибыль на людях. С. 105.

ность». Об этом можно спорить. Или же пусть они скажут: «При вступлении в ВТО отечественная авиастроительная промышленность не пострадает». Об этом тоже можно спорить. Но они просто молчат!

Следовательно, неразумно поступают те, кто их поддерживают — и в то же время желает видеть Россию сильной, независимой страной, обладающей собственным авиастроением. Надо покопаться в своих мыслях и чувствах и сделать сознательный выбор. Или — или, вместе никак не возможно.

Глава 32

УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ. МИФОТВОРЧЕСТВО И РАЗРУШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ: МИФ ОБ ИЗБЫТКЕ СТАЛИ В СССР

Одним из главных направлений идеологической кампании, которая велась во время перестройки для подрыва легитимности советского строя, было внедрение в массовое сознание мысли о неэффективности и даже антигуманности советской системы хозяйства. В разных вариантах выдвигалось обвинение против советской промышленности в том, что она якобы *«работает на себя, а не на человека»*. Частое повторение этого, казалось бы, иррационального утверждения сделало его привычным, и оно не вызывало у людей психологического отторжения. И это при том, что многие его версии были совершенно несовместимы со здравым смыслом. Сила их воздействия определялась тем, что в них одновременно происходило разрушение и логики, и меры.

Одной из частных, но очень важных «глав» пропаганды *деиндустриализации* была дискредитация в общественном сознании того раздела хозяйственной политики СССР, который предполагал укрепление *металлического фонда* страны через развитие отечественной металлургии. Последующий ход событий показал, что эта кампания наносила сильнейший удар в самое ядро хозяйственной политики и имела для СССР и его республик исключительно большие политические и даже геополитические последствия. Тогда, в перестроечном угаре, подавляющее большинство граждан этого не понимали. Сегодня эту историю надо осмыслить и извлечь из нее урок.

Железо, «один из фундаментов цивилизации», считается важнейшим из всех видов сырья, сыгравшим революционную роль в истории развития культуры. Уровень производства черных металлов в мире непрерывно растет и в 2002 г. достиг 880 млн. т. По

прогнозам, мировое производство стали к 2010 г. составит свыше 1 млрд. т. Только *прирост* мирового производства стали за послевоенные 25 лет (1946 — 1970 гг.) был равен всему объему производства за предыдущие сто лет. Но еще более важным показателем, нежели производство стали в данный момент, является накопленный в стране *металлический фонд*¹.

Каково же было положение СССР с этой точки зрения? Напомним, что в 1940 г. в СССР было произведено 18,3 млн. т стали, в 1960 г. — 65 млн. т, в 1970 г. — 116 млн. т, а к середине 80-х годов металлургия вышла на стабильный уровень около 160 млн. т. Действительно ли надо было так наращивать после войны производство стали?

Экономисты, которые фабриковали в годы перестройки миф об избыточном производстве стали в СССР, прекрасно знали реальность — в их среде хорошо известна фундаментальная книга Л. Л. Зусмана «Металлический фонд народного хозяйства СССР» (М.: Металлургия, 1975). Написана она была по материалам Всесоюзной инвентаризации основных фондов всех отраслей народного хозяйства, проведенной в 1962 и 1972 гг. Тогда был досконально изучен кругооборот металла в СССР и проведены расчеты металлического фонда, необходимого для решения главных социальных задач в СССР. Исходя из этого и были составлены прогнозы, а потом и программа развития черной металлургии.

С. Г. Струмилин писал в предисловии к этой книге о месте металлического фонда в национальном богатстве: «С полным основанием можно констатировать, что современная мировая материальная культура строится на этой базе, достигающей 5,5 млрд. т накопленного металлического фонда».

Каков же был металлический фонд Российской империи, а затем СССР? В 1911 г. он был равен 35 млн. т, или 230 кг на душу населения. За 1911 — 1920 гг. объем безвозвратных потерь металла был примерно равен всему его производству, так что прироста металлического фонда в эти годы не было. Прирастать он начал только с 1924 г. и достиг к концу 1932 года 55 — 60 млн. т. За вторую пятилетку выплавка чугуна возросла в три раза, но сильно сократился импорт металла и машин — к концу 1937 г. в СССР было 90 — 95 млн. т металла, а к началу 1941 г. — 118 — 124 млн. т².

За время войны металлический фонд СССР понес большой

---

¹ В словаре сказано: «Металлический фонд — общий объем металлов, содержащийся во всех видах основных и оборотных фондов народного хозяйства и в предметах культурно-бытового назначения у населения по состоянию на определенную дату».

² Инвентаризация металлического фонда СССР проводилась в 1926 — 1928, 1938 — 1940, 1954 — 1955 гг.

ущерб из-за сокращения производства и из-за безвозвратных потерь. Как известно, разруху тогда преодолели быстро, и к концу 1950 г. количество металла, которым располагала страна, было в 1,5 раза больше, чем до войны.

Большая программа развития металлургии была выполнена в 1961 — 1971 гг., так что за десять лет объем *металлоинвестиций* вырос почти в два раза. С конца 60-х годов СССР обогнал США по приросту металлического фонда и начал догонять по его абсолютной величине. В 1973 г. металлический фонд СССР достиг 1 млрд. т. Запомним этот факт — до конца 60-х годов мы *отставали* от США даже по приросту металлического фонда, следовательно, разрыв в абсолютной величине металлического фонда СССР и США увеличивался.

Таким образом, металлический фонд на душу населения СССР вырос с 300 кг в 1920 г. до 3700 кг на 1 января 1972 г. С этой базы и началось развитие тех трех пятилеток, программу которого во время перестройки экономисты-демократы высмеивали как абсурдную и ненужную, сравнивая СССР и США.

Каков же был металлический фонд у разумных и рачительных американцев?

Л. Л. Зусман в своей книге пересчитал данные, публикуемые ведомствами и аналитическими центрами США, по принятым в СССР методикам, поскольку в методиках США не учитывался ряд безвозвратных потерь. Поэтому в американских данных объем реального, «мобилизуемого» металлического фонда существенно *завышался*. Однако и сниженные Л. Л. Зусманом показатели впечатляют. В 1970 г. металлический фонд США составлял 1639 млн. т и почти в 2 раза превышал фонд СССР (857 млн. т). На душу населения в СССР приходилось 3,7 т металла, а в США 8,0 т.

И ведь речь идет только о металле, находящемся на территории США, хотя к нему следовало бы приплюсовать металлический фонд, которым располагают предприятия американских корпораций в других странах (прежде всего в Латинской Америке).

Да, за советское время удалось обеспечить Россию металлом, «фундаментом цивилизации», на уровне развитых промышленных стран — сегодня на каждого жителя РФ приходится металлический фонд в размере 10 т, в то время как критерием отнесения страны к числу промышленно развитых является наличие металлического фонда 8 — 9 т на душу¹. И рывок был сделан именно после 1960 г. — 70% металлического фонда СССР на 1 ян-

---

¹ На начало 2000 г. металлический фонд РФ оценивался величиной 1,45 млрд. т. Точность этой оценки определить непросто, так как давно не проводилось переписи металлического фонда и ухудшился учет потерь металла.

варя 1972 г. имело возраст до 10 лет и более 40% — возраст менее 5 лет (с. 267).

Динамика производства стали в СССР и США приведена на рис. 6 (начиная с 1991 г. показано суммарное производство стали в бывших республиках СССР), а в РСФСР (и РФ) и США — на рис. 7.

В 1920 г. металлический фонд начинающего свой путь СССР составлял 40 млн. т, а США — 476 млн. т. Вот с какой базы начал СССР — имеющегося в стране металла у нас было в 12 раз меньше, чем в США! К началу 1941 г. металлический фонд СССР достиг 118 — 124 млн. т, к концу 1950 г. он вырос в полтора раза, а в 1961 г. составил 418 млн. т. То есть в 60-е годы мы вошли с металлическим фондом в 3 раза меньшим, чем США (1488 млн. т) и даже существенно меньшим, чем США имели в 1920 г. Динамика преодоления разрыва в объеме металлического фонда СССР и США представлена на рис. 8.

Но и в 1975 г. разрыв все еще был велик. Советское хозяйство стало его преодолевать в 1970 — 1980 гг. — плановые задания предполагали, что к 1980 г. СССР приблизится к размерам того металлического фонда, которым США располагал в 1970 г.

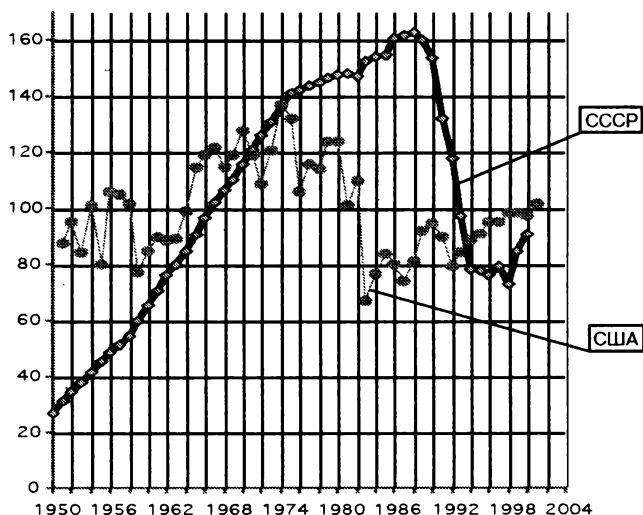

Рис. 6. Производство стали в СССР (после 1991 г. — на территории бывших республик СССР) и США, млн. т

К 1990 г. разрыв можно было сократить еще больше, но этот процесс удалось сорвать пришедшей к власти клике «западников» — под аплодисменты либеральной интеллигенции.

Книга Л. Л. Зусмана обладает удивительной, сегодня прямо-таки трагической силой. Простые колонки цифр, почти без комментариев, передают ощущение страшного голода на металл, который испытывали все без исключения отрасли народного хозяйства (возможно, за исключением оборонной промышленности). При этом Л. Л. Зусман показывает, что в ряде отраслей хозяйства СССР технологические затраты металла и металлоемкость основных фондов *объективно* должны были быть существенно выше, чем в США, — из-за больших расстояний, из-за климатических условий (как в сельском хозяйстве и строительстве), из-за геологических условий залегания главных полезных ископаемых.

Например, в США вообще не добывают уголь с глубины более 150 м, а 95% добычи угля США сосредоточено в Аппалачском бассейне с глубиной залегания пластов 63 м. В СССР средняя глубина залегания пластов в Донецком и Печорском бассейнах 395 — 420 м, в Карагандинском 300 м и в Кузнецком 200 м. Соответственно различается и металлоемкость угольной про-

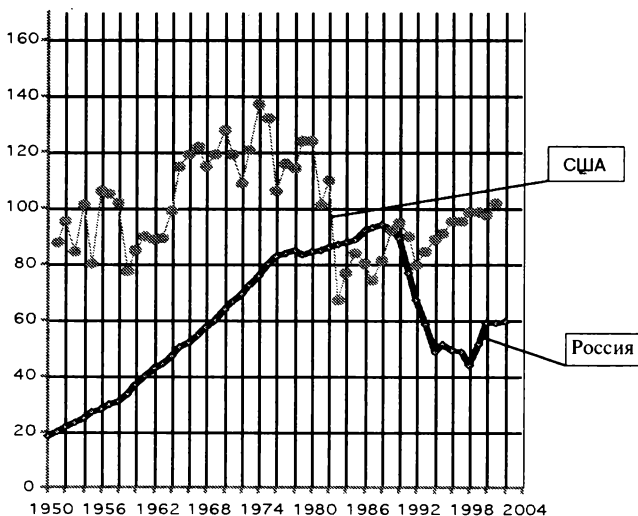

Рис. 7. Производство стали в России и США, млн. т

мышленности. Не знали этого наши экономисты-демократы, запустившие в массовое сознание миф об избытке стали в СССР?

Давайте задумаемся, к каким социальным и экономическим перегрузкам приводило отставание по количеству вложенного в страну металла, какие преимущества давал США его прочный «железный» фундамент. Из книги Л. Л. Зусмана это хорошо видно, хотя специально он эту проблему не рассматривает — в середине 70-х годов гражданам еще не приходилось объяснять значение металла в народном хозяйстве.

Прежде всего нехватка металла ограничивала возможности *строительства* в СССР — на здания и сооружения приходится половина металлического фонда страны (в РФ 47%). Каким тупым надо было быть, чтобы искренне возмущаться тем, что квартиры в СССР теснее, чем в США, и в то же время поддакивать Чубайсу, который призывал вообще загасить все домны в РСФСР. И это при том, что из-за теплого климата жилищное строительство в США потребляет относительно меньше металла, чем у нас.

В СССР, чтобы оживить большие пространства, требовались гораздо большие *металлоинвестиции* в сооружения, чем в США, — к 1970 г. в СССР только в железнодорожный транспорт было за-

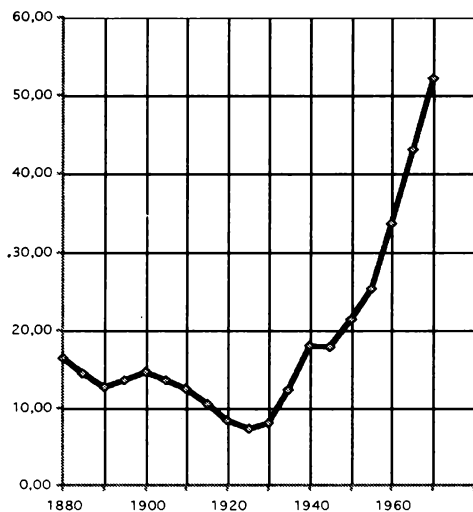

Рис. 8. Динамика металлического фонда Российской империи и СССР относительно металлического фонда США (%)

ложено 100 млн. т металла, и это было крайне недостаточно. Металлический фонд железнодорожного транспорта в США был вдвое больше, чем в СССР, хотя грузооборот советских железных дорог превышал американский более чем в 2 раза.

А сколько слюны было разбрызгано из-за того, что в СССР так мало автомобилей — а вот в Америке... Количество металла в автомобильном парке США на 1 января 1971 г. равнялось 175 млн. т, а в СССР — 12,8 млн. т, то есть почти в 15 раз меньше. Запчастей всегда не хватало. Ах, как это злило автовладельцев! Да, не хватало — прежде всего потому, что США могли себе позволить вложить в запчасти (в расчете на единицу массы металла в машинах) почти в два раза больше металла, чем СССР.

Во время перестройки было хорошим тоном издеваться над тем, что в СССР мало хороших автомобильных дорог. Какая, мол, тупая эта плановая система, не догадались шоссе построить — а ведь как хорошо по автострадам ездить. Да, площадь дорожного полотна, армированного металлической сеткой, была в США *в десятки раз* больше, чем в СССР. Так ведь в автодороги в США было за 40 лет (с конца 20-х годов) уложено 50 млн. т стали, а в СССР на 1 января 1973 г. всего 1,7 млн. т, включая металл, пошедший на строительство мостов и путепроводов. Разница в 30 раз!

Огромный перерасход средств вызывала в СССР нехватка трубопроводов. Взять хотя бы газовую промышленность. В США было в 1970 г. 130 тыс. км промысловых газопроводов и 945 тыс. км распределительных, а в СССР 10 тыс. км промысловых и 71,6 тыс. км распределительных. Даже в 1986 г. длина всех газопроводов в СССР составляла только 185 тыс. км. Чтобы устранить такую резкую диспропорцию с США, надо было вложить около 50 млн. т стали (даже если не учитывать разницы расстояний в наших странах). Представьте, что Горбачев с Ельциным начали орудовать в нашей экономике на десять лет раньше — мы бы все уже ноги протянули без металла, нефти и газа.

Сразу скажем, что такая возможность нас еще ожидает при В. В. Путине. По данным МЧС на 2003 г., 68% магистральных трубопроводов в РФ находятся в эксплуатации более 20 лет. А всего магистральных трубопроводов в РФ 228 тыс. км. В сводке МЧС сказано: «Особую обеспокоенность вызывает состояние промысловых трубопроводов. Всего в эксплуатации находится более 350 тыс. км промысловых трубопроводов. Их износ достигает 80%». Никакой программы замены изношенных труб нет и не предвидится. Не видно и возможности накопить для этого достаточные резервы стали.

Известно, что, когда хозяйство работает на пределе возмож-

ностей в отношении какого-то важного ресурса, это создает множество узких мест и приводит к перерасходу других ресурсов. Острая нехватка металла в СССР прежде всего приводила к *перерасходу самого металла* — возникал порочный круг. В США срок службы введенного в хозяйственный оборот металла составлял 17 — 18 лет, а в СССР 12 лет. Как показывает в своей книге Л. Л. Зусман (с. 68), частично это было вызвано климатическими условиями, частично более высокой прочностью американской стали, но главное — повышенной интенсивностью эксплуатации металлических изделий в СССР, более высокими удельными нагрузками на металл из-за его нехватки¹. Это наглядно видно на примере эксплуатации и железнодорожных рельсов, и тракторов, и большинства других машин.

Напряженное положение с металлом вызывало в СССР по сравнению с США перерасход финансовых и трудовых ресурсов и по другой причине. Имея достаточно металла, американцы могли себе позволить *не возвращать* использованную сталь на вторичную переработку, если это было экономически невыгодно. Пусть пропадает! Мы в СССР себе этого позволить не могли — мы берегли металл, как крестьянин, который выпрямляет старый согнутый гвоздь. Безвозвратные потери металла за срок его службы составляли в США 43 — 45%, а в СССР 12 — 15% (с. 69). Конечно, с точки зрения судеб человечества советский тип хозяйства в этом отношении более перспективен, нежели американский капитализм, но столь любимая демократами экономическая эффективность страдала. На одни консервные банки в США расходовалось 5 млн. т стали в год, и 87% этой стали не возвращалось.

Из этого видно, что вся идеология перестройки и «рыночной реформы» в СССР и России была изначально *лживой*. Она включала в себя ряд несовместимых лозунгов и обещаний, и экономисты — все эти шаталины, поповы и яковлевы — не могли этого не знать. Они требовали резко сократить производство стали — и в то же время срочно приступить к строительству хороших автострад, к массовому производству автомобилей, к насаждению фермеров западного типа и к упаковке нашей пищи в красивые консервные банки.

Результат известен. Накопленный в советское время металлический фонд РФ тает. Начавшаяся в 1988 г. перестройка эко-

---

¹ Главные и примерно равные по значению причины безвозвратных потерь металла в СССР — коррозия и истирание (в США важной причиной потерь является также неполный сбор отслужившего свой срок металла).

номической системы вызвала сокращение производства стали, которое приняло обвальный характер в 1991 г. К 1998 г. уровень производства стали в РФ снизился более чем в два раза (с 94,1 млн. т до 43,6 млн. т). Кроме того, черная металлургия в большой мере стала работать на *экспорт*, так что для внутреннего потребления в народном хозяйстве России оставалось и остается совсем немного металла.

В 1996 и 1997 гг. ежегодный экспорт в страны вне СНГ железа и стали в слитках, полуфабрикатах и прокате составлял 20,5 млн. т — почти половину отечественного производства. В 1999 — 2000 гг. экспорт составлял около 23 млн. т в год, а в 2002 г. 30 млн. т (включая лом). А по данным журнала «Металлоснабжение и сбыт» (№ 12, 2002), реально экспорт черных металлов из РФ доходил до 28 млн. т. В 1999 г. экспорт черных металлов из РФ в два раза превысил экспорт из всего СССР в 1985 г. (РСФСР в 80-е годы производила около 58% стали от общего объема производства в СССР).

Металлоинвестиции как в строительство, так и в машиностроение сократились в РФ за годы реформы в 4 раза. В последние годы РФ получает конечной металлопродукции разного рода в среднем 50 кг на душу населения, в то время как средняя норма на Западе превышает 300 кг. Но на Западе нет академиков-экономистов, которые внушали бы людям, что много металлопродукции производит лишь та промышленность, которая работает на себя, а не на человека.

Что же происходит с металлическим фондом России сегодня? Пока что его таяние не очень заметно. На поверхности — резкое *сокращение производства* стали и еще более резкий *рост ее экспорта*. Последнее понятно, ведь черная металлургия — исключительно энергоемкое и экологически неблагоприятное производство, так что Запад не прочь держать РФ как периферийного производителя и поставщика черных металлов¹. Но это — вещь очевидная, именно на поверхности. Важнее тот факт, что в стране происходит *деиндустриализация*, демонтаж огромной по масштабам промышленности. Именно здесь, в сооружениях и конструкциях, в машинах и оборудовании, в цистернах и трубах заложена половина металлического фонда страны. Эта часть омертвлена, и мы не замечаем, что с ней происходит. Она разрушается.

В РФ резко возросли безвозвратные потери металла. Инвентаризации металлического фонда страны никто не ведет. Пионе-

---

¹ Черная металлургия все в большей мере перемещается в страны периферийного капитализма. Импорт стали в развитые страны быстро растет, так что сейчас 40% производимой в мире стали идет на экспорт.

ры не собирают металлолом, ржавеющее оборудование никто не восстанавливает и не отправляет на переплавку. Металлический фонд в советское время поддерживался при помощи полного сбора *лома* черных металлов и его переработки. Масштабы образования и сбора лома говорили, кстати, и о темпах «омоложения» машин и оборудования. В 1990 г. в РСФСР образовалось 60 млн. т металлического лома, а сейчас в РФ образуется лишь 30 млн. т лома, а из них собирается и вновь используется в производстве лишь 14 млн. т. Остальное безвозвратно теряется в результате коррозии (по данным журнала «Рынок вторичных металлов», 2000, № 1)¹. В обзоре состояния дел с переработкой металлического лома (2000 г.) говорится:

«В последнее время в металлургическом комплексе России выведено из эксплуатации значительное количество устаревших производственных мощностей. Характерна данная тенденция и для других металлоемких отраслей строительства, транспорта, ВПК. При этом значительно возрастают запасы амортизационного лома, около 80% ресурсов которого приходится на долю лома от ликвидации основных средств и ремонты. Происходит накопление амортизационного лома в виде списанного в лом технологического оборудования, металлоконструкций, транспортных средств, судового и военного лома, бесхозного и бытового лома.

Учитывая, что половина всего металлофонда в перспективе подлежит переработке в амортизационный лом, Россия располагает огромными запасами лома черных металлов... Однако при весьма избыточном уровне вторичных металлоресурсов металлургические заводы испытывают потребность в данном виде сырья».

Таким образом, когда земельные участки под остановленными предприятиями будут скуплены, — а этот процесс уже начался, — затянутые паутиной цеха станут ликвидировать бульдозерами и направленными взрывами. И «дремлющая» половина металлического фонда страны в мгновение ока превратится в груды бесхозного, загрязненного металлолома, большая часть которого станет жертвой коррозии. Сейчас удастся утилизировать 12 — 15 млн. т лома в год, и это, видимо, потолок возможностей нынешней

---

¹ В журнале сказано: «Разрушению от коррозии наиболее подвержены тонколистовой и легковесный углеродистый и низколегированный лом, металлоотходы и металлическая стружка. Например, тонколистовой легковесный лом, доля которого составляет до 40% в общем объеме металлоресурсов, разрушается от коррозии и теряется для дальнейшего использования в металлургическом переделе за 5 — 7 лет».

системы. Когда образуется гряда лома весом в сотни миллионов тонн, масштабы переработки возрастут незначительно.

Уже сейчас дезорганизация системы сбора металлолома привела к ухудшению показателей работы металлургии. Вот вывод экспертов:

«Отсутствие эффективных методов сбора и переработки, низкое качество подготовки лома к плавке влечет увеличение использования в шихте жидкого чугуна вместо лома. Расход чугуна на 1 т стали вырос с 615 кг/т в 1991 г. до 748 кг/т в 1998 г. (на 133 кг/т), что повлекло увеличение себестоимости стали, дальнейшее развитие энергоресурсозатратных и экологически несовершенных технологий на основе применения природного сырья (72% выбросов в атмосферу приходится на производства, связанные с выплавкой чугуна, и лишь 9,5% — стали)».

Железный фундамент нашей цивилизации подточен. Мы не затрагиваем здесь второй стороны вопроса — «антиметаллургическая» кампания внесла свой вклад в развитие глубокого кризиса в этой отрасли. Спад производства стали в РФ вдвое означал и длительное отсутствие капиталовложений, которые были необходимы для обновления основного капитала. В результате по состоянию на 2001 г. свыше нормативного срока использовалось 88,5% доменных печей и 86% прокатных станов. За 12 лет реформы произошло резкое технологическое отставание от мирового уровня¹.

Черный миф об «избытке стали» был важным фактором в этой коррозии. Да она и не прекратилась в сознании нашей образованной публики. Даже иногда ворча на Чубайса, проклиная советскую сталь интеллигенция продолжает помогать ему подпиливать опоры фундамента России.

Здесь мы говорим не об экономике и не о технологиях, а о разрушении рационального сознания. Конкретно, об одном из *мифов*, запущенных в массовое сознание, как запускается программа-вирус. Посмотрим, как формировался этот миф. Хорошим учебным материалом может служить книга Н. Шмелева и В. Попова «На переломе: перестройка экономики в СССР» (М.: Изд-во Агентства печати «Новости». 1989). Авторы — влиятельные экономисты из Института США и Канады АН СССР, профессор Н. П. Шмелев (сейчас академик РАН) к тому же работал в Отделе пропаганды ЦК КПСС. Рецензенты книги — академик С. С. Шаталин и член-корреспондент АН СССР Н. Я. Петраков. На книге — печать высшего авторитета науки. О стали в этой книге

---

¹ Эксперт-Урал. 2001. № 13 (42).

говорится в главе «*Черные дыры, в которых исчезают ресурсы*» (в скобках после цитат приведены номера страниц книги).

Примечателен сам тип изложения, который применили здесь видные экономисты, — мысли излагаются уклончиво, с таким объединением разнородных понятий и явлений, что в каждом тезисе возникает большая неопределенность, необычная для людей, связанных с научной деятельностью. Всегда очень размыта мера, которую прилагают авторы к тому или иному явлению, хотя вполне доступны точные достоверные данные. Вот авторы пишут об СССР: «Мы производим и потребляем, например, в 1,5 — 2 раза больше стали и цемента, чем США, но по выпуску изделий из них отстаем в 2 и более раза» (с. 169).

Рассмотрим это утверждение. Прежде всего, в один ряд в нем ставятся две категории разной природы — «*производим*» и «*потребляем*», — и большинство читателей сразу оказываются в ловушке. Например, многие страны потребляют сталь, не производя ее ни грамма. В открытой экономике США очень велик импорт и стали, и металлоемких изделий, а в СССР экспорт намного превышал импорт. Как же можно было об этом не сказать?

За 1981 — 1988 г., то есть за тот период, на изучении которого в основном и базировались авторы книги, США импортировали 134,8 млн. т стали, что составляет, за вычетом экспорта, прибавку к металлическому фонду, равную 121,6 млн. т. В 90-е годы импорт стали в США превысил 30 млн. т в год (например, в 1998 г. он составил 37,7 млн. т). Ведь это огромные величины.

При той степени интеграции, какой достиг к концу 80-х годов мировой капиталистический рынок, сравнивать производство чего бы то ни было в СССР с какой-то одной страной (например, США) вообще абсурдно. Например, в РФ добывается сейчас по 14 кг поваренной соли на душу населения в год (кстати, вдвое меньше, чем в РСФСР). А в США — по 160 кг, а в Австралии — по 470 кг. Значит ли это, что надо равняться на США? А может, на Австралию? Или, наоборот, снизить добычу соли до уровня Японии (11 кг)?

Почему как пример для СССР в производстве стали были взяты США? Почему было не сказать здесь же, что в 1990 г. СССР произвел стали на душу населения в 1,7 раза меньше, чем Япония, и почти в 2 раза меньше, чем Чехословакия? А цемента на душу населения СССР произвел столько же, сколько Румыния, и почти в два раза меньше, чем Италия? Авторы-экономисты просто манипулировали цифрами, причем столь дерзко, что ставили себя вне всяких норм научности.

Иными словами, сравнение производства стали в СССР и

США, даже если бы оно было проведено чисто, не может служить никаким аргументом для оценки промышленной политики СССР. Но оно не было проведено чисто, оно может служить примером самой недобросовестной подтасовки. В книге, написанной в годы перестройки, утверждается, что СССР с его плановой системой производит избыточную сталь (160 млн. т), в то время как эффективно регулируемая экономика США разумно производит небольшое количество (70 — 80 млн. т). Как же обстояло дело в действительности?

Только за два десятилетия, с 1951 по 1970 г., США произвели 1946 млн. т стали — почти 2 миллиарда тонн! Иными словами, они стабильно держали средний уровень производства в 100 млн. т стали в год. За это же время в СССР было произведено 1406 млн. т стали — на 540 млн. т меньше, чем в США. Накопленное же в течение всего XX века преимущество США над СССР в количестве произведенной стали было огромно. Что же делают экономисты из ЦК КПСС, чтобы убедить граждан в абсурдности плановой экономики и избыточности производства стали в СССР? Они сравнивают пик нашего производства с временным провалом в США.

Да, в начале 80-х годов на какое-то время США снизили свое производство стали (причем компенсировали это снижение резким увеличением импорта). Самой низкой точкой был 1982 г., когда в США произвели 67,7 млн. т — тогда *все* за один год производство стали в США упало почти вдвое. После этого производство стало расти (см. рис. 6). Да, бывали в США такие резкие колебания, капиталистическая у них экономика. Ну и что? Как это должно было повлиять на производство стали в СССР?

Никакой связи нет, но Н. П. Шмелев использовал эти цифры, чтобы нанести удар по советской хозяйственной политике, и многие образованные люди ему поверили, хотя в то же время говорилось об остром «голоде» на металл во многих отраслях хозяйства. Вот это и страшно — видеть голод, а верить мифам об избытке, это признак тяжелой болезни общественного сознания. Более того, нет и признаков преодоления этой болезни. Выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 г., академик А. Г. Аганбегян сказал о производстве стали в СССР: «Если столько продукции не нужно, то и выплавлять 146 млн. т стали (когда Америка выплавляла всего 70 млн. т) бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза». Значит, совершенно ложное утверждение можно повторять в одном из ведущих университетов даже через 15 лет после начала катастрофического кризиса, созданного в том числе благодаря этому утверждению.

Таким образом, сравнение объемов производства стали в СССР и США в момент перестройки как аргумент для развала отечественной черной металлургии настолько *недобросовестно*, что это должно было быть сразу замечено образованными людьми — но не было замечено.

То же самое можно сказать и о рассуждениях по проблеме потребления стали. При том соединении категорий производства и потребления стали, к которому прибегли авторы книги, читателям внушается ложная мысль фундаментального, общего значения — будто *потребление* стали, скажем, в 1985 г. равно *производству* стали в этом году (даже если отвлечься от импорта и экспорта). Это разновидность подмены предмета утверждения путем смешения разнородных понятий, известный в логике недобросовестный прием спора.

Металл — ресурс исключительно долгоживущий, срок его работы составляет сто лет — за год от коррозии теряется всего 0,5% металлического фонда и 0,4 — 0,5% от истирания¹. Отслуживший свой срок в изделиях металл возвращается на переплавку, а оттуда опять в изделия. Поэтому ставить знак равенства между производством стали в таком-то году и ее потреблением — бессмыслица. В 1985 г. мы потребляли сталь, сваренную из всего чугуна, выплавленного в Российской империи и СССР, за вычетом безвозвратных потерь. В статистике США, когда приводят данные о включении годового объема производства стали в металлический фонд в виде изделий (металлоинвестиции), применяют термин *видимое* (или *кажущееся*) *потребление* (*apparent consumption*).

Чтобы сравнить действительное потребление стали в СССР и США, авторы должны были бы сообщить величину металлического фонда СССР и США — количество стали, «работающей» в зданиях, сооружениях, машинах двух стран. Слова, что «*мы потребляли стали вдвое больше, чем США*», выглядят как иррациональное утверждение, за которым можно было бы разглядеть открытую и циничную ложь, а в устах экономистов довольно высокого статуса и должностной подлог.

Трудно объяснить такое смешение понятий ошибкой или неграмотностью — в экономической науке уже с середины XIX века четко различались понятия «*потока*» ресурсов и «*фонда*», или «*запаса*» ресурсов (*stock*). Их ввел У. С. Джевонс в книге «Угольный вопрос» (1865), в которой он дал прогноз запасов и

---

¹ В настоящее время, согласно данным института «НИПИВторчермет» (Липецк), в РФ потери от коррозии металла составляют в среднем 0,6% в год к массе металлического фонда страны.

потребления угля в Великобритании до конца XIX века. Очевидно, даже в рамках простого здравого смысла, что годовое производство стали — это *прирост* запаса, часть «потока», а «потребляем» мы *весь* действующий в хозяйстве металл. Точно так же, как живем мы в домах, построенных за многие десятилетия, а не только за последний год. Может ли экономист не различать две категории — *жилищный фонд в 1990 г. и ввод в действие жилья в 1990 г.*?

Следующий трюк манипуляции — соединение стали, цемента и «изделий из них». При чем здесь цемент? Почему его надо подверстывать к стали? В каком смысле мы потребляем цемента вдвое больше, чем США, а производим «изделий из цемента» вдвое меньше? Кажется очевидным, что *потребление цемента* только и может пониматься как *изготовление изделий из цемента*, ни для чего иного цемент употребляться не может. Даже раствор, который используется при кладке кирпича, есть «изделие из цемента». Во что превращались в СССР 3 тонны цемента из четырех, как не в «изделия из цемента»? Что за чушь все эти утверждения, которыми заполнена книга?

И ведь все эти цифры просто высосаны из пальца — СССР в «застойные времена», о которых идет речь, по выпуску сборных железобетонных изделий *опережал США в полтора раза* и лишь немного отставал по монолитному бетону. Ведь именно в «застойные времена» были произведены самые массивные «изделия из цемента» — плотины ГЭС, без которых сейчас полстраны уже сидело бы с лучиной и без телевизора. Цемент эти профессора сюда приплели, просто чтобы сбить читателя с толку, лишить его возможности самому прикинуть в уме.

Обратим теперь внимание на меру, которую они ввели в свое утверждение: «*мы производим и потребляем стали в 1,5 — 2 раза больше, чем США*». Число оказывает на читателя магическое воздействие. Оно подавляет своей объективностью и беспристрастностью. В 1,5 — 2 раза больше! Боже мой! Но давайте все же встряхнемся, сбросим с себя очарование цифрой и вникнем.

Бросается в глаза странно широкий *диапазон* количественного показателя. Почему такой разброс — верхний предел на треть больше нижнего? Что-что, а статистика производства и потребления стали ведется в мало-мальски цивилизованных странах более века, а регулярно проводившаяся в СССР инвентаризация металлического фонда даже удивляет своей дотошностью. Все строчки в переписи даются с точностью до сотых долей процента, и это реальная точность. В США учет этих показателей ведут несколько независимых друг от друга организаций, да к тому же за металлическим фондом США тщательно следят их партнеры и конкуренты, например, Японская федерация черной металлур-

гии. Изучение металлического фонда промышленных держав — одна из главных задач экономической разведки. Почему же у Н. П. Шмелева такая неопределенность? Только потому, что определенная мера заставляет использовать определенные понятия, а в этом случае вся манипулятивная конструкция сразу обрушилась бы.

Уберем из утверждения Н. П. Шмелева нюансы и напишем суть: «В СССР производили стали вдвое больше, чем в США, а стальных изделий производили вдвое меньше, чем в США». Вывод: советская промышленность была *черной дырой*, в которой пропадала сталь, поэтому следует сократить производство стали до уровня США.

Рассмотрим сначала логику вывода.

Предположим заведомо невозможное — что в силу каких-то причин из болванки стали в СССР действительно производили в четыре раза меньше тех же изделий, чем из такой же болванки в США. Например, из болванки весом 500 т в США делали 4 танка, а в СССР один. Можно ли такое производство назвать «черной дырой»? С точки зрения здравого смысла, нет, нельзя — если танк нам действительно нужен. «Черной дырой» наша промышленность стала бы в том случае, если бы из болванки получился не танк, а *пшик*, как у того барина. Получив всего один танк, можно посоветовать на то, что мы не умеем использовать сталь так же производительно, как в США, но это совсем другая проблема. Поскольку танк нам нужен, мы вынуждены его производить, хоть бы и втридорога (относительно стали).

Можно ли сказать, что раз мы получаем из одной и той же болванки в четыре раза меньше танков, чем в США, следует уменьшить производство стали и давать на наш танковый завод лишь четвертушку той болванки? Нет, это было бы несусветной глупостью. Из четвертушки болванки мы как раз получили бы не танк, а *пшик*. Чтобы получить из болванки сначала два, а потом и четыре танка, был только один путь — улучшать инструменты и квалификацию работников — и тогда уже, по мере улучшения, урезать количество стали, даваемое заводу¹. Как мы знаем, ре-

---

¹ Что касается производства именно танков, то в реальности дело обстояло как раз наоборот, правда, сравнение было не с США, а с Германией (впрочем, она имела хорошую танковую промышленность). В начале войны в СССР создали первую в мире автоматизированную линию агрегатных станков для обработки танковой брони, так что производительность труда сразу возросла в 5 раз. Сварщики под руководством Е. О. Патона в 1942 г. создали линию автоматической сварки танковой брони под флюсом, что позволило организовать поточное производство танков. Немцы за всю войну не смогли наладить автоматической сварки брони.

форма в СССР и России свелась к подрыву металлургического производства, а затем и к сокращению выпуска металлоизделий.

Теперь о достоверности суммарной оценки — о том, что *потребление* стали у нас якобы было вдвое выше, чем в США, а *производство изделий* из нее вдвое меньше. Как такое могло быть, даже если речь идет о «видимом потреблении»? Номенклатура сталь поедала? Дело проще — в первой части утверждения Н. Шмелев и В. Попов искажают оценку, подменяя наше действительное потребление *видимым*. Как говорилось, металлический фонд был почти вдвое меньше, чем в США. Это и было наше *потребление стали* (мы отвлекаемся от небольших различий в структуре металлофонда СССР и США, в пропорциях между сталью и чугуном).

Что же касается «изделий», то утверждение авторов не имеет смысла, ибо сталь и не может потребляться иначе как в виде изделий — рельсов, балок, листа и т.д. Может быть, авторы измеряют количество изделий в штуках, независимо от их веса? Например, чайных ложечек в США производили в четыре раза больше, чем в СССР? Все утверждение авторов — бессмыслица, независимо от того, какая его часть ошибочна. Две части не стыкуются между собой, вот в чем дело.

Если же авторы считают, что сталь в СССР использовалась незначительно и много ее превращалось в отходы при изготовлении изделий, например, в стружку или окалину, то они ошибаются. Вес металлоизделий, полученных из поступившего в потребление металла, — один из важных показателей, которые обязательно учитываются статистикой при инвентаризации металлического фонда. В этом вопросе бесполезно фантазировать — этот показатель дается даже в статистических ежегодниках. Известно, например, следующее: «Как видно из баланса металла по металлопотребляющим отраслям за 1970 г., из поступивших в процесс потребления 98,3 млн. т металлопродукции перешло в готовые металлоизделия и в состав сооружений 81,5 млн. т, или 83,0%» (Л. Л. Зусман, с. 298). Следовательно, чтобы в США смогли произвести из тонны стали в 4 раза больше металлоизделий, чем в СССР, американские фабриканты должны были бы суметь из одной тонны стали произвести как минимум 3,2 тонны металлоизделий¹.

На деле выход изделий из единицы металла в СССР был выше, чем в США. Как было сказано выше, это происходило именно вследствие *нехватки* металла в СССР, из-за чего у нас металлический лом собирали для нового оборота почти полностью, а в США — только то, что было экономически выгодно. В 1986 г. в

---

¹ Кстати, количество отходов при металлообработке в СССР снижалось — к 1970 г. за 10 лет выход изделий повысился на 3,4%.

СССР было переработано на сталь 96,3 млн. т лома черных металлов, а в США 45,1 млн. т — при том, что металлический фонд США был больше советского. Это значит, что в СССР каждая тонна металла за срок своей жизни большее число раз превращалась в изделия, чем в США. Так нам приходилось компенсировать нехватку металлического фонда¹. Таким образом, искажение реальности в количественной мере экономистов-перестройщиков велико до нелепости.

Видимо, чтобы как-то сделать более правдоподобным свой абсурдный тезис о фантастически высоком выходе изделий при обработке стали в США, Н. Шмелев со своим соавтором выдумывают еще один миф — об аномально большом количестве отходов при обработке металлов в СССР. Как было сказано выше, это примитивный обман. Но и логика в нем страдает — нельзя трактовать образование стружки при изготовлении детали как показатель «металлоемкости» этой детали. Образование стружки — совсем иной тип издержек, нежели избыточная металлоемкость, поскольку практически вся стружка возвращалась в переработку и существенных потерь металла здесь не возникало. И вовсе не очевидно, что форсированная замена в СССР резания металлов более прогрессивными технологиями (ковка, штамповка, порошковая металлургия и т.д.) привела бы к сокращению издержек.

Крупные технологические программы вроде замены резания металлов другими способами обработки — вещь очень дорогая, длительная и таящая в себе большой технологический и экономический риск. Вряд ли Н. Шмелев и В. Попов, не будучи технологами, компетентны судить о подобных вещах. Они, например, верят, что «пластмассы решают все». Недостаточное производство в СССР пластмасс они даже считают первой по значимости причиной якобы ужасного перерасхода металла. Читаем: «В машиностроении доля неметаллических конструкционных материалов составляет у нас всего 1 — 2%, тогда как в США — 15 — 20% (в Японии к 2000 году эта доля должна составить около 50%)» (с. 170).

Такое поклонение чудодейственным технологиям и материалам, сродни низкопоклонству, иногда охватывает экономистов и вообще людей, устроившихся жить в стороне от земной реальности. Вот сейчас в Москве на улицах много японских джилов весом под две тонны. К ним можно подойти, потрогать, постучать. Можно ли себе представить, чтобы в этом типичном и мас-

---

¹ А если наши «изделия» в чем-то были хуже американских, например, тяжелее, то это совсем иная проблема, она не решается сокращением выпуска стали, даже наоборот.

совом продукте машиностроения была тонна пластмассы? Можно ли себе представить, чтобы наполовину из пластмассы были построены самые тяжелые машины — экскаваторы и башенные краны, корабли и турбины?

Академик Ю. В. Яременко говорил об этой иррациональной вере в пластмассы: «Находились люди, которые писали книги о том, что можно делать станки целиком из пластмасс, включая даже станину. Появление безголовых, но агрессивных технократов — это важный и отчасти трагический момент нашей истории»¹. К этому можно лишь сделать оговорку, что само по себе появление таких «безголовых технократов» не было бы трагедией, если бы они не послужили, при поддержке нашей либеральной интеллигенции, прикрытием для проникновения к власти здравомыслящих хищников.

Далее «экономисты перестройки» вводят еще одну меру, тоже чтобы ошарашить читателя. Они пишут: «На ту же единицу национального дохода у нас уходит в 2,4 раза больше металла, чем в США».

Здесь опять прежде всего вводится неопределимая категория: что значит «*та же единица* национального дохода»? Чему равна эта единица в США и СССР? Ведь всегда считалось, что понятия эти в хозяйстве СССР и США очень различны, так что каждый раз надо четко объяснять, что под этим понимается и как одно пересчитывается в другое. В 1989 г. советский читатель наверняка понимал под национальным доходом продукт *реальной экономики* — произведенные товары и услуги, а не движение денег и ценных бумаг.

Сами же Н. Шмелев и В. Попов пишут, что объем промышленной продукции СССР составлял 80% от американского, а продукция сельского хозяйства — 85%. Металлический фонд в СССР был намного меньше, чем в США, — каким же образом «на ту же» единицу национального дохода у нас могло уходить в 2,4 раза больше металла? Хоть какой-то расчет и какие-то логические выкладки должны же были привести экономисты! Ведь на основании подобных заявлений предлагалось ни много ни мало сменить сам тип хозяйственной системы огромной страны. Это же не Хлестакову денег занять у простодиль.

Додумать за авторов, откуда взялась эта цифра — 2,4, невозможно. Известно, что в 1971 г. металлоемкость производства промышленности СССР составляла 952 т металла на 1 млн. руб. валовой продукции, а в сельском хозяйстве 660 т на 1 млн. руб. валовой продукции. Сравнить эти показатели с показателями США непросто — цены на одну и ту же продукцию в СССР и

¹ Яременко Ю. В. Экономические беседы. М.: 1998. С. 72.

США различались очень резко. Но все равно металлоемкость продукции в СССР была заведомо ниже, чем в США, — меньше у нас было сооружений и машин, причем *намного* меньше, а это главный фактор металлоемкости производства. Ведь в производстве национального дохода участвуют и рельсы с локомотивами, и мосты с автострадами.

Проще сравнить металлоемкость единицы национального дохода в тех отраслях хозяйства, где имеется однозначно понимаемая абсолютная единица измерения продукта. Например, при сравнении единицы услуг, произведенной на транспорте, есть совершенно идентичная единица измерения — *тонно-километр перевозок*. Она одинакова и в США, и в СССР, и в Африке. В книге Л. Л. Зусмана читаем: «Использование 1/5 металлического фонда США, содержащейся в железнодорожном транспорте, в 3 раза менее интенсивное, чем в СССР, вызывается в большей мере особенностями капиталистической экономики и приводит к избытку массы металлического фонда железнодорожного транспорта США примерно на 120 — 150 млн. т» (с. 370).

Здесь все ясно — известна масса металла, заключенная в рельсах и мостах, в подвижном составе, известен объем перевозок и т.д. Металлоемкость одного тонно-километра перевозок на железнодорожном транспорте в СССР в три раза меньше, чем в США¹. Известны и причины, по которым металлоемкость перевозок на транспорте в СССР была меньше, чем в США. Прежде всего это связано с тем, что еще в Российской империи железные дороги строились в рамках плановой системы — с координацией грузопотоков, а не с конкуренцией (первые пятилетние планы в России разрабатывались в начале XX века именно в Министерстве путей сообщения). В СССР этот принцип построения транспортной системы был укреплен и развит. В результате средний коэффициент перегрузок был тогда в США в 1,8 раза выше, чем в СССР. Л. Л. Зусман пишет: «В значительной мере это вызвано многократной перепродажей товаров посредниками, что приводит во многих случаях к переотправке грузов... В итоге объем погрузочно-разгрузочных работ на каждую тонну продукции в США почти вдвое больше, чем в СССР: 11 т в США, 6 т в СССР» (с. 371).

Если уж называть цифру для всего хозяйства, то требовалось представить обществу подобный расчет металлоемкости по отраслям. Скорее всего, эта цифра — 2,4 — просто была высосана из грязного пальца в идеологическом ведомстве А. Н. Яковлева.

---

¹ При этом доля транспорта в общем объеме металлического фонда страны велика — в СССР в середине 70-х годов она составляла 22% и имела тенденцию к росту.

Многие скажут, что не надо было тратить столько места на то, чтобы разжевать с помощью простых примеров совершенно прозрачную логическую подтасовку идеологов перестройки. Здравый смысл подсказывает, что потребное для страны количество какого-то ресурса (стали, нефти, тракторов и пр.) определяется не тем, сколько этих ресурсов производится в США, Люксембурге или Сингапуре, а тем, сколько для жизни страны нужно благ, получаемых посредством использования этого ресурса, и каков «выход» этих благ с той технологией, которой располагает страна. Да, здравый смысл это подсказывает, но здравый смысл был задушен в общественном сознании во время перестройки (хотя предпосылки для этого складывались и создавались задолго до нее).

Подавление здравого смысла, меры и логики — тяжелая болезнь культуры. Можно предположить, что, выявляя и разбирая показательные случаи, мы способствуем восстановлению навыков критического анализа и логических умозаключений. Это, может быть, раздражает тех, кто такие навыки сам не утратил (или думает, что не утратил), но в нашем положении можно и потерпеть некоторый перебор в детальности разбора.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что развернутая во время перестройки кампания по дискредитации советской черной металлургии важна для изучения не только как пример эффективной идеологической диверсии с тяжелыми последствиями для страны и народа. Та кампания была полигоном для отработки извращенного метода рассуждений и взгляда на общественное бытие. Этот метод был отработан как образец и внедрен в массовое сознание в форме целого ряда мифов. Он был воспринят влиятельной частью интеллигенции и породил важные стереотипы мышления, которые действуют и по сей день.

Для преодоления этих стереотипов требуются значительные интеллектуальные усилия, в том числе и направленные на методический разбор структурно схожих мифов.

Глава 33

ПОДРЫВ НЕСУЩИХ КОНСТРУКЦИЙ ХОЗЯЙСТВА: ЭНЕРГЕТИКА

Эту большую тему рассмотрим на самых, казалось бы, очевидных примерах. После 1987 г. было оказано сильнейшее давление на остатки планирования. Одним из важных инструментов в этих нападках был тезис о якобы *избыточном производстве ресурсов как фундаментальном дефекте плановой экономики*. Этот

тезис вошел в действительности в самое ядро всей доктрины подрыва легитимности советского строя и затем подрыва самого хозяйства СССР и оставшихся от него «независимых» республик. Ведь вслед за атаками на какую-то «избыточную» отрасль (производства стали, тракторов, энергии и т.п.) или даже параллельно с этими атаками принимались политические решения по подрыву этих отраслей.

Это происходило уже в 1989 — 1991 гг., даже при формальном сохранении плановой системы — через сокращение или полное прекращение капиталовложений, остановку строительства и ликвидацию госзаказа. Начиная с 1992 г. ликвидация системообразующих отраслей народного хозяйства была возложена на действие «стихийных рыночных сил», которые, однако, точно направлялись посредством политических решений правительства на уничтожение самых новых и технологически прогрессивных производств.

Соппротивление этому курсу было подавлено — в том числе и «культурными средствами», то есть внедрением в сознание мифа об избыточности ресурсов в хозяйстве, которое якобы «работает само на себя». Слишком большая часть интеллигенции приняла и этот миф, и логику, которая лежала в основе этой программы мифотворчества. Это видно из того, что в пропаганде этих стереотипных мифов, выработанных в идеологических лабораториях перестройки, с энтузиазмом приняли участие интеллектуалы из, казалось бы, разных политических лагерей. Патриот В. Распутин выступал рука об руку с демократом-западником С. Залыгиным, а православный консерватор И. Шафаревич заодно с «шестидесятником» А. Адамовичем.

Формула «абсурдной избыточности ресурсов» облекалась в самые разные содержательные оболочки и служила как генетическая матрица вируса, внедряемая в сознание человека уже независимо от той или иной оболочки. В частности, были резко уменьшены все капиталовложения в *энергетику*, хотя специалисты с отчаянием доказывали, что сокращение подачи энергии и тепла в города Севера и Сибири просто приведет к исчезновению «потребителей». Тот факт, что интеллигенция благосклонно приняла программу, в которой почти невозможно было не видеть большой опасности для хозяйства и даже для шкурных интересов каждого обывателя, настолько необычен, что должен был бы сам по себе стать предметом большого исследования.

Более того, широкие круги интеллигенции не просто благосклонно приняли эту программу, но и проявили в ее поддержке непонятную агрессивность и даже ненависть к энергетике. В гл. 15 уже говорилось о «Меморандуме в защиту природы» (1988), под-

писанном видными деятелями науки и культуры, в котором велась атака на уже наполовину выполненную Энергетическую программу СССР, которая выводила СССР на уровень самых развитых стран по энергообеспеченности. На этом эпизоде надо остановиться особо. Вдумайтесь в логику приведенных выше аргументов, которые выдвигались против программы в упомянутом «Меморандуме»: «Зачем увеличивать производство энергоресурсов, если мы затрачиваем две тонны топлива там, где в странах с высоким уровнем технологии обходятся одной тонной?»

Примем, что экономисты и писатели, рассуждающие об энергетике, не обязаны интересоваться такими скучными вещами, как климат, расстояния, энергозатраты на жизнеобеспечение и на производственные операции. Допустим даже, что наша техносфера действительно расточительна и где-то в мифической «Атлантиде» энергии тратят меньше, чем в России (мифологизированный образ США, по сути, и был в идеологии реформы своего рода Атлантидой). Но каким образом из этого можно сделать вывод, что именно нам, *живущим в России*, а не в «Атлантиде», не следует «увеличивать производство энергоресурсов»?

С точки зрения стандартов рационального мышления это нечто из ряда вон. Даже если авторы этого «Меморандума» считали, что можно в одночасье заменить ту техносферу, что пару сотен лет складывалась в России, на техносферу Атлантиды, это невозможно было бы сделать без огромных дополнительных затрат энергоресурсов — и на строительство, и на экспорт, чтобы оплатить закупки технологий за рубежом.

И ведь речь шла не о критике Энергетической программы, огонь велся на ее поражение. Замечательна сама фразеология этого «Меморандума»: «Вся многолетняя деятельность Минэнерго завела наше энергетическое хозяйство в тупик... Большая часть добываемого топлива расходуется на технологические нужды и прежде всего на выработку электроэнергии. Более трех четвертей производимой в стране электроэнергии используется на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. Это означает, что энергетические ресурсы в основном используются для производства опять же энергетических ресурсов и сырья с крупномасштабным разрушением природной среды.

Именно этот абсурдный принцип развития нашей энергетики заложен в Энергетической программе СССР и ныне осуществляется. Никто за все это не понес ответственности»¹.

Архаический, пралогический, а не рациональный тип мыш-

---

¹ Меморандум в защиту природы (1988) // Перестройка: гласность, демократия, социализм. Экологическая альтернатива. М.: Прогресс, 1990. С. 5 — 13.

ления, породившего этот документ перестройки, виден уже в бессмысленном, шаманском повторении заклинания о том, что советская система породила «производство ради производства, а не ради человека». Здесь это заклинание приобрело характер гротеска — мало того, что затраты энергии «на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте» считаются *бесполезными для человека*, они почему-то рассматриваются как «опять же производство энергетических ресурсов». И ведь 13 подписей под документом, из них 6 докторов разных наук.

Но главное в том, что это было принято «на ура» слишком уж большой частью интеллигенции в целом! В том числе и интеллигенцией Приморского края. И она радовалась отказу от Энергетической программы, закрытию «нерентабельных» шахт и прекращению работ на почти обустроенных новых карьерах для открытой добычи угля и на стройках электростанций. Ладно бы этому аплодировали физики и лирики в Москве или Риге, но ведь эти шахты и ТЭЦ были единственными источниками тепла и света для квартир физиков и лириков Приморья.

Почему они не пошелкали на мысленных счетах и не прикинули, сколько им понадобится калорий хотя бы для биологического выживания? А если они поверили, что при рынке будет выгоднее завозить уголь из Австралии, то почему не поинтересовались его ценой и не подумали о том, сколько будет стоить «при рынке» отопление их квартир? Ведь при рынке имеет право на отопление только тот, чей спрос на эту услугу платежеспособен. И когда в 2000 г. у жителей Приморья отключили отопление, множество хорошо одетых образованных людей вышли на улицы с плакатами «Хотим жить!». Но в современном городском обществе, тем более без советской власти, может выжить лишь человек, который способен сформулировать простейшие вопросы, сделать простейшие вычисления и определить, что ему выгодно, а что нет. А интеллигенция эту способность утратила. Мало того, что сама замерзла, но заставила мерзнуть и людей, которые надеялись на эту ее способность и верили ей¹.

Что же произошло с энергоснабжением в республиках СССР? Красноречивы примеры Армении, где вокруг Еревана и в самом

---

¹ Поразительно, например, как легко и сегодня уведать людей от причин вымирания Приморья и от размышлений об абсолютно очевидной общей тенденции. Никто даже не замечает, что Приморье вымерзает при парализованном производстве, на которое в норме должно было бы уходить две трети энергоресурсов. О каком же экономическом росте в Приморье вообще может идти речь? Спасибо хоть срочно пустили часть почти построенной в советское время и законсервированной Бурейской ГЭС.

городе вырублены леса и парки на дрова. Примерно так же обстоят дела в Грузии и Молдавии, где практически отключено отопление. Но ведь не намного лучше дела и в РФ, где началось постепенное вымораживание жилищ. В мягкой форме это выражается в снижении температуры теплоносителя в системах централизованного теплоснабжения, а драматически — в резко возросшем числе отказов и аварий в системе отопления все в большем количестве областей и городов.

Отношение к отоплению — драматический пример утраты рациональности. Здесь равнодушие к фундаментальным жестким категориям (отопление как условие физического выживания людей есть *ограничение*, всякие реформы, приводящие к деградации этой системы, неприемлемы) сочетается с крайним гипостазированием — приданием приоритетного характера понятиям второстепенным (например, *рентабельности*).

В связи с отказами и авариями в системе теплоснабжения в январе 2003 г. премьер-министр высказал вещь, невысказанную с точки зрения здравого смысла. Пресса сообщила: «За десять лет реформ предприятия ЖКХ так и не сумели решить главную проблему — выйти на рентабельную работу. «Сейчас состояние дел в реформировании ЖКХ является неудовлетворительным», — считает Михаил Касьянов».

Надо вдуматься в эти слова. Выходит, все эти десять лет «реформаторы» считали, что главная задача жилищно-коммунального хозяйства — вовсе не обеспечение жителей сносными условиями обитания в их жилищах (в том числе отоплением). Нет, главная их задача — *рентабельность*. Таких откровений не выдавал даже Гайдар. Но ведь это совершенно ложная установка. В жизни общества есть множество сторон, которые не могут и не должны быть рентабельными! И если эти стороны общественной жизни не подкрепляются какими-то нерыночными средствами, то общество несет ущерб, многократно превышающий «экономия».

В декабре 2002 г. виднейший теплоэнергетик С. А. Чистович так оценил ситуацию: «Можно сказать, что на первом месте сейчас находится даже не проблема энергосбережения, а проблема энергетической безопасности России. Важно как минимум не допустить разрушения энергетического хозяйства страны. Износ оборудования, проблемы с поставкой энергоресурсов таковы, что целые поселки и города могут остаться без отопления и электроэнергии. А это приводит к тяжелейшим социальным и политическим последствиям. Весь мир наблюдал это на примере зимы в Приморье. К сожалению, есть основания полагать, что ситуация будет еще хуже»¹.

---

¹ Экологические системы. 2002. № 12.

Если бы нарушение логики и равнодушие к реальным величинам было временной деформацией в мышлении интеллигенции, продуктом кратковременного культурного шока, вызванного перестройкой, то это явление представляло бы для нас только исторический интерес. Но ведь это не так! Структура рассуждений, отработанная в годы перестройки на стали и тракторах, узаконена и «работает» в обоснование доктрины нынешней реформы в полную меру и сегодня. Сдавать эту проблему в академический архив никак нельзя.

Отношение интеллигенции к энергетике хорошо высвечивает то состояние мышления культурного слоя, которое и позволило ничтожному меньшинству завладеть хозяйством и буквально обескровить его, перекачав его ресурсы на свои личные счета за рубежом. Не раз говорилось, что причина того мировоззренческого тупика, в который попала наша интеллигенция, коренится в ее «полузападном» образовании, в котором оказались подавленными ответственность в подходе к проблемам общества и отсутствие интереса к фундаментальным вопросам. При обсуждении экономических проблем России и СССР до самого последнего времени типичный интеллигент категорически отказывался принимать во внимание такой неустранимый фактор, как *природно-климатические условия*. Возьмем хотя бы проблему энергообеспеченности хозяйства.

Специалист по экономике энергетики В. В. Клименко пишет: «Более двух третей нашей территории (11,57 из 17,08 млн. кв. км) составляют земли, не приспособленные для постоянного проживания человека. Это земли, на которых среднегодовая температура воздуха ниже — 2°С или расположенные выше 2000 м над уровнем моря».

«Эффективная», то есть пригодная для постоянного проживания, территория в России составляла в 1995 г. 5,51 млн. кв. км, что значительно меньше, чем в США (8,00) или Бразилии (8,05 млн. кв. км). На остальной территории ведение хозяйства и даже просто существование людей были сопряжены с огромным дополнительным расходом энергетических ресурсов.

Главный показатель индустриального развития — *потребление энергии*. Реальным критерием считается, однако, не абсолютное валовое потребление, а *относительное*, «то есть нормированное с учетом действительных природных условий». Разница между абсолютным и относительным потреблением и показывает, какую долю энергии приходится расходовать непроизводительно — просто для того, чтобы существовать в данном ландшафте.

В 1994 г. абсолютное потребление энергии в РФ составляло

7,01 т условного топлива в год на человека, а относительное 0,37 т (тонна условного топлива соответствует примерно 0,7 т нефти). Для сравнения скажем, что в США в 1993 г. потребление энергии составляло 11,00 т условного топлива в год на человека, а относительное 0,91 т. Иными словами, доля абсолютно потребляемой энергии, которая остается для ее использования в хозяйстве после расходов на «противостояние природе», в США в два с половиной раза больше, чем в РФ (при том, что жители РФ довольствуются гораздо более скромным комфортом, чем американцы). В странах Западной Европы с их меньшими размерами на «противостояние природе» тратится вдвое меньше энергии, чем в США, и в 4 раза меньше, чем в России.

Если учесть этот фактор, то совершенно по-другому видится тот факт, что за советский период Россия смогла стать *второй промышленной державой мира*. В 1900 г. относительное потребление энергии было в России в 26 раз меньше, чем в Великобритании, которая тогда была еще мировым лидером, а в 1994 г., даже после спада промышленного производства на 50%, разрыв составлял всего 2,5 раза¹.

В составе СССР Россия (РСФСР) по критерию, который предлагает В.Клименко, стояла вровень с самыми высокоразвитыми странами — США, Великобританией, Германией. Сейчас она опустилась на уровень Конго и находится гораздо ниже уровня Зимбабве или Таиланда. При этом экономическая политика РФ предполагает дальнейшее сокращение потребления энергии.

Правительство и администрация президента взяли твердый курс на расширение экспорта энергоносителей. Это, например, считается одним из важнейших позитивных сдвигов в экономике РФ в 2003 г. В ежегодном послании Федеральному собранию 2003 г. В. В. Путин сказал как о большом достижении: «Экспорт нефти, нефтепродуктов и газа увеличился на 18%, и сегодня Россия является крупнейшим экспортером топливно-энергетических ресурсов в мире».

Это стратегическая линия, за год до этого говорилось как об очередном внешнеполитическом успехе: «Президент России Владимир Путин встретился с руководителями федераций еврейских общин России и СНГ... Он поблагодарил их за активное участие в процессе интегрирования России в международное экономическое пространство. Он особо отметил недавнее обращение главного раввина России Берла Лазара к Джорджу Бушу с просьбой отменить поправку Джэксона — Вэника... Недавно

---

¹ Клименко В. В. Россия: тупик в конце туннеля? // Общественные науки и современность. 1995. № 5.

одна из [еврейских организаций США] предложила американской администрации переориентировать частично нефтяные интересы своей страны. Речь идет о том, чтобы Америка покупала меньше нефти у входящих в ОПЕК ближневосточных государств, а ее недостачу восполняла за счет России. Как отметил Владимир Путин, это «инициатива в правильном направлении», она отразится на тематике майской встречи президентов России и США»¹.

Промышленность парализована, города в полузамерзшем состоянии, а нефти для внутреннего потребления в РФ остается в три раза меньше, чем в советское время (в РСФСР для внутреннего потребления в 1985 г. осталось 356,7 млн. т нефти, или по 2,51 т на душу населения. В 2001 г. на душу населения в РФ осталось для собственного потребления 109,2 млн. т нефти, или 0,76 т на душу населения). Разве это хороший признак? Как тут радоваться росту экспорта?

Еще более активно добиваются власти РФ расширения экспорта российского газа, непрерывно ведутся интенсивные переговоры о строительстве больших газопроводов в Западную Европу и Китай. Это предусмотрено Энергетической стратегией РФ до 2020 г., которая была принята правительством РФ 22 мая 2003 г. В этом документе ставится задача добиться «равноправного доступа России на электроэнергетические рынки Европы». Уже 23 мая (вот уровень отзывчивости!) Комиссия ЕС пошла навстречу этому желанию. Как сказано в прессе, «в РАО «ЕЭС России» с удовлетворением воспринимают решение Европейского союза о проведении полномасштабного исследования возможности объединения энергосистем России и стран континентальной Европы».

В июне 2003 г. В. В. Путин в ходе визита в Лондон договорился с Тони Блэром о строительстве газопровода, но вопрос был в принципе решен уже в январе 2003 г. Тогда пресса писала: «Председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер вчера прибыл в Брюссель на встречу с генеральным директором по энергетике и транспорту комиссии Евросоюза Франсуа Лямуре. Глава крупнейшего российского газового концерна намерен обсудить со специалистами Евросоюза планы реализации проекта строительства «Северо-Европейского газопровода». Этот трубопровод аналитики называют самым дорогим экспортным проектом «Газпрома»: по предварительным подсчетам, его строительство обойдется в 10 млрд. долларов. Он позволит поставлять российский газ через Финский залив и Балтику в страну, которая уже много лет является главным партнером российских газовиков —

---

¹ Россия..2002. 28 марта — 3 апреля.

в Германию, — и застолбить нишу на северных газовых рынках Европы»¹.

Итак, поставки нефти и газа на мировой рынок являются приоритетными для нефтяных и газовых компаний, действующих на территории РФ. При нынешнем политическом режиме отечественное хозяйство, включая теплоснабжение, никакими преимуществами в доступе к энергоносителям из российских недр обладать не будет. Планы полной либерализации цен, то есть выравнивания цен внутреннего и мирового рынков, заявлены вполне определенно.

Вот что сказано по результатам совещания в правительстве в конце декабря 2002 г.: «Замминистра экономического развития Андрей Шаронов рассказал «Ведомостям», что теперь суть предложений его министерства сводится к резкому ускорению реформ в газовой отрасли. «Речь идет о том, что к моменту либерализации рынка электроэнергии, к середине 2005 г., можно иметь либерализованный рынок газа», — говорит он...

«Газпром» вчера не комментировал столь смелый план Минэкономразвития. А аналитикам он понравился. Каха Кикнавелидзе из «Тройки Диалог» говорит, что «это очень хорошая новость для «Газпрома», так как сейчас на продажах на внутреннем рынке компания теряет деньги. Алексей Моисеев из «Ренессанс Капитала» считает, что в выигрыше будет и экономика в целом — она избавится от неэффективных предприятий, выживающих сейчас только благодаря субсидированным за счет экспорта ценам на газ. Кроме того, ускоренная либерализация газового рынка облегчит России присоединение к ВТО. «Это создаст лучший климат на переговорах, — сказал «Ведомостям» один из членов российской делегации на переговорах. — Это снимет претензии, что наши цены и после вступления в ВТО будут являться скрытой формой субсидирования промышленности»².

Таким образом, российские нефть, газ и электроэнергия больше не будут «скрытой формой поддержки» отечественного хозяйства, что вообще ставит крест на возрождении России как промышленно развитой страны в рамках нынешнего общественного строя. Энергоносители будут без всяких препятствий поступать тому покупателю, который больше заплатит. В России этими ресурсами будут пользоваться только те, кто сможет заплатить как минимум не меньше, чем немцы или англичане (на деле гораздо больше, поскольку транспорт нефти и газа в Герма-

---

¹ Губенко О. Миллер повез в Европу газ: «Газпром» затевает строительство нового «Голубого потока» // Известия. 2003. 25 января.

² Ведомости. 2002. 20 декабря.

нию и Англию обходится дешевле, чем в села и городки Орловской области). Таких людей в рыночной РФ будет немного, как бы ни вздувался так называемый ВВП. Нечего и говорить о том, что в своих телевизионных шоу А. Чубайс, обещая после реформирования РАО ЕЭС вдвое снизить цены на электроэнергию, попросту глумится над доверчивым населением.

Глава 34

МИФ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В СССР

Невозможно представить себе, чтобы масса образованных людей в 1989 — 1991 г. одобрила глубокую, катастрофическую реорганизацию всего народного хозяйства страны совсем без всяких аргументов. Это означало бы отказ от всяких норм рассудительности, а не только от выработанных Просвещением правил рассуждений и критического анализа.

Однако аномалия в восприятии программы реформ, несомненно, имела место. Ведь открыто замысел и философские основания перестройки хозяйства реформаторы никогда в связном виде не излагали и на общественный диалог по этому поводу не шли. Попробуйте, например, найти внятное объяснение их настойчивого стремления разрешить свободную куплю-продажу земли сельскохозяйственного назначения. Или объяснение, почему они так стремятся расчлнить и приватизировать Единую энергетическую систему — высшее в мире достижение технической мысли и системного подхода в энергетике, — которая при ее расчленении превратится в конгломерат посредственных, во многих случаях нерентабельных электростанций.

Однако ничто не «катится само собой», как пытался в свое время убедить общество М. С. Горбачев, и ничто не «получается как всегда», как позже пытался убедить В. С. Черномырдин. Свободная продажа земли — это не «как всегда», это именно впервые в истории России. Расчленение РАО ЕЭС или Единой системы железных дорог — это не «как всегда», ибо электрификация в России начиная с плана ГОЭЛРО шла по пути создания единой системы, как и строительство сети железных дорог начиная со второй половины XIX века. Так какими доводами убедили нашу интеллигенцию?

В социально-экономической сфере антисоветская мысль создала многообразную и довольно сложную интеллектуальную конструкцию. В наиболее радикальном виде ее кредо в 80-е годы сводилось к следующему: *«Советская система хозяйства улучше-*

нию не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу.

В таком виде эта формула стала высказываться лишь после 1991 г., до этого никто из людей, еще не увлеченных антисоветским миражем, в нее бы просто не поверил, даже рассмеялся бы — настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг себя в 70 — 80-е годы.

А. Н. Яковлев в недавнем интервью оправдывался задним числом: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» («Литературная газета», № 41, 10 — 16 октября 2001 г.).

Заметим прежде всего, что это утверждение А. Н. Яковлева в контексте его важных заявлений времен перестройки является еще одним доказательством принципиальной лживости всего дискурса горбачевско-яковлевской бригады реформаторов. Вспомним важный тезис перестройки, высказанный А. Н. Яковлевым в 1988 г. (он обсуждался выше): «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления... Мы можем это сделать, *наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень*» (выделено мной. — С.К-М.). Если он говорил это в тот момент, когда действительно Политбюро считало, что «мы стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической», то он не просто лжец, а сознательный вредитель. Кризис на грани катастрофы — тяжелейшая болезнь экономики, и в этот момент устраивать в ней «тектонические сдвиги» — значит сделать катастрофу неотвратимой.

На деле, конечно, сознательной ложью академика от экономики является нынешнее утверждение. Каждый может сегодня «взять статистику» (например, «Белую книгу» об экономической реформе в России) и убедиться, что, согласно всем главным показателям, прежде всего по инвестициям, призрак катастрофы в середине 80-х годов мог привидеться только в больном воображении. Никаких признаков коллапса, внезапной остановки дыхания хозяйства не было. Даже у тех, кто в этот назревающий коллапс верил, это были лишь предчувствия, внушенные постоянным повторением этой мысли «на кухнях». Достаточно посмотреть на массивные, базовые показатели, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в этих показателях не сомневался и не сомневается.

А. Д. Сахаров писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и ин-

теллеktуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном»¹.

*Таблица. Основные экономические показатели СССР
за 1980 — 1990 гг.*

	1980 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1990 г.
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд. руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд. руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд. руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд. руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн. кв. м	105	113	120	131	132	129
Отправление грузов транспортом общего пользования, млрд. т	11,9	12,3	12,8	13,1	13,2	13,0
Мощность электростанций, млн. квт	267	315	322	332	339	341
Добыча топлива (в пересчете на условное), млн. т	1896	2073	2166	2230	2287	2271

Допустим, А. Д. Сахарова в кругах интеллигенции считали «пророком общего назначения», не искушенным в экономике. Но ведь и согласно чисто экономическим критериям никакого неотвратимого приближения фатального кризиса в СССР не наблюдалось. Вот недавний ретроспективный анализ экономического состояния СССР, обобщенный в статье экономиста из МГУ Л. Б. Резникова: «Исключительно важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение темпов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема»².

¹ Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л.: 1990. С. 66.

² Резников Л. Б. Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе // Российский экономический журнал. 2001. № 4.

Отсутствие кризиса было зафиксировано не только в докладах ЦРУ, опубликованных позже, но и в открытых работах американских экономистов. Л. Б. Резников цитирует американских экономистов М. Элмана и В. Конторовича, специализирующихся на анализе советского хозяйства, авторов вступительной статьи к книге «Дезинтеграция советской экономической системы» (1992): «В начале 80-х годов как по мировым стандартам, так и в сравнении с советским прошлым дела... были не столь уж плохи». Ухудшаться они стали именно под воздействием вносимых в ходе перестройки изменений, с энтузиазмом встреченных интеллигенцией. По данным тех же американских экономистов, «если в 1981 — 1985 гг. среднегодовой бюджетный дефицит составлял всего 18 млрд. руб., то в 1986 — 1989 гг. — уже 67 млрд. В 1960 — 1987 гг. в среднем за год выпускалось в обращение 2,2 млрд. руб., в 1988 г. — уже 12 млрд., в 1989 г. — 18 млрд., а в 1990 г. — 27 млрд. руб.».

Тем не менее вывод о «неэффективности» нашего хозяйства овладел умами интеллигенции. Почти никто в нем не усомнился, не потребовал мало-мальски серьезной проверки. А ведь основания для сомнений были налицо. Вот самые грубые, бросающиеся в глаза методологические подтасовки, на которых стоит этот вывод:

1. В качестве стандарта сравнения для экономики СССР были взяты развитые капиталистические страны («первый мир») — очень небольшая группа, в которой проживают лишь 13% человечества. Этот выбор абсолютно ничем не обоснован ни исторически, ни логически. Самые элементарные критерии подобия, необходимые для такого сравнения (например, почвенно-климатические), не соблюдаются.

2. Страны «первого мира», взятые за образец, получили для своего развития огромный стартовый капитал за счет ограбления колоний. На эти деньги было создано «работающее» до сих пор национальное богатство (дороги, мосты, здания, финансовый капитал и т.д.). СССР не имел таких источников, Россия не эксплуатировала, а, наоборот, инвестировала национальные окраины. Отставание в накопленном национальном богатстве колоссально, и форсированное преодоление этого разрыва отвлекало от «эффективного наполнения прилавков» очень большие ресурсы.

3. Экономическое и технологическое развитие протекает исключительно нелинейно. Сравнивать системы, находящиеся на разных стадиях своего жизненного цикла, неправомерно. В частности, СССР в 70 — 80-е годы вошел примерно в ту фазу индустриального развития, которую Запад прошел в 30-е годы с тяжелейшим структурным кризисом. Необходимость структурной

перестройки производства в СССР переживалась болезненно, но несравненно более мягко, нежели на Западе в период «Великой депрессии». Напротив, в 50 — 60-е годы никому и в голову не приходило говорить о неэффективности плановой экономики. В те годы виднейшие американские экономисты писали, что рыночная экономика, конечно, менее эффективна, чем плановая, но это та плата, которую Запад должен платить за свободу.

4. Капиталистическая экономика существует в форме единой, неразрывно связанной системы «первый мир — третий мир». Так называемые развитые страны представляют собой лишь витрину, небольшую видимую часть айсберга этой системы. Эта часть потребляет около 80% ресурсов и производит около 80% вредных отходов. Массивная часть («третий мир») поставляет минеральные, энергетические и человеческие ресурсы и принимает отходы. Создав экономические и политические рычаги (внешний долг, подготовка элиты, коррупция администрации, военная сила), «первый мир» за последние десятилетия построил эффективную систему сброса в «третий мир» не только отходов и вредных производств, но и собственной нестабильности и кризисов.

«Третий мир» выдает на-гора все больше сырья, сельскохозяйственных продуктов, а теперь и удобрений, химикатов, машин — а нищает. Соотношение доходов 20% самой богатой части населения Земли и 20% самой бедной было 30:1 в 1960 г., 45:1 в 1980-м и 59:1 в 1989-м. В начале 90-х годов это соотношение достигло 150:1¹. Латинская Америка при весьма высоком уровне развития и образования была погружена за 80-е годы в тяжелейший кризис *при постоянном росте* производства и извлечения природных ресурсов. Некоторым странам позволяют выйти из кризиса исходя из сугубо политических соображений (Чили — ради борьбы с социалистическими идеями, Мексике — как соседу США, «буферной социальной зоне»).

Стыдно напоминать прописные истины, которые можно найти в любом международном справочнике, но приходится — их чудесным образом забыли. США, обладая богатейшими минеральными ресурсами, импортировали в послевоенное время 91% хромовой руды, 96% кобальта, 98% марганца, 72% никеля и 87% олова. Импортировали потому, что это было во много раз дешевле, чем добывать у себя дома.

Если хоть на минуту представить себе, что Запад внезапно оказался отрезанным от потока ресурсов из «третьего мира», его экономика испытала бы коллапс, после которого, скорее всего, там ввели бы жесткую систему планирования. Малейшие попыт-

---

¹ Human Development Report. N.Y.: UNDP, 1993. P. 11.

ки хоть небольшой части «третьего мира» контролировать поток ресурсов вызывают панику на биржах и мобилизацию всех средств давления. Война в Ираке 1990 г., лишенная всякого идеологического прикрытия, это показала с полной очевидностью. За один день операции «Буря в пустыне» Запад тратил до полутора миллиардов долларов. Почему такая расточительность? Потому, что 1 доллар, вложенный в Ближний Восток, давал 7 долларов прибыли.

Теперь США провели новую войну в Ираке и свергают политические режимы в разных странах практически без всякого идеологического обоснования — это диктуют «жизненные интересы» США. СССР доступа к дешевым ресурсам «третьего мира» был лишен — о каком же сравнении «экономической» эффективности хозяйств СССР и Запада может идти речь в столь неравных условиях?

Как наглядный довод приводились «полные прилавки» в западном обществе потребления. Но тезис об отставании советской экономики по критерию «полные прилавки» (и даже по критерию «уровень потребления») очевидно несостоятелен, если его прилагать ко всей системе «первый мир — третий мир», а не к ее витрине. В среднем уровень потребления всех людей, непосредственно включенных в технологическую цепочку производства капиталистических стран (боливийских индейцев, добывающих олово, или собирающих компьютеры филиппинских девочек), был гораздо ниже, чем в среднем уровень потребления в СССР.

5. Вплоть до перестройки Россия (СССР) жила, по выражению Менделеева, «бытом военного времени» — лучшие ресурсы направляла на военные нужды. Как бы мы ни оценивали сегодня эту политику, она не была абсурдной и имела под собой исторические основания. Ее надо принять как данность, отвлекающую на внеэкономические нужды большие ресурсы¹.

Та часть хозяйства, которая работала на оборону, не подчинялась критериям экономической эффективности (а по другим, вполне разумным, критериям она была весьма эффективной — гарантировала устранение военной угрозы для СССР).

При этом надо подчеркнуть нелогичность рассуждений идеологов рыночной реформы. Они сами абсурдно завысили оценку влияния гонки вооружений на хозяйство СССР, утверждая, что

---

¹ У. Фостер, министр при Трумэне и при Кеннеди, так обосновывал удвоение военных расходов США: это, мол, заставит СССР сделать то же самое и «лишит русский народ трети и так очень скудных товаров народного потребления, которыми он располагает».

«нормальной» экономикой, не подчиненной целям обороны, было лишь около 20% народного хозяйства. Запад же, дескать, подчинял внеэкономическим критериям не более 20% хозяйства. Таким образом, демократы говорили, что прямо «на прилавки» работала лишь 1/5 нашей экономики — против 4/5 экономики всего капиталистического мира. Так и сравнивать по эффективности надо было именно эти две системы. И сказать, что плановая система «наполняла прилавки» хуже, чем рыночная, — значит просто отказаться от всех норм рационального мышления и от всяких следов интеллектуальной совести.

Да и заметим очевидное — обеспечить военный паритет с Западом на современном уровне убогая и неэффективная экономика не смогла бы. Пусть подумает наш интеллигент, что означает создать и наладить крупномасштабное серийное производство такого, например, товара, как «МиГ-29» или ракеты «СС-300». Сегодня интеллигенция России «как бы забыла» о «холодной войне» и считает гонку вооружений в СССР признаком идиотизма советской системы. Но заметьте: ни один военный из демократов не взял на себя смелость заявить, что вооружаться нам не было нужды.

Из всего сказанного вовсе не следует, что экономика СССР была устроена хорошо или что надо вернуться к прежней системе. Это совсем другая тема, мы ее здесь не обсуждаем. Здесь для нас выяснение истины в сравнении эффективности даже несущественно. Ведь мы говорим именно о *мышлении* интеллигенции и ее поразительной доверчивости к самым сомнительным доктринам. Она легко восприняла фальшивые критерии эффективности, легко согласилась разрушить лучшую часть национального достояния (системы военно-промышленного комплекса). Она легко согласилась на демонтаж всех тех «нецивилизованных» (т.е. отсутствующих на Западе) систем жизнеобеспечения, которые позволяли при весьма небольшом еще национальном богатстве обеспечить всем гражданам достойный уровень жизни.

Нечувствительность интеллигенции к фундаментальным вопросам видна в убеждении, будто выход из кризиса, созданного перестройкой и реформой, — проблема *экономическая* и ответ должны дать экономисты. Но экономика — лишь видимая часть айсберга проблемы. На деле экономиста можно уподобить инженеру-эксплуатационнику, который часто не знает и даже не обязан знать теоретических принципов всей машины — например, термодинамики как теории тепловой машины. И когда слушаешь рассуждения экономиста о нашем кризисе, возникает смешанное чувство: о чем он вообще говорит? Ведь он явно не понимает, в чем суть рыночной экономики и в чем ее отличие от того хозяйства, которое было создано в СССР. Это все равно как

очень грамотно рассуждать о поломках телевизора, в то время как надо починить мотоцикл.

Но самое поразительное заключается в следующем. Реформа длится более 15 лет, все мы получили за эти годы большой и наглядный опыт. Стали достоянием истории те интеллигентские дебаты, в которых порицалось «плохое» советское хозяйство. Допустим, оно было плохое, но разве разумно было поддерживать его разрушение и переходить к такому типу хозяйства, который несравненно хуже советского? Ведь факт, что наша либеральная интеллигенция в этом вопросе *ошиблась*. Так надо признать это и выяснить причины ошибки! Как же мы сможем вылезти из кризиса, если образованная часть общества из глупого упрямства отказывается от пересмотра ошибочных воззрений?

Реформы породили абсолютно ненормальную экономическую систему — в ней происходит отток средств производства из отраслей, призванных удовлетворять самую острую жизненную потребность. Значит, сделана фатальная ошибка в экономической политике (если хозяйство не удушается преднамеренно или из корыстных побуждений — мысль, которую мы в первом приближении отвергаем).

Рассмотрю здесь только одну позицию. Первая жизненная потребность — *питание*. В СССР был обеспечен достаточный и сбалансированный по основным показателям рацион питания, и он улучшался (при всех известных дефектах в системе переработки, хранения и распределения). Имея 6% населения Земли, СССР производил 16% продовольствия, и против этого никакая ложь Черниченко силы не имеет (по другим данным, СССР производил 13% продовольствия, но этот разброс данных дела не меняет). Да, улучшали рацион импортом, из 70 кг потребляемого на душу мяса импортировали 2 кг (зато экспортировали 10 кг рыбы).

Чего добились реформаторы? Создали такие условия, при которых производство продовольствия в России стало убыточным — при том, что крестьяне прекратили капиталовложения и снизили даже собственное потребление до небывалого минимума. Подумайте: в Дагестане при обилии земли, солнца и рабочих рук земледелие стало убыточным, хотя зарплата в совхозах была снижена почти до нуля (в 1998 г. до 50 руб. в месяц). Иными словами, рабочая сила вводилась в оборот практически бесплатно. Это нормальная экономика? Значит, сельскохозяйственное производство в России в перспективе должно быть остановлено — снизить издержки оно уже не может, ибо работает на старых, советских ресурсах, уже 12 лет почти не приобретает и не обновляет техники. У него уже нет статей расходов, которые можно было бы сократить. И все это — на фоне недоедания массы людей в городах.

Что же это значит? Рынок — механизм, соединяющий производство с общественной потребностью, и он это якобы делает лучше, чем план. Но вот наглядный пример. В России мы имеем острую общественную потребность в продуктах питания, а значит, в удобрениях, используемых в сельском хозяйстве. И имеем развитое производство удобрений. Как соединил производителя и потребителя удобрений тот «рынок», тот экономический уклад, который создан нынешним режимом? Он их катастрофически разъединил. Это уродливая, губительная для общества экономическая система.

Задушив в преддверии распродажи земли отечественное сельское хозяйство, правительство буквально «сдало» наш рынок продовольствия иностранцам. Половина потребления покрывается импортом! Что же это за продукты? Лучше ли они наших? Нет, они вопиюще низкого качества, мы к такой дряни еще биологически не приспособлены. При выборочных проверках бракуется 40 — 50% продуктов! О каком «наполнении рынка» нам твердят, ведь это — экономическая патология.

Второй, не менее важный фактор, пресекающий всякие надежды на успех либеральной реформы — деформация общества. «Рыночники» сами подпилили сук, на котором собирались сидеть. Обокрав население, они уничтожили то, что гордо называли «средним классом». Удушив его, они получили большую социальную структуру («двойное общество»): кучку сверхбогатых и море обедневших людей. Структура потребления в таком обществе при рыночной экономике совершенно не стимулирует производство.

Массы людей сегодня вычеркнули из списка своих потребностей товары, которые до 1991 г. считались нужными, — холодильники, стиральные машины, мотоциклы и т.д. А значит, стало ненужным и их производство. Небольшая прослойка богатых полностью удовлетворяет свой спрос за счет импорта. И вот вывод социологов ВЦИОМ — Т. И. Заславской и ее сотрудников: «В последние годы в нашей стране наблюдается снижение социальных запросов населения вследствие постепенного свыкания с бедностью и утраты надежд на восстановление прежнего уровня жизни»... «Сужение спектра потребностей населения является проблемой долговременного характера, и ничуть не меньшей, а может быть, и более серьезной, чем непосредственное сокращение рыночного потребительского спроса»¹. Вдумайтесь в это признание пламенной революционерки!

---

¹ Заславская Т. И. Новые данные о доходах россиян // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1995. № 4. С. 11; Красильникова М. Д. Кто на чем экономит // Там же, 1996. № 4. С. 37.

Создав уродливую экономическую систему, новый режим поставил страну на грань полного краха, характер и последствия которого даже трудно себе представить. Народы России внезапно попали в ту совершенно новую категорию людей, которых на Западе уклончиво называют «социальными общностями, которых нет смысла эксплуатировать». При смехотворной цене на рабочую силу Запад не желает делать у нас капиталовложений и даже даром брать заводы. Ждут, пока не вымрет «лишнее население». А потом, наверное, планируют все смести бульдозерами и заселить площадку трудовыми армиями из покладистых иноземцев. Иначе невозможно объяснить происходящее.

Глава 35

ПРИВАТИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РФ

В августе 2003 г. исполнилось 10 лет приватизации промышленных предприятий России (тогда РСФСР). До этого они находились в общенародной собственности, распорядителем которой было государство.

Приватизация обнаружила небывалый отрыв интеллигенции от основного тела народа во взглядах и установках по важным вопросам. Думаю, этот разрыв никем не ожидался и поразил тех, кто вник в его суть и масштабы. Это отщепление исподволь происходило и созревало в течение предыдущих 30 лет. Один из «срезов» этого процесса, мне кажется, показывает, что в то время, как основная масса населения СССР осваивала нормы рационального мышления и категории Просвещения (прежде всего равенства людей и единства человечества), интеллигенция начала *отход* от них, дрейф в противоположном направлении.

Ненависть к государству и его собственности у последних правителей СССР и их смены поражает. Она носит характер паранойи, как будто им видятся черти и демоны. Рассуждения на эту тему совершенно нелогичны — а ведь писали образованные люди, а проверяли умные редакторы. Вот, например, рассуждение М. С. Горбачева, не безумного заговорщика где-то в подполье, а кумира интеллигенции и президента державы: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР фактически была полностью ликвидирована частная собственность. Тем самым человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра.

Господство государственной собственности в той или иной ее

форме было полным — и в этом не должно быть никаких заблуждений, в том числе и относительно колхозов: назывались они кооперативными хозяйствами, но на самом деле они действовали в рамках тех же принципов, что и предприятия, находившиеся в государственной собственности»¹.

Первый абзац — ругательства, не имеющие смысла. Почему государство, обладая собственностью, становится «монстром»? При каком количестве собственности у него появляются монструозные черты и почему? Является ли таким же монстром частная корпорация «Дженерал электрик», собственность которой по размерам превышала государственную собственность многих социалистических стран? Все это фантазии, не имеющие никакого жесткого, реального смысла. Гипостазирование чистой воды.

И почему, если собственность государственная, то человек «поставлен в полную материальную зависимость от государства»? В чем это выражается? Чем в этом смысле государственное предприятие, на воротах которого висит список требующихся работников, хуже частного предприятия? В большинстве жизненно важных отношений государственное предприятие как раз намного лучше, это подтверждается и логикой, и практикой. Но Горбачев изрекает все это как непререкаемую истину — и вчера еще разумные люди начинают аплодировать приватизации.

А ведь если бы задумались хотя бы над одной фразой, должны были бы заподозрить неладное и усомниться в других тезисах. Почему, например, колхоз не считать кооперативом по той причине, что он «действует в рамках тех же принципов, что и предприятия, находившиеся в государственной собственности»? Да мало ли общих принципов, которые обязательны для всех субъектов — они же от этого не становятся неразличимыми. Разве колхоз ничем не отличается от государственной железной дороги?

Нагнетая ненависть к государству и не жалея красок, Горбачев вытаскивает из нафталина старый троцкистский тезис об «отчуждении» советского работника от собственности: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее — это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине» (там же).

Все это — примитивная и пошлая схоластика, имеющая целью подавить разум человека потоком ничего не значащих слов. Почему же люди, имевшие надежное и прилично оплачи-

¹ Горбачев-М. Декабрь-91. Моя позиция. М.: Новости, 1992.

ваемое рабочее место на государственном предприятии, становились вследствие этого «отчужденными от самостоятельности и творчества»? Это просто глупость, нечего тут ломать себе голову в поисках смысла. Но эта глупость — кирпичик целого фантастического здания, выстроенного на ложных основаниях.

Вот Горбачев заклинает, как шаман, страшный образ «приказов сверху». А как же иначе может жить человек в сложно устроенном цивилизованном обществе? Печальный демон, дух изгнания, летал над грешною землей! А мы не желаем, мы хотим жить на этой земле, а для этого надо ценить ту иерархию, ту общественную организацию, которая сложилась за тысячелетия, — подправлять ее, но не подрезать под корень. И как понять, что, хотя «приказы могли носить разный характер», это не меняет сути дела? «План, решение совета, указание райкома, сигналы светофора и так далее» — все это разные способы координации и согласования наших усилий и условий нашей жизни. Почему же им не надо подчиняться? Почему, если ты следуешь обдуманному и признанному оптимальным (возможно, не без ошибок) плану действий, ты становишься «винтиком в этой страшной машине»? Да ведь это бред параноика или несусветного жулика — как могли миллионы образованных людей этого не видеть!

Помимо идеологической кампании по созданию образа врага в виде государственной собственности, была начата подготовка трудящихся к безработице. Было хорошо известно, что приватизация вызовет обвальную безработицу (в прогнозах ее масштабы даже преувеличивались по сравнению с тем, что потом имело место в действительности). Подготовка велась по двум направлениям. Одни утверждали, что у нас безработицы не может быть, так как не может быть никогда. Другие, наоборот, успокаивали людей тем, что при рынке безработица, конечно, неизбежна, но это не страшно, потому что она неизбежна всегда. Она, мол, у нас и так есть, а значит, хуже не будет, а будет, конечно, только лучше, потому что ЦК КПСС и лично тов. Горбачев очень желают народу добра.

Вот что писал журнал «Коммунист», успокаивая людей: «В наших условиях о вынужденной безработице и помышлять нелепо. За десятилетия безудержной бесхозяйственности в стране образовались необозримые зоны «общественных работ»... Безработица нам не грозит, но с отношением к работе как к гарантированной казенной благотворительности придется расстаться»¹.

Это рассуждение партийного функционера — нагромождение нелепостей, но этого как будто не видели ни редактор журнала

---

¹ *Богачев В.* Еще не поздно // *Коммунист*. 1989. № 3. С. 31—41.

(профессор и т.д.), ни масса читателей из числа интеллигенции. Подумайте, почему же «о безработице и помышлять нелепо», если с гарантированным правом на труд «придется расстаться»? Да ведь последняя фраза как раз и говорит открытым текстом, что безработица запланирована! Словечки о «работе как казенной благотворительности» — бирюльки, не говорящие ни о чем, кроме как о дурном вкусе и низости автора. А что это за необозримые зоны «общественных работ»? Всегда и везде это и понимается как поденная работа за копеечную плату для безработных, другого смысла это выражение и не имеет. И куда, кстати, делись эти «необозримые зоны»? Почему туда радостно не идут с пением гимна капиталистических бригад колонны наших безработных?

Спустя год в дело вступила тяжелая артиллерия. Вот что говорит А. Н. Яковлев в выступлении 4 мая 1990 г.: «Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д. Думаю, что это пока относится к разряду неподкрепленных предположений... Лично я считаю, что при разумной организации дела безработицы быть не может, ибо у нас одна лишь сфера услуг может поглотить более чем те 10 миллионов человек, которым сулят безработицу... И вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа»¹.

А. Н. Яковлев цинично лгал, потому что в мае 1990 г. было уже прекрасно известно, что в результате реформы как раз «сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д.». А утверждение, будто безработицы при рынке быть не может потому, что «вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся», надо расценивать как издевательство над слушателями и читателями, над их умственными способностями. Издевательство это вполне заслуженное, что не делает его менее подлым.

В том же 1990 г. председатель Госкомтруда СССР (!) и будущий вице-премьер В. И. Щербаков пишет в книге, изданной массовым тиражом: «Что касается социальной защищенности советского человека, ныне она, представьте, настолько высока, что люди перестали реагировать на социальную обстановку. Существенно изменить ситуацию могло бы более заметное воздействие на экономику рыночных факторов... Поскольку человеку фактически даром давалось жилье, медицинское обслуживание, отдых в

---

¹ Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальность. М.: Новости, 1991. С. 170.

санатории, то невольно ослаблялись стимулы к труду... Конечно, мы не оставим человека не защищенным перед стихией рынка»¹.

Можно ли себе представить, чтобы председатель Госкомитета по труду в здравом уме сетовал на то, что в стране велика социальная защищенность трудящихся? О какой рациональности тут вообще может идти речь! Это полный распад всех устойчивых интеллектуальных конструкций, мыслительный и нравственный хаос. И каково представление о человеке — дремучий, тупой социал-дарвинизм. Человек, по мнению этого номенклатурного бонзы, может работать только из-под палки! А если он сыт, здоров и не задавлен страхом и нуждой, то, само собой, он работать не станет.

Откуда выполз этот троглодит? Это же английская теория XVIII века, уже в XIX веке даже там ее признали ошибочной. В русской культуре это вообще нонсенс. И, как венец глупости, оптимистическая концовка: «Конечно, мы не оставим человека не защищенным перед стихией рынка». Зачем же защищать, если вы эту стихию как раз и впускаете в страну, чтобы она человека как следует потрянула. И как вы можете защитить, если это стихия, а вы государство оставляете голеньким?

Наконец, перед самым принятием закона о приватизации, в марте 1991 г. Профиздат выпустил массовым тиражом книгу «Рыночная экономика: выбор пути». Среди авторов — виднейшие экономисты. Читаем: «Можно сказать, что рынок воспроизводит безработицу. Но возникает вопрос, а является ли безработица атрибутом только рыночной системы хозяйства? Разве в условиях административно-командной системы управления производством не было безработицы? Она имела место, только носила... в основном скрытый характер».

Хороши наши профсоюзы, не правда ли? Скрытая безработица! Хитро придумано. Это вроде как скрытая болезнь. Пусть человек наслаждается жизнью, живет до ста лет — назовем его «скрытым больным», попробуй докажи, что нет. Людей, которые реально имели работу, два раза в месяц получали зарплату, квартиру от завода, путевку в санаторий и т.д., убеждают, что это «скрытая безработица» и что она ничуть не лучше явной. Что явная безработица, когда нет ни зарплаты, ни перспектив, ничуть не страшнее, чем «скрытая». Конечно, так может говорить только подлая продажная тварь. Но как могли рабочие в это верить — вот ведь загадка века.

Так велась психологическая подготовка к приватизации. Но

---

¹ Шаги перестройки. Радикальная экономическая реформа. Истоки, проблемы, решения. М.: Высшая школа (100 000 экз.), 1990. С. 504.

хотя уже в начале 1989 г. в верхних эшелонах власти и в среде «либеральных» экономистов строились ее конкретные планы, это сохранялось в тайне. Далекий от этих кругов человек еще и помыслить об этом не мог. А ведь «продвинутые» экономисты уже за несколько лет до этого работали над проектом. Известный в то время экономист В. Найшуль пишет: «В 1985 году я написал самиздатовскую книгу о приватизации. Только называл приватизационные чеки не ваучерами, а инвестиционными рублями... В конце восьмидесятых организовалась некая единая тусовка, возникло новое экономическое поколение, из которого и вышло все, что вы наблюдаете сейчас, — нынешние реформаторы. В том числе Чубайс»¹.

Идею «распродать государство» пропагандировали популярные партийные интеллектуалы, которых с энтузиазмом встречали на многочисленных собраниях научно-технической интеллигенции. Например, Н. П. Шмелев сказал в беседе с корреспондентом «Известий» (30.10.1989): «Страна в тяжелейшем положении, и сегодня, пожалуй, не время обсуждать, почему мы в нем оказались... Продаваться должно все, что покупается. Не только потребительские изделия и строительные материалы, но и металл, грузовики, жилье, постройки и фермы — на селе, земля — в городе, в том числе иностранцам... Пора дать возможность купить клочок земли в городе каждому желающему».

Продажа ферм и земли — это и есть приватизация. Но самое поразительное здесь то, что доктор наук, обращаясь прежде всего к интеллигенции, предлагает отказаться от едва ли не главного инструмента рационального мышления — рефлексии и выявления причинно-следственных связей. Не надо обсуждать, почему мы оказались в тяжелом положении! И все это встретили аплодисментами.

Действовала и тяжелая артиллерия — отставной «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев сразу поддержал торговцев: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье»².

Сдвиг интеллигенции к идее приватизации народного хозяйства и перехода к частному предпринимательству происходил быстро и вопреки установкам основной массы населения. Это отражено в докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады («Есть мнение». М.: Прогресс, 1990), о котором говорилось выше. Прямых

---

¹ Огонек. № 45 (4672). 2000, декабрь.

² Поиск.-1992. № 7.

вопросов об отношении к такому кардинальному изменению общественного строя социологи ВЦИОМ в 1989 г. еще не ставили, а «прощупывали» это отношение с помощью косвенных вопросов. В общем, вывод такой: «Если среди респондентов пресс-опроса за новые экономические отношения высказываются до 1/3 ответивших, то по стране их доля снижается в 3 — 4 раза, т.е. значительная часть населения не принимает непривычных пути развития, рыночных механизмов и отношений, основанных на индивидуальной инициативе и выгоде» (с. 69).

Надо заметить, как уклончиво трактуют результат социологи. Новых экономических отношений «не принимает» не *значительная* часть населения, а *подавляющее большинство* — более 90% (если же из выборки общего опроса удалось отделить 17% интеллигентов, то доля «непринимающих» стала бы больше 95%). И что значит «непривычный путь развития»? Все 15 лет реформы видим «*путь регресса*», о развитии речи уже вообще не идет, в РФ последовательно ликвидировалось все наукоемкое производство, страна стала в высшей степени зависеть от экспорта нефти и цен на нее. Речь идет о прозорливости основной массы населения и неспособности влиятельной части интеллигенции предвидеть последствия реализации своих устремлений.

Как это расхождение выразалось конкретно? Выяснялось отношение к трем проектам (в скобках приведена доля поддержавших): *поощрять частное предпринимательство; привлечь иностранный капитал; развивать кооперативы*. Во всесоюзном опросе больше всего они нашли поддержку у технической интеллигенции (20; 12 и 8%), студентов и у самих кооператоров¹. А среди читателей «Литературной газеты» в пресс-опросе эта поддержка составила 32,6; 30,2 и 18%. Отрицательное отношение ко всем трем проектам выразили военные и юристы, резко отрицательное — колхозники и сельские механизаторы (поддержали 3; 0 и 3%), пенсионеры. Отношение рабочих, независимо от квалификации, было умеренно отрицательным (поддержали 10,8; 6,4 и 5,6%).

В общем, вывод авторов книги таков: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» (с. 83).

Приватизация, проведенная в России в начале 90-х годов, яв-

---

¹ Примечательно, что за «привлечение иностранного капитала» высказались 16,6% директоров предприятий и 0% руководителей предприятий второго эшелона.

ляется самой крупной в истории человечества акцией по *экспроприации* — насильственному изъятию собственности у одного социального субъекта и передаче ее другому.

Насильственным это изъятие было не потому, что пришлось избивать собственников или стрелять в них, а потому, что оно было совершено по решению политической власти, как наделение собственностью конкретных групп, а не через куплю-продажу предприятий. При этом никакого общественного диалога не было, власть согласия собственника на приватизацию не спрашивала.

По своим масштабам и последствиям приватизация «по Чубайсу» не идет ни в какое сравнение с другой известной нам экспроприацией — *национализацией* промышленности в 1918 г. Кстати, большая часть промышленного капитала в России — а в ряде главных отраслей весь капитал — принадлежала тогда иностранным фирмам. Много крупнейших заводов и так были казенными. Поэтому национализация непосредственно коснулась очень небольшой части даже буржуазии, которая к тому же была в России очень немногочисленной.

В 1918 г. в собственность, управляемую государством, перешли по требованию рабочих предприятия, которые были покинуты хозяевами. Признаком их намерений свернуть производство было то, что они не закупили сырье или продавали акции немцам (по договору Брестского мира Россия была обязана потом оплатить эти акции золотом). И те предприятия при этом предлагались их же хозяевам в безвозмездную аренду с получением дохода, как и раньше, — только не останавливая производства. «Обвальная» национализация произошла из-за Гражданской войны¹.

Напротив, в 90-е годы XX века частным собственникам была передана огромная промышленность, которая изначально была практически вся построена как единая государственная система. Это был производственный организм совершенно иного типа, неизвестного ни на Западе, ни в старой России. Западные эксперты до сих пор не понимают, как было устроено советское предприятие, почему на него замыкаются очистные сооружения или отопление целого города, почему у него на балансе поликлиника, жилье и какие-то пионерлагеря.

В экономическом, технологическом и социальном отношении расчленение этой системы означало катастрофу, размеров и

---

¹ Кстати, вопреки расхожим мнениям, навеянными официальной советской и антисоветской мифологией, национализация в 1918 г. происходила под давлением снизу, в то время как советское правительство этому, как могло, сопротивлялось.

окончательных результатов которой мы еще не можем полностью осознать. Система пока что сопротивляется, сохраняет, в искаленном виде, многие свои черты, как ни добивает ее нынешнее правительство. Но уже сейчас зафиксировано в мировой науке: в России приватизация привела к небывалому в истории по своей продолжительности и глубине экономическому кризису, которого не может удовлетворительно объяснить теория.

Понятно, что неизбежное в ходе приватизации разрушение *системы* предприятий уже само по себе должно было привести к огромным потерям в результате утраты огромного кооперативного эффекта, которым обладало советское хозяйство. Но даже в отношении отдельных предприятий миф о якобы высокой эффективности частных предприятий в сравнении с государственными в середине 80-х годов был уже совершенно развеян в экономической науке. Как наша интеллигенция, убеждавшая граждан поддержать приватизацию, могла этого не заметить и этим не заинтересоваться? Где же ее рациональный декартовский скептицизм? Ведь Декарт писал: «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью... включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать это сомнению». Это и есть кредо рационального мышления.

А ведь проблема не снята за десять лет, прошедшие после приватизации. Отношение к ней — постоянный вопрос в РФ, пробный камень для политиков. В. В. Путин от него не мог уйти и вынужден ее одобрить — зная, что население этой приватизации не поддерживает. Он говорит в «телефонном разговоре с народом» 18 декабря 2003 г.: «У меня, конечно, по этому поводу есть свое собственное мнение: ведь когда страна начинала приватизацию, когда страна перешла к рынку, мы исходили из того, что новый собственник будет гораздо более эффективным. На самом деле — так оно и есть: везде в мире частный собственник всегда более эффективный, чем государство».

Да, те, кто поживился, — за приватизацию. Глядя на их сытые лица, это вполне можно понять. Но довод, приведенный в последней фразе В. В. Путина, настолько не вяжется с реальностью, что возникает подозрение — не Андрей ли Илларионов ему посоветовал? Нигде в мире частный собственник не является более эффективным, чем государство. Сама постановка вопроса неверна — эффективность частника и государства *несоизмеримы*, поскольку они оцениваются по разным критериям. У частника критерий — прибыль; а у государства — жизнеспособность целого (страны).

Профессор экономического факультета МГУ В. М. Кульков писал в 1997 г.: «В ходе приватизации упорно внушалась мысль о заведомой неэффективности государственной собственности. Между тем анализ функционирования предприятий по четырем крупнейшим странам Западной Европы (в середине 80-х гг.) показывает, что соотношение показателей производительности труда в государственном и частном секторах было в пользу первого: в ФРГ оно составило 1,34, во Франции — 1,30, в Италии — 1,21, в Великобритании — 1,91, в среднем по четырем странам — 1,44»¹.

В. М. Кульков объясняет, что сравнивать эффективность частных и государственных предприятий по прибыльности в принципе неверно, так как в капиталистической экономике государственные предприятия создаются именно в неприбыльных отраслях, из которых уходит капитал. При диктате рынка это привело бы к опасной деформации всей структуры производственной системы, и государство корректирует положение или путем национализации убыточных предприятий, или путем бюджетных инвестиций для создания новых.

Более того, уже в ходе приватизации промышленных предприятий в Польше дотошные западные экономисты вели сравнительный анализ в «переходной» экономике. Российский экономист Р. Т. Зяблук пишет о его результатах: «Проекты по сравнению эффективности государственных и частных предприятий были проведены после и в ходе приватизации промышленности в Польше. В исследовании Лондонской экономической школы не удалось прийти ни к какому выводу. В исследовании МВФ был сделан вывод о более высокой эффективности государственных предприятий»².

Приватизация 90-х годов стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бюрократией и преступным миром. Две эти социальные группы поделили между собой промышленность России. Участие каждой было необходимо для такого дела. Номенклатура имела власть, послушный аппарат управления и идеологическую машину, чтобы парализовать общественное сознание. Уголовные и теневые дельцы имели подпольную организацию, действующую вне закона и морали, большие деньги и поддержку мирового криминального капитала, а также свои

---

¹ *Кульков В. М.* Формирование смешанной экономики в России: есть ли шансы? // Шансы российской экономики. Вып. 2 (1997). С. 90 — 98.

² *Зяблук Р. Т.* Потенциал развития экономики России // Шансы российской экономики. Вып. 2 (1997). С. 99 — 132.

«боевые дружины» в трудовых коллективах — на случай протестов снизу.

Этот союз бюрократии и преступности нанес по России колоссальный удар, и неизвестно еще, когда она его переболеет. Допустив воров к экономической власти, номенклатура не только отдала хозяйство на поток и разграбление, но и навязала нам хищных и темных законодателей в культуре, нравственности, даже в обыденных привычках и языке. Агрессивный браток с золотой цепью на шее, полный комплексов и презирующий все светлое и высокое, наступил своим тупоносым башмаком на нашу школу, литературу, спорт, на юношеские мечты нового поколения.

Может быть, команда Горбачева и Ельцина, все эти чубайсы и черниченки, ясины и поповы «хотели как лучше»? Может быть они, как демократы-утописты, совершили трагическую ошибку и сегодня втайне терзаются угрызениями совести? Нет, вопрос этот изучен, и ответ не вызывает сомнения: все последствия приватизации были точно предсказаны специалистами, все варианты были просчитаны и в Москве, и в Вашингтоне, вся информация была властям предоставлена.

Схема приватизации «по Чубайсу» готовилась в США и была за два года до этого опробована в Польше (там это называлось «план Бальцеровича», который вызвал сильное сопротивление и был свернут уже при Лехе Валенсе). По этой схеме изначально предполагались всплеск коррупции, разорение государства и усиление преступного мира — удар по всем структурам жизнеустройства.

Видный польский экономист, президент Польского экономического общества и убежденный сторонник рыночной экономики профессор Рафал Кравчик, долго работавший в США, писал в своей книге на основании первого опыта приватизации в Польше: «Правительство относится к своим предприятиям явно недружелюбно, и создается впечатление, что оно желает им всего наихудшего. Подход правительства к оценке стоимости капитала, каким являются государственные предприятия, указывает на желание всячески занижить его перед началом приватизации с непонятным стремлением показать стране и миру, что стоимость польских предприятий не выше цены металлолома»¹.

Планы приватизации в СССР вырабатывались тщательно, дележка заводов велась втайне несколько лет — потому что не было никаких склок и задержек в момент распределения. И подставные кадры были готовы. Без шума скромный аспирант Каха

---

¹ Кравчик Р. Распад и возрождение польской экономики. М.: 1990. С. 201.

Бендукидзе «купил на ваучеры» «Уралмаш», столь же скромный научный работник Березовский — Омский нефтеперерабатывающий завод и т.д.

Сам Бендукидзе говорит откровенно. Вот его интервью газете «Файнэншл таймс» от 15 июля 1995 г.: «Для нас приватизация была манной небесной. Она означала, что мы можем купить у государства на выгодных условиях то, что захотим. И мы приобрели жирный кусок из промышленных мощностей России. Захватить «Уралмаш» оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости»¹.

Скромничает «новый русский Каха» — не за тысячную долю купил, а в сорок раз дешевле. Заплатив (кому, интересно?) за «Уралмаш» 1 миллион долларов, он получил в 1995 г. 30 млн. долл. чистой прибыли. При этом практически угробив замечательный «завод заводов».

Следующим важным шагом в углублении коррупции властной верхушки и огосударствлении преступного мира стала программа приватизации через залоговые аукционы, породившая «олигархов». Дж. Стиглиц говорит об этой программе: «Наиболее вопиющим примером плохой приватизации является программа займов под залог акций. В 1995 г. правительство, вместо того чтобы занять необходимые ему средства в Центральном банке, обратилось к частным банкам. Многие из этих банков принадлежали друзьям членов правительства, которое выдавало им лицензии на право занятия банковским делом. В среде с очень слабым регулированием банков эти лицензии были фактически разрешением на эмиссию денег, чтобы давать их взаймы самим себе, или своим друзьям, или государству.

По условиям займов государство давало в залог акции своих предприятий. А потом вдруг — ах, какой сюрприз! — государство оказалось неплатежеспособным, и частные банки оказались собственниками этих предприятий путем операции, которая может рассматриваться как фиктивная продажа (хотя правительство осуществляло ее в замаскированном виде «аукционов»); в итоге несколько олигархов мгновенно стали миллиардерами. Эта приватизация была политически незаконной. И тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции»².

¹ Голос Родины. 1995. № 22.

² Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003. С. 194. •

Сам А. Чубайс говорил о залоговых аукционах с гордостью: «Что такое залоговые аукционы 95-го года? Это было формирование крупного российского капитала искусственным способом. Далеко не безупречным... Но что мы получили и чего избежали? Мы действительно получили искажение равных правил игры, давление на правительство с целью получить индивидуальные преимущества, к сожалению, нередко успешное. Получили мощную силу, зачастую ни во что не ставящую государство»¹.

Е. Ясин, влиятельный идеолог и политик российского «олигархического капитализма», выражается о смысле залоговых аукционов откровенно: «Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, то есть прибег к государственному перевороту. Это позволило удержать курс на реформы... Единственным социальным слоем, готовым тогда поддержать Ельцина, был крупный бизнес. За свои услуги он хотел получить лакомые куски государственной собственности. Кроме того, они хотели прямо влиять на политику. Так появились олигархи» («Московские новости», 18.11.2003).

Так что никаких ошибок и упущений у приватизаторов не было. В мае 1991 г., когда уже были готовы законопроекты о приватизации в СССР и РСФСР, премьер-министр В. Павлов поручил Аналитическому центру АН СССР, где я работал, организовать их экспертизу. А дирекция поручила эту работу мне. По вопросу уже была богатая литература, хорошо изучен опыт приватизации в Польше и Венгрии, сделаны прогнозы и о том, что произойдет в СССР.

Был об этом даже доклад ЦРУ и разведуправления Министерства обороны США, представленный Конгрессу США по его запросу 16 мая 1991 г. Его анонимные авторы вызвали у меня уважение и признательность. Там просто и взволнованно говорилось о том, какие массовые страдания ожидают советских людей в результате приватизации, к которой совершенно не готово ни хозяйство, ни общество.

В нем, в частности, было сказано: «Переход от централизованной плановой экономики к рыночной представляется чрезвычайно болезненным процессом для осуществляющих его стран. При этом переходе выпуск продукции и занятость населения существенно, а в отдельных случаях весьма резко сокращаются, уровень инфляции, наоборот, увеличивается в два, а то и три раза... Вместе с тем приватизация не может быть осуществлена быстрыми темпами. В частности, большинство восточно-европейских стран достигли определенного прогресса при передаче в частные руки небольших предприятий, однако испытыва-

---

¹ Московский комсомолец. 1998. 23 сент.

ют значительные сложности при осуществлении политически очень щекотливого процесса передачи частникам крупных предприятий, являющихся собственностью государства. Существенным и, возможно, самым главным условием успешного осуществления реформ по переходу к рыночной экономике является политическое единство страны, базирующееся на доверии к избранному правительству, которое пользуется широкой поддержкой населения»¹.

Эти простые слова доклада ЦРУ находились в таком контрасте с тем, что мы слышали от своих «родных» политиков, академиков и поэтов, что потрясало это дикое смещение всех устоев. Было ясно, что приближается катастрофа. Кстати, думаю, доклад ЦРУ только побудил Буша еще сильнее надавить на Горбачева, поторопить с приватизацией. Война есть война.

О том, что главной целью приватизации в СССР и странах СЭВ было разрушение политической системы блока государств, противостоящих Западу в «холодной войне», в самой западной прессе говорилось совершенно открыто — даже трудно поверить, что наша отечественная интеллигенция могла этого не видеть. Накануне обсуждения закона о приватизации в Верховном Совете СССР можно было прочесть такие сообщения: «Западные правительства и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, поощряли восточноевропейские правительства к распродаже государственных активов... Со своей стороны, правительства [стран СЭВ] рассматривали приватизацию как средство разрушения базы политической и экономической власти коммунистов. Это было лейтмотивом предвыборных кампаний, прокатившихся по всей Восточной Европе в прошлом году»².

Поскольку цель была чисто политической и разрушительной, то ожидание «расцвета экономики» в результате приватизации, которое наблюдалось в среде нашей интеллигенции, было признаком провала в логике. Уже упомянутый польский экономист Р.Кравчик писал: «Невозможно просто внезапно запустить в ход рыночные механизмы в совершенно не подготовленной для этого экономической структуре. Надежда на то, что шок такого рода самопроизвольно приведет к гладкому переходу к рыночной экономике, неоправданна.

Нет ничего иллюзорнее и опаснее для будущего народного

---

¹ Комментарии, прогнозы, анализ, события (бюллетень ТАСС «КОМПАС»). 1991. № 103. 30 мая.

² Демпси Дж. Пора определиться в вопросах собственности. Файнэншл таймс. 1991. 16 апреля. (Цит. по: КОМПАС, № 94, 17 мая 1991 г.)

хозяйства, чем терапия такого рода, ибо она ведет к хаосу... Такого рода замыслы возникают всегда из доктринальных или тактических соображений. Примером этого может служить обсуждение в сенате в конце августа 1989 г. концепции «скачка в рынок», разработанной Джеффри Саксом и Дэвидом Липтоном в Нью-Йоркском фонде Сороса. Они предлагали немедленно ликвидировать дотации, прекратить контроль над ценами, перейти к стихийному формированию курса валют, создать полную открытость для иностранного капитала».

Готовя в Аналитическом центре доклад с анализом законопроекта о приватизации, мы обсуждали с экспертами все стороны дела, последствия применения всех статей будущего закона. И потом не раз приходилось удивляться, насколько верны были их прогнозы. Специалисты из МВД даже знали уже, как и куда будут распродаваться запасы ценных сплавов и материалов с приватизированных заводов.

Для сообщения выводов из нашего доклада меня вызвали на заседание Комитета по экономической реформе Верховного Совета СССР, последнее перед голосованием по закону о приватизации. Дали мне слово в самом конце заседания, на 5 минут. Все у них уже было решено, глаза блестели, речи были возбужденными — предвкушали эпохальное ограбление страны.

Горбачева представлял элегантный молодой человек, он только сказал, что «президент просит провести закон срочно, без проволочек». Я за 5 минут смог изложить только самые главные выводы — об экономических, технологических и криминальных последствиях такого закона. Мне засмеялись в лицо, даже спорить не стали — все это было досконально известно почтенному собранию из депутатов, академиков и высших чиновников. Мне даже на момент показалось, как в страшном сне, что я попал по ошибке в банду и бандиты смеются над моей ошибкой. Вдруг вижу милиционера, кидаюсь к нему, а он тоже смеется — он тоже бандит. Промелькнуло тогда в мозгу такое видение.

Приватизация стала и одной из крупнейших в истории программ по манипуляции сознанием. Шутка ли — уговорить народ отдать его собственность, с которой он регулярно получал большие дивиденды (хотя бы в виде низких цен и бесплатного жилья и врача). Велась эта манипуляция открыто около двух лет и показала исключительную эффективность. Рабочие, которые в 1989 г. категорически отвергали частное владение предприятиями (и, значит, безработицу), в 1992 г. отнеслись к этому равнодушно и даже благосклонно. А ведь они не получили для этого никаких разумных доводов и никакого положительного опыта —

почему же так изменилась их установка по важнейшему для них вопросу? Так им промыли мозги.

Для политики и прессы был даже создан особый язык. Веды приватизация — лишь малая часть изменения отношений собственности. Она — лишь наделение частной собственностью на предприятие. Но это предприятие было собственностью народа (нации). Государство выступает лишь как управляющий этой собственностью. Чтобы ее приватизировать, необходимо было сначала осуществить *денационализацию*. Это самый главный и трудный этап, ибо он означает *изъятие* собственности у ее владельца (нации). А это, очевидно, не сводится к экономическим отношениям (так же, как грабеж в переулке не означает для жертвы просто утраты некоторой части собственности). Однако и в законах о приватизации, и в прессе проблемы изъятия собственности замалчивались. Слово «денационализация» не встречается ни разу, оно стало табу и заменено специально придуманным словечком «разгосударствление».

Лукавые «архитекторы» запустили в сознание ложную метафору: «общественная собственность — *ничья*». Мол, иду, вижу — валяется завод. Оказывается, ничей, я и подобрал. Народу бросили как кость мизерную часть собственности в виде ваучеров и акций — заранее зная, что удержать их люди не смогут. На сессии Верховного Совета 23 и 24 сентября 1992 г. в тяготе вяжущих лживых речей блеснуло несколько откровений. Вот слова Чубайса: «Не является ли обманом населения тот факт, что определенные группы скупают у людей чеки?.. Но если у людей скупают, то это значит, что люди продадут. А если люди продадут, то это их решение. Это означает, что мы даем им реальную возможность, не на уровне лозунгов и призывов, а на уровне нормальных экономических отношений, получить реальный, живой дополнительный доход, который для многих сегодня является вопросом жизни и смерти. Давайте дадим людям возможность такой доход получить».

Здесь все сказано о том, как доведенные до обнищания люди продадут свои чеки и акции. Так в 1920 г. продавали рояль за мешочек проса и драгоценную картину за полбуханки хлеба. Технология организации голода и с его помощью ограбления разработана досконально — и Гайдар с Чубайсом этой технологией овладели в совершенстве.

Результат известен. Мощные советские заводы перво-наперво раздробили (в среднем на 6 частей), чем угрожали единую технологическую базу, и вытолкали с них почти половину рабочих. В 1990 г. в РСФСР имелось 26,9 тыс. промышленных предприятий с 23,1 млн. человек промышленно-производственного пер-

сонала, в 1997 г. 159 тыс. предприятий с 14,0 млн. человек персонала. Находящиеся на предприятиях запасы материалов, равные по стоимости двум годовым ВВП нынешней РФ, сразу сплавляли за рубеж, да и большую часть оборудования сорвали с оснований и продали в Турцию и Китай. Искалеченный обрубок промышленности работает в половину прежней мощности. Капиталовложений в обновление техники практически нет.

Регресс в технологии и организации труда такой, что не только в «наш общий европейский дом» войти нам не светит, а и Бразилия становится недостижимой мечтой. Вот самая богатая, не имеющая проблем со сбытом отрасль — нефтедобыча. В 1988 г. на одного работника здесь приходилось 4,3 тыс. т добытой нефти, а в 1998 г. — 1,05 тыс. т. Падение производительности в 4 раза! В электроэнергетике, хоть она и меньше приватизирована, то же самое — производительность упала в два раза и сейчас ниже уровня 1970 г. В 1990 г. на одного работника приходилось 1,99 млн. кВт/ч отпущенной электроэнергии, а в 2000 г. 0,96 млн. кВт/ч.

Найшуль, Чубайс и другие идеологи приватизации называют себя *либералами*. Это самоназвание, реальных оснований для него нет. Действительно, либерализму, как и всей позитивной науке XIX в., была свойственна тенденция переносить на социальные явления и системы методы и подходы естественных наук. Одним из таких подходов является *редукционизм* — упрощение реальной целостной проблемы и представление ее в виде модели, из которой исключены многие стороны реальности. Но никто не мог ожидать, что в культурном слое России в конце XX века редукционизм в представлении общественных процессов приобретет такие тупые, доведенные до абсурда формы.

В ходе подготовки к приватизации проблема была представлена в виде ее *экономической* модели. Это гротескное упрощение реальности. Более того, даже чисто экономическая модель была представлена в концепции приватизации в крайне усеченном виде. Она была поразительно упрощена даже по сравнению с той структурой проблемы приватизации, которая была принята в странах Западной и Восточной Европы. В России приватизация стала средством разрушения народного хозяйства и попутно средством грабежа и создания огромных преступных состояний.

Чтобы блокировать рациональное обсуждение проблемы, из концепции приватизации, положенной в основу законопроектов, были полностью исключены социальный, культурный и психологический аспекты проблемы. Не предполагалось и со-

здания механизмов, которые смогли бы погасить неизбежные потрясения в этих сферах.

Понятно, что любой хозяйственный уклад имеет под собой *мировоззренческую* основу. Радикальная приватизация хозяйства СССР по западному образцу означала внедрение силой государственной власти совершенно новых отношений в социальную и культурную ткань населяющих СССР народов. Между тем капиталистическая экономика западного типа базируется на специфической культурной основе, несовместимой с культурой России. Об этом было говорено и переговорено. «Дух капитализма» имеет определенные религиозные корни (протестантизм), определенную картину мира, определенный тип рациональности и мышления (механицизм и европейская наука), определенную этику. И все это в одинаковой мере важно и для предпринимателей, и для рабочих.

Поддержав рухнувших напролом «приватизаторов», российская интеллигенция растоптала и заданные Просвещением нормы рациональности, и здравый смысл, присущий отечественной культуре. За это мы сегодня и расплачиваемся.

В ходе подготовки к приватизации велась интенсивная идеологическая кампания, которая стала одним из факторов тяжелого культурного срыва — всплеска самого дремучего социал-дарвинизма, биологизации представлений об обществе, антиуравнительных и антирабочих настроений в среде интеллигенции.

В Концепции закона о приватизации РСФСР (1991 г.) в качестве главных препятствий ее проведению называются такие: «Мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников, сильные уравнилельные настроения и недоверие к отечественным коммерсантам (многие отказываются признавать накопления кооператоров честными и требуют защитить приватизацию от теневого капитала); противодействие слоя неквалифицированных люмпенизированных рабочих, рискующих быть согнанными с насиженных мест при приватизации».

Замечательна сама фразеология этого *официального* документа. Большинство (!) соотечественников якобы имеют «мировоззрение поденщиков и социальных иждивенцев» (трудящиеся — иждивенцы, какая бессмыслица). Рабочие — люмпены, которых надо гнать с «насиженных мест». Эти выражения свидетельствуют о том, что влиятельная часть либеральной интеллигенции впала в тот момент в мальтузианский фанатизм времен «дикого капитализма». Такой антирабочей фразеологии не потерпела бы политическая система ни одной демократической страны, даже в прессе подобные выражения вызвали бы скандал — а у нас сто-

ронники А. Д. Сахарова применяли их в парламентских документах¹.

После завершения приватизации Е. Боннэр издевалась: «Главным и определяющим будущее страны стал передел собственности. У народа собственность так и ограничится полным собранием сочинений Пушкина или садовым домиком на шести сотках. И, в лучшем случае, приватизированной двухкомнатной квартирой, за которую неизвестно сколько надо будет платить — многие не выдержат этой платы, как не выдержат и налог на наследство их наследники. Ваучер не обогатит их, может, с акций когда-нибудь будет хватать на подарки внукам»². Утритесь, духовная элита нации!

Этот раздел мы начали с обсуждения результатов большого опроса двух выборок в населении СССР — усредненной выборки и выборки среди интеллигентов (читателей «Литературной газеты»). И вот прошло семь лет с того большого опроса 1989 года, экономическая реформа, которой так хотела интеллигенция, в главном состоялась. Каковы же оценки? Оказалось, что ожидания людей трагическим образом обмануты. В начале 1989 г. лишь 10% считали, что в ближайшие годы экономическое положение в стране ухудшится (59% считали, что улучшится, 28% — что останется без изменений). Для ухудшения действительно не было никаких объективных причин. Но основания для оптимизма были совершенно разными у интеллигенции и у «массы».

Масса явно *не желала капитализма*, и ее надежды на улучшение вытекали из того, что советская власть не позволит произойти такому перевороту, чреватому разрушением хозяйства. А потенциал плановой системы, по мнению большинства, был велик и позволял модернизировать хозяйство, в том числе увеличивая его разнообразие и интегрируя в него рыночные механизмы (как это и произошло в Китае). Можно сказать, что выбор большинства народа был фундаментально верен, но ошибочен на уровне политики: КПСС обманула их ожидания и «сдала» страну.

Иное дело у интеллигенции: она *хотела капитализма* и ждала

---

¹ В прессе же самым обычным делом стали совершенно абсурдные заявления в духе социал-дарвинизма. Вот высказывание одного из первых крупных бизнесменов Л. Вайнберга: «Биологическая наука дала нам очень необычную цифру: в каждой биологической популяции есть четыре процента активных особей. У зайцев, у медведей. У людей. На Западе эти четыре процента — предприниматели, которые дают работу и кормят всех остальных. У нас такие особи тоже всегда были, есть и будут» (Вайнберг Л. И. Московский комсомолец. 1988. 1 мая).

² Боннэр Е.: «Главным и определяющим будущее страны...» // ИСИ РАН. Интервью 16 февраля 1994 г. (Интервьюер Лапина Г.П.)

его от бригады Горбачева — Ельцина. Она не ошиблась политически, но ее ошибка на фундаментальном уровне грандиозна. «Капитализм», который только и мог быть периферийным, разрушил отечественное хозяйство и оставил подавляющее большинство населения, включая большинство интеллигенции, у разбитого корыта.

Можно ли ожидать, что наша культура «переварит» все это и новые «собственники» станут рачительной буржуазией, которая превратит Россию в цветущий сад? Пока что никаких признаков, подающих такую надежду, не появилось. Уже сложился генотип российского псевдокапитализма — тупого, алчного и расточительного. Если у идущего нам на смену поколения, свободного от советских догм и иллюзий, не возникнет политической воли, Россия превратится в вымирающую трущобу и надолго выпадет из культуры.

Глава 36

ПОДДЕРЖКА РЫНОЧНОЙ РЕФОРМЫ В РФ: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ С ЗАПАДА

Весь раздел, посвященный тому, как была воспринята в широких кругах нашей интеллигенции доктрина и практика «рыночной реформы» в РФ, полезно заключить суждениями и оценками *западных* экономистов и философов, причем в большинстве своем специалистов *либерального* толка. В этих суждениях трудно усмотреть и корысть советских «консерваторов», якобы пекущихся о сохранении своих привилегий, и фанатизм «красно-коричневых», якобы отвергающих западную хозяйственную систему из-за своей идеологической ограниченности.

Дадим слово самим западным авторитетам, пусть наши честные интеллигенты, считающие себя либералами и демократами-западниками, услышат из их уст, какие грубые и фундаментальные ошибки они допустили, поверив подряд трем командам реформаторов, от Горбачева до Путина.

Прежде всего зафиксируем, что уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в РФ «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным среди западных специалистов. Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц, безусловный сторонник рыночной экономики, дает оценку совершенно ясную, которую невозможно смягчить: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый

столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту, особенно когда оно ведет к социальной и политической нестабильности»¹.

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества*. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*, о возникновении в сфере сознания «странных аттракторов», которые тянули к выбору наихудших вариантов из всех возможных, тянули к катастрофе. Какое же русская интеллигенция, которая поддерживала доктрину этих реформ и забрасывала цветами ее авторов, имеет право уклоняться теперь от честного анализа этих ошибок?!

В 1996 г. целая группа американских экспертов, работавших в РФ, была вынуждена признать: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества»². Страх — это эмоция, он вне рациональности. Причины нашей драмы в том, что эмоции типа *параноидального* страха не были обузданы разумом — логикой и расчетом. В большой мере это произошло вследствие постыдной для интеллигенции слабости — *невежества*. Очень многие из ошибочных установок наша образованная публика приняла просто потому, что мало знала и искала не достоверности, а убеждений. И речь идет вовсе не только о ее поводырях-реформаторах, но и о массе образованных людей.

Эмсен и др. пишут в своем докладе: «Несмотря на плачевные результаты, неуклонное следование логике шоковой терапии в России и Восточной Европе было в какой-то мере добровольным, отражая взгляды части интеллигенции. Для многих интеллигентов стало символом веры, что быстрая радикальная экономическая реформа абсолютно необходима, дабы избежать обратного хода событий после очередных выборов. Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык «скрытых сталинистов» (Эмсен и др., с. 67).

Заметим, что в самой РФ о катастрофическом провале реформ, ведущихся по схеме МВФ, говорили вовсе не только «скрытые сталинисты», а и вполне либеральные экономисты-

---

¹ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003. С. 188.

² Эмсен А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1996. С. 65 — 85.

«рыночники», по разным причинам сохранившие независимость суждений. Н. Петраков и В. Перламутров писали в академическом журнале: «Анализ политики правительства Гайдара — Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы. Взяв на вооружение концепцию финансовой стабилизации, имеющую весьма ограниченное и производное значение, они стали множить дестабилизирующие факторы»¹.

Итак, в огромной стране совместными усилиями политиков и влиятельного интеллектуального сообщества при поддержке широких слоев интеллигенции искусственно создана хозяйственная и социальная катастрофа. Казалось бы, перед российской интеллигенцией и особенно перед научным сообществом возник очень важный в теоретическом и еще более в практическом плане объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Очевидно, что обществом совершена ошибка (корыстные и преступные соображения политиков — лишь отягчающие обстоятельства этой ошибки), но за прошедшие десять лет никакого стремления к рефлексии по отношению к программе реформ в среде интеллигенции не наблюдается! Гораздо больше анализом того, что произошло в России, озабочены ученые Запада. Разве это не говорит о том, что что-то важное сломалось в сознании нашего образованного слоя?

Дж. Стиглиц констатирует: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой»... Программа стабилизации-либерализации-приватизации, разумеется, не была программой роста. Она была нацелена на создание предварительных условий для роста. Вместо этого она создала предварительные условия для деградации. Не только не делались инвестиции, но и снашивался капитал — сбережения испарились в результате инфляции, выручка от приватизации или иностранные кредиты были растрочены. Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным» (Стиглиц, с. 81, 176).

То есть реформаторы под аплодисменты широких слоев интеллигенции совершили ошибки, которые можно было предсказать чисто логическим путем (и их предсказывали с большой точностью). Это ошибки *тривиальные*. Чтобы их не видеть, надо

---

¹ Петраков Н., Перламутров В. Россия — зона экономической катастрофы // Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 76.

было впасть в аномальное, болезненное состояние сознания. Но надо же когда-то заняться лечением!

Были и более важные ошибки, которые не обязан рассматривать Дж. Стиглиц, но обязана понять российская интеллигенция. Реформаторы убили *хозяйственный организм*, а строения его не знают. И всякие ссылки на реформы Тэтчер, у которой якобы учился Чубайс, на приватизацию лавочек и мастерских в Польше при Лехе Валенсе — ложь и издевательство над здравым смыслом. Здесь нет никакого подобия промышленности СССР, которая представляла собой один большой комбинат. Не может врач, на руках которого из-за его ошибки умер пациент, не задуматься о сути этой ошибки, не раскопать ее причин. Это было бы противоестественно, противоречило бы главным нормам врачебного сознания. Но ведь интеллигенция, призывавшая народ поддерживать реформы, как раз и выступила в роли врача, обещавшего вылечить болезни нашего хозяйства. И вот совершены тяжелые ошибки, хозяйство загублено — и никаких признаков рефлексии!

Были ли эти ошибки неизбежны, стояла ли перед реформаторами и их «группой поддержки» сложная задача, на которую не могла дать ответа экономическая наука? На этот вопрос можно ответить вполне определенно: нет, никаких непреодолимых сложностей не было, провал реформы был надежно предсказан специалистами самых разных политических направлений. Дж. Стиглиц подчеркивает: «За последние пятьдесят лет экономическая наука объяснила, почему и при каких условиях рынки функционируют хорошо и *когда этого не происходит*» (Стиглиц, с. 253). Причина нашей катастрофы — именно смесь политического интереса («страха») и невежества.

Перечислим кратко главные ошибки, совершенные в ходе реформы в РФ. Они взаимосвязаны, и их трудно расположить в иерархической последовательности. Можно сказать, что была совершена одна большая фундаментальная ошибка, которая слегка по-разному видится с различных точек зрения.

Как известно, в качестве цели реформ было декларировано превращение советской хозяйственной системы в экономику свободного рынка, причем западного (и даже не вообще западного, а англосаксонского) типа. Когда в 1988 — 1989 гг. академики от А до Я (от Аганбегяна до Яковлева) заговорили о переходе к свободному рынку, это поначалу воспринималось как мистификация, как дьявольская хитрость ради каких-то политических махинаций, которые задумал Горбачев. Казалось невероятным, что наши миллионы образованных людей поверят в эту нелепость. Немногие видные западные экономисты, которые могли в

тот момент вставить слово в каком-нибудь интервью для советской прессы, тоже были в недоумении. Например, английский историк экономики Теодор Шанин в интервью «Известиям» (25 февраля 1989 г.) сказал: «Меня смущает, когда у вас говорят о свободном рынке Запада. Где он? Его нет. Скажем, цены на молоко в Англии определяет правительство, а не рынок».

Чуть позже Дж. Гэлбрейт сказал об этих планах наших реформаторов более откровенно: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» («Известия», 31 янв. 1990 г.).

Психическое отклонение клинического характера — вот как это воспринималось западными специалистами, не имеющими причин лгать!

Навязывая обществу определенную доктрину реформ, политики, в том числе с академическими титулами, утверждали, что они опираются на самую современную и эффективную экономическую теорию — неолиберальную. Политики были недобросовестны, в этом уже не может быть сомнений. Но со стороны интеллигенции *вера в теорию*, которой никто не изучал и никто не обсуждал, смахивает на идолопоклонство. Ведь даже сами творцы этой теории честно предупреждали, что она имеет ограниченное поле действия, а именно: общество, проникнутое «духом капитализма», так называемой «протестантской этикой» наживы как благой высшей цели. Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенен так определил то условие, при котором экономическая теория обладает полезностью: «Теория будет полезной, если экономические отношения распространены в достаточной степени, чтобы возможно было прогнозировать и толковать человеческое поведение. Более того, экономическая теория может быть применима к реальному миру только в том случае, если экономическая мотивация преобладает в поведении всех участников рыночной деятельности»¹.

Принятие неолиберальной доктрины для реформирования отечественной экономики поразительно и потому, что это означало очевидный разрыв непрерывности, *самоотречение*, отказ от всякой исторической преемственности принципов хозяйственного развития — и одновременно от принципов экономической

---

¹ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Расчет свободы. М.: 1997. Т. 1. С. 53.

рациональности вообще. Как могли пойти на это интеллигентные люди, считающие себя русскими, даже православными! Ведь это редкостный случай в истории культуры.

Американские эксперты пишут: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку — это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России» (Эмсен и др., с. 65).

Никаких шансов на успех такая реформа не имела. Народное хозяйство любой страны — это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений, даже если на время политикам удастся пробудить массовый энтузиазм и радужные иллюзии. В данном же случае устойчивой массовой поддержки неолиберальная доктрина реформ в СССР и РФ не получила, что показали многочисленные исследования и самые разные способы демонстрации позиции «послушно-агрессивного большинства» («совка», «люмпена», «иждивенца» — сам набор ругательств, которыми осыпали идеологи реформ большинство населения, говорит о неприятии реформ).

Это и поражает западных обозревателей. В большом американском докладе сказано: «Критически важным политическим условием экономического успеха является разработка *стратегии перехода, опирающейся на широкую поддержку общества*. Без такой поддержки, без изначальной социальной направленности реформ ни одну из них нельзя считать «необратимой»... С точки зрения развития, нынешний режим, основанный на неолиберальной политике, — тупик. Он не способен провести истинные реформы в демократическом духе. Неолиберальная доктрина фактически не имеет общественной поддержки, что диктует авторитарную тактику проведения болезненных и непопулярных мер (которые несовместимы и с задачами развития). Все, что формируется в современных условиях, — зыбко и непостоянно» (Эмсен и др., с. 66, 81).

Понятно, что правящая верхушка США была заинтересована в том, чтобы разрушить экономику СССР, расчленив его и втянуть его куски в свою орбиту. «Холодная война» — война на уничтожение. В западной литературе, однако, экономическая часть этой доктрины трактуется как ошибка. Дж. Грей пишет: «Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из за-

падных моделей, означает демонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада»¹.

Мотивация западных политиков нас мало волнует. Нас волнует тот факт, что российская интеллигенция должна была на время совсем ослепнуть, чтобы поверить западным политикам и их подслеповатым теоретикам. Ведь даже если бы либеральная доктрина была хороша для условий Запада (хороша ли она для них, это особый вопрос), она совершенно не могла привести к успеху в России, какие бы законы ни принимали Верховный Совет РСФСР или Госдума РФ. Это странное идолопоклонство, слепая вера в закон, которую проявили наши интеллигенты, просто пугает.

Дж. Грей пишет о приверженцах неолиберализма: «Его сторонники либо не понимают роли культуры в поддержании политического порядка и обеспечения легитимности рыночных институтов, либо отвергают ее как нечто иррациональное. Они убеждены, что только система общих, обязательных для всех законов, якобы воплощающих общепринятые представления о правах, — единственное, что требуется для стабильности рыночных институтов и либерального гражданского общества. Такая разновидность *либерального легализма* не учитывает или отрицает, что рыночные институты не станут стабильными, — во всяком случае, в своем сочетании с демократическими институтами, — пока они будут расходиться с преобладающими понятиями о справедливости, нарушать иные важные культурные нормы или оказывать слишком разрушительное воздействие на привычные ожидания граждан. Короче говоря, этот либерализм отрицает очевидный факт, что абсолютно свободный рынок несовместим с социальной и политической стабильностью; в то же время стабильность самих рыночных институтов в гораздо большей мере зависит от того, насколько они приемлемы в политическом и культурном отношении, чем от совокупности правовых норм, призванных определять их рамки и защищать их» (Грей, с. 201 — 202).

Идолопоклонством отдает и слепое убеждение в том, что России (СССР) следовало копировать Запад — сначала в соревновании с ним, потом в имитации его. И эта тяга к имитации, к отказу от творчества и синтеза, от широкого сравнения разных вари-

---

¹ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003. С. 81.

антов, испытанных в различных культурах, вдруг проявилась с тупой силой именно в интеллигенции! Ее символом веры стал давно, казалось бы, изжитый в просвещенном сознании примитивный евроцентристский миф о том, что Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его наиболее чистом виде. Этот миф используется в западной пропаганде и психологических войнах — а у нас его носителем стала интеллигенция!

Либеральный философ Дж. Грей пишет: «Вместо того чтобы упорствовать в своей приверженности несостоятельному проекту апологетического либерального фундаментализма, следует признать, что либеральные формы жизни сообщества принимают по воле случая и сохраняют благодаря идентичности, сформировавшейся у индивидов в силу того же исторически случайного стечения обстоятельств, причем своим случайным характером и идентичность, и судьба либеральных сообществ ничем не отличаются от всех других. Тем самым мы признаем, что либеральные убеждения и либеральные культуры — это конкретные социальные формы, которым не положено никаких особых привилегий ни со стороны истории, ни со стороны человеческой природы» (Грей, с. 167).

Выбор за образец для построения нового общества именно Соединенных Штатов Америки — страны, искусственно созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице, — не находит никаких рациональных объяснений. Трудно сказать, какие беды нам пришлось бы еще испытать, если бы у реформаторов действительно хватило сил загнать нас в этот коридор.

Этот выбор поражает западных либералов. Дж. Грей пишет: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях» (Грей, с. 192).

И ведь в этом сходятся и английский либерал Дж. Грей, и основоположники современной русской культуры! Гоголь в своих размышлениях о Западе страдал не только от страха за судьбу России, но и при виде угрозы душе европейца. А поскольку уже было ясно, что США стали наиболее полным выразителем нового духа Запада, о них он и сказал, перефразируя Пушкина: «Что

такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит»¹.

Надо к тому же вспомнить, что, в отличие от образованного слоя, массовое сознание СССР вовсе не было так жестко привязано к ориентации на США — люди без высшего образования разумно считали, что для нашей страны гораздо полезнее было бы поучиться реформам у стран Юго-Восточной Азии. Это показали широкие опросы 1989 — 1990 гг. Ориентация на зарубежный опыт расщепляется так резко, что можно даже говорить о двух противоположных векторах. В «общем» опросе населения СССР в 1989 — 1990 гг. (опрос в «выборке») опыт Японии назвали самым ценным 51,5%, а в опросе через «Литературную газету» (пресс-опрос), то есть среди интеллигенции, — только 4%! При этом социологи уточняют: «Те, кто назвал ценным для нашей страны опыт США, в пресс-опросе чаще называют в ряду главных событий года (в сравнении с упомянутыми другие страны) возвращение доброго имени академику Сахарову (31%, в аналогичной группе по выборке — 6%), возникновение народных фронтов (14%, в подобной же группе по выборке — 3%). Иначе говоря, ориентация на достижения США предполагает более активную заинтересованность в процессах демократизации, политического обновления страны. Япония же крайне редко называется сторонниками политических реформ»².

Однако, несмотря на явную ориентацию массового сознания на опыт Азии (Япония и Китай в сумме набрали 63,5% высших оценок в общей выборке), наши реформаторы, начиная с Явлинского и кончая нынешними, пошли за «чикагскими мальчиками», как за крысоловом с его дудочкой. Никаких интеллектуальных ресурсов не было направлено на изучение, обсуждение и освоение опыта модернизации и рыночных реформ в азиатских странах, никаких усилий не было сделано для сохранения там тех прочных позиций, которые кропотливо создавались в советское время. Ценным для нас опытом Японии, Китая, Кореи просто пренебрегли. Американские эксперты пишут: «За пренебрежение восточноазиатской моделью постсоциалистические страны уплатили очень высокую цену. Ведь, по крайней мере, два краеугольных камня восточноазиатского «чуда» имелись также в России и Восточной Европе: высокий уровень образования и равномерность распределения доходов» (*Эмсен и др.*, с. 76).

¹ На деле Пушкин выразился так: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом».

² Есть мнение! М.: Прогресс, 1990. С. 95 — 96.

Тотальная ориентация российских реформаторов на Запад была вдвойне неразумной оттого, что тот Запад, утопический образ которого создавался в пропагандистских целях во время «холодной войны» и перестройки, разрушается вместе с советской системой, ибо он, как ее антагонист, в большой мере и был порождением «холодной войны». Куда собирались и собираются «входить» наши режимы от Горбачева до Путина? Уже в 1990 г. обнаружился глубокий кризис всех западных институтов, симптомом которого стали «странные войны» и еще более странные рассуждения политиков. Образец растаял в воздухе, а за ним все равно тянутся, поощряемые западными политиками параноидального типа, хотя и внешне разными, вроде Клинтона и Буша.

Дж. Грей пишет об этом провале в логике: «Те, кто формирует общественное мнение и делает политику на Западе, говоря о посткоммунистических государствах в переходный период, практически единодушно предполагают, что перестройка этих государств происходит по западному образцу и их интеграция в целостный международный порядок опирается на власть и институты Запада. В основе этой почти универсальной модели лежат анахроничные и абсолютно изжившие себя допущения... Подобного рода допущения игнорируют обусловленность этих институтов особой стратегической ситуацией времен «холодной войны», а также тот факт, что по мере дезинтеграции послевоенного мироустройства они все больше утрачивают для нас привлекательность... Сегодня ситуация такова, что на Западе нет ни одной достаточно стабильной системы институтов, куда на практике могли бы интегрироваться бывшие коммунистические государства. Реальной перспективой здесь, скорее всего, является прямо противоположная тенденция, ведущая к распространению экономического и военного хаоса постсоветского мира на Запад» (Грей, с. 75 — 77).

Более того, на исходе неолиберальной волны обнаружилась глубина того кризиса западной экономической системы, который был не создан, но усугублен неолибералами. «Холодная война», которая спланировала Запад как цивилизацию и как общество, после ее внезапного прекращения создала вакуум, который было нечем заполнить. Запад болен — как же можно было нашей огромной стране брать его в этот момент за образец!

Дж. Грей продолжает высказанную выше мысль: «Поистине самая изощренная и жестокая ирония истории заключается в том, что кризис легитимности институтов западного рынка, которого неомарксистские теоретики вроде Хабермаса напрасно ждали в течение десятилетий экономического процветания и «холодной войны», по-видимому, наступает теперь, в новом историческом контексте, уже в отсутствие враждебного соседства

Советов» (Грей, с. 80). В другом месте он развивает эту мысль так: «Саморазрушение либерального индивидуализма, которое Йозеф Шумпетер предвидел еще в 40-х годах XX века, скорее всего, произойдет быстро, особенно теперь, когда крах Советского Союза лишил западные институты легитимности, придаваемой им соперничеством с системой-антагонистом, и когда восточноазиатские общества более не связаны ограничениями послевоенного устройства и могут идти собственным путем развития, все меньше заимствуя западный опыт» (Грей, с. 170).

И уж совсем глупо (если отбросить версию о злом умысле) было для политиков ориентироваться в своих реформах на Запад в условиях спада производства и ухудшения жизни большинства населения. Ибо западный образ жизни если и терпим, то только при росте благосостояния. Любое снижение уровня жизни, даже по нашим меркам вообще незаметное, Запад переживает исключительно болезненно. Вот тогда здесь верх берет иррациональность вплоть до безумия — и появляются бесноватые фюреры, скинхеды или неолибералы. Дж. Грей пишет: «Именно смутное или негласное признание факта, что перед рыночными институтами в пору низкой эффективности экономики всегда встает проблема легитимности, и привело многих фундаменталистски настроенных идеологов экономического либерализма к необходимости поступиться рационалистической чистотой доктрины и соединить ее с определенными разновидностями морального или культурного фундаментализма» (Грей, с. 202).

Заметим, что в болезненной форме с отходом от рациональности произошло в среде интеллигенции и крушение западной иллюзии. Уже летом 1994 г. социологи ВЦИОМ пишут: «На протяжении последних лет почвеннические сантименты характеризовали прежде всего необразованную публику. Теперь наиболее яростными антизападниками выступили обладатели вузовских дипломов, в первую очередь немолодые. (Респондент этой категории ныне обнаруживает врагов российского народа на Западе вдвое чаще, чем даже такая, преимущественно немолодая и традиционно консервативная среда, как неквалифицированные рабочие.)

Именно эта категория людей (а не молодежь!) в свое время встретила с наибольшим энтузиазмом горбачевскую политику «нового мышления» и оказала ей наибольшую поддержку. Теперь они зачисляют Запад во враги вдвое чаще, чем нынешние образованные люди более молодого возраста¹. Здесь интересна

---

¹ Левинсон А.Г. Власть, бизнес и Запад // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1994. № 4. С. 24.

именно неустойчивость сознания интеллигенции «перестроенного» времени. А по сути проблемы молодежь вскоре подтянулась к старшим. В январе 1995 г. 59% опрошенных (в «общем» опросе) согласились с утверждением, что «западные государства хотят превратить Россию в колонию», а 55% опрошенных — что «Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду». Но уже и 48% молодых людей с высшим образованием высказали это недоверие Западу¹.

Однако можно сказать, что перечисленные выше ошибочные шаги к принятию общей доктрины реформ имели все же переходящий характер. Да, Запад сейчас болен. Да, у Японии многому можно было бы научиться. Но все же главный вектор — к буржуазному обществу, к рыночной экономике — от этого под сомнение не ставится! Чем же он плох для нашей Святой Руси?

В действительности именно в ответе на этот фундаментальный вопрос наши реформаторы совершили самые грубые нарушения норм рациональности. То меньшинство, которое рвалось к собственности (и дорвалось!) и надеется влиться в ряды «золотого миллиарда», действовало вполне рационально, хотя и недобросовестно. Удивительно то, что в буржуазный энтузиазм впала интеллигенция, которая всегда претендовала на то, чтобы быть нашей духовной аристократией, хранительницей культурных ценностей России. Как получилось, что она вдруг оказалась охвачена тупым, неразумным мировоззрением мещанства и стала более буржуазной, нежели российская буржуазия начала XX века? Еще более удивительно, что при этом в ней усилились и утопические, мессианские черты мышления. Быть мещанином и в то же время совершенно непрактичным — ведь это болезнь сознания почти смертельная.

Как представляла себе интеллигенция свое собственное бытие в буржуазном обществе, если бы его действительно удалось построить в России? Ведь сам этот культурный тип там никому не нужен. Й. Шумпетер писал: «Буржуазное общество выступает исключительно в *экономическом обличье*; как его фундаментальные черты, так и его поверхностные признаки — все они сотканы из *экономического материала*»². Напротив, русская интеллигенция — явление исключительно *внеэкономическое*. Она могла и может существовать только в «культуре с символами» (Гегель), то есть в обществе в основном *небуржуазном*. Она может жить

¹ Гудков Л. Д. Динамика этнических стереотипов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1995. № 2. С. 25.

² Цит. по: Иноземцев В. За предел экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: 1998. С. 184.

только в *идеократическом* государстве, пусть и под гнетом этого государства и с постоянной фигой в кармане. Ну уродился на нашей земле такой странный культурный тип — интеллигенция! Все над ним подшучивали и в то же время лелеяли. Если бы интеллигенция, бурно поддержав Горбачева и Ельцина, сознательно желала своего уничтожения и растворения в массе ларечников и нищих — куда ни шло. В этом социальном самоубийстве было бы даже нечто героическое. Но ведь все было не так! Наши интеллектуалы так и мечтали остаться аристократией при государственной кормушке, так же служить «инженерами человеческих душ», но чтобы вне их круга экономика была рыночной, а общество буржуазным. Чему только их учили в университетах и аспирантурах!

Сказано было много раз и вполне ясно: интеллигентность с рыночной экономикой несовместима. Лэш пишет: «[Рынок] оказывает почти непреодолимое давление на любую деятельность, с тем чтобы она оправдывала себя на единственно понятном ему языке: становилась деловым предприятием, сама себя окупала, подводила бухгалтерский баланс с прибылью. Он обращает новости в развлечение, ученые занятия — в профессиональный карьеризм, социальную работу — в научное управление нищетой. Любое установление он неминуемо превращает в свой образ и подобие»¹.

Более того, в главном все это растолковал уже Адам Смит, который предупреждал об опасности трагического обеднения всей общественной жизни под воздействием рынка. Дж. Грей цитирует такое резюме этих рассуждений Адама Смита: «Таковы недостатки духа коммерции. Умы людей сужаются и становятся более неспособными к возвышенным мыслям, образование записывается в разряд чего-то презренного или как минимум незначительного, а героический дух почти полностью сходит на нет. Исправление таких недостатков было бы целью, достойной самого серьезного внимания» (Грей, с. 194).

Надо отдать должное — Запад приложил огромные усилия, чтобы компенсировать эти недостатки «духа коммерции». Но ведь российские реформаторы не просто пренебрегли опытом *этих* усилий Запада, они проявили к этим усилиям и стоящим за ними культурным и политическим течениям поразительную ненависть и агрессивность. Надо было очень постараться, чтобы в таком обществе с высоким уровнем массовой культуры, как СССР, привести к рычагам и явной, и теневой власти самые

---

¹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс, 2002. С. 79 — 80.

темные и злобные слои и субкультуры — все то, что в нашем обществе олицетворяло *анти-Просвещение*.

Реформаторы и стоящие за ними социальные группы сумели перенять у Запада именно то, что сегодня и там разрушает их духовные, в том числе либеральные, ценности и установления. Дж. Грей отмечает важнейший для нашей темы процесс: «Существуют и возможности выбора ценностей, и истинные блага, и подлинные формы процветания человека, основанные на социальных структурах нелиберальных обществ. Из либеральных обществ такие ценности вытесняются или вышибаются, или они существуют лишь как слабые тени самих себя — стоит лишь разрушиться социальным структурам, на которых они основаны... Чего стоит интеллектуальная свобода, если обладающие ею граждане живут в условиях городского окружения, вернувшегося в «естественное состояние»? Какова ценность выбора, если этот выбор осуществляется в социальной среде, близкой, как в некоторых городах США, к состоянию «войны всех против всех» по Гоббсу, — ведь там почти нет достойного выбора?.. Из моих рассуждений следует, что западные либеральные формы жизни, в сущности, не всегда достойны лояльности: не обязательно именно они наилучшим образом соответствуют требованиям универсального минимума нравственных принципов, и их принятие иногда влечет за собой утрату драгоценных и незаменимых форм культуры» (Грей, с. 164, 169, 172).

Вот чем оборачивается для нас ошибка интеллигенции. Мало того, что она поддержала и на время легитимировала проект, который закончится неминуемым крахом со страшными последствиями для населения. До того, как это произойдет, бесплодное «принятие либеральных форм жизни» с большой вероятностью «повлечет за собой утрату драгоценных и незаменимых форм культуры». Каких трудов и жертв нам будет стоить возрождение этих форм культуры, да и все ли мы сможем восстановить!

В ухудшенном виде повторился интеллектуальный и духовный дефект мировоззрения российской либеральной интеллигенции, который уже и в начале XX века привел к катастрофическим последствиям, — непонимание культурного аспекта имитации Запада. А ведь об этом предупреждали русские философы. Вот что писал в 1926 г. философ («евразиец») Г. В. Флоровский об интеллигентах-западниках той формации: «Духовное углубление и изощрение им кажется не только непрактичным, но и чрезвычайно вредным. Разрешение русской проблемы они видят в том, чтобы превратить самих себя и весь русский народ в обывателей и дельцов. Им кажется, что в годину испытаний надо все духовные, религиозные и метафизические проблемы на время

оставить в стороне как ненужную и никчемную роскошь. Они со странным спокойствием предсказывают и ожидают будущее понижение духовного уровня России, когда все силы будут уходить на восстановление материального благополучия. Они даже радуются такому прекращению беспочвенного идеализма» («Вопросы философии», 1990, № 10)¹. Ну не о сегодняшних ли интеллектуалах-реформаторах это сказано?

Сами же российские либералы признают почти со скрежетом зубовным, что по своим фундаментальным чертам наше общество относилось к типу *традиционных* обществ, причем за советский период эти его черты еще усилились, несмотря на быструю модернизацию производства и быта. Для такого общества важнейшим условием его здоровья и самой жизни является *историческая память*, задающая культурные и нравственные нормы. Как же можно было избрать для РФ неолиберальную программу реформ, если именно разрушение исторической памяти является самым очевидным следствием этой программы! Ведь это покушение на убийство российского общества, пусть и по халатности и незнанию.

Дж. Грей пишет о последствиях неолиберальной волны на Западе: «Приняв неолиберальную программу непрерывной институциональной революции за основу своей деятельности, современные консерваторы не только отказались от любых претензий на роль гарантов преемственности национальной жизни, они еще и связали свои судьбы с политическим проектом, вне всякого сомнения, обреченным на поражение» (*Грей*, с. 174).

А вот его вывод более общего характера: «Навязывая людям режим непрерывных преобразований и вечной революции, не знающие пределов в своем развитии рыночные институты истощают запасы исторической памяти, от которых зависит культурная идентичность... Утрата исторической памяти, вызванная глобальным развитием рыночных сил, с любых истинно консервативных, да и осмысленно либеральных позиций, будет распеченена как своего рода культурное обнищание, а вовсе не одна из стадий пути к единой цивилизации» (*Грей*, с. 210).

Разрушение системы нравственных ориентиров наряду с социальным бедствием повлекло за собой в РФ взрыв массовой преступности. Ее жертвы, включая саму вовлеченную в преступ-

---

¹ Эта антикультурная позиция частично объясняется и невежеством нашей либеральной интеллигенции. Она не знала и не знает Запада. Георгий Флоровский писал далее: «Им не приходит в голову, что можно и нужно задумываться над предельными судьбами европейской культуры... Их мнимое преклонение пред Европой лишь прикрывает их глубокое невнимание и неуважение к ее трагической судьбе».

ность молодежь, ежегодно исчисляются миллионами — и это только начало нашего страшного пути. Ведь раскручивается маховик наркомании, который скоро сам создаст для себя двигатель — и остановить его будет очень трудно. Но ведь ко всему этому приложили свою честную руку наши интеллигенты — врачи и инженеры, научные работники и учителя. Благодаря их поддержке преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Рынок, господа! Культ денег и силы! И ничего в этом не было не известного — просто не хотели знать и слушать.

Дж. Грей пишет: «Только проявив героическую волю к самообману или просто банальную нечестность, британские консерваторы могли не разглядеть связи между невиданным доселе уровнем преступности и реализуемыми с 1979 года рыночными мерами, которые явились грубым попранием интересов сложившихся общностей и привычных ценностей. И только не менее усердный самообман или нежелание знать всю правду до конца не позволили консерваторам увидеть связь между экономическими переменами, которые были усилены и ускорены их собственной политикой, и ростом многочисленных проявлений нищеты, различных групп бедности, огульно и бездушно объединенных рыночниками в броскую, но вводящую в глубокое заблуждение категорию «низшие слои населения (*underclass*)» (Грей, с. 176 — 177).

Что же теперь заламывать руки, ужасаясь детской преступности и детскому цинизму. Вспомните, как хотелось раскованности, плюрализма, свободы самовыражения — и как издевались над скучным советским телевидением. Помогли порно- и наркодельцам совершить культурную революцию, необходимую для слома советского жизнеустройства, так имейте мужество и силу увидеть последствия — это тоже норма рациональности. Без нее ни о каком лечении и речи быть не может.

На Западе уже в середине неолиберальной волны был сделан определенный вывод. Американский культуролог и историк образования Кристофер Лэш пишет: «В наше время все яснее становится видно, что цена этого вторжения рынка в семью оплачивается детьми. При обоих родителях на рабочем месте и в бросающемся в глаза отсутствии более старшего поколения семья теперь не способна оградить ребенка от рынка. Телевизор, по бедности, становится главной нянькой при ребенке. Его вторжение наносит последний удар по едва теплящейся надежде, что семья сможет предоставить некое убежище, в котором дети могли бы воспитываться. Сейчас дети подвергаются воздействию внешнего мира с того возраста, когда становятся достаточно

большими, чтобы без присмотра оставаться перед телеящиком. Более того, они подвергаются его воздействию в той грубой, однако соблазнительной форме, которая представляет ценности рынка на понятном им простейшем языке. Самым недвусмысленным образом коммерческое телевидение ярко высвечивает тот цинизм, который всегда косвенно подразумевался идеологией рынка» (Лэш, с. 78 — 79).

Снова подчеркну, что растлевающее воздействие телевидения образует кооперативный эффект с одновременным обеднением населения. В ходе рыночной реформы в РФ сильнее всего обеднели именно дети (особенно семьи с двумя-тремя детьми). И глубина их обеднения не идет ни в какое сравнение с бедностью в Великобритании или США. А вот что там принесла неолиберальная реформа: «Самым тревожным симптомом в каком-то смысле оказывается обращение детей в культуру преступления. Не имея никаких видов на будущее, они глухи к требованиям благоразумия, не говоря о совести. Они знают, чего они хотят, и хотят они этого сейчас. Отсрочивание удовлетворения, планирование будущего, накапливание зачетов — всё это ничего не значит для этих преждевременно ожесточившихся детей улицы. Поскольку они считают, что умрут молодыми, уголовная мера наказания также не производит на них впечатления. Они, конечно, живут рискованной жизнью, но в какой-то момент риск оказывается самоцелью, альтернативой полной безнадежности, в которой им иначе пришлось бы пребывать... В своем стремлении к немедленному вознаграждению и его отождествлении с материальным приобретением преступные классы лишь подражают тем, кто стоит над ними. Нам, следовательно, нужно спросить себя, чем объясняется это массовое отступничество от норм личностного поведения — вежливости, трудолюбия, выдержки, когда-то считавшихся обязательными для демократии?» (Лэш, с. 169).

Наконец, надо признать, что сам выбор неолиберальной модели реформ в РФ означал радикальный отказ от тех *демократических* идеалов, которые привлекли интеллигенцию к участию в перестройке. Как этого можно было не заметить? Мало того что большинство населения явно не поддержало постулаты реформы (это можно было списать на реакционную психологию «совка», не понимающего своего счастья). Радикальный слом привычных форм жизнеустойчивости, предполагаемый программой МВФ, заведомо *теоретически* противоречил интересам большинства. Не случайно символами политики неолиберализма были ковбой Рейган, «железная леди» и Пиночет.

Не будем приводить разумные и печальные предупреждения

социал-демократов вроде Улофа Пальме, вот что пишет либерал Дж. Грей: «Больше, чем в свободе потребительского выбора, человек нуждается в культурной и экономической среде, способной обеспечить ему разумный уровень защищенности и где он чувствовал бы себя как дома. Рыночные институты, отрицающие эту потребность, обречены на то, чтобы демократическая политика их отвергла» (Грей, с. 206).

Как можно было, поддерживая приватизацию, то есть передачу национального достояния в руки небольшого меньшинства, ожидать демократизации общественной жизни? Это откат к прагматическому мышлению. Когда и где денежные тузы и олигархи были демократами? Э. Бёрк писал об опыте Французской революции, что финансовые воротилы забирают при буржуазной революции всю власть в свои руки, и, естественно, «эти демократы, когда забываются, относятся к нижестоящим с величайшим презрением, в то же время притворно утверждая, что власть находится в их руках»¹. Да и относительно более демократическое буржуазное государство США с самого начала декларировало власть *собственников*, а вовсе не *народа*. Один из отцов-основателей США, Дж. Мэдисон, писал в 1792 г., что «все [тогда — кроме женщин и негров] должны иметь равные возможности становиться в конечном итоге более неравными и быть ограждены от поползновений со стороны исповедующих эгалитарные взгляды» (цит. по: Лэш, с. 220).

Если реформы в РФ и дальше будут идти по заданной в конце 80-х годов «либеральной» траектории, то ни о какой демократизации не может быть и речи — государство с неизбежностью будет становиться все более полицейским, разбогатевшая часть будет отделять себя от общества все более непроницаемыми словесными барьерами, а внизу будут господствовать преступность и борьба за скудные жизненные ресурсы и идти архаизация жизни как единственный способ выживания. В меньшем масштабе, но достаточно отчетливо это проявилось и на Западе в ходе неолиберальной волны. Лэш писал: «Отринув былой республиканский идеал гражданственности, как и республиканский обвинительный приговор роскоши, либералы лишили себя основания, опираясь на которое они могли бы призывать отдельных человеческих особей подчинять частную корысть общему благу» (Лэш, с. 77).

Дж. Грей как будто прямо обращается к нашей интеллигенции, поддержавшей неолиберальную реформу в РФ: «Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и

---

¹ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М.: 1992. С. 52.

цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными» (Грей, с. 89).

Глава 37

РЕФОРМА И ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ОТСТУПЛЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Воздействие проводимой в России реформы на общество («социальную сферу») было чрезвычайно разрушительным. Это настолько очевидный факт, что нет необходимости останавливаться на его доказательстве. Достаточное количество совершенно объективных показателей приведено без всяких комментариев в специальном издании¹.

Так же очевиден и не требует обсуждения тот факт, что разрушение структур жизнеустройства населения создало ту питательную среду, в которой небольшое меньшинство могло «наскрести» огромные состояния. Иными словами, обеднение большинства населения РФ и деградация систем его жизнеобеспечения были выгодны некоторым социальным группам и явились результатом их целенаправленных действий. Можно сказать, что они явились следствием молниеносной гражданской войны, в которой неорганизованное большинство потерпело сокрушительное поражение и было ограблено победителями.

Тот факт, что война эта велась непривычными, в основном ненасильственными средствами, дела не меняет. Если говорить именно об объективной стороне реальности, то распределение собственности и доходов, которое сложилось в результате реформ, отражает баланс сил, принявших в конце 80-х годов участие в остром и непримиримом социальном конфликте².

---

¹ Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга: экономические реформы в России. 1991 — 2002 гг. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2004.

² Это обстоятельство лишь слегка замаскировано тем фактом, что крохам трофейного пирога была допущена и часть «честных демократов» и даже оппонентов реформы — в силу их социальной принадлежности к важному отряду либеральных революционеров. Некоторые из этих «честных» находятся в нерешительности, другие, закрыв глаза, поддались соблазну и не отвергают «жизни этой румяна жирные». Но на фоне грандиозного социального процесса это мелочи.

Но в этой книге речь идет не об объективной стороне реальности, а о том, как она преломляется в сознании, и прежде всего в сознании образованной части населения — интеллигенции. От того, насколько реалистично, взвешенно и разумно осваивается реальность в сознании, в каких словах, знаках и символах выражается складывающаяся в сознании картина, во многом зависят дальнейший ход событий, сроки преодоления кризиса и масштаб тех потерь, которые при этом понесет общество.

Главный тезис этой главы состоит в том, что и социальная доктрина реформ, и трактовка происходящих в социальной сфере процессов, и планы исправления самых вопиющих антисоциальных последствий — все это отмечено знаком глубокого поражения рационального мышления во всех его срезам. Это поражение наблюдается как в рассуждениях политиков, так и в широких кругах интеллигенции, принявшей структуру этих рассуждений — их язык, постулаты, логику и меру. При этом оказывается не так уж важно, какую политическую позицию занимает мыслящий в терминах этих понятий и логики интеллигент. Сам «дискурс» реформ (и, хотя и частично, их отрицания) неадекватен реальности. Он *неразумен*.

Масштабы этого явления таковы, что его нельзя принять просто за идеологическое прикрытие реформ, за технологию отвлечения массового сознания от социальной реальности. Хотя изначально этот дискурс создавался именно как инструмент политической борьбы, он довольно быстро стал действовать в сознании интеллигенции как «вирус», перестраивая мыслительные программы и подрывая способность сознания вести «двойную бухгалтерию» — пропагандировать реформы, но в то же время не верить в собственную пропаганду и параллельно с нею продумывать реальность в реалистичных понятиях, взвешивать явления верными гириями. Сил на это не хватило, и мы погрузились в патологическое состояние ума.

Начнем с фундаментального замысла реформы. Вот уже двенадцать лет политический режим (правительства президента Б. Н. Ельцина, а теперь В. В. Путина) проводит в России программу перевода всех сторон нашей жизни на рыночные отношения. Множество мыслителей и ученых показали под разными углами зрения, что эта утопия недостижима *нигде в мире*, в России же она убийственна и ее реализация неминуемо повлечет физическую гибель значительной части населения. На эти вполне корректные, академические указания ни президенты, ни правительства не просто не отвечают — они делают вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов начиная с XIX века просто не существует. Этот факт примечателен

сам по себе и является свидетельством радикального отхода от норм рациональности. Вся доктрина реформ в России излагалась на языке *веры*, а не разума.

Очевидно, и этого не думали отрицать классики либерализма, совместная деятельность и общежитие людей могут быть организованы и без купли-продажи и эквивалентного обмена — эти институты вообще возникли очень недавно. Существуют разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда (дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен и т.д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия складываются, а не обмениваются, так что все участники пользуются созданным сообща целым.

К такому типу относится *семейное* хозяйство, которое даже в «самых рыночных» США составляет около 1/3 всей хозяйственной деятельности в стране. Этот тип хозяйства экономически исключительно эффективен (при достижении определенного класса целей) — замена его рыночными отношениями невозможна, так как оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад. Это показали расчеты американских экономистов, проведенные в 70-е годы.

К этому же типу хозяйства относилось и советское плановое хозяйство. Именно *сложение* ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений 1941 — 1945 гг. очень быстро восстановить хозяйство. В 1948 г. СССР превзошел довоенный уровень промышленного производства — можно ли это представить себе в нынешней рыночной системе РФ?

Советский строй породил тип промышленного предприятия, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «города»¹. Это переплетение, идущее от традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. Его и стали сразу же искоренять реформаторы под прищмотром западных экспертов.

Наблюдение за попытками разорвать это переплетение, отделить производство от создания условий жизни позволило увидеть важную вещь, о которой мы не думали при советском строе (и о которой не думают люди Запада при их капитализме, ибо

---

¹ Отсюда понятие «градообразующее предприятие», которое было понятно каждому советскому человеку и которое очень трудно объяснить эксперту из МВФ.

там этой вещи давно нет). Соединение, кооперация производства с «жизнью» является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Отопление бросовым теплом, отходящим при производстве электричества на теплоцентрали, — один из примеров.

Почему же мы этого не видели? Потому, что из политэкономии (и в версии Адама Смита, и в версии Маркса), возникшей как наука о рыночном хозяйстве, основанном на обмене, мы узнали, что *специализация и разделение* — источник эффективности. Это разумное умозаключение приобрело, к огромному нашему несчастью, характер идеологической догмы, и мы забыли о диалектике этой проблемы. А именно: *соединение и кооперация* — также источник эффективности. Какая комбинация наиболее выгодна, зависит от всей совокупности конкретных условий. В условиях России именно соединение и сотрудничество оказались принципиально эффективнее, нежели обмен и конкуренция.

Допустим, часть общества пришла к выводу, что положение изменилось и следует совершить переход к рынку и конкуренции. Разумно было бы реалистично описать оба образа, «не выковыривая изюм из булки», взвесить все «за» и «против» того и другого, определить цену перехода и распределение его тягот в обществе. Этого не только не было сделано реформаторами, но и всякие (впрочем, весьма слабые) попытки диалога со стороны скептиков пресекались самым жестким образом. Интеллигенция поддержала *утопию* (и стоящие за нею корыстные интересы меньшинства), а затем и поверила в нее — и потеряла способность к рациональным рассуждениям.

Так началась социальная катастрофа. Развивается она слишком быстро в силу огромной прочности созданных в советское время систем жизнеобеспечения и устойчивости культуры людей, воспитанных русской литературой и советской школой. Однако на ряде направлений уже слышны тяжелые шаги Каменного гостя — приближение срывов и отказов больших систем.

В ответ на эти шаги объяснения власти и рассуждения идеологизированных интеллектуалов становятся все менее разумными — но принимаются они массовым сознанием все более охотно!

Известно, что в СССР организация и экономическая поддержка ряда важнейших систем жизнеобеспечения была взята на себя государством. Достаточно назвать жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), здравоохранение и образование. Блага, «производимые» этими системами, распределялись на уравнительной основе — бесплатно или за очень небольшую плату. В этом заключался *патернализм* советского государства. В отношении доступа к базовым социальным благам советское общество было

устроено по типу семьи, в которой роль отца (*патера*) выполняет государство.

Реформаторы, следуя догмам неолиберализма, напротив, не признают иного основания для права на жизнь, кроме платежеспособного спроса. Коррекция «неразумной» действительности допускается в их доктрине как социальная помощь «слабым».

Это специально подчеркивает В. В. Путин в своем первом Послании Федеральному собранию в 2000 г.: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна... У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства и строго исполнять те, которые мы сохраним. Социальную политику будем проводить на принципах общедоступности и приемлемого качества базовых социальных благ. А помощь предоставлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума».

Первое утверждение нелогично (даже *некогерентно*). Государственный патернализм *всегда* экономически возможен, он никак не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (патер) не кормит детей? Во время Гражданской войны советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн. пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в чистом виде. Сегодня РФ имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 г., а 43% рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Второе утверждение — о том, что государственный патернализм «политически нецелесообразен», — никак не обосновано, и ему даже трудно найти разумное обоснование. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только крайне правые буржуазные политики-фундаменталисты. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказали. В чем же тогда политическая целесообразность, в чем сама *цель* нынешнего государства РФ, если сохранить разрушающееся на глазах общество считается нецелесообразным? Здесь, скорее всего, мы имеем случай гипостазирования — отрыва используемого понятия от реальных сущностей.

Третья часть тезиса гласит: «У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства». Здесь тяжелое нарушение *меры*. В чем *избыточность* социальных обязательств в РФ? Относительно чего они избыточны — относительно смерти? Уже все мусорные баки в Москве несколько раз в день скрупулезно перебираются людьми, еще недавно принадле-

жавшими к «среднему классу». Число этих людей уже таково, что они составляют конкретную социальную группу. Они же не ради развлечения занимаются этим промыслом. Но ведь они — только видимый кончик проблемы.

А вот статистически значимый, массивный симптом. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации» (М., 2000) гласит: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи». И при этом президент считает социальные обязательства государства *избыточными* и призывает их сокращать! И получает подавляющее большинство голосов избирателей.

Обещание «помощь предоставлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума» также не является рациональным, даже если принять его за лишенный реального содержания штамп. Что значит «существенно ниже»? Насколько ниже прожиточного минимума должны быть доходы, чтобы человеку оказали помощь при отказе от государственного патернализма? Сколько копеек составит эта помощь?

На деле концепция «адресной» помощи является социальной демагогией, добиться ее даже в богатых странах удастся не более трети тех, кто должен был бы ее получать (например, жилищные субсидии в США получают лишь 25% от тех, кто по закону имеет на них право). Проверка «прав на субсидию» и оформление очень дороги и требуют большой бюрократической волокиты — даже при наличии у чиновников доброй воли и страстного желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Поэтому, как говорил премьер-министр Швеции Улоф Пальме, если доля нуждающихся велика, для государства *дешевле* применять не адресную, а *автоматическую* систему помощи — или оказывать ее всем на уравнительной основе (например, через цены или через дотации отрасли вроде теплоснабжения).

Но другая мысль Пальме гораздо более важна, и уж она-то, казалось бы, должна быть близка нашей культуре. Она заключается в том, что сама процедура оформления субсидии превращается в символический акт — на человека ставится *клеймо бедного*. Это узаконенное признание слабости (и *отверженности*) человека, которое само по себе становится фактором консервации бедности и углубляет раскол общества. Но элита нашей либеральной интеллигенции, даже та ее часть, которая пропагандировала

«шведскую модель», не заинтересовалась и даже словом не обмолвилась о важной и многозначительной книге Улофа Пальме «Шведская модель». Разве это не признак иррациональности?

Наконец, совершенно иллюзорным, *аутистическим*, является и довод, посредством которого В. В. Путин отвергает политику государственного патернализма: «Отказ от нее диктуется... стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Это социал-дарвинистская утопия, согласно которой погрузить человека в нищету и обстановку жестокой борьбы за существование означает «раскрепостить его потенциал, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких». Это представление противоречит и данным антропологии, и историческому опыту. На деле все наоборот! Советский опыт показал, что спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отдаться творческой работе и воспитанию детей — вот тогда и раскрывается потенциал человека. По этому же пути развития с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

Столь же наглядно опыт РФ показал, что нынешний стресс и лихорадочная гонка ведут к небывалой смертности, заболеваемости и преступности, и потенциал человека съезживается. Данные американских социологов также показывают, что даже в США с их колоссальным накопленным богатством социал-дарвинистский подход к обществу и его сознательное превращение в арену борьбы за существование привели к большим потерям человеческого потенциала и аномально высокому уровню преступности¹.

При этом В. В. Путин признает, что РФ переживает демографическую катастрофу, но уходит от того, чтобы выявить причинно-следственные связи этого явления. Он никак не связывает сокращение населения с проводимым его правительством курсом реформ. В своем первом Послании Федеральному собранию в 2000 г. он сказал: «Нас, граждан России, из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И если верить прогнозам... уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. Я прошу вдуматься

---

¹ На конец 1999 года в тюрьмах и других исправительных учреждениях США находились 2 054 694 человека (полную сводку можно получить на сайте ФБР в Интернете).

в эту цифру: седьмая часть населения страны. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой».

Выживаемость нации под угрозой, но курс реформ обсуждению не подлежит! И ведь сдвиг социальной политики к полному свертыванию государственного патернализма после прихода В. В. Путина вызвал новый рост смертности даже при очень благоприятной для РФ конъюнктуре цен на нефть. Сам В. В. Путин отмечает в Послании 2003 года: «В последние годы смертность населения продолжала расти. За три года она увеличилась на 10%. Продолжала снижаться и ожидаемая продолжительность жизни. Печальная цифра — с 67 лет в 1999 г. до 64 — в 2002 г.».

Признавать факт аномально высокой смертности и даже угрозу выживаемости нации и уходить от выявления причин столь фундаментального явления — значит полностью выводить обсуждение проблемы за рамки рационального дискурса. При таком подходе выход из кризиса может произойти только случайно или через нахождение гениального решения в тайном кружке хунты просвещенных правителей. Но масштаб кризиса не таков, чтобы существовал хоть один шанс на такое счастье.

Первая сфера, в которой власти пытаются ввести «адресные» субсидии вместо субсидирования отрасли в целом, является ЖКХ. На этом примере видно, насколько иррациональными становятся рассуждения политиков, которые стремятся обосновать это изменение.

В конце ноября 2002 г. Госдума внесла в Закон Российской Федерации «Об основах федеральной жилищной политики» важные изменения и дополнения. Чтобы принять закон в Госдуме в третьем чтении, его пришлось четыре раза переголосовать — и в итоге он был принят с перевесом всего в один голос.

Госдума уклонилась от того, чтобы внятно изложить смысл изменений. Упор был сделан на изменении *тарифов* по оплате жилья и коммунальных услуг. Такое восприятие нового закона — типичный случай нашего общего неумения различить за тягомотиной юридических формулировок важное изменение всего жизнеустройства в стране. Причем такое изменение, которое коснется каждой семьи.

Главное то, что реформаторы взяли за принцип переход от удовлетворения потребности в жилье на основе уравнительного (естественного и гражданского) права на жилье к обеспечению лишь *платежеспособного спроса* на жилье и коммунальные услуги. То, что является условием физического выживания людей, сделали предметом купли-продажи на рынке.

Стоит заметить, что превращение права на жилье в конститу-

ционное (то есть гражданское) право, что было безусловно высшим социальным достижением, с самого начала рассматривалось как важное препятствие перестройке и рыночной реформе. Идеологам пришлось вывернуть мозги наизнанку, ссылаться и на Маркса, и на жестокости капитализма, чтобы как-то обосновать необходимость лишения граждан права на жилье. В важной книге времен перестройки можно было прочитать такое рассуждение: «Для административной системы жилье — рычаг манипуляции, закрепощения работников, рычаг *власти*. Эта ситуация характерна не только для нашей административной системы, она в каком-то смысле является типичной. Еще задолго до появления советских чиновников «английские фабриканты, владельцы рудников и горнозаводчики практически убедились, какое давление могут они оказывать на бастующих рабочих, если они одновременно являются домохозяевами этих рабочих» (*Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 242*). Вот почему небезосновательна тревога за судьбу перестройки: действующая модель жилищных отношений — один из самых эффективных ее *тормозов*...

Современная модель жилищных отношений, как показал анализ, имеет полукрепостническую сущность и в корне противоречит социализму — обществу свободных ассоциированных производителей. Однако в массовом сознании конкретная жилищная политика 30 — 80-х гг. стала отождествляться с истинно социалистической»¹.

Поэтому самое главное в новом законе вовсе не тарифы, а перевод жилищно-коммунального хозяйства страны из положения сферы, ответственность за содержание которой несет государство, в ведение *местных властей*, которые будут продавать жильцам коммунальные услуги по законам рынка. Бедным, которым платить неведомо, обещают на *индивидуальной* основе дать некоторое вспомоществование — пусть напишут заявление, соберут справки, подтверждающие их неспособность оплатить купленный товар, отстоят очередь в присутствии, и местная власть им что-нибудь подкинет по мере возможности. Это и называется *адресная субсидия*, то есть такая помощь, которая не дается автоматически каждому по его праву гражданина, а направляется по конкретному адресу конкретному человеку, доказавшему свою неплатежеспособность.

Политики, проталкивая нынешнюю реформу ЖКХ или, на-

---

¹ Бессонова О. Э. Механизм обеспечения жильем в СССР // Постигение. Перестройка: гласность — демократия — социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 289 — 298.

оборот, требуя ее смягчения, сводят дело к финансовым тяготам людей. Греф говорит о полном возмещении жильцами расходов на услуги (с субсидиями самым несчастным), другие требуют увеличения субсидий. Но ведь дело-то не в этом! Главное — в превращении теплого крова из естественного права в рыночный товар. Цена этого товара — вопрос второстепенный. При этом трудно заподозрить всю массу депутатов, администраторов, журналистов в том, что они сознательно скрывают от людей суть (хотя и это есть). Главное, что они ее не видят, их сформированный за годы реформ интеллектуальный аппарат ее не может осознать.

«Адресные субсидии» — случай вообще из ряда вон выходящий. Как можно представить себе технически всю эту систему? Госстрой считает, что в РФ только 47 млн. человек будут нуждаться в субсидиях — в каких конторах может вместиться эта очередь? Сколько надо чиновников, чтобы разобраться во всех этих бумажках? Кто проверит эти миллионы справок? Все это чушь абсолютная, давно просчитанная и изученная на опыте.

В справочнике «Социально-экономические проблемы Российской Федерации» (2001 г.) говорится: «Самим органам, выдающим субсидии, контролировать их не по силам. С таким объемом работ и наплывом претендентов на получение субсидий вряд ли справятся имеющиеся работники 3,5 тыс. служб жилищных субсидий, которые созданы во всех регионах. А увеличение их числа приведет к разбуханию затрат на содержание последних, которое может поглотить всю экономию бюджетных средств, ожидаемую от внедрения таких новшеств».

Понимая, что нереально создать эффективную службу для законной проверки обоснованности заявлений на получение субсидий, власти дошли до того, что выдвинут проект организации целой «тайной канцелярии», которая будет собирать анонимные доносы соседей о реальных доходах заявителей и на основании этих доносов отказывать в предоставлении субсидии. По сообщениям из Красноярска, специально для выявления горожан, которые при заявке на субсидии занижают свои доходы, создано 8 «конфликтных комиссий». Как сказано, «власти также рассчитывают и на «общественный контроль» за злостными неплательщиками или людьми, подающими в центры субсидий неверные сведения. Тем более что опыт здесь имеется: взять те же «телефоны доверия» в милиции и некоторых других ведомствах».

Тут уж не о сбое рациональности идет речь, а о тяжелой форме бюрократической шизофрении и плевке в лицо российской демократической интеллигенции — вот что она вырастила, «грязя наяву».

Но вернемся к главному: чем обосновывают правительство и депутаты целесообразность перехода к адресным субсидиям? Трудно поверить, но *никакого обоснования* они не дают. Одни антигосударственные заклинания и вопли о «чувстве хозяина», которых мы наслушались в годы перестройки и в разгар приватизации. Вот как объясняет смысл этой акции зам. председателя Госстроя Л. Чернышев в недавнем интервью:

«Дотации из бюджета должны отдаваться потребителю, а не спускаться, извините, в канализацию через предприятия ЖКХ. Это основное. Для этого, по существу, уже принято постановление правительства по введению персонифицированных счетов граждан, для того чтобы человек, открыв этот счет, мог получить государственные деньги, т.е. деньги из бюджета, и акцептировать эти деньги, внося плату за коммунальные услуги. Он платит свои, скажем, 5 руб. и 5 руб. оплачивает со своего персонифицированного счета».

Попробуйте из этого понять, почему деньги, полученные, скажем, на счет предприятия ОАО «Тепловые сети» из госбюджета через казначейство, «спускаются, извините, в канализацию», а деньги, полученные на тот же счет от Ивана Петровича Сидорова, который до этого получил их из госбюджета через казначейство, «спускаются, извините, не в канализацию»? Ведь и деньги прямо из госбюджета, и деньги, пропущенные через И. П. Сидорова, одинаково не пахнут (или одинаково пахнут). Где та невидимая рука реформы, что чудесным образом изменит судьбу денег, полученных «Тепловыми сетями»? Нет никакой руки, все это банальное надувательство. Просто сунут в зубы Сидорову его 37 руб. 96 коп. субсидий — и пусть он с ними делает что хочет, но тепла от государства уже не требует, а покупает на рынке¹. Он уже на ваучер от Чубайса получил две «Волги» и десять лет на них катается. Так же и греться будет.

А сколько еще маленьких нелепостей только в одном этом рассуждении Л. Чернышева! Как представлено дело, «он платит свои, скажем, 5 руб. и 5 руб. оплачивает со своего персонифицированного счета». Дескать, субсидии, в общем, будут составлять 50% затрат граждан на оплату счетов ЖКХ. Не стыдно чиновнику в ранге замминистра вместе с ведущим «Эха Москвы» А. Венедиктовым ваньку валять? Не знают они, какова сегодня сред-

---

¹ По расчетам Госстроя, число граждан, имеющих право на субсидии, составит 47 млн. человек. В бюджете на льготы и субсидии выделено 20,5 млрд. руб., то есть на каждого выйдет по 37 руб. 96 коп. в месяц. Понятно, что эта величина может измениться.

няя оплата квартиры и коммунальных услуг в РФ и какую долю от нее составят 37 руб. 96 коп.?

Одним из наиболее впечатляющих — в силу своей очевидности — следствием реформы в социальном плане стало *обеднение* большинства граждан. В целом о бедности и программе борьбы с нею поговорим отдельно — с точки зрения рациональности и трактовки явления, и логики программы. Здесь отметим очевидную вещь — люди обеднели в силу целого комплекса причин, среди которых важное место занимает изменение типа *распределения доходов*.

Подавляющее большинство жителей России считают справедливым трудовой доход (хотя очень терпимо относятся и к предпринимателям, если они знают меру). Поэтому и наши политики, говоря о доходах, употребляют слово «зарабатывать». В. В. Путин, связанный рамками рыночной доктрины, говорит в Послании 2003 г.: «Россия должна быть и будет страной с конкурентоспособной рыночной экономикой. Страной, где права собственности надежно защищены, а экономические свободы позволяют людям честно работать, зарабатывать. Зарабатывать без страха и ограничений».

Однако одно дело — применить слово «зарабатывать» как метафору, в которую включена мера, а другое дело — как программную формулу, из которой эта мера исключена. *Зарабатывать без ограничений!* Это уже выходит за рамки рациональности. Здесь уже есть противоречие с очевидной реальностью и даже логикой: «честно зарабатывать» и «зарабатывать без ограничений» — вещи несовместимые. Не может такого быть.

Р. Абрамович «заработал» за пять лет 12 млрд. долларов. Считает ли В. В. Путин, что он «заработал» их честно? И можно ли столько «заработать», если права собственности *всех* граждан действительно будут защищены? Никак нельзя, тут экономическая свобода входит в противоречие с законом сохранения материи. А понятие «зарабатывать без страха» вообще не имеет смысла, ибо любое общественно приемлемое получение дохода предполагает ответственность. А ответственности не существует без санкций, то есть без страха. Ну как, например, может «зарабатывать без страха и ограничений» врач?

Поэтому в формуле В. В. Путина слово «зарабатывать» есть ложное обозначение, слово не соответствует сущности. Рыночная терминология более реалистична, в ней различаются *заработок*, *предпринимательский доход* и *доход на капитал*. Доходы Абрамовича — не заработок, а изъятие ресурсов из кладовых России, из народного хозяйства и карманов населения. И если государство допускает такие изъятия «без страха и ограниче-

ний», то ничего хорошего в этом нет, оно просто не выполняет своих функций даже «ночного сторожа».

Так мы и пришли к аномальному расслоению граждан по доходам. Немного истории: регулярный учет распределения рабочих и служащих по уровню доходов начал вестись с 1956 г. В России реальное, на уровне больших групп, различие в общественной ценности труда не превышает 3 — 4 раз, такова и разумная вилка между доходами самых богатых 10% населения и 10% самых бедных. Такая вилка и поддерживалась в СССР в течение 30 лет. При этом доходы росли, и основная масса трудящихся передвигалась в зону средних доходов. В ходе реформы стали быстро нарастать *нетрудовые доходы*. В официальной статистике они объединены под рубрикой «Доходы от собственности, предпринимательской деятельности и другие».

В результате резкого снижения доли трудовых доходов началось глубокое расслоение населения по доходам. *Фондовый коэффициент* распределения доходов (отношение доходов самых богатых 10% населения к доходам 10% самых бедных) вырос в СССР в 1991 г. до 4,5, но уже к 1994 г. в РФ подскочил до 15,1. Сейчас он колеблется около уровня 14¹. Улучшение экономической конъюнктуры с высокими ценами на нефть и газ на мировом рынке не привело к смягчению социального расслоения по доходам.

По доле нетрудовых доходов в общей сумме среднедушевых доходов стали резко различаться регионы. В 2000 г. в Москве среднедушевой доход составлял 9291,3 руб. в месяц, а средняя зарплата была 3229,3 руб. На каждый рубль зарплаты москвич в среднем получал почти два рубля нетрудовых доходов. Рядом, в Московской области, доход был 1908,3 руб., а зарплата 2269,3 руб. А в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе средний душевой доход составлял в 2000 г. 595,8 руб., а зарплата — 1058,4 руб. Из этого видно, что нетрудовые доходы стекались со всей России в очень немногие точки.

Если следовать сложившимся в соответствии с нормами рациональности представлениям о функциях государства, то именно в отношении регулирования доходов государство РФ свои обязанности не выполняет. В РФ свобода «зарабатывать без

---

¹ Согласно данным ученых РАН, которые учли скрываемые богатые — ми доходы, реально коэффициент фондов в России в 1996 г. был равен 23. А группа экспертов Мирового банка, Института социологии РАН и Университета Северной Каролины (США), которая ведет длительное наблюдение за бюджетом 4 тысяч домашних хозяйств (большой исследовательский проект Russia longitudinal monitoring survey), оценивает коэффициент фондов за 1996 г. как 36,3.

страха и ограничений» не только проскочила оптимальное и приемлемое состояние, а просто «зашкалила», так что страна стоит перед угрозой рассыпания общества на несовместимые «расы» и перед угрозой рассыпания страны на конгломерат регионов с разным образом жизни. В этот момент говорить о дальнейшем освобождении доходов, то есть игнорировать ограничения и критерии оптимальности неразумно. Даже если речь идет только о риторике, этого нельзя приветствовать в условиях, когда понимание ограничений и критериев так размыто в общественном сознании.

Мы не можем охватить всю социальную сферу и рассмотрим лишь пару примеров — с точки зрения рациональности доктрины реформирования советского уклада и трактовки происходящего.

Экспорт продовольствия. В результате реформы на наших глазах происходит важное изменение жизнеустройства России, но мы его не замечаем. Состоит оно в том, что в стране почти вдвое сократилось производство продовольствия и, соответственно, ухудшилось питание большинства населения — и в то же время из РФ начался экспорт зерна.

Упор на экспорт заявлен в документе правительства «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу» (так называемая «программа Грефа»). В нем сказано: «Поддержание экспортной ориентации этих секторов [производство зерна и картофеля] будет одним из основных приоритетов в структурной политике в области АПК».

Член Президентского Совета при Ельцине О. Лацис, оценивая реформу, сказал: «И, наконец, важнейший результат — впервые за 30 лет Россия приступает к экспорту зерна, радикальным образом сократив импорт зерна, одновременно сократив импорт мяса»¹.

Все мы учились в школе и можем свести в систему пару величин. Если производство сельского хозяйства упало почти вдвое и при этом «радикальным образом сокращен импорт» и начат экспорт зерна, то это значит, что население испытывает массовое недоедание. Хвастаться этим — признак патологии сознания, нарушение норм рациональности.

Во время перестройки нам постоянно капали на мозги, что «Америка нас кормит», — и мы принимали этот нелепый тезис. И мало у кого тогда возник вопрос: «Почему покупать продовольствие для своего населения ставится хозяйству в вину?» В середине 80-х годов РСФСР собирала до 120 млн. т зерна в

---

¹ В кн. «Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития». М.: Интерпракс, 1994. С. 46.

год — и при этом еще ввозила. Это было признаком *благосостояния* страны, мы могли за машины прикупать зерно для животноводства, чтобы люди лучше питались. Теперь РФ собирает в среднем 65 — 70 млн. т зерна в год — и его *экспортирует*. А у детей, согласно докладу Минздрава за 2000 г., массовая нехватка веса от недоедания. Выше цитировался один из выводов этого доклада: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета».

Похожая ситуация сложилась в конце XIX века, что и привело к революции. Капитализм раскрыл границы России, а помещики и правительство арендными платежами и налогами заставляли крестьян продавать зерно скупщикам, и оно потекло за границу. А. Н. Энгельгардт в «Письмах из деревни» писал в 1880 г.: «Американец продает избыток, а мы продаем необходимый насущный хлеб... У нашего мужика-земледелца не хватает пшеничного хлеба на соску ребенку, пожует баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку — соси. А они об путях сообщения, об удобствах доставки хлеба к портам толкуют, передовицы пишут! Ведь если нам жить, как американцы, так не то чтобы возить хлеб за границу, а производить его вдвое против теперешнего, так и то только что впору самим было бы. Толкуют о путях сообщения, а сути не видят... Тому, кто знает деревню, кто знает положение и быт крестьян, тому не нужны статистические данные и вычисления, чтобы знать, что мы продаем хлеб за границу не от избытка... Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не будут есть всякую дрянь. Но мало того, что мужик ест самый худший хлеб, он еще *недоедает*».

А сегодня наши либералы восхищаются тем, что крестьяне ели лебеду, а хлеб вывозили («недоедим, а вывезем» выразился тогда министр финансов Вышеградский). В 1911 г. был сильный голод, который затронул 32 млн. крестьян, а на экспорт отправили больше половины товарного зерна.

Во время нэпа доля экспорта в производстве зерна снизилась по сравнению с 1913 г. в 4,5 раза. Потом экспорт был еще сокращен (в 1932 г. он составил всего 1,8 млн. т), а в 1934 г. вообще прекращен — лучше было продать, по крайней необходимости, яйца Фаберже. И вот теперь Россия опять экспортер зерна (а олигархи за эти деньги покупают на аукционе золотые яйца¹).

Понятно, что за этим стоит интерес и алчность. Но разгля-

---

¹ Причем и покупают-то на украденные деньги. В прессе можно было прочесть: «Вкладчики Первого городского банка намерены найти в Швейцарии весомые аргументы в пользу того, что яйца Фаберже были куплены в США этим предпринимателем на украденные у них деньги».

деть их и найти приемлемый компромисс мешает деформация сознания. Правящие круги РФ и значительная часть интеллигенции убеждены, что свобода торговать, в том числе зерном, есть одна из главных либеральных ценностей. Это типичное гипостазирование. В. В. Путин заявил: «Наша стратегическая линия такова: меньше администрирования, больше предпринимательской свободы — свободы производить, торговать, инвестировать».

К «свободе производить» наши собственники холодны, а инвестировать они предпочитают на Западе. Больше всего им по душе *свобода торговать* и прежде всего вывозить богатства страны за рубеж. Это касается и хлеба. Первым результатом такой свободы является дороговизна хлеба в самой России — цены тянутся к мировым.

18 декабря 2003 г. В. В. Путину задали по телефону вопрос о росте цен на хлеб на Ставрополье: люди не понимают, как такое может быть при вполне приличных урожаях. В. В. Путин отвечает: «Цены [на зерно] выросли. Они выросли на мировых рынках. И, разумеется, предприниматели, работающие в области сельского хозяйства, стараются извлечь максимальную прибыль».

Таким образом, подчинение хлеботорговли принципу максимальной прибыли В. В. Путин считает вещью вполне законной, само собой *разумеющейся*. Так же, видимо, считают и его советники. Это никакой не либерализм, а просто неадекватное реальности представление. Хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью. А вне Запада так было всегда (о торговле хлебом в империи Чингисхана можно прочесть у Марко Поло — уроки XIV века для нас и сегодня актуальны).

Хлеботорговля — одна из самых драматических глав истории. Как писал один историк XIX века, «к хлебу приковано больше глаз, чем к тайнам инквизиции». Цена хлеба так сильно влияла на народ, что ее не повышали, а уменьшали вес буханки или булки. Это было общее правило всех европейских городов.

О свободе экспорта не было и речи, лицензии на вывоз даже небольших партий зерна давались высшей властью, при этом таможенная пошлина была очень высокой — 50% цены зерна. Повсюду частыми были полные запреты на его вывоз. В августе 1557 г. инквизиторы Барселоны умоляли короля Филиппа II разрешить выслать им немного хлеба из другой области хотя бы для их личного пользования.

В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции

ежедневно получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном — с оплатой груза). Историк пишет: «Как только возникает малейшая угроза снабжению Венеции, ни один корабль, груженный хлебом, не может чувствовать себя в безопасности в Адриатическом море».

Если нехватка зерна становится угрожающей, под звуки труб объявляется запрет на вывоз хлеба, в городе производятся обыски и учитывается все зерно; из города изгоняются чужеземцы, университет закрывается, и студенты разъезжаются по домам. Понятно, что, когда где-то в Европе была нехватка хлеба, отправлять туда зерно было выгодно — прибыль купцов была 300%. Так что получение лицензий было делом большой коррупции и бедой для населения.

Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнилельный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин по хлебным карточкам получал в день два каравая хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это один из важнейших его устоев и источник силы. Почему проклинали СССР за дотации на продукты питания? Эти проклятия были предельно неразумными — должны мы наконец-то сказать это вслух!

В 1585 г. был неурожай в Испании, и неапольские купцы сумели продать туда много зерна. В городе возникла нехватка, в хлеб стали добавлять каштаны и горох. Когда возмущенная толпа пришла к дому спекулянта-экспортера Джованни Сторачи, он ей нагло ответил: «Ешьте камни!» Его изуродованный труп протащили по всему городу и разрубили на куски. За это были повешены и четвертованы 37 человек и 100 отправлены на галеры. Зато и лицензии на экспорт, наверное, отобрали. В документах отражены *тысячи* подобных городских бунтов — и именно с такого бунта началась Французская революция (нечто похожее было и у нас в феврале 1917-го).

В. В. Путин дает нам образ светлого будущего, когда в России «экономические свободы позволяют людям зарабатывать без страха и ограничений». Так вот, на хлебе насущном нельзя «зарабатывать без страха и ограничений» — пусть пошлют Гайдара за консультацией к Джованни Сторачи (заодно он там и погрееется, пообвыкнется).

Так что вот первый вывод: наши реформаторы учатся у Запада *приватизации*, захвату общинной собственности крестьян, но в упор не видят того, как на Западе богатые научились уживаться с народом. Наши либералы не привержены очень важным либе-

ральным ценностям — или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает «подлую максимум хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других».

Вторая сторона этого дела — политика власти в отношении цен на хлеб. В. В. Путин считает, что если в Амстердаме цены на зерно подскочили, то, *разумеется*, и на Ставрополье торговцы имеют право вздуть цены. Откуда же это следует? Тут не выполняются критерии подобия, нет ни логики, ни исторических аналогий. Цены на хлеб нигде не являются свободными, тем более на Западе.

Уже в XVI веке в городах Европы цены жестко контролировала власть, и на это из казны выделялись огромные средства. Историк Ф. Бродель пишет: «Все это было чрезвычайно обременительно, но ни один город не мог избежать подобных тяжелых расходов. В Венеции огромные потери списывались со счетов Хлебной палаты, которая должна была, с одной стороны, поощрять крупными выплатами купцов, а с другой — продавать приобретенные таким образом хлеб и муку ниже себестоимости»¹. В неурожайный год на Мучном подворье у собора Св. Марка и на Риальто ежедневно выдавали муку из городских запасов.

Кстати, житницей Европы была Сицилия, и здесь вошла в норму свобода экспорта, что и привело к социальной катастрофе — в неурожайный год зерно продавали на вес золота, и «повсюду на улицах валялись тела умерших от голода».

Так и складывалась рациональность Просвещения — а мы отказались от ее самых элементарных норм. Из-за этого страдаем, но этого не замечаем.

Обоснование пенсионной реформы. Рассмотрим рассуждения, с помощью которых политики обосновывают необходимость резко сократить масштабы государственной системы *пенсионного* обеспечения (а в перспективе и ликвидировать ее, передав в ведение частного капитала).

Как известно, имеющая в Госдуме большинство «партия президента» приняла соответствующие законы, и с 1 января 2002 года пенсии стали начисляться по новому законодательству — пенсия была разделена на базовую часть, страховую и накопительную. Затем в СМИ последовала жесткая пропагандистская кампания, в которой обосновывалась необходимость сокраще-

---

¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. I. М.: Языки славянской культуры. 2002. С. 452; См. также: Бродель Ф. Структуры повседневности. М.: Прогресс, 1986.

ния базовой части пенсии с перенесением упора на накопительную часть.

Иными словами, правительство постепенно перекладывает пенсионное обеспечение с плеч государства на самих будущих пенсионеров. При этом деньги, которые люди должны копить себе на старость, будут использовать около полусотни частных компаний для своих коммерческих проектов — брать у пенсионеров их накопления взаймы, выплачивая потом людям некоторый процент от полученной прибыли или, что вполне вероятно, заставляя пенсионеров расплачиваться за свои убытки или хищения — кому как повезет. Можно, впрочем, отдать накопления и в управление государственному банку, но дела это не меняет.

Надо, однако, сказать немного о первом шаге этой реформы, предпринятом еще при Горбачеве. Большинство людей уже забыли или вообще не заметили его, а он исключительно важен. Этот шаг был сделан незаметно, а затем несколько лет внимание людей отвлекали от него шумными дебатами по другим проблемам — невыплаты пенсий, их индексации и пр. Между тем уже в 1990 г. в пенсионную систему было внесено фундаментальное изменение. При советском строе пенсии были *государственными*, и выплачивались они из *госбюджета*. На обеспечение пенсий шли все доходы и все достояние государства. Никаких вычетов из доходов граждан на финансирование пенсий не производилось.

Верховный Совет СССР горбачевского созыва отменил советский тип пенсии и учредил Пенсионный фонд — что-то среднее между налоговым ведомством и банком. Сколько сумеют собрать в этот «фонд» с ныне работающих людей — столько и разделят между пенсионерами. Это назвали *распределительной* системой — мол, собрали и распределили. А госбюджет уже за пенсии не отвечает. Что с этими деньгами творят в «фонде», кто и как их «прокручивает», кто запускает в него лапу — нам к тому же неизвестно. Но об этой стороне дела даже не будем говорить, это не так существенно для нашей темы.

Таким образом, первым шагом в реформе было возложение обязанности формировать денежный фонд для выплаты пенсий только на *ныне* работающую часть населения. Когда эту обязанность несло государство, деньги старикам на пенсию собирали все поколения нашего народа, включая наших предков и потомков. Это было наше «общее дело». Речь идет о фундаментальном изменении. Не заметив и не осмыслив его, мы не можем рационально рассуждать о последующих шагах. Формирование пенсий старикам — не политика и не экономика, это тип бытия и отношений между поколениями. Вопрос о том, как кормятся стари-

ки, определяется всей культурой народа и корнями уходит в религиозные представления.

Народ вечен, пока в нем есть взаимные обязательства поколений. Одно из них заключалось в том, что трудоспособное поколение в целом кредитует потомков — оно трудится, не беря всю плату за свой труд. Иногда эта его лепта в благополучие потомков очень велика. Так это было, например, у поколений, которые создавали советское хозяйство в период индустриализации и защищали страну в Великой Отечественной войне. Обязательство потомков — обеспечить достойный кусок хлеба тем людям из предыдущего поколения, кто дожил до старости.

В СССР это воплощалось в государственных пенсиях. Часть данного предыдущим трудоспособным поколением кредита возвращалась ему в виде пенсий. Эта часть распределялась, в общем, на уравнительной основе. Доля тех, кто до пенсии не дожил, оставалась в общем котле.

В тех культурах, где человек посчитал себя обособленным индивидом, возник либерализм, который отвергает вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Когда такая философия довела до Великой депрессии, на какое-то время на Западе возобладали социал-демократия с социальными правами и обязанностями, за которыми следило государство. В 70-е годы пошла «неолиберальная волна» — откат к истокам, отмена государственного вмешательства. И неолибералы сразу начали поход против государственной пенсионной системы.

Можно говорить о рациональности неолиберализма — в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности. Но это вовсе не значит, что постулаты и доводы неолиберализма являются рациональными и в существенно иной реальности, например, в России. Даже напротив, перенесение их социальной модели в иную экономическую и культурную среду практически наверняка лишает «их» обоснование рациональности. Это почти очевидное и почти элементарное правило.

К. Леви-Стросс, изучавший контакты Запада с иными культурами, писал: «Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы — либо оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим»¹. Такой синтез мы видели и в России (СССР), и в

---

¹ *Levi-Strauss C. Antropologia estructural: Mito, sociedad, humanidades. Mexico: Siglo XXI Eds. 1990. P. 335 (есть и русский перевод).*

Японии, и в Китае. Такие дезорганизацию и крах мы видим сегодня в РФ.

Но вернемся на момент к рациональности неолиберализма. Рассуждают его философы так: государство, чтобы выплачивать в старости пенсии, в трудоспособном возрасте удерживает у людей часть их доходов. Это ущемляет экономическую свободу индивида. Ведь если бы эта часть доходов оставалась у него, он мог бы сам ею распорядиться, возможно, гораздо удачнее, чем государство. Он мог бы накопить себе на старость больше, чем получит потом от государства. Конечно, многие при таком подходе вложили бы эти деньги неудачно и разорились. Но это были бы их личные проблемы. Это была бы ошибка «свободного человека»! Он умер бы без куска хлеба, но — свободным.

У неолибералов есть и еще один резон. В молодости доходы у всех разные. Значит, государство удерживает у людей разные суммы для создания общего Пенсионного фонда. А пенсии выдает примерно равные. Это же проклятая уравниловка! Кроме того, вдруг я умру раньше соседа — он что же, воспользуется моими пенсионными отчислениями? Поэтому неолибералы стараются заменить государственные пенсии накопительными пенсионными фондами: кто сколько накопил, столько и получит, а остаток пойдет его наследникам.

Значит ли это, что эта логика является рациональной и для России? Вовсе не значит — иные у нас условия и иные ограничения. Чтобы можно было рационально эту логику перенять, надо сначала установить, выполняются ли необходимые критерии подобия между Западом и Россией. Этой работы не было не только сделано, о ней даже никогда не упоминалось.

У нас без всяких рассуждений реформу начали с того, что переложили бремя собирания денег на пенсии старикам со всего народа, со всех его поколений лишь на малую частицу народа — на ныне живущих работающих граждан. Отстранив *народ* от этой обязанности, власти тем самым лишили пенсионеров права ожидать пенсии от всего народа, представленного государством.

Следующим шагом этой реформы становится отстранение от этого дела (пока что частичное) уже и нынешнего поколения как части народа — теперь каждый индивид должен будет копить себе на часть пенсии сам. Он теперь не должен надеяться на своего товарища по поколению и не должен поддерживать его из своих накоплений, как все-таки было и при распределительной системе. В этом плане народ полностью расценивается на «атомы», в чем и заключается неолиберальная доктрина, давшая философское основание этой реформы.

Каковы же были аргументы наших реформаторов? Давайте

рассмотрим самое четкое и краткое обоснование, данное В. В. Путиным в его первом Послании Федеральному собранию РФ 8 июля 2000 г.: «Важнейшей национальной задачей является обеспечение финансовой устойчивости пенсионной системы. Государство обязано предотвратить ее кризис, вызываемый быстрым старением населения России. Для этого необходимо внедрять механизмы накопительного финансирования пенсий. Аккуратно надо переходить к этой системе, поэтапно, но двигаться в этом направлении нужно обязательно».

Разделим большое утверждение В. В. Путина на конкретные частные тезисы, чтобы увидеть структуру проблемы, из которой исходит власть:

— В РФ назревает *кризис пенсионной системы*, который «государство обязано предотвратить».

— Этот кризис настолько глубок, что спасение от него является *важнейшей национальной задачей*.

— Причиной кризиса является *быстрое старение населения России*.

— Единственный выход для предотвращения этого кризиса заключается в отказе государства от финансирования пенсий и возложении этой обязанности на самих будущих пенсионеров — внедрение *механизма накопительного финансирования пенсий*.

Начнем с первого пункта. Он является постулатом и не сопровождается никакими рациональными доводами. Сказано *кризис*, и мы обязаны просто верить — или не верить. Эта часть доктрины рациональной не является, и обсуждать ее бесполезно. Возможно, этот постулат неверен и пенсионная реформа нанесет вред независимо ни от каких других ошибок. Но спорить о постулатах бесполезно.

Второй пункт также является постулатом и служит лишь для усиления первого. Мне он представляется совершенно неправдоподобным. Почему организацию пенсионного обеспечения пятой части населения вдруг посчитали «важнейшей национальной задачей»? Тем более что среднестатистический мужчина в РФ вообще не доживает до пенсионного возраста. Неужели эта задача важнее, чем вымирание населения или паралич хозяйства? Никаких разумных доводов для придания этой проблеме такого ранга в национальных приоритетах России слышать не приходилось.

Самый главный тезис третий, в нем дается объяснение причин постулируемого кризиса. Причиной кризиса пенсионной системы президент называет быстрое старение населения. Это объяснение совершенно лишено логики. Каким образом старение человека может помешать выплатить ему деньги, которые он

уже заработал и отчислил государству, будучи молодым? Это может произойти только в том случае, если тот, кому он этими деньгами доверил управлять, их украл, присвоил. Вот где следует искать причины кризиса.

Уж если на то пошло, то кризис возник именно вследствие того, что в 1990 г. был учрежден Пенсионный фонд. При советской пенсионной системе выплата пенсий представляла собой отдельный раздел бюджета, ничем в принципе не отличающийся от любого другого раздела. Ничего чрезвычайного в старении населения нет, этот процесс не при Горбачеве и Ельцине был открыт, он надежно прогнозируется, реагировать на него и госбюджет, и хозяйство страны должны как целое. Ведь не придет же в голову ни президенту, ни журналистам заявить о том, что в стране складывается критическое положение в водоснабжении вследствие быстрого старения населения России. Каждый бы удивился: какая, мол, связь? Но ведь деньги на ремонт водопроводов и на выплату пенсий берутся из одного и того же котла и между собой как статьи расходов бюджета ничем не различаются.

«Эксперты» и обзреватели телевидения, которые в РФ уполномочены истолковывать туманные высказывания власть имущих, приводят такой аргумент — стариков становится якобы слишком много по сравнению с молодыми, а деньги для пенсий берутся из зарплаты молодых. Это чистейшая демагогия и подмена понятий. Тот факт, что граждане, в том числе весьма образованные, ее принимают всерьез, говорит о глубоком поражении общественного сознания.

Деньги на пенсии берутся из *производимого общественного продукта*, а в его производстве «работают» ресурсы, созданные трудом большого числа поколений — и предыдущих, и нынешнего. Пенсию себе нынешние старики заработали сами, создавая производственные мощности, выплавляя сталь, прокладывая дороги, обучая детей и т.д. Более того, в их пенсии — труд их отцов и дедов. При чем здесь зарплата нынешних работников? Она является лишь формальным средством учета, причем неадекватным сути дела.

Чтобы увидеть, как «труд дедов» формирует пенсии нынешних стариков, никаких ухищрений не надо. Братская ГЭС строилась в 1955 — 1967 гг. и сегодня исправно дает электроэнергию, принося доход и государству, и «алюминиевым королям». Почему пенсия строителя Братской ГЭС — а ее строителем было все советское поколение тех лет — должна зависеть от зарплаты какого-то балбеса, служащего сегодня охранником в казино? То, что в 1990 г. незаметно прекратили финансирование пенсий непосредственно из госбюджета, есть просто социальное мошен-

ничество политиков, промежуточный шаг в уходе государства от ответственности за судьбу своих пожилых граждан. Мошенничество — вне норм рациональности, оно основано на «законе джунглей».

Действительная причина кризиса пенсионной системы в РФ лежит на поверхности и заключается в глубоком обеднении государства вследствие передачи почти всей его собственности и источников дохода в руки ничтожного меньшинства, которое к тому же оказалось несостоятельным в управлении хозяйством. Так что весь бюджет государства сократился настолько, что оно стало во многих отношениях неплатежеспособным. Если рассматривать хозяйство как источник средств для пенсий, то видеть причину кризиса в старении людей вообще абсурдно. На покупку в массовом масштабе недвижимости на Французской Ривьере, яхт и футбольных клубов деньги в РФ есть, а на пенсии старикам нет? Это же явная аномалия и позор для государства!

А если уж говорить о связи между пенсией стариков и числом нынешних работников, то катастрофой для Пенсионного фонда является как раз не увеличение числа стариков, а выведение из сферы производства миллионов молодых людей (на 9 млн. работников сократился только промышленный персонал, на 5 млн. — число работников сельскохозяйственных предприятий). Безработные, олигархи и охранники не производят материальных ценностей, которые можно обратить в пенсии для стариков.

Второй аргумент реформаторов в пользу перехода к накопительным «пенсиям» прост, как мычание, — все та же ссылка на Запад. Если в ФРГ переходят от государственной пенсионной системы к накопительной — значит, и нам надо! Но никакой аналогии в данном вопросе между ФРГ и Россией нет и быть не может. Как получают свой кусок хлеба старики — можно сказать, интимный вопрос каждой культуры. А если «культурные» доводы не убеждают, обратимся к экономическим: в ФРГ при средней месячной зарплате в 2000 евро за сорок лет работы можно без всякой натуги накопить нормальную пенсию на десять лет старости. В России же большинство работников имеют зарплату, позволяющую семье жить на уровне бедности или чуть ниже. О какой возможности копить можно вести речь? Поэтому в российских условиях ссылка на опыт ФРГ при отказе от государственной системы пенсионного обеспечения — это уход от здравого смысла и совести.

А копить деньги на старость люди умели и могли без всякого государства испокон веку. Пенсионная система СССР несколько не мешала тем, кто в молодости неплохо зарабатывал и был

бережлив, откладывать на старость в сберкассе — советская власть вкладов не воровала.

Сейчас государство РФ просто отказывается от просуществовавшей в России 70 лет обязанности выплачивать пенсию старикам. Именно в этом суть реформы — в уходе государства от ответственности за определенную сферу жизнеустройства народа. Государство теперь берется только следить за тем, чтобы человек сам откладывал деньги на старость сколько сможет и отсылал их для использования в какую-нибудь компанию. Сказать, что это пенсия, а старик, накопивший себе денег на старость, — пенсионер, есть *эвфемизм*, то есть «более мягкое слово или выражение вместо грубого или непристойного».

Еще одно ограничение для введения в РФ накопительной системы — затяжной экономический кризис, при котором значительная доля хозяйственной деятельности уходит в «тень». Одно дело, когда пенсии начислялись из всех обобщенных доходов государства, а иное дело, когда их фонд складывается из отчислений малой части граждан, тех, что работают «на свету». Нагрузка на них становится непомерной, а пенсии все равно будут малы.

Вот, например, в Аргентине недавно вынуждены были отказаться от накопительной пенсионной системы, введенной там в ходе реформы, похожей на нашу. Оказалось, что уже через несколько лет после ее введения и люди, и их работодатели стали уклоняться от выплаты пенсионных взносов. Они вполне разумно сомневались в их сохранности — насмотрелись на своих реформаторов. Из 9,3 млн. будущих пенсионеров только 3,8 млн. пополняли свои пенсионные счета. Нынешний министр экономики Аргентины Роберто Лавана назвал введенную в 1994 г. накопительную пенсионную систему «абсолютным недоразумением». Сейчас там намерены вернуться к прежней распределительной системе пенсионного обеспечения.

Подводя итог, можно применить «рыночную» терминологию и сказать, то нынешние пенсионеры в свое время заключили с обществом «контракт». Они работали весь свой срок за скромную зарплату, а государство взялось обеспечить им старость с определенным уровнем потребления. Этот уровень постоянно повышался в течение четырех послевоенных десятилетий и уже воспринимался как естественное право человека. Подчеркиваю, что «контракт» предусматривал именно уровень потребления, а не число бумажек или других средств платежа, которыми манипулирует правительство.

Что же делает правительство, начиная с Гайдара? Оно самым бесцеремонным образом нарушает этот «контракт». Оно отказы-

вается отдавать старикам заработанное! Если при советской власти (в 1990 г.) на среднюю месячную пенсию по старости можно было купить 402,7 л молока или 431,4 кг пшеничного хлеба, то в 2001 г. — 110,4 л молока или 91,7 кг хлеба, т.е. покупательную способность средней пенсии реформаторы снизили по сравнению с советским временем примерно в 4 раза.

А теперь государство вообще сбрасывает с себя обязанность служить посредником между поколениями. Оно заявляет: пусть каждый накапливает себе на старость сам, добывается от работодателя перечислений, не берет от него зарплаты «черным налом» и т.д. И это нам представляют как «пенсионную реформу»!

Суть эта выражается достаточно ярко, и не о ней речь. Мы говорим о том, что вот уже пятнадцать лет на общественное сознание безотказно воздействует абсолютно ложная и лишенная логики установка — и никакой реакции ее отторжения не возникает. И дело не только в политиках, задающих нам ложную структуру проблемы и ложные аргументы, а о массовом сознании, которое, пройдя «школу перестройки и реформы», легко принимает подобные аргументы, не видя в них логических неувязок.

Глава 38

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ

Едва ли не важнейшей задачей государства на предстоящий второй срок президента В. В. Путина начиная с 2004 г. объявлена *борьба с бедностью*. Понятно, что многими это было воспринято положительно, хотя и с долей скептицизма. Один политолог выразился так: «Борьба с бедностью — это... миф общегражданского значения, какими были когда-то «гласность» и «ваучеризация».

Да и сам В. В. Путин, назвав борьбу с бедностью одной из первоочередных задач, тут же сделал в Послании 2004 г. туманную, но многозначительную оговорку: «Достижения последних лет дают нам основание приступить наконец к решению проблем, с которыми можно справиться. Но можно справиться, только имея определенные экономические возможности, политическую стабильность и активное гражданское общество».

Вообще-то говоря, везде и всегда, даже без всяких особых достижений, люди запросто приступают к решению проблем, «с которыми можно справиться». Но, допустим, было в РФ нечто такое, что не позволяло приступить к решению даже таких проблем, — а за последние четыре года устранено. Смушает предуп-

реждение о том, что с задачей преодоления бедности мы не справимся в тех случаях, если не будем иметь определенных (но не названных) экономических возможностей, если кто-то осмелится нарушить политический покой и если гражданское общество не будет активным. Это, согласитесь, такие оговорки, которые заранее снимают с авторов программы всякую ответственность за ее результат. Попробуйте сказать через четыре года, что у нас гражданское общество было достаточно активным. Тут же выскочит куча профессоров, которые как дважды два докажут, что у нас гражданского общества вообще нет. Оговорки эти не имеют под собой разумных оснований, они даже противоречат логике. Ведь именно поразившая страну массовая тяжелая бедность подрывает экономику, порождает политическую нестабильность и душит ростки гражданского общества.

Но нас здесь интересует не сама программа борьбы с бедностью, а лежащая под нею доктрина, представление о «противнике», динамике процессов, масштабе явления — все то, что можно определить как интеллектуальный инструментарий разработчиков этой большой программы. Используют ли они те средства познания и овладения реальностью, которые выработаны в рациональности Просвещения и в традиционной культуре России — или отбрасывают, вольно или невольно, эти средства?

Прежде всего зададим фундаментальный и в то же время актуальный вопрос: на какой мировоззренческой платформе предполагается вести осмысление бедности и борьбу с нею? Видит ли нынешняя властная бригада реформаторов проблему бедности через призму философии *неолиберализма*, то есть следуют ли эти политики в русле мышления, заданного на первом этапе реформы, или они принципиально отходят от постулатов и логики 90-х годов? Если отходят от постулатов и логики неолиберализма, то каковы черты «новой рациональности» бригады В. В. Путина на предстоящий период?

В Послании 2004 г. сделано общее утверждение: «Никакого пересмотра фундаментальных принципов нашей политики не будет. Приверженность демократическим ценностям продиктована волей нашего народа и стратегическими интересами самой Российской Федерации». У многих, однако, еще теплится надежда на то, что это ритуальная торжественная фраза, которая не будет иметь силы в отношении конкретной проблемы бедности. Ведь невозможно с ней бороться, не пересмотрев буквально ни одного принципа политики реформ.

Понятие бедности. Вспомним исходные положения. Для любого жизнеустройства важным качеством является представление о *бедности* — отношение к тому факту, что часть членов об-

щества имеет очень низкий, по меркам этого общества, уровень дохода. Имеется в виду тот порог в уровне доходов, ниже которого бедные и зажиточная, благополучная часть образуют по потреблению благ и типу жизни два разных мира (в Англии периода раннего капитализма говорили о двух разных расах — «расе бедных» и «расе богатых»).

В политику понятие бедности вошло в развитой форме в Древнем Риме. Контроль над массой городской бедноты («пауперов») был одной из важных задач власти. Возникновение этой социальной группы происходило в процессе разрушения общины. Во-первых, община помогала своим членам не впасть в бедность и в то же время *не позволяла* человеку опуститься. Во-вторых, уравнилельный уклад общины не порождал в человеке разрушительного самосознания бедняка. В городе зрелище образа жизни богатой части как целого социального класса порождало неутоленные потребности и ощущение своей отверженности. Возникновение такой бедности — процесс во многом духовный (поэтому слово «пауперизация» вошло в лексикон теоретиков капиталистической экономики уже начиная с Адама Смита).

Вот что писал Белинский Боткину в 1847 г. из Европы, куда он приехал впервые в жизни: «Только здесь я понял ужасное значение слов *пауперизм* и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожаи и голод местами... но нет бедности... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!»

Бедность — социальный продукт именно классового общества с развитыми отношениями собственности и рынка. Таким было общество рабовладельческое, а потом капиталистическое. В сословном обществе люди включены в разного рода общины, и бедность здесь носит совсем иной характер, она обычно предстает в качестве общего бедствия, с которым и бороться надо сообща. Мы ее вообще мало знаем и маскируем ее сущность тем, что обозначаем словами из современного языка.

Понятно, что по типу бедности и отношению к ней советский строй жизни резко отличался от либерального общества Запада. Во время реформы были отвергнуты советские критерии и принципы, и именно Запад был взят за образец «правильного» жизнеустройства, якобы устраняющего ненавистную «уравниловку». Не будем влиять — отрицание уравниловки есть не что иное, как придание бедности законного характера.

Именно это произошло на Западе в ходе становления рыночной экономики («капитализма»). Причем произошло и на уров-

не обыденных житейских обычаев и установок, и на уровне социальной философии. Как писал Ф. Бродель об изменении отношения к бедным, «эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в.». Он приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят, перед тем как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы»¹.

Ведущие мыслители-экономисты либерального направления (А. Смит, Т. Мальтус, Д. Рикардо) считали, что бедность — неизбежное следствие превращения традиционного общества в индустриальное. Действительно, протестантская Реформация породила новое, неизвестное в традиционном обществе отношение к бедности как к признаку отверженности («бедные неугодны Богу» — в отличие от православного взгляда «бедные близки к Господу»)².

Адам Смит писал: «Отсутствие средств к жизни, сама нищета возбуждают к себе небольшое сочувствие; сопровождающие их жалобы вызывают наше сострадание, однако трогают нас неглубоко. Мы с презрением относимся к нищему, и хотя своей докучливостью он вымаливает себе подаяние, он редко бывает предметом глубокого сострадания. А вот перемена судьбы, ниспровергающая человека с высоты величайшего благоденствия в крайнюю нищету, обыкновенно возбуждает глубокое к себе сочувствие»³.

В другом своем трактате, «Причины богатства народов», Адам Смит так и определил главную роль государства в гражданском обществе: «Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится в действительности защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Это представление перешло и в идеологию. В середине XIX в. важным основанием либеральной идеологии стал *социал-дарви-*

---

¹ Бродель Ф. Структуры повседневности. С. 92.

² Иногда истоки этой «современной либеральной ненависти к беднякам» видят в языческом культе золота, интерес к которому возродился у первых «монетаристов» на заре современного капитализма, а позже выразился в «нищенском» презрении к бедным и убогим. О роли культа денег в становлении культуры современного капитализма интересно пишет М. Фуко в книге «Слова и вещи».

³ Смит А. Теория нравственных чувств. М.: 1997. С. 147.

низм. Он исходил из того, что бедность — закономерное явление и она должна расти по мере того, как растет общественное производство. Кроме того, бедность — проблема не социальная, а личная. Это индивидуальная судьба, предопределенная неспособностью конкретного человека побеждать в борьбе за существование. Идеолог социал-дарвинизма Г. Спенсер считал даже, что бедность играет положительную роль, будучи движущей силой развития личности. Идеолог неолиберализма Ф. фон Хайек также считал, что бедность — закономерное явление в человеческом обществе и необходима для общественного блага. Он призывал ограничить государственное участие в сокращении бедности и возложить ответственность за свою бедность на индивида¹.

Установление рыночной экономики впервые в истории породило государство, которое сознательно сделало голод средством политического господства. К. Поляnyi в своей книге «Великая трансформация» об истории возникновения рыночной экономики отмечает, что, когда в Англии в XVIII в. готовились новые *Законы о бедных*, философ и политик лорд Таунсенд писал: «Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению, голод — это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности. Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению».

Это отношение к бедным очень нравится нашему либералу из номенклатуры КПСС Е. Гайдару. Он любит на этот счет потеоретизировать: «Либеральные идеи в том виде, в котором они сформировались к концу XVIII века, предполагали акцент на свободу, равенство, самостоятельную ответственность за свою судьбу. Либеральное видение мира отвергало право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи»². Интересно, читает ли все это приверженный либеральным ценностям В. В. Путин?

---

¹ Сычева В. С. Измерение уровня бедности: история вопроса // СОЦИС, 1996. № 3.

² Гайдар Е. Богатые и бедные. Становление и кризис системы социальной защиты в современном мире. Статья первая // Вестник Европы, 2004. № 10.

Таким образом, бедность в буржуазном обществе вызвана не недостатком материальных благ, она — целенаправленно и рационально созданный социальный механизм. В большой книге «Понимание бедности» (1993)¹ Пит Элкок дает обзор развития этого социального явления и представлений о нем в классической стране либерализма — Великобритании начиная с ранних стадий современного капитализма (с XIV века). Он пишет: «Бедность в определенной степени создается или, по крайней мере, воссоздается как результат социальной и экономической политики, которая разрабатывается для того, чтобы контролировать бедность и бедных... Большинство писавших об истории бедности в Британии описывают состояние бедности и политики по отношению к ней начиная с периода постепенного вытеснения в XVII — XVIII вв. феодализма капитализмом — то есть с периода, когда зародилась современная экономика. В своей книге по истории бедности в Британии Новак (Novak, 1988) утверждает, что бедность появилась именно тогда. В то время большинство людей были отделены от земли, превратились в рабочих и, следовательно, потеряли контроль над средствами производства материальных благ и стали зависеть от заработков, приносимых наемным трудом».

Сам П. Элкок не склонен присоединиться к выводу социологов-марксистов, согласно которому бедность категорически присуща капиталистическому строю и в принципе не может быть в нем искоренена. Он считает, что капитализм далеко не полностью господствует в экономике даже Великобритании и оставляет довольно большое пространство для некапиталистических форм производства и распределения (доводов в пользу того, что это пространство *достаточно* велико, он не приводит). Однако он признает, что капитализм *создает* бедность: «Работодатели стремятся поддерживать излишек рабочих, готовых и желающих быть нанятыми на работу по самой низкой цене. Политика государства по отношению к проблеме бедности всегда откровенно подчинялась таким требованиям и породила приоритеты, создавшие образы бедности и потребностей бедных».

Исследователь бедности, удостоенный за свой труд «Политэкономия голода» Нобелевской премии по экономике, А. Сен показывает, что бедность не связана с количеством товаров (шире — благ), а определяется *социально* обусловленными возможностями людей получить доступ к этим благам. В социаль-

---

¹ Alcock P. Understanding Poverty. London: MacMillan Press, 1993. (Перевод с англ. М. Добряковой.)

ной реальности даже богатейших стран Запада бедность является обязательным элементом («структурная бедность»).

В. Глазычев приводит такие сведения: «По официальным данным, на 1 января 2003 г. 20,2% жителей Нью-Йорка имели доходы ниже федерального уровня бедности, еще 13% находились чуть выше этой черты. В 2001 г. один миллион ежедневно получал свою похлебку в благотворительных столовых и еще 350 тысяч эту похлебку не получили, так как на них не хватило еды. Насчитывалось 600 тысяч низкооплачиваемых работников, из которых у 56% нет медицинской страховки, а у 52% не было фиксированной платы. В городе насчитывалось 38 тысяч бездомных»¹.

Эта крайняя бедность в богатейших странах Запада служит важным фактором консолидации гражданского общества. Каждый гражданин, и прежде всего наемный работник, всегда должен иметь перед глазами печальный пример людей, выброшенных из общества. Таким наглядным образом и скрепляется «общество двух третей» — потому-то им и в голову бы не пришло устраивать, подобно сытым советским гражданам, рискованные перестройки своего социального порядка.

П. Элкок пишет: «Этот подход ярко выражен в Законодательном Акте о Бедных, принятом в 1601 г. во время правления Елизаветы I, и целью его, согласно Голдингу и Миддлтону (Golding and Middleton, 1982), были рабочая дисциплина, устрашение и разделение. Закон о Бедных оказался самым значительным достижением, очертившим развитие политики по отношению к бедности вплоть до конца XIX века; политика эта строилась преимущественно на контроле и устрашении. Особенно отчетливо это можно наблюдать в случае с институтом работного или исправительного дома. Работные дома — это учреждения, куда могли послать бедняков и нищих, если они себя не обеспечивали. Это было способом избавления от бедности, однако режим в работных домах был исключительно суровым и выполнял функцию наказания — чтобы настоящие и потенциальные обитатели таких домов не считали их желанной альтернативой занятости и самостоятельному добыванию хлеба.

Преобладающим убеждением было то, что бедность суть продукт взаимодействия лени и греха, и, следовательно, политика государства должна стремиться противостоять влиянию последних посредством поощрения самообеспечения и наказания зависимости. Не простым совпадением было и то, что это также уси-

---

¹ Urban Update, № 4, Feb. 2004, Woodrow Wilson International Center for Scholars, p.9.

ливалось трудовую дисциплину среди рабочих, нагоняя на них страх потерять работу и оказаться в бедности... Таким образом, самые первые попытки справиться с бедностью в общих чертах сформировали политику, направленную на контроль за бедными.

Реакция государства на бедность, выражающаяся в контроле над бедными и их дисциплинировании, создала модели как проблемы бедности, так и политики по отношению к ней. И то, как мы видим бедность сейчас, а также то, как мы меняем наше к ней отношение, во многом определено этим историческим наследием. Разделение на работающих и неработающих бедных, на достойных и недостойных бедных и в современной Британии складывается под влиянием этих представлений о бедности».

И философские основания советского строя, и лежащая в их основе антропология, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, и русская православная философия, и наши традиционные культурные установки исходили из совершенно другой установки: бедность есть порождение несправедливости, и потому она — зло¹. *Таков был официально декларированный принцип и таков был важный стереотип общественного сознания. В этом официальная советская идеология и стихийное мироощущение людей полностью совпадали.*

Надо особо подчеркнуть, что понимание бедности как зла, несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни, вовсе не является порождением советского строя и его идеологии. Напротив, советский строй — порождение этого взгляда на бедность. Вот выдержка из старого дореволюционного (хотя и издания 1917 г.) российского учебника: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немыслимы. Бесчисленное количество поколений создавало эту атмосферу; все нынешнее общество в целом поддерживает и развивает ее, и нет возможности выделить и опреде-

---

¹ Ю. С. Салин, полвека проработавший геологом на Дальнем Востоке, в книге «Россия и русские» (Хабаровск: ДО РАН, 2002) проводит интересное сравнение отношения к бедности русских и представителей малых народов Приморья и Севера. Во всех случаях это отношение, присущее традиционному обществу.

лить ту долю в этой общей работе, которая совершается каждой отдельной единицей. Пусть доли этих единиц неравны, но доли эти есть, и они обязывают все общество к тому, чтобы признать по крайней мере право каждого человека на обеспечение известного минимума необходимых средств на тот случай, если он сам по каким бы то ни было причинам окажется не в состоянии себя содержать. Другими словами, за каждым должно быть признано то, что называется правом на существование.

Мы знаем, что в прежнее время забота о выброшенных за борт экономической жизни лицах лежала на тех или других более тесных союзах — роде, общине, цехе и т.д. Но мы знаем также, что ныне все эти союзы оттеснены, а то и вовсе уничтожены государством; это последнее заняло по отношению к индивиду их прежнее властное место; оно претендует на многие, прежде им принадлежавшие права (например, право наследования); естественно поэтому, что оно должно взять на себя и лежавшие прежде на них обязанности. Только при таком условии вступление на место прежних союзов государства будет подлинным прогрессом, подлинным расширением общественной солидарности. И действительно, как известно, призрение бедных, сирот и т.д. считается одной из государственных забот. Но все это нынешнее призрение построено на идее милости и потому не может не быть недостаточным — унижительным для тех, на кого оно распространяется. Между тем дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование...

Признание права на существование окажет, без сомнения, огромное влияние и на всю область экономических отношений: положение «экономически слабых» станет прочнее и сделает их более устойчивыми в борьбе за цену предлагаемого ими труда и за лучшие условия жизни. Защищенные от опасности голодной смерти, они не так легко пойдут в сети хозяйственной эксплуатации.

Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши соотечественники гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности»¹.

Мы видим, что здесь, во-первых, отрицается способность рынка как социального механизма оценить реальный вклад каж-

---

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пет-роград, 1917.

дого человека в жизнеобеспечение общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе — именно как право, а не милость. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью. Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным.

История быстрого индустриального и экономического развития стран с разными типами культуры убедительно показала, что в незападных культурах, сохранивших общинные представления о человеке, быстрое развитие возможно лишь при условии ликвидации бедности и большого разрыва в доходах. Здесь — кардинальная разница с либеральным гражданским обществом протестантского Запада.

Наши реформаторы, будучи ренегатами коммунистической идеи, терпеть не могут проектов развития, которые шли под красным флагом (СССР, Китай). Так вспомнили бы хоть «азиатских тигров» — например, Тайвань. Там была проведена форсированная программа экономического развития (1960 — 1974 гг.). Успех ее во многом был предопределен ликвидацией бедности и быстрым сокращением расслоения общества по доходам. Децильный фондовый коэффициент, составлявший в 1953 г. 30,4, сократился до 19,3 в 1961 г., а потом был резко сокращен до 8,6 в 1964 г. и 6,8 в 1972 г.¹

В РФ пошли по пути Запада — стали выбрасывать из общества бедных (фондовый коэффициент за время реформы вырос с 3,5 до 14, 5, а с учетом теневых доходов он оценивается в 30 — 40). И это в обществе, культура которого корнями уходит в православную (а в существенной части в исламскую) уравнительную этику!

Советское и либеральное понимание бедности — это две полярные мировоззренческие концепции. Выдвигая лозунг борьбы с бедностью, правительство В. В. Путина не может уклониться от того, чтобы определить свой вектор между этими двумя полюсами.

В конце XIX века идеологи западной буржуазии, напуганные призраком мировой революции бедняков, частично сдвинулись от либерализма к социал-демократии. Бедность, особенно крайняя, стала трактоваться как нежелательное, *невыгодное* социальное явление. Русская революция усилила этот сдвиг. Запад пережил период смягчения нравов, своего рода приступ гуманизма. Ограничение бедности стало рассматриваться как важное усло-

¹ Салицкий А. И. Бизнес по-китайски // СОЦИС. № 5. 1989.

вие выхода из тяжелых кризисов. Об этом много говорил президент США Рузвельт. Л. Эрхард в программе послевоенного восстановления ФРГ исходил из таких установок: «Бедность является важнейшим средством, чтобы заставить человека духовно зачухнуть в мелких материальных каждодневных заботах... [такие заботы] делают людей все несвободнее, они остаются пленниками своих материальных помыслов и устремлений». Л. Эрхард даже включал гарантию против внезапного обеднения в число *фундаментальных прав*: «Принцип стабильности цен следует включить в число основных прав человека, и каждый гражданин вправе потребовать от государства ее сохранения».

Е. Гайдар, разумеется, придерживается противоположного мнения: «Причиной того, что США устойчиво сохраняют роль лидера мирового экономического развития в постиндустриальную эпоху, было и то, что американские профсоюзы оказались более слабыми, а регулирование трудовых отношений, в том числе прав на увольнение, более мягким, чем в континентальной Западной Европе. К тому же система пособий по безработице в США сложилась более жесткая (соотношение среднего пособия к средней заработной плате — ниже, период их предоставления — короче)».

Понимание бедности в доктрине российских реформ. Четких определений тех социальных категорий, в которых они мыслят реальность, наши реформаторы в принципе избегают. Они, однако, приняли неолиберальную программу реформы и регулярно напоминают о своей приверженности либеральным ценностям. То есть как минимум на уровне деклараций идеологи реформ на этапе Б. Н. Ельцина и В. В. Путина отвергли даже социал-демократический вариант западного капитализма.

Уже с самого начала реформы наши интеллектуалы в своих похвалах рынку легко проскакивали все умеренные градации социал-демократии и либерализма, доходя до крайностей неолиберального фундаментализма. Юлия Латынина свою статью — панегирик рынку назвала «Атавизм социальной справедливости». С возмущением вспомнив все известные истории попытки установить демократический и справедливый порядок жизни, она напоминает нам мудрую сентенцию неолибералов: «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное — то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал атавизмом социальной справедливости»¹.

Как можно было видеть выше, в своих определениях даже

---

¹ Латынина Ю. Атавизм социальной справедливости // Век XX и мир. 1992. № 5. С. 1—17.

умеренные установки Рузвельта и Эрхарда категорически несовместимы с неолиберализмом и классическим социал-дарвинизмом. Напротив, В. В. Путин в своей аргументации отказа от государственного патернализма в Послании 2000 г. (предполагая, что этот отказ раскрепостит потенциал человека) буквально следует представлениям Спенсера и фон Хайека, а не Л. Эрхарда и У. Пальме.

Зафиксируем тот факт, что в конце 80-х годов наша элитарная интеллигенция, представленная сплоченной, но пока еще теневой интеллектуальной бригадой будущих реформаторов типа Гайдара и Чубайса, сделала вполне определенный философский выбор. Она приняла неолиберальную концепцию человека и общества, а значит, и неолиберальное представление о бедности. Массовое обеднение населения России было хладнокровно предусмотрено в доктрине реформ. Бедность в этой доктрине рассматривалась не как зло, а именно как полезный социальный механизм.

П. Малиновский, обсуждая нынешний лозунг «борьбы с бедностью», напоминает: «В неолиберальной доктрине, чьи приверженцы делали в нашей стране социальную революцию 90-х годов (и рассуждали примерно следующим образом: «В России 70 миллионов лишних людей, которые ни к чему не приспособлены, поэтому основная задача — как можно быстрее от них избавиться, и тогда мы все заживем нормально»), сформулирован более жесткий тезис: бороться надо не с бедностью, а с бедными. Поэтому тезис борьбы с бедностью звучит кощунственно»¹.

Допустим, с приписанным им рассуждением наши неолибералы могут не согласиться. Но вот документы. Директор Центра социологических исследований Российской Академии государственной службы В. Э. Бойков писал в разгар реформы: «В настоящее время жизненные трудности, обрушившиеся на основную массу населения и придушившие людей, вызывают в российском обществе социальную депрессию, разъединяют граждан и тем самым в какой-то мере предупреждают взрыв социального недовольства»². В работе этого правительственного социолога есть даже целый раздел под заголовком «Пауперизация как причина социальной терпимости».

А. Чубайс писал в своей «теоретической» разработке в марте 1990 г.: «К числу ближайших социальных последствий ускоренной рыночной реформы относятся:

¹ archipelag.ru/text/n50.htm

² Бойков В. Э. Социально-экономические факторы развития российского общества // СОЦИС. 1995. № 11.

- общее снижение уровня жизни;
- рост дифференциации цен и доходов населения;
- возникновение массовой безработицы...

Население должно четко усвоить, что правительство не гарантирует место работы и уровень жизни, а гарантирует только саму жизнь...

На время проведения реформы (или по крайней мере ее решающих этапов) потребуется чрезвычайное антизабастовочное законодательство...

Следует ожидать ускоренной институционализации неолиберальной экономико-политической идеологии, политической основой которой станет часть нынешних демократических сил...»¹

Таким образом, в ходе реформы произошел не сбой, не социальный срыв, а запланированное изменение структуры общества. Начиная с 60-х годов в сознании нашей либеральной интеллигенции вызревало социал-дарвинистское представление о человеке, в эпоху Горбачева оно вырвалось наружу в форме идеологии, а в 90-е годы легло в основу всей доктрины реформы. Это представление, согласно которому люди делятся на «сильных» (конкурентоспособных) и «слабых» (неконкурентоспособных), настолько вошло уже в подсознание и нынешней «элиты», и власть имущих, что они просто не замечают подтекста своих заявлений².

Вот В. В. Путин делает программное заявление в Послании Федеральному собранию РФ 26 мая 2004 г.: «Главный конкурентный капитал, главный источник развития страны — это ее граждане. Для того чтобы страна стала сильной и богатой, необходимо сделать все для нормальной жизни каждого человека. Человека, создающего качественные товары и услуги, создающего культурное достояние державы, создающего новую страну».

Говоря о нормальной жизни для людей, он вполне мог бы ограничиться понятием «каждый человек». И раньше, в советское время, это так и понималось бы — каждый гражданин СССР, сильный и слабый, умный и глупый, как раз и есть «каждый че-

---

¹ «Век XX и мир». 1990, № 6. Цит. по: *Фадеев А.* Тень Чубайса над ЖКХ. М.: Алгоритм. 2003.

² Наивность социал-дарвинизма новой российской элиты могла бы даже умилять, если бы за этой наивностью не был виден оскал преступного интереса. Вот как по-доброму было сказано в программе Российского телевидения «Вести» 10 февраля 1992 г. после показа жизни бездомной дворняги и холеной борзой: «Только помогая друг другу, элитные — беспородным, богатые — бедным, мы сможем выжить!» За прошедшие после этого 12 лет доброты у элитных и богатых поубавилось. Да и у бедных терпение лишь кажется бесконечным.

людей», ибо все мы братья и имеем право на нормальную жизнь, то есть на некоторый разумный минимум жизненных благ. В. В. Путин, однако, уточняет новый смысл понятия. Речь идет теперь лишь о тех людях, которые составляют «конкурентный капитал». *Каждый человек* для В. В. Путина — это «человек, создающий качественные товары и услуги». А те, кто неконкурентоспособен, кто не составляет «конкурентный капитал» РФ, чьи товары и услуги не востребованы мировым рынком, в эту категорию не входят. Нормальной жизни им страна обеспечить не обязана, они являются для нее обузой и могут рассчитывать только на небольшие социальные трансферты, чтобы иметь возможность вымывать цивилизованно¹.

Сама программа реформы и не предполагала механизмов, предотвращающих обеднение населения. Исследователи ВЦИОМ пишут: «Процессы формирования рыночных механизмов в сфере труда протекают весьма противоречиво, приобретая подчас уродливые формы. При этом не только не была выдвинута такая стратегическая задача нового этапа развития российского общества, как предупреждение бедности, но и не было сделано никаких шагов в направлении решения текущей задачи — преодоления крайних проявлений бедности»².

Курс на резкое обеднение людей еще в последние советские годы получил идеологическую поддержку — экспертов для этого было достаточно. Экономист Л. Пияшева криком кричала: «Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы! Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций»³.

---

¹ А уж если человек вовсе не желает «создавать новую страну», а стремится возродить и развивать страну с ее исторически сложившимся природным и культурным обликом, то пусть о нормальной жизни и не мечтает.

² *Зубова Л. Г.* Социальное расслоение в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1995. № 3.

³ Стоит также вспомнить, что в разгар перестройки, когда опасность резкого обеднения людей в результате подрыва советской системы хозяйства уже была очевидна для специалистов, М. С. Горбачев взял на себя задачу успокоить доверчивых граждан. Он говорил: «Иные критики наших реформ упирают на неизбежность болезненных явлений в ходе перестройки. Пророчат нам инфляцию, безработицу, рост цен, усиление социального расслоения, то есть то самое, чем так «богат» Запад» («Перестройка и новое мышление». М.: Политиздат, 1988. С. 129):

Понятно, что в таких условиях объявления *«борьбы с бедностью»* и одновременно о *«неизменности курса реформ»* взаимно противоречат друг другу, ибо бедность в России является необходимым и желаемым продуктом именно этого курса реформ. Если принять, что власть в настоящий момент рассуждает рационально, то из этого следует, что одно из двух несовместимых утверждений является демагогическим и служит лишь для прикрытия истинных целей власти. Какому из этих утверждений следует верить, мы пока определить не можем, для этого недостаточно информации.

В. Глазычев, социолог, в общем, либерального направления, считает, что в Послании 2004 г. выбор политического режима В. В. Путина сделан вполне определенно — этот режим принял либеральную (англосаксонскую) доктрину бедности. В. Глазычев пишет: «Пора называть вещи своими именами. Задача сокращения зоны российской бедности в два раза, поставленная властями, означает не более, но и не менее, чем прочерчивание вектора: приближение к цивилизационной норме порядка 10%. Совершенно понятно, что без трюков с подсчетами за несколько лет достичь этой цели невозможно, тем более что мучительно разворачивающиеся реформы — здравоохранения, пенсионная, муниципальная, образования, — вопреки заверениям властей, неизбежно будут расширять зону бедности одновременно с попытками ее сжатия «сверху». Соответственно, перед нами стадия долговременного существования обширной зоны бедности, что предполагает, во-первых, признание особой культуры бедности, а во-вторых, ее развитие»¹.

Таким образом, идеологи реформы предупреждают, что мы должны оставить надежды на социальное государство с православной нравственной подосновой, а перестраиваться, готовясь сосуществовать с 15 миллионами «отверженных», помогая им небольшими субсидиями и дубинками ОМОНа выработать «культуру бедности». Заранее отмечу, что это очень рискованная программа.

Поражает, однако, что даже социологи, которые занимаются изучением бедности, как будто не видят внутренней противоречивости своих рассуждений. С одной стороны, они фиксируют очевидный факт — массовая бедность возникла в результате реформ. С другой стороны, они сетуют на то, что «товарищи реформаторы» недоработали, упустили из виду и т.п. Ведь из самих же их текстов прямо следует, что если бы «товарищи» не допустили бедности, то и никакой их реформы не могло бы состояться.

---

¹ Глазычев В. Культура бедности. www.russ.ru, 31.05.2004.

Вот, например, читаем о сельской бедности: «Негативные социальные последствия трансформации СССР сказались на сельском населении сильнее, чем на городском... Социально-экономическая трансформация является обстоятельством непреодолимой силы, зачастую превосходящим возможности выживания отдельной сельской семьи». Социолог дает этому разумное объяснение: «Более трех четвертей трудоспособного сельского населения России составляли работники колхозов и совхозов. Советские сельхозпредприятия не только предоставляли рабочие места, но и обеспечивали своих членов жильем со всеми необходимыми для жизни условиями и поддерживали практически весь комплекс социальных услуг»¹.

Далее перечислены социальные последствия ликвидации колхозов и совхозов, причем последствия эти фундаментальны — «большинство осталось ни с чем». Из текста видно, что эти последствия с абсолютной необходимостью были предопределены главными шагами реформы². И тут же вывод: «Вторая причина [бедности] — отсутствие концепции и каких-либо политических действий, направленных на снижение социальных последствий перехода страны от одной социально-экономической системы к другой». Какая иррациональная вера в магическую силу «концепции»!

О борьбе с какой бедностью идет речь. Рассмотрим теперь, что произошло в России в ходе реформы и с чем именно предлагает бороться В. В. Путин, с какой бедностью.

В результате реформ в РФ возникла *структурная бедность* — постоянное состояние значительной части населения. Была создана большая социальная группа бедных как стабильный структурный элемент нового общества. Эта бедность — *социальная*

---

¹ Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1.

² К огорчению наших энтузиастов рынка, надо напомнить, что разгон колхозов привел к удушению и «частной инициативы» — наше село стало «менее рыночным», его товарность снизилась. Господа реформаторы уничтожили рыночную инфраструктуру российского села, бескорыстно помогая иностранным экспортерам. В той же статье говорится: «С 1991 по 1998 год товарность хозяйств населения снизилась по картофелю более чем в два с половиной раза (с 28,5 до 10,2%). Снижение товарности объясняется упадком сельскохозяйственных предприятий и развалом в большинстве регионов системы потребительской кооперации: и предприятия, и кооперация выполняли для мелкотоварного производства функции рыночных интеграторов, обеспечивая его необходимыми товарами и услугами (семенами, молодняком скота, услугами техники и пр.) и содействуя сбыту продукции. Предприимчивых и успешных сельских предпринимателей в любом районе можно сосчитать на пальцах».

проблема, не связанная с личными качествами и трудовыми усилиями людей. ВЦИОМ фиксирует: «В обществе определились устойчивые группы бедных семей, у которых шансов вырваться из бедности практически нет. Это состояние можно обозначить как застойную бедность, углубление бедности». По данным ВЦИОМ, только 10% бедняков могут, теоретически, повысить свой доход за счет повышения своей трудовой активности¹. Вот красноречивый пример огромной ниши застойной бедности — 39 млн. сельских жителей РФ. Читаем в статье Л. Овчинцевой: «Малоимущими являются около половины селян... Из общего числа сельских бедных треть является *крайне бедными*, т. е. ресурсы, которыми они располагают, ниже прожиточного минимума в два раза и более. Доля крайне бедных на селе в 2000 году была почти в два раза выше, чем в городе».

Особенность российской бедности в том, что это бедность *работающих* людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляют лица, имеющие работу. Основной сферой занятости для жителей села остается работа на сельскохозяйственных предприятиях, а средняя сумма заработной платы и социальных выплат в сельском хозяйстве в последние годы остается низкой.

Из этого видно, что либеральная трактовка бедности, согласно которой «проблемы бедных людей порождены их собственной ленью или неполноценностью», совершенно неприложима к конкретному случаю бедности в РФ. Независимо от того, насколько хороши либеральные ценности вообще, мыслители команды В. В. Путина не имеют разумных оснований для приложения либеральной доктрины к нашему случаю.

После объявления борьбы с бедностью по Москве прошло много семинаров и «круглых столов», на которых видные политики и представители научной элиты высказали свои соображения. Они поражают их несовместимостью ни с реальностью, ни с логикой, ни даже друг с другом, причем эта несовместимость не вызывает никакого удивления или попыток разобраться в ее причинах.

Вот несколько типичных утверждений, их можно приводить, не называя авторов, ибо связной доктрины, хотя бы либеральной, они не выражают. Один говорит: «Самое эффективное направление — это инвестиции в образование. С одной стороны, это повышает конкурентоспособность на рынке труда и, следовательно, по идее, ведет к исчезновению такого феномена, как

---

¹ Заславская Т. И. Новые данные о доходах россиян // «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». ВЦИОМ. 1995. № 4; Зубова Л. Г. Представления о бедности и богатстве. Критерии и масштабы бедности // Там же. 1996. № 4.

«работающие бедные». С другой стороны, это развивает сам рынок труда».

Другой эксперт-профессор продолжает: «Риски, связанные с понижением социального статуса и имущественно-экономических возможностей, риски скатывания на «социальное дно» чрезвычайно высоки у учителей, инженерно-технических работников, мелких служащих. «Социальное дно» нынче образованно и повышает свой интеллектуальный потенциал, что само по себе является политически чрезвычайно опасным фактором, поскольку там могут появиться свои «стенки разины», причем они образованные и способные рефлексировать свои политические действия».

Как можно ликвидировать нынешнюю российскую бедность с помощью «инвестиций в образование», если едва ли не большинство бедных и так имеют высшее образование, причем очень хорошее, еще советского типа? И при чем здесь «конкурентоспособность на рынке труда», если повышение конкурентоспособности Иванова по определению означает снижение конкурентоспособности Петрова и Сидорова и, следовательно, их обеднение? Ведь именно конкуренция на рынке труда и является главной причиной абсолютной бедности тех, кого этот рынок отверг, и относительной бедности тех, кто оказался востребован этим рынком, но находится под дамокловым мечом конкуренции со стороны отвергнутых и потому соглашается на низкую зарплату. Это элементарные вещи, изложенные задолго до Маркса уже самими либеральными философами. Как не стыдно российским профессорах XXI века!

Видный социолог так трактует дело: «Сегодня проблема бедности в России сконцентрирована не в селах, традиционно считающихся наиболее уязвимой в этом смысле зоной, а в малых городах, где уже нет ресурсов села, но еще не сформировались ресурсы крупного города, которые способны выступать компенсаторными механизмами погашения бедности и предоставления возможностей на рынке труда».

Какие «механизмы погашения бедности» работают в Рио-де-Жанейро, при чем здесь «ресурсы крупного города», которые еще не сформировались в России, но вот уже сформируются и устранят бедность? Разве Рязань и Челябинск с их глубоким обеднением квалифицированных рабочих и инженеров — не крупные города? И разве бедность села в РФ, как показано другим социологом, не достигла именно катастрофического уровня?

Начальник Отдела политики доходов населения Департамента доходов населения и уровня жизни Минтруда РФ М.Байгерев причиной бедности считает задержку со вступлением РФ в

ВТО. В большой статье он пишет: «Причины российской бедности состоят прежде всего в вялой адаптации национальной экономики к процессам глобализации, неконкурентоспособности целых отраслей и производств, низкой производительности труда и слабой его организации, превалировании низкооплачиваемых рабочих мест и дефиците специалистов требуемой квалификации».

Неужели он не помнит, что совсем недавно за «железным занавесом» (то есть с активным *отрицанием* глобализации вместо *адаптации* к ней) и с той же «неконкурентоспособностью целых отраслей и производств» (ибо они вообще не ради конкуренции и мирового рынка существовали) работники этих отраслей и производств вовсе не были бедными и не падали в забое в обморок от недоедания? К чему же наводить тень на плетень?

К тому же сам г-н М. Байгереев, видимо, забывшись, пишет через пару абзацев, что с нами произойдет, если «адаптация национальной экономики к процессам глобализации» вдруг станет не вялой, а, наоборот, энергичной: «Неизбежное сближение потребительских цен национального рынка с мировыми ценами, связанное с интеграцией отечественной экономики в мировую экономическую систему, приведет к консервации уровня жизни большинства населения вокруг порога бедности или в крайнем случае невысокого материального достатка со всеми вытекающими последствиями для безопасности страны».

Понятия и модели, взятые из арсенала капиталистической экономики, не годятся и потому, что российская бедность не вызрела эволюционно вместе с развитием рынка труда, производившего жестокую выбраковку отверженных. В РФ обеднели целые категории работающих людей, причем людей квалифицированных, выполняющих сложную работу. Этот процесс просто не имеет аналогов в капиталистической экономике.

Тот же М. Байгереев пишет: «За годы становления рыночной экономики наиболее негативные изменения произошли в оплате труда работников. В 1992 г. минимальная заработная плата составляла 31,8% от прожиточного минимума трудоспособного населения, к 1995 г. она снизилась до 14,3%, затем наблюдался ее некоторый рост, но уже с 1998 г. обозначилась тенденция резкого снижения минимального размера оплаты труда относительно величины прожиточного минимума. В 1999 и 2000 гг. соотношение составляло 8,3 и 8,2% соответственно».

В таких отраслях, как сельское хозяйство, здравоохранение, образование и культура, более 65% работников получают зарплату ниже прожиточного минимума. В целом по экономике доля работников, начисленная зарплата которых в 2000 г. была на

уровне прожиточного минимума и ниже, составляла 41,5% их общей численности. Номинальная начисленная заработная плата более 18% работников была ниже стоимости минимального набора продуктов питания».

Таким образом, пресловутая «неконкурентоспособность работников и целых отраслей» к бедности не имеет никакого отношения. Люди получили рабочее место и в частных фирмах, и в государственных больницах или школах — значит, они вполне конкурентоспособны на рынке труда. К их работе нет нареканий — но 41,5% всех работников имеют зарплату ниже прожиточного минимума. Они даже свою собственную жизнь не могут обеспечить, а не то чтобы *воспроизвести* свою рабочую силу! Более того, 18% работающих не могут себя даже прокормить работой, не то чтобы купить себе рубашку или носки. Тут капитализмом и не пахнет, почти половина работников в РФ работает в режиме концлагеря.

И ведь значительная часть бедных — это те, кто прямо работает на государство и получает от него зарплату. М. Байгереев, сам ответственный чиновник, пишет как ни в чем не бывало: «Хронические очаги бедности сформировались в бюджетной сфере и в ряде стагнирующих отраслей промышленности. Низкий уровень оплаты труда работников этих секторов экономики стал главной причиной бедности работающего населения».

Как же глава государства В. В. Путин собирается бороться с бедностью, если именно вверенное ему государство и является работодателем, который грабит нанятых им работников? Ведь если переходить на язык рыночной экономики, то государство РФ, забрав на рынке у продавцов рабочей силы их товар, этого товара полностью не оплатило. К чему мудрить и искать виновника бедности — вот он, вор. Хватайте его, товарищ президент!

Кстати, раз уж заговорили о воспроизводстве рабочей силы, то есть населения РФ, то совершенно очевидна и причина его сокращения. Тут тоже нечего мудрить, искать какие-то духовные причины, аналогии с Западом — детей надо кормить, а на зарплату, установленную в государстве РФ союзом правительства с его «бизнес-сообществом», вырастить детей население не может даже для своего простого воспроизводства, то есть 2,1 ребенка на пару супругов.

Вот официальные данные, которые сообщает М. Байгереев: «В 2000 г. среднемесячная начисленная заработная плата составила 171,2% величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Это означает, что семья из двух работников со среднестатистической зарплатой может обеспечить минимальный уровень потребления только одному ребенку. В 2000 г. но-

минальная начисленная заработная плата более половины семей, состоящих из двух работающих, не могла обеспечить минимально приемлемый уровень жизни даже одному ребенку».

Более того, из всех возрастных категорий сильнее всего обеднели именно дети в возрасте от 7 до 15 лет. В 1992 г. за чертой бедности оказались 45,9% этой части народа, а в 1997 г. эта доля сократилась до 31,2%. В последнее время обеднение детей опять усилилось — до 40,3% в 2000 и 2001 гг. Таким образом, все результаты воздействия бедности на здоровье, культуру, характер и поведение человека имеют долгосрочный характер — через состояние бедности прошла половина детей РФ.

Менее непосредственно, но существенно призраки бедности овевял своим дыханием почти все население России, и это влияние обладает последствием. В середине реформы *подавляющее большинство* граждан РФ субъективно считали, что они живут бедно. При опросе ВЦИОМ в марте 1996 г. на вопрос «Как вы считаете, большинство людей с таким же уровнем образования, как у вас, живут сейчас бедно или богато?» — в целом 67,1% ответили «скорее бедно», а 18,5% — «бедно». То есть люди, ощущавшие себя бедняками, в сумме составляли 85,6% всего населения РФ. Чуть-чуть благополучнее других оказались люди с высшим и незаконченным высшим образованием (из них бедняками себя посчитали 79,8%), хуже всех — с образованием ниже среднего (90%). О своей семье люди думали, что она живет несколько беднее, чем люди такого же уровня образования¹.

Исследователи подчеркивают важную особенность процесса обеднения в ходе реформы — происходит исчезновение «среднего класса» с образованием ничтожной прослойки богатых (к ним относят около 1% населения) и беднеющего большинства. Академик Т. И. Заславская пишет: «Процесс ускоренного социального расслоения охватывает российское общество не равномерно, подобно растягиваемой гармонике, а односторонне — все резче отделяя верхние слои от массовых слоев, концентрирующихся на полюсе бедности»².

Пребывание в состоянии бедности уже оказало сильное влияние на экономическое поведение. Например, бедность порождает теневую экономику и придает ей высокую устойчивость тем,

---

¹ Оценки населением качества жизни: проблемы бедности // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1996. № 3.

² Заславская Т. И. Доходы работающего населения России. Часть вторая. Динамика и дифференциация доходов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1996. № 6.

что она выгодна и работникам, и работодателям. Но теневая экономика, в свою очередь, воспроизводит бедность, в результате чего замыкается порочный круг. Вот как обстоит дело на селе: «Неформальная занятость позволяет селянам выживать, но совершенно не решает проблему бедности... — не получить ни медицинской помощи, ни образования... «Черный» рынок наемного труда выгоден работодателям — фермерам и предпринимателям, так как позволяет: экономить на социальных отчислениях; использовать дешевый труд на сельхозработах, что выгоднее, чем применение дорогостоящих гербицидов и техники»¹.

Застойная бедность изменила поведение и структуру потребностей по меньшей мере половины населения РФ, что предопределило новое состояние общества. Меняется сам тип жизни половины общества. Резко повысилась доля расходов людей на питание — первый признак обеднения. Лилия Овчарова в книге «Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению» пишет: «На наш взгляд, наиболее убедительным доказательством снижения уровня жизни за годы реформ служат официальные данные о резком росте доли расходов на питание в среднедушевом потребительском бюджете. В 1990 г. эта доля в семьях рабочих и служащих РСФСР составляла 28,2%, в семьях колхозников — 28,1%... После либерализации потребительских цен в 1992 г. доля расходов на питание, по данным наших обследований, поднялась до 65 — 70% среднего потребительского набора в выборках по городам. Происходившие в следующий период процессы адаптации и новой стратификации семей снизили эту долю до 48 — 52% в 1996 — 1997 гг.»². По данным Госкомстата РФ, в 2002 г. расходы населения на питание в целом составляли 48,3%.

Далее Л. Овчарова продолжает: «По данным бюджетных обследований за 1996 г. средние характеристики питания городских семей свидетельствовали о недопотреблении калорий (91% нормы, заложенной в прожиточном минимуме), белков (73%) и даже углеводов (84%). Вызывает тревогу белковое недоедание у 40% низкодоходных городских семей, в которых живут более 50% несовершеннолетних. Недопотребление в этих семьях составило в 1996 г. по калориям 20%, по белкам 40%, по углеводам 24%». Согласно докладом о здоровье населения, положение с питанием в бедной части общества до 2000 г. не улучшалось.

---

¹ Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1.

² Овчарова Л. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М.: Московский центр Карнеги, 1998.

Другим следствием перестройки структуры расходов людей при обеднении стало резкое сокращение покупок современных предметов длительного пользования, характерных для быта «среднего класса». Так, по сравнению с 1990 г. в 2001 г. покупки телевизоров сократились на 42%, магнитофонов на 72%, мотоциклов и мотороллеров на 81,5%. В ходе реформы произошло резкое, поразительное для таких больших инерционных систем, сокращение объема предоставляемых населению платных услуг. Уже на первом этапе реформы спад составил 4 раза, и сегодня население РФ потребляет в 2 раза меньше платных услуг, нежели в 1980 г. В быте большинства населения произошел огромный *регресс*¹.

Это всего лишь несколько штрихов картины. Но и из них видно, что бедность не сводится к сокращению потребления материальных благ (как, например, это произошло в годы Отечественной войны). Бедность — сложная система процессов, приводящих к глубокой перестройке материальной и духовной культуры — причем всего общества, а не только той его части, которая испытывает обеднение. Если состояние бедности продолжается достаточно долго, то складывается и воспроизводится устойчивый социальный тип и образ жизни бедняка. Бедность — это *ловушка*, то есть система порочных кругов, из которых очень трудно вырваться.

В сознании массы людей в ходе реформы целенаправленно создавался «синдром бедняка», в том числе множеством мелких подачек-льгот, а параллельно так же целенаправленно разрушались все сложившиеся в советское время «структуры солидарности» — так, чтобы люди могли опереться друг на друга. В. Глазычев пишет: «Взаимная социальная поддержка почти совсем ушла в прошлое вместе с советскими трудовыми коллективами, тогда как щедрые льготные обещания выработали у слабейших граждан закрепление синдрома зависимости от властей. В действительности — большей зависимости, чем в ушедшую эпоху. На глазах «из ничего» лепится новая сословность, она отнюдь не закрыта «снизу», но только для наиболее агрессивных, наиболее сильных персонажей»².

¹ Показательна динамика использования такой характерной для современного городского быта транспортной услуги, как *такси*. Уже к концу 70-х годов такси стало привычной и обыденной услугой в городах РСФСР, доступной всем социальным группам населения. В результате реформы эта сфера услуг была практически ликвидирована (в какой-то, очень небольшой, мере она была заменена примитивным *извозом* на личных автомобилях). К 2001 г. объем услуг таксомоторного транспорта сократился по сравнению с серединой 80-х годов в 50 раз.

² Глазычев В. Культура бедности. www.russ.ru, 31.05.2004.

Так ли видят ту *систему российской бедности*, которую предстоит разрушить «за три года», интеллектуальные соратники В. В. Путина? Из тех обрывочных заявлений, что были сделаны по этому поводу, можно сделать предварительный вывод, что нет, они такой системы не видят. Нынешняя власть вообще представляет бедность как чисто экономическое явление, ключ к преодолению которого — в увеличении массы богатства. В Послании 2004 г. В. В. Путин сказал: «Действительно надежную основу для долговременного решения социальных проблем, в том числе и борьбы с бедностью может дать только экономический рост». Это более чем странное заявление. По нашим нынешним меркам экономический рост США колоссален, но никакого влияния на масштабы и глубину бедности это не оказывает. Важна именно *социальная* политика, причем далеко выходящая за рамки проблемы распределения экономических благ.

Это общеизвестная вещь, но называющие себя либералами российские политики этого как будто не знают. Они сводят проблему практически только к перечислению каким-то образом дополнительных «социальных трансфертов» обедневшей части населения. Мерило бедности для них — душевой доход. Поэтому иногда даже приходится слышать нелепое выражение «сократить бедность вдвое».

О борьбе с бедностью В. В. Путин сказал в телефонном разговоре 18 декабря 2003 г.: «Ясно, сколько нужно будет денег на решение этой проблемы и сроки, которые потребуются для того, чтобы эту проблему решить... Все для этого есть».

Из контекста подобных заявлений как раз вытекает, во-первых, что правительству *неясно*, «сколько нужно будет денег на решение этой проблемы». А во-вторых, что *ничего* для этого нет. И прежде всего нет трезвого понимания масштаба, глубины и структуры проблемы. Нет даже понимания того, что она совершенно не сводится к деньгам. За подобными декларациями проглядывает наивный оптимизм «новых русских» начала 90-х годов, когда вся их рациональность сводилась к постулату: «Бабки, в натуре, решают все!»

Министр Г. Греф, который 22 декабря 2003 г. развивает мысль В. В. Путина, в этом развитии и детализации доводит ее до полной нелепости. Первый его тезис сводится к тому, что вся проблема — в «размазанности» льгот. Если бы их удалось собрать в мощный кулак и ударить им по бедности, то и проблема была бы снята. Тут уж не о выборе между социал-демократией и либерализмом речь, а о полной бессвязности мышления. Греф говорит: «Среди самых острых среднесрочных задач президентом названа главная — борьба с бедностью. Обозначена проблема нацио-

нального масштаба — свыше 30 млн. человек за чертой бедности... Задача государства — адресно решать проблему бедности. Государство вполне доросло до того, чтобы подступить к этой проблеме кардинально. Сегодняшних объемов социальных расходов бюджета будет достаточно, если размазанные по всем социальным категориям льготы превратить в адресную помощь».

К этим рассуждениям Грефа трудно даже подступить, настолько они несообразны. Где же «размазаны» льготы, если за гранью и на грани бедности находится почти половина населения? В основном среди бедных и «размазаны». Что изменится, если эти льготы «размажут» не социально, а адресно (если даже предположить, что эта нелепая затея выполнима)? Сколько, вопреки Евангелию от Матфея, отнимется у богатого, а бедному да добавится? С гулькин нос! Министр экономики даже не дает себе труда хоть приблизительно оценить эту величину и сопоставить с масштабом проблемы. К тому же при этом те, кто сегодня барахтается чуть-чуть выше уровня бедности, опустятся чуть-чуть ниже его.

И на каком, интересно, основании Греф ставит знак равенства между «социальными расходами бюджета» и льготами? Он что, предлагает превратить все социальные расходы бюджета (на образование, здравоохранение, культуру и пр.) в адресную помощь бедным? Да соображает ли он, о чем вообще идет речь? Страшно подумать, до чего «государство вполне доросло» с такими министрами. Они, похоже, не читают докладов своих собственных экспертов.

Вот как мило все выглядит у Грефа: «Гражданам в трудоспособном возрасте, в силу тех или иных причин находящимся за чертой бедности, государство должно помочь получить соответствующую квалификацию, помочь с переездом в другую местность, где есть рабочие места. Это серьезно изменит социальную картину в стране».

Манилов умер бы от зависти. Какую «соответствующую квалификацию» должно помочь получить государство оголодавшему учителю или врачу? В какую местность они должны переехать за мифическими рабочими местами, если и в своей местности они исправно ходят на работу — учат детей или делают операции больным? В какую местность должны переехать 40,3% детей, живущих ниже черты бедности? Куда должны переехать работники сельского хозяйства, получающие нищенскую зарплату и живущие со своего участка? Разве эти усилия доброго государства по переквалификации и переезду устраняют «силу тех или иных причин», которые сделали образованного работающего человека паупером? Почему г-н Греф не назовет таинственные «те и иные

причины»? Как он видит «социальную картину в стране» после того, как совершаются все эти переезды?

И ведь впрямь умами нашей властной верхушки овладела эта странная фантазия, как будто в РФ где-то есть чудесные регионы с избытком высокооплачиваемых рабочих мест, но люди не решаются туда кинуться и вот чахнут в бедности у себя в Рязани и Пскове. В Послании 2004 г. В. В. Путин так и сказал: «Даже нынешний рост доходов не всегда позволяет людям приобретать жилье и улучшать его качество. Отсюда — низкая мобильность населения, не позволяющая людям перемещаться по стране в поисках подходящей работы». Интересно, кстати, знает ли В. В. Путин, сколько стоит сегодня квартира, если говорит как о чем-то странном, что даже нынешний рост доходов (!) не всегда (!) позволяет людям приобретать жилье? Знает ли он, что даже всей выросшей зарплаты учителя за целый год хватит только на то, чтобы купить 1 кв. метр жилплощади?

Какой пошлый спектакль ставят все эти режиссеры!

Механизм создания и воспроизводства бедности в РФ. Представляется очевидным, что реалистичная программа борьбы с бедностью прежде всего должна быть направлена на то, чтобы остановить маховик того механизма, который поверг людей в бедность и эту бедность воспроизводит. Также очевидно, что разработчики такой программы должны были бы первым делом эти механизмы описать. Пока что в выступлениях политиков, включая президента, такого описания слышать не приходилось. Однако общее представление об этом механизме сложилось, и мы его просто напомним.

Структурируем проблему на основании простых и почти очевидных утверждений. Прежде всего важны не столько параметры бедности, сколько ее генезис, характер и динамика ее возникновения. И Запад, и «третий мир» обладают хотя и разными, но давно сложившимися типами бедности, они ее интегрировали в социальную систему и вполне могут держать под контролем протекающие в этой системе равновесные, стационарные процессы. Они могут, например, тонко регулировать масштабы бедности с помощью отработанных механизмов социальной помощи.

Бедность в России — совершенно иного типа. Она — продукт социальной катастрофы, слома, она представляет собой резко неравновесный переходный процесс. В стране, где «структурная бедность» была давно искоренена и, прямо скажем, забыта так, что ее уже никто не боялся, массовая бедность буквально «построена» политическими средствами. Искусственное создание бедности в нашей стране — колоссальный эксперимент над обществом и человеком. Он настолько жесток и огромен, что у

многих не укладывается в голове — люди не верят, что сброшены в безысходную бедность, считают это каким-то временным «сбоем» в их нормальной жизни. Вот кончится это нечто, подобное войне, и все наладится.

Люди не верят, что старики, еще в старой приличной одежде, копаются в мусоре не из странного любопытства, а действительно в поисках средств к пропитанию. Наоборот, люди охотно верят глумливым и подлым сказкам телевидения о баснословных доходах нищих и романтических наклонностях бомжей. Отношение к бедности *не является рациональным* ни в среде «бедняков», ни в среде «благополучных». Еще требуются специальные усилия по разработке понятийного аппарата даже просто для описания происходящих процессов. Без этого невозможны ни рациональный план действий, ни рациональная оценка необходимых для успеха средств.

Быстрые и подвижные процессы, породившие бедность в России, — приватизация и изменение типа распределения доходов. Приватизация лишила подавляющее большинство населения РФ постоянного источника значительных доходов в виде «дивидендов частичного собственника» — от общественной собственности на землю, промышленные и другие предприятия. Эти дивиденды распределялись на уравнительной основе в виде низких цен на главные жизненные блага или даже бесплатного предоставления таких благ (например, жилья).

Изменение отношений собственности и устранение права на труд позволило работодателям и резко снизить *заработную плату*. Это коснулось подавляющего большинства населения. Например, на среднюю номинальную начисленную заработную плату в РСФСР в 1990 г. можно было купить 95,9 кг говядины, или 1010 литров молока, или 776,9 кг хлеба пшеничного 1-го сорта. В 2001 г. на среднюю месячную зарплату в РФ можно было купить 39,9 кг говядины, или 350,4 литра молока, или 424,0 кг такого же хлеба, в 2003 г. 47,2 кг говядины, или 305,3 литра молока, или 279,6 кг хлеба. Разница с 1990 г. огромна, и небольшой рост зарплаты, который сосредоточивается главным образом в благополучной части общества, никак этой разницы не покрывает. В целом реальная заработная плата работников в РФ составила по сравнению с 1990 г. в 1999 г. 35%, в 2000 г. 42 % и в 2001 г. 50,4%¹. Надо к тому же учесть, что в 1990 г. министр энергетики СССР имел зарплату в 4 раза выше средней по стране, а теперь директор регионального отделения РАО ЕЭС имеет зарплату в

---

¹ Следует также отметить, что в 2000 г. по сравнению с 1990 г. зарплата в Белоруссии составила 95%, а на Украине 27%.

100 раз выше средней. Так что сегодня средняя величина мало что говорит — львиную долю фонда зарплаты забирает себе новая номенклатура, в десятки раз прожорливее старой.

В ходе реформы изменился и *принцип* ценообразования. В рыночной экономике материальные блага производятся для удовлетворения лишь *платежеспособного спроса*, а не для потребления «всех слоев населения». Именно этим были вызваны резкие различия цен в СССР и на Западе. На Западе предметы первой необходимости были относительно очень дороги, но зато товары, которые человек начинает покупать только при более высоком уровне благосостояния, — дешевы. Хлеб, молоко и жилье очень дороги относительно автомобиля или видеомагнитофона¹. Этот принцип ценообразования создавал на Западе жесткий барьер, который запирает людей с низкими доходами в состоянии бедности: вынужденные покупать дорогие необходимые продукты, люди не могли накопить денег на дешевые «продукты для зажиточных». Таким образом создавался «средний класс», резко отделенный от примерно трети «бедных».

В СССР, напротив, низкие цены на самые необходимые продукты резко облегчали положение людей с низкими доходами, почти уравнивая их по фундаментальным показателям образа жизни с людьми зажиточными. Таким образом, бедность ликвидировалась, человек ценами «вытягивался» из бедности, и СССР становился «обществом среднего класса». В ходе реформы структура цен кардинальным образом изменилась. Продукты первой необходимости население будет покупать по любым ценам, что побуждает торговцев взвинчивать цены для извлечения сверхприбылей. В результате хлеб к настоящему моменту по сравнению с концом 80-х годов подорожал относительно среднего автомобиля («ВАЗ-2105») примерно в 7 раз, а проезд на метро в 18,5 раза.

По-разному изменились цены на непродовольственные товары разной степени необходимости. Например, курильщики не могут обойтись без сигарет (причем большинство из них курят дешевые отечественные сигареты). На этот товар цены за 1991 — 1999 гг. выросли в 8 раз больше, чем на джемперы и жакеты. А, например, аспирин отечественного производства к 1995 г. по сравнению с 1991 г. подорожал относительно магнитофонной кассеты в 300 раз. Таким образом, чем беднее человек, тем сильнее подорожала «корзина» необходимых для него товаров.

---

¹ Вот пример: в 1989 г. в Испании японский видеомагнитофон стоил столько же, сколько 300 батонов хлеба. Продав его в Москве за 3 тыс. рублей, можно было купить 24 тыс. батонов хлеба. Иными словами, если брать за единицу измерения видеомагнитофон, то в Москве хлеб стоил в 80 раз дешевле, чем в Испании.

Конечно, в силах государства изменить положение дел и в сфере отношений собственности, и в распределении доходов, и в структуре цен. Но это и значит кардинально изменить курс реформ, принципиально отказаться от неолиберальной доктрины, активно влиять на процессы в экономике и реально стать «социальным» государством. Есть ли признаки такого поворота в намерениях правительства В. В. Путина? В пределах видимости таких признаков нет, а «читать в сердцах» не имеет смысла.

Важной особенностью природы российской бедности является и тот факт, что она, будучи создана посредством нанесения по обществу ряда молниеносных ударов (типа либерализации цен в январе 1992 г. и конфискации сбережений граждан), в дальнейшем стала воспроизводиться и углубляться в результате ряда *массивных*, очень *инерционных*, но начавших идти с ускорением процессов. Назову некоторые из них.

Это прежде всего ликвидация или деградация рабочих мест вследствие длительного паралича промышленного и сельскохозяйственного производства, распродажи, а также физического и морального износа всей производственной базы страны. Следствием этого процесса и стало резкое обеднение не только массы безработных или полубезработных, но и тех, кто продолжает занимать рабочие места в состоянии их качественного регресса. По масштабам своего влияния на благосостояние населения этот процесс просто несоизмерим с «социальной помощью» и «размазанными» льготами.

То некоторое оживление промышленности, которое имеет место после девальвации рубля в 1998 г. и одновременного скачка цен на нефть, не излечивает, а локализует и усугубляет бедность в целом ряде развитых в прошлом промышленных районов РФ. Причина этого в том, что на этом этапе «оживления» уже проявились черты нового типа экономики РФ как *периферийной*. Она складывается в виде небольшого числа анклавов промышленного производства, ориентированного на внешний рынок и не интегрированного в народное хозяйство страны. Вне этих анклавов идет процесс деградации и даже архаизации производства и быта. Возникают целые регионы с застойной бедностью, в которой не возникает рабочих мест для квалифицированных и образованных людей, тем более молодежи. Люди отсюда уезжают на заработки, многие спиваются, семьи разрушаются, происходит криминализация жизненных укладов. Эта тенденция набирает силу.

Второй массивный процесс — деградация и даже разрушение жилого фонда страны и инфраструктуры ЖКХ. Дело не только в том, что оставленная без надлежащего ухода и ремонта система

требует все больших и больших затрат на ее содержание, которые перекладываются на плечи жильцов. Само проживание в домах, которые на глазах превращаются в трущобы, создает в сознании людей синдром бедности, который сталкивает людей в бедность реальную.

В Послании 2004 г. В. В. Путин говорит: «Очень многие люди, надо признать это, все еще живут в ветхих, аварийных домах и квартирах. Строится — мало, а то, что строится, еще часто не отвечает современным стандартам безопасности и качества. Причем новое жилье могут позволить себе купить лишь люди с высокими доходами». Президент смягчил проблему, сказав, что люди *все еще* живут в ветхих домах. Напротив, именно в период его правления, в 1999 г. ветхий и аварийный жилой фонд стал расти в геометрической прогрессии — износ жилого фонда приобрел лавинообразный характер. Но главное в его заявлении тот факт, что большинство тех, кто живет в ветхих домах, не могут купить себе жилье — они обеднели в результате реформы. Как же собирается В. В. Путин бороться с этим проявлением бедности?

Вот его заключение: «Надо прекратить обманывать людей, вынуждая их годами и десятилетиями стоять в очередях на получение жилой площади. И обеспечить возможности ее приобретения на рынке для основной части работающего населения России, одновременно с этим гарантируя предоставление малоимущим гражданам социального жилья». Итак, вынуждать людей годами ожидать бесплатной квартиры добрая власть теперь не будет. Кто может, пусть покупает на рынке. Большинство, как следует из распределения доходов, не сможет. Им обещается «социальное жилье». Что это такое, сколько его реально строится, какие государство дает «гарантии» его предоставления? Именно это и хотелось бы услышать. Президент много говорит об ипотеке, о строительстве в кредит в счет будущих доходов, но о механизме обеспечения жильем бедных — ни слова. И можно понять почему. Объемы строительства такого жилья, если не считать Москву, ничтожны, и выделять средства на его строительство правительство не собирается.

Объявляя поход против бедности, политический режим одновременно запускает новый виток массового обеднения тех, кто еще барахтается на уровне чуть выше прожиточного минимума. Помимо резкого роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги при подтягивании цен на энергоносители до уровня мировых, всех граждан ждут другие крупные изменения в структуре расходов, связанных с жильем.

С. Плетнев в статье под заглавием «Не жильцы» на интернет-сайте strana.ru пишет: «Уже в следующем году всех собственни-

ков жилья в России ожидает очередное налоговое потрясение. Идет работа над законопроектом, формально снижающим ставку налога на имущество физических лиц. Если раньше налог на квартиру составлял 2% от оценки БТИ, то теперь его значение может составлять от 0,1 до 0,6% с небольшой поправочкой: платить его необходимо с рыночной стоимости жилья. Минэкономразвития подсчитало, что если инвентаризационная стоимость жилья в России составляет порядка 2 триллионов 372 миллиардов рублей, то рыночная превышает 35 триллионов. Для населения суть закона проста: придется платить гораздо больше за те квартиры и те же самые дома в садовых товариществах. И если раньше налог на квартиру был малозаметным в расходной части семейного бюджета, то его повышение в 10 — 20 раз сразу сделает выплаты ощутимыми.

Со своей стороны, Госстрой активно пробивает идею обязательного страхования жилья по аналогии с «автогражданкой». Правда, в отличие от последней, где можно не покупать страховку, если не имеешь автомобиля, жилье имеют все. Соответственно, и платить придется всем и каждому... Пока, правда, ввиду явной антисоциальной направленности этого проекта предложения Госстроя несколько потеряли актуальность, но доподлинно известно, что работа над этим законом продолжается, а значит, рано или поздно он появится на свет.

А наше население впало в оцепенение и просто не желает верить, что готовится этот людоедский закон об обязательном страховании жилья. Будучи председателем Госстроя, Н. Кошман называл и цену страховки — 2% в год. Но аппетиты растут, и вот сообщение прессы: «Эксперты предполагают, что тарифы на обязательное страхование жилья составят 3% от рыночной стоимости квартиры в год» («Коммерсантъ», 31.07.2003).

Поскольку рыночная стоимость всех квартир в РФ превышает 1 трлн. долларов, это значит, что за страховку население должно будет выкладывать в год по 30 млрд. долл. — в среднем почти по 1 тыс. долларов с каждой семьи. Потянут такой груз люди? Пусть сами подумают. Тот, кто наскреб денег на новую квартиру, влез в долги, а теперь радуется и облизывает стены, должен будет платить намного больше — новые квартиры в цене. Придется расстаться, купить что подешевле — вплоть до картонного ящика.

Спросили П. Шелища, председателя Союза потребителей России, депутата Госдумы, кажется, всех созывов: «Разработчики нового жилищного кодекса предполагают, что богатые и бедные будут жить в разных кварталах. Это неизбежно?» Демократ важно ответил: «Да, это неизбежно. Наступает естественное рас-

слоение бедных и богатых... К тому же, если у человека не хватает денег на хлеб и лекарства, зато от советской власти осталась дорогая квартира, почему не поменять ее на другую, чуть проще, меньше и дальше?» («Дело», 14.06.2004).

Ничего естественного в этом расслоении нет — это дело подлых рук человеческих, а также следствие тупости нашего избалованного советской властью населения, которое клюнуло на удочку таких шелищей и захотело свободного рынка, а теперь боится высунуть голову из-под одеяла, взглянуть в глаза страшной правде.

Творческое воображение правительства в изобретении способов вытряхивания карманов обывателя не знает границ. В Послании Президента РФ Федеральному собранию 2004 г. В. В. Путин говорит: «Мы давно говорим о платных дорогах. Полагаю, нам надо начать реализацию таких проектов по основным магистралям — разумеется, наряду с существующими бесплатными. Уже в самое ближайшее время правительство должно определить их перечень». Итак, реформаторы изобрели еще один способ изымать деньги из тощих кошельков российского «среднего класса». Сделать проезд по шоссе платным — значит отрезать от этих дорог еще значительную часть тех, кто на своих стареньких «Жигулях» и «Москвичах» еще могли доехать до унаследованных от советского времени «шести соток» — подкормиться летом, успокоиться и отдохнуть в своей скромной недвижимости. Уже обязательное страхование гражданской ответственности автовладельца очень сильно ударило по таким людям, примерно удвоив ежегодные расходы на содержание автомашины. Платить к тому же и за въезд на шоссе им будет не по силам. И где это, интересно, видел В. В. Путин у нас «магистраль, разумеется, существующие наряду с основными»? У нас и основных-то почти нет. Посмотрел бы сначала на карту автомобильных дорог, прежде чем говорить такое.

Для очень большой части граждан драматические последствия будет иметь ликвидация льгот (прежде всего на покупку лекарств и транспорт). Академик Н. Петраков пишет: «Теперь государство решило покинуть не только экономическую, но и социальную сферу. Оно предполагает снять с себя всякую материальную ответственность за поддержание здоровья и материальное благополучие своих подданных. Операция называется: деньги в обмен на льготы... Минфином уже подсчитано, что перевод льгот в денежную форму обойдется федеральному бюджету в 171,2 миллиарда рублей. Это, по утверждению Алексея Кудрина, в четыре раза больше, чем нынешнее финансирование льгот. Льготники должны про-

сто плясать от радости. Но не пляшут почему-то, а, наоборот, завалили Госдуму, особенно единороссов, возмущенными письмами. По последним опросам социологов, как минимум 40% россиян категорически против замены льгот на денежные компенсации. А среди граждан пенсионного возраста не принимают эту инициативу правительства 70% опрошенных. И только 16% (!) согласны с этой акцией власти.

На коварный вопрос президента РФ, зачем вообще нужна вся эта затея, главный вице-премьер Александр Жуков ответил: «Справедливость надо восстановить. Жители села не имеют телефонов и поэтому не могут получать льгот, которыми пользуются обтелефоненные городские граждане»... Можно напомнить г-ну Жукову, что социальные льготы вообще изначально «несправедливы», потому что они адресно направлены на конкретного нуждающегося. Один человек болеет чаще другого. Если он больше лежит в больнице, потребляет больше лекарств, то, по Жукову, он обкрадывает здорового. Ату его! Тысячу рублей в зубы — и иди на все четыре стороны. Это и есть рыночная «справедливость» в исполнении российского правительства. Если господа министры действительно так радеют о народе, то почему бы им не сделать жест доброй воли: выбирай, народ, сам между льготой и денежной компенсацией. Пусть деревенский житель предпочтет деньги, а обремененный болезнями горожанин бесплатные лекарства. Так нет же!.. Наоборот, оно пошло в тотальное наступление на социальные льготы и гарантии прав человека на жизнь, выставляя в качестве «дымовой завесы» денежные компенсации обездоленным старикам и инвалидам: 1 доллар в день. Этот доллар мгновенно будет съеден инфляцией»¹.

Третий массивный процесс — ухудшение физического и духовного здоровья обедневших людей. Это вызывается целым комплексом причин, так что возникает порочный круг, из которого очень трудно вырваться. Причины ухудшения здоровья, резко снижающего трудовые возможности человека, достаточно полно освещаются в регулярных государственных докладах о состоянии здоровья населения РФ. Главные из них — плохое питание, резко ухудшившиеся жилищно-бытовые условия и постоянный тяжелый стресс, разрушающий иммунную систему. В Государственном докладе «О состоянии здоровья населения Российской Федерации» (2000 г.), представленном Минздравом РФ и Российской Академией медицинских наук, указаны главные причины повышенной смертности населения РФ, прямо связан-

---

¹ *Петраков Н.* Денежный обман: что получают старики в обмен на льготы? // Деловой вторник. 2004.08.06.

ные с реформой: «Долговременное массовое накопление неблагоприятных изменений в общественном здоровье населения в сочетании с воздействием хронически высокого уровня стресса, снижение качества жизни в условиях неудовлетворительного состояния социальной сферы и базовой медицины, недоступности высокоэффективных средств лечения для подавляющей части населения, криминализация общества и рост преступности».

Немаловажным фактором стало и ухудшение здравоохранения. Его кризис, вызванный реформой, сильнее всего ударил по обедневшей части населения, и кризис этот углубляется, поскольку иссякает запас прочности унаследованной от СССР системы и ликвидированы отечественная фармацевтическая промышленность и производство медицинской техники.

Предполагает ли правительство принять в этой сфере какие-то специальные меры, чтобы облегчить положение именно бедной части населения? Судить об этом можно по тому, что сказал В. В. Путин в Послании 2004 г.: «Главная цель модернизации российского здравоохранения — повышение доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения. Из этого прежде всего следует, что гарантии бесплатной медицинской помощи должны быть общеизвестны и понятны... По каждому заболеванию должны быть выработаны и утверждены стандарты медицинских услуг — с обязательным перечнем лечебно-диагностических процедур и лекарств, а также с минимальными требованиями к условиям оказания медпомощи... Детализация стандартов дает возможность посчитать реальную стоимость этих услуг и перейти от сметного принципа содержания медицинских учреждений к оплате за оказанный объем и качество медицинской помощи. Причем такая оплата должна производиться в соответствии с принципами обязательного страхования».

Из этого туманного и странного рассуждения ясно, во-первых, что цель правительства — «повышение доступности медицинской помощи для широких слоев населения». Это важное изменение, поскольку до недавнего времени по инерции говорили о праве на медицинскую помощь для *всего* населения. Судя по всему, бедные попадают в те «неширокие» слои населения, для которых врач будет становиться все менее и менее доступным. Если в либеральных США 35 млн. человек не имеют доступа ни к какой медицинской помощи, а власть РФ привержена либеральным ценностям, то почему мы должны отставать от США?

Сделать здравоохранение доступным хотя бы для широких слоев власть предполагает не с помощью бюджетного финансирования отрасли, а посредством утопического плана стандартно-

зации медицинских услуг *по каждому заболеванию*! В этом есть нечто иррациональное, даже мистическое. Как могут бумажки с надписью «Стандарт» заменить врача, больницу, лекарства? Что значит «обязательное страхование», из средств которого будет оплачиваться счет за все стандартные услуги, оказанные безработному человеку с доходом ниже физиологического минимума? Все это надо понимать так, что никакой помощи бедным в сфере здравоохранения государство оказывать не собирается и доступность медицинской помощи для них и дальше будет снижаться.

Важным результатом реформы стало в бедной части населения угасание трудовой и жизненной мотивации, снижение квалификации работников и быстрое нарастание малограмотности и неграмотности. Вот что было сказано в 2002 г. на совещании работников образования по этой проблеме: «У нас сейчас достигли совершеннолетия 10 млн. совершенно неграмотных и 2 млн. ребят школьного возраста по разным причинам не учатся»¹. Это не только резко сокращает возможности для профессионального роста и увеличения доходов, но и создает ту среду, в которой бедность воспринимается как нормальное состояние.

Обеднение большей части трудящихся и ликвидация права на равный доступ к образованию независимо от доходов родителей создали порочный круг, резко сокративший возможность молодежи вырваться из бедности. Этот механизм обратной связи был создан на первом же этапе реформы. Видный социолог В. Н. Шубкин говорил в докладе на международном симпозиуме в декабре 1994 г.: «Все более усиливается беспросветность в оценках молодежи. Этому в немалой степени способствует и дифференциация в системе образования, ибо плюрализм образования ведет к тому, что в наших условиях лишь богатые получают право на качественное образование. Бедные сегодня уже такого права не имеют»².

Но что изменилось за прошедшие 10 лет? Предполагается ли принять какие-то существенные меры, чтобы разорвать этот порочный круг? Нет, власть ограничивается констатацией общеизвестных фактов. В Послании 2004 г. В. В. Путин сказал: «Одна из самых серьезных проблем — это недоступность качественного образования для малоимущих. Обучение сопровождается допол-

¹ Образование как фактор государственной безопасности (редакционная статья) // Известия Академии педагогических и социальных наук. 2002. № 6. С. 9.

² Шубкин В. Н. Молодое поколение в кризисном обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 56 — 59.

нительными платежами, которые не каждый может себе позволить. Сокращение общежитий, маленькие стипендии не позволяют детям из малообеспеченных семей — особенно из отдаленных городов и сел — получить качественное образование».

Как это понимать? Президент констатирует недоступность нормального образования для большей части населения, которую искусственно превратили в бедняков. Это результат политики, главных принципов которой власть менять не собирается. Ну так принимайте специальные меры, чтобы разрешить проблему в рамках своей политики. Так ведь нет, ничего делать не собираются. В чем же тогда заключается эта «борьба с бедностью»? В. В. Путин высказал там же философскую истину: «Доступность услуг образования и здравоохранения, возможность приобрести жилье помогут нам смягчить проблему бедности». Так ведь ни этой доступности, ни этой возможности вы и не предполагаете дать обедневшим людям!

Наконец, важным условием создания и воспроизводства бедности является становление и укрепление теневой и криминальной экономики. Бедность является ее питательной средой и одновременно следствием. Уже сейчас в РФ огромны масштабы низкооплачиваемого и почти рабского труда нелегальных мигрантов. Эти работники, получая гроши ради того, чтобы пережить нынешний кризис, еще больше обеднеют, когда будут выброшены на улицу их преступными работодателями — без пенсии и других форм социального страхования. Присутствие целой армии таких бесправных работников на рынке труда настолько сбивает цену на рабочую силу, что в РФ нет даже возможности наладить капиталистическую эксплуатацию трудящихся, — перед нами уклад, представляющий собой угнетение населения неофеодальным сословием-бандой, которая действует под маской предпринимателей.

Кроме того, как сказал бы химик, обеднение — автокаталитический процесс. Сам его «продукт» ускоряет процесс и может превратить его в лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность предопределена уже тем, что сильнее всего обеднели семьи с детьми, и большая масса подростков стала вливаться в преступный мир. С самого начала реформы подростковая (и женская) преступность в темпах роста значительно опередила общую. Криминалисты определенно оценивают главные причины этого: снижение жизненного уровня населения, появление и рост армии безработных, снижение нравственного уровня общества, ослабление профилактической и кара-

тельной работы правоохранительных органов. Сильнее всего эти факторы сказались на подростках, криминалисты отмечают в среде подростков «широкое распространение пьянства и наркомании, нравственное падение, физическое и психическое ухудшение здоровья, неэффективное оказание медицинской и социальной помощи»¹. Это массивный социальный процесс, который не будет переломлен просто из-за небольшого роста доходов.

Крайнее обеднение выталкивает массу людей из общества и так меняет их культурные устои, что они начинают добывать себе средства к жизни, «поедая» структуры цивилизации. Тем самым они становятся инструментом «насильственной» архаизации жизни окружающих — и их дальнейшего обеднения. Типичным проявлением этого процесса стало хищение электрических проводов, медных и латунных деталей оборудования железных дорог и т.п.

Весной 2001 г. в МГУ выступал глава районной администрации из г. Ливны Орловской области. Там были юбилейные торжества в честь 125-летия со дня рождения С. Н. Булгакова, уроженца этого города, а в МГУ состоялась презентация книги, посвященной о. Сергию Булгакову. Представляя книгу, глава администрации рассказал, как-то связав с идеями С. Н. Булгакова, о том, что произошло в их районе. Ночью кто-то срезал и увез 10 км электрического медного провода. Эта линия обеспечивала с десяток деревень, и все они остались без тока и без света. Денег на восстановление линии не было ни у администрации, ни у РАО ЕЭС, ни у жителей. И вот через какое-то время у людей стала ослабевать потребность в электричестве — они стали свыкаться со своим новым положением.

По тому, как взволнованно и с каким-то глубоким смыслом говорил об этом представитель власти из этой местности центральной России, сам человек очень культурный, было видно, что он воспринял ситуацию как признак глубокого экзистенциального слома. Он не сводился к добиванию оставшихся животноводческих ферм, дальнейшему упадку производства, бытовым затруднениям жителей. Потерявшие культурный облик «гунны» за одну ночь перевели бытие жителей десятка деревень на новый уровень, сменили сам тип их жизни. И самое страшное в том, что люди к этому уже были психологически готовы. Они уже до этого собрали свои пожитки, чтобы уйти из современного общества назад, к лучине.

Подобных этому признаков архаизации мы наблюдаем доста-

---

¹ Зинчук Е. Г., Карпухин Ю. Г. Корыстные преступления несовершеннолетних // СОЦИС. 1994. № 8 — 9.

точно, чтобы прийти в уме к логичному выводу: при длительном обеднении и сокращении предоставляемых на уравнительной основе социальных («бесплатных») благ люди вынуждены отказываться от дорогостоящих оболочек цивилизации и отступать ко все более примитивным и архаичным способам производства и жизнеустройства.

Чем дальше, тем разрушительная деятельность «гуннов» становится более крупномасштабной. Вот сообщение 2004 г.: «Кемеровская область: в Центральных электрических сетях ОАО «Кузбассэнерго» неизвестные злоумышленники частично разобрали 7 опор на магистральной ЛЭП напряжением 220 тысяч вольт. Ремонтники сетей обнаружили, что расхитители, обычно крадущие алюминиевый провод, на этот раз срезали с металлических опор стальные уголки, придающие жесткость и устойчивость конструкции. Общая масса похищенных деталей составила 1,5 тонны. По оценке специалистов, совершить подобную кражу могла только организованная группа расхитителей, оснащенная необходимым оборудованием и грузовой техникой... Как сообщили ИА REGNUM в пресс-службе ОАО «Кузбассэнерго», поврежденные ворами опоры не выдержали бы ветра и не самой большой силы. В этом случае электроснабжение значительной части региона было бы нарушено».

Очевидно, что все эти процессы вовсе не прекратятся оттого, что государство при благоприятной конъюнктуре на мировом нефтяном рынке сможет дать бедной части населения вспомоществование и «поднять» доходы некоторых из них (пусть даже половины) выше черты бедности. Указанные процессы деградации «затянут» этих людей обратно в бедность.

Для преодоления бедности требуется *большая восстановительная программа* — восстановление всех главных систем жизнеустройства. Для этого прежде всего необходимы восстановление рационального сознания и мобилизация материально-технических и трудовых ресурсов, а вовсе не «известная сумма денег». Правительство реформаторов, будучи проникнуто «монетаристским мировоззрением», во главу угла при рассмотрении состояния больших систем ставит проблему денег. Это гипостазирование, уход от сути. Это, конечно, плохой признак, ибо в критических ситуациях, как правило, дело решают не деньги, а «реальные» ресурсы — материальные, кадровые, интеллектуальные. Когда король воскликнул: «Коня! Полцарства за коня!» — то ему был нужен именно конь, а не деньги, равные цене коня на ярмарке.

На чей опыт опирается программа «борьбы с бедностью». Одним из обязательных этапов разработки социальных про-

грамм является изучение опыта сходных программ, проведенных в другие исторические периоды или в других условиях. Этот опыт обычно не годится для прямого переноса в нынешнюю конкретную обстановку, но является поучительным и своими успехами, и неудачами.

В данный момент обращаться к рациональным методам власть не желает или не умеет. Это видно уже из того, что полностью игнорируется даже близкий опыт преодоления бедности в собственной стране. Неприятно антисоветским идеологам, что эта программа была разработана и реализована именно советской властью, но нельзя же быть настолько мелочными.

Советская власть унаследовала глубокую застойную бедность огромной массы крестьянства, усугубленную разрухой Первой мировой и Гражданской войн. И практически сразу после Октября были начаты большие исследовательские, а затем и практические (в том числе чрезвычайные) программы.

Первое обследование бюджета и быта семей рабочих было проведено по инициативе С. Г. Струмилина уже в мае — июне 1918 г. в Петрограде. Затем оно охватило 40 городов. Были получены важные результаты, а в 1920 — 1922 гг. работа по уточненной методике была проведена в самых разных регионах страны. В 1918 г. были сделаны и первые попытки рассчитать прожиточный минимум для установления обязательного минимального уровня заработной платы. Велись исследования фактического потребления и физиологических норм.

В декабре 1922 г. было проведено всесоюзное месячное бюджетное обследование рабочих и служащих. С 1923 по 1928 г. такие месячные обследования проводились в ноябре. Это был большой проект, в ходе которого было накоплено много данных и методический опыт.

Во многом благодаря рационально разработанной комплексной программе советская власть за время нэпа буквально изменила тип общества, ликвидировав «синдром бедняка», что привело к резкому увеличению продолжительности жизни, снижению детской смертности, искоренению массовых социальных болезней.

И. А. Гундаров пишет: «Отсутствие объективных оснований для значительного улучшения здоровья в 1921 г. заставляет предположить действие закона «духовно-демографической детерминации». Действительно, уровень преступности, подскочивший в 1914 — 1918 гг. в два раза, затем в начале 20-х годов снизился от этой величины в четыре раза. В последующие годы продолжалось поразительное улучшение духовного состояния общества. Если в 1922 г. коэффициент судимости по РСФСР составлял

2508 на 100 000 жителей, то в 1927 г. он упал до 1080. Уменьшилось число психических заболеваний, что подтверждается сокращением в психиатрических больницах коечного фонда на 31% по сравнению с 1913 г. Годы нэпа представляют собой удивительную картину резкого улучшения системы медико-оздоровительной помощи и здоровья населения»¹.

Программа преодоления бедности и присущих ей социальных болезней в 20-е годы привела к возникновению того *антропологического оптимизма*, который предопределил и успехи индустриализации, и массовую тягу к знаниям, и победу в Великой Отечественной войне, и быстрое восстановление после войны. А ведь советская власть тогда еще не располагала для этого крупными материальными ресурсами, успех был достигнут благодаря всеобщему «молекулярному» участию населения в этой программе, ясности и фундаментальности поставленных целей и критериев, способу организации действий, созвучному культурным традициям народа.

Можно ли ожидать всего этого сегодня? Пока что оснований для оптимизма нет. Наши неолибералы буквально закусили удила. Они создали шизофреническую, безвыходную ситуацию: бедность порождена реформой в советском обществе, которого они не знали, не понимали и знать не хотели; эта бедность имеет совершенно другой тип и другую динамику, нежели в обществе либеральном, по пути которого они якобы следуют, но которого тоже не знают и не понимают; наше обедневшее общество хотя и изуродовано, но в главных своих основаниях осталось советским (точнее, типа советского) и на либеральные рецепты отвечает «неправильно». По сравнению с такой властью даже безумный тиран, воспитанный в лоне отечественной культуры, нанес бы нам меньше травм, чем эта свихнувшаяся на либерализме интеллигенция, которую за ниточки дергают воры всех мастей.

Беда и в том, что, начисто отвергнув советскую (и светскую) рациональность, наши реформаторы не могут опереться в понимании бедности и на Православие. Ведь недаром никаких существенных заявлений и напутствий в связи с «походом на бедность» от Церкви не последовало. Причина серьезна: поддерживая эту власть, иерархи Церкви не в состоянии оправдать ее действия исходя из Православия. И лучше в такой ситуации промолчать, ибо иначе пришлось бы признать, что эта власть — источник зла.

Философ Б. Межуев пишет мягче: «Православие... еще не

---

¹ Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Беловодье, 2001. С. 156 — 157.

осознало специфики существования в новом капиталистическом, бессловном обществе, где есть проблема бедности, где эта проблема реальна. На уровне глубинного философского осознания такие проблемы, как и многие другие, связанные с реалиями современного общества, по-моему, просто не ставятся... До сих пор в русской религиозной философии преобладала неприязнь к капиталистическому обществу, в том числе и порождаемой им проблеме бедности, но она была осмыслена не изнутри современности, а извне ее, как предмет отрицания, а не как решение вопроса, что делать и как жить православному христианину в ценностно чуждой ему системе капитализма. Русская философия думала о том, как жить без капитализма, а не о том, как жить при капитализме, сохраняя вместе с тем какие-то гуманистические и иные духовные ценности»¹.

Вот такая гибкость ума у философов: выходит, в принципе можно жить православному христианину не просто в «ценностно чуждой ему системе капитализма», а именно в исключительно агрессивной, наступательной системе капитализма — и оставаться духовным гуманистом. В том-то и дело, что это невозможно, иначе бы не было революции в 1917 г. То есть сохранить «какие-то гуманистические и иные духовные ценности» можно, только православными они уже не будут. И этот вопрос как раз прекрасно осмыслила русская религиозная философия — и потому-то С. Булгаков не доверял социалистам как «слишком буржуазным».

Но дело хуже. Ведь игнорируется не только советский опыт осмысления бедности и ее преодоления, полученный в рамках нашей собственной культуры, но и столь уважаемый реформаторами «опыт цивилизованных стран», то есть Запада. Например, в США имеется большой фонд диссертаций, посвященных исследованию бедности в разных странах и культурах, а также методологии изучения этой проблемы, конкретному опыту программ борьбы с бедностью. Никакого выхода в российское «интеллектуальное пространство» это знание не имеет. Попробуйте назвать хотя бы одну книгу на русском языке, где ясно и сжато были бы изложены современные научные представления о бедности. Таких книг не видно. Если не ошибаюсь, нет даже перевода знаменитой книги А. Сена «Политэкономия голода» — а ведь она удостоена Нобелевской премии, чего же еще надо нашим интеллектуалам-реформаторам! В работах, посвященных бедности, российские социологи первым делом ссылаются на издания Всемирного банка, например, на такие книги: «Бед-

---

¹ archipelag.ru/text/n49.htm

ность в России: Государственная политика и реакция населения». Вашингтон: Институт экономического развития Всемирного банка (ред. Дж. Кругман). 1997; «Обратить реформы на благо всех и каждого. Бедность и неравенство в странах Европы и Центральной Азии». Вашингтон: Всемирный банк. 2001. Но издания этой организации, на которой лежит значительная доля интеллектуальной ответственности за бедность в зависимых странах мира, предельно идеологизированы — как же их можно брать за путеводную нить!

Есть большая международная организация католической церкви «Caritas». Она ведет исключительно широкие и глубокие исследования бедности — во всех ее разрезах. Мне удалось поработать в библиотеке этой организации в Испании и почитать отчеты ее исследовательских групп. Это исключительно важный для нас материал — не в качестве рецептов, а как урок долгого осмысления и изучения проблемы бедности в конкретной культуре. Руководство этой организации подарило для работы в России целую коллекцию выпущенных под ее эгидой научных трудов и отчетов. Но никакого интереса к современному знанию по проблеме бедности, накопленному в этой организации, в России не проявили ни государственные, ни научные, ни общественные организации. Не было интереса и к опыту Индии, изучаемому российскими востоковедами.

Например, Российский гуманитарный научный фонд год за годом отказывал даже в небольших грантах на то, чтобы ввести эти обобщенные сведения в научный оборот в России и начать отечественные методологические работы в этой области. Эксперты РГНФ не голодают! Но ведь и оригинальных исследований РГНФ не финансировал.

Происходит следующее. Примерно половина населения России терпит бедствие в результате утраты доступа к самым элементарным условиям существования. По сути, половина народа внезапно оказалась в новой, ранее для нее неведомой окружающей среде. Чтобы выжить, требуется срочное получение нового знания, которым эта половина народа не обладает даже в виде хотя бы эмпирического опыта. Повернулась ли наука, теперь управляемая «по-новому мыслящими людьми», к потребностям этих «слоев населения»? Ни в коей мере — ни на одном научном форуме об этом никто даже не заикнулся. Мы видим исключительную ориентацию элиты научной интеллигенции на «платежеспособный спрос», на потребности только имущей части населения. Это действительно радикальный отход от норм и даже идеалов Просвещения. Перед отечественной наукой стоит обще-

национальная проблема огромного значения — и никакого желания ее исследовать методами науки!

Зарубежный опыт не дает нам непосредственных указаний и рецептов, но многое в уже наработанной методологии имеет общее значение, а мы к этому знанию почти не прикоснулись. Возможно, у нас и есть знающие специалисты, но их влияния на мышление власти, элиты и широких кругов интеллигенции не чувствуется.

А ведь для рационального представления проблемы важен уже тот факт, что бедность является *болезнью* общества. Болезнь требуется *лечить*, она не прекращается просто от некоторого улучшения ухода за больным, хотя и это очень важно. Даже такое сравнительно широко известное и отложившееся в памяти проявление бедности, как голод, требует специальных знаний и осторожности для выведения человека из этого состояния. Дайте человеку после длительного голодания просто *поесть* — и это его убьет.

Насколько поверхностно наше обыденное знание о бедности, говорит такой факт, широко освещенный в литературе. Попытки оказания помощи голодающим в разных районах «третьего мира» путем посылки и раздачи продовольствия очень часто кончались неудачей просто потому, что организм долго голодавших людей «не принимал» пищи — их или рвало, или начиналось тяжелое расстройство желудка. Люди, пораженные желудочно-кишечными заболеваниями и гельминтозами, умирали от голода при избытке пищи — она ими не усваивалась. Этих людей надо было лечить, а не просто кормить.

Точно так же значительной части страдающих от бедности людей не поможет формальное увеличение их доходов — у кого-то деньги отнимут окружающие, кто-то их пропьет, кто-то из иррационального страха перед «черным днем» спрячет деньги в тайник. Чтобы эти дополнительные деньги «усваивались», нужно лечить весь социум, в котором обитают бедные.

Более того, английские социологи, изучавшие обедневших жителей рабочих районов с длительной застойной безработицей, отметили у них такое явление, как «потерю рациональности» в обращении с деньгами. Эти люди *разучились* считать и разумно тратить деньги! Получив сумму денег, позволяющую сносно жить, они тратили ее на совершенно нелепые, ненужные вещи или лакомства — и снова впадали в нужду. Такое поведение в прошлом наблюдалось при первых контактах европейцев с жителями колоний, когда последние начинали привыкать к деньгам. Но те «дики» не обладали навыками логического мышления, установления причинно-следственных связей, расчетливостью — у

них был иной тип мышления. Их обращение с деньгами с интересом изучалось, но не вызывало удивления. Однако оказалось, что и бедные англичане впадают в такое состояние. Чтобы вновь превратить их в «рационального потребителя», необходимы усилия по их *реабилитации*. Понимают это российские разработчики программы «сокращения бедности вдвое»?

Еще более важно, что бедность — болезнь многообразная и очень динамичная. В ее развитии имеют место пороговые явления, критические точки и качественные переходы. В России пока что обеднели большинство граждан, так что они друг друга «разумеют». На этом мы пока и держимся. У всех них еще сохранилась данная общим образованием единая культурная основа, один и тот же способ мышления и рассуждения, один и тот же язык слов и образов. Все это сильно подпорчено телевидением, но и подпорчено почти одинаково у всех. Подавляющее большинство наших бедных имеют еще жилье, а в квартире свет, водопровод, отопление, книги на полках. Все это «держит» человека на весьма высоком социальном уровне.

Совсем иное дело — бедность в трущобах большого капиталистического города. Здесь она приобретает новое качество, для определения которого пока что нет подходящего слова в русском языке. Вернее, смысл слова, которым точно переводится на русский язык применяемый на Западе термин, у нас совсем иной. *Бедность* (poverty — *англ.*) в городской трущобе на Западе для большинства быстро превращается в *ничтожество* (misery — *англ.*).

Что же это такое — ничтожество? Это прежде всего бедность неизбывная — когда безымянные общественные силы толкают тебя вниз, не дают перелезть порог. Кажется, чуть-чуть — и ты вылез, и там, за порогом, все оказывается и дешевле, и доступнее, и тебе даже помогают встать на ноги. Мы этого пока еще не знаем, но наши бедные — уже на этом пороге.

В такой ситуации очень быстро иссякают твои собственные силы, и ты теряешь все личные ресурсы, которые необходимы для того, чтобы подняться. У нас мы это видим в среде небольшого контингента опустившихся людей, прежде всего алкоголиков, но это другое дело, они «под наркозом» и не хотят оторваться от бутылки. Ничтожество — это постоянное и тупое желание выбраться из ямы и в то же время неспособность напрячься, это деградация твоей культуры, воли и морали. Вырваться из этого состояния ничтожества можно, только совершив скачок «вниз» — в *антиобщество* трущобы, в иной порядок и иной закон, чаще всего в преступный мир.

Переход людей через барьер, отделяющий бедность от ничто-

жества — важное и для нас малознакомое явление. Если оно приобретет характер массового социального процесса, то вся наша общественная система резко изменится, а наше сознание вообще пока что не освоило переходных процессов. Надо наблюдать и изучать то, что происходит на этой грани, в этом «фазовом переходе». Если понимать сущность нелинейных процессов и пороговых явлений, чувствовать приближение к критической точке, то можно и с небольшими средствами помочь людям *удержаться* в фазе бедности или даже перейти в эту фазу «снизу», из ничтожества.

Но для всего этого нужно произвести беспристрастную инвентаризацию нашего интеллектуального инструментария. И тогда наверняка придется начинать со срочной программы по восстановлению навыков и норм рационального мышления. Как бы неприятно это ни было нашим политическим бонзам.

Методологическое оснащение объявленной борьбы с бедностью.

Как было сказано выше, в нашем обществе бедность является социальной болезнью. Для ее лечения необходим рациональный подход — с установлением диагноза, выяснением причин иотягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то, значит, не может быть и рационального плана ее разрешения. Конечно, когда нет врача с его рациональным научным подходом, можно пойти к знахарю или шаману, попробовать одолеть болезнь заговорами и заклинаниями. Бывает, что это дает психологический эффект и болезнь отступает. Но так бывает редко. Победить бедность без опоры на рациональные методы вряд ли удастся.

В РФ сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать нашу бедность. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной «фотографии» нашей бедности, ее «карты».

В. Глазычев отмечает: «Сколько-нибудь серьезной статистики нищеты в стране нет, и едва ли реалистично выстроить ее силами казенных учреждений, что ставит негосударственные объединения и локальные общественные организации перед весьма серьезным вызовом. Картина различных «субкультур нищеты» не отстроена, хотя ее видовое богатство не является секретом ни для исследователей, ни для ответственных публицистов. Понят-

но, что без картирования явления нельзя выстроить сколько-нибудь действенную политику последовательного сжатия зоны нищеты до социально допустимого минимума»¹.

Методы, применяемые для измерения этого явления, малоинформативны, о чем говорилось выше. Те данные, которые собирает Госкомстат, плохо согласуются с данными ВЦИОМ и бюджетными исследованиями международных научных групп. Критерии исчисления прожиточного минимума и определения «черты бедности» размыты и произвольны, теневые потоки денег, продовольствия и товаров почти не изучаются.

В некоторых отношениях социальное положение в России сегодня хуже, чем представляется западными экспертами и российскими социологами, мыслящими в понятиях западной методологии. Вернее, оно не то чтобы хуже, а находится в совсем ином измерении. Негативные социальные результаты реформ измеряются экспертами в привычных индикаторах. Но положение в России подошло к тем критическим точкам, когда эти индикаторы становятся неадекватными.

Например, при резком социальном расслоении в принципе утрачивают смысл многие средние величины. Так, показатель среднедушевого дохода, вполне информативный для СССР, ни о чем не говорит, ибо доходы разных групп стали просто несоизмеримы. В 1995 г. во всей сумме доходов населения оплата труда составила всего 39,3%, а рента на собственность 44,0% (соотношение 0,89:1). Нормальное для рыночной экономики соотношение совершенно иное (примерно 5:1)².

Ничего не говорят в такой ситуации и средние натурные показатели, например, потребления. В 1995 г. потребление животного масла в России было в два с лишним раза меньше, чем в 1990 г. Продажа мяса и птицы упала за это время с 4,7 млн. т до 2,1 млн. т. Но это снижение было почти целиком сконцентрировано в бедной половине населения. Следовательно, половина граждан России совершенно не потребляла мяса и сливочного масла — как же можно ее «усреднять» с благополучной половиной!

У нас даже не сообщается показатель, которым на Западе обычно сопровождают число тех, кто имеет доходы меньше прожиточного минимума, — величину «пограничного слоя», то есть число тех, кто имеет доходы немного больше прожиточного минимума. А ведь у нас этот слой, судя по всему, очень велик, и

¹ Глазычев В. Культура бедности. www.russ.ru, 31.05.2004.

² Впоследствии Госкомстат РФ пересчитал структуру доходов по какой-то иной, неизвестной методике и привел ее в приличное для цивилизованной страны состояние.

любая очередная кампания власти по потрошению карманов «среднего класса» сбрасывает часть людей из «пограничного слоя» ниже уровня бедности.

Наконец, судя по риторике наших реформаторов, объявивших поход против бедности, они сознательно уходят от вопроса о *глубине* бедности в РФ. Одно дело — жить «ниже уровня бедности», когда тебе не хватает до прожиточного минимума десяти рублей в месяц, и совсем другое — когда тебе не хватает тысячи рублей и ты не можешь на свои доходы купить даже минимального набора продуктов питания. Как те 30 миллионов бедных, с которыми собираются бороться наши неолибералы, распределяются по уровню доходов *внутри* своей социальной группы?

А ведь бедность в РФ углубляется. Чтобы потребление бедной части населения поднять хотя бы до прожиточного минимума, требовалось, согласно данным Госкомстата РФ, до кризиса 1998 г. перераспределить в их пользу в разные годы 3,3 — 3,8% общего объема денежных доходов. Этого не делалось. В настоящее время глубина обеднения, то есть степень удаления доходов от прожиточного минимума, возросла. Если в 1997 г. совокупный дефицит денежного дохода населения с доходами ниже прожиточного минимума составлял 46,3 млрд. руб., то в 1999 г. он вырос до 140,1 млрд., а в 2000 г. составил 194,6 млрд. (5,1% объема всех денежных доходов).

Так какую же бедность будет ликвидировать правительство М. Е. Фрадкова? Кого оно будет подтягивать до «прожиточного минимума плюс 1 рубль»? Поскольку об этом упорно молчат, есть основание полагать, что социальную помощь будут оказывать именно тем, чьи доходы лишь немного ниже этой черты, а остальные пойдут на дно. И это назовут «сокращением бедности»! Теперь у нас большое внимание уделяют экономической эффективности, а эффективность использования государственных средств для помощи тем, кто барахтается чуть ниже прожиточного минимума, несравненно выше, чем при вытягивании людей из глубокой бедности.

Понятно, что ни наше общество, ни сформированное в советское время обществоведение методологически не были готовы к тому, чтобы рационально описать и изучать разрушительные процессы, порожденные «революцией регресса». Но тот факт, что и за двадцать лет этой революции нет никаких импульсов, чтобы развить или хотя бы освоить чужие методы описания и анализа таких объективно существующих теперь в нашем обществе объектов, как бедность, говорит о глубоком поражении рациональности всего нашего культурного слоя. Ведь не только официальное обществоведение реформаторов прячет, как стра-

ус, голову в песок, чтобы не видеть этого порождения реформы. Интеллигенция оппозиции находится примерно в таком же состоянии. Трудно было поверить, что все это происходит наяву, каждое утро хотелось ушипнуть себя за руку и убедиться, что все это во сне. Так и прождали десять лет, пока сон развеется. Теперь надо наверстывать.

Надо полагать, что сейчас, в связи с объявленной «программой борьбы», пробудится интерес к методологии и достигнутым ею главным результатам. Это и станет тем каркасом, на котором будут упорядочены наблюдения отечественных исследователей и политиков. Хорошее введение в проблему дает упомянутая книга П. Элкока «Понимание бедности». Здесь полезно привести выдержки, посвященные двум важным общим проблемам — структурному разделению двух типов бедности, а также резкой нелинейности в динамике обеднения, наличию в этом процессе пороговых явлений, при которых происходит срыв, превращение одного типа бедности в другой. Вероятно, на остроту этих переломных моментов действует культурная специфика того или иного общества, однако в любом случае проблема эта имеет достаточно общий характер и должна быть учтена при рациональном подходе к социальной политике со стороны как власти, так и оппозиции.

Элкок так объясняет суть двух введенных исследователями категорий бедности: «*Абсолютная бедность* считается объективным определением, основанным на представлении о средствах к существованию (subsistence). Средства к существованию — это минимум, необходимый для поддержания жизни, и, следовательно, быть ниже этого уровня означает испытывать абсолютную бедность, поскольку индивиду не хватает средств для поддержания жизни.

Здесь совершенно очевидно противоречие: как же те, кому не на что жить, живут? Теоретики абсолютной бедности отвечают, что они не живут долго; если они недостаточно обеспечены для поддержания существования, они будут голодать или — что более вероятно в такой развитой стране, как Британия, — они будут мерзнуть зимой. И действительно, в Британии каждую зиму значительное число престарелых людей умирают от гипотермии, так как они не могут себе позволить отапливать жилье.

Таким образом, абсолютная бедность противопоставляется *относительной* бедности. Второе понятие более субъективно, поскольку оно однозначно требует чье-либо решения при определении уровня бедности, а чье решение это должно быть — вопрос спорный...

Адам Смит писал по этому поводу: «Я вынужден признать,

что порядочному человеку даже из низших слоев не пристало жить не только без предметов потребления, объективно необходимых для поддержания жизни, но и без соблюдения любого обычая, принятого в его стране: строго говоря, льняная рубашка не является жизненно необходимой, но сегодня порядочный работник не появится на людях без льняной рубашки» (Smith, 1776).

А. Сен обращается к описанной Адамом Смитом «потребности» в льняной рубашке. Он считает, что это высказывание служит основой для абсолютного, а не относительного определения бедности, поскольку Смит описывает отсутствие рубашки как нечто разрушающее достоинство индивида — нечто постыдное. Как Сен утверждает далее, именно это чувство стыда — или отсутствие возможности от него избавиться — делает человека бедным. Средства, необходимые для того, чтобы избежать этой невозможности, в разных обществах разные, а внутри одного общества зависят от условий жизни индивидов; однако отсутствие этой возможности является абсолютным, и именно оно и порождает бедность. Таким образом, бедные имеют особый статус, отличный от статуса просто менее зажиточных людей.

Конечно, Сену непросто определить, что же такое отсутствие возможности. Он пытается связать это с понятием Ролса о социальной справедливости: то, что мы готовы считать справедливым, — это самое низкое положение, которое мы считаем допустимым для себя в условиях существующего социального порядка; те же, кто неспособен достичь такого стандарта, испытывают социальную несправедливость и, следовательно, бедны.

Принятые в «развитых странах», а теперь и в РФ методики исчисления порога бедности через «набор необходимых продуктов питания» и другие подобные подходы с самого начала подвергались острой критике. Элкок пишет: «Голод можно объективно считать бедностью, однако, как уже было сказано, попытки описать набор продуктов, необходимых для его избежания, были полны разногласий. Таким образом, абсолютные определения бедности обязательно требуют привлечения и относительных суждений в случае применения их к любому конкретному обществу; а относительные определения требуют некой абсолютной основы, чтобы отличать их от более общих видов неравенства...

Подходы к определению бедности с точки зрения бюджетных стандартов основываются на попытках составить список необходимых вещей, отсутствие которых можно использовать в качестве порога бедности, опускаться ниже которого людям давать нельзя... Определения с точки зрения бюджетных стандартов

обычно основываются на понятии недельной потребительской корзины».

Такой недельный набор продуктов после долгих изысканий был составлен в Великобритании диетологами. В 1950 г. он включал 10 унций риса за 5,5 пенса, 6 фунтов брюквы за 1 шиллинг 3 пенса, одно яйцо за 3,5 пенса и 0,5 фунта чая за 1 шиллинг 8 пенсов. Автор этого подхода признавал в 1961 г., что это был крайне скудный жизненный стандарт: «Семья, потребляющая продукты по этому списку, никогда не должна тратить ни пенни на билет на поезд или автобус. Эти люди никогда не должны выбираться за город — если не считать пеших прогулок. Они должны никогда не покупать газет даже за полпенни или тратить пенни, чтобы купить билет на популярный концерт; все их покупки должны быть предельно простыми и экономичными».

И профсоюзы, и левые политические партии отвергали такой подход. Элкок рассказывает о таком эпизоде (30-х годов): «Эрнест Бевин [председатель профсоюза докеров] вышел и купил рекомендованный набор продуктов, состоявший из крошечных кусочков ветчины, рыбы и хлеба, и показал их исследователю, спросив, считает ли он достаточным этого для мужчины, который должен целый день перетаскивать тяжелые мешки с зерном».

Попытки найти какие-то объективные, как бы заданные «природой человека» уровень и структуру индивидуальных потребностей несостоятельны в принципе. Они исходят из представления о человеке как изолированном атоме (индивиде), в то время как человек существует только как явление социальное. Его потребности, в том числе «абсолютные», порождены отношениями с другими людьми в данном обществе. Поэтому в реальности бедняки потребляют вовсе не тот перечень «необходимых продуктов», который им предписывают власти.

Как пишет Элкок, «такой подход навязывает неоднозначные и — как показал Бевин — часто безнадежно идеальные представления людей, никогда не живших только на то, что предусматривается такими корзинами. Значит, на практике пользоваться этими корзинами нельзя, поскольку, как выявили исследования Раунтри, они слишком далеки от моделей расходов реальных людей».

Большинство реальных семей, если не все, тратят некоторое количество денег на не-необходимые вещи, такие как алкоголь и табак. Оршански утверждает, что средние расходы на необходимые вещи можно использовать в качестве детерминанты уровня бедности. Она предположила, что люди бедны в случае, если в семейном хозяйстве более 30% бюджета тратится на еду (Orshan-

sky, 1969). Это позволяет вычленить критерий черты бедности, основанный на доходе, при котором возможно приобретение необходимых вещей. И, конечно, водоразделом не обязательно должны быть 30%, а в них должны входить не только расходы на еду. Например, в Канаде используется уровень в 62%, которые уходят на еду, одежду и жилье».

Таким образом, диапазон социально необходимых для человека расходов сверх «минимального набора продуктов» довольно широк. В США бедным считается тот, кто тратит на еду более 30% дохода. Если принять этот критерий, то в РФ за чертой бедности находятся не 30, а все 140 млн. человек. В среднем на питание в РФ в 2001 г. расходовали 52,7% всех расходов семейного бюджета, и даже в самой богатой пятой части (квинтили) населения расходовали на питание 44,1% семейного бюджета. Эта доля снижается очень медленно.

Из этого видно, что как определенный в РФ «уровень бедности» (прожиточный минимум), так и число людей, официально объявленных бедными, есть величины произвольные, имеющие очень небольшую познавательную ценность. В РФ масштабы бедности определяются решением правительства, а не путем изучения реальности. Понизили «прожиточный минимум» — и число бедных уменьшилось. Соответственно, и результаты «борьбы с бедностью», которые мы, возможно, услышим через три или четыре года, будут столь же произвольными и далекими от реальности. Инструменты измерения у наших борцов негодные.

Исследования того, как меняется образ жизни семей по мере снижения их доходов, позволили найти критическую точку, после которой начинается быстрый рост *депривации* (обездоленности) — вытеснения, выпадения человека из общества, его погружения на «дно» («Порог депривации — точка на нисходящей шкале доходов, ниже которой депривация диспропорционально растет по отношению к падению доходов» — Таунсенд, 1979). Элкок пишет: «Точка перехода, таким образом, показывает границу, где при определении расходов выбор вытесняется потребностью — то есть она показывает *порог бедности*. Брэдшоу (Bradshaw et al., 1987) утверждает, что такую точку можно рассчитать для большинства типов семейных хозяйств исходя из расходов на еду, одежду и отопление.

Это позволило Таунсенду рассчитать «показатель депривации», основанный на двенадцати индикаторах, таких как отсутствие холодильника, ни одного проведенного вне дома отпуска за последние двенадцать месяцев, отсутствие завтрака в течение большинства дней недели — все эти индикаторы были тесно связаны с низкими доходами.

На более же абстрактном уровне, считал Таунсенд, здесь и лежит объективное определение относительной бедности; тот факт, что порог, или черта бедности, составлял примерно 140% от пособия SB [Supplementary Benefit — «Дополнительное пособие», на которое живут многие бедные в Великобритании], подтверждает более ранние утверждения Таунсенда и других, что люди, чьи доходы лишь немногим превышают уровень SB, все равно будут жить в бедности в такой богатой стране, как Британия»¹.

Разумеется, изучение методологии не требуется нынешней власти РФ. Бедность в стране возникла и воспроизводится в результате сделанного вполне сознательно выбора — в соответствии с интересами тех социальных групп, которые были движущими силами антисоветского поворота. Бедность — неотъемлемая часть той экономической и социальной политики, которую проводит эта власть, она — необходимый элемент того общественного строя, который эта власть пытается установить.

Но рационализация проблемы, в том числе ознакомление с уже накопленным в мире знанием, необходима для понимания реальности теми из интеллигенции, кто «жизни этой румяна жирные отверг». Пока не развеются иллюзии в сознании действительно демократической интеллигенции, а она не поможет развеять эти иллюзии в массовом сознании, никакого поворота к выходу из кризиса и к восстановлению не разрушительных для общества форм жизнеустройства не произойдет. Чем дольше будет длиться этот неолиберальный геноцид, тем большее число наших соотечественников сожрет бедность.

Глава 39

ОТРЫВ ОТ КУЛЬТУРНОГО ЯДРА И ОТХОД ОТ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В этой книге не ставится задача вскрыть причины глубокой порчи инструментов мышления советской интеллигенции и общего отхода массового сознания от классических принципов рациональности. Это слишком большая задача, и главная трудность в ее постановке и решении как раз и состоит в том, что люди, в методах мышления которых произошел сбой, этого ста-

---

¹ В этой методологии в 1996 г. проведено исследование бедности в Петербурге и небольшом городе Вязники Л. Овчаровой. Очень интересные результаты изложены в цитированном выше труде.

раются не видеть, а если им на это указывают, то они отрицают более или менее агрессивно.

Конечно, если бы у значительной части нашей интеллигенции удалось заронить мысль, что их интеллектуальный арсенал не в полном порядке, это еще само по себе не заставило бы их провести ревизию своего арсенала и заняться его починкой. Процесс зашел так далеко, что осознавшие аномалию своего мышления люди, наоборот, сплотятся и, напротив, совсем откажутся от старых понятий и норм логики. «Нить в прошлое порву, а дальше будь что будет», как пелось в любимой песне демократической молодежи в начале 90-х годов. «Из монотонных будней я тихо уплыву!»

На такой путь и встали западные постмодернисты. Нет для них ни истины, ни логики, ни нравственных норм, а есть самовыражение и «ситуации», которые могут быть «интерпретированы» любым образом, и каждый имеет равное право на существование. Но тут Запад нам точно не пример. Нет у нас экономической базы для такого размягчения мозгов, и, если наша интеллигенция не преодолеет этот соблазн, «мы тихо уплывем» с лица земли. Ясно ведь, что самое первое условие для прекращения нашей смуты и вызванного ею физического вымирания русского народа — это возврат к «богам азбучных истин» и здравому смыслу нашей интеллигенции.

Если бы удалось встряхнуть сознание наших образованных людей и заставить их хоть на момент взглянуть со стороны на тот тип рассуждений, который они приняли в годы перестройки и реформы, то это дало бы шанс на то, что чувство ответственности отгонит наваждение. Шанс, хотя и не гарантию. Но шанс этот велик, много есть признаков, что сознание уже находится в состоянии неустойчивого равновесия. Небольшой толчок — и может начаться цепной процесс, произойдет «обращение фаз», и люди удивятся, как же они могли попасть в это интеллектуальное зазеркалье.

Книга эта и построена как система из множества небольших поводов узнать рассуждения самих себя и своих друзей — и удивиться. Если это запустит коллективный процесс диалога и рефлексии, то и до корня проблемы быстро докопаемся, помогая друг другу. Здесь же предварительно наметим перечень *поверхностных* причин отхода от рациональности, причин-признаков. Вскопать этот верхний слой все равно придется, чтобы затем разбираться в фундаментальных причинах кризиса всей программы Просвещения и в том числе его рациональности.

Отщепление от тела большой культуры. Так бы я назвал первую причину. Любой свод норм рациональности стоит на основании не подвергаемых рациональному анализу ценностей и норм — добра и зла, красоты и безобразия, даже пространства и времени. Это мировоззрение и мироощущение, существенно различные в разных культурах. Культура России многое взяла у европейского Просвещения, но сумела успешно «привить» это на ствол собственного мироощущения. Мы, например, вполне освоили научную рациональность, найдя способ совместить ее с космическим чувством, которое на Западе было вытеснено революционным натиском ньютоновской механической картины мира¹.

Наша интеллигенция, в отличие от остальной части народа, также получала воздействие научной картины мира в ударной, концентрированной дозе. Во многом поэтому в ее среде гораздо больший отклик получили и «вненаучные» компоненты западного мироощущения (например, механистический детерминизм, представление мира, общества и человека как *машин*). Вместе с этими компонентами в сознание проникают и нравственные ценности, в том числе чисто идеологические.

Наличие таких расхождений, сосуществование «субкультур» — нормальное и необходимое явление в сложном развитом обществе. Тем более неизбежно расхождение шкалы ценностей образованного слоя и массы — ведь по-разному видят мир сельская семья и ее городской сын, окончивший университет. Кризис начинается, когда расхождение перерастает в разрыв, а затем и в отщепление — так, что субкультура противопоставляет себя целому, становится ему враждебной, стремится расколоть это целое, а то и сравнить его части между собой.

Сегодня у нас случилось то, что бывало и в крестьянских семьях: сын, окончивший университет (на медные пятаки родителей), порвал с родными, на порог их не пускает и знать не хочет, хотя они в страшной беде. Но когда это становится социальным явлением и горе раскола приходит не в семью, а охватывает большую часть интеллигенции, проблема становится именно общенациональной.

Мы здесь говорим лишь об одной стороне этой беды — отщепившаяся субкультура рвет то множество невидимых нитей, которые связывали ее сознание с культурой и мироощущением целого (*народа*). И оказывается, что рациональность этой отщепившейся части истощается, иссякает и начинает портиться. Без

---

¹ Об этом подробнее написано в моей книжке «Идеология и мать ее наука» (М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2002).

постоянного диалога с телом большой культуры, без общей исторической памяти и общих размышлений о будущем эта даже высокообразованная часть сначала отходит от естественного языка и здравого смысла, от традиционных норм нравственности и красоты, а затем начинает страдать логика и мера. Когда такой интеллигент погружается в искусственный мир объектов своей лаборатории, цеха или конструкторского бюро, это истощение рациональности незаметно (вернее, менее заметно и называется сначала на выполнении «необязательных» функций вроде творчества). Но в отношении общественных проблем, когда рациональность не существует в отрыве от чувств и нравственности, наблюдаются все более и более тяжелые сбои.

Десять лет перестройки и реформы обнаружили небывалый отрыв интеллигенции от основного тела народа во взглядах и установках по множеству важных вопросов. Думаю, это отщепление никем не ожидалось и поразило тех, кто вник в его суть и масштабы. Вспомним поворотный 1989 год. Именно тогда обнаружилось поразительное расхождение между установками интеллигенции и основной массы народа. Отщепление, которое исподволь происходило в течение предыдущих 30 лет. Это отражено в докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады — книге «Есть мнение» (1990).

Сам Ю. А. Левада — сознательный противник советского строя, но он собрал огромный фактический материал, ценный независимо от трактовки социологов-«демократов». Книга важна для нас тем, что, проведя в феврале 1989 г. широкий опрос советских людей в целом (были опрошены 2054 человека в 14 регионах), авторы повторили его через «Литературную газету» (так называемый «пресс-опрос») и получили 190 тыс. заполненных анкет. Это в основном ответы именно интеллигенции. Среди тех, кто ответил через «ЛГ», 68% имеют высшее образование или ученую степень (а в «общем» опросе таких 17%) и всего 1,6% имеют неполное среднее образование (в «общем» опросе таких 32%). Разница двух массивов очевидна.

Авторы делают вывод, который с трудом укладывался в рамки вульгарных «классовых» представлений о советской (рабоче-крестьянской) интеллигенции: «Из всех фиксировавшихся в исследовании социально-демографических, образовательных, профессиональных, имущественных и прочих признаков опрошенных в наибольшей степени дифференцирующим мнения оказался уровень образования» (с. 15).

Надо сказать, что очень схожие (точнее, даже более ярко выраженные) процессы мировоззренческого, а затем и идеологического отрыва интеллигенции происходили и в социалистичес-

ких странах Восточной Европы. К сожалению, мы до сих пор не всмотрелись в это «зеркало» советского общества. В важной книге о том, как вызревали «бархатные революции», сказано: «По наблюдениям польских социологов, именно образование служило детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании. Высокообразованные отличались от остального населения по своему мировоззрению. Можно даже сказать, что все восточноевропейское общество, пройдя путь модернизации, состояло из двух «классов» — имевших высшее образование и не имевших его. Частные собственники начального этапа рыночных преобразований не представляли собой социокультурной общности аналогичной интеллигенции. Более того, как свидетельствуют эмпирические данные, они даже не демонстрировали выраженного предпочтения либеральных ценностей»¹.

Конечно, говоря «интеллигенция», мы говорим о *социальном* явлении, а не о личностях. Ясно, что большинство интеллигенции — патриоты, расхождения возникают в *наполнении* этого понятия, в выборе установок по конкретным вопросам. Да к тому же в 90-е годы вовсе не патриотические ценности отличали наиболее политически активную часть интеллигенции, а ценности космополитические, псевдоуниверсалистские («псевдо» потому, что сам Запад радикально отошел от универсализма Просвещения).

Как же «активные интеллигенты» отвечали на главные вопросы социологов в 1989 — 1990 гг.? Шкала ценностей хорошо отражена в том, что люди считают *важнейшим событием* 1988 года. Интеллигенция назвала совершенно иной набор событий, чем «масса», и *мера* политизированного сознания образованных людей поражает. У людей с образованием до 9 классов первое по значению событие — 1000-летие крещения Руси; у людей со средним образованием — символ гордости СССР, полет корабля «Буран»; у людей с высшим образованием — «снятие лимитов на подписку». Это такой разрыв, такая утеря общего чувства, что можно говорить об образовании духовной пропасти между интеллигенцией и «телом народа». Как же выразилось это расщепление в видении конкретных проблем?

Вот мнение о причине бед советского общества. Интеллигенты резко выделяются «обвинительным» уклоном, массы более умеренны, они как бы в раздумье. В среде читателей «ЛГ» в 3,34 раза чаще, чем в «общем» массиве, называют причиной «вырож-

---

¹ Коровицына Н. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2003.

дение народа». Народ не годится! Вторая причина — «система виновата». Важнейшими истоками наших бед интеллигенция считает «засилье бюрократов», «некомпетентность начальства», «наследие сталинизма» — причины, для массового сознания не так уж существенные.

Хотя грядущие тяготы реформы уже в 1989 г. усилили уравнительные установки массы (при внешнем, «идеологическом» согласии с туманным лозунгом «рынка»), интеллигенция резко выступила против «уравниловки». И ведь при том, что уравниловку в числе трех первых по важности причин кризиса назвали 48,4% интеллигентов, они же проявили удивительную ненависть к «привилегиям начальства» — 64% против 25% в «общем» опросе. Здесь — расщепление сознания, ибо за этой ненавистью к льготам нет никакого демократизма, она соседствует с идеализацией буржуазного общества и неизбежного в нем расслоения по доходам. Н. Амосов, издавший манифест социал-дарвинизма с прославлением безработицы, вышел в число духовных лидеров интеллигенции.

Поражает выходящее за рамки разумного тоталитарное обвинительное отношение к своей стране. В «ЛГ» каждый третий, давший содержательный ответ (против каждого пятнадцатого в «общем» массиве), заявил, что СССР «никому и ни в чем не может быть примером». Если мы учтем, что в «общем» массиве есть 17% интеллигентов, а среди ответивших через «ЛГ» 16% рабочих, и введем поправку, то расхождение значительно увеличится. Не укладывается в голове иррациональность этого отречения от СССР. Неужели большинство интеллигентов забыли жестокую во многих отношениях реальность внешнего мира, хотя бы 20 миллионов детей, умирающих ежегодно от голода, или 100 тысяч убитых «эскадронами смерти» за 80-е годы крестьян маленькой Гватемалы!

Вот А. Адамович едет в Японию и выступает там на тему «Хатынь, Хиросима, Чернобыль». Все эти три явления он, нарушая все разумные критерии подобия, ставит в один ряд как равноположенные. Чернобыль в его трактовке уже не катастрофа, не бедствие, не ошибка — это якобы хладнокровное и запланированное уничтожение советским государством своего народа, «наша Хиросима». Сюда же он пристегивает и Катынь. Допустим, действительно в Катынском лесу были расстреляны пленные польские офицеры¹. Но как представляет эту репрессию А. Адамович

---

¹ Дело это темное и убедительного завершения не получившее. Целый ряд фактов делает признанную Горбачевым версию неправдоподобной. Замечательный логический анализ аргументов обеих сторон дал Ю. И. Мухин в книге «Антироссийская подлость» (М.: Крымский мост-9Д — Форум, 2003).

японцам: «Хатынь — деревня под Минском, где кладбище-мемориал белорусских деревень, сожженных немецкими фашистами вместе с людьми. Люди сгорели заживо, как и в Хиросиме, — больше 100 тысяч... Хатынь и Катынь звучат похоже, да и по сути одно и то же: геноцид»¹. Почему геноцид? Хатынь — часть программы, в ходе которой была уничтожена 1/4 часть населения Белоруссии, вполне подпадает под понятие геноцида, а Катынь — предполагаемый расстрел нескольких тысяч человек — никак геноцидом не назовешь.

Русская революция произошла во многом и потому, что наша культура с ужасом и отвращением отвергла жестокость капиталистического первоначального накопления, культ денег, расизм колонизаторов, то равнодушие, с которым «железная пята» капитализма топтала хрупкие стороны человеческой жизни — на этом отрицании стояла русская литература. Стараясь миновать этот ужас периферийного капитализма, советский народ и строил свое жизнеустройство. И какую же патологическую ненависть это вызывало, оказывается, у существенной части наших уважаемых интеллигентов! Как хитро повернули дело видные марксисты-обществоведы.

Философ А. И. Ракитов признает «ужасы первоначального накопления капитала и бесчеловечной эксплуатации на английских мануфактурах XVIII — первой половины XIX века, описанные Марксом». И далее пишет (еще в самом начале 1991 г.): «Первоначальное накопление капитала действительно жестокий процесс. Но эта жестокость того же рода, как жестокость скальпеля, разрезающего живую ткань, чтобы вырезать гнойник и освободить плоть от страданий. Однако жестокость «первоначального накопления» ни в какое сравнение не идет с циничным надругательством над людьми и обществом эпохи окончательного разграбления, длящегося в нашей стране вот уже 70 лет»².

Какая гадость — назвать работорговлю, геноцид индейцев или опиумные войны в Китае «скальпелем, освобождающим от страданий». И ведь эти люди, заполнившие академический журнал «Вопросы философии» такими рассуждениями, продолжали оставаться уважаемыми членами интеллектуального сообщества.

И так все — любое отрицательное явление нашей жизни доводится в его отрицании до высшей градации абсолютного зла. У людей, которых в течение многих лет бомбардировали та-

¹ *Адамович А. Мы — шестидесятники. М.: Советский писатель, 1991. С. 240.*

² *Ракитов А. И. Философская азбука бизнеса // Вопросы философии. 1991. № 2.*

кими утверждениями, разрушали способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности. В структуре мышления молодого поколения это очень заметно.

Отщепление интеллигенции произошло из-за изменения ее отношения к своей стране, к советскому строю, хотя долгое время это не осознавалось. Видные деятели интеллигенции методически убеждали граждан в негодности всех устоев советского порядка — не делая общего вывода. Я с 1960 г. работал в Академии наук и прекрасно помню все разговоры, которые непрерывно велись в лаборатории, на домашних вечеринках или в походе у костра — оттачивались аргументы против всех существенных черт советского строя. Так и вызревало то, что можно назвать «проектом». Над ним работали в самых разных «нишах» общественного сознания — и ученые, и поэты, и священники.

В построение антисоветского проекта была вовлечена значительная часть интеллигенции, которая в постоянных дебатах совершенствовала тезисы и аргументы, искала выразительные метафоры. Со временем, к концу 70-х годов, в это предприятие было втянуто практически все общество — хотя бы в качестве зрителей и слушателей. Книжки и фильмы с антисоветским подтекстом, теле- и радиопередачи, песни бардов и «фольклорный» черный юмор, шутки КВН и анекдоты — все имело идеологическую антисоветскую нагрузку¹.

Тексты виднейших «шестидесятников» мне пришлось читать уже в 90-е годы, когда они стали выражаться гораздо яснее и полнее. Но все равно, эта уклончивость осталась. И какое-то удивительное принижение всех проблем бытия. Как будто им самим их собственная позиция по главным вопросам казалась предосудительной. Уход от «вечных» вопросов как культурное кредо целого течения. В этом, видимо, был большой смысл.

Поразительно, что сама интеллигенция этого раскола не замечала, да и не замечает. Следовало бы понять, каковы причины этой неспособности интеллигенции к рефлексии, к осмыслению собственных установок. Кое-что сформулировали уже философы в «Вехах». Они видели первую причину в том, что либеральная интеллигенция поразительно нечувствительна к фундаментальным вопросам. Ее ум кипит злобой дня. При том, что образованные люди страстно любят спорить, у нас уже 15 лет нет никакого диалога между противниками по основным вопросам. Даже между близкими людьми. Любой разговор через две фразы

---

¹ Подробнее об этом сказано в моей книге «Антисоветский проект» (М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2003) или во второй части книги «Советская цивилизация».

скатывается к обличению, к жгучим случаям. И это — общее свойство. Даже со «своими» не удастся наладить нормальный для науки, кропотливый разбор фундаментальных вопросов. Ни до чего дойти не удастся, ни одной «теоремы» не сформулировать.

Можно точно сказать, что «принижение» всех проблем и явлений — сознательная политика новых идеологов. С самого начала перестройки все будущие изменения подавались людям как «улучшения», не меняющие основ жизненного уклада. Лишь из специальных работ членов «команды Горбачева» можно было понять масштаб ломки. Сегодня — то же самое. Продают за бесценок Норильский комбинат — тут же всех успокаивает министр: да что вы, какая мелочь, зато из этих денег учителям зарплату выплатят за октябрь. И так — обо всем.

Вторая причина, по которой интеллигенция в массе своей не замечает, что отщепилась от народа, состоит, по-моему, в утрате исторической памяти и нарастающем гуманитарном невежестве. Это надо признать с глубоким сожалением. Из-за этого оказалось возможным внедрить в умы интеллигентов в качестве новых «истин» самую пошлую, доходящую до гротеска ложь.

Возьмем одну сторону советской жизни, которая стала предметом издевательств для либерального интеллигента, — традицию советских органов принимать решения *единогласно*. Фотографии Верховного Совета СССР с единодушно поднятыми руками вызывали хохот. Во, тоталитаризм, ха-ха-ха! То ли дело на Западе — за решение надо бороться, все в поту, и перевес достигается одним-двумя голосами. Ясно, что у них решения гораздо правильнее.

Здесь мы видим прискорбное *невежество* интеллигента. Ведь ритуал голосования выражает главную метафору общества — хоть западного, хоть японского, хоть советского. В одном случае голосование — ритуал конкуренции на политическом рынке. В другом случае — демонстрация единства и подтверждение общей солидарной воли. А компромисс и поиск решения в обоих случаях ищется до ритуальной церемонии голосования.

Ритуал демонстрации единства — древний ритуал, сохраняемый традиционным обществом. Это мы видим и в процедурах голосования в советах директоров японских корпораций, где не жалеют времени и сил на предварительное обсуждение проектов решения, но принимается оно единогласно. Это мы видим и в сохранившихся «примитивных» обществах, изучаемых антропологами.

К. Леви-Стросс пишет в «Структурной антропологии»: «Насколько глубоко могут быть укоренены в сознании установки, совершенно отличные от установок западного мира, безуслов-

ным образом показывают недавние наблюдения в Новой Гвинее, в племени Гауку-Кама. Эти аборигены научились у миссионеров играть в футбол, но вместо того чтобы добиваться победы одной из команд, они продолжают играть до того момента, когда число побед и поражений сравняется. Игра не кончается, как у нас, когда определяется победитель, а кончается, когда с полной уверенностью доказано, что нет проигравшего...

Важно отметить, что почти во всех абсолютно обществах, называемых «примитивными», немислима сама идея принятия решения большинством голосов, поскольку социальная консолидация и доброе взаимопонимание между членами группы считаются более важными, чем любая новация. Поэтому принимаются лишь единодушные решения. Иногда дело доходит до того — и это наблюдается в разных районах мира, — что обсуждение решения предваряется инсценировкой боя, во время которого гасятся старые неприязни. К голосованию приступают лишь тогда, когда освеженная и духовно обновленная группа создала внутри себя условия для гарантированного единогласного вотума»¹.

Говоря о том, что смех при виде советского единогласного вотума был следствием именно невежества нашей интеллигенции, я подчеркиваю, что дело было вовсе не в рациональной установке современного человека, отвергающего нормы традиционного общества. Конечно, такая установка подспудно присутствовала в сознании образованных людей и была действительным мотивом их смеха над нормами Верховного Совета, но эти образованные люди не могли перевести ее в рациональную плоскость, не могли «освоить» ситуацию и найти неразрушительный выход из нее. Осмеяв ритуал, который был продуктом мироощущения большинства их соотечественников, либерально настроенная интеллигенция даже не задумалась над сутью мировоззренческого конфликта — и в результате без всякой необходимости углубила этот конфликт и способствовала его превращению в катастрофу.

Если бы она не была так невежественна и поняла, что речь идет о противоречиях модернизации, что часть общества переросла традиционные нормы и ритуалы, а значительная часть, напротив, этим нормам следует, то назревавший конфликт был бы ликвидирован путем его превращения в нормальную проблему поиска приемлемых способов увеличения культурного разнообразия. Поиска именно приемлемых шагов — без оскорбительного смеха «продвинутых» и всплесков враждебности «агрессивно-

---

¹ *Levi-Strauss C. Antropologia estructural: Mito, sociedad, humanidades. Mexico: Siglo XXI Eds. 1990.*

послушного большинства». Ведь в предыдущий советский период такой поиск непрерывно велся, и вполне успешно — модернизация общества, включая и большие народы Средней Азии, и малые народы Сибири или Северного Кавказа, шла быстро и без тяжелых столкновений.

Погружение в атмосферу гуманитарного невежества проявлялось и в том, что незаметно интеллигенция вообще утратила навык быстрого ознакомления с конкретными проблемами общественного бытия по доступным источникам информации. Неудивительно, что экономисты из «бригады Горбачева» легко могли лгать об избытке тракторов в колхозах или ненужном производстве стали и удобрений. Ведь в ответ на это вранье средний интеллигент не только не заглянул в книгу типа «Структурной антропологии», но и не протянул руку к полке и не посмотрел в самый элементарный справочник. Когда продажные журналисты раздувают «нитратный психоз», готовя общество к полному лишению нашего сельского хозяйства удобрений, это можно понять — «революционная целесообразность». Но ведь в среде интеллигенции этот психоз создавался без всяких затруднений, хотя узнать реальность не составляло никакого труда.

Если бы интеллигенция в массе своей не утратила любознательности и исторической памяти, то в момент, когда господствующее меньшинство предложило ей «вернуться на столбовую дорогу цивилизации», она могла бы быстро произвести в уме простейшее морфологическое сравнение России и Запада и легко увидеть, что речь идет о двух разных типах цивилизации. А значит, она могла бы предвидеть катастрофические последствия попытки имитации Запада. И она бы неизбежно увидела нарастающее отщепление «либерально-западнической» субкультуры от ядра всей культуры России.

Приступ элитарного сознания. Согласно наблюдениям А. Тойнби, элита способна одухотворять большинство, лишь покуда она одухотворена сама. Ее *человечность в отношении большинства* служит залогом и одновременно показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита, по выражению Тойнби, лишается санкции подвластных ей масс. Именно это национальное несчастье случилось за последние десятилетия в России.

Вся перестройка как «демократическая революция» была проведена так, что лозунг демократии был для нее ширмой, маской. Ни о каком служении народу и даже компромиссе с ним и не помышлялось. В целом интеллигенция приняла на себя роль

«просвещенного авангарда», который был готов гнать массу силой (пусть и силой внушения и убеждения), не считаясь ни с какими ее страданиями. К этой массе не было не только уважения или любви — не было даже простого сострадания.

Вот каково представление о большинстве людей у академика Н. М. Амосова, ставшего одним из ведущих духовных авторитетов в среде интеллигенции: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых»¹. Замечу, что представление это совершенно антинаучное, проникнутое самым дремучим социал-дарвинизмом, которым даже англо-американский средний класс переболел уже к концу XIX века.

На глазах у интеллигенции и при ее одобрении реформаторы поступили с населением страны поразительно *безжалостно*. И это культурный слой принял — чуть ли не с одобрением. Даже весьма либеральный академик Г. Арбатов посчитал нужным отмежеваться в 1992 г.: «Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаюсь понравиться МВФ» («Независимая газета», 13.03.1992). Но такие реплики были очень редки, да и очень робки.

Вот пример безжалостности отщепившейся интеллектуальной элиты — отношение к безработице. В середине 1990 г. эксперты правительства Рыжкова прогнозировали на 1991 год высвобождение только в сфере материального производства 15 — 18 миллионов работников. Пропаганду безработицы вели не только интеллектуалы высшего ранга, вроде академика Т. И. Заславской или Н. П. Шмелева, но и на среднем уровне — при благосклонном отношении интеллигенции в целом.

В журнале Академии наук СССР «Социологические исследования» печатались статьи с заголовками такого рода: «Оптимальный уровень безработицы в СССР»². Оптимальный! Наилучший! Что же считает «оптимальным» для нашего народа социолог из Академии наук? Вот его идеал: «Оптимальными следует признать 13%... При 13% можно наименее болезненно войти в следующий период, который, в свою очередь, должен открыть доро-

---

¹ Амосов Н. М. Мое мировоззрение // Вопросы философии. 1992. № 6.

² Давыдов А. А. // СОЦИС. 1990. № 12.

гу к подъему и процветанию» (процветание, по мнению автора, должно было наступить в 1993 г.).

Поскольку речь идет об СССР с его 150 млн. работников, то, переходя от относительных 13% к абсолютному числу личностей, мы получаем, что «наименее болезненным» наш гуманитарий считал выкинуть со шлюпки 20 миллионов человек. Само по себе появление подобных рассуждений на страницах академического журнала — свидетельство моральной деградации нашей гуманитарной интеллигенции. В общественных науках социолог — аналог врача в науке медицинской. Очевидно, что безработица — социальная болезнь, ибо приносит страдания людям. Можно ли представить себе врача, который в стране, где полностью ликвидирован, скажем, туберкулез, предлагал бы рассеять палочки Коха и довести заболеваемость туберкулезом до оптимального уровня в 20 миллионов человек?

Социолог благожелательно ссылается на Милтона Фридмана, который выдвинул теорию «естественного» уровня безработицы: «При снижении уровня безработицы ниже естественного инфляция начинает расти, что пагубно отражается на состоянии экономики. Отсюда делается вывод о необходимости поддержания безработицы на естественном уровне, который определяется в 6%». Шесть процентов — это для США, а нам поклонник Милтона вычислил 13%, которые «необходимо поддерживать».

Мы говорили о масштабах страданий, которые нам предполагали организовать политики с целой ратью своих экономистов и гуманитариев. А какого рода эти страдания, какова их интенсивность? Социолог их прекрасно знает, они регулярно изучаются Всемирной организацией труда, сводка печатается ежегодно. В США, например, рост безработицы на один процент ведет к увеличению числа убийств на 5,7%, самоубийств на 4,1%, заключенных на 4%, пациентов психиатрических больниц на 3,5% (эти данные он сам бесстрастно приводит в своей статье).

Иногда сама элитарная риторика приобретала характер гротеска — образованные люди действительно впадали в социальный расизм и всерьез считали, что человеческое общество делится на «высших» и «низших» (академик Н. Амосов писал «сильные» и «слабые»). О большинстве граждан СССР, а потом РФ, о *трудящихся* говорили «люмпены», «социальные иждивенцы».

Почитаем, как «Известия» описывают жертв убийства — молодой пары, юноши и девушки, в 2002 году: «Ненависть низших по отношению к высшим трансформировалась. Теперь эта злость, выливающаяся в зверства, живет и в поколении 19-летних... Жертвы этого преступления принадлежали к очень влиятельным

семьям. Александр Панаков был внуком председателя совета директоров нефтяной компании ЛУКОЙл...

Они познакомились в «Макдоналдсе». Она собиралась выйти замуж за Сашу и поехать с ним в Гарвард или в Когалым, как он сам решит. Еще ей очень хотелось, чтобы Саша открыл ей небольшой ресторанчик, которым бы она занималась в свое удовольствие... У Саши было классное хобби: дорогие машины. Зимой он ездил на внедорожнике «Лексус», летом — на спортивной «Альфа-Ромео»... «Лексус» — дорогая машина. Новый стоит около 60 тысяч долларов... Дед убитого Валерий Исаакович Грайфер, кроме председательства в совете директоров ЛУКОЙла, является генеральным директором Российской инновационной топливно-энергетической компании РИТЭК... Они — типичная «золотая молодежь», фактически мир им уже почти принадлежал... После этого убийства стало ясно, что российский истеблишмент не в состоянии защитить самое дорогое, что у него есть, — своих детей».

Итак, перед нами портрет тех, кого мы должны считать хозяевами жизни («мир им уже почти принадлежал»). Они, студенты, ездили на машинах, цена которых равна зарплате профессора за 60 лет, и вызывали тем самым зависть «подростков, выросших в Солнцево», которых новые хозяева жизни духовно опустошили и сделали алкоголиками и наркоманами, напичкав к тому же их головы мечтой о долларах и иномарках. И эти два полюса молодежи, сформированные реформой, столкнулись на узенькой дорожке — и совершилось убийство ради внедорожника «Лексус».

Но эта драма трактуется образом, не совместимым ни с рациональностью, ни с этикой — как столкновение высшей и низшей расы: «Ненависть низших по отношению к высшим трансформировалась. Теперь эта злость, выливающаяся в зверства, живет и в поколении 19-летних...»¹ Вчитайтесь только в этот вывод. «Ненависть низших по отношению к высшим»!

Здесь у идеологов «новых русских» сквозит небывалая для России идея правопорядка кастового общества — эта трагедия трактуется как убийство «низшими» представителей высшей касты. И даже требуемой казни убийц придается характер *месты*: «Убиение двух юных влюбленных не может быть не *отмщенным*».

Все мы воспитаны в культуре, которая исключает месть как движущий мотив права. Наказание, отмеренное согласно вине,

---

¹ Это, кстати, неверно, ибо убийцы никакой ненависти к убитым не чувствовали — они просто хотели отнять у них джип и хоть на момент стать *такими же*.

служит трагическим актом власти, предотвращающим новые преступления. В той постановке проблемы смертной казни, которая выводится из убийства юной пары, видна тяга к *архаизации* права — к отказу от права и современного, и традиционного христианского. Тяга к введению норм права языческого, кастового. И это, в отличие от советского права, несущего в себе груз традиций, и от права царской России, означало бы торжество *тирании*. Языческой тирании касты (или расы) *богатых*.

Отношение к большинству общества как *низшим* («совкам») неминуемо ведет и к отходу от тех этических норм Просвещения, которые ранее служили «полицией нравов интеллигенции». Примерами подобного отхода наполнена эта книга (самым типичным является ложь образованного человека, которая не вызывает ни в его душе, ни в окружающей его интеллигентной среде никаких нравственных коллизий).

Особенно это тяжело наблюдать в научной среде. Само зарождение науки как нового способа познания связано с установлением жесткой нормы *беспристрастности*. Надевая на себя тогу ученого, человек обязуется на время освободиться от давления иных интересов и целей, кроме поиска достоверной информации (истины). Конечно, полученное знание затем используется в разных целях, в соответствии с разными интересами и идеалами, но в этом случае уже запрещено опираться при этом на авторитет науки и ссылаться на научные регалии и учреждения. Эта норма была просто отброшена. Н. Амосов, ведя пропаганду безработицы, подчеркивал свою ученость (академик!), А. Д. Сахаров, призывая к разделению СССР на 150 государств, тоже выступал «от науки».

Вот случай мелкий, но очень уж красноречивый. Некто Д. А. Левчик с философского факультета МГУ (!) дает рекомендации власти, как *испоганить* митинги оппозиции. Он это называет «контрмеры с целью ослабления эффекта митинга». Вот что предлагает философ:

« — доказать обществу, что место проведения митинга не «святое», или принизить его «священный» статус, например, перезахоронить тело Ленина, тем самым понизить статус Красной площади в глазах ленинцев;

— доказать, что дата проведения митинга — не мемориальная, например, развернуть в средствах массовой информации пропаганду теорий о том, что большевистская революция произошла либо раньше 7 ноября, либо позже;

— наконец, можно просто нарушить иерархию митинга или демонстрации, определив маршрут шествия таким образом, чтобы его возглавили не «главные соратники героя», а «профа-

ны». Например, создать ситуацию, когда митинг памяти жертв обороны Дома Советов возглавит Союз акционеров МММ.

Другими словами, профанация процедуры и дегероизация места и времени митинга вместо митинговой эйфории создает смехотворную ситуацию, в условиях которой возможна вовсе не мобилизация участников митинга, а их дезорганизация. Катализатором профанации митинга может стать какая-нибудь «шутовская» партия, типа «любителей пива». Например, в 1991 г. так называемое Общество дураков (г. Самара) профанировало Первомайский митинг ветеранов КПСС, возложив к памятнику Ленина венок с надписью: «В.И. Ленину от дураков». Произошло столкновение «дураков» с ветеранами Компартии. Митинг был сорван, а точнее, превращен в хэппенинг»¹.

Ведь это подло и противно — неужели этого не видят на философском факультете МГУ и в редакции журнала «Социологические исследования»?

Антигосударственность и русофобия. Для всей риторики перестройки и реформы, которая была принята и одобрена очень большой частью интеллигенции, было присуще демонстративно оскорбительное отношение к воле, предпочтениям, пусть даже предрассудкам большинства населения.

Вплоть до той мягкой коррекции, которая была предпринята при В. В. Путине, интеллектуальные СМИ проповедовали крайний *антиэтатизм* — неприязнь и даже ненависть к государству. Поначалу многим казалось, что речь идет лишь о советском государстве, но уже в 1991 г. стало ясно, что «монстром» оказалась государственность вообще и особенно *державное* российское (советское) государство. При этом было хорошо известно, что антидержавная риторика оскорбляет большинство граждан.

В уже упомянутой книге «Есть мнение» на основании многостороннего анализа ответов делается вывод, что «державное сознание в той или иной мере присуще подавляющей массе населения страны, и не только русскоязычного» (державное сознание, по оценкам ВЦИОМ, было характерно для 82 — 90% советских людей).

Главный редактор журнала «Искусство кино» Д. Б. Дондурей так иллюстрирует разрыв между установками творческой интеллигенции (работников киноискусства) и массовым сознанием: «Рейтинг фильмов, снятых в ельцинскую эпоху, т.е. после 1991 г., у советских граждан в 10 — 15 раз ниже, чем у выпущенных под

---

¹ Левчик Д. А. Митинг как форма предвыборной борьбы // СОЦИС. 1995. № 11.

эгидой отдела пропаганды ЦК КПСС. Как следствие этого, отмечается падение посещаемости кинотеатров (за последние пять лет — в 20 раз; в Москве сейчас заполняются три кресла из каждой 100)... Созданная нашими режиссерами вторая реальность массовой публикой отвергается. Интеллигенция творит в ситуации практически полной свободы. Нет не только варварского идеологического давления, но и, в обход всеобщим lamentациям, экономического диктата рынка. С 1988 г. кинематографисты живут в условиях обретенного наконец самозаказа. Снимают то, о чем мечтали десятки лет. Единственным цензором нынешнего кинопроизводства являются сами профессиональные стереотипы творческой интеллигенции... Наши зрители сопротивляются той тысяче игровых лент «не для всех» (многозначительная рубрика НТВ), которые были подготовлены в 90-е годы»¹.

Д. Б. Дондурей приводит содержание аннотаций годовой кинопродукции — 45 фильмов — и называет одну из причин отвращения к ним массового зрителя: «Почти во всех без исключения современных фильмах государственные институты в лице носителей их функций интерпретированы резко негативно».

Исполнено презрения и отношение непосредственно к людям — поначалу советским, теперь жителям РФ. Директор ВЦИОМ Ю. Левада в статье для «Новой газеты», выложенной в Интернете, излагает общую установку либеральной интеллигенции в отношении типичного человека нашей страны: «Главные особенности «человека советского» когда-то описывались одним точным выражением — «лукавый раб» (Т. Заславская): бесправный, покорный, но себе на уме, умеет обманывать судьбу и начальство, обходить любой закон. Исследования и опыт последнего времени показывают, что в этом отношении человек не слишком изменился».

Не скрывали наши прорыночные философы и своей неприязни к Отечественным войнам России, которые стали символическими событиями нашей истории и опорой национального сознания русских. В. Мильдон в «Вопросах философии» пишет: «Дважды в истории Россия проникала в Западную Европу силой — в 1813 и в 1944 — 1945 гг., и оба раза одна душа отторгла другую. В наши дни Россия впервые может войти в Европу, осознанно и безвозвратно отказавшись от силы как средства, не принесшего никаких результатов, кроме недоверия, озлоблен-

---

¹ Дондурей Д. Б. О конструктивной роли мифотворчества // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 275.

ности и усугублявшегося вследствие этого отторжения двух душ»¹.

Итак, две Отечественные войны, которые пришлось выдерживать России и завершить победой, по мнению частого автора «Вопросов философии», не принесли никаких результатов, кроме крайне отрицательных. Сохранение независимости страны, сохранение народа, против которого Гитлер объявил войну на уничтожение, никакой ценности для В. Мильдона не представляют. И такую позицию интеллектуальное сообщество философов, которое группируется вокруг этого журнала, вполне благосклонно принимает. Оно просто не замечает, что между ним и подавляющим большинством наших граждан образовалась пропасть.

Если говорили идеологи либеральной реформы об экономике России (не только в ее советской форме), то подыскивали самые оскорбительные выражения (например, «ублюдочная соборная экономика»). И постоянно пережевывала наша элитарная интеллигенция одну примитивную мысль — что в течение многих веков у русских вследствие «отклонения от столбовой дороги» не могло быть ни нравственности, ни интеллектуального развития, ни трудовой этики. Читаешь вроде бы нормальный текст на какую-то тему, а по нему разбросаны как бы невзначай утверждения, отвергающие сам статус нашего образа жизни как *культуры*.

Вот уважаемый нашей гуманитарной интеллигенцией философ (его называли «грузинским Сократом») Мераб Мамардашвили объясняет французскому коллеге якобы предусмотренный Провидением крах России: «Живое существо может родиться уродом; и точно так же бывают неудавшиеся истории. Это не должно нас шокировать. Вообразите себе, к примеру, некоторую ветвь биологической эволюции — живые существа рождаются, действуют, живут своей жизнью, — но мы-то, сторонние наблюдатели, знаем, что эволюционное движение не идет больше через эту ветвь. Она может быть достаточно велика, может включать несколько порой весьма многочисленных видов животных, — но с точки зрения эволюции это мертвая ветвь. Почему же в социальном плане нас должно возмущать представление о некоем пространстве, пусть и достаточно большом, которое оказалось выключенным из эволюционного развития?»

На русской истории, повторяю, лежит печать невероятной инертности, и эта инертность была отмечена в начале XIX века единственным обладателем автономного философского мышле-

---

¹ Мильдон В. «Земля» и «небо» исторического сознания // Вопросы философии. 1992. № 5.

ния в России — Чаадаевым. Он констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение... По-моему, Просвещение и Евангелие (ибо эти вещи взаимосвязанные) совершенно необходимы... Любой жест, любое человеческое действие в русском культурном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России»¹.

Каков тоталитаризм антирусского мышления! В России, видишь ли, *любое* человеческое действие, *любой* жест мерзки. Какая глупость поперла из всей этой публики, как только отменили партийную цензуру! Но ведь им аплодировала масса образованных людей — вот в чем наша беда.

Связь между разрушением религиозного чувства и уходом от рациональности. Лишь на первый взгляд этот довод не кажется уместным в отношении советской интеллигенции, воспитанной в атеистическом обществе. Атеизм советского общества выражался в отделенности большинства людей от церкви, от религии как организованной веры в Бога. В то же время, как подчеркивали многие и русские, и зарубежные мыслители, в советских людях сохранилось и даже укрепилось то, что богословы называют *естественным религиозным органом*, — ощущение святости мира, человека, многих общественных отношений и институтов (например, армии, государства). Эта «атеистическая религиозность», вера в высшие смыслы, делала советского человека равнодушным к суевериям, оккультизму, обскурантизму и пр.

Согласно наблюдениям А. Тойнби над кризисами цивилизаций, верным симптомом духовной деградации господствующего меньшинства является утрата ощущения «высшего смысла» и сдвиг его мирозерцания к суевериям («суеверное отношение к тварным реальностям»). Этот тип мироощущения Тойнби называет «идолатрией».

Больше всего сейчас бросается в глаза разоженная рыночной реформой «идолатрия денег» как прямой отход от высшего смысла и суеверное отношение к «тварным реальностям» (вспомним восклицание Бродского, которое так понравилось рыночным интеллектуалам). Но под этим идолопоклонством — разрушение религиозного органа. Все мы видели, как происходил срыв нашего общества, и прежде всего образованного слоя, в суеверия и оккультизм. Массовыми тиражами стали печататься книги Блаватской, телевизионный экран заполнили астрологи и

---

¹ Мамардашвили М. К. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбауэн) // Вопросы философии. 1992. № 4.

прорицатели, образованные люди перепечатаывают и изучают гороскопы — и все это входит как постоянная часть в их сознание.

Этому сдвигу были посвящены и конкретные исследования. Одна из таких работ под названием «Мировоззрение населения России после перестройки: религиозность, политические, культурные и моральные установки» была проведена в 1990 — 1992 гг. под руководством С. Б. Филатова с участием видных социологов и культурологов (например, Д. Е. Фурмана, тогда директора Центра политических исследований Горбачев-фонда). Научный отчет по этому исследованию был доступен, части его публиковались в журнале «Свободная мысль». Вот некоторые выводы из работы, подтвержденные массой таблиц:

«Показателен повышенный интерес к нетрадиционным формам религиозности новой группы нашего общества — коммерсантов и бизнесменов. Среди них наиболее высока доля людей с ярко выраженным неопределенным, эклектичным паранаучным и парарелигиозным мировоззрением. Именно в этой социально очень активной группе самое большое число верящих не в Бога, а в сверхъестественные силы — 20%»¹.

И далее: «Как и в исследовании 1991 г., наиболее прорыночной группой населения проявили себя «верящие в сверхъестественные силы». Эти оккультисты — основная мировоззренческая социальная база борцов с коммунистическим государством — и сейчас чаще других выступают за распад СНГ и Российской Федерации».

«Новые русские» — это люди активного молодого возраста с высоким образовательным уровнем. Авторы исследования пишут: «Опросы 1990 — 1991 г. показывали, что наиболее вовлеченная в массовую политическую борьбу и наиболее радикально-демократическая группа — верящие не в Бога, а в сверхъестественные силы, 24% из них поддерживали «Демократическую Россию», что намного превосходило и верующих, и атеистов». И еще: «Вера в НЛО, снежного человека, телепатию сильно связана с ценностями первого периода радикально-демократического движения — антикоммунизмом, желанием похоронить СССР, приоритетом прав человека и рынка».

И в этом мы видим отщепление от массы. Большинство граждан РФ переживали развал СССР как горе, а крушение советской идеологии пытались компенсировать возвратом к традици-

---

¹ Доля лиц с высшим образованием среди предпринимателей превышает 80%. Большинство предпринимателей (по данным фонда «Общественное мнение» — 71%) являются интеллигентами во втором поколении (т. е. их отец имел высшее образование) и только 21% вышли из рабочих семей.

онным для нашей страны религиям (прежде всего Православию)¹. А наиболее радикально-демократическая и прорыночная часть образованного слоя заняла крайне антисоветскую позицию и стала верить не в Бога, а в телепатию и снежного человека.

Международное измерение нашей болезни. Отщепление интеллигенции от советского народа произошло не только в самом СССР. Это явление *всеобщее*. При этом и сам советский народ мы можем рассматривать как модельный объект всеобщего характера. Начиная с 1917 г. к его становлению, развитию и судьбе было приковано внимание всего мира, так что отношение к нему во всех культурах приобрело черты экзистенциального выбора. Именно здесь — корни и глубокой любви к советскому народу, и не менее глубокой ненависти, которые наблюдались в мире в течение полувека².

Почему же такое равнодушие? Потому, что воплощение советского проекта давало новый смысл всеобщим, фундаментальным вопросам бытия — вопросам, от которых господствующее меньшинство Запада, уповающее на технологии манипуляции сознанием, старается отвлечь людей. Советский народ воплотил важные черты всех народов, которые пытались избежать участи быть загнанными в зону периферийного глобального капитализма или стремились освободиться от этой участи. А это более 80% населения Земли. Советский проект означал *альтернативу*. Как писал в 1925 г. из СССР Дж. М. Кейнс, «чувствуется, что здесь — лаборатория жизни».

---

¹ Надо сказать, что и официальное нагнетание православия также несет на себе отпечаток идолатрии, наносящей религии немалый вред. Это просто бросается в глаза. Американская журналистка М. Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, пишет: «По дороге в аэропорт Москва подарила мне прощальный, но впечатляющий образ лжи, которым проникнуто все их так называемое «обновление»: кумачовые плакаты с лозунгом «Христос воистину воскрес!». Сперва думаешь, что перед тобой какая-то новая форма атеистического богохульства...» («Век XX и мир». 1991. № 6).

² Любовь к советскому народу приобретала квазирелигиозные черты. В 1984 г., накануне мощной операции «холодной войны» против СССР, я подружился в Мексике с профессором университета. Он, предвидя опасность временного поражения СССР, спрашивал с надеждой, запущен ли в космос на длительное хранение большой банк генов советских людей. По роду своего образования он не должен был бы смешивать культурные черты с биологическими структурами генов, но на всякий случай не оставлял надежды на то, что человечество сможет «извлечь» из наших генов материал, необходимый для спасения цивилизации.

Даже само утверждение, что *альтернатива возможна*, облада-ет огромной освободительной силой. Поэтому СССР, воплощав-ший это утверждение в наглядной практике, вызывал у «хозяев мира» ненависть. Менее открытые и менее универсальные ана-логичные проекты такой ненависти не вызывают (примером может служить китайский проект, особенно после того, как КНР намеренно резко сократила мессианскую деятельность в «тре-тьем мире»¹).

Отношение к советскому проекту и советскому народу для интеллигента в любой стране означало его позицию именно по фундаментальным проблемам бытия. А значит, его позицию и по отношению к своему народу и его судьбе. Отщепление от со-ветского народа для западного интеллигента было признаком важного сдвига в его взглядах на универсальные вопросы — при-знаком отхода от универсализма Просвещения и заодно от его рациональности к постмодернизму.

Вспомним ход событий в этом процессе «отщепления». Мож-но считать, что в начале XX века мировоззренческим основани-ем установок «мировой интеллигенции» были гуманистические представления Просвещения². Она испытала тяжелый кризис во время Первой мировой войны, но воспрянули с новой надеждой после выхода в 20-е годы на мировую арену СССР. Интеллиген-ция не только стала социальной базой для повсеместного воз-никновения коммунистических партий, но и была движущей силой ориентации рабочего движения в социал-демократи-ческом русле. Более того, интерес (и во многих отношениях участие) к советскому народу интеллигенция и Запада, и Вос-тока проявляла независимо от злободневных политических по-зиций.

Во время Второй мировой войны симпатии к советскому на-роду усилились, но после начала «холодной войны» Запада поло-жение стало постепенно меняться. Движение борьбы за мир, символическими фигурами которого были лидеры интеллиген-ции старшего поколения, стало последней большой акцией «про-

---

¹ Для сравнения можно привести Кубу. Почему к ней такой при-стальный интерес и такая ненависть? Почему обыватели и политики так равнодушны к маленькому острову, хотя не смогут назвать имени президента Бразилии? Из Кубы исходит надежда на *иное*, а из Бразилии не исходит.

² Здесь под «мировой интеллигенцией» можно грубо принять про-слойку людей, получивших высшее образование европейского типа. Уже это объединяло их в невидимую всемирную «республику» (подоб-ную «республике ученых» во времена Просвещения).

советской западной интеллигенции». Молодежное движение интеллигенции 1968 г. уже имело сильный антисоветский оттенок — СССР ставился на одну доску с США как «сверхдержава». Но наиболее красноречивым был антисоветский поворот *еврокоммунистов*. Интеллигенция «неприсоединившихся» стран была еврокоммунистами расколота и находилась в замешательстве.

Почему это произошло? Почему начиная с 60-х годов даже левая интеллигенция Запада, по инерции восхищавшаяся Лениным, Великой Октябрьской революцией и успехами СССР в космосе, все больший интерес и большие симпатии обращала именно ко всему *антисоветскому* в жизни советского общества? Бурные аплодисменты Горбачеву были лишь кульминацией этого процесса, но начался-то он за двадцать лет до перестройки.

По своим масштабам этот процесс был социальным, а не личностным — антисоветский поворот совершила значительная часть интеллигенции в целом и большая часть интеллигенции элитарной. Даже те, что остались верны идеалам советского проекта (или даже были *сталинистами*), в основном отвергали как раз то, что составляло сущность советского строя, а не его деформацию по сравнению с некой «правильной» моделью. Достаточно упомянуть *уравниловку*, о которой практически нельзя было услышать доброго слова от западного интеллигента.

В рамках социально-философских учений Запада, сложившихся до войны и по инерции доживших до конца 50-х годов (например, кейнсианства), еще признавалась возможность сосуществования западного цивилизационного проекта с советским. Но затем традиционные социал-демократия и либерализм были вытеснены жесткой идеологией *неолиберализма*. СССР стал «империей зла», и уже не было речи ни о мирном сосуществовании, ни о «конвергенции», война шла только на уничтожение. Политические установки неолиберализма мировая интеллигенция принимала нехотя или, на словах, даже отвергала. Но это несущественно — она стала терпимо относиться к его социально-философским установкам, прежде всего к его представлению о человеке и обществе. Свертывание структур социал-демократического «социального государства» происходило на Западе при нейтралитете, а начиная с 80-х годов и при явном сотрудничестве левой интеллигенции.

Почти общепризнанным стало утверждение, что правые и не смогли бы демонтировать социальное государство — главную роль в этом должны были сыграть именно социал-демократичес-

кие режимы и поддержка еврокоммунистов. Неолиберальные реформы в Европе проводились социалистом Миттераном, социал-демократами ФРГ и Испании и даже бывшими коммунистами Италии. Но главное, в мышлении и языке интеллигенции произошел сдвиг от гуманистических универсалистских идеалов Просвещения к социал-дарвинизму и евроцентризму, которые подготовили почву для принятия нынешней концепции глобализации.

Чтобы совершился такой поворот, была необходима большая и неосознаваемая причина — общий социальный интерес. Ведь сегодня самоанализ бывших левых, даже самых радикальных, поражает. Красноречиво выступил в Москве в конце 1999 г. французский философ Андре Глюксманн, который в 1968 г. был ультралевым, одним из активных участников студенческой революции. Он признал, что сейчас не смог бы подписаться под лозунгами протеста против войны США во Вьетнаме. Иными словами, он в своем антисоветизме дошел до осознания того принципиального факта, что, будучи последовательным, он должен отвергнуть любую борьбу незападных народов за свою независимость от Запада. А все эти крики про сталинизм, репрессии и подавление пражской весны — искусственная истерика в поисках приличного повода для разрыва.

Реальная же причина этого разрыва в том, что западные левые осознали наконец, что главный источник благосостояния всего их общества заключается в эксплуатации «юга». Осознав это, они были обязаны сделать свой выбор. И выбор их заключался в консолидации Запада как цитадели «золотого миллиарда», поэтому «холодная война» все больше осознавалась западными левыми как война цивилизаций, а не идеологий. В этой войне они стали помогать «своей» цивилизации победить главного философского, экзистенциального противника — советскую цивилизацию. А уж «внутри» своей цитадели они оставшимися принципами не поступаются — так и остаются левыми, обличают капитализм и собирают пожертвования — карандаши и ластики — для детей Кубы и Никарагуа.

И все же, помимо социального интереса, была у интеллигенции и идеальная причина, вступившая в кооперативное взаимодействие с интересом, — пессимизм, разочарование в людях. Исследователь фашизма Л. Люкс замечает: «Именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес

самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов».

Федотов мог это писать потому, что наблюдал этот элитарный антигуманизм, это презрение к простонародью, к «нетворческому большинству» у образованной элиты России в начале XX века и особенно в ходе русской революции. Но оптимизм революции его заглушил (и «отправил в эмиграцию»), а на Западе для него уже была благодатная почва.

Л. Люкс пишет: «После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интеллигенции — всеобщего равенства, и для марксистского идеала — пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в «капиталистической Европе» межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций. Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано прежде всего у национал-социалистов с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились на более низкой ступени выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип»¹.

Начиная с 60-х годов происходило сближение, духовное и социальное, нашей элитарной интеллигенции с интеллектуальной элитой Запада. С некоторым отставанием взгляды западной элиты просачивались и укоренялись в сознании нашей интеллигенции. Перестройка ускорила этот процесс с помощью мощного воздействия идеологической машины, а также административных и финансовых рычагов. Стало выгодно и престижно быть антигуманистом и презирать «люмпена-совка».

Закрывается ли пропасть? От того, как восприняли и осмыслили опыт последних 15 лет масса носителей нашей культуры и отщепившаяся от этой массы интеллигенция, в огромной степени зависит ход восстановления рационального сознания.

---

¹ Люкс Л. Коммунистические теоретики о фашизме: озарения и просчеты. ПОЛИС. 1991. № 4. С. 74 — 85.

ния и созревание проекта выхода из кризиса. У нашего общества «другой интеллигенции нет», и вырастить ее достаточно быстро было бы невозможно, даже если гипотетически представить себе, что без предварительной починки сознания мы каким-то образом обрели государство и общество, ставящие себе такую задачу.

Таким образом, наше спасение как целостной независимой страны возможно лишь через восстановление общего культурного ядра, общего языка, мироощущения и типа мышления. Идет ли такое восстановление или продолжается расхождение между массой и отщепившейся частью интеллигенции? Систематических исследований, которые бы дали хорошую эмпирическую базу для ответа, пока нет. Приходится опираться на отрывочные данные и во многом интуитивные оценки. Из них возникает такая картина.

Прежде всего, к середине 90-х годов общим для «социологов перестройки» стало мнение, что большинство граждан РФ, независимо от того, насколько они смогли приспособиться к новой социальной и культурной реальности, *мировоззренчески* отрицают пафос этой реальности (вектор реформ). Та траектория, по которой страна развивалась до рыночной реформы, считается большинством более правильной.

Вот оценки советского и нового строя по интегральному, бытийному критерию — возможности *счастья*. В мае 1996 г. были опрошены 2405 человек. Им был задан вопрос: «Когда было больше счастья: до перестройки, в конце 70-х годов, или в наши дни?». Ответили, что «до перестройки», 68% людей с низкими доходами, 55% со средними и 44% с высокими. Но даже среди богатых меньше тех, кто видит в нынешней жизни возможность счастья, — их всего 32%¹. И это показатель, который при нынешнем антисоветском строе не будет расти — для большинства жизнь будет все более ухудшаться.

А вот что сказала активный антисоветский идеолог академик Т. И. Заславская в главном докладе на международной конференции «Россия в поисках будущего» в октябре 1995 г.: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что «дела идут в правильном направлении», в то время как по мнению 2/3, «события ведут нас в тупик». Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора

---

¹ Информационный бюллетень «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». М.: ВЦИОМ. 1996, № 4.

предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить, как сейчас, предпочел бы один из шести»¹.

Эти выводы подтверждаются и зарубежными социологами. По их данным, определенно антисоветскую позицию занимает в РФ очень небольшое меньшинство. В начале 1996 г. ВЦИОМ по заказу французского университета и на деньги иностранного фонда провел опрос жителей трех областей (включая областные центры), в котором выяснялось отношение к советскому прошлому. Хотя по результатам выборов в Государственную думу (декабрь 1995 г.) эти области сильно различались, отношение к советскому строю было на удивление сходным. Явно антисоветским был выбор такого варианта оценки советского периода: «Это были тяжелые и бесполезные годы». Такой вариант выбрали 6% в Ленинградской области, 5% в Красноярском крае и 5% в Воронежской области². Таков размер социальной базы убежденного антисоветизма в РФ, если брать общие оценки и установки.

Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран — СССР и Восточной Европы является программа «Барометры новых демократий». В России с 1993 г. работает в рамках совместного исследовательского проекта «Новый российский барометр» большая группа зарубежных социологов. В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 г. сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе»³. Оценки новой политической системы еще хуже, чем экономической.

Однако и изучение более конкретных элементов культуры приводит к таким же выводам. В 1994 — 1995 гг. тем же коллективом социологов было проведено повторное, после 1990 года, большое исследование *ценностей массового сознания* граждан РФ. Всего было получено 2480 подробных интервью, каждое длилось не менее полутора часов. 14 базовых ценностей были представлены в виде 22 пар суждений, взятых из повседневной жизни.

Первый вывод, который делает автор, — «факт определенной

---

¹ Заславская Т. И. Россия в поисках будущего. // СОЦИС. 1996. № 3.

² Информационный бюллетень «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». М.: ВЦИОМ, 1996. № 2.

³ Роуз Р., Харпфер Кр. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1996, № 4.

устойчивости отношения россиян к базовым ценностям, которые были основным предметом изучения. Как и в 1990 г., четыре года спустя респондентам были предложены те же 44 ценностных суждения — в тех же самых формулировках и в той же последовательности. Поразительно, но факт: несмотря на потрясения, через которые прошел каждый россиянин в 1991 — 1993 гг., принципиальное отношение к этим суждениям — согласие или несогласие с ними, одобрение или отрицание их ценностного содержания — осталось почти неизменным!»¹

Далее автор применяет несколько уклончивые категории: «В полной мере испытав на себе в 1991 — 1993 гг. последствия целого потока лживых обещаний и возмездий за них, многие россияне предпочитают ныне настойчивое стремление к правде, независимо от обстоятельств». В чем же выражается «правда» — вот главный результат исследования. Авторы дают такие формулировки:

— «Убеждение, что смысл жизни не в том, чтобы улучшать собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода».

— «Традиционная уверенность, что поскольку Родина у человека одна, то нехорошо покидать ее по своему усмотрению».

— «Почти религиозная надежда, что, хотя человеку свойственно разное, все-таки он по своей природе добр»².

«Уже в 1990 г. было зафиксировано, что самой острой является альтернатива между нравственностью и политической властью: «спокойная совесть и душевная гармония» или «власть, возможность оказывать влияние на других». Тогда 75% респондентов высказались в пользу спокойной совести и лишь 8% — в пользу власти (остальные заняли промежуточную позицию). В 1994 г. это соотношение сохранилось: 80% против 16% (последняя цифра удвоилась за счет уменьшения числа колеблющихся)».

Судя по приведенным выше главным эмпирическим фактам, никакой существенной «модернизации» и ухода от системы ценностей традиционного советского общества в середине 90-х годов не обнаружено.

---

¹ Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // СОЦИС. 1996. № 5.

² Это, пожалуй, самый важный для нашей темы вывод. В нем отражена антропологическая установка, отвергающая идущий от Гоббса постулат реформы, согласно которому человек по своей природе эгоист и эксплуататор. Большинство граждан РФ отвергают социал-дарвинизм, в соблазн которого во время перестройки впал образованный слой.

Второй важный вывод этого исследования состоит в том, что граждане потеряли доверие к политическим силам, проводящим реформу: «Налицо сохранение и обострение нравственно-политической альтернативы, разделяющей большую часть граждан нашего общества. Это проявляется в резком (в несколько раз) падении доверия россиян ко всем властям и политическим партиям и движениям, что зафиксировано во многих исследованиях. Новые институты власти все более обнаруживали себя как квазидемократические». Последний реверанс в сторону демократии имеет ритуальный характер. Потеря доверия была вызвана тем, что «ведут не туда», а не тем, при помощи каких процедур это делают власти.

Да и исследования, проведенные ВЦИОМ под руководством самого Ю. А. Левады, раз за разом подтверждали, что главные ориентации граждан РФ в ходе реформы не менялись, а, скорее, укреплялись. Вот в 1994 г. было проведено повторное исследование — в 1989 г. в РСФСР были опрошены 1325 человек, в 1994 г. в РФ — 2957 человек в различных регионах. В докладе о нем Ю. А. Левада сообщает, что в списке значительных для нашей страны событий XX в. «введение многопартийных выборов» занимало в 1994 г. последнее место (3%). Для сравнения скажем, что полет Гагарина отметили в числе важнейших событий 32% опрошенных. Более того, в 1994 г. уже преобладает мнение, что многопартийные выборы принесли России *больше вреда, чем пользы*. Такого мнения придерживались 33% опрошенных (29% ответили, что «больше пользы»). За то, что распад СССР принес России больше вреда, чем пользы, высказались 75% (8% ответили, что «распад СССР принес больше пользы»). В разгар перестройки, в 1989 г. 31% опрошенных отметили репрессии 30-х годов в числе важнейших событий XX века (что все же меньше, чем в отношении полета Гагарина — 33%), а в 1994 г. такое значение репрессиям придали 18%¹.

И, наконец, заключительный доклад об этом исследовании; в апреле 2004 г. Ю. А. Левада говорит: «Работа, которую мы начали делать 15 лет назад, — проект под названием «Человек советский» — последовательность эмпирических опросных исследований, повторяя примерно один и тот же набор вопросов раз в пять лет. Мы это сделали в 1989-м, 1994-м, 1999-м и в прошлом, 2003 году... Было у нас предположение, что жизнь ломается

---

¹ Левада Ю. А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989 — 1994 // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 218 — 229.

круто. Что мы, как страна, как общество, вступаем в совершенно новую реальность, и человек у нас становится иным... Оказалось, что это наивно... Скорее, как только человека освободили, он бросился назад, даже не к вчерашнему, а к позавчерашнему дню. Он стал традиционным, он стал представлять собой человека допетровского, а не просто досоветского... И с этого времени мы начали думать, что, собственно, человек, которого мы условно обозвали «советским», никуда от нас не делся... И люди нам, кстати, отвечали и сейчас отвечают, что они то ли постоянно, то ли иногда чувствуют себя людьми советскими. И рамки мышления, желаний, интересов почти не выходят за те рамки, которые были даже не в конце, а где-нибудь в середине последней советской фазы. У нас сейчас половина людей говорит, что лучше было бы ничего не трогать, не приходил бы никакой злодей Горбачев, и жили бы и жили»¹.

Итак, «советский человек никуда от нас не делся». Более того, в тяжелых условиях он становится «более советским», чем в благополучное советское время. Культурное ядро нашего общества выдержало удар перестройки и реформы. А значит, то меньшинство, которое отщепилось от этого ядра и продолжает в душе и мыслях двигаться по пути, проложенному перестройкой и реформой, отдаляется от основного тела культуры все дальше и дальше. И прежде всего речь идет о части интеллигенции.

Очень показательна безымянная реплика, высказанная после доклада Ю. А. Левады: «Я много лет работаю на телевидении и занимаюсь там аналитикой и социологией. И столько же времени я пытаюсь понять, что они смотрят. Наверное, самая четкая метка — это отношение телезрителей к старому советскому кино. После каких-либо резких взломов интерес к советскому кино повышается. А сам процесс идет в общем-то непрерывно. Его можно назвать откатом к «советскому человеку»... Единственное кино, которое не привлекает массовую аудиторию, — это интеллигентское кино 60 — 80-х годов, для примера приведу «Осенний марафон».

Чем дальше в историю, тем больше кино становится востребованным. Кино 30-х годов, предостепельные фильмы, фильмы о секретарях горкомов и райкомов и фильмы начала 80-х годов, самого неинтеллигентского плана, они находят все большую аудиторию. Казалось бы, город Москва, где социальные процессы шли более остро, так вот — в Москве старое кино любят люди с

---

¹ Стенограмма этой лекции, прочитанной в клубе «Полит.ру», представлена на Интернет-сайте этой организации.

высоким уровнем образования и люди молодые. Любят больше, чем кино интеллигентское. Это значит, что во многом наш человек, в данном случае — московский, а в регионах, я думаю, еще в большей степени, становится все более советским».

Тот факт, что в Москве «люди с высоким уровнем образования и люди молодые» теперь «любят старое советское кино больше, чем кино интеллигентское», говорит о том, что и основная масса интеллигенции остановилась в своем движении по пути «перестройки и реформы». Ее тянет обратно, к культурному ядру нашего общества. Соблазн отщепенства утрачивает силу. Пока что мы находимся в состоянии неустойчивого равновесия. Чем раньше мы соберемся с духом и преодолеем временный разрыв, тем с меньшими травмами мы выйдем из кризиса.

Заключение

Над этой книгой пришлось долго работать и долго обсуждать по частям. Читатель с научным типом мышления удивится ее строению — зачем такое количество частных примеров? Это слишком нарушает принципы построения научных текстов. Речь в книге идет об отходе от норм рациональности? Следовало бы разбить проявления этого процесса на четко различающиеся классы, дать определение каждому классу, проиллюстрировать одним-двумя примерами, а уж весь «Монблан фактов» читатель пусть сам упаковывает в предложенную ему классификацию.

Так не получилось. Возможно, где-то есть уже приемлемая теория того, что мы наблюдаем вокруг себя, но я такой теории не встретил. Нет теории — нет и хорошей классификации. Лучше уж начать с самого начала, подобно тому как дают «незамкнутое» определение малоизученным и плохо понимаемым явлениям — через перечисление содержательных примеров этого явления в разных обстоятельствах. Чем больше примеров, тем лучше ухватывается суть, хотя еще и нет того знания, когда масса примеров могла бы быть заменена краткой формулировкой этой сути.

Вторая причина этого вынужденного «перехода качества в количество», точнее, другая грань первой причины, заключается в том, что и читатель находится далеко не в лучшем положении, чем автор. Это можно было заметить при обсуждении кусков книги. Люди, читающие подобные книги, в большинстве своем перестали мыслить *классами*. Окружающее рассыпалось в нашем сознании на мозаику уникальных фактов, явлений, личностей. Да и сами элементы мозаики изменяются, как в калейдоскопе. Был Горбачев всеобщим любимцем — через год от одного его вида всех с души воротит. Болтун, предатель и т.п. Что же вы раньше смотрели? Проходит немного времени — буквально то же самое случается с народным заступником Ельциным. Пьяница, мизантроп, обманщик. Да ведь он таким и был, как можно было этого не заметить!

Как при таком состоянии умов восстановить жесткие нормы рассуждений, говорить формулами, оперировать емкими поня-

тиями вектора, класса, критерия оптимизации? Один из подходов — идти к этому постепенно, искать новую матрицу элементов и связей сознания на ощупь. Прекрасно, если бы появился молодой гений, который мог бы сразу выложить такую матрицу. Но, боюсь, мы не доросли до того, чтобы такого гения заметить. Будем хотя бы готовить для него благоприятную почву. Точнее, будем нащупывать эту матрицу, перебирая и разглядывая элементы реальности (примеры).

Еще один довод в оправдание такого кропотливости я вижу в том, что накатившая на нас напасть, вопреки ощущениям первых лет, оказалась вовсе не такой рыхлой и хаотической. Казалось, что это туман, в котором мы заблудились, как ежик. Но это ближе к тому каменному шару в фильме «Репетиция оркестра», который проломил стену, влетел и повис в воздухе в зале, где настраивали свои инструменты музыканты, утратившие между собой нравственную связность. Шар был угрозой и *предупреждением*. Дирижер сказал музыкантам, что ответить на это они могут только тем, что будут безупречно играть — как оркестр.

То, что накатило на нас в форме тумана, уже осознано многими как угроза. Но еще не видно, что это — плотное тело и это предупреждение. Иными словами, угроза неумолимая. Ощупывая частицы этого тела, мощно и тупо ударившего по нашему сознанию, приходишь к выводу, что они тесно переплетены между собой, но слабо дифференцированы. Их трудно разделить на классы. Каждая частица своеобразна, но принадлежит одновременно ко многим классам. В таком положении каждый из примеров, взятых из разных кусочков реальности, что-то говорит о других ее кусочках, о целом. Так мы можем, даже не имея теории, убедиться в наличии этого целого и что-то сказать о его природе, подойдя «снизу» — перебирая множество содержательно разных примеров «вроде бы» одного класса и в то же время поворачивая разными сторонами один и тот же пример, чтобы увидеть его как выражение «разных классов», средоточие общих свойств целого.

Мы переживаем момент плохо осознанного и плохо оформленного социального противостояния. Оно выражается и в политическом противостоянии (оформленном не намного лучше, чем социальное). В этих условиях почти любое высказывание по общественным проблемам имеет политическую направленность. Глупо пытаться имитировать нейтралитет. Но в этой книге мое политическое неприятие рыночной реформы не было важным мотивом для ее написания. И вовсе не политическими пристрастиями вызван тот факт, что подавляющее большинство отобран-

ных для книги примеров поражения рационального сознания — это слова и дела идеологов и политиков, проводящих эту реформу, а также их приверженцев.

Причина такого перекоса прежде всего в том, что слова и открытые решения власти (и, шире, «реформаторов») у людей на слуху. Их знают и обсуждают, они отложились в множестве текстов, они имеют свои историю и последствия. На них и надо учиться, этот материал доступен людям и у всех вызывает интерес. Влияние оппозиции на судьбы людей пока что потенциально, а не злободневно, ее голос многим не слышен. Как учебный материал «для всех» рассуждения оппозиции не подходят, да и целостного «дискурса» у нее пока не сложилось — в отличие от реформаторов, которые вырастали на интеллигентских кухнях и в эмиграции начиная с 60-х годов.

Конечно, для самой оппозиции уже был бы очень полезен хладнокровный анализ произведенных в ее лоне текстов и утверждений, но полезен, скорее, для внутреннего употребления. С этой работой можно потерпеть — многому оппозиция может научиться и на примере рассуждений реформаторов, по своему типу ошибки для всех нас общие, независимо от политических позиций.

Надо, однако, мимоходом сказать, что в среде оппозиции в гораздо большей степени, нежели в элите реформаторов, сохранились здравый смысл, связность рассуждений, логика и умение применять меру. Причина известна — именно на платформе здравого смысла и собралась оппозиция, а вовсе не на основе уровня доходов или верности учению Маркса и Энгельса (хотя и такая когорта в рядах оппозиции есть). Оппозиция в гораздо меньшей степени, чем либеральная часть общества, поддалась влиянию евроцентризма с его мифами и рваной логикой, в гораздо большей степени следует традициям и духу русской культуры. Это защитный пояс сознания. Наконец, в среде оппозиции по сравнению с приверженцами рыночных реформ гораздо больше тех, кто занимается физическим трудом и живет в постоянном контакте с людьми физического труда. Здесь сознание более устойчиво и более *просвещенно*.

В общем, нелогичные и неразумные рассуждения реформаторов, министров и даже президентов выставлены в книге на обозрение вовсе не для того, чтобы обвинить или уязвить этих людей и их приверженцев. Независимо от отношения лично к этим людям их суждения и высказывания приведены как учебный материал, на котором надо поразмышлять всем нам. Помрачение сознания — наша общая беда, в этом я совершенно

уверен. Более того, после иссякания советских запасов эта беда все сильнее начнет наваливаться на тех, кто сегодня, как ему кажется, летит на гребне успеха. Анализ своих собственных рассуждений им был бы на пользу. Если учебные примеры сопровождаются упреками или слишком уж язвительными комментариями, так это было неизбежно. Каждый такой пример, когда его отбираешь для книги, будит тяжелые воспоминания, порой открывает в памяти цепь событий, которые привели к тяжелейшим последствиям. Язвительность — жест вежливости, даже примирения. Настоящие комментарии остались за текстом.

Но не только как учебное пособие по витающей в воздухе дисциплине готовилась эта книга. Она виделась как подведение итога, черты под историческим периодом. В трудный момент сомнений и духовного кризиса наша интеллигенция оказалась не состоятельна. Она не выполнила своей обязанности — вводить поток массового сознания в рамки разумных умозаключений, она не дала людям примера спокойных рассуждений, применения ясных понятий и надежной меры. Напротив, она стала лидером регресса, отхода от рациональности. Это надо признать как общую беду всего народа. Признать — и подвести черту. Надо жить дальше! И вопрос нашей жизни или угасания в очень большой степени зависит от того, как быстро наша интеллигенция восстановит свои навыки и починит свои интеллектуальные инструменты. Как говорится, «другой интеллигенции у нас нет». Точнее, нет образованного слоя, который нес бы в себе мироощущение интеллигенции, со всеми его прекрасными и темными сторонами.

На мой взгляд, важнейшая сегодня задача интеллигенции — выяснить, что же произошло с общественным сознанием за последние 30 лет и в каком направлении развивается это сознание на нынешнем этапе реформы. Найти слабое место нашей культуры и способ укрепить его. Мы имеем перед собой явление, для понимания которого надо будет в конце концов выйти на новый теоретический уровень общественнознания. И все это нам придется делать самим, находясь не в лучшей интеллектуальной форме.

Пока что мы не имеем хорошей методологической базы, чтобы осмыслить нынешний регресс в общественном сознании. И нашему истмату, и либерализму был присущ унаследованный от XIX века *прогрессизм* — вера в то, что под влиянием противоречий жизнеспособные системы развиваются в направлении их улучшения. Это один из предрассудков, за которым стоит именно идеализм, вера в существование какой-то высшей благой воли. Процессы регресса, ухудшения, деградации были просто

исключены из рассмотрения, и о них мы имели очень слабое представление. И понятия, и теории для описания и предвидения таких процессов нам надо выстраивать самим, классики их нам не оставили.

Браться за эту работу придется тем, кто отверг реформу или разочаровался в ней, — от «победителей», сидящих на тающей льдине, этого ждать не приходится, они боятся сами себе во многом признаться. Они действительно в плохом состоянии. Мы даже не можем себе представить, чтобы собралась, например, конференция экспертов нынешнего правительства по теме «Аграрная политика в условиях деградации почвы и разрушения материально-технической базы сельского хозяйства». Экономисты реформаторов не желают браться за такие проблемы.

Бытие восстанавливает сознание. Мы не можем, думаю, ожидать общего духовного порыва, как сто лет назад. Но мы сможем договориться о приемлемом и возможном будущем и найти разумные компромиссы для возрождения главных устоев жизнеустройства, хотя бы для того, чтобы окреп и пришел в себя народ. Тогда, думаю, появятся силы и большие идеи для прорыва, для ухода и от хищной потребительской мечты, и от мешанской ползучей утопии на высокий уровень развития.

Процесс восстановления сознания шел бы гораздо быстрее, если бы под разрозненные усилия небольших ячеек мысли была подведена организационно-интеллектуальная база. Она необходима, чтобы часть старой интеллигенции, не отступившая от рациональности Просвещения, успела передать тем молодым, которые пока еще на подходе, свой опыт и плоды размышлений. Задача эта трудная и противоречивая. В XX веке действительно обнаружилось поражение проекта Просвещения на ряде важнейших направлений. Возник сильный соблазн отбросить весь его багаж, появились глубокие, во многих отношениях ценные книги под заглавием типа «Поминки по Просвещению».

И перед нами встает вопрос — годится ли для нашего выхода из кризиса аппарат рационального мышления интеллигенции, основы которого заложены европейским Просвещением? Ведь именно этот аппарат дал сбой, о котором идет речь в этой книге. Да, мы настолько сжились со структурами рациональности Просвещения, что просто не замечаем их, не думаем о них, «не ремонтируем». Они нам уже кажутся не интеллектуальными конструкциями, созданными в конкретный исторический момент, содержащими множество сомнительных допущений и постулатов, несущих на себе ограничения, наложенные уровнем знаний того момента и т.д. Они нам кажутся чем-то «естественным»,

данным выше. Между тем новое научное знание и тяжелый опыт кризисов, революций и войн XX века показали, что многие положения и инструменты этой рациональности неверны или негодны. Но мы не заменяли этих «блоков» и не укрепляли их.

Пересматривать и отвергать то, что тебе кажется естественным и даже очевидным, — болезненная операция. Многие уходят от нее в фундаментализм, уповают на «возврат к истокам». Кто-то «чистит себя» под молодым Лениным, кто-то ищет истины у Столыпина или Троцкого, кто-то впал в неолиберализм. Другие, напротив, сдвигаются к релятивизации ценностей, в том числе ценностей рационального мышления. Результат этой интеллектуальной и духовной капитуляции иногда называют постмодерном. В условиях нашего кризиса, однако, этот сдвиг сводится просто к антимодерну, анти-Просвещению, утрате рациональности.

Разумный и ответственный выбор для интеллигенции я вижу в том, чтобы пройти именно по краю пропасти и, основательно обновляя построенную Просвещением рациональность, не скатиться ни в этот «постмодерн», ни в фундаментализм. Творческий потенциал того интеллектуального хаоса, который создает постмодерн, вообще сомнителен. В условиях же нашего нынешнего кризиса этот хаос просто парализует всякую конструктивную мысль и оставит общество без систем координат, пресечет любую возможность выработки проекта приемлемого жизненного устройства.

Не вдаваясь в аргументацию, которой посвящена большая литература, скажу коротко, что шансов преодолеть катастрофу на пути неолиберальной реформы (неважно, «по Чубайсу» или «по Грефу») мы не имеем. Деиндустриализация не прекращается, хотя и появляются анклавы «дополняющей» периферийной экономики. Под анестезией нефтедолларов продолжается и изъятие из РФ жизненно важных ресурсов, так что в недалекой перспективе существенное сокращение населения (с потерей территорий) станет на этом пути неизбежным. Пережить период массовых отказов изношенной технологической инфраструктуры и тем более консолидировать общество для проекта восстановления можно лишь на основе солидарных принципов жизнеустройства — *при условии господства рационального мышления и расчета*. Восстанавливать это условие жизни страны и должна прежде всего интеллигенция.

Какие силы будут поддерживать или отвергать эту работу?

Сегодня в еще большей степени, нежели в начале XX века, большой социальный проект выхода из исторической ловушки не может вырваться и осуществиться в рамках тоталитарной доктрины. Действовать будут *союзы* и *коалиции* групп и течений, причем союзы более разнородные, чем сто лет назад, — нет тотализирующего учения и идеологии типа марксизма.

Антонио Грамши развивал представление о таких союзах, в которых могут вестись широкие социальные проекты, в концепции «*исторических блоков*». Исторических потому, что это союзы сил, несовместимых по ряду важных положений. То есть эти силы не могут слиться, соединиться, но могут образовать союз для совместной борьбы за определенные, исторически ограниченные цели. Например, для борьбы против фашизма (в виде Народного фронта) или предотвращения социальной катастрофы¹.

Как видится наше недавнее прошлое и нынешний момент с этой точки зрения? Составим модель, выбрав лишь главное. В годы перестройки возник краткосрочный исторический блок, целью которого было изменение многих сторон советского жизнеустройства. Массивные социальные силы в этом блоке не желали смены общественного строя. Напротив, небольшие, но организованные и обладающие ресурсами группы уже предполагали изменить социальный порядок (хотя, скорее всего, не надеялись продвинуться так далеко). Гегемонию в этом процессе завоевали именно эти «антисоветские» группы, и их интеллектуальные силы на время объединились на антисоветской основе, имея в других вопросах несовместимые установки. Шаг за шагом ведущие антисоветские силы меняли идеологические лозунги — вплоть до их полного обращения. От «Больше социализма!» до «Долой социализм!» и от «Вся власть Советам!» до «Долой советскую власть!».

Выход из возникшего кризиса возможен только через создание исторического блока всех сил, которые принимают *фундаментальные принципы солидарного жизнеустройства* — при взаимном договоре о моратории на взаимную борьбу по вторичным вопросам. Реально это был бы блок той трети общества, которая сегодня тяготеет к вектору КПРФ, с третьей общества, состоящей

---

¹ Продолжая эту мысль, можно сказать, например, что у коммунистов и христиан есть очень большие возможности для образования исторического блока, но попытка их соединения в одну партию с единой мировоззренческой основой была бы губительна и для одной, и для другой стороны.

из «демократов», отпавших от Горбачева и Ельцина. В эту категорию входят в основном интеллигенция и молодежь. Назовем условно такой исторический блок союзом «красных и демократов».

Союз с демократами («разрушителями СССР») необходим не от безвыходности, он предлагается не скрепя сердце. Демократы, бывшие мотором (но не управляющей системой) перестройки, исходили из необходимости обновления советского строя и придания ему нового качества, которое бы позволило СССР пережить общий кризис индустриализма. Хотя люди этого типа подавлены результатами перестройки и реформы, в них сохранился потенциал обновления и творчества. Напротив, «красные и патриоты», что борются с реформаторами «в отступлении», обладают исключительной стойкостью, которая буквально спасла страну в 90-е годы. Творческий потенциал этой стойкостью подавлен.

Таким образом, блок «красных и демократов» приобретает характер дееспособной политической силы, обладающей обоими необходимыми качествами — устойчивостью и динамичностью. Только такой блок может выработать проект «грамшианской революции» — революции в сознании, — без которой уже невозможно спасение. К такому блоку подтянется и основная масса «политичной» интеллигенции, которая сегодня по чисто житейским соображениям трется около «Единой России». Предлагавшийся в начале 90-х годов блок «красных и белых» был ошибочной идеей. Те, кто условно назвал себя «белыми», являются принципиальными и консервативными противниками советского проекта. Они, носители гибрида либерального и одновременно сословного сознания, отвергали советский строй и за идею социальной справедливости, и за идею модернизации и развития.

Противников такого блока можно подразделить на два типа: противников по *интересу* и по *идеалам*. Из группового интереса против восстановления структур солидарного общества будут бороться небольшие по численности группы «новых собственников» и коррумпированной номенклатуры (в том числе и часть «номенклатуры оппозиции» как части новой номенклатурно-сословной системы). Из идейных соображений — те «левые», от троцкистов до социал-демократов, что считали советский строй надругательством над марксизмом, а также те, для которых «преходящие дефекты» советского строя имели фундаментальное значение, а фундаментальные основания — вторичное (типа активистов общества «Мемориал»). Конечно, есть и малая влиятельная группа, у которой интересы и идеалы открыто совпада-

ют, — та, для которой Россия в принципе является враждебной культурой и ценна только как источник ресурсов разного рода. Однако реформа «съела» аргументы этой группы, которыми она воздействовала на массовое сознание.

С этой мыслью я начинал работу над этой книгой. В ходе работы эта мысль укрепилась, но одновременно обнаружились и большие трудности в ее осуществлении. Идейный раскол между разными частями интеллигенции оказался глубже, чем предполагалось, и по мере развития кризиса возникают новые трещины. Однако вырастает новое поколение образованных людей, для которых обиды и взаимная непримиримость, расколовшие советскую интеллигенцию, уже стали предметом истории далеко не первой важности. Есть надежда на то, что воля молодежи к жизни и ответственность стариков станут достаточно сильным цементом, чтобы склеить критическую массу нашей рассыпанной интеллигенции и соединить ее усилия в общем деле.

Автор выражает благодарность всем тем, кто прочитал эту книгу или отдельные ее разделы в рукописи, сделал замечания, указал на полезные материалы и данные для книги, дал ей свою оценку.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава 1</i> ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ: ОТХОД ОТ НОРМ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ	15
<i>Глава 2</i> СКЛОННОСТЬ К ГИПОСТАЗИРОВАНИЮ	35
<i>Глава 3</i> УЧЕБНЫЕ ПРИМЕРЫ ГИПОСТАЗИРОВАНИЯ: СВОБОДА, ДЕМОКРАТИЯ, ГЛАСНОСТЬ	45
<i>Глава 4</i> УЧЕБНЫЕ ПРИМЕРЫ ГИПОСТАЗИРОВАНИЯ: ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ	70
<i>Глава 5</i> НЕКОГЕРЕНТНОСТЬ РАССУЖДЕНИЙ И УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ	81
<i>Глава 6</i> УЧЕБНЫЙ ПРИМЕР: НЕКОГЕРЕНТНОСТЬ РАССУЖДЕНИЙ ТРУДЯЩИХСЯ	111
<i>Глава 7</i> УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ КЛИКУШЕСТВО ЭЛИТЫ ...	124
<i>Глава 8</i> СДВИГ ОТ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ К АУТИСТИЧЕСКОМУ ...	140
<i>Глава 9</i> АУТИСТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ..	170
<i>Глава 10</i> ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМЫ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АУТИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	183
<i>Глава 11</i> УЧЕБНАЯ ЗАДАЧА: РАЦИОНАЛИЗМ, АУТИЗМ И КРИТИКА «КРАСНОГО ПАТРИОТИЗМА»	197
<i>Глава 12</i> УХОД ОТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ	208
<i>Глава 13</i> АНТИРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПРОГРАММЫ ПОДРЫВА КУЛЬТУРНЫХ УСТОЕВ	241

<i>Глава 14</i>	
СКЛОННОСТЬ К МИФОТВОРЧЕСТВУ	265
<i>Глава 15</i>	
РАЗРУШЕНИЕ МЕРЫ	285
<i>Глава 16</i>	
ЛОЖНАЯ МЕРА	301
<i>Глава 17</i>	
НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ	312
<i>Глава 18</i>	
КАЧЕСТВЕННАЯ МЕРА	337
<i>Глава 19</i>	
РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ «ИНСТРУМЕНТОВ МЕРЫ»	341
<i>Глава 20</i>	
УТРАТА НАВЫКОВ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА. КГБ: ЧТО ВЫПЛЕСНУЛИ С ГРЯЗНОЙ ВОДОЙ	355
<i>Глава 21</i>	
СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НАУКИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА	368
<i>Глава 22</i>	
ЛЬГОТЫ И ИХ ФУНКЦИИ В СЛОЖНОМ ОБЩЕСТВЕ	388
<i>Глава 23</i>	
УТРАТА СПОСОБНОСТИ К РЕФЛЕКСИИ	394
<i>Глава 24</i>	
УГАСАНИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ИМИТАЦИЯ	409
<i>Глава 25</i>	
УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ: «ИРОНИЯ СУДЬБЫ» ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА, ИЛИ ОБРАЗ ИНТЕЛЛИГЕНТА БЕЗ РЕФЛЕКСИИ	433
<i>Глава 26</i>	
УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ: ВОСПОМИНАНИЕ БЕЗ РЕФЛЕКСИИ	438
<i>Глава 27</i>	
МЫШЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ПОДДЕРЖКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ	453
<i>Глава 28</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА: ВИД С УРОВНЯ ЗДРАВООСМЫСЛА ..	464
<i>Глава 29</i>	
ФАНТОМ «НОРМАЛЬНОЙ» ЭКОНОМИКИ И МИРАЖ «МАГИСТРАЛЬНОГО ПУТИ»	504

Глава 30

ПОКЛОНЕНИЕ ИДОЛУ КОНКУРЕНЦИИ	511
------------------------------------	-----

Глава 31

ВСТУПЛЕНИЕ В ВТО: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ОБОСНОВАНИЯ	525
--	-----

Глава 32

УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ. МИФОТВОРЧЕСТВО И РАЗРУШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ: МИФ ОБ ИЗБЫТКЕ СТАЛИ В СССР ..	542
---	-----

Глава 33

ПОДРЫВ НЕСУЩИХ КОНСТРУКЦИЙ ХОЗЯЙСТВА: ЭНЕРГЕТИКА	562
--	-----

Глава 34

МИФ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В СССР	571
---	-----

Глава 35

ПРИВАТИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РФ	580
--	-----

Глава 36

ПОДДЕРЖКА РЫНОЧНОЙ РЕФОРМЫ В РФ: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ С ЗАПАДА.....	599
--	-----

Глава 37

РЕФОРМА И ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ОТСТУПЛЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ	617
---	-----

Глава 38

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ	642
--------------------------	-----

Глава 39

ОТРЫВ ОТ КУЛЬТУРНОГО ЯДРА И ОТХОД ОТ РАЦИОНАЛЬНОСТИ	693
---	-----

Заключение	724
------------------	-----

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

ПОТЕРЯННЫЙ РАЗУМ

Ответственный редактор *С. Маршаков*

Художественный редактор *А. Новиков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Г. Клочкова*

Корректор *Г. Киселева*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 28.06.2005.

Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 38,64. Уч.-изд. л. 48,1.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ 6827.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Тяжелый кризис в России выразился в глубоком поражении общественного сознания. Отход от норм логического мышления стал одной из важнейших общенациональных проблем.

В новой книге известного политолога дается классификация дефектов мышления и их проявлений при трактовке главных проблем, стоящих перед обществом. В вопросе о путях преодоления этого кризиса автор придерживается взгляда, что «починка» сознания пойдет не через сдвиг к постмодернизму, а через восстановление методов и норм мышления, выработанных Просвещением с их необходимой модернизацией, но без отрыва от главного ствола рациональности Нового времени.

ISBN 5-699-09895-X

9 785699 098958 >